

ISSN
2949-1150 online
2071-8284 print

ВЕСТНИК

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

2024

№ 2 (102)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 2 (102) апрель – июнь 2024 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 2 (102) April – June, 2024

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 2 (102) апрель – июнь 2024 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 03 марта 2023 г.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК при Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов, А. Н. Великих, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет 29.06.2024 г. Формат 60 × 84/8. Объём 43,25 усл. п. л.

© «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», 2024.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 2 (102) April – June, 2024

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: Russian Federation, foreign countries.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii». The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (El No. FS77-84786 of 03 March 2023).

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov, A. N. Velikikh, L. M. Bukina.

Address of editorial and publisher: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Date of publishing 29.06.2024. Format 60 × 84/8. Volume 43,25 nom. p.p.

© «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii», 2024.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Буцакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)
Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)
Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)
Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)
Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)
Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)
Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)
Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)
Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)
Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)
Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)
Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)
Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)
Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)
Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)
Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Алексеева Т. А.</i> У истоков конституционной юстиции в Испании (Суд конституционных гарантий в республиканской Испании)	10
<i>Астафичев П. А.</i> Судебная реформа Александра II и ее историко-правовое значение для российского конституционного строя	24
<i>Грибунов О. П., Тумурова А. Т., Степанова Е. Е.</i> Особенности организации и деятельности судов и адвокатуры в Иркутской губернии в 20-х годах XX века	33
<i>Грошевая В. К.</i> От свержения монархии до установления Советской республики: трансформация государственно-правовой системы Украины в 1917–1921 годах	43
<i>Кордобовская К. Е.</i> Правовой инфантилизм (опыт теоретико-правового анализа социюридического феномена)	55
<i>Лапова Е. С.</i> Становление службы Министерства внутренних дел по связям с общественностью как субъекта формирования правовой культуры российского общества	69

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Бавсун И. Г., Еремин Э. В.</i> Органы внутренних дел в механизме стратегического планирования: организационно-правовые аспекты	89
<i>Гуторова А. Н.</i> Некоторые аспекты обеспечения народного доверия институтами прямой демократии	99
<i>Лянной Г. Г.</i> Банковское рейдерство как новая угроза безопасности предпринимательской деятельности в России	114

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Абисова К. С.</i> Методология исследования террористической деятельности. Часть 1: основы исследования	122
<i>Векленко С. В.</i> Презумпция вины в уголовном праве России	131
<i>Головин А. Ю.</i> Объект, предмет и система криминалистики: есть ли предпосылки расширения?	137
<i>Желудков М. А., Алексеева А. П.</i> Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы	146
<i>Игонина Е. О.</i> Установление причинной связи при неосторожном сопричинении смерти пациенту медицинскими работниками	155
<i>Сухболд Т. Б.</i> Ситуация отмывания денег в Монголии: судебная практика, некоторые вопросы усовершенствования системы	165
<i>Тамбовцев А. И.</i> Проблемы нормативной регламентации оборота и безопасности специальных химических веществ в оперативно-розыскной деятельности	183
<i>Ширшанова Е. А.</i> Криминологическая характеристика взяточничества в органах внутренних дел	201
<i>Шишова О. П.</i> Субъективные факторы детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия	211

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Марченко Г. В.</i> Технологии развивающего обучения и воспитания в процессе освоения гуманитарных дисциплин в образовательных организациях Министерства внутренних дел России	218
--	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Ерофеева М. А., Харламова Д. А.</i> Дидактический потенциал электронного курса при подготовке курсантов – будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних	232
<i>Илакавичус М. Р.</i> Взаимосвязь воспитания и обучения в профессиональном образовании: реализация на основании гуманитарно-антропологического подхода	241
<i>Сабирова И. А., Ляпин А. И.</i> Теоретическая подготовка как значимый фактор повышения качества образования по дисциплинам, связанным с физической подготовкой курсантов вузов Министерства внутренних дел России	249

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

<i>Цветков В. Л., Новосельская С. Р.</i> Пути развития защитно-совладающего комплекса у сотрудников органов внутренних дел	256
<i>Шарафутдинова Н. В.</i> Проблема исследования жизненных целей и диспозиционного материализма в структуре профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел	264

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Гончарова Н. А.</i> Ценностные факторы в обеспечении психологического благополучия курсантов образовательной организации Министерства внутренних дел России	275
<i>Духновский С. В., Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н.</i> Внутригрупповые отношения в служебном коллективе как фактор риска утомленности сотрудников органов внутренних дел	286
<i>Енгальчев В. Ф., Лыфенко Д. В.</i> Изучение результатов применения видеозаписи допроса в зарубежных исследованиях	295
<i>Злоказов К. В.</i> Структурно-функциональная концепция отношений криминогенной личности к социальному окружению: предпосылки, принципы и положения	308
<i>Реан А. А., Авдеева Е. С., Коновалов И. А.</i> Показатели вовлеченности подростков в агрессию в представлении педагогов с различным локусом контроля	323
<i>Чекунов А. А., Шаповал В. А.</i> Психодиагностические критерии профессиональной надежности офицеров Росгвардии	335

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Alexeeva T. A.</i> Origins of constitutional justice in Spain (Court of Constitutional Guarantees in Republican Spain)	10
<i>Astafichev P. A.</i> Judicial reform of Alexander II and its historical and legal significance for the Russian constitutional system	24
<i>Gribunov O. P., Tumurova A. T., Stepanova E. E.</i> Features of organization and activity of courts and bar in Irkutsk province in the 20s of the XX century	33
<i>Groshevaya V. K.</i> From the overthrow of the monarchy to the establishment of the Soviet Republic: State-legal transformation of Ukraine between 1917–1921	43
<i>Kordobovskaya K. E.</i> Legal infantilism (experience of theoretical and legal analysis of socio-legal phenomenon)	55
<i>Lapova E. S.</i> Formation of the public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia is a subject of the of the legal culture of Russian society	69

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Bavsun I. G., Eremin E. V.</i> Internal affairs bodies in the strategic planning mechanism: organizational and legal aspects	89
<i>Gutorova A. N.</i> Some aspects of guaranteeing people's trust by institutions of direct democracy	99
<i>Lyannoy G. G.</i> Bank raiding as a new threat to the security of business activity in Russia	114

CRIMINAL SCIENCE

<i>Abisova K. S.</i> Terrorist activity research methodology. Part 1: research basics	122
<i>Veklenko S. V.</i> Presumption of guilt in the Russian criminal law	131
<i>Golovin A. Yu.</i> Object, subject and system of criminalistics: Are there prerequisites for expansion?	137
<i>Zheludkov M. A., Alekseeva A. P.</i> Public control in anti-corruption activities in Russia: problems and prospects	146
<i>Igonina E. O.</i> Determining the causal link in negligent causing death to a patient by medical personnel	155
<i>Sukhbold T. B.</i> Money laundering in Mongolia: Judicial practice and some issues for improving the system	165
<i>Tambovtsev A. I.</i> Problems of normative regulation of special chemicals use and safety in operational detective activities	183
<i>Shirshanova E. A.</i> Criminological characteristics of bribery in Internal Affairs Bodies	201
<i>Shishova O. P.</i> Subjective factors of determination of offences encroaching on objects of cultural heritage	211

**GENERAL PEDAGOGY,
HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION**

<i>Marchenko G. V.</i> Technologies of developing education and upbringing in the process of mastering humanitarian disciplines in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	218
--	-----

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

<i>Erofeeva M. A., Kharlamova D. A.</i> Didactic potential of the e-course in the training of cadets – future juvenile inspectors	232
<i>Ilakavicius M. R.</i> Interrelationship of education and training in professional education: realization on the basis of humanitarian-anthropological approach	241
<i>Sabirova I. A., Lyapin A. I.</i> Theoretical training as a significant factor in improving the quality of education in disciplines related to physical training of cadets of the Ministry of the Interior higher educational institutions	249

**LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY,
COGNITIVE ERGONOMICS**

<i>Tsvetkov V. L., Novoselskaya S. R.</i> The ways to develop defence and coping strategies among employees of internal affairs bodies	256
<i>Sharafutdinova N. V.</i> The problem of research life goals and dispositional materialism in the structure of professional self-awareness of employees of internal affairs bodies	264

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

<i>Goncharova N. A.</i> Value factors in providing cadets' psychological wellbeing in the educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia	275
<i>Dukhnovsky S. V., Borodavko L. T., Silkin N. N.</i> Intragroup relations in the service team as a risk factor for fatigue of internal affairs bodies' employees	286
<i>Engalychev V. F., Lyfenko D. V.</i> Analysis of foreign studies results on video recording an interrogation	295
<i>Zlokazov K. V.</i> Structural-functional concept of relations of criminogenic personality to social environment: prerequisites, principles and provisions	308
<i>Rean A. A., Avdeeva E. S., Konovalov I. A.</i> Locus of control and teachers' perceptions of adolescents' involvement in aggression	323
<i>Chekunov A. A., Shapoval V. A.</i> Psycho-diagnostic criteria of professional reliability of officers of the Russian Guard Troops	335

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 342.56

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-10-23>

Татьяна Анатольевна Алексеева

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-4239-4090>, ta_al@mail.ru

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская Федерация, 109028, Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3*

У истоков конституционной юстиции в Испании (Суд конституционных гарантий в республиканской Испании)

Аннотация: Введение. В статье исследована история учреждения органа конституционной юстиции в Испании в период Второй республики, определены его юридические истоки, правовой статус по Конституции 1931 года, выявлены его новеллы по Органическому закону 1933 года. **Методы.** Работа основана на применении сравнительно-правового, системно-структурного и исторического методов исследования. Особое внимание уделено формально-догматическому анализу правовых актов и материалов делопроизводства. **Результаты.** Статья подготовлена на основе изучения законодательства, протоколов заседаний Суда конституционных гарантий, его актов и научной литературы. В центре внимания – проблема заимствования зарубежных моделей, ставшая предметом дискуссий в учредительных кортесах. Автор исходит из того, что австрийский образец и его изменения, внесенные с учетом специфики испанских политических реалий, определили статус Суда конституционных гарантий и характерные черты его деятельности. Уделено внимание анализу порядка формирования Суда и его компетенции по основным проектам, предложенным учредителям для обсуждения, их окончательному законодательному оформлению, а также реализации норм на практике. **Заключение.** Значение учреждения и функционирования данного органа, несмотря на критические оценки ученых, определяется результатами его работы и его местом в истории конституционной юстиции – он был третьим конституционным судом в Европе, а нормы конституционного законодательства 1931–1933 гг., регламентирующие его правовое положение, стали важным источником положений действующего законодательства Испании о Конституционном Суде.

Ключевые слова: глава государства, Конституция 1931 года, Суд конституционных гарантий, конституционная юстиция, конституционный контроль, объявление закона неконституционным, защита конституционных гарантий

Для цитирования: Алексеева Т. А. У истоков конституционной юстиции в Испании (Суд конституционных гарантий в республиканской Испании) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 10–23; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-10-23>.

Tatiana A. Alexeeva

Doctor. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-4239-4090>, ta_al@mail.ru

National Research University “Higher School of Economics”

3, Bol'shoy Trekhsvyatitskiy per., Moscow, 109028, Russian Federation

Origins of constitutional justice in Spain (Court of Constitutional Guarantees in Republican Spain)

Abstract: Introduction. The article deals with the history of the establishment of the body of constitutional justice in Spain during the Second Republic, identifying its legal origins, its legal status under the 1931 Constitution, and revealing its novelties under the Organic Law of 1933. **Methods.** The research is based on the application of comparative-legal, system-structural and historical methods of research. Particular attention is drawn to the formal-dogmatic analysis of legal acts and records management materials. **Results.** The article is based on the study of legislation, records of the Court of Constitutional Guarantees, its acts and scientific literature. The author focuses on the problem of adopting foreign models, which has been the subject of debate in the Constituent Cortes. The author suggests that the Austrian model and its modifications, made with regard to the specifics of Spanish political realities, determined the status of the Court of Constitutional Guarantees and the characteristic features of its activity. The attention is drawn to the analysis of the order of formation of the Court and its competence on the main drafts proposed to the founders for discussion, their final legislative formulation, as well as the implementation of the norms in practice. **Conclusion.** The importance of the creation and its functioning, despite the critical assessments of scholars, is determined by the results of its work and its place in the history of constitutional justice - it was the third constitutional court in Europe, and the norms of the constitutional legislation of 1931-1933 regulating its legal status became an important source of the provisions of the current Spanish legislation on the Constitutional Court.

Keywords: Head of State, Constitution of 1931, Court of Constitutional Guarantees, constitutional justice, constitutional control, declaring a law unconstitutional, protection of constitutional guarantees

For citation: Alexeeva T. A. Origins of constitutional justice in Spain (Court of Constitutional Guarantees in Republican Spain) // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 10–23; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-10-23>.

Введение

90 лет тому назад в Испании были заложены и апробированы основы конституционного правосудия, что является поводом для обращения к истории создания одного из первых конституционных судов в европейских государствах. Следует отметить, что в нашей отечественной литературе неоднократно отмечалось значение учреждения Суда конституционных гарантий (далее – СКГ) в Испании как важной вехи в распространении австрийской модели конституционного контроля во всем мире¹ [1, с. 440]. В данной статье выявляются истори-

¹ Алебастрова И. А. [и др.] Конституционный контроль в зарубежных странах : учебное пособие / отв. ред. В. В. Махлаков. – Москва: Норма, 2007. – С. 21.

ческие и современные источники учреждения данного органа в Испании в период Второй республики (1931–1939), отмечаются особенности поиска конституционного оформления его статуса, отразившиеся как в проектах, так и в окончательных текстах конституционного законодательства, определяются его главные характеристики и результаты деятельности.

Методы

Анализ проводился с применением сравнительно-правового, системно-структурного, исторического методов исследования. Особое внимание было уделено формально-догматическому анализу правовых актов и материалов делопроизводства, использованных автором статьи в оригинальном варианте их официального опубликования.

Испанский исторический опыт охраны конституции

Отдавая должное влиянию образа Конституционного суда Австрийской республики на учредителей Второй республики, следует отметить, что в Испании к 1931 году был накоплен разнообразный опыт интеллектуального осмысления и законодательного оформления функции охраны конституционного строя. Первая, и весьма скромная, попытка имела место в связи с промульгацией Конституции 1808 года от имени Жозефа (Хосе) Бонапарта, предназначенного заменить представителя Бурбонов на испанском троне во время оккупации значительной части территории Испании наполеоновскими войсками. Из конституционных актов периода консульства и империи Наполеона Бонапарта в Конституцию 1808 года, ставшую хронологически первой в Испании, были имплементированы две гарантии учреждаемого порядка².

Прежде всего, таковой являлось право Сената признать недействительными решения избирательных хунт и муниципальных советов об избрании депутатов (ст. 51), что частично воспроизводило полномочие Охранительного сената по Конституции 1799 года объявлять неконституционными определенные акты (ст. 21, 37), а оно в свою очередь базировалось на предложении Э. Ж. Сийеса учредить Коллегию хранителей [2, с. 46–50]. Из главного источника Конституции 1808 года – Сенатусконсульта 1804 года – были заимствованы положения о двух комиссиях Сената: по охране индивидуальной свободы и свободы печати. Они были уполномочены требовать совершения действий по обеспечению данных прав личности посредством принятия собственных решений или обращения к Сенату (ст. 39–51).

Иной подход к охране учреждаемого строя был закреплен в первой национальной Конституции, принятой в 1812 году. Обязанность по ее охране вручалась кортесам, королю, его наследнику, всем должностным лицам, находившимся на гражданской, военной или церковной службе. Все они, приобретая определенный статус или приступая к осуществлению своих обязанностей, приносили соответствующую клятву (ст. 117, 173, 212, 374). Любой испанец мог обратиться в кортесы или к королю с требованием о соблюдении Конституции (ст. 373). Постоянная депутация кортесов, формируемая ими перед закрытием сессии, следила за соблюдением Конституции и законов, докладывала кортесам о замеченных нарушениях (ст. 160.1), а они на своих первых заседаниях должны были принять меры по устранению нарушений и привлечению к ответственности виновных в их совершении (ст. 372). Истоки постоянной депутации кортесов, призванной обеспечить продолжение их деятельности до открытия следующей сессии, усматривались учредителями в депутациях кортесов в Арагоне, Валенсии (XV век), Кастилии и Наварре (XVI век) [3, р. 546–547, 734].

Третья попытка законодательного оформления функции охраны Конституции была сделана в Испании в период Первой республики, и она содержательно отличалась от предыдущих. В проекте Конституции Испанской федеративной республики, внесенном на рассмотрение Учредительных кортесов в 1873 году, особая роль в законодательном процессе отводилась Сенату. Он проверял закон, принятый нижней палатой кортесов (Конгрессом депутатов), на соответствие конституционным нормам о правах личности, полномочиях органов политических образований, компетенции федерации. Обнаруженное несоответствие признавалось препятствием для промульгации рассматриваемого акта. Лишь его принятие Конгрессом депутатов вновь обязывало президента промульгировать закон (ст. 70). Таким образом, контроль за конституционностью актов предполагал, по существу, возможность применения Сенатом отлагательного вето. Вместе с тем Верховный суд был наделен полномочием по проверке соответствия нормативных актов Конституции. Последствием принятия решения о неконституционности влекло приостановление их действия (ст. 77). Комментируя данные положения конституционного проекта, специалист по конституци-

² Тексты упоминаемых испанских конституций (см.: Алексеева Т. А. История испанских конституций. – Москва: Проспект, 2021. – С. 87–105, 108–149, 214–230, 244–273).

онному праву Ф. Фернандес Сегадо справедливо отметил, что в случае его принятия испанские учредители стали бы «пионерами» введения конституционного контроля в Европе [4, p. 352].

Следующий шаг в поисках способов охраны Конституции был сделан в 1929 году. В конституционном проекте, представленном Национальному собранию на завершающем этапе диктатуры М. Примо-де-Риверы, предусматривалось учреждение Королевского совета, который должен был стать в том числе и «органом конституционного правосудия» со следующими полномочиями:

- 1) по разрешению споров о компетенции, возникающих между органами исполнительной и судебной власти по рассмотрению жалоб их представителей;
- 2) по рассмотрению ходатайств о признании законов, регламентов, иных общих положений неконституционными или незаконными;
- 3) по осуществлению правосудия в отношении министров короны, членов Королевского совета, председателя, прокурора, председателей коллегий и судей Верховного суда;
- 4) по принятию решений о законности избрания депутатов в случаях, когда кортесы направляют дело для рассмотрения (ст. 44)³.

Компетенция Королевского совета свидетельствовала о знакомстве разработчиков проекта с идеями Г. Кельзена и опытом Чехословакии и Австрии по учреждению конституционных судов в 1920 году.

Важно отметить, что все рассмотренные выше испанские исторические сюжеты не имели развития в практике государственного строительства, а остались лишь памятными вехами в предыстории конституционного правосудия в Испании. Однако о них помнили учредители, обсуждавшие в 1931 и 1933 гг. проблематику правового статуса СКГ.

Зарубежные источники СКГ

Испанские учредители в 1931–1933 гг. создавали новые государственные органы не только на основе национальных исторических источников обеспечения учрежденного государственного строя, но и на базе изученного зарубежного опыта. Основными идейными истоками норм о СКГ явились идеи Г. Кельзена, с которыми испанцы познакомились в конце 20-х гг. [5, p. 197–257], а юридическими источниками стали следующие акты: Вводный закон к Конституционной хартии Чехословакии от 29 февраля 1920 г. и Федеральный конституционный закон Австрийской республики от 1 октября 1920 г. (с изменениями, внесенными конституционными законами 30 июля 1925 г. и 7 декабря 1929 г.).

Законодательство о СКГ

История учреждения СКГ ознаменована несколькими проектами, ставшими вехами в его формировании. Первый из них – конституционный проект, разработанный подготовительной комиссией Министерства юстиции 6 мая – 6 июля 1931 г. В его трех статьях раздела IX «Гарантии Конституции. Ее реформа» (ст. 100–102) впервые было предусмотрено введение в «правовой механизм» страны Конституционного суда (*El Tribunal de Justicia Constitucional*)⁴, как органа «высокой конституционной юрисдикции», осуществляющего «общую и суверенную функцию» на всей территории Республики (ст. 100).

Данный документ был положен в основу проекта, разработанного конституционной комиссией Учредительных кортесов, – предмета обсуждения на их заседаниях 27 августа – 9 сентября 1931 г.⁵ В проекте новый орган получил название Суда конституционных гарантий (*Tribunal de Garantías Constitucionales*), что более соответствовало его функциям. Конституционной комиссией не был воспринят и пафос Подготовительной комиссии в отношении предназначения нового органа. Конституционная комиссия ограничилась указанием на распространение юрисдикции СКГ «на всю территорию республики» (ст. 117), что было воспроизведено затем и в тексте Конституции (ст. 121).

³ Constitución de la Monarquía Española // Sesión plenaria celebrada el sábado 6 de julio de 1929 // Diario de las sesiones. Asamblea nacional. – № 48. – Apéndice 1. – URL: http://www.congreso.es/docu/PHist/docs/06asam/DSapendice1_1929.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Anteproyecto de la Constitución de la República española. – URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/anteproyecto-de-constitucion-de-la-republica-espanola-de-1931/html/490eae19-ba06-405a-9428-b6cbef5c2f12_2.html (дата обращения: 12.01.2024).

⁵ Proyecto de Constitución // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española (18 de agosto de 1931). Legislatura 1931-1933. – Madrid: Sucesores de Rivadeneira, 1933. № 22 (Apéndice cuarto). – P. 7–9. – URL: https://www.congreso.es/docu/PHist/docs/07repu/DS_18-08-1931_apend_4.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

После проведенных дебатов комиссия внесла изменения в отдельные положения раздела, посвященного статусу СКГ, и его текст был представлен учредителям 25 ноября⁶. Он стал предметом обсуждения на заседаниях 25–27 ноября 1931 г. В обоих проектах Конституционной комиссии, как и впоследствии в тексте вступившей в силу Конституции, название раздела X (в Конституции – IX), содержавшего нормы о СКГ, претерпело изменения. Он был озаглавлен «Гарантии и изменения Конституции».

9 декабря 1931 г. Конституция была принята, а на следующий день промульжирована и введена в действие. В ее статьях 121–124 получили закрепление основы компетенции и порядка формирования СКГ, перечня лиц и органов, имеющих право на обращение в СКГ. В Конституции также содержалась бланкетная норма об органическом законе, который должен развить положения Конституции (ст. 124).

Проект органического закона «О Суде конституционных гарантий» (далее – ОЗ) обсуждался на заседаниях Учредительных кортесов 18 мая – 6 июня 1933 г. 7 июня он был принят, 14 июня – промульжирован, а 30 июня – официально опубликован⁷. Текст ОЗ состоял из 101 статьи, которые были объединены в девять глав. 10 июля и 1 сентября 1933 г. в его текст было внесено несколько изменений. Далее вопросы организации деятельности СКГ были детализированы регламентом, утвержденным правительством 8 декабря 1933 г. 6 апреля 1935 г. он был заменен новым утвержденным регламентом⁸.

Главные вопросы дебатов о статусе СКГ

Центральное место при обсуждении норм ОЗ, развивающих конституционные положения о статусе СКГ, заняли следующие фундаментальные проблемы: во-первых, характер деятельности СКГ по охране Конституции; во-вторых, его место в системе органов Испанской республики; в-третьих, юридическое значение и последствия принятия им решений.

Депутаты Учредительных кортесов обратили внимание на очевидно политический характер полномочий СКГ по разрешению споров между органами государства и автономных регионов, между органами автономных регионов⁹; а также по привлечению к уголовной ответственности Президента, председателя Совета министров и министров, судей Верховного суда и Генерального прокурора. Так, депутат Кастрилло еще при обсуждении проекта Конституции отмечал, что СКГ вручаются не только функции правосудия, но и «другие функции, чуждые суду и имеющие явный политический характер»¹⁰. Исходя из столь же критического отношения к компетенции СКГ, предложенной Конституционной комиссией, депутат Гомарис решительно настаивал на вручении СКГ исключительно юрисдикционных полномочий¹¹. При обсуждении проекта ОЗ дискуссия продолжилась. Депутат Элола отметил признаки придания СКГ двойственной природы: наличие у него как юрисдикционных, так и политических полномочий¹². Еще при обсуждении проекта Конституции Элола настаивал на том, что рассмотрение СКГ дела о соответствии закона Конституции должны были стать предметом «сугубо юрисдикционного, а не политического» рассмотрения¹³.

Некоторые депутаты усматривали политический аспект во всех функциях СКГ, и, как следствие этого, политическое значение его будущих решений. Поэтому они считали целесообразным не учреждение СКГ, а вручение предложенной компетенции иному высшему государственному органу, не являющемуся судом, например, Совету республики (Сирау),

⁶ Título X. Garantías y reforma de la Constitución // Sesión celebrada el día 26 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura 1931–1933. – Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1933. – № 81. – P. 2646.

⁷ Ley Orgánica del Tribunal de Garantías Constitucionales // Gaceta de Madrid. 1931. N 181, 30 de junio. P. 2331–2341. – URL: <https://www.boe.es/gazeta/dias/1933/06/30/pdfs/GMD-1933-181.pdf>. (дата обращения: 12.01.2024).

⁸ Reglamento del Tribunal de Garantías Constitucionales // Gaceta de Madrid. – 1933. – № 343. – 9 Diciembre. – P. 1651–1653. – URL: <https://www.boe.es/gazeta/dias/1933/12/09/pdfs/GMD-1933-343.pdf> (дата обращения: 12.01.2024); Reglamento orgánico del Tribunal de Garantías Constitucionales // Gaceta de Madrid. – 1935. – № 101. – 11 Abril. – P. 290–297. – URL: <https://www.boe.es/gazeta/dias/1935/04/11/pdfs/GMD-1935-101.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

⁹ Sesión celebrada el día 25 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931–1933. – Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. – № 80. – P. 2638. – URL: https://app.congreso.es/est_sesiones (дата обращения: 12.01.2024); Reglamento orgánico del Tribunal de Garantías Constitucionales // Gaceta de Madrid. – 1935. – № 101. – 11 Abril. – P. 290–297. – URL: https://app.congreso.es/est_sesiones (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁰ Sesión celebrada el día 26 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931–1933. – Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. – № 81. – P. 2667. – URL: https://app.congreso.es/est_sesiones (дата обращения: 12.01.2024).

¹¹ Там же. P. 2651.

¹² Sesión celebrada el día 23 de mayo de 1933 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931–1933. – Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. – № 342. – P. 12983. – URL: https://app.congreso.es/est_sesiones (дата обращения: 12.01.2024).

¹³ Sesión celebrada el día 26 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931–1933. – Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. – № 81. – P. 2655. – URL: https://app.congreso.es/est_sesiones (дата обращения: 12.01.2024).

Национальному совету, Государственному совету (Франко Лопес), Сенату, подобному Охранительному сенату времен Наполеона I или Наполеона III во Франции или Сенату по Конституции Испании 1808 года (Алькала Самора). Отдельные члены Учредительных кортесов (Герра дель Рио, Гомарс) отметили при этом сходство всех указанных органов с Сенатом¹⁴. Данные предложения не были поддержаны большинством конституанты. Острая дискуссия о характере деятельности СКГ, политической или юридической, так и не завершилась достижением полного консенсуса между ее участниками [6, p. 429].

В то же время отдельные депутаты предлагали следовать модели Верховного суда США. Так, Ройо Вильянова отметил, что решение вопроса о конституционности или неконституционности закона требовало юрисдикционной процедуры, и ее должна была осуществить судебная власть¹⁵. Однако предложение об избрании североамериканского образца не нашло поддержки среди учредителей. Они приняли решение о следовании «австрийской системе, разработанной Г. Кельзенем, предполагавшей создание специализированного органа контроля, который функционирует в соответствии с требованиями, установленными для государственных институтов» [7, p. 22]. Перечень полномочий СКГ был аналогичен тому, что был закреплен за Конституционным судом Австрии.

С проблемой выбора заимствованной модели было связано и обсуждение вопроса о системе вводимого конституционного контроля: абстрактного или осуществляемого в связи с рассмотрением конкретного дела. Приверженцы австрийского образца, как отметил Л. Легас-и-Лагамбра, считали, что акт, признанный неконституционным, должен быть аннулирован полностью, что поддерживалось и ссылкой на роль СКГ как защитника и охранителя Конституции, на признание ее сверхзаконом, которому должны соответствовать иные акты; если же какой-либо из них нарушает принцип иерархии правовых норм, он должен стать ничтожным для всех случаев, а не для одного из них [8, p. 35–36]. Напротив, депутат Ксирау как представитель другой группы депутатов настаивал на том, что признание акта неконституционным может быть эффективным лишь в отношении конкретного случая, и решение должно иметь силу только в отношении него¹⁶.

Порядок формирования СКГ

Конституционный суд по проекту Подготовительной комиссии должен был состоять из членов (*miembros*), которые также назывались судьями (*juices*). Их состав формировался из лиц, занимающих определенные должности, что в этой части напоминало порядок формирования Королевского совета по конституционному проекту 1929 года (ст. 44). Было предусмотрено, что в состав суда входили председатели Верховного суда, Государственного совета и Счетной палаты, старейший и последний из занявших должности председателей коллегий Верховного суда, старейший член Государственного совета и последний из занявших в нем должность, адвокаты, избранные испанскими адвокатскими коллегиями (по два от каждой из них), два декана юридических факультетов испанских университетов. Кроме того, судьями являлись представители автономных регионов, по одному от каждого из них (ст. 105). Срок полномочий избранных членов суда так же, как и председателя, избранного судьями, был установлен в пять лет.

В проекте Конституционной комиссии, представленном 18 августа 1931 г., термин «судьи» не использовался, а в состав СКГ должны были войти следующие лица: председатель Верховного суда, два адвоката, избранных испанскими адвокатскими коллегиями, два избранных представителя юридических факультетов испанских университетов, представители автономных регионов (по одному от каждого). В состав СКГ также предлагалось ввести двух судей, избранных пленумом Верховного суда, и двух депутатов, избранных кортесами (ст. 119). При этом сохранялось правило о пятилетнем сроке деятельности для выборных членов суда.

В переработанном проекте раздела о СКГ и представленном Конституционной комиссией в кортесы в ноябре 1931 года, состав суда был дополнен председателем Счетной палаты (о нем упоминалось в проекте Подготовительной комиссии) и председателем Высшего консультационного совета (ст. 122), при этом было исключено указание о пятилетнем сроке полномочий членов суда. В тексте Конституции в основном сохранили данный состав со следующими изменениями: во-первых, были исключены два судьи Верховного суда; во-вторых, количество профессоров юридических факультетов увеличилось с двух до четырех; в-третьих, регионы, направляющие по одному представителю в СКГ, не определялись более как автономные; в-четвертых, установили, что председатель СКГ назначается кортесами (ст. 122).

¹⁴ Там же. P. 2650.

¹⁵ Там же. P. 2667.

¹⁶ Там же. P. 2655.

Испанский учредитель не заимствовал опыт Чехословакии и Австрии в части точного указания числа членов суда (Конституционный суд Чехословакии состоял из 7 членов (ст. 3 Вводного закона)¹⁷, а Конституционный суд Австрийской республики – из председателя, заместителя, 12 членов и 6 запасных (ч. 1 ст. 147))¹⁸. По сравнению с конституционными судами этих республик СКГ оказался весьма многочисленным, что создавало условия для будущих проблем при его функционировании в полном составе.

В тексте ОЗ члены (*vocales*) СКГ были разделены на две группы по основанию их вхождения в его состав: в связи с занимаемой должностью и в связи с избранием. К первой группе были отнесены председатели Высшего консультативного совета и Счетной палаты. Срок их участия в деятельности СКГ определялся их пребыванием в должности, а если таковые были вакантными, суд функционировал без данных членов (ст. 4). Ко второй группе были отнесены следующие члены:

- 1) председатель СКГ и два депутата кортесов (ст. 2, 9);
- 2) два адвоката от испанских адвокатских коллегий (ст. 12);
- 3) четыре профессора юридических факультетов (ст. 13);
- 4) представители регионов (ст. 10, 11).

Вместе с ними в том же порядке избирались и запасные (ст. 7).

Два депутата кортесов избирались на их первой сессии. Избранными считались лица, получившие наибольшее количество голосов. Срок их пребывания в составе СКГ соответствовал двухлетнему депутатскому мандату (п. 1, 2 ст. 5, ст. 9). И это правило предопределило частичное обновление всего состава выборных членов СКГ один раз в два года. Члены СКГ, избираемые кортесами, должны были отвечать требованию, предъявляемому к их депутатам, – достичь 25-летнего возраста. Для всех иных выборных членов СКГ вводилось требование достижения кандидатами 30-летнего возраста (ст. 6).

В главе VI, посвященной представителям регионов в СКГ, вышеуказанная норма Конституции нашла развитие в двух статьях. Прежде всего ОЗ установил, что автономные регионы после утверждения их статута в соответствии с положениями ст. 12 Конституции, могли направлять по одному представителю в СКГ, при этом избрание осуществлялось органом, осуществляющим законодательную власть (ст. 10). К моменту принятия ОЗ статус автономного региона имела лишь Каталония, ее статут был промульжирован 15 сентября 1932 г. Поэтому ОЗ содержал перечень 13 регионов, каждый из которых направлял в СКГ по одному представителю, и они избирались муниципальными советами (*ayuntamientos*), а правом участвовать в голосовании обладали их депутаты (*consejales*) (ст. 11). Данная норма потребовала уточнения при ее реализации. В декрете Совета министров, определившем дату и процедуру избрания членов СКГ и запасных, был закреплён список регионов, которые должны были провести выборы 3 сентября 1933 г. (ст. 2). Он содержал названия 15 регионов, включая Каталонию. В нем, в отличие от ОЗ, Наварра и Страна Басков были указаны как два отдельных региона, каждый из которых направлял по одному представителю (и запасному) в СКГ¹⁹. В автономном регионе Каталония выборы проводились на заседании парламента, а в других регионах – на внеочередной сессии муниципального совета (ст. 3–4 декрета).

В определенный день каждая коллегия адвокатов должна была провести выборы членов СКГ из своих рядов, при этом не допускалось избрание одного лица два раза подряд (ст. 12). Четыре представителя юридических факультетов государственных университетов избирались членами их советов путем прямых выборов при тайном голосовании (ст. 13).

Срок полномочий выборных членов СКГ, за исключением депутатов кортесов, был установлен в четыре года (п. «b» ст. 5 ОЗ). ОЗ предусматривал ротацию половины представителей регионов, адвокатов и профессоров один раз в два года. Включение в состав СКГ всех выборных членов и председателя оформлялось правительственным декретом по получении информации об их избрании указанными органами и организациями. Данный акт подписывался президентом республики, а также в силу правила контрассигнации – и председателем Совета министров.

¹⁷ Конституция Чехословацкой республики / вступ. ст. Э. Марэк // Конституции буржуазных стран : в 4 т. – Москва–Ленинград: Соцэкгиз, 1936. – Т. 2: Средние и малые европейские страны. – С. 12.

¹⁸ Закон от 1 октября 1920 г. о создании Австрийской Республики как федеративного государства (Федеральный конституционный закон) // Бюллетень федеральных законов. – № 268/1925. – URL: <http://www.verfassungen.at/at18-34/oesterreich20.htm> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁹ Decreto disponiendo que el día 3 del próximo mes de Septiembre las regiones españolas procedan a elegir sus representantes en el Tribunal de Garantías Constitucionales, con sujeción a los artículos 10 y 11 de la Ley de 14 de Junio del corriente año. Presidencia del Consejo de Ministros // Gaceta de Madrid. – 1933. – № 225. – 13 Agosto. – P. 1018–1019. – URL: https://www.boe.es/diario_gazeta/comun/pdf.php?p=1933/08/13/pdfs/GMD-1933-225.pdf&do=1 (дата обращения: 12.01.2024).

ОЗ ввел исчерпывающий перечень лиц, которые не могли стать *vocales* СКГ: лица, неспособные вследствие физических или психических недостатков; преследуемые в уголовном порядке; приговоренные к позорящему наказанию; банкроты и лица, в отношении которых ведется конкурсный процесс; должники публичных фондов (ст. 15).

При обсуждении проекта ОЗ отдельные депутаты Учредительных кортесов обращали внимание на необходимость профессиональных юридических знаний для осуществления компетенции СКГ и подкрепляли свою позицию ссылкой на Федеральный конституционный закон Австрии, в котором было закреплено требование наличия у членов Конституционного суда и запасных образования в области государственно-правовых наук и опыта «занятия служебного положения, для которого необходимо такое образование» (ст. 140)²⁰. Однако ни в Конституцию, ни в ОЗ подобная норма не была включена. Только адвокаты и профессора юридических факультетов, очевидно, являлись юристами. Также юридическое образование стало, согласно ОЗ, обязательным условием для занятия должностей заместителей председателя СКГ (п. 2 ст. 3). Эти члены, как отметил испанский исследователь, «умеренно поддерживали технико-юридическую квалификацию» СКГ в условиях, когда в соответствии «с буквой и духом» ОЗ не требовалось наличия статуса «практикующего юриста от подавляющего большинства его членов», а предпочтение отдавалось «идеологической близости, а также заслугам, достигнутым на политической арене, как единственным критериям доступа» в его состав [9, р. 198]. Введенные правила формирования оказались «абсолютно неподходящими» для суда [10, р. 291] и стали базой для усиления политического аспекта его деятельности [11, р. 20].

Структура СКГ

В ОЗ было закреплено, что СКГ является постоянно действующим органом (ст. 1.1). Помимо двух членов СКГ – депутатов, кортесы выбирали его председателя, значительность положения которого в тексте ОЗ подчеркивалась требованием достижения им 40-летнего возраста (п. 1 ст. 2), установлением 10-летнего срока пребывания в данной должности при недопустимости переизбрания (п. 3 ст. 2), указанием на проведение выборов нового председателя в последний год пребывания в должности предыдущего председателя (п. 6 ст. 2), несовместимостью поста с любыми политическими и административными должностями, профессиональной деятельностью, участием в ассоциациях и в организациях промышленного или экономического характера (п. 4 ст. 2). Выборы председателя на заседании кортесов проводилось путем тайного голосования (п. 2 ст. 2).

Компетенция председателя СКГ была детализирована в регламентах СКГ, изданных в 1933 и 1935 г. Он являлся представителем СКГ в отношениях с иными организациями, назначал пленарные заседания и заседания президиума суда, председательствовал на них и на заседаниях любой коллегии, если сочтет это целесообразным, а также обладал рядом иных полномочий по организации деятельности СКГ (ст. 5 регламента 1933 года, ст. 7 регламента 1935 года). Следует отметить, что в 1935 г. право принимать решения по вопросам, которые прямо не отнесены к компетенции СКГ, его секций или президиума, если это направлено на улучшение работы СКГ и выполнения его функций (п. 7 ст. 5), было исключено из текста, что соответствовало стремлению ограничить роль председателя в работе коллегиального органа.

Выборы заместителей председателя относились к компетенции пленарного заседания СКГ, его члены избирали их из своего состава тайным голосованием сроком на два года. Эти выборы проводились тогда, когда СКГ пополнялся новыми членами-депутатами кортесов. Данные лица замещали председателя в случае необходимости, поэтому кандидаты на должности заместителей должны были соответствовать всем предъявляемым к нему требованиям. Кроме того, как отмечалось выше, они должны были быть юристами, что явно определялось их статусом председателей коллегий СКГ (п. 1–3 ст. 3, п. 3 ст. 19).

В соответствии с ОЗ дела рассматривались судом в полном составе или его судебными коллегиями. Список дел, подлежащих рассмотрению СКГ в полном составе, был определен неисчерпывающим образом:

- о признании закона неконституционным;
- споры между государством и автономными регионами или между самими регионами;
- привлечение к ответственности президента республики, председателя совета министров и министров, председателя и членов СКГ, председателя и судей Верховного суда, генерального прокурора республики, председателей и членов правительств автономных регионов;

²⁰ Sesión celebrada el día 24 de mayo de 1933 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura 1931–1933. – Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1933. – № 343. – P. 13054. – URL: https://app.congreso.es/est_sesiones (дата обращения: 12.01.2024).

– дача заключения о необходимости законодательного закрепления базовых положений, которым должно соответствовать законодательство автономных регионов (предусмотрено ст. 19 Конституции);

– иные вопросы, отнесенные к его компетенции законом или обеспечивающие его функционирование (ст. 22 ОЗ).

В составе СКГ были предусмотрены две разновидности коллегий: судебные и по рассмотрению жалоб на нарушение конституционных гарантий прав личности. В состав судебных коллегий входили заместитель председателя СКГ (председательствовал на заседании), один депутат, один член, избранный коллегией адвокатов, профессор юридического факультета и представитель региона (ст. 24 ОЗ).

К компетенции судебных коллегий было отнесено рассмотрение споров между Счетной палатой и иными органами государства или автономного региона; проверка полномочий выборщиков президента республики и выборщиков, участвовавших в собрании, принимавшем решение об отрешении главы государства от должности (ст. 82 Конституции, ст. 25 ОЗ). Судебная коллегия по рассмотрению жалоб на нарушение конституционных гарантий прав личности действовала, если инициатором обращения в СКГ были исчерпаны иные способы их защиты (ст. 26 ОЗ).

Таким образом, значительное количество дел, подведомственных СКГ, предполагалось рассматривать на пленарных заседаниях.

Инициаторы обращения в СКГ

В соответствии с Конституцией правом на обращение в СКГ обладали следующие субъекты: прокуратура; судьи (суды), которые обязывались приостановить процесс и обратиться в СКГ, если в процессе подлежал применению закон, по их мнению, противоречащий Конституции; правительство республики; испанские регионы; всякое лицо или группа лиц, хотя бы и не были непосредственно нарушены их права (ст. 123).

Следует отметить, что перечень инициаторов обращения в учреждаемый суд был включен в конституционный проект еще Подготовительной комиссией и стал основой для последующей работы учредителей. При этом они сразу же отказались от предоставления данного права юридическим лицам публичного права, указанным в проекте Подготовительной комиссии (п. 6 ст. 102). Еще одним следствием развития подхода к закреплению субъектов обращения стало введение непосредственно в текст Конституции упоминания о возможных коллективных инициаторах наряду с отдельными лицами (п. 5 ст. 123). Однако при разработке ОЗ учредители пришли к выводу о необходимости четко определить перечень обращающихся в СКГ по каждому из вопросов, входящих в круг его ведения. Поэтому целесообразность включения в текст Конституции списка субъектов обращения в СКГ вызывает сомнение.

Компетенция СКГ

В проекте Подготовительной комиссии Конституционному суду вручались следующие полномочия: признание неконституционными законов и декретов-законов, за исключением ратифицированных парламентом международных договоров и соглашений; разрешение споров между властями государства и автономными регионами, а также между последними; рассмотрение жалоб на нарушение прав человека и гражданина, если оказывается неэффективным обращение к иным органам; привлечение к уголовной ответственности главы государства, председателя Совета министров и министров; привлечение к уголовной ответственности судей и прокуроров за совершение преступлений при осуществлении их обязанностей; проверка результатов выборов сенаторов и депутатов кортесов (ст. 100). В проекте Конституционной комиссии (ст. 117) были воспроизведены все полномочия СКГ, кроме последнего. При этом первое полномочие получило развернутое закрепление в виде описания последствий признания закона (уточнение о декретах-законах отсутствовало) противоречащим Конституции в отдельной статье. Получив от СКГ информацию о принятом постановлении и пояснительной записке, содержащей его обоснование, президент должен был направить закон в парламент на новое рассмотрение и по его результатам подтвердить ранее принятое решение или направить акт на референдум. Данная процедура приостанавливала действие закона (ст. 118). Следует отметить частичное сходство данного положения с нормой Конституции Германской империи, согласно которой рейхспрезидент, не наделенный правом отлагательного вето, был уполномочен отправить закон на народное голосование в течение месяца после его принятия (ч. 1 ст. 73)²¹.

²¹ Конституция Германской империи 11 августа 1919 г. // Конституции буржуазных стран : в 4 т. – Москва–Ленинград: Соцэкгиз, 1935. – Т. 1: Великие державы и западные соседи СССР. – С. 83–115.

Данное положение не нашло поддержки среди учредителей и не было включено в проект, представленный Конституционной комиссией в кортесы в ноябре 1931 года. В нем, а затем и в тексте Конституции, рассмотрение заявлений о признании законов неконституционными вновь заняло первое место в перечне полномочий СКГ (ст. 121). Порядок его реализации должен был обеспечить ОЗ, к которому отсылала норма Конституции (ст. 124). Кроме того, в перечень полномочий СКГ, содержащийся в Конституции, была включена проверка и утверждение полномочий выборщиков, которые вместе с кортесами избирают Президента республики (п. «d» ст. 121).

Рассмотрение заявлений о признании закона неконституционным

Инициировать рассмотрение дела о признании закона неконституционным могли три субъекта, а поводом могли стать следующие документы: заявление гражданина, запрос суда, обращение прокурора. Процедура рассмотрения данной категории дел была регламентирована в главе III (ст. 28–43) ОЗ. Она включала точно установленные сроки для каждого ее этапа.

Учредительные кортесы включили в текст Конституции проверку на соответствие Конституции лишь одного вида нормативных актов – законов (*leyes*) (п. «a» ст. 121). В тексте ОЗ понятие «закон» было раскрыто с применением расширительного толкования, и оно включало: 1) законы республики и автономных регионов; 2) декреты, издаваемые в соответствии со ст. 61 и 80 Конституции; 3) аналогичные декреты, издаваемые правительствами регионов (ст. 28).

К числу таких декретов были отнесены акты «делегированного законодательства», на их издание правительство могло быть уполномочено кортесами. И они сохраняли право их проверки на соответствие установленным основам (ст. 61 Конституции). Второй вид декретов – декреты президента. Они могли быть изданы в период между заседаниями кортесов по вопросам, отнесенным к их компетенции и требующим незамедлительного решения, или если это было необходимо для обороны республики. Издание декрета президентом требовало единогласно принятого решения правительства и одобрения двух третей постоянной депутации кортесов. Данные акты имели силу законов до принятия кортесами соответствующего решения или закона (ст. 80 Конституции).

ОЗ устанавливал исключение из введенного правила: не допускалось заявления о неконституционности законов, принятых самими Учредительными кортесами до введения в действие самого ОЗ (заключительное положение). Данная норма вызвала справедливую острую критику со стороны современников [12, p. 125].

ОЗ предусмотрел возможность признания неконституционным закона в целом или частично (п. 1 ст. 29). По предложению депутата Л. Рекасенса Сикес, сделанному на заседании 24 мая 1933 г., основания признания закона неконституционным были разделены на два вида: формальные и материальные²². Депутат обосновал практическое и теоретическое значение данной классификации, ссылаясь на авторитетное мнение Г. Кельзена [13, с. 372].

Согласно ОЗ, формальные нарушения могли иметь место при принятии закона некомпетентным органом или при несоблюдении установленной Конституцией процедуры принятия или промюльгации закона (п. 1 «b» ст. 29). Несоответствие содержания республиканского закона полностью или частично нормам Конституции, а регионального закона – положениям Конституции республики или соответствующего статута автономного региона позволяло констатировать наличие материального нарушения (п. 1 «a», п. 2 ст. 29). Обнаружение СКГ формальных нарушений аннулировало закон полностью, и это имело перспективный характер, но не затрагивало юридические последствия его действия до момента принятия данного решения (ч. 1 ст. 42). Материальные нарушения являлись основанием для признания закона неконституционным, что имело значение лишь для конкретного случая, рассмотренного СКГ (ч. 2 ст. 42).

Рассмотрение ходатайства о защите конституционных прав

Порядок обращения с ходатайством о защите конституционных прав и его рассмотрение урегулировано нормами главы IV ОЗ (ст. 44–53). Процедура могла иметь место в СКГ при наличии следующих условий (ст. 45):

1) акт, изданный административными, судебными или иными властями, нарушал в отношении определенного лица какую-либо конституционную гарантию;

²² Sesión celebrada el día 24 de mayo de 1933 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931–1933. – Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. – № 343. – P. 13044–13056. – URL: https://app.congreso.es/est_sesiones (дата обращения: 12.01.2024).

2) заявление о восстановлении нарушенного права не было принято судом или не рассмотрено им в ускоренном производстве в течение срока, установленного для защиты гарантий прав личности, или суд отказал в его удовлетворении.

Третье условие обращения относилось лишь к случаю временного приостановления конституционных гарантий: ходатайство о защите могло быть заявлено в отношении прав, которые должны были соблюдаться в данный период (ст. 53). Испанский исследователь Р. М. Руэ Лапенья отмечает, что участие СКГ в предоставлении защиты конституционных прав в этом случае было «изначально субсидиарным» (п. «b» ст. 121 Конституции), но оказалось более действенным, поскольку суды для осуществления ускоренного производства так и не были созданы [14, с. 292].

С ходатайством о защите могло обратиться как физическое, так и юридическое лицо. Если оно не являлось потерпевшим в связи с допущенным нарушением, то должно было предоставить обеспечение, на которое выразила согласие коллегия СКГ; потерпевший освобождался от данной обязанности (ст. 47).

Судебная коллегия СКГ при обнаружении признаков преступления направляла материалы дела в суд для его рассмотрения по существу в установленном порядке (ст. 51), а также могла привлечь к ответственности лиц, виновных в нарушении конституционных гарантий: наложить штраф, отстранить адвоката от профессиональной деятельности в СКГ на срок не менее года за превышение им полномочий и вредоносную практику (ст. 50).

Большое количество дел данной категории, рассмотренных СКГ, отметил Х. Томас Вильярройа, продемонстрировало специфику защиты прав личности во время Второй республики и место СКГ в этой деятельности [11, с. 294]. Бесплатный характер для просителя-потерпевшего, краткосрочность проведения процедуры, необязательное участие в ней адвоката обеспечили доступность и эффективность этой защиты [14, с. 293].

Рассмотрению споров, возникающих между государством и автономными регионами, а также между автономными регионами, был посвящена глава V ОЗ (ст. 54–67), нормы которой детально регламентировали разрешение споров в области нормотворчества (ст. 54–59), управления, (ст. 60–66), иные споры о компетенции (ст. 67). Особое внимание в ОЗ было уделено процедуре рассмотрения споров между Счетной палатой и иными органами государства или автономного региона (глава VI, ст. 68), не выделенные в тексте Конституции.

Проверка полномочий выборщиков президента

При осуществлении проверки и утверждении полномочий выборщиков президента (глава VII, ст. 69–75) СКГ немедленно утверждал их результаты, если они не вызвали возражений (ст. 71), или по результатам разбирательства аннулировал их во всех или отдельных округах при обнаружении существенных нарушений. Принятое решение председатель СКГ направлял кортесам (ст. 73).

К компетенции СКГ относилось и *осуществление правосудия по уголовным делам* о совершении преступлений определенными лицами (президентом республики, председателем кортесов в период исполнения им президентских обязанностей, председателем Совета министров и министрами, председателем и судьями Верховного суда, Генеральным прокурором, членами СКГ, председателем или членами правительств автономных регионов). ОЗ закрепил порядок возбуждения уголовного дела в зависимости от субъекта, подозреваемого в совершении преступления (ст. 76–80), принятия дела к рассмотрению (ст. ст. 81–83), следования (ст. 84–90), судебного заседания (ст. 91–96), вынесения приговора (ст. 97–100).

Заключение

Вторая Испанская республика не оправдала надежд испанского общества на установление справедливого и обеспечивающего всестороннее развитие страны правопорядка. Однако СКГ оставил глубокий след в ее государственно-правовом развитии, а законодательство, регламентировавшее его деятельность, было реализовано. 21 июля 1933 г. правительственным декретом было объявлено об избрании кортесами 3 июля председателя СКГ Альваро де Альборнос-и-Лимиана²³, двух членов-депутатов (Л. Санчеса Гальего и Г. Абада Конде) и двух запасных²⁴.

2 сентября 1933 г. прошла церемония открытия заседаний СКГ, на котором присутствовал председатель Совета министров, а также председатель и два члена СКГ. В протоколе

²³ Presidencia del Consejo de Ministros : Decretos // Gaceta de Madrid. – 1934. – № 362. – P. 2492.

²⁴ Presidencia del Consejo de Ministros : Decretos // Gaceta de Madrid. – 1933. – № 203. – P. 474.

заседания, состоявшегося во второй половине дня, принял участие Л. Санчес Гальего, который, как указано в протоколе, не получил приглашения на данное заседание [11, с. 49]. В соответствии с декретом от 13 августа 1933 г. (п. 1 и 7), упомянутым выше, 3 сентября были проведены выборы членов-представителей регионов, а 10 сентября – членов-адвокатов. В течение трех месяцев СКГ были получены акты об избрании этих выборных членов. Несмотря на то, что формирование состава СКГ отразило сложность социальных отношений и остроту политической борьбы, он весьма активно работал.

СКГ провел 184 пленарных заседания, оформленных протоколами: в Мадриде (протоколы № 1–164, 2 сентября 1933 г. – 2 октября 1936 г.), в Валенсии (протоколы № 165–172, 2 декабря 1936 г. – 13 декабря 1937 г.), в Жероне (протоколы 173–184, 21 марта 1938 г. – 23 января 1939 г.) [11, с. 47–515]. СКГ было вынесено 133 постановления, из них: 14 – в 1934 году, 61 – в 1935 году, 44 – в 1936 году, 14 – в 1937 году [15, р. 438–481].

Судом было вынесено 12 постановлений по делам о рассмотрении заявлений о признании законов неконституционными. Во всех случаях имели место материальные нарушения, ни одно заявление не было связано с нарушениями формальными. В восьми делах на соответствие Конституции Испании проверялись законы Каталонии, принятые ее парламентом. Запрос провинциального суда Лериды и семь заявлений от физических лиц стали основаниями для разбирательств. Во всех случаях были вынесены постановления о признании актов или отдельных положений неконституционными (постановление от 3 ноября 1934 г., четыре постановления от 27 ноября 1934 г., три постановления от 23 июня 1936 г.). В четырех процессах предметом рассмотрения стали акты, принятые республиканскими кортесами; в трех случаях заявления не нашли удовлетворения. Лишь закон от 2 января 1935 г., который ввел режим временного управления в автономном регионе Каталония после провозглашения ее политиками Каталонского государства, был признан неконституционным (постановление от 5 марта 1936 г.). Комментируя данное решение, Э. Гонсалес Эрнандес пояснил, что в связи с принятием каталонскими властями незаконных решений, органы республики должны были привести в действие механизм разрешения споров о компетенции и обратиться в СКГ, а не издавать нормативный акт, противоречащий Конституции 1931 года [11, с. 298–300].

Основное место в деятельности СКГ заняли ходатайства о защите конституционных гарантий: 46 из 133 дел [15, р. 329]. Кроме того, в 71 процессе СКГ рассмотрел обращения по поводу ущемления прав и оспаривания наложенных санкций во время действия закона «Об общественном порядке» от 28 июля 1933 г.

В июне 1934 года СКГ был разрешен спор о компетенции в сфере законодательной деятельности. Дело было инициировано правительством республики в связи с изданием генералитетом Каталонии закона о сельскохозяйственных контрактах от 11 апреля 1934 г. СКГ, проверив распределение компетенции между республиканскими органами и органами автономного региона в области аграрных отношений, договорных обязательств, а также соответствие указанного акта закрепленным Конституцией права на труд и прав крестьянства (ст. 46 и 47), установил, что закон был издан при отсутствии у генералитета на то полномочий и поэтому признавался ничтожным, а все последствия его применения аннулировались [16, р. 253–263]. Полномочия по осуществлению правосудия также были реализованы при рассмотрении уголовного дела по обвинению в военном мятеже председателя генералитета Каталонии А. Компаниса и членов данного органа [16, р. 371–379]. 6 октября 1934 г. А. Компанис провозгласил «Каталонское государство Федеративной испанской республики» (*Estado Catalán de la República Federal Española*) и объявил о намерении «учредить в Каталонии Временное правительство республики» [17, р. 176].

СКГ на своих заседаниях 4 и 6 мая 1936 г. осуществил проверку результатов избрания выборщиков, которым предстояло вместе с депутатами кортесов избрать президента республики 10 мая 1936 г. (первый президент республики Н. Алькала Самора был отрешен от должности по решению кортесов, принятому 7 апреля 1936 г., в соответствии со ст. 81 Конституции) [16, р. 448–463]. В результате изучения материалов этих заседаний А. Ральо Ломбарте пришел к обоснованному выводу о том, что при рассмотрении полученных жалоб, СКГ руководствовался принципом «консерватизма», проявил «здоровое чувство мудрости», и утвердил избрание значительного числа выборщиков [18, р. 273–274].

Однако в условиях гражданской войны, начавшейся в июле 1936 г. военным мятежом, поднятым в марокканском корпусе под руководством Ф. Франко, СКГ разделил судьбу всех органов республиканской Испании. Он был вынужден покинуть Мадрид и переместился сначала в Валенсию в 1936 году, а затем в Барселону и в Жерону, где и прошли его последние заседания в январе 1939 года. Однако опыт деятельности СКГ оказался весьма ценным для

будущего страны. Примечательно, что испанские исследователи таковым считают и выявленные пороки, подвергнутые их тщательному анализу. Среди них прежде всего отмечается политизация его деятельности [19, р. 33]. Помимо этого, к числу дефектов относят смешение австрийской (создание специализированного органа конституционной юстиции) и североамериканской (исполнение высшим судом функции конституционного контроля при рассмотрении конкретных дел) моделей при учреждении СКГ, разнообразие его функций и отсутствие единых критериев при его комплектовании, а также и то, что «великая юридическая работа выполнялась в политическом контексте огромных потрясений» Второй Испанской республики [20, р. 169]. Критический анализ статуса СКГ и зависимости высших судебных органов, как и всех государственных органов, от социально-политического контекста их деятельности позволил учредителям в 1978 году исключить черты, которые не способствовали процветанию органа конституционной юстиции, и использовать его при формировании новой системы государственных органов в постфранкистской Испании как один из образцов при учреждении Конституционного суда королевства.

Список литературы

1. Туманов В. А. Избранное. – Москва: Норма, 2010. – 735 с.
2. Волков А. К. Модели конституционной юстиции Э. Ж. Сийеса и их реализация в период Первой и Второй империй во Франции // Юрфакты : электронный журнал юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – Санкт-Петербург. – 2012. – № 2 (5). – С. 46–50. – URL: <https://www.hse.ru/data/2013/04/07/1294704599/%D0%AE%D1%80%D0%A4%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B05.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).
3. Lopez J. A. E. Estudios de Historia del Derecho. – Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, 2016. – 824 p.
4. Fernández Segado F. Las Constituciones históricas españolas : (Un análisis hist.-jur.) – Madrid: Editorial civitas, 1992. – 822 p.
5. Kelsen H. La garantie juridictionnelle de la Constitution (La Justice constitutionnelle) // Revue du Droit Public. – 1928. – Т. 45. – P. 197–257.
6. Moreno F. S. El Tribunal de Garantías Constitucionales de la II República: (La primera experiencia de justicia constitucional en España) // Revista de Administración Pública. – 2012. – № 188. – P. 423–432.
7. Corcuera Atienza F. J. El constitucionalismo de entreguerras y la Constitución española de 1931 // Historia Contemporánea. – 1991. – № 6. – P. 15–46.
8. Legaz y Lacambra L. La influencia de la doctrina de Kelsen en la ciencia jurídica española // Revista de Estudios Políticos. – 1957. – № 96. – P. 29–40.
9. Álvarez García H. La naturaleza política del Tribunal de Garantías Constitucionales de la Segunda República Española // Revista de Derecho Político. – 2011. – № 80. – P. 189–200.
10. Aguiar de Luque L. El Tribunal de Garantías de la II República: una reflexión // Revista Española de derecho constitucional. – 1983. – № 8. – P. 289–297.
11. Tomás Villarroya J. El recurso de inconstitucionalidad en el Derecho español, 1931–1936 // Revista del Instituto de Ciencias Sociales. – 1968. – № 11. – P. 11–52.
12. Cruz Villalón P. Dos modos de regulación del control de constitucionalidad: Checoslovaquia (1920–1938) y España (1931–1936) // Revista Española de Derecho Constitucional. – 1982. – № 5. – P. 115–146.
13. Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. Государство : Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2013. – С. 359–410.
14. Rué Lapeña R. M. El recurso de amparo durante la II República Española // Revista de Estudios Políticos. – 1979. – № 7. – P. 291–298.
15. Álvarez Bertrand P. El Tribunal de Garantías Constitucionales como órgano de tutela de los derechos fundamentales ; Tesis doctoral. – Universidad de Oviedo, 2015. – 501 p.
16. Urosa Sánchez J., Pérez E., Ruiz Rodríguez I., Marhuenda García F. El Tribunal de Garantías Constitucionales de la II República : Colección documental. – Madrid: Consejería de Educación, 1999. – 1057 p.
17. Fossas E. La respuesta de la República ante la rebellion del 6 de octubre de 1934 en Cataluña // Revista española de derecho constitucional. – 2020. – № 120. – P. 169–197.
18. Rallo Lombarte A. El Tribunal de Garantías Constitucionales como tribunal de garantías electorales // Revista de Estudios Políticos. – 1996. – № 92. – P. 251–279.

19. *Rubio Llorente F.* Del Tribunal de Garantías al Tribunal Constitucional // Revista de Derecho Político. – 1982–1983. – № 16. – P. 27–38.

20. *Esteban J. (de), González-Trevijano P. J.* Tratado de Derecho Constitución III. – Madrid: Universidad Complutense, 2000. – 920 p.

References

1. *Tumanov V. A.* Izbrannoye. – Moskva: Norma, 2010. – 735 s.

2. *Volkov A. K.* Modeli konstitutsionnoy yustitsii E. ZH. Siyyesa i ikh realizatsiya v period Pervoy i Vtoroy imperiy vo Frantsii // Yurfakty : elektronnyy zhurnal yuridicheskogo fakul'teta Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki». – 2012. – № 2 (5). – S. 46–50. – URL: <https://www.hse.ru/data/2013/04/07/1294704599/%D0%AE%D1%80%D0%A4%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B05.pdf> (data obrashcheniya: 12.01.2024).

3. *Lopez J. A. E.* Estudios de Historia del Derecho. – Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado, 2016. – 824 p.

4. *Fernández Segado F.* Las Constituciones históricas españolas : (Un análisis hist.-jur.). – Madrid: Editorial civitas, 1992. – 822 p.

5. *Kelsen H.* La garantie juridictionnelle de la Constitution (La Justice constitutionnelle) // Revue du Droit Public. – 1928. – T. 45. – P. 197–257.

6. *Moreno F. S.* El Tribunal de Garantías Constitucionales de la II República: (La primera experiencia de justicia constitucional en España) // Revista de Administración Pública. – 2012. – № 188. – P. 423–432.

7. *Corcuera Atienza F. J.* El constitucionalismo de entreguerras y la Constitución española de 1931 // Historia Contemporánea. – 1991. – № 6. – P. 15–46.

8. *Legaz y Lacambra L.* La influencia de la doctrina de Kelsen en la ciencia jurídica española // Revista de Estudios Políticos. – 1957. – № 96. – P. 29–40.

9. *Álvarez García H.* La naturaleza política del Tribunal de Garantías Constitucionales de la Segunda República Española // Revista de Derecho Político. – 2011. – № 80. – P. 189–200.

10. *Aguilar de Luque L.* El Tribunal de Garantías de la II República: una reflexión // Revista Española de derecho constitucional. – 1983. – № 8. – P. 289–297.

11. *Tomás Villarroya J.* El recurso de inconstitucionalidad en el Derecho español, 1931–1936 // Revista del Instituto de Ciencias Sociales. – 1968. – № 11. – P. 11–52.

12. *Cruz Villalón P.* Dos modos de regulación del control de constitucionalidad: Checoslovaquia (1920–1938) y España (1931–1936) // Revista Española de Derecho Constitucional. – 1982. – № 5. – P. 115–146.

13. *Ke'zen G.* Kto dolzhen byt' garantom konstitutsii? // Shmitt K. Gosudarstvo : Pravo i politika / per. s nem. i vstup. st. O. V. Kil'dyushova. – Moskva: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2013. – S. 359–410.

14. *Rué Lapeña R. M.* El recurso de amparo durante la II República Española // Revista de Estudios Políticos. – 1979. – № 7. – P. 291–298.

15. *Álvarez Bertrand P.* El Tribunal de Garantías Constitucionales como órgano de tutela de los derechos fundamentales ; Tesis doctoral. – Universidad de Oviedo, 2015. – 501 p.

16. *Urosa Sánchez J., Pérez E., Ruiz Rodríguez I., Marhuenda García F.* El Tribunal de Garantías Constitucionales de la II República : Colección documental. – Madrid: Consejería de Educación, 1999. – 1057 p.

17. *Fossas E.* La respuesta de la República ante la rebellion del 6 de octubre de 1934 en Cataluña // Revista española de derecho constitucional. – 2020. – № 120. – P. 169–197.

18. *Rallo Lombarte A.* El Tribunal de Garantías Constitucionales como tribunal de garantías electorales // Revista de Estudios Políticos. – 1996. – № 92. – P. 251–279.

19. *Rubio Llorente F.* Del Tribunal de Garantías al Tribunal Constitucional // Revista de Derecho Político. – 1982–1983. – № 16. – P. 27–38.

20. *Esteban J. (de), González-Trevijano P. J.* Tratado de Derecho Constitución III. – Madrid: Universidad Complutense, 2000. – 920 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted January 12, 2024; approved after reviewing March 1, 2024; accepted for publication March 29, 2024.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-24-32>

Павел Александрович Астафичев

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>, pavel-astafichev@rambler.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Судебная реформа Александра II и ее историко-правовое значение для российского конституционного строя

Аннотация: Введение. Статья посвящена исследованию ряда историко-правовых проблем, связанных с оценкой результатов судебной реформы Александра II (вторая половина XIX века). Размышляя о том, применим ли опыт этой реформы для конституционного строя современной России, автор полагает, что хотя император Александр II не решился на полномасштабные конституционные преобразования и октроирование конституции, но его реформы в комплексе и системном единстве конституировали принципиально новый государственный паттерн, который при сохранении принципа самодержавия и ряда иных ключевых признаков неограниченной монархии продемонстрировал существенно обновленные государственно-правовые формы организации и деятельности публичной власти. При всей привлекательности замыслов Александра II мы не можем сегодня сказать, что они действительно необходимы современной России в их полноте и аутентичности, но, что весьма важно при современной теоретико-методологической оценке судебной реформы, – это прагматичность государственной администрации второй половины XIX века, которая предпочла путь демократизации сначала судебной системы и земского самоуправления, и лишь затем, если это вообще было нужно для соответствующих историко-правовых условий развития российской государственности того периода, – конституционализацию народного представительства, всеобщих и равных выборов, многопартийности, разделения властей и верховенства прав человека. **Методы.** В работе применялся комплекс методов, которые выработаны и апробированы историко-правовой наукой и теорией государства и права. Особенно активно использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения. **Результаты.** Автор доказывает, что имеющаяся в современной России правоохранительная система неидеальна, несовершенна и не должна подвергаться в связи с этим теоретико-методологической идеализации. В числе прочего судебная деятельность, прокурорская, следственная и полицейская практика нуждаются в дальнейшей гуманизации на основе требований конституционных принципов и норм. Значительное содействие в достижении данной цели могло бы оказать частичное использование опыта судебной реформы второй половины XIX века, особенно в аспекте институционализации судов с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: судебная реформа, правление Александра II, конституционализация, суд с участием присяжных заседателей, прокуратура, судебное следствие, присяжные поверенные, полиция

Для цитирования: Астафичев П. А. Судебная реформа Александра II и ее историко-правовое значение для российского конституционного строя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 24–32; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-24-32>.

Pavel A. Astafichev

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6801-9822>, pavel-astafichev@rambler.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Judicial reform of Alexander II and its historical and legal significance for the Russian constitutional system

Abstract: Introduction. The article is devoted to the study of a number of historical and legal problems related to the evaluation of the results of the judicial reform of Alexander II (the second half of the 19th century). Considering whether the experience of this reform is applicable to the constitutional system of modern Russia, the author believes that although the Emperor Alexander II did not risk to make full-scale constitutional changes and octroy the constitution, his reforms as a whole and systemic unity constituted a fundamentally new state pattern, which, while preserving the principle of autocracy and a number of other key features of unlimited monarchy, demonstrated significantly updated state-legal forms of organization and activities of the public authority. Despite all the attractiveness of Alexander II's plans, we cannot say today that they are really necessary for modern Russia in their completeness and authenticity, but what is very important for the modern theoretical and methodological assessment of the judicial reform is the pragmatism of the public administration of the second half of the 19th century. It preferred the path of democratization first of the judicial system and local (*zemstvo*) self-government, and only then, if it was necessary at all for the relevant historical and legal conditions of the Russian statehood development of period in question, constitutionalization of popular representation, universal and equal elections, multiparty system, separation of powers and supremacy of human rights. **Methods.** The work used a set of methods, which are developed and tested by historical and legal science and the theory of state and law. The methods of analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach, method of comparative jurisprudence were especially actively used. **Results.** The author proves that the existing law enforcement system in modern Russia is incomplete, imperfect and should not be subjected to theoretical and methodological idealization in this regard. Besides, judicial activity, prosecutorial, investigative and police practices need further humanization based on the requirements of constitutional principles and norms. Partial use of the experience of judicial reform of the second half of the 19th century, especially in the context of the institutionalization of jury trials, could contribute significantly in achieving this goal.

Keywords: judicial reform, reign of Alexander II, constitutionalization, jury trial, prosecutor's office, judicial enquiry, sworn attorneys, police

For citation: Astafichev P. A. Judicial reform of Alexander II and its historical and legal significance for the Russian constitutional system // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 24–32; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-24-32>.

Введение

У каждого государства свой путь развития, своеобразный и неповторимый. Несмотря на общие закономерности государственно-правовой истории человечества, в специфическом пути конкретной страны всегда можно обнаружить лабиринты, хитросплетения, тупики и неожиданные повороты. Для Российской империи по многим оценкам [1, с. 357; 2, с. 34; 3, с. 68] таким важным поворотом в государственно-правовом генезисе стали реформы императора Александра II, которые по масштабам и значению имеют явно выраженную конституционную, точнее – конституирующую государство и право природу. Александр II не решился на полномасштабные конституционные преобразования и октроирование конституции, но его реформы в комплексе и системном единстве конституировали принципиально новый государственный паттерн [4, с. 20], который при сохранении

принципа самодержавия и ряда иных ключевых признаков неограниченной монархии продемонстрировал существенно обновленные государственно-правовые формы организации и деятельности публичной власти [5, с. 418]. Особое значение, на наш взгляд, имели судебная, а также земская и городская реформы второй половины XIX века.

Размышляя об историко-правовом значении преобразований Александра II для современного конституционного строя, исследователь с неизбежностью сталкивается с проблемой *рецепции*. Сама по себе рецепция не считается вредной для государственности и правопорядка: она была положена, например, в основу формирования романо-германской правовой семьи, в состав которой, по некоторым оценкам, входит или, по крайней мере, входило (до социалистической революции) наше государство. С этой точки зрения, казалось бы, рецепция как государственно-правовое явление следует приветствовать. Однако необходимо учитывать причины, которыми обуславливалась рецепция римского частного права в континентальной Европе и может быть вызвана рецепция государственно-правовых моделей Александра II применительно к современной российской государственности.

В первом случае это было своего рода «профессорское право»: профессура европейских университетов пропагандировала римское частное право как наиболее подходящее для целей экономического развития после начала эры капитализма. С течением времени к профессуре «прислушался» законодатель и сконструировал позитивное право в целом так, как рекомендовала юридическая наука. Допустима ли аналогичная модель и вообще рецепция судебной, земской и городской реформ Александра II для современной России? При положительном ответе на поставленный вопрос законодатель и правоприменитель были бы вынуждены методологически отрицать советское государство и право, а также государственно-правовые практики контрреформ Александра III, правление Николая II, февральскую революцию 1917 года и др. Действительно ли для этого существуют достаточные историко-правовые основания или для России предпочтителен традиционный, в частности, англосаксонский путь, который базируется на более строгой преемственности в развитии государства и права?

Методы

В работе применялся комплекс методов, которые выработаны и апробированы историко-правовой наукой и теорией государства и права. Особенно активно использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения.

Результаты

1. Государственно-правовые принципы судебной реформы

Рассмотрим вопрос, как мыслил преобразованное правосудие император Александр II на уровне государственно-правовых принципов. Наиболее емко он выразил это в ставшей крылатой фразе о суде «скором, правом, милостивом и равном», чтобы «возвысить судебную власть», «дать ей самостоятельность», «утвердить в народе то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние». Эти слова монарха не утратили своей актуальности, они не выглядят архаичными [6, с. 3] и, по существу, востребованы сегодняшним конституционным строем [7, с. 38]. Выражаясь современным юридическим языком, в ходе судебной реформы второй половины XIX века были установлены конституционные права на осуществление правосудия в разумные сроки, на справедливость судебного разбирательства, на гуманизм правоохранительной системы и равенство всех перед законом и судом. Гарантией самостоятельности судебной власти Александр II полагал ее «возвышение», чего в современной России не наблюдается в полной мере до сих пор. Конечной же целью преобразований в судебной системе царь определял «формирование в народе уважения к закону» как важнейшего залога «общественного благосостояния». Цель, поистине, недостижимая, хотя к ее обеспечению государственно-правовой системе всегда следует стремиться [8, с. 110].

Судебная реформа Александра II сменила предыдущую, «екатерининскую» модель организации правосудия. По вполне объяснимым причинам объект реформирования (т. е. судебная система при Екатерине II и далее вплоть до правления Александра II) подвергалась тотальной критике. Во многом эту тенденцию поддерживает современная историко-правовая литература. Очевидно, что реформирование предполагает «коренную ломку» старого, для чего необходимо низвести предыдущие практики до категории *malum in se*. Стремящийся к объективности и беспристрастности исследователь, однако, всегда заметит, что в реформируемом объекте не могли наблюдаться сплошные недостатки, в противном случае он бы столь длительное время в государственно-правовой истории не существовал. В частности, та самая «неповоротливая», «бюрократическая», «несостязательная» и иная «негативная» екатерининская судебная система

вне сомнения, имела свои преимущества (например, гарантию защиты от уголовного преследования при отсутствии синхронных показаний двух и более свидетелей) [9, с. 221]. Но в целом следует признать глубоко положительный характер судебной реформы Александра II и ее назревшую необходимость в условиях институционализации *гражданского равенства* и дарования *свободы бывшим крепостным крестьянам*. Екатерининская система правосудия ко второй половине XIX века в неизменном виде функционировать больше не могла, что было очевидно и для государства, и для общества того времени.

Судебную реформу Александра II можно интерпретировать по-разному [10, с. 119; 11, с. 175], но, пожалуй, одним из основных ее стержней было всеобщее внедрение судов с участием присяжных заседателей для уголовных дел, наказание за которые предполагало лишение свободы сроком более чем на один год и четыре месяца [12, с. 65]. Ключевая идея заключалась в том, что *сравнительно существенные* уголовные дела (в англо-саксонской правовой терминологии – “*felony*”, что следует отличать от “*misdeameanour*” или “*misdeameanor*” как уголовных правонарушений меньшей тяжести) должны быть подсудными судам с участием присяжных заседателей, уголовное преследование прокуратуры должно находиться под контролем судебной власти вышестоящих коронных судов, а сам процесс в суде с участием присяжных заседателей должен быть состязательным, при котором прокурор и адвокат (присяжный поверенный) на равных процессуальных основаниях доказывают присяжным заседателям фактические обстоятельства соответствующего уголовного дела.

Председательствующий профессиональный судья следит за порядком в процессе, формулирует вопросы присяжным, дает им напутственное слово и на основе их вердикта осуществляет юридическую квалификацию деяния по рассматриваемому делу. Вопросы «факта» – исключительная прерогатива коллегии присяжных заседателей, вопросы «права» – компетенция профессионального судьи [13, с. 78]. Решения судов с участием присяжных заседателей нельзя обжаловать, опротестовать и пересмотреть в апелляционном порядке, в этом смысле они являются окончательными. Однако Правительствующий Сенат был вправе пересмотреть решения судов с участием присяжных заседателей в кассационном порядке (т. е. проверить правильность разрешения вопросов «права», не подвергая сомнению преюдициальный характер воли коллегии присяжных, постановивших вердикт о виновности или невиновности подсудимого).

2. Прокуратура, судебное следствие и присяжные поверенные как институты судебной реформы

Подчеркнем, что подобная система в значительной степени опровергала петровскую модель «ока государева», согласно которой основная функция прокуратуры заключается в осуществлении государственного надзора. Напротив, прокуратура организовывалась сообразно структуре уголовных судов и за эти организационные рамки не выходила (будучи процессуально независимой, прокуратура организационно подчинялась министру юстиции, который по должности являлся генерал-прокурором). Юридически квалифицированному и опытному составу прокуроров противопоставлялась корпорация не менее осведомленных в теоретической и практической юриспруденции присяжных поверенных, чья процессуальная функция заключалась в обеспечении состязательности перед присяжными заседателями. Каждая из сторон в уголовном процессе имела гарантированные законом возможности доказывать правовые позиции спорящих контрагентов, опираясь исключительно на факты и их доказанность. В конечном итоге судебная реформа Александра II взрастила плеяду блестящих адвокатов и судебных ораторов, чьи имена сегодня известны стране и всему миру.

Прокуратура в ходе судебной реформы Александра II позиционировалась как ветвь судебного ведомства при судах всех уровней, включая Правительствующий Сенат (при последнем замещались должности не прокуроров и их товарищей, но обер-прокуроров и их товарищей). К функциям прокуратуры относилось возбуждение уголовного преследования (право не исключительное), непосредственное руководство полицией при дознании, наблюдение за следователями (прокурор следственные действия не совершал, но мог давать следователям предложения). После окончания следствия прокурор формировал обвинительное заключение или предложение о прекращении дела, что подлежало проверке вышестоящим по отношению к суду с участием присяжных коронным судом. В этом можно усматривать некую аналогию с «большим жури» (*grand jury*) в англосаксонской правовой системе, только уравнивающую и сдерживающую функцию при Александре II должен был осуществлять коронный суд, не еще одна коллегия присяжных, как, например, в США. В любом случае есть достаточные основания констатировать, что полномочия прокуратуры в ходе судебной реформы второй половины XIX века были сбалансированы, причем основной функцией прокурора считалась *поддержка обвинения в суде*.

Одновременно с прокуратурой важную роль в ходе судебной реформы Александра II играл институт *судебных следователей*. Следователи, как и прокуроры, конституировались как институты судебного ведомства и не относились к исполнительной власти, хотя это суждение выглядит довольно условным: в Российской империи не признавался принцип разделения властей, ветви власти не имели строгого деления на законодательную, исполнительную и судебную. Но важно учитывать, что следователи во второй половине XIX были именно «судебными» [14, с. 217] и они не формировали, как сегодня, единую централизованную структуру [15, с. 9]. Следователи действовали при окружных судах, были распределены по участкам. Они возбуждали следственные дела, руководили оперативной деятельностью полиции, собирали доказательства, извещали прокуратуру и открывали прокурору свои действия. При этом следователь был не вправе делать какие-либо юридические выводы, это была прерогатива прокурора. Задача судебного следователя исчерпывалась сбором доказательств и дискреционным усмотрением об их достаточности для передачи материалов дела прокурору.

Несмотря на очевидную важность институтов судебного следствия, прокуратуры и присяжных поверенных, главенствующую роль в судебной реформе второй половины XIX века, безусловно, сыграла *организация судов*. Авторы судебной реформы Д. Н. Блудов и С. И. Зарудный критиковали предыдущую систему, во многом справедливо считая ее не самостоятельной, закрытой для общества и не состязательной. Производство по уголовным делам осуществлялось без адвоката, чаще всего – в заочном и канцелярско-письменном режиме, что приводило к волоките, произволу и жестоким судебным решениям. Судебная машина отличалась неповоротливостью и чаще всего квалифицировалась как расправа. В противовес этому во второй половине XIX века выдвигались новые государственно-правовые принципы состязательности, независимости, бессословности и открытости судебной системы для общества [16, с. 21].

Общая логика судебной реформы Александра II заключалась в институциональном размежевании трех ключевых субъектов процессуальных отношений – обвинения (прокурор или товарищ прокурора), защиты (присяжных поверенных) и суда как представителя общества (будь то мировой судья, коллегия присяжных заседателей или коронный судья) [17, с. 134]. Основной гарантией независимости суда служил принцип *административного невмешательства в отправление правосудия*: судью в административном порядке нельзя было снять или заменить; государственная администрация не была уполномочена на отмену или изменение судебных решений; даже император лишался прерогативы отмены приговора, он был вправе лишь помиловать осужденного в качестве особого акта милосердия. Примечательно, что последний институт в некоторой степени сохранился в современной конституционной системе России: Президент Российской Федерации обладает правом помилования, Государственная Дума – правомочием амнистии. При этом отправление правосудия – исключительная прерогатива действующих сегодня в России судов.

3. Опыт дореволюционной России и современный российский конституционный строй

Указанные институционально-правовые решения во второй половине XIX века в царской России выглядели более чем радикально новыми. Исторически они были во многом обусловлены объективными обстоятельствами – ломкой сословно-структурированного общества, отказом от права помещиков судить своих крепостных крестьян и государственно-правовых привилегий дворянства. Этот путь, конечно, нельзя сравнивать с масштабами французской революции или Филадельфийского конвента в США, он не основывался на ценностях британской *Magna Carta* и не приводил к полноценной конституционной реформе, которая базировалась бы на господствующих уже в то время в Западной Европе и в североамериканских штатах ценностях разделения властей и верховенства прав человека. Но Александр II сделал ряд важных шагов в этом направлении, гарантируя обществу *предсказуемую вероятность* уголовно-правовой политики, удаление административно-государственных ограничений из сферы правосудия, нормативно-институциональное сдерживание полицейских полномочий, стимулируя при этом гражданский активизм, баланс порядка и свободы, формирование позитивного правосознания и его ключевого принципа связанности субъектов правоотношений справедливым и равным для всех правом.

Состязательный судебный процесс способствует разоблачению обманых и юридически несостоятельных позиций тяжущихся сторон, но главное – последовательному формированию в государственно-правовой системе высоких стандартов доказательств по уголовным делам, которые должны быть выше, чем это допускается законом и правоприменительной практикой для всех других судебных споров. Эта проблема не была разрешена

в эпоху Александра II и остается актуальной по сей день. В англосаксонских странах в связи с этим выработаны стандарты «вне разумных сомнений» (*beyond of reasonable doubt*) для уголовных дел и «баланса вероятностей» (*balance of probabilities*) для иных судебных споров; судебный конституционный контроль в США базируется на принципах 14-й поправки, которая закрепила концепции «надлежащей правовой процедуры» (*due process of law*) и равной защиты (*equal protection*).

В ходе судебной реформы Александра II, конечно, речь не могла идти о формировании столь четких юридических принципов и норм, которые обязывали бы прокурора, адвоката и суд к соответствующим законным действиям и правомерному бездействию. Но институционализация судов с участием присяжных заседателей во второй половине XIX века сыграла в этом весьма значимую роль. Избрание присяжных заседателей «из народа», «по совети», «по жребию» и «из всех сословий» при гарантии обязательности вердикта коллегии присяжных для председательствующего судьи – принципиально новый для того историко-правового периода времени институт, который с неизбежностью *повышал фактические стандарты доказательств* по уголовным делам. Присяжные заседатели – не юристы, у них нет опыта правоохранительной деятельности. Но они более объективны и беспристрастны в оценке доказательств, чем профессиональные служители закона. Тем самым повышался стандарт доказывания, приближаясь к требованию «вне разумных сомнений» (*beyond of reasonable doubt*). *Разумно сомневающийся* при оценке хотя бы одного из доказательств присяжный заседатель вправе и даже нравственно обязан проголосовать «против» обвинительного или оправдательного вердикта, что при консенсусной системе подсчета голосов приводило бы к «подвешенному жюри» и влекло за собой необходимость возобновления уголовного процесса с начала, с его первых стадий.

Современное российское правосудие сложно упрекнуть в какой-либо архаичности или институциональной отсталости. Напротив, российские судьи пользуются конституционными принципами независимости и гарантиями беспристрастности. Суд с участием присяжных заседателей не просто разрешен Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом, он даже поощряется правоохранительной системой, и нередко блокирующим фактором становятся абсентеизм российских граждан, их нежелание поучаствовать в судьбе обвиняемых в преступлении, чтобы объективно и беспристрастно оценить фактические обстоятельства соответствующего уголовного дела.

Подобная позиция с трудом объяснима, особенно ввиду ряда современных факторов функционирования российского государства и права. Присяжный абсентеизм – крайнестораживающее явление, которое может оцениваться наряду с абсентеизмом избирательным и вообще всякой иной формой отторжения гражданским обществом ценностей государства и права, что граничит с нивелированием государственно-правовых ценностей в позитивно ориентированном гражданском обществе. Конституционный принцип публичности уголовного преследования – это именно гражданственный, своего рода ключевой государственно-правовой принцип, которым обязаны руководствоваться граждане всякий раз, когда речь идет об уголовном преследовании. Осуждение за преступление или признание невиновным – это публично-правовые акты, в которых заинтересовано все общество при гарантиях эффективной адвокатской защиты прав и законных интересов подсудимых, иначе уголовное преследование и наказание утратили бы свою конституционно-правовую природу.

Заключение

Каково же значение судебной реформы Александра II для современного российского конституционного правопорядка? Полагаем, что она, с одной стороны, демонстрирует свою востребованность и актуальность, с другой – историко-правовую *примечательность*, но *маловероятную применимость* к современным российским реалиям [18, с. 241]. При всей привлекательности замыслов Александра II мы не можем сегодня сказать, что они действительно необходимы современной России в их полноте и аутентичности [19, с. 1189]. Но что, пожалуй, самое важное при современной теоретико-методологической оценке судебной реформы – это *прагматичность* государственной администрации второй половины XIX века, которая предпочла путь демократизации сначала судебной системы [20, с. 8] и земского самоуправления [21, с. 1679], и лишь затем, если это вообще было нужно для соответствующих историко-правовых условий развития российской государственности того периода, – конституционализацию народного представительства, всеобщих и равных выборов, многопартийности, разделения властей и верховенства прав человека.

Сегодня мы живем в эпоху, когда принцип разделения властей и фундаментальные права человека признаны на конституционном уровне, законодательная власть принадлежит

демократически формируемому народному представительству, президентская власть является выборной и обособленной от правительственной, действуют Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации, система судов общей и арбитражной юрисдикции. В Государственной Думе имеются фракции, формируемые вследствие участия в выборах различных политических партий и применения смешанной избирательной системы с заградительным пунктом. Право адвоката на участие в состязательном уголовном процессе считается очевидным. Право на суд с участием присяжных заседателей указывается в Конституции Российской Федерации трижды – как гарантия при обвинении за особо тяжкие преступления против жизни (ч. 2 ст. 20), общее конституционное право (ч. 2 ст. 47) и принцип отправления правосудия (ч. 4 ст. 123). Конституированы презумпция невиновности (ст. 49), “*non bis in idem*” (недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление, ч. 1 ст. 50), доктрина «плодов отравленного дерева» (запрет использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, ч. 2 ст. 50), концепция “*neto tenetur se ibsem accusare*” (привилегия против самоизобличения, ч. 1 ст. 51), запрет ретроактивного применения закона при повороте к худшему (ст. 54) и др. О подобных конституционных гарантиях наши предки во второй половине XIX века, пожалуй, могли только мечтать.

Вместе с тем существующая в современной России правоохранительная система неидеальна, несовершенна и *не должна подвергаться* в связи с этим теоретико-методологической *идеализации*. В числе прочего судебная деятельность, прокурорская, следственная и полицейская практика нуждаются в дальнейшей *гуманизации* на основе требований конституционных принципов и норм. Значительное содействие в достижении данной цели могло бы оказать частичное использование опыта судебной реформы второй половины XIX века, особенно в аспекте институционализации судов с участием присяжных заседателей.

Список литературы

1. Селезнева Н. М. О непреходящей ценности судебной реформы Александра II / Александр II и его время : К 200-летию со дня рождения : сборник работ юбилейной Международной конференции, 17–19 декабря 2018 г. – Санкт-Петербург: [б. и.], 2019. – С. 357–367.
2. Терновцов А. В. Великая судебная реформа Александра II // Человек и закон. – 2021. – № 12. – С. 34–46.
3. Маренко А. В. Судебная реформа Александра II / Теоретические и практические проблемы развития современной юридической науки : сборник научных статей / под общ. ред. Б. М. Магомедова. – Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2017. – С. 68–70.
4. Ильин А. В. Судебные реформы Александра II как первый шаг к конституционализации России / Прокуратура и судебная система России: история и современность : материалы научно-практической конференции, к 150-летию Судебной реформы 1864 года, 27 ноября 2014 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт, 2015. – С. 20–23.
5. Лежнин О. Д. Развитие судебной системы России (от реформы Александра II до настоящего времени) / Правовое образование : сборник научных статей / под ред. И. В. Бухаровой, А. А. Никитиной. – Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2021. – Т. 16. – С. 418–424.
6. Волченко О. Ю. Судебная реформа Александра II как историко-правовая предпосылка развития конституционного института судебной защиты прав человека в России // Современное общество и право. – 2023. – № 5 (66). – С. 3–11.
7. Максимов М. А. Судебная реформа эпохи Александра II в трудах отечественных исследователей (краткий обзор) / Государство и право: теория и практика : сборник научных статей / под ред. И. Р. Мустафина. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2023. – С. 38–39.
8. Дорская А. А. Судебная реформа 1864 г. в контексте правовой реформы Александра II / Научные труды. Российская академия юридических наук : сборник статей. – Москва: Юрист, 2015. – Вып. 15. – С. 110–115.
9. Лавицкая М. И. Тенденции развития института свидетельских показаний в пореформенной Российской империи / Актуальные вопросы права, экономики и управления : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Ульяновск, 24 апреля 2020 г. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2020. – С. 221–226.

10. Савенкова М. И. Влияние судебной реформы 1864 года на становление системы судов общей юрисдикции в России // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 5 (156). – С. 119–121.

11. Цечоев В. К., Рубан Д. Е. Взаимовлияние преступлений и репрессивной системы наказаний в инквизиционной юстиции Российской империи 1864 – 1890-х гг. // Власть Закона. – 2018. – № 1 (33). – С. 53–60.

12. Дашаев С. М. Создание института присяжных заседателей – центральный элемент судебной реформы Александра II / Фестиваль права : сборник трудов VI Всероссийской научной молодежной конференции, 15 декабря 2020 г. – Ставрополь: Параграф, 2021. – С. 65–69.

13. Бредихин И. А. Эффективность суда присяжных в уголовном процессе: правовой анализ / Право, общество, государство: история, современные тенденции и перспективы развития : сборник трудов III Международной научно-практической конференции студентов и магистров, Липецк, 30 ноября 2022 г. / под общ. ред. В. В. Соловьёвой. – Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «Наука-Юнипресс», 2022. – Ч. 2. – С. 78–83.

14. Аверченко А. К. Формирование и развитие уголовно-процессуального статуса судебного следователя в период судебных реформ Александра II (1860–1864 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс : сетевое издание. – 2014. – № 9. – С. 217–231. – URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/118> (дата обращения: 18.02.2024).

15. Бастрыкин А. И. От следственных канцелярий до следственного комитета // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 4. – С. 9–15.

16. Тараканова Н. Г. Правовое обеспечение независимости судебной власти в России: судебная реформа Александра II // Современное общество и власть. – 2016. – № 3 (9). – С. 21–24.

17. Диковская Л. И. Судебная реформа Александра Второго / Эволюция российского права : материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, 28–29 апреля 2022 г. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. – С. 134–141.

18. Мархгейм М. В., Тонков Е. Е. Судебная реформа в России: преемственность и модернизация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 16. – С. 241–252.

19. Денисов И. С., Аллалыев Р. М., Кацарский М. И., Смирнов М. Г. Сравнительная характеристика состояния судебной системы Российской империи до и после судебной реформы 1864 года. Часть 1 // Былые годы. – 2022. – № 17 (3). – С. 1189–1196.

20. Анфалов А. А., Худобородов А. Л. Влияние судебной реформы 1864 года на модернизацию российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 8–10.

21. Лаптева Л. Е., Немытина М. В., Михеева Ц. Ц. Земство и мировой суд в России: организация публичной власти на местном уровне // Былые годы. – 2019. – № 54 (4). – С. 1679–1691.

References

1. Selezneva N. M. Oneprekhodyashcheytsennosti sudebnoy reformy Aleksandra II / Aleksandr II i yego vremya : K 200-letiyu so dnya rozhdeniya : sbornik rabot yubileynoy Mezhdunarodnoy konferentsii, 17–19 dekabrya 2018 g. – Sankt-Peterburg: [b. i.], 2019. – S. 357–367.

2. Ternovtsov A. V. Velikaya sudebnaya reforma Aleksandra II // Chelovek i zakon. – 2021. – № 12. – S. 34–46.

3. Marenko A. V. Sudebnaya reforma Aleksandra II / Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy razvitiya sovremennoy yuridicheskoy nauki : sbornik nauchnykh statey / pod obshch. red. V. M. Magomedova. – Rostov-na-Donu: Rostovskiy institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Vserossiyskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii (RPA Minyusta Rossii)», 2017. – S. 68–70.

4. Il'in A. V. Sudebnyye reformy Aleksandra II kak pervyy shag k konstitutsionalizatsii Rossii / Prokuratura i sudebnaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, k 150-letiyu Sudebnoy reformy 1864 goda, 27 noyabrya 2014 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut, 2015. – S. 20–23.

5. Lezhnin O. D. Razvitiye sudebnoy sistemy Rossii (ot reformy Aleksandra II do nastoyashchego vremeni) / Pravovoye obrazovaniye : sbornik nauchnykh statey / pod red. I. V. Bukharovoy,

A. A. Nikitinoy. – Rostov-na-Donu: Rostovskiy institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Vserossiyskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii (RPA Minyusta Rossii)», 2021. – T. 16. – S. 418–424.

6. *Volchenko O. Yu.* Sudebnaya reforma Aleksandra II kak istoriko-pravovaya predposylka razvitiya konstitutsionnogo instituta sudebnoy zashchity prav cheloveka v Rossii // *Sovremennoye obshchestvo i pravo.* – 2023. – № 5 (66). – S. 3–11.

7. *Maksimov M. A.* Sudebnaya reforma epokhi Aleksandra II v trudakh otechestvennykh issledovateley (kratkiy obzor) / *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika : sbornik nauchnykh statey / pod red. I. R. Mustafina.* – Nizhniy Novgorod: Dyatlovy gory, 2023. – S. 38–39.

8. *Dorskaya A. A.* Sudebnaya reforma 1864 g. v kontekste pravovoy reformy Aleksandra II / *Nauchnyye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk : sbornik statey.* – Moskva: Yurist, 2015. – Vyp. 15. – S. 110–115.

9. *Lavitskaya M. I.* Tendentsii razvitiya instituta svidetel'skikh pokazaniy v poreformennoy Rossiyskoy imperii / *Aktual'nyye voprosy prava, ekonomiki i upravleniya : sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Ul'yanovsk, 24 aprelya 2020 g.* – Cheboksary: Izdatel'skiy dom «Sreda», 2020. – S. 221–226.

10. *Savenkova M. I.* Vliyaniye sudebnoy reformy 1864 goda na stanovleniye sistemy sudov obshchey yurisdiksii v Rossii // *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal.* – 2021. – № 5 (156). – S. 119–121.

11. *Tsechoyev V. K., Ruban D. Ye.* Vzaimovliyaniye prestupleniy i repressivnoy sistemy nakazaniy v inkvizitsionnoy yustitsii Rossiyskoy imperii 1864–1890-kh gg. // *Vlast' Zakona.* – 2018. – № 1 (33). – S. 53–60.

12. *Dashayev S. M.* Sozdaniye instituta prislyazhnykh zasedateley – tsentral'nyy element sudebnoy reformy Aleksandra II / *Festival' prava : sbornik trudov VI Vserossiyskoy nauchnoy molodezhnoy konferentsii, 15 dekabrya 2020 g.* – Stavropol': Paragraf, 2021. – S. 65–69.

13. *Bredikhin I. A.* Effektivnost' suda prislyazhnykh v ugovnom protsesse: pravovoy analiz / *Pravo, obshchestvo, gosudarstvo: istoriya, sovremennyye tendentsii i perspektivy razvitiya : sbornik trudov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov i magistrrov, Lipetsk, 30 noyabrya 2022 g. / pod obshch. red. V. V. Solov'yovoy.* – Voronezh: Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya po okazaniyu izdatel'skikh i poligraficheskikh uslug «Nauka-Yunipress», 2022. – Ch. 2. – S. 78–83.

14. *Averchenko A. K.* Formirovaniye i razvitiye ugovno-protsessual'nogo statusa sudebnogo sledovatelya v period sudebnykh reform Aleksandra II (1860–1864 gody) // *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs : setevoye izdaniye.* – 2014. – № 9. – S. 217–231. – URL: <https://ipp.kursksu.ru/magazine/archive/number/118> (data obrashcheniya: 18.02.2024).

15. *Bastrykin A. I.* Ot sledstvennykh kantselyariy do sledstvennogo komiteta // *Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya.* – 2017. – № 4. – S. 9–15.

16. *Tarakanova N. G.* Pravovoye obespecheniye nezavisimosti sudebnoy vlasti v Rossii: sudebnaya reforma Aleksandra II // *Sovremennoye obshchestvo i vlast'.* – 2016. – № 3 (9). – S. 21–24.

17. *Dikovskaya L. I.* Sudebnaya reforma Aleksandra Vtorogo / *Evolyutsiya rossiyskogo prava : materialy XX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov, 28–29 aprelya 2022 g.* – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2022. – S. 134–141.

18. *Markhgeym M. V., Tonkov Ye. Ye.* Sudebnaya reforma v Rossii: preymstvennost' i modernizatsiya // *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo.* – 2014. – № 16. – S. 241–252.

19. *Denisov I. S., Allalyayev R. M., Katsarskiy M. I., Smirnov M. G.* Sravnitel'naya kharakteristika sostoyaniya sudebnoy sistemy Rossiyskoy imperii do i posle sudebnoy reformy 1864 goda. Chast' 1 // *Bylyye gody.* – 2022. – № 17 (3). – S. 1189–1196.

20. *Anfalov A. A., Khudoborodov A. L.* Vliyaniye sudebnoy reformy 1864 goda na modernizatsiyu rossiyskogo obshchestva vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki.* – 2013. – № 1. – S. 8–10.

21. *Lapteva L. Ye., Nemytina M. V., Mikheyeva Ts. Ts.* Zemstvo i mirovoy sud v Rossii: organizatsiya publichnoy vlasti na mestnom urovne // *Bylyye gody.* – 2019. – № 54 (4). – S. 1679–1691.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted February 21, 2024; approved after reviewing March 18, 2024; accepted for publication April 8, 2024.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-33-42>

Олег Павлович Грибунов

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9288-1364>, gribunov@mail.ru

Анна Тимофеевна Тумурова

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-1170-5730>, annatumurov789@gmail.com

Байкальский государственный университет

Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11

Елена Евгеньевна Степанова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-7460-2053>, kanuzelelena@inbox.ru

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

Российская Федерация, 664005, Иркутск, ул. Шевцова, д. 1

Особенности организации и деятельности судов и адвокатуры в Иркутской губернии в 20-х годах XX века

Аннотация: Введение. Актуальность темы исследования обусловлена значительностью роли, которую играют суды и адвокатура в соблюдении и укреплении законности; необходимостью исследования их правовой природы и определения их места в политической системе общества. Актуальность исследования объясняется также тем, что в современной судебной-правовой реформе разумнее и целесообразнее было бы учитывать исторический опыт во избежание повторения ошибок прошлого. Обращение к накопленному историческому опыту реформирования суда и адвокатуры позволяет лучше понять и осмыслить задачи по обеспечению законности в наше время. Исследование истории становления и развития суда и адвокатуры в Иркутской губернии позволяет проследить в целом весь процесс государственного строительства, дает представление об особенностях судостроительства, судопроизводства, обеспечения защиты прав граждан. **Методы.** Методологическую основу работы составляет диалектический метод познания, который дает возможность проследить взаимосвязи между различными фактами и событиями. Анализ статистической информации в совокупности с историческим методом исследования позволили раскрыть картину функционирования судебной системы в Иркутской губернии в 1922–1926 гг. Исследование опирается на общенаучные методы (прежде всего анализа и синтеза); специальные методы: формально-юридический; историко-правовой анализ, хронологический метод. **Результаты.** В начале XX века Иркутская губерния была одной из крупнейших и населенных территорий Российской империи. Суды и адвокатура в этом регионе имели свои особенности, отражающие специфику того времени. Результаты исследования позволили проследить особенности организации и деятельности судов и адвокатуры в Иркутской губернии в 20-х годах XX века.

Ключевые слова: декрет о суде, гражданская война, советская адвокатура, судебная система, Иркутская губерния, суд, Иркутский губернский суд

Для цитирования: Грибунов О. П., Тумурова А. Т., Степанова Е. Е. Особенности организации и деятельности судов и адвокатуры в Иркутской губернии в 20-х годах XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 33–42; <https://orcid.org/10.35750/2071-8284-2024-2-33-42>.

Oleg P. Grybunov

Dr. Sci (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-9288-1364>, gribunov@mail.ru

Anna T. Tumurova

Dr. Sci (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-1170-5730>, annatumurov789@gmail.com

Baikal State University

11, Lenina str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Elena E. Stepanova

<https://orcid.org/0000-0001-7460-2053>, kanuzelelena@inbox.ru

Irkutsk Law Institute (branch)

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

1, Schevzova str., Irkutsk, 664005 Russian Federation

Features of organization and activity of courts and bar in Irkutsk province in the 20s of the XX century

Abstract: Introduction. Five years after the October Revolution of 1917, the need to eliminate the revolutionary courts and to create a new judicial system was formed. At the same time, the problem of financing the judicial system and selecting professional personnel for working in courts of various levels remained. In 1922, the advocacy started to take shape, but was still under the close supervision of the authorities. **Materials and methods.** The methodological basis of the work is the dialectical method of cognition, which made it possible to trace the interrelationships between various facts and events. The analysis of statistical information in conjunction with the historical method of research revealed a clear vision of the functioning of the judicial system in Irkutsk province in 1921-1926. The results of the study outlined the problems of judicial reform in the 1920s of the XXth century. By the example of the courts of Irkutsk province the problem of dependence of the courts' activity on the Party and political situation in the country is demonstrated. The problem of low qualification of court employees in combination with heavy workload of criminal and especially civil cases is also reflected. The issue of formation of state arbitration in Irkutsk is touched upon. The formation of a new judicial system was a logical and necessary step after the stabilisation of the political situation in the country and in connection with the changeover to the New Economic Policy. Simultaneously with the formation of the court system, the legal profession developed in the form of collegiums of defence counsel at the courts, but both the court and the collegiums were still under the influence of the Party and Soviet power.

Keywords: court decree, civil war, Soviet advocacy, judicial system, Irkutsk province, court, Irkutsk provincial court

For citation: Gribunov O. P., Tumurova A. T., Stepanova E. E. Features of organization and activity of courts and bar in Irkutsk province in the 20s of the XX century // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – С. 33–42; <https://orcid.org/10.35750/2071-8284-2024-2-33-42>.

Введение

Иркутский губернский (областной) суд и адвокатура были созданы за короткое время. Если сравнивать с предыдущей судебной реформой, проводившейся царским правительством в 1864 году, то следует отметить, что она растянулась на десятилетия. Особенно затягивалось реформирование в Сибири, где началось проведение так называемых «антиреформ», выразившееся в отступлении от некоторых положений из-за особенностей региона и изменения политических устремлений власти. Решение о проведении судебной реформы было принято в 1921 году, и очень скоро она нашла

воплощение в реальной жизни: Положение о судеустройстве РСФСР было принято в ноябре 1922 года, вступило в действие в январе 1923 года, а Иркутский губернский суд начал свою деятельность уже 24 января 1923 г.¹

К 1923 году территория Иркутской губернии занимала большую площадь – 836 400 кв. км. Губерния делилась на 8 уездов: Иркутский, Зиминский, Балаганский, Тулунский, Верхотенский, Киренский, Бодайбинский и Селенгинский. В 1925 году был образован Сибирский край с центром в Новониколаевске (Новосибирске) из Новониколаевской, Омской, Томской, Иркутской губерний и Ойратской автономной области. Иркутская губерния в составе Сибирского края была разделена на 24 района; общее количество населенных пунктов составляло 2 322. В них проживали 674 410 человек².

Период с 1922 по 1926 год в истории Иркутской губернии характеризуется новыми законодательными инициативами, которые повлияли на организацию судебного процесса и работу адвокатов в регионе. В настоящей статье проанализированы происходившие в то время изменения в деятельности судов и адвокатуры.

Первые попытки теоретического осмысления судебной реформы 1922 года были предприняты ее современниками Я. Л. Берманом, Н. В. Крыленко, М. М. Исаевым и другими. Среди исследований советского периода особого внимания заслуживает «История советского суда» М. В. Кожевникова. Вопросы создания адвокатуры, реформирования суда рассматривали зарубежные авторы Г. Берман, Ю. Хаски, П. Соломон. Судебная реформа затрагивается также в современных исследованиях О. А. Авдеевой, В. И. Афанасьевой, А. Г. Звягинцева, В. И. Рохлина, А. С. Смыкалина и др.³ [1–10]. Историю органов суда Иркутской губернии в 1920–1930 гг. исследовала Н. А. Какоурова⁴.

Существенное значение в исследовании судебных органов имеют работы В. Н. Казарина. В этих исследованиях раскрыты специфика деятельности судебных органов в Иркутской области, карательно-репрессивный характер уголовного преследования в деятельности суда, степень специальной юридической образованности судей [11, с. 14].

Методы

Методологическую основу работы составляет диалектический метод познания, который позволил проследить взаимосвязи между различными фактами и событиями. Анализ статистической информации в совокупности с историческим методом исследования позволил раскрыть картину функционирования судебной системы в Иркутской губернии в 1922–1926 гг. Исследование опирается на системный подход, общенаучные методы (прежде всего анализа и синтеза); специальные методы: формально-юридический; историко-правовой анализ, хронологический метод.

Результаты

17 февраля 1920 г. вся полнота власти в г. Иркутске и губернии от Иркутского военно-революционного комитета перешла к губернскому революционному комитету, который осуществил преобразования судебной системы, сформировав Единый народный суд и Революционный трибунал⁵.

Народный суд образован постановлением № 37 от 24 февраля 1920 г. Иркутского губернского революционного комитета в соответствии с декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК) «О народном суде РСФСР»⁶, по которому временно, впредь до конструирования в Иркутской губернии постоянных органов Советской власти, назначил:

- постоянных народных судей по г. Иркутску;
- членов Иркутской при народном суде следственной комиссии;
- членов коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе.

¹ Какоурова Н. А. История органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. истор. наук. – Иркутск, 2006. – С. 32.

² Авдеева О. А. Судебная система Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX вв. (сравнительный анализ общеимперских и региональных начал): дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 64.

³ Там же.

⁴ Какоурова Н. А. Указ соч. – С. 15; 85.

⁵ Государственный архив Иркутской области. – Ф. Р-737. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 89.

⁶ Положение ВЦИК о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : декрет от 30 ноября 1918 г. // Собрание Узаконений. – 1918. – № 85. – Ст. 889.

Существование в г. Иркутске института мировых судей и судебных следователей прекратилось. Лица, занимавшие эти должности, от таковых уволены, все дела сданы Народному суду и следственной комиссии⁷.

Город Иркутск и уезды Иркутской губернии были разделены на 29 судебных участков, на каждом из которых создан народный суд.

Судебное управление народными судами участков осуществлял Иркутский губернский Совет народных судей (Совнарсуд) в составе отдела юстиции Иркутского губернского ревкома.

Временным штатным расписанием была определена следующая структура Совнарсуда:

- председатель;
- заместитель председателя;
- постоянные члены Совета народных судей – 5 человек;
- секретари – 2;
- писцы – 2;
- машинистка;
- курьер⁸.

Совнарсуд осуществлял судебную деятельность как в Иркутске, так и в уездах в выездных сессиях. Все перечисленные образования и являлись составными частями Единого народного суда.

В 1922 году в России с принятием Постановления ВЦИК от 11 ноября 1922 г.⁹ началась судебная реформа, основными целями которой были следующие:

- 1) формирование институтов прокуратуры, адвокатуры и государственного арбитража;
- 2) преобразование системы общих судов, ликвидация революционных трибуналов;
- 3) модернизация процессуального законодательства.

Таким образом, данная реформа предполагала формирование единой судебной системы на территории всего государства. Статья 1 указанного положения закрепляла наличие народного суда в составе постоянного народного судьи; народного суда в составе того же постоянного судьи и двух народных заседателей; губернского суда и Верховного Суда РСФСР с коллегиями. Революционные трибуналы полностью упразднены не были: действовали трибуналы, которые разбирали выступления против Красной Армии и преступления, связанные с саботированием работы транспорта [12, с. 11].

Реализация предписаний, исходящих из Москвы, достигала Иркутской губернии, существенно отдаленной от столицы, не сразу, что можно отметить как один из факторов, повлиявших на формирование судебной системы в Иркутской губернии.

Преобразования начались с упразднения старых институтов. Были ликвидированы Иркутская судебная палата и Иркутский окружной суд, прокурорский надзор, присяжная и частная адвокатура. На смену им пришли трибуналы, которые по своей сути являются чрезвычайными военными формированиями. В Иркутске первый революционный трибунал действовал в составе 17 человек под руководством Павла Петровича Зева. Политизированность судебной системы проявлялась и в несоответствии тяжести совершенного преступления наказанию. Так, например, А. В. Колчак, получив в 1918 году «титул Верховного правителя России», через подчиненный ему Совет министров установил смертную казнь за посягательства на Верховного правителя или вмешательство в деятельность Совета министров.

С одной стороны, формирование судебной системы требует квалифицированных кадров. И хотя юстиция по-прежнему подразделялась на мировую и общую, укомплектование мировыми судьями было проблематичным и на данные должности назначались служащие административных учреждений.

Недостаточная компетентность судей «подкреплялась» и ориентированностью создаваемой судебной системы на предупреждение выступлений против власти: санкции за антигосударственные выступления были стремительно реализуемыми и неоправданно жестокими.

Положение Советской власти в Иркутской губернии было не слишком устойчивым: сложно сформировать судебную систему на территории, где идет борьба за власть

⁷ Государственный архив Иркутской области. – Ф. Р-737. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 19.

⁸ Государственный архив Иркутской области. – Ф. Р-57. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 117.

⁹ О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР: постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // Собрание Узаконений РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.

и сменяются политические деятели. При этом не было возможности в полной мере восстановить систему судебных органов, которые действовали до Октябрьской революции: помимо откровенного использования судебной системы в борьбе за власть сказывалась нехватка профессиональных судей и материальных ресурсов. Приоритет был сдвинут в сторону действия чрезвычайных органов и упрощенного порядка судопроизводства. Формирование новой, более устойчивой судебной системы (без трибуналов) стало возможно только после окончания гражданской войны.

До 1921 года на территории Иркутской губернии были сформированы народные суды. Дальнейшие преобразования также были тесно связаны с территориально-административными изменениями: менялись названия судебных органов и их подчиненность. В итоге в 1926 году был упразднен созданный ранее Иркутский губернский суд, вместо него стали действовать три окружных суда: Иркутский, Тулунский и Киренский, которые подчинялись краевому суду, находившемуся в Ново-Николаевске.

На основании циркуляра Наркомата юстиции РСФСР № 114 и приказа Иркутского губисполкома от 23 января 1923 г. № 7/99 были упразднены действовавшие ранее Иркутский губернский Совет народных судей и Иркутский губернский отдел юстиции.

Вместо них был образован Иркутский губернский суд. В компетенцию данного суда входили:

1) проверка законности и обоснованности принятых судебных решений (судебный надзор);

2) разбор сложных и гражданских и уголовных дел в качестве первой инстанции;

3) руководство нижестоящими судами.

Структура Иркутского губернского суда была следующей [12]:

1. Административно-хозяйственное Управление:

а) секретариат губсуда;

б) отделение инструкторско-ревизионное и судебного надзора;

в) бухгалтерия;

г) хозяйственное отделение.

2. Гражданский отдел.

3. Уголовный отдел.

Председатели и члены суда избирались сроком на один год, их кандидатуры утверждались Наркоматом юстиции РСФСР. В составе губернского суда формировались президиум, секретариат и уголовно-судебный, уголовно-кассационный, гражданско-судебный, гражданско-кассационный, следственный отделы. В обязанности Иркутского губернского суда входило также обеспечение единообразного применения закона, и проведение выездных сессий. Рассмотрение основной массы уголовных и гражданских дел осуществлялось уездными (районными) судами, количество судебных участков оставалось стабильным: 24–28 участков. Так, в 1924 году судьи 3-го и 13-го участков Черемховского района рассматривали в месяц до 120 дел. Нагрузка на судей была значительной [13, с. 65]. Избирались народные судьи сроком на один год, возможность переизбрания также была. Требования к кандидатам заключались в необходимости иметь стаж практической работы в органах юстиции на должности не ниже следователя. Как вариант допускалось вместо профессионального стажа иметь двухлетний стаж ответственной политической работы. Данный факт указывает на проблему укомплектования судов профессиональными работниками и влияния на деятельность судов политической составляющей.

Судебная система Иркутской губернии (области) в исследуемый период состояла из суда, рассматривающего наиболее важные дела как первая инстанция и кассационная инстанция по отношению к уездным и районным судам, и народных судов. Губернский (областной) суд как первая инстанция рассматривал уголовные дела о контрреволюционных, должностных преступлениях, особо опасных преступлениях против личности. В сфере гражданского судопроизводства рассматривал дела по искам, цена которых превышала 500 рублей золотом¹⁰.

В 1920–1930-е гг. народные суды выполняли задачи по установлению правопорядка и законности, а также по устрашению и подавлению инакомыслящих. Переход от военного коммунизма к нэпу, все его кризисы, переход к сплошной коллективизации, усиление социальных конфликтов, карательно-репрессивная составляющая внутренней политики – все это не могло не отразиться на деятельности судов. В 1926 году каждый судья рассматривал в месяц примерно 80 дел. Проводимые

¹⁰ Какоурова Н. А. Указ соч. – С. 32.

губернским судом ревизии в уездах (районах) отмечали бессистемное назначение дел к слушанию, факты привлечения к уголовной ответственности лиц при отсутствии состава преступления. Кроме их прямых обязанностей, на судей также налагалась ответственность проведения консультаций, так как коллегии защитников были не во всех районах области. Народные судьи входили в комиссии по делам несовершеннолетних наряду с врачами и педагогами. Судьи также принимали участие в проводимых тогда общественно-политических мероприятиях: на сельских сходах они читали доклады о советском законодательстве [1, с. 68].

Отсутствие специального юридического образования не было препятствием для работы в суде при условии, что кандидат поддерживал действующую власть и был законопослушным гражданином. Однако проблема подготовки кадров все-таки была достаточно очевидна для того, чтобы Наркомат юстиции РСФСР искал способы подготовки нужных специалистов. Специалистов для суда готовил факультет общественных наук Иркутского государственного университета. Организовывались шестимесячные курсы, после которых выпускники могли быть назначены секретарями и делопроизводителями, но не судьями [14, с. 9]. Своеобразной формой восполнения профессиональных знаний юристов был юридический кружок, действовавший при Иркутском губернском суде. Посещение таких заседаний давало дополнительную возможность общения практическим работникам, здесь заслушивались доклады судей, прокуроров, которые уже прошли подготовку и могли поделиться знаниями и опытом¹¹.

Ситуацию осложняла и политика власти, согласно которой партия и правительство взяли на себя отслеживание приема студентов и организацию учебного процесса, что означало невозможность попадания на учебу лиц, замеченных в антиправительственных выступлениях. Выбор предметов для обучения также отдавался на усмотрение партии. За выпускниками «свели»: они подлежали учету, а их личные дела пересылались в ЦК партии. По данным на 1 января 1925 года только 17 % судей имели высшее образование, а, например, в Тулунском окружном суде вообще не было работников с высшим образованием¹².

Таким образом, в исследуемый период остро стояла проблема наличия квалифицированных кадров.

Неподготовленность кадров приводила к следующим последствиям:

- 1) невозможность расследования большого количества уголовных дел;
- 2) ошибки в расследовании и вынесении приговора, большой процент отмены судебных решений;
- 3) необходимость частых проверок и ревизий деятельности сотрудников судов.

Несмотря на низкий профессиональный уровень работников суда, Советская власть «отказывалась» от опыта лиц, которые ранее работали в правоохранительных органах, но выступали против власти [15, с. 89].

Финансирование Иркутского губернского суда осуществлялось из средств государственного бюджета, а нижестоящих судов – из местного. Как следствие, заработная плата работников народных судов была низкой, выплаты производились с опозданием. При этом не разрешалось совмещение с иной деятельностью. Подъем экономики в изучаемый период мало отразился на работниках суда: увеличение заработной платы съедалось падающей стоимостью рубля [13, с. 87].

26 мая 1922 г. было утверждено «Положение об адвокатуре»¹³, на основании которого Наркомюст СССР 7 июля 1922 г. утвердил «Положение о коллегии защитников»¹⁴. Предписывалось при народных судах формировать коллегию защитников, которым предъявлялись следующие требования: сдача специального экзамена или стаж не менее двух лет в органах юстиции. По положению коллегии защитников создавались в каждой губернии при губернских судах. Коллегии была предоставлена значительная автономия.

Руководящий орган коллегии – Президиум избирался общим собранием адвокатов губернии. В уездах избирались уездные бюро защитников. Президиум был вправе принимать и исключать членов коллегии, рассматривать дисциплинарную практику, организовывать юридические консультации для обслуживания населения.

¹¹ Какоурова Н. А. Указ соч.

¹² Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / предисл. и примеч. Н. В. Куликаускаене. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. – 559 с.

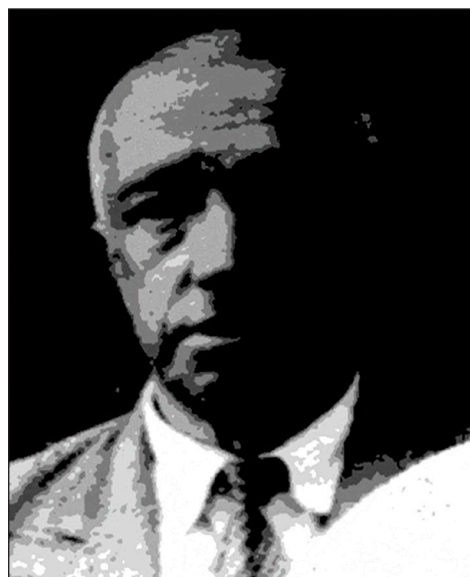
¹³ Положение об адвокатуре (утв. Постановлением III сессии ВЦИК IX созыва 26 мая 1922 г.) // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. – 1922. – 16 июня. – № 132.

¹⁴ Положение о коллегии защитников (утв. Наркомюстом РСФСР 05.07.1922 г.) / Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. – Москва, 1926.

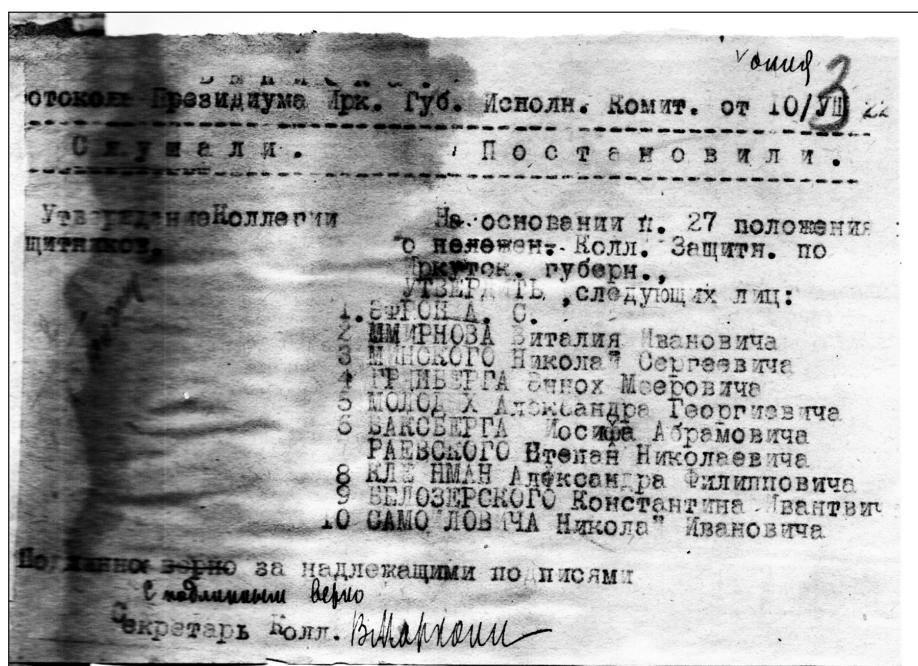
Во второй половине 1922 года на основе положений об адвокатуре и коллегии защитников начали создаваться адвокатские организации. В Иркутской губернии коллегия защитников была сформирована на заседании президиума Иркутского губернского исполнительного комитета 10 августа 1922 г. В ее состав вошли: К. И. Белозерский, Э. М. Гринсберг, А. Ф. Клейман, И. А. Косберг, Н. С. Минский, А. Г. Молодых, С. Н. Раевский, Н. И. Самойлович, В. И. Смирнов, А. С. Эфрон.

Клейман Александр Филиппович

Раевский Степан Николаевич¹⁵

Выписка из протокола заседания президиума
Иркутского губернского исполнительного комитета 10 августа 1922 г.

По отчету губернского суда, в 1923 году в Иркутске оказывали услуги по защите интересов граждан 65 защитников, в целом же по губернии их насчитывалось 110. Отчет свидетельствует о лучшем обслуживании Тулунского, Селенгинского, Кабанского и Зиминского уездов, в остальных уездах отмечается слабая работа по защите в гражданских и уголовных делах. Прокуратура выявляла небрежность защитников, поверхностное отношение их к своим профессиональным обязанностям¹⁶.

¹⁵Иркутская областная коллегия адвокатов: [сайт]. – URL: <https://ioka38.ru/history.html> (дата обращения: 06.06.2024).

¹⁶Государственный архив Иркутской области. – Ф. Р-486. – Оп. 1. – Ед. хр. 10. – Д. 2.

К 1926 году по Восточно-Сибирскому и Дальневосточному краю насчитывалось 369 защитников различного социального положения: 7 % из рабочих, 13 % из крестьян, 80 % интеллигенции.

Размер оплаты юридических услуг был поставлен в зависимость от социального статуса клиента: выделялись трудящиеся и «классово-чуждые элементы», частные лица, колхозы и государственные учреждения¹⁷. Защитники не были членами профсоюзов, что означало отсутствие для них льготных медицинских услуг и привилегий системы социального обслуживания, выплату налогов. Причиной такого отношения и жесткого контроля за коллегиями со стороны государства была боязнь представителей власти возрождения дореволюционной адвокатской корпорации. Дискуссионным был вопрос о необходимости существования института адвокатуры, противники которого говорили о том, что советский суд достаточно прогрессивен для того, чтобы обеспечивать интересы участников процесса.

С начала реформы в Иркутской губернии числилось 110 защитников, 65 из них оказывали услуги в губернском центре. По причине недостатка кадров только в Тулунском, Селенгинском, Кабанском и Зиминском уездах обслуживание защиты признавалось удовлетворительным. Коллегия защитников находилась под контролем государственных органов. Правительство и партийные органы выражали в ее адрес недоверие из-за боязни возрождения дореволюционной адвокатской корпорации.

Положение о судеустройстве 1926 года предусматривало организацию в уездных городах уездного бюро защитников по постановлению президиума коллегии защитников. Члены уездного бюро избирались собранием защитников данного уезда. При малочисленности защитников в уезде, президиум коллегии мог назначить одного из защитников уполномоченным президиума коллегии. Уездные бюро и уполномоченные действовали непосредственно под руководством президиума коллегии. В их обязанности входило руководство, наблюдение и контроль за исполнением обязанностей членами коллегии и оказание юридической помощи населению.

Экономическая ситуация привела к росту промысловых артелей, предприятий, переведенных на хозрасчет, количества фабрик и заводов, в ответ на что в 1924 году постановлением Президиума исполнительного комитета Иркутской губернии Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов была сформирована Иркутская губернская арбитражная комиссия. Первыми членами Иркутской губернской арбитражной комиссии были: председатель – товарищ Сенцов (Иркубисполком), в 1926 году его заменил товарищ Шапкин; члены: от Иркутского отделения «Хлебопродукта» – товарищ Плис, от коммунального отдела Иргубисполкома – товарищ Лосевич, от «Лензолота» – товарищ Краукле, от Госбанка – товарищ Миронов. Иркутская губернская Арбитражная комиссия просуществовала до 1926 году, после чего ее функции были переданы в Сибирскую краевую арбитражную комиссию¹⁸.

Работники судов были вовлечены в политическую деятельность, выполняя указания государственно-партийных органов и фактически не имея самостоятельности. Кроме профессиональной деятельности, судьям приходилось уделять внимание политико-правовому воспитанию населения, участвовать в посевных, предвыборных и иных мероприятиях.

28 июня 1926 г. Постановлением ВЦИК Иркутская губерния была упразднена. На ее территории образованы Иркутский, Тулунский, Киренский округа в составе Сибирского края. Центром Иркутского округа был город Иркутск. С 1 апреля 1927 г. был создан Иркутский окружной суд (протокол № 45 от 1 апреля 1927 г. Президиума Иркутского окружного исполкома)¹⁹.

Протоколом № 148 от 11.04.1927 г. Президиума Иркутского окрисполкома утвержден состав Иркутского окружного суда в следующем составе:

- председатель;
- заместитель председателя;
- член окружного суда – 9;
- запасный член – 2²⁰.

¹⁷ Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин ; редкол.: С. С. Букин [и др.]. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2010. – Т. 3. – 783 с.

¹⁸ Государственный архив Иркутской области. – Ф. Р-218. – Оп. 1. – Д. 10.

¹⁹ Государственный архив Иркутской области. – Ф. Р-218. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 131.

²⁰ Государственный архив Иркутской области. – Ф. Р-218. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 71.

Иркутский окружной суд существовал до середины 1930 года и был ликвидирован в связи с упразднением 23 июля 1930 г. Иркутского округа (Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г.).

Заключение

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что в исследуемый период деятельность судов и адвокатуры Иркутской губернии претерпела значительные изменения, направленные на совершенствование правовой системы и обеспечение защиты прав граждан. Происходящие изменения играли важную роль в улучшении правосудия и обеспечении справедливости для всех граждан.

Список литературы

1. Берман Я. Л. Очерки по истории судоустройства РСФСР / с предисл. Н. В. Крыленко. – Москва: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. – 72 с.
2. Исаев М. М. Подпольная адвокатура. – Москва: Право и Жизнь, 1924. – 24 с.
3. Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1956 гг. – доп. изд. – Москва: Госюриздат, 1957. – 384 с.
4. Хачатуров Р. Л. Создание революционных трибуналов в городе Иркутске. (1918 г.) // Вопросы теории и истории государства и права : труды Иркутского университета имени А. А. Жданова : в 71 т. / ред. и отв. за выпуск доц. В. И. Нижечек. – Иркутск: [б. и.], 1971. – Т. 45. – Вып. 8. – Ч. 1. – С. 88–94.
5. Berman H. J. Justice in the U.S.S.R.: An Interpretation of Soviet Law. – London: Harvard University Press, 1963. – 450 p.
6. Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939 / [пер. с англ.]. – Москва: ИГПАН, 1993. – 183 с.
7. Афанасьева В. И. Д. И. Курский: присяжный-поверенный, революционер, нарком, посол. – Москва: Росвузнаука, 1993. – 51 с.
8. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Распятыe революцией : Российские и советские прокуроры : XX век : 1922–1936 – Москва: РОССПЭН, 1998. – 508 с.
9. Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль : История, развитие, понятие, соотношение. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 305 с.
10. Смыкалин А. С. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 39–42.
11. Казарин В. Н. Особенности становления судебной системы в Иркутской области. 1918–1920-е гг. // Глаголь Правосудия. – 2013. – № 2 (6). – С. 60–68.
12. Раджабов И. Р. Становление советской судебной системы // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2015. – № 3–4. – С. 911–920.
13. Казарин В. Н. Становление юридического образования и формирование традиций правовой школы в Иркутском университете. 1918–1931 гг. // Сибирский юридический вестник. – 1999. – № 1. – С. 10–15.
14. Брюханов И. В. Деятельность революционных трибуналов в Иркутске // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 3 (30). – С. 11–14.
15. Какоурова Н. А. Материальное обеспечение и финансирование судебно-прокурорской системы в Иркутской губернии в 1920-е гг. // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 2. – С. 85–92.

References

1. Berman Ya. L. Ocherki po istorii sudoustroystva RSFSR / S predisl. N. V. Krylenko. – Moskva: Yuridicheskoye izdatel'stvo Narkomyusta, 1923. – 72 s.
2. Isayev M. M. Podpol'naya advokatura. – Moskva: Pravo i Zhizn', 1924. – 24 s.
3. Kozhevnikov M. V. Istoriya sovetskogo suda. 1917–1956 gg. – dop. izd. – Moskva: Gosyurizdat, 1957. – 384 s.
4. Khachaturov R. L. Sozdaniye revolyutsionnykh tribunalov v gorode Irkutske. (1918 g.) // Voprosy teorii i istorii gosudarstva i prava : trudy Irkutskogo universiteta imeni A. A. Zhdanova : v 71 t. / red. i otv. za vypusk dots. V. I. Nizhechek. – Irkutsk: [b. i.], 1971. – T. 45. – Vyp. 8. – Ch. 1. – S. 88–94.
5. Berman H. J. Justice in the U.S.S.R.: An Interpretation of Soviet Law. – London: Harvard University Press, 1963. – 450 p.

6. *Khaski Yu.* Rossiyskiye advokaty i sovetskoye gosudarstvo. Proiskhozhdeniye i razvitiye sovetskoy advokatury. 1917–1939 / [per. s angl.]. – Moskva: IGPAN, 1993. – 183 s.
7. *Afanas'yeva V. I. D. I.* Kurskiy: prisyazhnyy-poverennyy, revolyutsioner, narkom, posol. – Moskva: Rosvuznauka, 1993. – 51 s.
8. *Zvyagintsev A. G., Orlov Yu. G.* Raspyatyie revolyutsiyey : Rossiyskiye i sovetskiye prokurory : XX vek : 1922–1936 – Moskva: ROSSPEN, 1998. – 508 s.
9. *Rokhlin V. I.* Prokurorskiy nadzor i gosudarstvennyy kontrol' : Istoriya, razvitiye, ponyatiye, sootnosheniye. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. – 305 s.
10. *Smykalin A. S.* Sudebnaya reforma 1922 goda // Rossiyskaya yustitsiya. – 2002. – № 4. – S. 39–42.
11. *Kazarin V. N.* Osobennosti stanovleniya sudebnoy sistemy v Irkutskoy oblasti. 1918–1920-ye gg. // Glagol' Pravosudiya. – 2013. – № 2 (6). – S. 60–68.
12. *Radzhabov I. R.* Stanovleniye sovetskoy sudebnoy sistemy // Elektronnyy vestnik Rostovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo instituta. – 2015. – № 3–4. – S. 911–920.
13. *Kazarin V. N.* Stanovleniye yuridicheskogo obrazovaniya i formirovaniye traditsiy pravovoy shkoly v Irkutskom universitete. 1918–1931 gg. // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. – 1999. – № 1. – S. 10–15.
14. *Bryukhanov I. V.* Deyatel'nost' revolyutsionnykh tribunalov v Irkutske // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. – 2006. – № 3 (30). – S. 11–14.
15. *Kakourova N. A.* Material'noye obespecheniye i finansirovaniye sudebno-prokurorskoy sistemy v Irkutskoy gubernii v 1920-ye gg. // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. – 2005. – № 2. – S. 85–92.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 14.06.2024.

The article was submitted February 22, 2024; approved after reviewing May 27, 2024; accepted for publication June 14, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 94:323.2

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-43-54>

Виктория Константиновна Грошева

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-4554-8657>, vik-groshevaya@mail.ru

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

От свержения монархии до установления Советской республики: трансформация государственно-правовой системы Украины в 1917–1921 годах

Аннотация: Введение. В статье исследуются процессы трансформации государственно-правовой системы и установления Советской республики на Украине в 1917–1921 гг., сопровождавшиеся противостоянием внутривластных сил, придерживавшихся дифференциальных подходов и предлагавших вариативные модели национально-государственного строительства. Анализу подвергнуты способы определения государственной организации Украины после свержения монархии большевиками, а также украинских политических сил, выступавших с сепаратистских, «самостийнических» позиций. Охарактеризованы особенности Украинской Народной Республики (далее – УНР) периода Центральной рады, Украинской державы П. Скоропадского, Директории. Проанализирована роль Украинской Центральной рады (далее – УЦР), Генерального секретариата Украины и Всеукраинского национального конгресса в трансформации государственного устройства Украины. Выявлены важнейшие нормативные правовые акты, имевшие решающее значение для утверждения Советской власти на Украине. **Методы исследования.** Основными методологическими принципами исследования явились принципы историзма, единства теории и практики, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического. Основным методологическим подходом исследования был определен системный подход. Использованы общенаучные (исторический, функциональный, теоретического моделирования, построения гипотез) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований. **Результаты.** Установлено, что в 1917–1921 гг. на территории Украины происходила трансформация государственно-правовой системы, характеризовавшаяся переходом от монархической формы правления (после свержения монархии в Российской империи) к республиканскому строю буржуазного, национально-либерального типа, а впоследствии – к установлению республики советского типа. Выявлено, что национально-государственное развитие на территории украинских земель в годы общероссийской революции определялось: 1) стремлением региональных политических сил создать национальные, автономные, а затем и независимые от центра органы местной власти (центробежный процесс); 2) формированием Советов как официальных органов власти на местах с постепенным их переходом под контроль партии большевиков (центростремительный процесс).

Ключевые слова: история Украины, Украинская центральная рада, Генеральный секретариат Украины, Всеукраинский национальный конгресс, универсалы, декреты, Советская республика, Советская власть

Для цитирования: Грошева В. К. От свержения монархии до установления Советской республики: трансформация государственно-правовой системы Украины в 1917–1921 годах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 43–54; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-43-54>.

Viktorija K. Groshevaja

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-4554-8657>, vik-groshevaya@mail.ru

Academy of Management of the MIA of Russia

8, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 125993, Russian Federation

From the overthrow of the monarchy to the establishment of the Soviet Republic: State-legal transformation of Ukraine between 1917–1921

Abstract: Introduction. The article studies the processes of transformation of the state-legal system and establishment of the Soviet Republic in Ukraine in 1917-1921, accompanied by the confrontation of internal political forces, which followed differential approaches and offered variable models of nation-state formation. The paper analyses the ways of defining the state organisation of Ukraine after the overthrow of the monarchy by the Bolsheviks, as well as the Ukrainian political forces, acting from separatist, “self-styled” positions. The peculiarities of the Ukrainian People’s Republic (hereinafter - UNR) of the period of the Central Rada, Skoropadsky’s Ukrainian Power, and the Directory. The role of the Ukrainian Central Rada (hereinafter - UCR), the General Secretariat of Ukraine and the All-Ukrainian National Congress in the transformation of the state structure of Ukraine is analysed. The significance of universals - acts of constitutional nature for the development of the legal system of Ukraine was revealed. The peculiarities of the political struggle between the adherents of “Ukrainianism” and supporters of the Bolsheviks in the years of the Socialist Revolution and the Civil War were determined. The most important normative legal acts being crucial for the establishment of the Soviet power in Ukraine were identified.

Research methods. The main methodological principles of the research were the principles of historicism, unity of theory and practice, comprehensive study of social processes and phenomena, unity of history and logics. The main methodological approach of the research was the system approach. General scientific (historical, functional, theoretical modeling, hypothesis construction) and special (formal-legal, historical-legal, comparative-legal) methods of legal research were used.

Results. The paper found that during 1917-1921 in Ukraine there was a transformation of the state-legal system, characterised by the transition from the monarchical form of government (after the overthrow of the monarchy in the Russian Empire) to the republican system of bourgeois, national-liberal type, and later - to the establishment of a republic of the Soviet type. The article revealed that the national-state development on the Ukrainian regions in the years of the All-Russian Revolution was determined by: 1) the aspiration of regional political forces to create national, autonomous local authorities independent of the center (centrifugal process); 2) the formation of Soviets as official local authorities with their gradual transition under the control of the Bolshevik Party (centripetal process). Ukrainian governmental development occurred gradually, reflecting the specifics and course of the military and political confrontation (winter 1917-1918, early 1919, winter 1919-1920). The first Constitution of the Ukrainian Socialist Soviet Republic, adopted in Kharkov by the III All-Ukrainian Congress of Soviets (March 1919), became the legal act that confirmed the victory of Soviet power in Ukraine.

Keywords: history of Ukraine, Ukrainian Central Rada, General Secretariat of Ukraine, All-Ukrainian National Congress, universals, decrees, Soviet Republic, Soviet power

For citation: Groshevaya V. K. From the overthrow of the monarchy to the establishment of the Soviet Republic: State-legal transformation of Ukraine between 1917–1921 // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 43–54; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-43-54>.

Введение

Осмыслить сложные и драматические процессы, которые происходят в настоящее время на постсоветской Украине, невозможно без обращения к опыту ее государственно-правового развития в 1917–1921 гг., когда в условиях революционных потрясений, острого внешне- и внутривнутриполитического противоборства на территории малороссийских губерний бывшей Российской империи утверждалась модель национально-государственного устройства в форме Украинской Социалистической Советской Республики (далее – УССР).

Государственная политика конца XIX – начала XX столетий обусловила созревание комплекса проблем, обострившихся в годы Первой мировой войны, что стало основной причиной крушения монархии. В результате революционных событий 1917 года в России стремительно ускорился процесс трансформации государственно-правовой системы страны, были разрушены традиционные политические и социальные институты, усилилось социально-экономическое и мировоззренческое противоборство, обусловленное поиском новых моделей политического взаимодействия между властью и населением, формировались новые концепты межнациональных отношений. На территории бывшей империи Романовых развернулась кровопролитная борьба между противоборствующими политическими силами, которая приобрела ожесточенный характер на землях Украины.

Историографический анализ вопросов, касающихся установления на Украине Советской власти (1917–1921 гг.), свидетельствует о большом количестве исследований, авторы которых по-разному характеризуют основные предпосылки, процесс и результаты противостояния политических сил на Украине в годы революции и Гражданской войны. Советские исследователи, опираясь на классовый подход в оценке трансформации государственно-правовой системы, акцентировали внимание на роли в установлении на Украине Советской власти партии большевиков, рассматривая Украинскую центральную раду – участника политических процессов этого времени – как буржуазную, контрреволюционную силу [1–4].

В постсоветский период историографическая модель военно-политических событий на Украине 1917–1921 гг. подверглась критике. Появились исследования, опирающиеся на новые подходы, базировавшиеся на политических установках «украинского национал-патриотизма» и эмоциональном неприятии советской истории. В публикациях утверждались русофобские тезисы, в частности, об Украине дореволюционного периода как колонии России, стремящейся «обрести национальную свободу».

Следует отметить, что концепции «украинской национально-освободительной борьбы» и «национальной революции» были сформированы в 1920-е гг. в среде украинских эмигрантов. Ряд западных историков поддержали данные концепции, и в постсоветский период они стали активно утверждаться в украинской историографии. Так, значительная часть современных украинских исследователей разделяют «патриотическую» концепцию периодизации истории Украины, в которой центральное место отводится именно революционным событиям 1917–1921 гг. как периоду «возрождения национальной государственности украинского народа», утраченной позднее исключительно в результате насильственного подавления большевиками [5–8]. Подобная установка, заимствованная у деятелей украинской политической эмиграции, ныне получила официальную государственную поддержку.

Однако считать националистический подход в историографии к периодизации истории Украины оснований нет: высказанные утверждения имеют политико-мифологизированный характер и не коррелируют с результатами анализа происходивших этно- и политико-правовых процессов на территории Украины.

Целью исследования является выявление особенностей трансформации государственно-правовой системы Украины в 1917–1921 гг., обусловленных детерминантами, связанными со свержением в Российской империи монархии, наличием у разных политических сил дифференциальных представлений о будущем Украины, борьбой разнообразных политических сил за реализацию множества моделей национально-государственного строительства на Украине.

Методы

Методологические принципы, положенные в основу исследования – принципы историзма, единства теории и практики, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического. Основным методологическим подходом исследования был определен системный подход, позволяющий осуществить целостный анализ элементов и системообразующих связей отечественной государственно-правовой системы в общероссийском и региональном измерениях.

Использованы общенаучные (исторический, функциональный, теоретического моделирования, построения гипотез) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований.

Результаты

В конце XIX – начале XX вв. земли современной Украины были разделены между Российской и Австро-Венгерской империями, не обладая даже ограниченными автономными правами. Российская часть Украины была разделена на девять губерний, объединённых в три генерал-губернаторства. Территория охватывала фактически три самостоятельных историко-культурных региона: Малороссию (земли современной Правобережной и частично Левобережной Украины), Слобожанщину (земли современной Харьковской и Сумской областей Украины, север Луганщины, отдельные территории Курской, Белгородской, Воронежской областей Российской Федерации), Новороссию (Северное Причерноморье, Северное Приазовье, большая часть Донбасса).

Во второй половине XIX – начале XX вв. в буржуазной Украине оформилось украинское национальное движение, которое в течение нескольких десятков лет от исходных культурно-лингвистических и патриотических требований перешло к решительным политическим формам борьбы. Один из определяющих атрибутов украинского национализма – противопоставление себя другим этническим группам, чаще всего русским, что стало важным шагом на пути к дальнейшему оформлению украинского политического движения, которое сформировало свои политические идеи и сформулировало территориальные претензии.

Украина как часть общероссийского пространства предстала ареной противоборства антагонистических политических сил: представителей левой, коммунистической идеи и приверженцев возрождения монархических порядков, сторонников национально-радикальных, самостийнических и анархистских взглядов. В результате такого противостояния на Украине были сформированы различные модели национально-государственного устройства.

Крах самодержавия, социальное напряжение, недовольство населения продолжающейся Мировой войной создали предпосылки для дальнейшего развертывания на Украине революционной борьбы, в которую активно включились и местные «национально-патриотические» силы. Одной из первоочередных задач проукраинских политических сил стало «национальное освобождение», связанное с требованиями предоставления Украине культурной, а затем и политической автономии в составе федеративной России. Требования об открытии украинских школ, культурно-просветительских обществ, украинизации войск озвучивались на митингах, собраниях и различных съездах, проходивших в губерниях Украины.

4 (17) марта 1917 г. в Киеве состоялось совместное заседание совета Украинской социал-демократической рабочей партии, Товарищества украинских прогрессистов, Украинской партии социалистов-революционеров и ряда местных общественных организаций, на котором было принято решение о создании УЦР. Её председателем был избран известный украинский ученый и общественный деятель Михаил Грушевский. Самопровозглашённый, никем не избиравшийся орган, представлявший лишь незначительную часть общественных сил, прежде всего Малороссии, объявил себя высшей законодательной властью в украинских губерниях и приступил к формированию собственных центральных и местных органов власти, действующих параллельно с органами власти Временного правительства и местного самоуправления.

Весной 1917 года УЦР развернула активную политическую деятельность, направленную на свою легитимацию и утверждение полноты власти в регионе. С этой целью 6–9 (19–22) апреля 1917 г. она инициировала проведение в Киеве Всеукраинского национального конгресса, который В. Винниченко назвал «первым шагом на пути организации государственности» [9, с. 25]. Конгрессом был избран новый Совет Центральной рады в количестве 150 человек – представителей украинских губерний, больших городов, политических партий, общественных организаций, а также национальных меньшинств, которые проживали за пределами страны. Место председателя УЦР сохранилось за М. Грушевским, а его заместителями стали В. Винниченко и С. Ефремов.

Фактически именно решением Всеукраинского национального конгресса УЦР была провозглашена высшим законодательным органом Украины, а избранный Центральной радой Исполнительный комитет – Малая рада – был объявлен высшим исполнительным органом Украины. В соответствии с постановлением Всеукраинского национального кон-

гресса на основе всеобщего избирательного права началось образование местных органов самоуправления.

Весной 1917 года УЦР постепенно превратилась в своеобразный украинский парламент – руководящий орган проукраинских политических сил. Главным вопросом ее деятельности стал национальный вопрос, а именно: обретение Украиной национально-территориальной автономии в составе Российской Федеративной Республики. О самостоятельности Украины никакой речи тогда не шло [5, с. 35].

Параллельно на территории Малороссии, Слобожанщины и Новороссии в это время начали возникать революционные стихийные органы власти – Советы рабочих, солдатских, а в дальнейшем и крестьянских депутатов, которые действовали наряду с Временным правительством и его местными структурами. Так, весной 1917 года на территории Малороссии, Слобожанщины и Новороссии действовало более 200 Советов. Большая их часть (180) были сформированы в населенных пунктах Донецкого угольного бассейна (Донбасса) – крупнейшей угольно-металлургической базы России. Учредителями местных советских структур выступали общероссийские партии социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов, которые в Советах получали подавляющее большинство мест¹.

Фактически, в отличие от Центральной России, весной 1917 года на территории украинских губерний сформировались три вертикали власти, вступившие в борьбу за политическую власть в регионе:

- 1) губернские комиссары, представлявшие петроградское Временное правительство и опиравшиеся на армию, буржуазные слои населения, российско-еврейские общественные организации и интеллигенцию;
- 2) Центральная рада – орган украинских национально-самостийнических сил;
- 3) местные Советы рабочих и солдатских депутатов, которые состояли из большевиков, эсеров и меньшевиков.

Первоначальная политика Центральной рады была направлена на консолидацию украинских политических сил и мирное возрождение национальной государственности путем переговоров с Временным правительством. Однако после решительного отказа Временного правительства идти на уступки в «украинском вопросе» 10 (23) июня 1917 г. на заседании Исполнительного комитета был принят документ, который получил название «Универсал Украинской центральной рады к украинскому народу на Украине и вне Украины сущему» [10, с. 20–22]. Универсалом планировалось провести созыв Всенародного Украинского собрания, провозглашалась автономия Украины, в одностороннем порядке устанавливались законодательные полномочия Центральной рады принимать универсалы – акты конституционного характера².

Разграничение властных полномочий произошло 15 (28) июня 1917 г. на основании I Универсала, когда было сформировано украинское «национальное» правительство. Исполнительным органом стал Генеральный секретариат во главе с В. Винниченко, а законодательной деятельностью в большинстве случаев занималась Центральная рада.

Провозглашение I Универсала повлекло за собой беспокойство Временного правительства, поэтому в конце июня 1917 года в Киев была направлена делегация, результатом работы которой стали положения, зафиксированные во II Универсале УЦР от 3 (16) июля 1917 г. В документе указывалось, что: «Центральная рада выступает за то, чтобы не отрывать Украину от России и признает себя органом Временного правительства; состав Центральной рады будет пополнен представителями других национальностей, проживающих на Украине; будет создан новый Генеральный секретариат, который должен быть утвержден Временным правительством; Центральная Рада предложит проекты законов об автономном устройстве Украины на утверждение Всероссийскому Учредительному Собранию; любые попытки осуществления автономии Украины до Всероссийского Учредительного Собрания решительно отвергаются» [10, с. 22–23]. Таким образом, II Универсал соглашался с тем, что Центральная рада уступает Временному правительству в ожидании принятия Всероссийским Учредительным собранием решения об автономии Украины.

Согласно «Временной инструкции для Генерального секретариата Временного Правительства на Украине» от 17 августа 1917 г. в ведение УЦР отходили Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская губернии и большая часть Черниговской (без Стародубского рай-

¹ История (история Донбасса: от древности до современности) : учебное пособие / под общ. ред. Л. Г. Шепко, В. Н. Никольского. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 360.

² Хрестоматія з історії держави і права України. Т. 2: Лютий 1917 р. – 1996 р.; Гончаренко В. Д., Рогожин А. Й., Святоцький О. Д. Навчальний посібник для юридичних вищих навчальних закладів і факультетів : у 2 т. / за ред. члена-кореспондента Академії правових наук України В. Д. Гончаренка. – Київ: Ін Юре. – 1997. – С. 10.

она – ныне часть Брянской области России), Екатеринославская, Харьковская, Херсонская и Таврическая губернии, где располагались крупнейшие промышленные предприятия, в том числе оборонного значения, основные базы Черноморского флота, которые продолжали находиться в прямом подчинении Временного правительства. При этом Генеральный секретариат объявлялся краевым (региональным) органом Временного правительства, наделяясь функциями местного административного аппарата, а УЦР оставалась без законодательных прав.

Однако факт подписания компромиссного соглашения с Центральной радой не смог остановить нарастание очередного политического кризиса в России, который осенью 1917 года приобрел общероссийский характер, поставив под угрозу существование единого государства³.

В результате вооруженного восстания, произошедшего в столице России Петрограде в ночь с 24 на 25 октября (7–8 ноября) 1917 г., власть Временного правительства была свергнута и перешла в руки Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) во главе с В. И. Лениным. II Всероссийский съезд Советов (25–27 октября 1917 г.) юридически поддержал победу Петроградского вооруженного восстания и провозгласил создание в России Республики Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – Советской России. В стране было сформировано новое российское правительство – Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. Со временем практически по всей России большевики получили полновластие.

Трудящиеся Украины, настроенные пробольшевистски, приветствовали события, произошедшие в Петрограде. Но часть населения, представленная преимущественно крестьянством, продолжала поддерживать политику УЦР и партий, входивших в ее состав. Социально-классовый раскол определил успехи большевистской революции преимущественно на востоке Украины, где располагались крупные промышленные центры бывшей империи (Екатеринославская, Харьковская, Херсонская губернии), вследствие чего Советская власть на данных территориях была утверждена в кратчайшие сроки и явочным путем. Однако в большинстве аграрных губерний Украины сложилась другая ситуация. Напряженное положение существовало и в Киеве, где противоборствовали три политические силы, представлявшие интересы разных слоев населения. Так, в период с 25 октября по 5 ноября 1917 г., как отмечает В. Скоростанский, «в Киеве было три политических центра: контрреволюционный – Военный Штаб и казачество; украинский – Центральная рада и третий войсковой съезд; революционный – Киевский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов» [11, с. 67].

Усиление конфронтации с местными большевиками произошло в связи с тем, что Генеральный секретариат 27 октября (10 ноября) 1917 г. выступил с воззванием «Ко всем гражданам Украины», в котором вооруженное восстание в Петрограде расценивалось негативно. 7 (20) ноября 1917 г. Центральная рада выступила с III Универсалом, согласно которому Украина провозглашалась Украинской Народной Республикой в федеративном союзе с Россией. В состав УНР были включены украинские губернии, в том числе территории Слобожанщины, Донбасса, Новороссии (без Крыма). В принятом нормативном правовом документе УЦР представила программу социально-экономических и политических реформ⁴.

В III Универсале юридически декларировалось возрождение украинского национального государства и провозглашалась программа широких демократических преобразований. Этот документ имел не только историческое, но и правовое значение. Однако с точки зрения реальной политики действия правительства УНР имели противоречивый и непоследовательный характер, что вызвало противодействие со стороны широких народных масс. Так, например, уже с середины ноября 1917 года в сельской местности начались погромы, хаос и анархия. Обусловлена такая ситуация была прежде всего тем, что Центральная рада не смогла последовательно реализовать свою программу, в частности, в аграрном вопросе, а внедрение в жизнь положений III Универсала об отмене частной собственности на землю происходило в основном стихийно.

Параллельно усилился конфликт между ленинским Советом Народных Комиссаров (далее – СНК) и правительством УНР, отражая противоположные подходы к оценке перспектив развития общероссийской революции и будущего политического устройства страны. По инициативе украинских большевиков 4 (17) декабря 1917 г. в Киеве был собран I Всеукраинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Делегаты съезда планировали переизбрать состав Центральной рады, включив в него сторонников

³ Верстюк В. Українська Центральна Рада : навчальний посібник. – Київ, 1997. – С. 140.

⁴ Хрестоматія з історії держави і права України. Указ. соч.; Гончаренко В. Д. Указ. соч. – С. 21–22.

Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) (далее – РСДРП (б)), и утвердить советскую власть в регионе. Съезд был попыткой большевиков бывшего Юго-Западного края подчинить своему влиянию и включить в состав Советской Украинской Республики индустриальные территории Донбасса, Слобожанщины, Приднепровья, Северного Причерноморья.

Не получив поддержки на I Всеукраинском съезде Советов в Киеве, большевистские делегаты переехали в Харьков, где 11–12 (24–25) декабря 1917 г. состоялся I Всеукраинский съезд Советов, альтернативный киевскому съезду. В резолюции «Об организации власти в Украине», принятой съездом, указывалось, что «Украина провозглашается Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и входит в состав Советской России. Всеукраинский съезд Советов провозглашался высшим органом власти. Центральный исполнительный комитет (далее – ЦИК), который принял на себя всю полноту власти на Украине, должен был исполнять функции высшего органа власти в перерывах между съездами. Первым правительством Советской Украины стал Народный секретариат, утвержденный ЦИК в качестве своего исполнительного органа (первый глава – Е. Бош). Одним из первых документов ЦИК Советов Украины был Манифест о низвержении Центральной рады и Генерального секретариата, опубликованный 17 (30) декабря. Кроме того, в выпущенном постановлении ЦИК было заявлено, что все постановления Генерального секретариата объявляются недействительными. 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) Народный секретариат УНР (Советов) был признан СНК Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР) единственным законным правительством Украины.

Руководство РСДРП (б) – Российской коммунистической партии (большевиков) осознавало значение национального фактора в государственной организации, но, несмотря на это, попытки поиска наиболее эффективных способов национально-государственного строительства осуществлялись в обстановке напряженной, деструктивной внутриполитической борьбы, сопровождаемая масштабными жертвами и разрушениями.

Таким образом, зимой 1917–1918 гг. на территории Украины завершилось оформление двоевластия. Теперь здесь образовались два альтернативных политических центра: Украинская Советская республика в Харькове, которую признает Советская Россия, и Украинская Народная республика в Киеве, враждебная Советской власти.

В конце декабря 1917 – начале января 1918 г. на территории Украины начинается вооруженное противостояние, участниками которого стали, с одной стороны, приверженцы советского большевистского правительства, а с другой – националистического Генерального секретариата. В процессе этого столкновения обнаружилось, что УЦР потеряла народную поддержку и больше не способна управлять государством. В это время украинские большевики – сторонники Советской власти на Украине – получили военную поддержку от СНК Советской России, который направил воинские части и отряды красногвардейцев для содействия. Левобережная Украина (ее значительная часть), а также Донбасс стали контролироваться советским харьковским правительством в начале января 1918 г. [12, с. 250–251].

В то время как на Украине проходили боевые действия, Центральная рада с согласия Германии и ее союзников с декабря 1917 года в Брест-Литовске приняла активное участие в переговорах между Советской Россией и странами Четверного союза (Центрального блока) о заключении мирного договора. Стремясь противодействовать успешному большевистскому наступлению, УЦР 9 (22) января 1918 г. провозгласила IV Универсал – Украина была объявлена независимым, суверенным государством, которое имеет право вступать в международно-правовые отношения и добиваться заключения «справедливого мира» с государствами Центрального блока⁵.

Однако уже 25 января (7 февраля) 1918 г. в связи с успешным наступлением большевиков представители Центральной рады бежали из Киева. Сначала они переместились в Житомир, а затем под защиту немцев – в поселок Сарны Волынской губернии, ближе к линии фронта. После освобождения Киева Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА) 26 января (8 февраля) 1918 г. в город переехало правительство Украинской Советской Республики. Принятый за день до этого IV Универсал позволил УЦР принять участие в заключении сепаратного мира с Германией и ее союзниками, которые дали гарантии в оказании УНР военной помощи для борьбы с большевиками.

27 января (9 февраля) 1918 г. делегация УНР подписала Брестский мирный договор с Германией, а через три дня аналогичные двусторонние дополнительные договоры были заключены с Турцией, Болгарией и Австро-Венгрией. Договоры подкреплялись обязатель-

⁵ Українська Центральна Рада. Указ. соч. – С. 37.

ствами УНР в течение первой половины 1918 года поставить Германии и Австро-Венгрии продовольственные и сырьевые ресурсы с территории Украины. В свою очередь государства Четверного союза гарантировали оказание военной поддержки УНР в борьбе с большевиками. Таким образом, формально Брестский мирный договор с Германией и ее союзниками означал признание Украины независимым государством, которое не находится под юрисдикцией России. Фактически этот договор предусматривал переход УНР под протекторат Германии.

Пытаясь защититься от большевиков, 31 января (13 февраля) 1918 г. Центральная рада попросила помощи у Германии и Австро-Венгрии, предложив их войскам войти на территорию Украины. 18 февраля 1918 г. армия Германии и Австро-Венгрии начала широкомасштабное наступление на территорию Украины. Это позволило УЦР 1 марта вместе с немецкими войсками вернуться в Киев и заявить о своих планах «полного освобождения Украины от большевистской советской власти».

В декабре 1917 – феврале 1918 г. большевики провозгласили на территории Слободской Украины и Новороссии создание двух советских республик – Одесской и Донецко-Криворожской. На II Всеукраинском съезде Советов 17–19 марта 1918 г., провозглашенные республики вместе с Украинской Народной Республикой (Советов) были объединены в Украинскую Советскую Республику (далее – УСР), заявившую о вхождении в состав Советской России. Данные события проходили в условиях германо-австрийского наступления. Рабоче-крестьянская Красная армия (РККА) под давлением австро-германских частей была вынуждена покинуть территорию УСР. В апреле 1918 года под напором оккупантов Украинская Советская Республика прекратила своё существование. Советская власть на Украине была ликвидирована [13, с. 156].

Итак, национально-государственное развитие на территории украинских губерний в годы общероссийской революции осуществлялось по двум направлениям:

- попытка региональных политических сил создать национальные, автономные, а затем и независимые от центра органы местной власти (центробежный процесс);
- формирование Советов как официальных органов власти на местах с постепенным их переходом под контроль партии большевиков (центростремительный процесс).

Внешняя интервенция позволила проукраинским политическим силам свергнуть советскую власть, но при этом обусловила и политическую катастрофу самой Центральной рады. 29 апреля 1918 г. по инициативе германской оккупационной администрации в Киеве был осуществлен политический переворот, вследствие которого УЦР была распущена.

Произошло переименование УНР в Украинскую Державу, которую возглавил гетман П. Скоропадский. При Центральной раде форма правления была республиканская «квазисоциалистическая» демократия. Теперь ей на смену пришла форма правления, близкая к монархической. Украинские консервативные политические силы, осуществив гетманский переворот, попытались направить общественную жизнь в правовое русло, заручившись внешней поддержкой, положить конец радикальным социальным настроениям. Планировалось силой государственной власти и умеренных реформ обеспечить свободу буржуазных отношений и утвердить право частной собственности.

Гетманский переворот был неоднозначно встречен населением Украины. С радостью его восприняли представители состоятельных слоев, прежде всего крупные землевладельцы, заинтересованные в восстановлении частной собственности на землю и питавшие надежды на новую земельную реформу. Представители рабочего класса и трудящегося крестьянства, считая Скоропадского ставленником немцев и буржуазии, отнеслись к новой власти критично и враждебно. Летом 1918 года на Украине начало формироваться антигетманское оппозиционное движение, представленное тремя ведущими лагерями:

- националистическим (бывшие партии Центральной рады, стремящиеся к восстановлению УНР);
- большевистским (сторонники возрождения Советской власти);
- крестьянским повстанческим движением⁶.

Учредительный съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины состоялся 5–12 июля 1918 г. в Москве. Партия создавалась как областная организация Российской коммунистической партии (большевиков), что давало существенное организационное преимущество большевикам вести политическую борьбу, стараясь возобновить советскую власть на Украине.

⁶ Бойко О. Д. Історія України. – Київ: Академія, 2001. – С. 343.

Краху режима П. Скоропадского способствовали, в том числе, начавшаяся в Германии революция и падение германского блока в войне.

13 ноября 1918 г. Советская Россия официально заявила об аннулировании Брестского мира. Украина как самостоятельное государство больше не рассматривалась СНК, поэтому вопрос о признании независимости Украины больше не был актуальным. Параллельно с большевиками свои политические претензии на Украину предъявили и самостоятельные силы, создавшие особый чрезвычайный орган власти – Директорию, провозгласившую своей главной целью борьбу за возрождение УНР. 14 ноября 1918 г. Директория призвала к началу восстания против режима П. Скоропадского.

28 ноября 1918 г. в Курске на территории РСФСР для восстановления власти Советов на украинских землях было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, которое в начале января 1919 года перемещается в Харьков (после освобождения города силами Красной Армии). До 1934 года Харьков – центр бывшей Слобожанщины, крупнейший промышленный город Советской Украины – являлся его первой столицей (в 1934 году столицей Советской Украины провозглашен Киев). 6 января 1919 г. специальным решением правительства название государства Украинская Народная Республика упраздняется и вводится новое наименование государства – Украинская Социалистическая Советская Республика (далее – УССР), по аналогии с Советской Россией. Данное название действовало до принятия Конституции УССР 1937 года, когда слово «советская» передвинулось на второе место.

В январе 1919 года Временное рабоче-крестьянское правительство Украины было переименовано в Совет Народных Комиссаров, а отделы – в народные комиссариаты.

При создании нового государственного аппарата правительство УССР в первую очередь ликвидировало старые атрибуты, существовавшие при Центральной раде, гетмане и Директории. Все полномочия ранее существовавших местных органов власти передавались чрезвычайным органам – революционным комитетам (ревкомам) и комитетам незамужних селян (бедноты) (комнезамы, комбеда) в сельской местности. Со временем намечалось избрание местных Советов. Параллельно в республике создаются Всеукраинская чрезвычайная комиссия (ВУЧК), рабоче-крестьянская милиция, народные суды, революционные трибуналы, которые боролись с сопротивлением противников советской власти.

В Харькове 10 марта 1919 г. на III Всеукраинском съезде Советов произошло официальное провозглашение УССР. Была принята первая Конституция нового государства, которая юридически оформила победу советской формы государственности на территории Украины.

Конституция УССР 1919 года включала четыре раздела, в которых содержалось 35 статей. Статьи первого раздела, который назывался «Основные положения», раскрывали программные основы советского государства. Второй раздел – «Конструкция советской власти» – был посвящен описанию основ организации центральной и местной власти. В третий раздел Конституции вошла «Декларация прав и обязанностей трудового и эксплуатируемого народа Украины», которая являлась адаптированной к условиям УССР российской «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (1918). Символике советского государства в Украине был посвящен раздел «О Гербе и Флаге УССР».

В первой Конституции УССР новое государство определялось как Республика Советов. Органами государственной власти были провозглашены Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а верховным органом законодательной власти на Украине – Всеукраинский съезд советов. Законодательные функции осуществлял Всеукраинский Центральный Исполнительный комитет (ВУЦИК), который избирался СНК УССР, выполнявшим правительственные функции. Председателем ВУЦИК стал Г. Петровский. На съездах соответствующих Советов избирались органы управления на местах, в губерниях, уездах и волостях – соответствующие исполнительные комитеты⁷.

Все дальнейшие события на Украине происходили опираясь на твердую централизованную политику⁸, проводившуюся СНК, ЦИК РСФСР, РКП(б). При формировании советского аппарата на Украине не намеревались строить суверенное государство.

Централизация коснулась разных сторон жизни на Украине, так, Всероссийский Центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) был создан на основании объединения профсоюзов России и профсоюзного движения Украины, а Коммунистический союз рабочей молодежи Украины (КСРМУ) создан как составляющая Российского коммунистического союза молодежи.

⁷ Хрестоматія з історії держави і права України. Указ. соч.; Гончаренко В. Д. Указ. соч. – С. 140–145.

⁸ Чайковский А. С., Батрименко В. И., Зайцев Л. О. [и др.]. История государства и права Украины: учебник / под ред. А. С. Чайковского. – Киев: Юринком Интер, 2004. – С. 276–277.

Закономерным продолжением процессов стало объединение военных сил Украины и России. Так, все распоряжения и декреты правительства РСФСР в военной сфере с января 1919 года распространялись и на Украину. 1 июня 1919 г. высший орган Советской России – Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) – поддержал Декрет о «военно-политическом союзе» советских республик, в том числе Украины, Беларуси, Литвы, Латвии. Под управлением высших органов РСФСР с целью «борьбы с мировым империализмом» произошло объединение войск, железных дорог, финансов, промышленности, комиссариатов труда республик. Все происходившие процессы свидетельствовали о том, что о государственном суверенитете Украины речь не шла. Невзирая на объединение УССР с Советской Россией на основе «социалистической федерации», их федеративные связи являлись полностью декларативными.

Имевшие место события заставили большевиков сделать определенные выводы. По предложению В. И. Ленина 4 декабря 1919 г. на VIII Всероссийской партконференции была принята резолюция «О Советской власти в Украине». Провозглашалось, что: «РКП(б) стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР». Также акцент делался на федеративной связи в определении отношений между УССР и РСФСР. Окончательное решение о дальнейших формах союза принималось украинскими крестьянами и рабочими. Кроме того, резолюция включала в себя очень значимое для большевиков Украины условие: «Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и разговаривать во всех советских учреждениях на родном языке» [14, с. 140–142].

28 декабря 1920 г. был принят нормативно-правовой документ, окончательно закрепивший установление Советской власти на Украине и вступление двух советских республик в военный и хозяйственный союз, – Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР. Это привело к объединению целого ряда комиссариатов. Таким образом, в состав СНК РСФСР входили уже объединенные народные комиссариаты обеих республик. ЦИК и Съезд Советов УССР утверждали и контролировали своих уполномоченных этих народных комиссариатов в СНК УССР. Особые соглашения между правительствами двух государств устанавливали порядок и форму внутреннего управления объединенных комиссариатов⁹.

Так, в период 1917–1920 гг. на территории Украины было образовано около десятка разных республик. Это свидетельствует о том, что в разных частях Украины в силу исторических факторов существовало разное видение будущего развития страны. Однако все они предполагали обособление в границах тех территорий, которые охватывали новые образования. Исходя из этого, можно сказать, что территория Украины периода 1917–1920 гг. являла собой мозаику различных образований. Однако твердая политика большевиков, направленная на недопущение разбегания земель, позволила Украине сохранить свою территорию [15 с. 315].

Заключение

Завершение военных действий на Украине было связано с советско-польской войной 1919–1921 гг., по итогам которой 18 марта 1921 г. между Польшей, РСФСР и УССР был подписан Рижский мирный договор. По договору поляки были вынуждены признать на территории Украины утверждение советской формы государственности, получив взамен западноукраинские и западнобелорусские земли. В начале 1920-х гг. дальнейшее развитие государственно-правовых процессов на Украине осуществлялось под руководством партии большевиков в сложных условиях восстановления социально-экономической жизни, требовавших координации усилий советских национальных республик путем создания единого союзного государства.

30 декабря 1922 г. УССР подписала Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, положивший начало созданию нового многонационального государственного образования на землях бывшей Российской империи. Украина наряду с другими советскими республиками приступила к реализации курса коммунистического строительства, при этом сохраняя и приумножая достижения своей истории, права, культуры, государственно-правовые и регионально-этнические традиции в рамках единого общесоюзного государства.

⁹Образование Союза Советских Социалистических Республик : сборник документов / отв. сост. С. В. Хармандарян, С. И. Якубовская. – Москва: Наука, 1972. – С. 166–168.

Таким образом, национально-государственное развитие на территории украинских земель в годы общероссийской революции было детерминировано: во-первых, стремлением региональных политических сил создать национальные, автономные, а затем и независимые от центра органы местной власти (центробежный процесс); во-вторых, формированием Советов как официальных органов власти на местах с постепенным их переходом под контроль партии большевиков (центростремительный процесс).

При этом на Украине особо драматично проявился поиск альтернативных моделей государственно-правовой системы, обусловленный противоборством различных социально-правовых доктрин и подходов государственного устройства, насильственным гражданским противостоянием, воздействием внешнеполитических сил, который завершился утверждением Украинской Социалистической Советской Республики.

Список литературы

1. Лихолат А. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917–1922 гг.). – Москва, 1954. – 655 с.
2. Щербина Й. Т. Робітничий клас України та його революційна боротьба в 1914–1917 роках. – Київ: Вид-во Академії наук Укр. РСР, 1963. – 366 с.
3. Королівський С. М., Рубач М. А., Супруненко М. І. Перемога Великої Жовтневої соціалістичної революції на Україні : у 2 т. – Київ: Наук. думка, 1967. – Т. 1. – 391 с.
4. Супруненко М. І. Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні (1917–1920) / Історія Української РСР : у 8-ми т. / редкол.: М. І. Супруненко (відп. ред.) [та інші]. – Київ, 1977. – 501 с.
5. Копиленко О. Л. «Сто днів» Центральної Ради. – Київ: Україна, 1992. – 202 с.
6. Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис : монографія. – Київ: Либідь, 1999. – 976 с.
7. Солдатенко В. Ф. Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). – Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книга пам'яті України», Видавничий центр «Просвіта», 1999. – 508 с.
8. Павленко Ю., Храмов Ю. Українська державність у 1917–1919 рр. (історико-генетичний аналіз). – Київ: Манускрипт, 1995. – 262 с.
9. Вінниченко В. К. Відродження нації : у 3-х ч. – Відень: Дзвін, 1920. – Ч. 2. Історія української революції (марець 1917 р. – грудень 1919 р.). – 328 с.
10. Новий погляд на проблему. Універсали Центральної Ради // Український історичний журнал. – 1991, серпень. – № 8 (365). – 160 с.
11. Скоровстанский В. (Шахрай В. М.) Революция на Украине / В. Скоровстанский [псевд.]. – 2-е изд. – Саратов: Борьба, 1919. – 150 с.
12. Григорьев М. С., Дейнего В. Н., Дюков А. Р. [и др.]. История Украины : монография. – 2-е изд. – Москва: Международные отношения, 2022. – 656 с.
13. Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. – Харьков: Фолио, 2011. – 602 с.
14. Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы / Институт славяноведения РАН. – Москва: Европа, 2006. – 241 с.
15. Жильцов С. С. История становления украинского государства (до распада СССР) // Проблемы постсоветского пространства. – 2018. – Т. 5. – № 3. – С. 309–328; <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-309-328>.

References

1. Likhohat A. Krakh natsionalisticheskoy kontrrevolyutsii na Ukraine (1917–1922). – Moskva, 1954. – 655 s.
2. Shcherbyna Y. T. Robitnychyy klas Ukrayiny ta yogo revolyutsiyna borot'ba v 1914–1917 rokakh. – Kyiv: Vyd-vo Akademiyi nauk Ukr. RSR, 1963. – 366 s.
3. Korolivs'kyu S. M., Rubach M. A., Suprunenko M. I. Peremoga Velykoyi Zhovtnevoyi sotsialistichnoyi revolyutsiyi na Ukrayini : u 2 t. – Kyiv: Nauk. dumka, 1967. – T. 1. – 391 s.
4. Suprunenko M. I. Velyka Zhovtneva sotsialistichna revolyutsiya i gromadyans'ka viyna na Ukrayini (1917–1920) / Istoryiya Ukrayins'koyi RSR : u 8-my t. / Redkol.: M. I. Suprunenko (vidp. red.) [ta inshi]. – Kyiv, 1977. – 501 s.
5. Kopylenko O. L. «Sto dniv» Tsentral'noyi Rady. – Kyiv: Ukrayina, 1992. – 202 s.
6. Soldatenko V. F. Ukrayins'ka revolyutsiya. Istorychnyy narys : monografiya. – Kyiv: Lybid', 1999. – 976 s.

7. *Soldatenko V. F.* Ukrayins'ka revolyutsiya: kontseptsiya ta istoriohrafiya (1918–1920 rr.). – Kyiv : Poshukovo-vydavnyche agentstvo «Knyga pam'yati Ukrainy», Vydavnychyy tsentr «Prosvita», 1999. – 508 s.
8. *Pavlenko Yu., Khramov Yu.* Ukrayins'ka derzhavnist' u 1917–1919 rr. (istoryko-genetychnyy analiz). – Kyiv: Manuskrpt, 1995. – 262 s.
9. *Vinnychenko V. K.* Vidrozhennya natsiyi : u 3-kh ch. – Viden': Dzvin, 1920. – Ch. 2. Istoriya ukrayins'koyi revolyutsiyi (marets' 1917 r. – gruden' 1919 r.). – 328 s.
10. *Novyy pohlyad na problemu.* Universaly Tsentralenoyi Rady // Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal. – 1991, serpen'. – № 8 (365). – 160 s.
11. *Skorovstanskiy V. (Shakhray V. M.)* Revolyutsiya na Ukraine / V. Skorovstanskiy [psevd.]. – 2-ye izd. – Saratov: Bor'ba, 1919. – 150 s.
12. *Grygor'ev M. S., Deyneho V. N., Dyukov A. R. [y dr.]*. Ystoryya Ukrainy : monografiya. – 2-e yzd. – Moskva: Mezhdunarodnye otnoshennya, 2022. – 656 s.
13. *Kornylov V. V.* Donetsko-Kryvorozhskaya respublika. Rasstrelyannaya mechta. – Khar'kov: Folyo, 2011. – 602 s.
14. *Borysenok E. Yu.* Fenomen sovetskoy ukraynyzatsyy, 1920–1930-e gody / In-t slavyanovedenyya RAN. – Moskva: Evropa, 2006. – 241 s.
15. *Zhyl'tsov S. S.* Ystoryya stanovlenyya ukraynskoho gosudarstva (do raspada SSSR) // Problemy postsovetskogo prostranstva. – 2018. – T. 5. – № 3. – S. 309–328; <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-309-328>.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 01.04.2024.

The article was submitted October 15, 2023; approved after reviewing March 20, 2024; accepted for publication April 1, 2024.

Научная статья
УДК 340.132.1
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-55-68>

Ксения Евгеньевна Кордобовская
<https://orcid.org/0009-0006-3371-2946>, kordobovskay@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1*

Правовой инфантилизм (опыт теоретико-правового анализа социоюридического феномена)

Аннотация: Введение. Криминогенная ситуация в современной России продолжает характеризоваться ростом противоправных действий, а также увеличением доли тяжких и особо тяжких преступлений, распространением насильственной преступности, вовлечением в преступную деятельность все большего количества участников, ростом причиненного в результате совершенных преступлений ущерба как устойчивых тенденций развития криминогенного состояния. Выявление причин сложившейся ситуации способствовало акцентированию внимания на значении факторов выбора личностью модели правового поведения. Важной детерминантой правового поведения является сформированность у личности правового сознания и наличие деформаций правового сознания, в качестве которых выступают правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм. При этом феномен «правовой инфантилизм», несмотря на внимание к нему правоведов В. Р. Петрова, П. П. Баранова, Д. Э. Марченко, А. М. Цалиева, до настоящего времени в юридической науке не был целостно исследован. Проявления правового инфантилизма, степень его влияния на современную криминогенную обстановку обуславливают необходимость поиска и реализации средств противодействия его формированию. **Методы.** Основными методологическими принципами исследования явились всесторонность изучения юридических процессов и явлений, единство теории и практики. Системный и ценностный методологические подходы были определены основными при исследовании. Метод целостности позволил при проведении историографического анализа определить выявленные учеными характеристики правового инфантилизма, формы его проявления и предпосылки его возникновения. **Результаты.** Выявлено, что до настоящего времени правовой инфантилизм как феномен не получил системного рассмотрения в юридической науке. В статье охарактеризованы подходы к анализу феноменов «инфантилизм» и «правовой инфантилизм». Сделан вывод о значимом влиянии на представления о правовом инфантилизме со стороны достижений медицины и отсутствию в современной юридической науке комплексного исследования правового инфантилизма. Охарактеризованы различные виды инфантилизма (личностный, психологический, социальный); правовой инфантилизм рассмотрен как разновидность социального инфантилизма, как специфическая форма проявления деаксиологического правосознания. Определены причины формирования и формы проявления правового инфантилизма. Сделан вывод о целесообразности разработки стратегии противодействия формированию правового инфантилизма в правосознании российских граждан, структурными элементами которой должны стать научно-правовая, законодательная и правоприменительная составляющие.

Ключевые слова: инфантилизм, правовая культура, правовое сознание, деформация правосознания, правовой инфантилизм

Для цитирования: Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм (опыт теоретико-правового анализа социоюридического феномена) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 55–68; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-55-68>.

Ksenia E. Kordobovskaya

<https://orcid.org/0009-0006-3371-2946>, kordobovskay@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Legal infantilism (experience of theoretical and legal analysis of socio-legal phenomenon)

Abstract: Introduction. An increasing trend of illegal acts including grave and especially grave crimes, violent crime, a growing number of participants involved in criminal activity, the growth of criminal damage have become sustainable characteristics of criminological situation of modern Russia. The identification of the causes of the current situation affected the importance of the factors of choosing the model of legal behavior by the individual. The important feature of legal behavior is the developed legal consciousness of the individual and the existence of legal consciousness deformations, characterized by legal nihilism, legal idealism and legal infantilism. The phenomenon of “legal infantilism” has not been thoroughly examined in law despite the works of legal scholars V. R. Petrov, P. P. Baranov, D. E. Marchenko, and A. M. Tsaliev. Manifestations of legal infantilism, the degree of its influence on the current criminological situation makes it necessary to search for and implement means of counteracting its formation. **Methods.** The main methodological principles of the research were the breadth of learning of legal processes and phenomena, the unity of theory and practice. System and value methodological approaches were the basic methods of research. The method of integrity allowed to determine the characteristics of legal infantilism, forms of its manifestation and prerequisites for its emergence identified by scientists during the historiographical analysis. **Results.** The research revealed that legal infantilism as a phenomenon has not received legal systematic examination so far. The article characterizes approaches to the analysis of the phenomena “infantilism” and “legal infantilism”. The paper revealed the significant influence on the ideas concerning legal infantilism by the achievements of medicine and the absence of a comprehensive study of legal infantilism in modern jurisprudence. Different types of infantilism (personal, psychological, social) are characterized; legal infantilism is considered to be a type of social infantilism, a specific form of manifestation of deaxiological legal consciousness. The reasons for the formation and forms of manifestation of legal infantilism were determined. The article makes the conclusion about the usefulness of developing a strategy to counteract the formation of legal infantilism in the legal consciousness of Russian citizens, the structural elements of which should be scientific and legal, legislative and law enforcement components.

Keywords: infantilism, legal culture, legal consciousness, deformation of legal consciousness, legal infantilism

For citation: Kordobovskaya K. E. Legal infantilism (experience of theoretical and legal analysis of socio-legal phenomenon) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 55–68; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-55-68>.

Введение

Криминогенная ситуация в современной России продолжает характеризоваться ростом противоправных действий¹. Тенденциями развития криминогенного состояния являются: увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений; рост отдельных видов общественно-опасных преступлений; распространение насильственной преступности; вовлечение в преступную деятельность все большего количества участников; рост причиненного в результате совершенных преступлений ущерба². Особую озабоченность вызывает рост нарушений

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // МВД России: [официальный сайт]. – URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 21.02.2024); Заседание коллегии МВД России // Президент России: [официальный сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62860> (дата обращения: 21.02.2024); Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года // МВД России: [официальный сайт]. – URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 22.02.2024).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // МВД России: [официальный сайт]. – URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 22.02.2024).

правовых норм молодежью³. Выявление причин этих тенденций способствовало акцентированию внимания на значении факторов выбора личностью модели правового поведения [1, с. 7–15, 30–32, 42–44; 2, с. 120]. Детерминантой правового поведения является сформированность у личности правового сознания и наличие деформаций правового сознания, в качестве которых рассматриваются правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм. При этом феномен «правовой инфантилизм», несмотря на внимание к нему В. Р. Петрова⁴, П. П. Баранова [3], Д. Э. Марченко [4], А. М. Цалиева [5], до настоящего времени в юридической науке целостно не исследован [6, с. 26]. В научной литературе рассмотрены лишь отдельные аспекты правового инфантилизма, изученные в контексте обусловленности современной действительностью [7, с. 98–99], как особенность правового сознания [8, с. 86–87], характеристика правовой культуры [9]. Хотя роль правовой культуры и правосознания с его деформациями в обеспечении устойчивого развития правового государства признается на всех уровнях государственного и общественного управления, в том числе и Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в обращении к Федеральному собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г.⁵ Значимым для работы государственного аппарата является профессиональный правовой инфантилизм [10; 11]. Проявления правового инфантилизма, степень его влияния на современную криминогенную обстановку обуславливают необходимость поиска и реализации средств противодействия его формированию и, значит, определение правового инфантилизма предметом научных правовых исследований.

Изучение правового инфантилизма научным сообществом направлено на совершенствование механизма регулирования общественных отношений, определение перспектив правотворческой и правоприменительной деятельности. Исследования в данной сфере осуществляют не только юридические, но и иные социальные науки.

Актуальность изучения правового инфантилизма обусловлена значимостью правовой культуры как важного фактора развития всей правовой системы государства, проявлением которой выступает правовой инфантилизм. Правовую культуру рассматривают как систему правовых норм, ценностей, институтов, состояний и форм, которые в совокупности выполняют функцию социально-правовой ориентации людей и являются правовой средой жизнедеятельности государства, социума и отдельно взятого индивида [12, с. 14]. Состояние правовой культуры российского общества нашло свое отражение в ряде трудов ученых, в которых рассмотрены: специфика проявления правового сознания; особенности формирования правовой культуры в отдельных социальных группах; модели поведения, приоритет которых нашел закрепление в правовых традициях российского общества [13, с. 20; 14, с. 50].

Одним из элементов правовой культуры является правосознание. В юриспруденции правовое сознание рассматривается: как совокупность правовых представлений, эмоций, чувств, идей, выражающих оценочное психологическое отношение людей к юридическим знаниям, явлениям общественной жизни; источник правомерного поведения личности. Правовое сознание является неотъемлемой частью общей системы человеческого сознания и находит отражение в разнообразных сферах деятельности человека. Претерпевая изменения, правосознание может проявляться в различных формах, в числе которых правовые радикализм, нигилизм и инфантилизм, свидетельствующие о том, что формы приспособления индивида к окружающей среде отличаются от общепринятых норм в сфере права [6].

Исследование феномена «правовой инфантилизм» и выявление значения его проявлений в правовой действительности современной России имеет:

- теоретико-методологическое значение, обусловленное потребностью теоретической юриспруденции в новых подходах к определению факторов формирования правовой культуры и правосознания в условиях глобализации, цифровизации общественных отношений и правового релятивизма;
- социальное значение, детерминированное необходимостью решения комплекса вопросов, касающихся повышения эффективности реализации норм права и обеспечения общественного порядка;
- практическое значение, связанное с выявлением роли правового инфантилизма при выборе личностью модели правового поведения.

³ Статистики подсчитали подростков-преступников: результаты ужаснули // Московский комсомолец : [сайт]. – URL: <https://www.mk.ru/social/2023/12/28/statistiki-podschitali-podrostkovprestupnikov-rezultaty-uzhasnuli.html> (дата обращения: 25.01.2024).

⁴ Петров В. Р. Деформация правосознания граждан России : Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2000. – 222 с.

⁵ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Справочно-правовая система (далее – СПС) «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 01.03.2024).

Методы

Методологические принципы исследования правового инфантилизма опираются на диалектику, которая выступает как общая методология научного познания. Основными принципами исследования явились принципы всесторонности изучения юридических процессов и явлений, единства теории и практики. Основными методологическими подходами исследования были определены:

- системный подход, способствовавший определению характеристик субъектов – носителей правового инфантилизма; выявлению форм проявления правового инфантилизма; места правового инфантилизма в правовой культуре современного российского общества;
- ценностный подход, позволивший выявить аксиологические детерминанты формирования правового инфантилизма.

Метод целостности способствовал при проведении историографического анализа определению выявленных учеными характеристик правового инфантилизма, форм его проявления и предпосылок его возникновения. Методами правового исследования стали общенаучные (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, исторический) и специальные (историко-правовой, интерпретации нормативных правовых актов).

Результаты

Правовая культура общества и ее отличительные черты являются значимой характеристикой национальной государственно-правовой системы. Правовая система формируется под воздействием различных факторов, сложившихся на разных этапах исторического развития государства в политической жизни страны и социально-экономической сфере, отражающих особенности идеологии, национального менталитета и правовой культуры. Особую роль правовая культура играет при построении правового государства. Именно правовая культура является условием формирования социально активных законопослушных личностей. Препятствием проявлению социальной активности и осознанного выбора правомерной модели поведения может выступать правовой инфантилизм.

Понятие «правовой инфантилизм» сформировалось с учетом достижений медицины. Понятие «**инфантилизм**» вошло в научный оборот как результат исследований французского невролога Э. Ласега (1864)⁶. Инфантизмом Э. Ласег назвал «относительно планомерную задержку психического и физического развития» [15, с. 76]. Невролог определил характерные черты инфантилизма: детское телосложение, недоразвитость половых органов и развитие интеллекта, более характерное для лиц младшей возрастной категории⁷. Представление об инфантилизме как патологическом состоянии вошло в психическую деятельность.

Большой советский энциклопедический словарь фиксирует: инфантилизм (от лат. *infantilis* – детский) – это общая более или менее равномерная задержка в развитии всего организма (психики, роста, половых и внутренних органов)⁸. Инфантилизм может быть врожденным и приобретенным вследствие неблагоприятных условий жизни в период роста. Помимо общего инфантилизма различают его отдельные формы, среди которых чаще всего встречается половой и психический инфантилизм.

Психический инфантилизм, по мнению немецкого психиатра Г. Антона, – это особый вид задержки развития личности на ювенальной степени, где имеются эмоциональные и характерологические отклонения, незрелые суждения, неустойчивость настроения и недостаточность сознательной и целевой активности [16]. Инфантилизм по своим клиническим проявлениям рассматривался как схожий с психопатией и олигофренией, характеризующимися умственной отсталостью, эгоцентричностью, сниженной способностью к сопереживанию.

Медиками выявлено, что в этиологии инфантилизма большое значение имеют инфекционные заболевания, прежде всего: туберкулез и врожденный сифилис, приобретенная в раннем детстве малярия, интоксикация (посредством свинца, ртути, морфина, никотина, алкоголя), заболевания желез внутренней секреции, мозга, разнообразные отклонения от нормы в сосудистой системе (сужения аорты, легочной артерии, митрального отверстия), тяжелые и длительные желудочно-кишечные расстройства, перенесенные в самом раннем детстве, плохие гигиенические условия жизни и расстройства питания организма⁹.

⁶ Ласег Э. Техника пальпации, перкуссии и аускультации / Ch. Lasègue et J. Grancher; [пер. с фр. под ред. ординатора Клиники проф. Н. А. Виноградова А. М. Дохмана]. – Казань: Н. В. Рейнгардт, 1883. – Вып. 1–2.

⁷ Юркова И. А. О некоторых клинических особенностях психического инфантилизма / Дети с временными задержками развития : хрестоматия / под ред. Т. А. Власовой, М. С. Певзнер. – Москва: Педагогика, 1971. – С. 25–31.

⁸ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия, 1993. – С. 320.

⁹ Там же.

Эти факторы влияют на то, что организм резко снижает сопротивляемость негативным воздействиям извне, что приводит к развитию физиологического инфантилизма [17, с. 71].

При психическом инфантилизме проявления эмоционально-волевой неполноценности, по мнению В. Г. Косенко, Э. А. Коломиец, А. Э. Шпакова, выражаются в признаках, касающихся черепно-мозговых травм; семейного положения, характеристики родителей; психофизиологических патологий; социального поведения. Само разнообразие выделенных признаков по своему характеру и содержанию свидетельствует о зависимости психического здоровья от поражения центральной нервной системы в раннем детском возрасте [18].

Медики зафиксировали, что личность, имеющая склонность к проявлениям инфантилизма, имеет врожденные предпосылки в виде различного рода заболеваний, умственного отставания, эгоцентричности и детской логики.

Учеными выделены различные **виды инфантилизма**:

– *личностный инфантилизм* как девиация поведения, психического и личностного развития индивида (В. В. Лебединский¹⁰, М. Ю. Кондратьев, В. А. Ильин¹¹); как своеобразная девиация личностного развития, которая характеризуется «детской моделью поведения» (М. Хробак¹²);

– *психологический инфантилизм* имеет черты, не соответствующие возрасту в поведении, мышлении, эмоциональных реакциях (отличается от психического инфантилизма: в данном случае человек имеет вполне здоровую психику и может изменить свое поведение, при появлении соответствующих мотивов, осознании, рефлексии [15, с. 76]);

– *социальный инфантилизм* связан с условиями функционирования общества, семьи и других значимых для личности социальных групп [19]; характеризует поведение человека с нарушением социальной коммуникации, отсутствием эмпатии, отрицанием общественных норм, избеганием конфликтов, безответственностью, несовпадением модели поведения взрослого человека [17; 20]; это морально-нравственная незрелость при сохранном интеллекте и отсутствии соматической патологии, приводящая к недостаточно полноценному функционированию в обществе и свидетельствующая о нарушении механизма социализации, непринятии общественных норм [21, с. 147].

Социальную инфантильность З. Фрейд характеризовал как фиксацию на одной из стадий развития (вредные привычки обусловлены «неполнотой» психической зрелости)¹³; Н. Мак-Вильямс – как сохранение в большей степени инфантильных форм мышления (основной механизм защиты – регрессия)¹⁴; К. Юнг – как зависимость – «особую внутреннюю привязанность, которая может чем-нибудь заменяться»¹⁵ (когда внешние барьеры становятся внутренними, тогда наступает дуалистическое состояние, которое формирует детскость (двойственность), а не инфантилизм (агрессивное взрослое сознание).

Причиной социального инфантилизма, одной из преград для личностного роста А. Адлер считает избалованность, осознание субъектом того, что он «не такой как все», которые определяют проблемы во взрослой жизни¹⁶.

Каждое поколение привносит в социальные институты пережитки инфантильных потребностей и юношеского пыла (Э. Эриксон)¹⁷. Но главной тенденцией развития организма является стремление к актуализации, силе и твердости. Однако эта актуализирующая тенденция очень избирательна. Незрелая, инфантильная личность неспособна достигать завершенности, целостности, она растождествлена с собой и своим стремлением к актуализации (К. Роджерс)¹⁸. Инфантилизм проявляется как определенная личностная организация, сохраняющая черты и модели поведения предыдущего возрастного периода, бывшие адекватными прежде, но не являющиеся адекватными на новом возрастном этапе [22, с. 495]. Противоречивая картина будущего, неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне пугают молодое поколение, в связи с чем они избирают наиболее легкие пути достижения

¹⁰ Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте : учебное пособие. – Москва: Издательский центр «Академия», 2003. – с. 119.

¹¹ Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика : справочно-энциклопедическое издание. – Москва: Per Se, 2007. – 463 с.

¹² Chrobak M., Wądołny-Tatar K. Światy dzieciństwa: infanlizacja w literaturze i kulturze. – Krakow: Universitas. 2016. – 507 p.

¹³ Фрейд З. Введение в психоанализ / пер. с нем. Г. Барышниковой. – Москва: АСТ, 2022. – 608 с.

¹⁴ Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика : Понимание структуры личности в клиническом процессе / пер. с англ. М. В. Глушенко, М. В. Ромашкевича. – Москва: Независимая фирма «Класс», 1988. – 474 с.

¹⁵ Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. – Москва [и др.]: Питер, 2017. – С. 54.

¹⁶ Адлер А. Понять природу человека. – Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. – 251 с.

¹⁷ Эриксон Э. Г. Идентичность: юность и кризис : учебное пособие / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых; пер. с англ. Андреева А. Д. и др. – 2-е изд. – Москва: Флинта [и др.], 2006. – С. 46.

¹⁸ Роджерс К. Р. Гуманистическая психология: теория и практика : избранные труды по психологии / под ред., [авт. вступ. ст. и сост.] А. Н. Сухова ; Российская академия образования, Московский психолого-социальный университет. – Москва: МПСУ, 2013. – 450 с.

поставленных перед собой целей. Проявлением инфантилизма среди молодежи является «удлинение детства»: незрелость эмоционально-волевой системы, зависимость от окружающих, нетребовательность к себе, критичность к другим, отвержение новых ролей, безответственность, нежелание принимать решения, стремление жить «за чужой счет».

Инфантильность может рассматриваться как возможная причина внутриличностного конфликта (К. Хорни)¹⁹: склонность к агрессивности, с одной стороны, стремление уступить – с другой; чрезмерные притязания, с одной стороны, и страх никогда ничего не получить – с другой; стремление к самовозвеличиванию, с одной стороны, и ощущение личной беспомощности – с другой.

Инфантильность проявляется у личности в процессе ее становления, является одной из ступеней ее развития (Л. С. Выготский). Проявление личностью безудержности, безмятежности, упрямства Л. С. Выготский понимал как незрелость личности, причиной которой является подвластность внешним факторам. «Примитивная реакция есть реакция, обошедшая личность, следовательно, в ней проявляется недоразвитие личности»²⁰.

Умение принадлежать к веку просвещения и способность самостоятельно обходиться без внешнего воздействия, по М. К. Мамардашвили, – это «взрослость», а несформированное суперэго, которое не может обойтись без внешнего управляющего, – «детскость» [23], социальный инфантилизм.

В качестве признаков социально-инфантильной личности В. Д. Менделевич называет: демонстрацию заметно выраженной потребности в любви; чувство потерянности; детскую логику; несовершенство мышления; патологическую внушаемость и подражательность, резкую слабость волевых проявлений; легкость включения в любую деятельность без обдумывания последствий²¹.

Таким образом, инфантильная личность характеризуется незрелостью эмоционально-волевой сферы (физическое или умственное развитие при этом может идти в рамках нормы или даже в ускоренном темпе), неспособностью нести ответственность за свои поступки, профессиональное, социальное и личностное развитие.

Психологический и социальный инфантилизм во второй половине XX – начале XXI в. стал одной из актуальных проблем организации общественной жизни [24, с. 25]. Сложное переплетение социальных и биологических факторов детерминируют рост психологического и социального инфантилизма²², проявляясь в различных сферах жизни современного общества. Телеведущий А. Норкин, комментируя поведение известных артистов, которые уехали из России после начала проведения специальной военной операции, стремясь сохранить комфорт и блага своей жизни, но в течение короткого времени поняли, что «в эмиграции жизнь тоже не сахар»²³ и «начали ... жаловаться на то, как им тяжело», оценил такое поведение как «гипертрофированный инфантилизм»²⁴. «Это не взрослые люди – это какие-то недозревшие дети», – резюмировал А. Норкин²⁵.

Разновидностью социального инфантилизма является правовой инфантилизм.

Правовой инфантилизм рассматривается как недостаточный уровень правового сознания, несформированность чувства ответственности и осознания своего поведения в правовом поле, недостаточность правовых знаний [21, с. 4]; как «дефектный вариант правосознания наряду с правовым нигилизмом, правовым идеализмом»²⁶.

Значимость вопросов социальной зрелости и возможности гражданам проявлять активную социально зрелую позицию на государственном уровне подтверждена принятием нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы повышения правовой культуры и правового сознания, патриотического воспитания и сохранения духовно-нравственных ценностей, в числе которых: «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан»²⁷; Указ Президента

¹⁹ Хорни К. Невротическая личность нашего времени : новые пути в психоанализе / пер. с англ. А. Боковиков. – Москва [и др.]: Питер, 2016. – 301 с.

²⁰ Выготский Л. С. Детская психология / под ред., [с послесл., с. 386–403, и коммент.] Д. Б. Эльконина // Собрание сочинений : в 6 т. / сост. М. Г. Ярошевский ; вступ. ст. А. Н. Леонтьев ; АПН СССР. – Москва: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 102.

²¹ Аксельрод Б. А. [и др.]. Руководство по аддиктологии / под ред. В. Д. Менделевича. – Санкт-Петербург: Речь, 2007. – С. 44–51.

²² Буянов М. И. Беседы детской психиатрии : книга для учителей и родителей. – 2-е изд. – Москва: Просвещение, 1992. – С. 131–132.

²³ Инфантилизация как инструмент воплощения проекта «Великий Инквизитор» // Информационное агентство «Красная весна» : [сайт]. – URL: <https://rossaprimavera.ru/article/5a97be64> (дата обращения: 25.02.2024).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Фролов А. Н. Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. – С. 121.

²⁷ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосозна-

Российской Федерации от 20 октября 2012 г. № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания»²⁸; «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²⁹; Федеральный закон № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ст. 41)³⁰.

Правовой инфантилизм – *характеристика правосознания*. Правосознание – совокупность взглядов, идей, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию; представления о том, что является правомерным или неправомерным³¹. Концентрированным выражением правосознания является правовая идеология – система правовых взглядов, основывающаяся на определенных социальных и научных позициях³² [7]. Правосознание предполагает наличие у субъекта представлений о праве, законности как основе правовой системы государства [25], правовых традициях и духовно-нравственных ценностях, принятых в государстве [26; 27], трансформациях правовой системы в условиях современного мира [28; 29].

Правосознание имеет сложную внутреннюю структуру – когнитивно-познавательный, деятельностно-практический и эмоционально-ценностный блоки, которые характеризуются наличием инструментов саморегуляции поведенческого компонента.

Недостаточная сформированность и пробельность правовых взглядов, знаний, установок, представлений правового сознания, недостаточный уровень правовой грамотности В. Р. Петров считает чертой правового инфантилизма [3, с. 11]. С. И. Захарцев также обращает внимание на то, что недостаточность у гражданина правовых знаний приводит к несформированности правовых убеждений и правовому инфантилизму [30, с. 147]. В. И. Каминская подчеркивает, что недостаточность жизненного опыта и знаний основ действующего законодательства приводит к правовому инфантилизму (правовому невежеству), при котором человек не может полноценно ориентироваться в правовой действительности [31, с. 27]. И. И. Карпец и А. Р. Ратинов правовой инфантилизм считают результатом несформированности и пробельности правосознания [32, с. 49–50].

Причинами формирования правового инфантилизма можно рассматривать:

- разрушение правовых ценностей в юридическом сознании индивида;
- недостатки в правовом информировании населения;
- несформированность государственной идеологии в правовой сфере;
- снижение «психологического возраста» в ряде социальных групп;
- негативное влияние ряда норм традиционной морали;
- слабость субъекта перед социальной стихией и негативные подсознательные механизмы, связанные с чувствами стыда и вины;

– стереотипы восприятия правовых ценностей, институтов и норм права;

– отсутствие разработанной методологии решения правовых проблем.

Правовой инфантилизм выступает как специфическая форма проявления деаксиологического правосознания, показатель недостаточной правовой социализации и определенной маргинальности сознания индивида и социальной группы [4, с. 67].

Формами проявления правового инфантилизма являются:

- правовая неинформированность о ценностях и нормах права;
- неумение дать должную оценку правовым нормам и конкретным фактам юридической действительности;
- несформированность надлежащих правовых установок;
- неприятие правовых ценностей;
- правовая безответственность;
- правовая пассивность.

ния граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // Российская газета. – 2011. – 14 июля.

²⁸ О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания : Указ Президента Российской Федерации от 20 октября 2012 г. № 1416 (в ред. от 26.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_LAW_136827/ (дата обращения: 25.02.2024).

²⁹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 24.02.2024).

³⁰ О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 25.02.2024).

³¹ Нижник Н. С., Семенова О. В., Демидов А. В. Теория государства и права : учебное наглядное пособие / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Издательство СПб университета МВД России, 2020. – С. 183.

³² Ильин И. А. О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – Москва: ТОО «Рарог», 1993. – 264 с.; Баранов П. П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел : учебное пособие. – Москва: ВЮЗШ, 1991. – 127 с.; Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. – Москва: Издательская группа Норма-Инфра-М, 1999. – 539 с.

При наличии пробелов в правовых знаниях, непонимания правовых норм и ценностей, обусловленных недостатком жизненного опыта и отсутствием правильных примеров юридически значимого поведения, правовой инфантилизм является формой деформированного правосознания личности. При этом правовой инфантилизм, подчеркивают И. И. Карпец и А. Р. Ратинов, отличается от правового негативизма «активной противоправной тенденцией личности» [32, с. 51].

Правовой инфантилизм, как и иные формы деформированного правосознания, характеризуется определенной глубиной *негативного поражения правосознания*, которая обусловлена чертами субъекта – его носителя³³.

Исследователи, учитывая глубину негативного поражения правосознания, выделяют различные *формы деформаций правосознания*.

П. П. Баранов обосновал такие формы, как:

– правовой инфантилизм – мягкая форма искажения правосознания вследствие несформированности, недостаточности правовых знаний, установок;

– правовой нигилизм – осознанное игнорирование требований закона, исключаящее преступный умысел;

– «перерождение» правосознания – крайняя степень искаженного дефектного правосознания, при котором формой «перерожденческого» является совершение преступлений³⁴.

Т. Ю. Смолова полагает, что формами деформации правосознания являются:

– правовой инфантилизм;

– правовая индифферентность;

– правовой идеализм;

– правовой нигилизм;

– перерождение правового сознания³⁵.

Важным фактором низкого уровня правовой культуры и деформации правосознания граждан является наполняющая менталитет идея: «Право – это то, что воплощает волю государства, но не приносит особой пользы народу» [33, с. 96]. Воздействием этого фактора могут быть объяснены отдельные проявления общественного сознания, в частности, в условиях сложной международной обстановки последних лет и проведения с 24 февраля 2022 г. специальной военной операции. Государственная политика, направленная на денацификацию соседней страны, получила разные оценки и поддержку граждан³⁶. Согласно результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, опубликованным 24 февраля 2024 г., спустя два года после начала специальной военной операции одобряют действия России 68 % респондентов, не поддерживают около 19 %³⁷. Это свидетельствует о том, что граждане страны понимают цели специальной военной операции и полагают, что ее целью является защита нашей страны. Две трети опрошенных россиян поддерживают тезис о том, что сейчас нужно жить по принципу «Все для фронта, все для победы!» (64 %), при этом 28 % респондентов не готовы согласиться с данным суждением. Неоднозначные ответы на поставленные вопросы свидетельствуют о том, что правовую культуру современной России представляют и граждане с высоким чувством долга и патриотизма, высоким уровнем правового сознания, и граждане, критично воспринимающие действия государства. Социально активные граждане объединяют соотечественников для достижения общей цели. Но имеют место и примеры нарушения общественного порядка лиц, не одобряющих средства урегулирования международных конфликтов. Лица – носители правового инфантилизма отстраняются от проблем государства и не принимают активного участия в их решении.

Правовой инфантилизм находит проявления и в профессиональной деятельности. Несформированное правосознание часто встречается среди работников органов исполнительной власти [34, с. 173]. Молодые юристы, начинающие свой профессиональный путь, не готовы осуществлять свои должностные обязанности в полном объеме в связи с возникающими трудностями, обусловленными: недостаточным уровнем их компетенции; требованиями, отличающимися от требований к ним в образовательной организации; сложностями адаптации к самостоятельной трудовой деятельности; повышенной ответственностью за самостоятельно принятые решения.

³³ Там же. С. 86.

³⁴ Баранов П. П. Правосознание и правовое воспитание / Общая теория права : курс лекций. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородской высшей школы МВД России, 1993. – С. 482–483.

³⁵ Смолова Т. Ю. Правосознание несовершеннолетних : Теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – С. 78–87.

³⁶ Инфантилизация как инструмент воплощения проекта «Великий Инквизитор» // Информационное агентство «Красная весна» : [сайт]. – URL: <https://rossaprimavera.ru/article/5a97be64> (дата обращения: 25.02.2024).

³⁷ Всероссийский центр изучения общественного мнения : [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 24.02.2024).

Проявления правового инфантилизма, степень его влияния на современную криминогенную обстановку обуславливают необходимость поиска и реализации средств противодействия его формированию. Требуется комплекс мероприятий, который будет реализован повсеместно и на системной основе; определение субъектов формирования правовой культуры и противодействия деформации правового сознания [35, с. 85]. Целесообразным представляется разработка **стратегии противодействия формированию правового инфантилизма в правосознании российских граждан**, структурными элементами которой должны стать:

– *научно-правовая составляющая*: научному сообществу необходимо обеспечить проведение фундаментальных исследований правового инфантилизма, результатами которых станет определение причин и источников формирования данной формы деформации правосознания, а также определение средств и методов преодоления правового инфантилизма в условиях правовых реалий современной России;

– *законодательная составляющая*: наличие проблемы правового инфантилизма и его влияния на состояние криминогенной обстановки в стране необходимо признать на законодательном уровне. С учетом того, что в Российской Федерации действует сразу несколько актов, посвященных профилактике противоправных деяний: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³⁸ (правонарушений в целом); Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³⁹ (правонарушений отдельных категорий лиц); Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁴⁰, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁴¹, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴² (отдельных видов противоправных деяний и явлений), в нормативных правовых актах необходимо закрепить общее понятие «правовой инфантилизм» и охарактеризовать формы его проявления; следует нормативно подтвердить связь между правовым инфантилизмом и совершением конкретных противоправных деяний, закрепить стратегии осуществления профилактической работы с субъектами – носителями правового инфантилизма и стратегии противодействия формированию правового инфантилизма в правосознании;

– *правоприменительная составляющая*: для обеспечения эффективного правоприменения необходимы: разработка и реализация программ правового воспитания, целью которых будет восполнение недостатков в правовом сознании, детерминирующего разрастание правового инфантилизма; программы должны носить дифференцированный характер, предусмотренные ими мероприятия – реализовываться по отношению к различным возрастным категориям граждан с учетом того, что степень правового инфантилизма не соотносится с возрастом, в связи с чем необходимо определить критерии объема и степени правового инфантилизма и обеспечить дифференцированный подход к минимизации негативного воздействия правового инфантилизма на реализацию норм права.

Воспитательный эффект может быть существенно повышен при деятельности в таких направлениях:

- патриотическое воспитание населения;
- создание целостной непрерывной системы правового просвещения;
- демонстрация в образовательных организациях и учреждениях разработанных форм правовой активности, направленных на предоставление юридической помощи;
- публичное поощрение социально активного поведения;
- актуализация института наставничества;
- вовлечение детей и родителей в совместную деятельность, направленную на правовое просвещение.

³⁸ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 25.02.2024).

³⁹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 28.02.2024).

⁴⁰ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 28.02.2024).

⁴¹ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 29.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 28.02.2024).

⁴² О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 28.02.2024).

Полагаем, что определение научно-правовой, законодательной и правоприменительной составляющих позволят сформулировать стратегию по противодействию формированию правового инфантилизма в правосознании граждан современной России, акцентирующую внимание граждан на необходимости защиты не только частных, но и публичных интересов [36], способствующую преодолению абсолютизации индивидуализма и эгоцентризма, формированию социально зрелой, активной гражданской позиции.

Заключение

До настоящего времени правовой инфантилизм как феномен изучен недостаточно. Имеющиеся научные исследования носят фрагментарный и несистемный характер, в связи с чем правовой инфантилизм должен стать предметом научных правовых изысканий.

Формирование правового государства может осуществляться при активном участии лиц, обладающих социально зрелой, активной гражданской позицией [37]. Развитие правовой культуры и правового сознания, предупреждение формирования различных форм проявления деаксиологического правосознания становятся задачами не только теоретической, но и практической юриспруденции.

Правовой инфантилизм выступает как показатель недостаточной правовой социализации и определенной маргинальности сознания индивида и социальной группы. В условиях формирования правового государства противодействие формированию правового инфантилизма требует сохранения в общественном сознании духовно-нравственных и правовых ценностей, устранения детерминант деаксиологического правосознания.

Список литературы

1. Гладышев В. И., Жилина В. А., Квятковский Г. Ю., Нижник Н. С. [и др.] Девиантное поведение : Социально-философское осмысление : коллективная монография / под ред. Е. Г. Прилуковой. – Челябинск: Челябинский институт развития профессионального образования, 2023. – 108 с.
2. Сидоренко Н. С., Нижник Н. С. Детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних: значение правовой культуры при выборе личностью модели правового поведения // Общество и право. – 2022. – № 4 (82). – С. 119–126.
3. Баранов П. П. Проблемы теории правосознания и правового воспитания : в 2 ч. / Избранное : в 5 т. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2005. – Ч. 1. – Т. 1. – 516 с.
4. Марченко Д. Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания : монография. – Самара: НТЦ, 2006. – 113 с.
5. Цалиев А. М. Вопросы правового воспитания, повышения правосознания и правовой культуры. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие имени В. А. Гасиева, 2020. – 294 с.
6. Кордобовская К. Е. Правовая культура и ее проявления как предмет научных исследований // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 26–30; <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2023-11-1-26-30>.
7. Зайцева Е. С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 3 (62). – С. 98–100.
8. Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как явление современной правовой действительности / XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы Международной научно-практической конференции, 16 декабря 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – С. 86–87.
9. Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как проявление правового сознания / Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, 19 мая 2023 г. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. – С. 85–88.
10. Нижник Н. С. Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности / Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, 19 мая 2023 г. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. – С. 106–114.
11. Кордобовская К. Е. Правовая культура и правосознание как детерминанты деятельности полиции / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспек-

тивы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции : в 2 ч., 28–29 апреля 2022 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – Ч. 1. – С. 1952–1957.

12. Сальников В. П., Сальников М. В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 13–19.

13. Ахметов А. С. Проблемы формирования правовой культуры современного общества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3. – С. 18–22.

14. Ромашов Р. А. Национальная правовая культура России: традиции, ценности, техника // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 49–52.

15. Абдрахимова Р. Г. Исторические аспекты возникновения термина «инфантильность» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 3–5 (45). – С. 6–10; <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.45.068>.

16. Дацковский И. Детальный тест на инфантильность – DIT // Гуманитарные научные исследования : электронный журнал. – 2018. – № 12 (88). – URL: <https://human.snauka.ru/2018/12/25440> (дата обращения: 21.02.2024).

17. Сочивко Д. В. Криминально-правовой инфантилизм : монография. – Рязань: Приз, 2015. – 136 с.

18. Косенко В. Г., Коломиец Э. А., Шпаков А. Э., Коломиец Д. Н. [и др.] Диагностические группы психических расстройств у лиц допризывного и призывного возраста с поражением центральной нервной системы в раннем детском возрасте и их сопоставительная связь с медико-социальными и клиническими характеристиками // Социальная и клиническая психиатрия. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 45–49.

19. Башкирцев В. И. Исследование феномена «инфантилизм» в зарубежной науке // Социальные отношения. – 2022. – № 1 (40). – С. 60–71.

20. Бакулина А. С. Социальный инфантилизм : монография. – Москва: Спутник, 2020. – 140 с.

21. Бакулина А. С. Социальный инфантилизм в контексте демографической ситуации в современной России // Человеческий капитал. – 2014. – № 5 (65). – С. 146–151.

22. Сабельникова Е. В., Хмелева Н. Л. Тенденции инфантилизма на примере данных программы международной оценки компетенций взрослых (PIAAC): опыт России / Горизонты зрелости : сборник тезисов участников Пятой Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития, 16–18 ноября 2015 г. / ред.: Л. Ф. Обухова, И. В. Шаповаленко, М. А. Одинцова. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2015. – С. 492–496.

23. Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Изучение высших психических функций и категория бессознательного (на английском языке) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13. – № 3. – С. 488–497.

24. Бакулина А. С. Социальный инфантилизм: общественно-нравственный аспект // Человеческий капитал. – 2014. – № 3 (63). – С. 24–29.

25. Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л. [и др.]. Законность как основополагающее начало российского права : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 328 с.

26. Нижник Н. С., Нижник В. А. Сохранение исторической памяти как атрибут укрепления духовно-нравственных ценностей / Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : материалы Международной научно-практической конференции, 13–14 октября 2023 г. / отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. – С. 226–237.

27. Нижник Н. С. Коммеморативные практики как средство сохранения духовно-нравственных ценностей / Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : материалы Международной научно-практической конференции, 13–14 октября 2023 г. / отв. ред. С. И. Шишкин, П. А. Новиков. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. – С. 219–225.

28. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, 11 декабря 2020 г. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – P. 01015; <https://doi.org/10.1051/shsconf.2021.108.01015>. – URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2021/19/shsconf_blf2021_01015.pdf (дата обращения: 21.02.2024).

29. *Нижник Н. С., Алиев Я. Л.* Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция, 26 марта 2021 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 133–138.

30. *Захарцев С. И.* Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В. П. Сальникова. – Москва: Норма, 2014. – 206 с.

31. *Каминская В. И., Ратинов А. Р.* Правосознание как элемент правовой культуры / Правовая культура и вопросы правового воспитания. – Москва: Юридический центр Пресс, 1994. – 287 с.

32. *Карпец И. И., Ратинов А. Р.* Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. – 1968. – № 12. – С. 47–54.

33. *Вербицкий Б. А.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как деструктивные элементы правовой культуры в современной России / Word science: problems and innovations : сборник статей XLIII Международной научно-практической конференции : в 2 ч., 30 мая 2020 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. – Ч. 2. – С. 89–98.

34. *Овчинникова О. Д., Шаганян А. М.* Деформация правового сознания сотрудников правоохранительных органов // Философия права. – 2019. – № 2 (89). – С. 170–175.

35. *Лапова Е. С.* Служба по связям с общественностью МВД России – субъект формирования правовой культуры современного российского общества / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы Всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, 23 декабря 2022 г. / сост. Э. Р. Миргородская. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 81–86.

36. *Кордобовская К. Е.* О детерминантах деаксиологизации правового сознания в условиях современности / Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I Всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, 15 июня 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 100–103.

37. *Кордобовская К. Е.* К вопросу о роли правосознания в построении правового государства / Прагматика гуманитарного знания: социально-правовые и философские аспекты : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 28–29 апреля 2023 г. / науч. ред. А. Е. Смирнов. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2023. – С. 113–117.

References

1. *Gladyshev V. I., Zhilina V. A., Kvyatkovskiy G. Yu., Nizhnik N. S.* [i dr.] Deviantnoye povedeniye : Sotsial'no-filosofskoye osmysleniye : kollektivnaya monografiya / pod red. red. Ye. G. Prilukovoy. – Chelyabinsk: Chelyabinskiiy institut razvitiya professional'nogo obrazovaniya, 2023. – 108 s.

2. *Sidorenko N. S., Nizhnik N. S.* Determinanty deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh: znachenkiye pravovoy kul'tury pri vybore lichnost'yu modeli pravovogo povedeniya // Obshchestvo i pravo. – 2022. – № 4 (82). – С. 119–126.

3. *Baranov P. P.* Problemy teorii pravosoznaniya i pravovogo vospitaniya : v 2-kh ch. / Izbrannoye : v 5 t. – Rostov-na-Donu: RYuI MVD Rossii, 2005. – Ch. 1. – Т. 1. – 516 s.

4. *Marchenko D. E.* Pravovoy nigilizm, pravovoy idealizm i pravovoy infantilizm kak formy deaksilogicheskogo pravovogo soznaniya : monografiya. – Samara: NTTTS, 2006. – 113 s.

5. *Tsaliyev A. M.* Voprosy pravovogo vospitaniya, povysheniya pravosoznaniya i pravovoy kul'tury. – Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoye predpriyatiye imeni V. A. Gassiyeva, 2020. – 294 s.

6. *Kordobovskaya K. Ye.* Pravovaya kul'tura i yeye proyavleniya kak predmet nauchnykh issledovaniy // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 26–30; <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2023-11-1-26-30>.

7. *Zaytseva Ye. S.* Pravovoy infantilizm: problemnyye voprosy // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2015. – № 3 (62). – С. 98–100.

8. *Kordobovskaya K. Ye.* Pravovoy infantilizm kak yavleniye sovremennoy pravovoy deystvitel'nosti / XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii» : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 16 dekabrya 2022 g. / otv. red. S. V. Veklenko. – Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2023. – S. 86–87.

9. *Kordobovskaya K. Ye.* Pravovoy infantilizm kak proyavleniye pravovogo soznaniya / Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve : sbornik nauchnykh statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19 maya 2023 g. – Mogilev: Uchrezhdeniye obrazovaniya «Mogilevskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus'», 2023. – S. 85–88.

10. *Nizhnik N. S.* Pravovaya kul'tura kak determinanta effektivnosti osushchestvleniya politseyskoy deyatel'nosti / Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve : sbornik nauchnykh statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19 maya 2023 g. – Mogilev: Uchrezhdeniye obrazovaniya «Mogilevskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus'», 2023. – S. 106–114.

11. *Kordobovskaya K. Ye.* Pravovaya kul'tura i pravosoznaniye kak determinanty deyatel'nosti politzii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii : v 2 ch., 28–29 aprelya 2022 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – Ch. 1. – S. 1952–1957.

12. *Sal'nikov V. P., Sal'nikov M. V.* Pravovaya kul'tura i pravovaya traditsiya v ikh kategorial'nom sootnoshenii i ponimanii // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2014. – № 3 (37). – S. 13–19.

13. *Akhmetov A. S.* Problemy formirovaniya pravovoy kul'tury sovremennoy obshchestva // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2017. – № 3. – S. 18–22.

14. *Romashov R. A.* Natsional'naya pravovaya kul'tura Rossii: traditsii, tsennosti, tekhnika // Yuridicheskaya tekhnika. – 2016. – № 10. – S. 49–52.

15. *Abdrakhimova R. G.* Istoricheskiye aspekty vozniknoveniya termina «infantil'nost'» // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. – 2016. – № 3-5 (45). – S. 6–10; <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.45.068>.

16. *Datskovskiy I.* Detal'nyy test na infantil'nost' – DIT // Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya : elektronnyy zhurnal. – 2018. – № 12 (88). – URL: <https://human.snauka.ru/2018/12/25440> (data obrashcheniya: 21.02.2024).

17. *Sochivko D. V.* Kriminal'no-pravovoy infantilizm : monografiya. – Ryazan': Priz, 2015. – 136 s.

18. *Kosenko V. G., Kolomiyets E. A., Shpakov A. E., Kolomiyets D. N. [i dr.]* Diagnosticheskiye gruppy psikhicheskikh rasstroystv u lits doprizyvnoy i prizyvnoy vozrasta s porazheniyem tsentral'noy nervnoy sistemy v rannem detskom vozraste i ikh sopostavitel'naya svyaz' s mediko-sotsial'nymi i klinicheskimi kharakteristikami // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. – 2017. – T. 27. – № 2. – S. 45–49.

19. *Bashkirtsev V. I.* Issledovaniye fenomena «infantilizm» v zarubezhnoy nauke // Sotsial'nyye otnosheniya. – 2022. – № 1 (40). – S. 60–71.

20. *Bakulina A. S.* Sotsial'nyy infantilizm : monografiya. – Moskva: Sputnik, 2020. – 140 s.

21. *Bakulina A. S.* Sotsial'nyy infantilizm v kontekste demograficheskoy situatsii v sovremennoy Rossii // Chelovecheskiy kapital. – 2014. – № 5 (65). – S. 146–151.

22. *Sabel'nikova Ye. V., Khmeleva N. L.* Tendentsii infantilizma na primere dannykh programmy mezhdunarodnoy otsenki kompetentsiy vzroslykh (PIAAC): opyt Rossii / Gorizonty zrelosti : sbornik tezisov uchastnikov Pyatoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po psikhologii razvitiya, 16–18 noyabrya 2015 g. / red.: L. F. Obukhova, I. V. Shapovalenko, M. A. Odintsova. – Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy psikhologo-pedagogicheskiy universitet, 2015. – S. 492–496.

23. *Zinchenko V. P., Mamardashvili M. K.* Izucheniye vysshikh psikhicheskikh funktsiy i kategorii besoznatel'nogo (na angliyskom yazyke) // Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2016. – T. 13. – № 3. – S. 488–497.

24. *Bakulina A. S.* Sotsial'nyy infantilizm: obshchestvenno-nravstvennyy aspekt // Chelovecheskiy kapital. – 2014. – № 3 (63). – S. 24–29.

25. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliyev Ya. L. [i dr.]* Zakonnost' kak osnovopolagayushcheye nachalo rossiyskogo prava : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. 2021. – 328 s.

26. *Nizhnik N. S., Nizhnik V. A.* Sokhraneniye istoricheskoy pamyati kak atribut ukrepleniya dukhovno-nravstvennykh tsennostey / Istoriko-pravovoy i sotsiokul'turnyy opyt razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti. K 30-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i 50-letiyu nachala

stroitel'stva Baykalo-Amurskoy magistrali : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 13–14 oktyabrya 2023 g. / otv. red. S. I. Shishkin, P. A. Novikov. – Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, 2023. – S. 226–237.

27. *Nizhnik N. S.* Kommemorativnyye praktiki kak sredstvo sokhraneniya dukhovno-nravstvennykh tsennostey / Istoriko-pravovoy i sotsiokul'turnyy opyt razvitiya rossiyskoy gosudarstvennosti. K 30-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i 50-letiyu nachala stroitel'stva Baykalo-Amurskoy magistrali : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 13–14 oktyabrya 2023 g. / otv. red. S. I. Shishkin, P. A. Novikov. – Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, 2023. – S. 219–225.

28. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, 11 dekabrya 2020 g. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – P. 01015; <https://doi.org/10.1051/shsconf.2021.108.01015>. – URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2021/19/shsconf_blf2021_01015.pdf (data obrashcheniya: 21.02.2024).

29. *Nizhnik N. S., Aliyev Ya. L.* Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredeleniye stsenariyev razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavleniy / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 26 marta 2021 g. / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 133–138.

30. *Zakhartsev S. I.* Nekotoryye problemy teorii i filosofii prava / pod red. V. P. Sal'nikova. – Moskva: Norma, 2014. – 206 s.

31. *Kaminskaya V. I., Ratinov A. R.* Pravosoznaniye kak element pravovoy kul'tury / Pravovaya kul'tura i voprosy pravovogo vospitaniya. – Moskva: Yuridicheskiy tsentr Press, 1994. – 287 s.

32. *Karpets I. I., Ratinov A. R.* Pravosoznaniye i prichiny prestupnosti // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1968. – № 12. – S. 47–54.

33. *Verbitskiy B. A.* Pravovoy nigilizm i pravovoy idealizm kak destruktivnyye elementy pravovoy kul'tury v sovremennoy Rossii / Word science: problems and innovations : sbornik statey XLIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 2 ch., 30 maya 2020 g. – Penza: Nauka i Prosveshcheniye (IP Gulyayev G. YU.), 2020. – CH. 2. – S. 89–98.

34. *Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M.* Deformatsiya pravovogo soznaniya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // Filosofiya prava. – 2019. – № 2 (89). – S. 170–175.

35. *Lapova Ye. S.* Sluzhba po svyazyam s obshchestvennost'yu MVD Rossii – sub'yekt formirovaniya pravovoy kul'tury sovremennogo rossiyskogo obshchestva / Pravookhranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ad'yunktov, aspirantov i soiskateley, 23 dekabrya 2022 g. / sost. E. R. Mirgorodskaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 81–86.

36. *Kordobovskaya K. Ye.* O determinantakh deaksiologizatsii pravovogo soznaniya v usloviyakh sovremennosti / Sankt-Peterburgskie vstrechi molodykh uchenykh : materialy I Vserossiyskogo kongressa ad'yunktov, aspirantov i soiskateley uchenykh stepeney, 15 iyunya 2023 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 100–103.

37. *Kordobovskaya K. Ye.* K voprosu o roli pravosoznaniya v postroyenii pravovogo gosudarstva / Pragmatika gumanitarnogo znaniya: sotsial'no-pravovyye i filosofskie aspekty : materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 28–29 aprelya 2023 g. / nauch. red. A. Ye. Smirnov. – Irkutsk: Irkutskiy yuridicheskiy institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii», Instituta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2023. – S. 113–117.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 15.04.2024.

The article was submitted March 4, 2024; approved after reviewing March 29, 2024; accepted for publication April 15, 2024.

Научная статья
УДК 340.132.85
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-69-88>

Евгения Сергеевна Лапова

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-4619-6518>, lapovaes@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1*

Становление службы Министерства внутренних дел по связям с общественностью как субъекта формирования правовой культуры российского общества

Аннотация: Введение. Статья посвящена вопросам, касающимся участия органов внутренних дел в формировании правовой культуры общества на разных исторических этапах. Деятельность органов внутренних дел оказывает существенное воздействие на правосознание населения, формируя отношение граждан к закону, праву, государственной власти различными средствами, в том числе посредством анализа состояния и реализации государственной информационной политики в сфере внутренних дел. Для целенаправленного воздействия на правовую культуру общества и сотрудников органов охраны правопорядка в 1983 г. в МВД СССР было создано специальное подразделение – служба по связям с общественностью, предпосылки для образования которого начали формироваться с момента создания в России полиции. Историографический анализ проблем становления и развития служб по связям с общественностью МВД России свидетельствует о наличии научных трудов, освещающих отдельные аспекты по информационному сопровождению деятельности Министерства. Но комплексное исследование истории пресс-служб и подразделений по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России, определение основных этапов их становления и развития до настоящего времени не осуществлено. **Методы.** Диалектика, выступающая как общая методология научного познания, позволила положить в основу исследования принципы всесторонности изучения юридических процессов и явлений, единства теории и практики. Основными методологическими подходами исследования стали системный и ценностный подход. Задействованы методы контент-анализа, периодизации, целостности, а также иные общенаучные и специальные методы правовых исследований. Применен широкий подход к характеристике этапов становления и развития службы по связям с общественностью МВД России, предполагающий рассмотрение их истории не только в период после их официального оформления (1983), но и в период формирования идейных и организационно-правовых предпосылок создания специальной службы МВД России. **Результаты.** Служба по связям с общественностью МВД России охарактеризована как комплексное системное образование. Рассмотрены юридически значимые процессы, касающиеся формирования идейных и организационно-правовых предпосылок их создания в системе МВД России. Служба по связям с общественностью МВД России охарактеризована как особый субъект формирования правовой культуры полицейских Российской Федерации и граждан современной России.

Ключевые слова: МВД России, пресс-служба, служба по связям с общественностью МВД России, милкоры, правовая культура, правосознание, правовое просвещение, правовое воспитание

Для цитирования: Лапова Е. С. Становление службы Министерства внутренних дел по связям с общественностью как субъекта формирования правовой культуры российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 69–88; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-69-88>.

Evgeniya S. Lapova

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-4619-6518>, lapovaes@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Formation of the public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia is a subject of the of the legal culture of Russian society

Abstract: Introduction. The article is devoted to issues related to the participation of internal affairs agencies in the formation of the legal culture of society at different historical stages. The activities of the internal affairs bodies have a significant impact on the legal awareness of the population, forming the attitude of citizens to the legal provisions, law, and state power by various means, including through the analysis and implementation of the state information policy in the sphere of internal affairs. In order to purposefully influence on the legal culture of society and law enforcement officers, in 1983 a special unit was created in the Ministry of Internal Affairs of the USSR – the public relations service, the prerequisites for the formation of this service began to form when the Russian police was established. A historiographical analysis of the problems of the formation and development of public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia indicates the availability of scientific papers covering certain aspects of information support for the Ministry's activities. But a comprehensive study of the history of the public relations service and departments for interaction with civil society institutions and the media of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the definition of the main stages of their formation and development has not yet been carried out. **Methods.** Dialectics, acting as a general methodology of scientific knowledge, made it possible to base the research on the principles of comprehensive study of legal processes and phenomena, unity of theory and practice. The main methodological approaches of the study were a systematic and value-based practice. Methods of content analysis, periodisation, integrity, as well as other general scientific and special methods of legal research are involved. A broad approach has been applied to characterize the stages of formation and development of the public relations service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, involving consideration of its history not only in the period after their official registration (1983), but also during the formation of ideological, organizational and legal prerequisites for the creation of a special service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. **Results.** The Public Relations Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia is characterized as a comprehensive system education. The legally significant processes related to the formation of ideological, organisational and legal prerequisites for their creation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. The Public Relations Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia is a special subject of the formation of the legal culture of police officers of the Russian Federation and citizens of modern Russia.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia, public relations service, public relations service of the Ministry of Internal Affairs of Russia, legal culture, legal awareness, legal enlightenment, legal education

For citation: Lapova E. S. Formation of the public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia is a subject of the of the legal culture of Russian society // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 69–88; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-69-88>.

Введение

Высокий уровень правовой культуры общества – условие создания и функционирования правового государства [1; 2]. Основным субъектом формирования правовой культуры является государство [3]. Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) – государственный орган, главными задачами которого являются поддержание правопорядка, предупреждение и предотвращение правонарушений. Деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД) оказывает существенное воздействие на правосознание населения, формируя отношение граждан к закону, праву, государственной власти различными средствами, в том числе информационно-коммуникационными. Для эффективного управления информационно-коммуникационной деятельностью МВД России в начале 1980-х годов была создана служба по связям с общественностью.

Процесс зарождения и создания службы по связям с общественностью имеет длительную историю. Цель настоящего исследования – выявить основные этапы становления службы МВД по связям с общественностью как субъекта формирования правовой культуры российского общества и охарактеризовать их особенности.

Для достижения поставленной цели было осуществлено исследование с акцентированием внимания на двух ракурсах:

– определении внешних условий и факторов, приведших к появлению самостоятельного подразделения МВД России – службы по связям с общественностью; выявлении особенностей институционализации деятельности, касающейся установления связей с общественностью;

– определение детерминант, оказавших влияние на появление различных направлений деятельности сотрудников ОВД в сфере формирования правовой культуры общества – информационно-коммуникационной, образовательной, воспитательной деятельности.

Результатом создания отдельного субъекта формирования правовой культуры в рамках государства является систематическая, повсеместная работа с населением силами этого субъекта. Процесс создания субъекта, формирующего правовую культуру общества, можно охарактеризовать с помощью определения:

1) изменений влияния деятельности специалистов на правовую культуру населения (развитие правового сознания, стимулирование правомерного поведения, распространение модели активного правового поведения) и сотрудников правоохранительных органов;

2) систематичности этого влияния;

3) повсеместности и массовости влияния (охвата аудитории);

4) возможностей влияния на разные группы населения.

Критериями определения этапов становления службы по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры общества были избраны:

1) исторические события, отражающие специфику развития государственно-правовой системы России;

2) отличительная черта идеологии, характерной для конкретного исторического времени;

3) правовые ценности, признанные государством приоритетными;

4) компетенция сотрудников МВД России, которым вменялось в обязанности взаимодействие с населением и СМИ;

5) совокупность средств и методов, используемых ОВД в правовом просвещении и воспитании;

6) пути распространения правовой информации сотрудниками ОВД, осуществляющими связь с общественностью;

7) уровень развития СМИ;

8) охват аудитории, на которую распространялось воздействие правового просвещения и правового воспитания, осуществляемого ОВД;

9) направления взаимодействия ОВД с общественностью;

10) численность граждан, оказывающих добровольную помощь ОВД по реализации их правоохранительной функции;

11) наличие нормативных правовых актов, стимулирующих сотрудников ОВД, отвечающих за связи с общественностью, активизировать и совершенствовать свою деятельность.

Источниками исследования явились: периодические издания МВД России и его территориальных органов; теле-, радио- и электронный контент, произведенный силами сотрудников ОВД; информация о деятельности общественных советов при ОВД и других организаций, осуществляющих сотрудничество с ОВД; материалы неведомственных СМИ, содержащие информацию о деятельности в сфере внутренних дел; совместные информационные продукты ОВД и СМИ.

Результаты историографического анализа вопросов, касающихся становления и развития службы по связям с общественностью МВД России, свидетельствуют о наличии трудов, в которых исследованию подвергаются различные аспекты деятельности ОВД по связям с общественностью; о наличии в российском обществоведении различных направлений анализа деятельности служб по связям с общественностью МВД России. Однако комплексного исследования истории службы по связям с общественностью МВД России, определения основных этапов ее становления и развития, а также выделения специфики этапов до настоящего времени осуществлено не было¹ [4; 5].

Методы

Методологические принципы исследования становления службы МВД по связям с общественностью как субъекта формирования правовой культуры российского общества опираются на диалектику, которая выступает как общая методология научного познания. Основными принципами исследования явились принципы всесторонности изучения юридических процессов и явлений, единства теории и практики. Основными методологическими подходами исследования стали системный подход (позволивший службе по связям с общественностью МВД России рассматривать как комплексное системное образование, а общественность (внутреннюю – сотрудники, работники ОВД и внешнюю – иные граждане) и общественное мнение – как основные элементы среды функционирования ОВД, в рамках которой осуществляется взаимное влияние сторон коммуникации друг на друга), ценностный подход (позволивший выявить аксиологические детерминанты, обуславливающие формы и методы работы МВД по правовому просвещению и правовому воспитанию). Метод контент-анализа, выступающий номотехнической исследовательской процедурой историографического метода, позволил определить содержание текстовых массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции.

При проведении исследования использован широкий подход к характеристике этапов становления и развития служб МВД по связям с общественностью, предполагающий рассмотрение их истории не только в период после их официального оформления в 1983 г., но и в период формирования идейных и организационно-правовых предпосылок создания специальной службы МВД России. Метод периодизации был использован для выявления этапов институционализации взаимоотношений ОВД с населением на основе самостоятельно определенных критериев. Метод целостности способствовал при проведении историографического анализа определению выявленных учеными идей, касающихся специфики отдельных этапов истории службы МВД по связям с общественностью.

Методами исследования явились и иные общенаучные (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, исторический) и специальные (историко-правовой, интерпретации нормативных правовых актов) методы правовых исследований.

Результаты

В становлении и развитии службы МВД по связям с общественностью как субъекта формирования правовой культуры общества можно выделить несколько этапов, в которых целесообразно выделить периоды, отличающиеся спецификой деятельности ОВД при осуществлении информационно-коммуникационной, образовательной и воспитательной работы.

Этап 1 (1718–1804): формирование идейных предпосылок для взаимодействия полиции и общества

Отправной точкой исследования является время создания в Российском государстве регулярной полиции (1718) [6, с. 36]. Деятельность формирующихся и только определяющих формы и методы работы органов полиции соотечественниками оценивалась неоднозначно, с большой долей критики. Власть, «надежной опорой»² которой становилась полиция, предпринимала попытки для улучшения отношений полиции с населением, но до начала XIX века усилия государственных органов были бессистемными. Негативное отношение населения к полиции приобрело особую актуальность [7, с. 534].

¹ Лапова Е. С. Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества – предмет исследований в современной российской науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 27–37; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-27-37>.

² Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-полицмейстеру от 25 мая 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. – Т. V. – № 3203.

Изменения в работе полиции с населением в целях повлиять на общественное мнение об органах полиции начинаются после создания Министерства внутренних дел (1802). Министерство укрепляло позитивное отношение населения к полиции посредством: назначения начальниками полиции в городах лиц, пользующихся доверием сограждан; основания ведомственных СМИ; расширения контактов с общественностью; осуществления цензуры; взаимодействия с общественными организациями [7, с. 534; 8, с. 87–91].

В 1718–1804 гг. шел процесс понимания необходимости работы полиции с населением как обязательного условия реализации полицией своих государственно значимых функций. После выхода в свет первой русской печатной газеты «Ведомости» (1702–1727) и создания в России системы периодической печати в МВД складывается мнение о необходимости использования периодики в качестве ведомственного средства информационной коммуникации.

Этап 2 (1804–1983): формирование организационных и нормативных предпосылок взаимодействия органов внутренних дел и общества

В 1804 году появилось первое ведомственное издание – «Санкт-Петербургский журнал». Содержание этого СМИ составляли, прежде всего: отчеты Министерства и информация о деятельности государственных учреждений, статьи по вопросам права, материалы, направленные на повышение правовой грамотности полицейских и увеличение читательской аудитории журнала.

Улучшение журналистской работы, организация распространения периодики среди населения и рост общественного интереса к деятельности Министерства внутренних дел стали предпосылками для учреждения в 1840–1880-х годах ведомственных периодических изданий сначала в центральных регионах, а затем и на периферии (в т. ч. на вновь осваиваемых территориях) [9]. Издавались «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства», «Полицейский листок Таганрогского градоначальства», «Виленский полицейский листок», «Пензенский полицейский листок», «Ведомости Рижской городской полиции», «Варшавская полицейская газета» и др. провинциальные ведомственные СМИ.

Об успехах ведомственной периодики свидетельствовали большие тиражи, участие в подборе и подготовке материалов изданий читателей, положительные отзывы современников, активное обсуждение дел полиции в высших кругах российского общества. Были выявлены и проблемы, осложняющие контакты полиции и населения через СМИ: высокая стоимость изданий, ограничивающая их доступность, сложность текста материалов, неготовность населения к пониманию публикуемого материала, отрывочность публикуемых сведений [10, с. 711–718]. Накопленный опыт был учтен при издании журнала «Вестник полиции» – первого специализированного периодического издания Департамента полиции МВД Российской империи (1907). Подготовка номеров «Вестника полиции» предполагала активное участие внештатных корреспондентов – сотрудников полиции и инициативных граждан. Журнал играл важную роль в правовом и профессиональном просвещении чинов полиции и гражданских лиц [11, с. 121–123; 12, с. 326–364; 13, с. 107–109], поднимал вопросы, касающиеся полицейской деятельности, способствовал их решению³ [14].

Важную роль в регулировании общественных отношений в Российской империи играла цензура. При Главном управлении по делам печати было образовано особое Осведомительное бюро (1906), задачей которого был анализ материалов СМИ, а также непосредственное общение с корреспондентами и редакторами (с 1915) [15, с. 18–22], что играло положительную роль в формировании имиджа органов государственной власти (в том числе полиции [16, с. 55–59]) в общественном сознании.

Таким образом, **в 1804–1917 гг.** в Российской империи: была создана система ведомственной периодики, широко использовавшей связь с читателями, превратившаяся в важное информационное средство коммуникации для связи полиции с общественностью; выросло число ведомственных полицейских изданий на всей территории государства; укреплялось сотрудничество Департамента полиции с неведомственными СМИ; расширялся круг субъектов-издателей, подведомственных Министерству внутренних дел; увеличилось количество поднимаемых в СМИ проблем общественной жизни; внимание сосредотачивалось на вопросах, касающихся предупреждения и раскрытия полицейскими преступлений и обеспечения безопасности; разносторонне развивалось взаимодействие Департамента полиции

³Красножон О. В. Печать Министерства внутренних дел как средство обеспечения эффективной деятельности ведомства (результаты ретроспективного анализа) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (73). – С. 24–26.

с населением; правовое просвещение грамотного населения осуществлялось через СМИ, неграмотного – через контактное взаимодействие с различными категориями населения.

Произошедшая в Октябре 1917 года кардинальная трансформация государственно-правовой системы России потребовала недопущения формирования в сознании граждан противопоставления себя государству и органам охраны правопорядка⁴. Происходит ориентация органов правопорядка на широкое взаимодействие с населением через СМИ, издание ведомственной периодики и взаимодействие с прочими государственными СМИ, повышение уровня образования сотрудников милиции. Для продвижения новых ценностей и нейтрализации идей противников советской власти использовались старые и создавались новые средства коммуникации и каналы информационного воздействия. В Наркомате внутренних дел (далее – НКВД) было образовано Бюро печати. Главное управление милиции стало самостоятельным звеном системы НКВД (1918), в структуру которого были включены информационный и культурно-просветительский отделы.

К числу задач советской милиции были отнесены и касающиеся связей с общественностью: сделать ведомственную печать ОВД доступной для широких масс, научить работников милиции правильно взаимодействовать со СМИ, стимулировать милиционеров к участию в подготовке ведомственных периодических изданий⁵.

В 1918 году вышел «Вестник Народного комиссариата внутренних дел» – еженедельный печатный орган НКВД. Ведомственная печать активно развивалась во всех регионах страны [17, с. 11–17]. Потребность в увеличении числа корреспондентов и улучшении их грамотности способствовала привлечению к работе в периодике рядовых милиционеров и повышению уровня их правового сознания⁶.

Милиционеров-корреспондентов, которых в духе первых лет советской власти называли милкорами, привлекали к сотрудничеству с ведомственными изданиями разными способами: на страницах журналов помещались агитационные материалы, например, рекламный рассказ-диалог «Корреспонденты», предназначенный для тех, кто не знает, как писать для милицейских газет или боится это делать⁷; стимулировали милкоров материально⁸; апеллировали к творческому потенциалу милиционеров⁹. Результат такой работы – увеличение штата милкоров («Политчасть Череповецкой губернской милиции откликнулась на предложение... о поддержке и сотрудничестве с нашим милицейским журналом "На страже"»¹⁰. Редакция газеты «Красный милиционер» (Одесса) констатировала: «Издание выпустило 9 номеров, и успело обрасти целым рядом "милкоров"»¹¹. Только в журнале «На посту» к 1926 г. по всему СССР работало около 100 постоянных милкоров¹²).

Перед милкорами стояли четкие задачи: агитация за советскую власть; популяризация работы милиции; освещение деталей милицейской службы, подробностей быта и жизни милиционеров; привлечение общественного интереса к материалам ведомственной периодики¹³. Своей главной задачей журнал «На страже» (Петроград) видел «выяснение перед обществом целесообразности и полезности милицейской службы, чтобы последняя понималась как трудный и почетный подвиг и чтобы исчезло предубеждение к милиции»¹⁴. В рубрике «Жизнь и право» пояснялось, что «в эпоху, когда законодательская работа кипит: пишутся законы, опубликовываются декреты, устанавливающие новый правопорядок, и не проходит буквально дня, чтобы не был опубликован закон... правительственные учреждения...

⁴ Почекаев Р. Ю. История связей с общественностью : учебное пособие для вузов. – 2 изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2020. – С. 199–202.

⁵ История УОС. Исторический формуляр УОС МВД России. Во времена советские (1917–1968) // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS? (дата обращения: 06.01.2024).

⁶ Типичным было предложение редакции органа 2-х Окружных Командных Курсов Главмилиции Республики «Революционный страж» (Киев): «Редакция настаивает, чтобы сами курсанты, сами милиционеры заполняли страницы нашего журнала» (см.: Революционный страж. – 1922. – № 1. – С. 52).

⁷ Анисимов А. Корреспонденты // Революционный страж. – 1923. – № 3-4. – С. 50.

⁸ Редакция журнала «На посту», органа административного отдела Ленингубисполкома (Ленинград), сообщила: «Работа милкоров считается важной; для стимулирования их деятельности журнал предлагает премию в 50 руб. за лучшие публикации» (см.: На посту. – 1925. – № 11. – Авантитул).

⁹ «В докладе о культурной работе... была еще подчеркнута возможность милиционерам выявлять свои литературные дарования путем личного участия в своем милицейском журнале...» (см.: Детское село // На страже. – 1922. – № 3-4. – С. 37).

¹⁰ Е. Б. В Череповецкой губернской милиции // На страже. – 1922. – № 3-4. – С. 39.

¹¹ Тросман А. «Красный милиционер» – орган политической инспекции Одесской Губмилиции // Революционный страж. – 1923. – № 3-4. – С. 62.

¹² П. Б-н. Коллективный организатор // На посту. – 1926. – № 10. – С. 379–382.

¹³ Терехов С. Наш журнал // На страже. – 1922. – № 6. – С. 1.

¹⁴ Там же.

и отдельные граждане должны быть отныне во всеоружии закона»¹⁵, поэтому, главная задача журнала – «разъяснение публикуемых законов»¹⁶. «Милиционер... как проводник революционной законности и страж ее... должен быть настолько культурно развит, чтобы сталкиваясь в своей повседневной работе с гущей населения быть на деле проводником этой законности, суметь завоевать доверие населения и оказывать ему необходимую помощь»¹⁷.

Ведомственные издания знакомили читателей с членами редакций и своими корреспондентами, публикуя фото, имена и фамилии корреспондентов, сообщая сведения об их работе¹⁸, размещая на своих страницах групповые фото милкоров региональных ведомственных изданий¹⁹ и фото собраний и совещаний милицейских корреспондентов²⁰.

Милкоры принимали участие в обсуждении вопросов взаимодействия с разнообразными СМИ и выработке советов по поведению с репортерами из неведомственных периодических изданий²¹, поддерживали связь с рабкоровскими кружками различных фабрик и заводов, редакциями и журналистами местных печатных органов. В качестве форм работы милкоры использовали: отчеты перед населением, литературные собеседования, вечера, показательные суды²². Благодаря широкому освещению опыта работы органов милиции по правовому просвещению и воспитанию населения²³, по пропагандированию такой деятельности милиционеров, которая поднимает авторитет ОВД, улучшает мнение населения о милиционерах, укрепляет их взаимодействие, оказывает влияние при выборе личностью модели правового поведения [18, с. 120; 19, с. 6–16, 30–32, 42–44], материалы милкоров способствовали и распространению опыта деятельности по правовому просвещению и воспитанию.

Материалы ведомственной печати агитировали в числе прочего и за выполнение приказа НКВД от 6 июня 1922 г. «О вежливом обращении милиции с народонаселением» [17, с. 49]. Меры политико-воспитательной работы, меры по повышению культурного уровня личного состава, массово-разъяснительная работа среди населения были направлены на укрепление законности в деятельности правоохранительных органов²⁴.

Циркуляр НКВД РСФСР от 4 октября 1928 г. № 347²⁵ подчеркивал важность регулярного использования ведомственных периодических изданий для привлечения населения к деятельности по предупреждению преступлений²⁶.

В ведомственных изданиях получила отражение политика, проводившаяся государством и милицией в области правового воспитания милиционеров и населения²⁷. На страницах журналов печатались тексты нормативных правовых актов и комментарии к ним²⁸, объяснялись особенности правоприменительной практики²⁹.

В 1924 году появился еще один канал распространения информации — радио [20, с. 54].

Активная работа Советов и информационное воздействие периодической печати, направленные на активизацию взаимодействия населения с новой властью и органами охраны правопорядка [21, с. 70], привели к возникновению новых форм взаимодействия населения с милицией – института сельских исполнителей, добровольных объединений по борьбе с хулиганством, общества содействия милиции (Осодмил, позднее – Бригадмил), численность членов которых к 1940 году достигла 400 тыс. человек. Со своими помощниками сотрудники милиции проводили обучение, оказывая существенное влияние на их правовую культуру и правосознание.

¹⁵ Редакция. Жизнь и право // На страже. – 1922. – № 5. – С. 4.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Очередные задачи в деле политического воспитания милиционеров // Будь на страже. – 1924. – № 1. – С. 5.

¹⁸ Фото редакционной коллегии журнала «На посту» // На посту. – 1925. – № 11. – С. 3.

¹⁹ Якимович И. Из истории Украинской милиции и уголовного розыска // На посту. – 1926. – № 14 (29). – С. 541; На посту. – 1926. – № 9. – С. 340.

²⁰ «Делегата». Итоги губернского совещания милкоров // На посту. – 1925. – № 12. – С. 565.

²¹ Семенов А. О печати // На посту. – 1926. – № 9. – С. 340.

²² Самойлов Л. Наша работа // На посту. – 1926. – № 8 (26). – С. 324–326.

²³ Соколов. Лицом к деревне // На посту. – 1926. – № 3-4. – С. 137.

²⁴ Кинк В. В. Правовые основы организации и деятельности Донской советской милиции: 1918–1934 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 181 с.

²⁵ Циркуляр № 347 от 4 октября 1928 г. «О выполнении директив съезда адмработников по вопросам вовлечения трудящихся в дело борьбы с преступностью и приближении работы розыска к населению» / Бюллетень Народного Комисариата Внутренних Дел РСФСР. – Москва: Наркомвнудел1928. – № 38 (293). – С. 783–785.

²⁶ История УОС. Исторический формуляр УОС МВД России. Во времена советские (1917–1968) // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS? (дата обращения: 06.01.2024).

²⁷ Жизнь и работа Ленинградской Школы командного состава милиции и агентов угрозыска Республики // На посту. – 1926. – № 3-4 (18-19). – С. 114–115; Как курсанты проводят свободное время // На посту. – 1926. – № 10. – С. 422–423.

²⁸ К вопросу об уголовном кодексе РСФСР // На страже. – 1922. – № 5. – С. 6–7.

²⁹ О праве владения предметами домашнего обихода // На страже. – 1922. – № 6. – С. 4.

Органы милиции принимали активное участие в развитии музейного дела, организации спортивных, молодежных и детских мероприятий, которые получали подробное освещение в ведомственной прессе³⁰.

В условиях начала Второй мировой войны связи милиции и общественности стало придаваться еще большее значение. В начале 1941 года в структуре территориальных аппаратов НКВД республик, краев и областей были созданы политические отделы, в составы которых вошли специалист по работе с комсомолом и редактор местного ведомственного периодического издания [22, с. 80–81].

Таким образом, *в 1917 – первой половине 1941 г.* в Советской России: взаимодействие милиции и населения осуществлялось по нескольким направлениям; для связи с общественностью широко использовалась ведомственная печать; появился новый информационно-коммуникационный канал – радиовещание, использование которого потребовало поиска эффективных форм и методов; был сформирован институт милкоров – прообраз милицейской службы по связям с общественностью; связь ведомственной периодики и общественности приобрела состояние устойчивого развития, сформировалась практика стимулирования общественных корреспондентов; в задачи работников ОВД, отвечающих за связи с общественностью, включено правовое информирование и правовое воспитание; правовое просвещение грамотной части населения осуществлялось прежде всего через печатные СМИ, организацию обратной связи со СМИ, правовое просвещение неграмотных через радиотрансляцию; результатом взаимодействия милиции и общественности стало образование институтов гражданского общества правоохранительной направленности.

В годы Великой Отечественной войны работа всех государственных органов была перестроена на военный лад. Это потребовало и перестройки политической, пропагандистской, агитационной и культурно-воспитательной работы. Значительные изменения произошли в организации массового информирования: количество военных газет увеличилось, а гражданских – уменьшилось; основной задачей всех СМИ стала пропаганда единения советского народа и сплоченности в борьбе с фашизмом [23, с. 62; 24; 25]. Самым доступным и оперативным средством информирования становится радиовещание [26, с. 105]. Особенностью взаимодействия милиции и населения в годы Великой Отечественной войны стала милитаризация общества, произошедшая в результате Всевобуча. Круг задач милиции существенно расширился: помощь в массовой эвакуации населения, работа по розыску лиц, утративших связь с родными и близкими, розыск детей, решение проблем, связанных с детской беспризорностью и безнадзорностью. Работа в этих направлениях тесно была связана с информационно-коммуникационной деятельностью органов публичной власти [26, с. 80–81]. В послевоенные годы деятельность милиции, испытывавшей кадровый голод, была подвергнута критике, прежде всего в связи с ростом преступности. В 1946 году некомплект кадров в милиции составлял до 70 % [21, с. 140]. Решением проблемы кадров стало активное привлечение граждан к охране общественного порядка: возобновление работы бригад содействия милиции (1946) [27, с. 170–171], создание в сельской местности групп охраны общественного порядка, назначение сельских исполнителей [17, с. 178–181]. Важными шагами в решении кадровой проблемы стали набор в милицию новых сотрудников и введение в городских и районных отделах милиции должности заместителя начальника по политико-воспитательной работе [21, с. 140].

В середине 1960-х годов часть ответственности за охрану общественного порядка была возложена на трудящихся, а численность милиции сокращена. В таких условиях уровень преступности продолжал расти. Во взаимодействии милиции и общества обнаружились серьезные проблемы, а использование СМИ в информационной работе ОВД показало свою неэффективность. В ведомственной прессе стали появляться материалы с критикой работы милиции.

Таким образом, *в 1941–1956 гг.* в СССР: связь милиции с общественностью осуществлялась в условиях Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления всех сфер деятельности государства; в военные годы формы взаимодействия милиции с населением дополнились совместным выполнением задач по эвакуации населения, борьбе с детской беспризорностью и преступлениями несовершеннолетних. Работа ведомственных СМИ была направлена на решение задач военного времени. В послевоенные годы имело место увеличение числа общественных организаций правоохранительной направленности и граждан, участвующих в охране общественного порядка. Основным средством информи-

³⁰ Губернский уголовный музей // Будь на страже. – 1924. – № 1. – С. 23; Экскурсия по уголовному музею (II отдел имущественных преступлений) // На посту. – 1925. – № 5. – С. 190–194; Джи-Джицу (японская система борьбы, обороны и нападения) // На посту. – 1926. – № 5 (20). – С. 173; Милиция и дети улицы // На страже. – 1922. – № 2. – С. 15–16.

рования общественности стало радио. Ведомственная периодика фактически не выполняла свои задачи, деятельность ведомственных редакций была практически приостановлена. Неэффективность взаимодействия милиции с неведомственными СМИ приводила к освещению в печати деятельности ОВД в негативном ключе. Информационно-коммуникационная деятельность милиции перестала быть систематичной, аудитория – массовой, эффективность работы – соответствующей требованиям.

Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы МВД СССР» от 25 октября 1956 г. способствовало активизации работы милиции. В Постановлении отмечалось, что «работники милиции, призванные обеспечить охрану общественного порядка, смогут успешно выполнить эту ... задачу лишь при широкой ... поддержке со стороны населения» [27, с. 59].

Деятельность милиции по связям с общественностью осуществлялась по следующим направлениям:

- активизация деятельности ведомственной периодики: возобновление издания ведомственных газет и журналов, создание журнала «Советская милиция» (1955) и новых региональных изданий, в которых рассказывалось о противодействии преступности, повседневной работе милиции, подвигах милиционеров, о необходимости внимательного отношения милиционеров к гражданам³¹;

- восстановление отношений сотрудников ведомственных СМИ с центральными и региональными СМИ с учетом Постановления ЦК КПСС от 18 сентября 1962 г. «О повышении действенности выступлений советской печати», потребовавшего от всех органов печати активного взаимодействия с государственными органами³²; возложение Министерством охраны общественного порядка РСФСР на ОВД обязанности постоянно снабжать СМИ материалами, отражающими результаты деятельности милиции; установление сотрудниками, отвечающими за связи с общественностью в ОВД, двухстороннего взаимодействия с населением в форме вопросов и ответов; обучение сотрудников, отвечающих за связи с общественностью, журналистской работе и мастерству управления в информационной сфере³³; создание Центрального клуба МООП РСФСР (1966), позднее преобразованного в Культурный центр МВД России, одной из задач которого являлось укрепление контактов милиции со СМИ [28, с. 120–125];

- восстановление отношений с общественностью: активизация сотрудничества с населением в сфере охраны общественного порядка (создание добровольных народных дружин (1958), количество которых в 1962 году достигло 130 тыс., объединивших более 4 млн дружинников); проведение для добровольных помощников милиции мероприятий по правовому просвещению и правовому воспитанию [21, с. 90]; осуществление правового воспитания различных социальных групп: школьников, комсомольцев, лиц, освободившихся из мест лишения свободы, автолюбителей, иностранцев, мигрантов [21, с. 157–170];

- повышение уровня общего и профессионального образования и культуры сотрудников милиции; повышение квалификации милиционеров, осуществляющих связи с общественностью, которым для осуществления своих полномочий требовались знания в области журналистики, психологии, педагогики и др. [21, с. 157–170].

Таким образом, в 1956–1968 гг. в СССР: осуществлялось реформирование деятельности ведомства, в том числе в сфере взаимодействия со СМИ и обществом; руководство Министерства охраны общественного порядка СССР стремилось восстановить достигнутый ранее уровень взаимодействия со средствами массовой информации и вернуть авторитет ведомственным СМИ; появился новый информационно-коммуникационный канал – телевидение, использование которого осуществлялось с учетом небольшого распространения персональных телевизоров; активизация взаимодействия с работниками культуры; активизация сотрудничества милиции и общества в сфере охраны общественного порядка; публичное стимулирование активного правового поведения граждан.

В ноябре 1968 года в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» перед МООП СССР была поставлена задача улучшения политико-воспитательной работы, которая включала в себя правовое воспитание, а также упрочнение связей со СМИ и обще-

³¹ Газета «Петровка, 38» / Еженедельная газета ГУ МВД России по г. Москве: [сайт]. – URL: <https://petrovka-38.com/glavnaya/o-gazete> (дата обращения: 08.01.2024); Суверов Е. В. Деятельность алтайской милиции (1953–1991 гг.): учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – 103 с.

³² О повышении действенности выступлений советской печати // Партийная жизнь. – 1962. – № 19. – С. 33–35.

³³ Пресс-служба МВД России сегодня // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/пресс-служба-в-системе-мвд-россии> (дата обращения: 15.01.2024).

ственностью³⁴. В ОВД были созданы отделы политико-воспитательной работы, главными направлениями работы которых стали: воспитание личного состава; обобщение и распространение опыта отличников милиции; укрепление связей с общественными организациями и СМИ [21, с. 157–170].

Деятельность милиции, сосредоточенная на укреплении правопорядка, профилактике правонарушений, пропаганде правового поведения, улучшении общественного мнения о деятельности ОВД, побуждении населения на помощь ОВД, осуществлялась по различным направлениям:

- активизация взаимодействия ведомственных изданий с центральными и региональными СМИ³⁵ в соответствии с приказом МВД СССР и председателя Комитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров СССР № 425/382 от 14 ноября 1969 г. «Об улучшении использования массовых средств пропаганды в профилактике правонарушений»³⁶, приказом МВД СССР № 119 «Об улучшении использования средств массовой информации в деятельности органов внутренних дел», рекомендовавшим организацию семинаров по повышению квалификации журналистов, пишущих статьи по правовой проблематике [29, с. 73–78];

- активизация деятельности ведомственных СМИ; создание в каждом региональном ОВД печатных СМИ; подготовка на радио и телевидении программ, посвященных деятельности милиции (в связи с тем, что к концу 1970-х гг. большинство советских семей имело телевизоры, телевидение становится основным каналом распространения информации); размещение во всех ведомственных СМИ (с 1970) материалов по правовому просвещению и правовому воспитанию [29, с. 74];

- укрепление отношений милиции с общественностью: возобновление тесного сотрудничества в сфере охраны общественного порядка (число ДНД увеличилось вдвое, объединив в своих рядах 14 млн добровольных помощников милиции; создаются опорные пункты общественности и милиции [30, с. 90], молодежные отряды по охране правопорядка и объединения «Юные друзья милиции»); завершение формирования системы взаимодействия ОВД с населением в сфере охраны общественного порядка (начало 1980-х) [17, с. 181]; привлечение общественных организаций к работе по правовому просвещению населения [31, с. 157–165]; создание координационно-методических советов по правовой пропаганде (1970-е); усиление взаимодействия милиции с работниками культуры;

- повышение общего и служебного уровня образования и культуры сотрудников милиции [17, с. 188].

Во исполнение Постановления ЦК КПСС от 2 августа 1979 г. «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями»³⁷ МВД СССР акцентировало внимание на активизации взаимодействия милиции со СМИ и общественностью. Особая роль отводилась штабным подразделениям ОВД, занимавшимся тематическим планированием использования СМИ, разработкой комплексной программы работы со СМИ. В ряде ОВД планирование взаимодействия со СМИ и работы по правовому информированию продолжали осуществлять службы профилактики и отделы политико-воспитательной работы, для которых информационно-коммуникационная деятельность была дополнительной функцией, к тому же требовавшей от сотрудников значительных временных затрат и специальных знаний. В отдельных министерствах и управлениях внутренних дел начали создаваться специальные координационные центры, называвшиеся по-разному: пресс-группы, пресс-центры, общественные советы (1979) [32, с. 64–65].

Таким образом, в 1968–1983 гг. в СССР: начали формироваться нормативная основа деятельности милиции по правовому просвещению и правовому воспитанию и организационная основа информационно-коммуникационной работы милиции с населением и СМИ – отделы политико-воспитательной работы, решавшие эти задачи; увеличилось число направлений взаимодействия с населением; завершилось создание системы взаимодействия ОВД с населением в сфере охраны общественного порядка; основным каналом трансляции правовой информации стало телевидение, значительно расширившее охват аудитории;

³⁴ О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению: Постановление ЦК КПСС от 19 ноября 1968 г. № 902-316 // Справочно-правовая система (далее – СПС) «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23291#4N1YA6Uo1VD69xM11> (дата обращения: 03.03.2024).

³⁵ Шмонин А. В. Организация в системе МВД России взаимодействия органов предварительного расследования со средствами массовой информации: учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2016. – С. 25.

³⁶ Сборник руководящих материалов по телевидению и радиовещанию. Кн. 1: Вопросы административного и трудового права. – Москва: [б. и.], 1975. – 518 с.

³⁷ Сборник материалов по вопросам следствия / сост.: Касютина Р. В., Пистер Я. Я., Поздновская В. И. – Москва, 1987. – С. 26–30.

практически ежедневно все СМИ размещали материалы правовой тематики; в СМИ появились рубрики, в которых освещались правовые вопросы, в связи с чем была организована систематическая работа по повышению юридической грамотности журналистов; информирование граждан с помощью СМИ и пропаганда правовых знаний были включены в план работы каждого отдела внутренних дел (работа по правовому воспитанию стала важной составляющей работы милиции); завершилось формирование системы устойчивой информационно-правовой работы ОВД через ведомственные и неведомственные СМИ; налажено повсеместное регулярное взаимодействие милиции с различными группами населения; значительно выросли в объеме и усложнились задачи, стоявшие перед сотрудниками подразделений по связям с общественностью.

Этап 3 (1983–1991): создание службы по связям с общественностью МВД как субъекта взаимодействия органов внутренних дел и общества

10 июня 1983 г. приказом МВД СССР № 0162 для взаимодействия с общественностью и СМИ, пропаганды деятельности ОВД, организации своевременного и объективного информирования населения о деятельности ОВД было создано Пресс-бюро МВД СССР [33, с. 186]. В дальнейшем название, функции и структура этого подразделения неоднократно менялись.

К середине 1980-х гг. во многих региональных управлениях МВД действовали пресс-группы и пресс-бюро [34, с. 50–51], сотрудники которых выступали в прессе, вели передачи на радио и телевидении, проводили пресс-конференции. Журналистам и деятелям культуры, специализировавшимся на правоохранительной тематике, стали присваивать статус внештатного референта ОВД по печати (1986). Жанровое разнообразие программ, с помощью которых велось правовое воспитание, существенно увеличилось [35, с. 1109].

Для оперативной подготовки сюжетов о работе милиции для Центрального телевидения и распространения через региональные телецентры МВД СССР создало собственную телестудию (1990). По телевидению было показано множество сюжетов, посвященных деятельности органов охраны правопорядка³⁸.

Таким образом, в 1983–1991 гг. в СССР с официальным созданием службы общественных связей (в виде Пресс-бюро МВД СССР) и ее расширением до системы пресс-служб в региональных ОВД, определением их целей, задач, форм и направлений деятельности, появлением нормативных правовых актов, регулировавших их работу, завершился процесс институционализации деятельности по связям Министерства с общественностью. Разработка должностных инструкций сотрудников пресс-служб МВД и территориальных органов послужила началом формирования информационной политики ведомства, включавшей деятельность по правовому просвещению и правовому воспитанию. Расширился круг каналов распространения информации, форм и методов взаимодействия с общественностью и корреспондентами; активизировалось взаимодействие с зарубежными информационными агентствами.

Этап 4 (1991 г. – настоящее время): формирование направлений, форм и методов деятельности службы общественных связей МВД России как субъекта формирования правовой культуры российского общества

Трансформация отечественной государственно-правовой системы в начале 1990-х гг. потребовала перестройки и работы МВД России. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации»³⁹ потребовал детальной регламентации деятельности служб общественных связей. Приказ МВД России от 28 декабря 1992 г. № 479 «Об организации работы пресс-служб органов внутренних дел»⁴⁰ утвердил перечень информационных материалов, которые могли предоставляться пресс-службами ОВД.

Появились новые ведомственные СМИ (молодежная общественно-правовая газета «Опасный возраст», международный журнал «Милиция», правовой альманах МВД России «Профессионал», журналы «Медицинский вестник МВД», «Экономический вестник МВД России», международный журнал Совета Министров внутренних дел стран СНГ «Содружество») и каналы распространения информации. Новый размах приобрели теле- и радио-

³⁸ Исторический формуляр УОС МВД России. На заре перестройки и закате социализма (1983–1991) // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS? (дата обращения: 17.01.2024).

³⁹ О средствах массовой информации : Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 13.06.2023) // Российская газета. – 1992. – 8 февраля.

⁴⁰ Об организации работы пресс-служб органов внутренних дел : приказ МВД России от 28 декабря 1992 г. № 479 // Бюллетень текущего законодательства. – 1992. – № 2. – Утратил силу.

программы правовой направленности, начала работу радиостанция «Милицейская волна» (1996). Во всех видах СМИ появились специализированные рубрики, освещавшие деятельность ОВД, направленные на профилактику правонарушений и повышение доверия населения к органам охраны правопорядка [36, с. 162].

Рост экстремистских, националистических и других общественно-опасных явлений в середине 1990-х гг. потребовал большей дифференциации и специализации службы по связям с общественностью МВД России. Изучение, системный анализ и прогнозирование общественного мнения стали остро необходимы. В МВД России было создано Управление информации и общественных связей (1996), призванное решать усложнившиеся задачи. В течение десятилетия Управление претерпело неоднократные структурные перестройки, изменения компетенции и названия, однако сохранило при этом задачу «поиска эффективной концепции, позволяющей поддерживать баланс двустороннего информационного взаимодействия между ОВД и СМИ, ОВД и общественностью» [37, с. 4–7].

В число основных задач служб по связям с общественностью в соответствии с приказом МВД России № 977 от 6 декабря 1999 г. «Об информационно-пропагандистской работе МВД России»⁴¹ включены: «разъяснение положений законодательства Российской Федерации, пропаганда законопослушного поведения граждан, их содействия в осуществлении правоохранительной деятельности»⁴².

Отличительной чертой деятельности ОВД в XXI веке стала «максимальная направленность на реализацию требований граждан и нужд общества, стремление к максимально возможной открытости» [37, с. 4–7]. Концепция совершенствования взаимодействия МВД России со СМИ и общественными объединениями на 2005–2008 гг.⁴³ зафиксировала, что работа службы по связям с общественностью ведется в целях «повышения правовой культуры сотрудников ОВД», должна быть «направлена на формирование правосознания граждан», воспитание «у населения активной гражданской позиции по оказанию содействия ОВД в раскрытии преступлений и правонарушений» и, в итоге, направлена на повышение «правовой культуры общества»⁴⁴.

На основании Концепции были определены направления информационно-коммуникационной работы в области правового информирования и воспитания. Одной из новаций стала плановая подготовка материалов и программ, направленных на героизацию сотрудников милиции, пропаганду безопасности дорожного движения и антикоррупционного поведения⁴⁵. Задача создания единой информационной сети ОВД для граждан в цифровом пространстве [37, с. 4–7] обусловила:

1. Создание при региональных ОВД (2006) общественных советов, стимулировавших «готовность граждан к оказанию содействия органам внутренних дел в обеспечении правопорядка» [38, с. 35–37].

2. Развитие ведомственных СМИ: к 2009 году в ОВД выпускалось около 50 газет, 10 журналов общим тиражом 3 млн экземпляров (в т. ч. в образовательных организациях МВД России [39, с. 2520–2524]); выходило более 70 телепередач и 30 радиопрограмм. Расширилась география вещания радиостанции «Милицейская волна». На базе телерадиостудии были созданы около 200 учебно-методических и документальных фильмов, которые широко использовались в воспитании и обучении сотрудников ОВД, в профориентационных мероприятиях для молодежи [40, с. 86; 41; 42].

3. Создание электронных ведомственных СМИ и официального сайта МВД России⁴⁶ в сети «Интернет».

Внедрялись современные технологии взаимодействия с журналистами [36, с. 161–162], в каждом ОВД имелся специальный сотрудник, отвечающий за взаимодействие с прессой, в некоторых службах, таких как ГИБДД, Управление вневедомственной охраны, сформированы группы

⁴¹ Об информационно-пропагандистской работе МВД России : приказ МВД России от 6 декабря 1999 г. № 977 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=357021&cysclid=lurzvwzade84633509#OnlUQ9UxZs\]1AeND](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=357021&cysclid=lurzvwzade84633509#OnlUQ9UxZs]1AeND) (дата обращения: 08.12.2023). – Утратил силу.

⁴² Иноземцев М. И. [и др.] Особенности освещения в средствах массовой информации деятельности различных подразделений ОВД субъектов Российской Федерации, УВДТ : пособие. – Москва: Государственное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России», 2001. – С. 25.

⁴³ Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2005–2008 годы : приказ МВД России от 5 сентября 2005 г. № 718 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://base.garant.ru/1355154/?ysclid=lus02p14ku755522704> (дата обращения: 04.03.2024). – Утратил силу.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Министерство внутренних дел Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/?%EF=> (дата обращения: 17.01.2024).

пропаганды, выполняющие роль пресс-службы [33, с. 185–186]. Для руководителей пресс-служб организовывались совещания, семинары и иные мероприятия, способствовавшие развитию информационно-коммуникационной деятельности [34, с. 50–51]. В результате принятых мер оперативность публикаций, массовость охвата аудитории, качество работы по правовому просвещению и правовому воспитанию существенно улучшились.

Таким образом, в 1991–2011 гг. в Российской Федерации обеспечение постоянного взаимодействия МВД России со СМИ, общественными организациями осуществлялось с учетом сложной общественно-политической, криминогенной и информационной ситуации в стране в условиях кардинальных перемен отечественной государственно-правовой системы. Формировалась информационная политика Министерства, частью которой стали правовое просвещение и правовое воспитание населения. Цель подразделений общественных связей МВД России – повышение правовой культуры общества, и задачи – формирование правосознания граждан и активной гражданской позиции по оказанию содействия органам ОВД в раскрытии преступлений и правонарушений получили нормативное закрепление. Функции службы по связям с общественностью МВД были определены с учетом дифференциации и специализации взаимодействия с населением. Появились новые каналы распространения информации – новые ведомственные СМИ и интернет. Систематически проводились мероприятия, направленные на улучшение освещения деятельности ОВД в СМИ; оперативность публикаций была повышена, а охват аудитории за счет включения зарубежной общественности и работы в глобальном информационном пространстве – увеличен.

Новый период в развитии подразделений общественных связей МВД России обусловила реформа ОВД⁴⁷, выход в информационное пространство интернета⁴⁸ и появление государственной стратегии развития правовой культуры и правосознания граждан⁴⁹, обозначившей основные факторы формирования правовой культуры и выбора гражданами модели правомерного поведения.

Управление общественных связей МВД России постепенно избавилось от ряда второстепенных функций и сосредоточилось на создании единой системы информационно-пропагандистского сопровождения деятельности ОВД.

Новым направлением стало обеспечение создания и координации деятельности общественных советов при ОВД в каждом регионе страны⁵⁰. Общественные советы были призваны усилить правовое информационное воздействие МВД России на представителей различных национальных диаспор и конфессий [37, с. 4–7].

Важным направлением явилось информационное обеспечение деятельности ОВД в интернете. Созданы официальный интернет-сайт МВД России, новый аппаратно-программный комплекс, в состав которого вошли более 100 сайтов региональных ОВД, на каждом из которых для населения работают специальные вкладки «Правовое информирование»⁵¹. Только в 2013 году официальный сайт МВД России посетили более 5 млн пользователей. Официальные аккаунты МВД были созданы во всех популярных социальных сетях [37, с. 6]. Разработаны методики реагирования на различную информацию; создан специальный отдел PR-акций и проектов по улучшению имиджа полиции; подготовлена система оценки качества информационно-пропагандистской деятельности службы по связям с общественностью МВД России. Все акции, проекты, конкурсы, викторины, проводимые службой по связям с общественностью МВД России, консолидированы в единый раздел сайта МВД России «Наши проекты»⁵².

Особое внимание было направлено на подрастающее поколение [33, с. 186–188]. Традиционными стали проводимые при поддержке общественных советов всероссийские акции для подростков «Проверь ПРАВОЗнание» (с 2017 г.), объединившие более 300 тыс. молодых

⁴⁷ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900; 2023. – № 3232. – Ч. I. – Ст. 6172.

⁴⁸ О вводе в эксплуатацию аппаратно-программного комплекса : приказ МВД России от 14 января 2013 г. № 15 // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://дпд.мвд.рф/документы/нормативные-правовые-акты-мвд-россии/item/15923596> (дата обращения: 08.12.2023).

⁴⁹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/11139> (дата обращения: 18.01.2024).

⁵⁰ Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах : Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668 (ред. от 25.08.2021) // Российская газета. – 2011. – 27 мая.

⁵¹ О вводе в эксплуатацию аппаратно-программного комплекса : приказ МВД России от 14 января 2013 г. № 15 // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://дпд.мвд.рф/документы/нормативные-правовые-акты-мвд-россии/item/15923596> (дата обращения: 08.12.2023).

⁵² Наши проекты // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/projects> (дата обращения: 17.01.2024).

участников. Сотрудники службы по связям с общественностью МВД России активно освещали жизнь создававшихся повсеместно кадетских классов МВД России. Во всех образовательных организациях системы МВД создаются пресс-группы, вошедшие в систему подразделений общественных связей МВД России, освещающие деятельность учебных заведений, занимающиеся правовым просвещением и воспитанием курсантов и слушателей, ведущих профориентационную работу со старшеклассниками [42, с. 92–95]. Если в 2015 году аудитория страниц МВД России в социальных сетях насчитывала около 360 тыс. человек, то в 2021 году их посетили более 1 млн человек, а количество уникальных посетителей официального интернет-сайта МВД России (неповторяющихся пользователей, зашедших на сайт в течение определённого времени) составило более 16 млн⁵³.

Возросли требования к сотрудникам подразделений. Кроме журналистского образования, теперь им необходимы знания и умения в областях: проведения социологических исследований и мониторинга; реагирования на информационные угрозы; работы в блогосфере; работы в сфере PR-технологий, информационных технологий и другие. Повышение квалификации сотрудников службы по связям с общественностью ОВД становится важной задачей подразделений полиции [43, с. 44–47].

Таким образом, с 2011 года в Российской Федерации была осуществлена реформа ОВД, в рамках которой поставлены задачи, направленные на реализацию требований общества о максимальной эффективности и открытости деятельности МВД России, обеспечении законности и доступности; проведена реформа пресс-служб ОВД с целью активизации информационно-коммуникационной деятельности, формирующей правовую культуру сотрудников полиции и населения. Работа подразделений общественных связей ОВД по обеспечению доступности юридической информации и понятности госуслуг, оказываемых населению, осуществлялась в основном путем совершенствования официального сайта МВД России. Глобальное информационное пространство превратилось в главный информационно-коммуникационный канал пресс-служб ОВД, использующих новые формы, методы и средства работы по правовому просвещению и правовому воспитанию. Для повышения правовой культуры населения и полицейских подразделения общественных связей МВД России использовали возможности всех ведомственных и иных СМИ. Общественные советы при МВД России и его территориальных органах способствовали активизации правовой работы с различными группами населения. В образовательных организациях системы МВД России были созданы пресс-группы, перед которыми были поставлены задачи правового воспитания и профориентационной работы. Создание и работа кадетских классов стали предметом повышенного интереса МВД России в профориентационном плане и объектом освещения пресс-службой МВД России и СМИ.

Заключение

Служба МВД по связям с общественностью МВД России является комплексным системным образованием (на данный момент представленным Управлением по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России, системой региональных управлений, отделов, отделений, групп по связям с общественностью, пресс-группами в образовательных учреждениях МВД и другими структурными единицами) со своей историей. В контексте широкого подхода к характеристике этапов становления и развития подразделений общественных связей МВД России рассмотрены процессы, касающиеся формирования идейных и организационно-правовых предпосылок для их создания.

В становлении службы МВД по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры российского общества можно выделить несколько этапов:

- 1) 1718–1804 гг.: формирование идейных предпосылок взаимодействия ОВД и общества;
- 2) 1804–1983 гг.: формирование организационных и нормативных предпосылок взаимодействия ОВД и общества;
- 3) 1983–1991 гг.: создание службы по связям с общественностью МВД СССР как субъекта взаимодействия ОВД и общества;
- 4) 1991 г. – настоящее время: формирование направлений, форм и методов деятельности службы по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры российского общества.

⁵³ Исторический формуляр УОС МВД России. 2011–2017 // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/Управленија/uos/history_UOS? (дата обращения: 25.01.2024).

Информационно-коммуникационная деятельность (прежде всего работа по правовому просвещению и правовому воспитанию), осуществлявшаяся сотрудниками ОВД, являлась важным фактором формирования правовой культуры сотрудников Министерства и населения России на разных этапах исторического развития отечественного государства. Служба по связям с общественностью МВД России – особый субъект формирования правовой культуры российских полицейских и граждан Российской Федерации.

Список литературы

1. *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А. [и др.]*. Законность как основополагающее начало российского права : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 328 с.
2. *Нижник Н. С., Алиев Я. Л.* Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция, 26 марта 2021 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 133–138.
3. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L. [et al.]*. State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, December 11, 2020. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – Vol. 108. – P. 01015.
4. *Ланова Е. С.* Многообразие механизмов формирования правовой культуры как отражение многогранности феномена «правовая культура» / Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I Всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, 15 июня 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 115–120.
5. *Кордобовская К. Е.* Правовая культура и ее проявления как предмет научных исследований // *Advances in Law Studies*. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 26–30; <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2023-11-1-26-30>.
6. *Нижник Н. С.* Полиция Российской империи в контексте современных историко-правовых исследований // *Полицейская деятельность*. – 2017. – № 6. – С. 35–78; <https://doi.org/10.7256/2454-0692-2017-6-23833>.
7. *Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р.* Три века российской полиции: служение обществу – защита Отечеству! – Москва: РИПОЛ классик, 2016. – 605 с.
8. *Янченко И. Л., Токмачева А. Ю.* Ведомственная периодическая печать в системе Министерства внутренних дел Российской империи (дореформенный период XIX в.) // *Труды Академии управления МВД России*. – 2018. – № 4 (48). – С. 86–92.
9. *Кузнецов А. А., Ращупкин Ю. М.* Периодическая печать и чиновники МВД: контроль и сотрудничество в сфере периодической печати в Восточной Сибири во второй половине XIX века / Роль СМИ в деятельности правоохранительных органов : материалы Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ФГОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2010. – С. 176–187.
10. *Календарова В. В.* Ведомственная и отраслевая периодика в общественной жизни начала XIX века // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. – 2021. – № 4. – С. 710–720; <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-4-710-720>.
11. *Красножон О. В.* Журнал «Вестник полиции» в системе ведомственной печати Министерства внутренних дел Российской империи // *Юрист-Правовед*. – 2015. – № 4 (71). – С. 120–124.
12. *Глухарева Л. И., Дорская А. А., Ефремова Н. Н., Ефремова В. В. [и др.]*. Культуральные исследования права : коллективная монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. – 466 с.
13. *Нижник Н. С.* Правовая культура как детерминанта эффективности осуществления полицейской деятельности / *Правовая культура в современном обществе : материалы VI Международной научно-практической конференции*, 19 мая 2023 г. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь», 2023. – С. 106–114.
14. *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State / *Proceedings of International Scientific and Practical Conference Man. Society. Communication (MSC 2020)*, 23–24 April, 2020, Veliky Novgorod, Russian Federation. – Veliky Novgorod: ISO London Limited – European Publisher, 2021. – P. 1826–1835; <https://doi.org/10.15405/epsbs-2021-05-02-228>.
15. *Гутнов Д. А.* Из истории взаимодействия государства и периодической печати в России: Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Россий-

ской Империи // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 16–25.

16. *Нижник Н. С., Сидоренко Н. С.* Политический дискурс образа полиции в социалистической печати России начала XX века // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2019. – № 1 (41). – С. 54–60.

17. *Минер В. Л., Гасанов К. К.* История полиции России. Т. 2: Милиция Советского Союза : в 3 т. / под ред. И. А. Калиниченко. – 2-е изд., доп. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. – Т. 2. – 353 с.

18. *Сидоренко Н. С., Нижник Н. С.* Детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних: значение правовой культуры при выборе личностью модели правового поведения // Общество и право. – 2022. – № 4 (82). – С. 119–126.

19. *Гладышев В. И., Жилина В. А., Квятковский Г. Ю. [и др.]*. Девиантное поведение : Социально-философское осмысление : коллективная монография / под ред. Прилуковой Е. Г. – Челябинск: Челябинский институт развития профессионального образования, 2023. – 108 с.

20. *Сабитова Г. И.* Роль радио в правовом воспитании населения / Средства массовой информации и органы внутренних дел : сборник научных трудов / редкол.: В. Т. Томин (отв. ред.) [и др.]. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1980. – С. 54–63.

21. *Борисов В. А., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С.* История советской милиции : коллективная монография / под ред. Р. С. Мулукаева. – Москва: Академия управления МВД России, 2015. – 190 с.

22. *Гусак В. А.* Основные направления преобразования системы органов милиции в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Пенитенциарная наука. – 2010. – № 10. – С. 79–82.

23. *Российская полиция: история и современность : (к 300-летию российской полиции) :* сборник статей / ред. коллегия: В. А. Иоголевич (председатель) [и др.]. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. – 256 с.

24. *Сидоренко Н. С., Нижник Н. С.* Газетная периодика военных лет как фактор формирования образа Великой Отечественной войны в общественном сознании / Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы Международной научной конференции : в 2 ч., 28–29 апреля 2020 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – Ч. 1. – С. 1887–1897.

25. *Сидоренко Н. С., Нижник Н. С.* Формы проявления гражданской активности уральского общества в годы Великой Отечественной войны / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции : в 2 ч., 28–29 апреля 2022 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – Ч. 1. – С. 2230–2241.

26. *Горохова А. В.* Возникновение радиовещания как средства массовой информации: первые теории развития радиовещания и его влияния на общество // Культурология. – 2011. – № 1 (56). – С. 104–122.

27. *Ильин Д. В., Машковцев А. А., Семенов А. В., Юнгблюд В. Т.* 300 лет на страже правопорядка : в 2 т. / редакционная коллегия: В. Т. Юнгблюд (отв. ред.) [и др.]. – Киров: Кировская областная типография, 2018. – Т. 2: 1945–2018. – 295 с.

28. *Наумкин Ю. В.* Механизм взаимодействия ОВД и СМИ в обеспечении правопорядка // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 9. – С. 119–126.

29. *Мартынкина Д. Ю.* Правовое просвещение населения через печатные СМИ: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2010. – № 5. – С. 72–79.

30. *Мулукаев Р. С.* К вопросу об историческом опыте участия населения в охране общественного порядка // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 41 (32). – С. 87–91.

31. *Боголюбов Е. А.* Осуществление правовой пропаганды в РСФСР Всесоюзным обществом «Знание» в 1960-70-е годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2019. – № 4. – С. 156–166.

32. *Горшенков Г. Н.* Место и роль штабных аппаратов ОВД в осуществлении правового информирования / Средства массовой информации и органы внутренних дел : сборник научных трудов / редкол.: В. Т. Томин (отв. ред.) [и др.]. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1980. – С. 63–66.

33. Тюменцев А. Н. Пресс-служба подразделения МВД России – координационный центр сотрудничества со средствами массовой информации и населением // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 3 (34). – С. 185–189.

34. Сидельникова О. В. PR особого назначения: к истории становления отделов по связям с общественностью в структуре МВД России (опыт Курской области) / Акценты. Новое в массовой коммуникации : альманах. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2013. – Вып. 3–4 (114–115). – С. 50–51.

35. Лапова Е. С. МВД и средства массовой информации: взаимодействие для укрепления связи с общественностью в советской России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч.; 28–29 апреля 2022 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – Ч. 1. – С. 1108–1120.

36. Сойников С. А. Некоторые аспекты повышения эффективности деятельности милицейских средств массовой информации // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 11. – С. 161–163.

37. Коробов В. Б. Реализация принципов открытости и публичности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – № 2 (26). – С. 3–8.

38. Воронина М. С. Социальные условия формирования и развития связей с общественностью в системе органов внутренних дел // Социум и власть. – 2010. – № 2 (26). – С. 34–38.

39. Каверина Л. В., Малофеев А. А. Становление и развитие редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : в 2 ч. : материалы XX Международной научно-теоретической конференции, 27–28 апреля 2023 г. / под ред. Н. С. Нижник ; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 2519–2525.

40. Каверина Л. В. Средства массовой информации образовательного учреждения МВД России как корпоративные масс-медиа (на примере Белгородского юридического института МВД России) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2013. – № 1 (21). – С. 85–87.

41. Каверина Л. В. Корпоративные масс-медиа как средство овладения корпоративной культурой курсантами образовательных организаций МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2013. – № 2 (22). – С. 37–39.

42. Каверина Л. В., Пелюх Е. И., Старосельцева М. М., Шарутенко В. Н. Использование возможностей медиaprостранства вуза при формировании личности сотрудника органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 1. – С. 92–96.

43. Бережкова В. И. Понятие и сущность деятельности подразделений информации и общественных связей в системе МВД России: сравнительно-исторический аспект / Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Международной научной конференции, май 2015 г. – Казань: Бук, 2015. – С. 43–48.

References

1. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A. [i dr.]. Zakonnost' kak osnovopolagayushcheye nachalo rossiyskogo prava : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – 328 s.

2. Nizhnik N. S., Aliyev Ya. L. Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredeleniye stsenariyev razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavleniy / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 26 marta 2021 g. / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 133–138.

3. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L. [et al.]. State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, December 11, 2020. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – Vol. 108. – P. 01015.

4. Lapova Ye. S. Mnogoobraziye mekhanizmov formirovaniya pravovoy kul'tury kak otrazheniye mnogogrannosti fenomena «pravovaya kul'tura» / Sankt-Peterburgskiy vstrechi molodykh uchenykh : materialy I Vserossiyskogo kongressa ad'yunktov, aspirantov i soiskateley uchenykh stepeney, 15 iyunya 2023 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 115–120.

5. *Kordobovskaya K. Ye.* Pravovaya kul'tura i yeye proyavleniya kak predmet nauchnykh issledovaniy // *Advances in Law Studies.* – 2023. – T. 11. – № 1. – S. 26–30; <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2023-11-1-26-30>.
6. *Nizhnik N. S.* Politsiya Rossiyskoy imperii v kontekste sovremennykh istoriko-pravovykh issledovaniy // *Politseyskaya deyatelnost'.* – 2017. – № 6. – S. 35–78; <https://doi.org/10.7256/2454-0692-2017-6-23833>.
7. *Borisov A., Malygin A., Mulukayev R.* Tri veka rossiyskoy politzii : sluzheniye obshchestvu – zashchita Otechestvu! – Moskva: RIPOL klassik, 2016. – 605 s.
8. *Yanchenko I. L., Tokmacheva A. Yu.* Vedomstvennaya periodicheskaya pechat' v sisteme Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii (doreformennyy period XIX v.) // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii.* – 2018. – № 4 (48). – S. 86–92.
9. *Kuznetsov A. A., Rashchupkin YU. M.* Periodicheskaya pechat' i chinovniki MVD: kontrol' i sotrudnichestvo v sfere periodicheskoy pechati v Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka / Rol' SMI v deyatelnosti pravookhranitel'nykh organov : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Irkutsk: FGOU VPO «Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii», 2010. – S. 176–187.
10. *Kalendarova V. V.* Vedomstvennaya i otraslevaya periodika v obshchestvennoy zhizni nachala XIX veka // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya.* – 2021. – № 4. – S. 710–720; <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-4-710-720>.
11. *Krasnozhon O. V.* Zhurnal «Vestnik politzii» v sisteme vedomstvennoy pechati Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii // *Yurist"–Pravoved"*. – 2015. – № 4 (71). – S. 120–124.
12. *Glukhareva L. I., Dorskaya A. A., Yefremova N. N., Yefremova V. V. [i dr.]*. Kul'tural'nyye issledovaniya prava : kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. I. L. Chestnova, Ye. N. Tonkova. – Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2018. – 466 s.
13. *Nizhnik N. S.* Pravovaya kul'tura kak determinanta effektivnosti osushchestvleniya politseyskoy deyatelnosti / Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve : materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19 maya 2023 g. – Mogilev: Uchrezhdeniye obrazovaniya «Mogilevskiy institut MVD Respubliki Belarus'», 2023. – S. 106–114.
14. *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State / *Proceedings of International Scientific and Practical Conference Man. Society. Communication (MSC 2020), 23–24 April, 2020, Veliky Novgorod, Russian Federation.* – Veliky Novgorod: ISO London Limited – European Publisher, 2021. – P. 1826–1835; <https://doi.org/10.15405/epsbs-2021-05-02-228>.
15. *Gutnov D. A.* Iz istorii vzaimodeystviya gosudarstva i periodicheskoy pechati v Rossii: Osvedomitel'noye byuro pri Glavnom upravlenii po delam pechati MVD Rossiyskoy Imperii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika.* – 2015. – № 4. – S. 16–25.
16. *Nizhnik N. S., Sidorenko N. S.* Politicheskiy diskurs obraza politzii v sotsialisticheskoy pechati Rossii nachala XX veka // *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan.* – 2019. – № 1 (41). – S. 54–60.
17. *Miner V. L., Gasanov K. K.* Istoriya politzii Rossii. T. 2: Militsiya Sovetskogo Soyuza : v 3 t. / pod red. I. A. Kalinichenko. – 2-ye izd., dop. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2019. – T. 2. – 353 s.
18. *Sidorenko N. S., Nizhnik N. S.* Determinanty deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh: znachenije pravovoy kul'tury pri vybore lichnost'yu modeli pravovogo povedeniya // *Obshchestvo i pravo.* – 2022. – № 4 (82). – S. 119–126.
19. *Gladyshev V. I., Zhilina V. A., Kvyatkovskiy G. Yu. [i dr.]*. Deviantnoye povedeniye: Sotsial'no-filosofskoye osmysleniye : kollektivnaya monografiya / pod red. Prilukovoy Ye. G. – Chelyabinsk: Chelyabinskiy institut razvitiya professional'nogo obrazovaniya, 2023. – 108 s.
20. *Sabitova G. I.* Rol' radio v pravovom vospitanii naseleniya // *Sredstva massovoy informatsii i organy vnutrennikh del : sbornik nauchnykh trudov / redkol.: V. T. Tomin (otv. red.) [i dr.]*. – Gor'kiy: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1980. – S. 54–63.
21. *Borisov V. A., Malygin A. Ya., Mulukayev R. S.* Istoriya sovetskoy militsii : kollektivnaya monografiya / pod red. R. S. Mulukayeva. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015. – 190 s.
22. *Gusak V. A.* Osnovnyye napravleniya preobrazovaniya sistemy organov militsii v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) // *Penitentsiarnaya nauka.* – 2010. – № 10. – C. 79–82.
23. *Rossiyskaya politziya: istoriya i sovremennost' : (k 300-letiyu rossiyskoy politzii) : sbornik statey / red. kollegiya: V. A. Iogolevich (predsedatel') [i dr.]*. – Tyumen': Tyumenskiy institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2018. – 256 s.

24. *Sidorenko N. S., Nizhnik N. S.* Gazetnaya periodika voyennykh let kak faktor formirovaniya obraza Velikoy Otechestvennoy voyny v obshchestvennom soznanii / Gosudarstvo. Pravo. Voyna (k 75-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voynе) : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii : v 2 ch., 28–29 aprelya 2020 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – Ch. 1. – S. 1887–1897.
25. *Sidorenko N. S., Nizhnik N. S.* Formy proyavleniya grazhdanskoj aktivnosti ural'skogo obshchestva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii : v 2 ch., 28–29 aprelya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – Ch. 1. – S. 2230–2241.
26. *Gorokhova A. V.* Vozniknoveniye radioveshchaniya kak sredstva massovoy informatsii: pervyye teorii razvitiya radioveshchaniya i yego vliyaniya na obshchestvo // Kul'turologiya. – 2011. – № 1 (56). – S. 104–122.
27. *Il'in D. V., Mashkovtsev A. A., Semenov A. V., Yungblyud V. T.* 300 let na strazhe pravoporyadka : v 2 t. / redaktsionnaya kollegiya: V. T. Yungblyud (otv. red.) [i dr.]. – Kirov: Kirovskaya oblastnaya tipografiya, 2018. – T. 2: 1945–2018. – 295 s.
28. *Naumkin Yu. V.* Mekhanizm vzaimodeystviya OVD i SMI v obespechenii pravoporyadka // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. – 2009. – № 9. – S. 119–126.
29. *Martynkina D. Yu.* Pravovoye prosveshcheniye naseleniya cherez pechatnyye SMI: istoriya i sovremennost' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. – 2010. – № 5. – S. 72–79.
30. *Mulukayev R. S.* K voprosu ob istoricheskom opyte uchastiya naseleniya v okhrane obshchestvennogo poryadka // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2014. – № 4 (32). – S. 87–91.
31. *Bogolyubov Ye. A.* Osushchestvleniye pravovoy propagandy v RSFSR Vsesoyuznym obshchestvom «Znaniye» v 1960-70-ye gody // Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs. – 2019. – № 4. – S. 156–166.
32. *Gorshenkov G. N.* Mesto i rol' shtabnykh apparatov OVD v osushchestvlenii pravovogo informirovaniya / Sredstva massovoy informatsii i organy vnutrennikh del : sbornik nauchnykh trudov / Redkol.: V. T. Tomin (otv. red.) [i dr.]. – Gor'kiy: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1980. – S. 63–66.
33. *Tyumentsev A. N.* Press-sluzhba podrazdeleniya MVD Rossii – koordinatsionnyy tsentr sotrudnichestva so sredstvami massovoy informatsii i naseleniyem // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2015. – № 3 (34). – С. 185–189.
34. *Sidel'nikova O. V.* PR osobogo naznacheniya: k istorii stanovleniya otdelov po svyazyam s obshchestvennost'yu v strukture MVD Rossii (opyt Kurskoy oblasti) / Aktsenty. Novoye v massovoy kommunikatsii : al'manakh. – Voronezh: Fakul'tet zhurnalistiki VGU, 2013. – Vyp. 3–4 (114–115). – S. 50–51.
35. *Lapova Ye. S.* MVD i sredstva massovoy informatsii: vzaimodeystviye dlya ukrepleniya svyazi s obshchestvennost'yu v sovetskoy Rossii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii: V 2 ch.; 28–29 aprelya 2022 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – Ch. 1. – S. 1108–1120.
36. *Soynikov S. A.* Nekotoryye aspekty povysheniya effektivnosti deyatelnosti militseyskikh sredstv massovoy informatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2008. – № 11. – S. 161–163.
37. *Korobov V. B.* Realizatsiya printsipov otkrytosti i publichnosti v deyatelnosti organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2013. – № 2 (26). – S. 3–8.
38. *Voronina M. S.* Sotsial'nyye usloviya formirovaniya i razvitiya svyazey s obshchestvennost'yu v sisteme organov vnutrennikh del // Sotsium i vlast'. – 2010. – № 2 (26). – S. 34–38.
39. *Kaverina L. V., Malofeyev A. A.* Stanovleniye i razvitiye redaktsionno-izdatel'skogo otdela Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii) : v 2 ch. : materialy XX Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, 27–28 aprelya 2023 g. / pod red. N. S. Nizhnik ; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 2519–2525.
40. *Kaverina L. V.* Sredstva massovoy informatsii obrazovatel'nogo uchrezhdeniya MVD Rossii kak korporativnyye mass-media (na primere Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii)

// Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2013. – № 1 (21). – S. 85–87.

41. *Kaverina L. V.* Korporativnyye mass-media kak sredstvo ovladeniya korporativnoy kul'turoy kursantami obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2013. – № 2 (22). – S. 37–39.

42. *Kaverina L. V., Pelyukh Ye. I., Starosel'tseva M. M., Sharutenko V. N.* Ispol'zovaniye vozmozhnostey mediaprostranstva vuza pri formirovaniy lichnosti sotrudnika organov vnutrennikh del // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2017. – № 1. – S. 92–96.

43. *Berezhkova V. I.* Ponyatiye i sushchnost' deyatel'nosti podrazdeleniy informatsii i obshchestvennykh svyazey v sisteme MVD Rossii: sravnitel'no-istoricheskiy aspekt / Yuridicheskiye nauki: problemy i perspektivy : materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, may 2015 g. – Kazan': Buk, 2015. – S. 43–48.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted March 5, 2024; approved after reviewing March 20, 2024; accepted for publication March 29, 2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-89-98>

Ирина Геннадьевна Бавсун

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>, i.bavsun@szfrgup.ru

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5*

Эдуард Викторович Еремин

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0009-0006-2484-1228>, eremin3334@gmail.com

*Организационно-аналитический департамент
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Житная, д. 16*

Органы внутренних дел в механизме стратегического планирования: организационно-правовые аспекты

Аннотация: Введение. В настоящее время стратегическое планирование стало важной составляющей государственного управления в Российской Федерации. Увеличение числа сфер социальной действительности, охваченных данным процессом, рост объемов документов стратегического планирования, вовлечение все большего числа участников в деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации требует создания четкого механизма организации и взаимодействия всех субъектов процесса стратегического планирования. Органы внутренних дел, исполняя важную роль в противодействии преступности, поддержании общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, являются заказчиками и исполнителями большого количества документов стратегического планирования. При этом имеют место и требуют своего разрешения ряд проблем правового регулирования и организации стратегического планирования в системе МВД России. **Методы:** исследование основывалось на системном подходе и диалектическом методе познания, применялись общенаучные методы (синтез и анализ, индукция и дедукция), формально-юридический и статистический методы. **Результаты:** в работе очерчена роль МВД России в разработке и реализации документов стратегического планирования на современном эта-

пе, раскрываются некоторые проблемы правового регулирования и организации данной деятельности. Расширение сферы стратегического планирования и увеличение роли органов внутренних дел в этом процессе требуют более детального правового регулирования программно-целевой и проектной деятельности в системе МВД России. Предлагаются координационные механизмы межведомственного и внутриведомственного взаимодействия участников процесса стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, правоохранительная деятельность, правоохранительная стратегия, документы стратегического планирования, органы внутренних дел

Для цитирования: Бавсун И. Г., Еремин Э. В. Органы внутренних дел в механизме стратегического планирования: организационно-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 89–98; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-89-98>.

Irina G. Bavsun

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>, i.bavsun@szfrgup.ru

*North-Western branch of the Russian State University of Justice
5, Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation*

Eduard V. Eremin

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0009-0006-2484-1228>, eremin3334@gmail.com

*Organizational and Analytical Department
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
16, Zhitnaya str., Moscow, 119991, Russian Federation*

Internal affairs bodies in the mechanism of strategic planning: organisational and legal aspects

Abstract: Introduction. At present, strategic planning has become an important component of public administration in the Russian Federation. The increase in the number of spheres of social reality covered by this process, the growth in the volume of strategic planning documents, the involvement of more and more participants in the activities of goal-setting, forecasting, planning and programming of socio-economic development of the Russian Federation requires the creation of a clear mechanism of organisation and interaction of all subjects of the strategic planning process. The bodies of internal affairs, performing an important role in combating crime, maintaining public order and ensuring public safety, are customers and executors of a large number of strategic planning documents. At the same time, there are a number of problems of legal regulation and organisation of strategic planning in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia that need to be resolved. **Methods:** the research was based on the system approach and dialectical method of cognition, general scientific methods (synthesis and analysis, induction and deduction), formal-legal and statistical methods were used. **Results:** the authors outline the role of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the development and implementation of strategic planning documents at the present stage, reveal some problems of legal regulation and organisation of this activity. Expanding the sphere of strategic planning and increasing the role of internal affairs bodies in this process require more detailed legal regulation of programme-target and project activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Coordination mechanisms of interdepartmental and intradepartmental interaction of participants in the strategic planning process are proposed.

Keywords: strategic planning, law enforcement, law enforcement strategy, strategic planning documents, internal affairs bodies

For citation: Bavsun I. G., Eremin E. V. Internal affairs bodies in the strategic planning mechanism: organizational and legal aspects // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 89–98; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-89-98>.

Введение

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон «О стратегическом планировании») заложил правовые основы стратегического планирования как процесса, направленного на определение приоритетов, достижение целей и решение задач государственного управления. Сформировавшийся к настоящему времени внушительный объем документов стратегического планирования, перечень которых не является исчерпывающим и поэтому постоянно дополняется, требует не только формирования их иерархической системы, на что уже обращали внимание многие авторы [1–4], но и разработки механизма согласованного взаимодействия участников данного процесса. В настоящее время только на федеральном уровне разработано и реализуется порядка 94 стратегий, 123 концепций, 8 доктрин, 31 основы государственной политики, имеющих целью комплексные преобразования практически во всех сферах социальной действительности, в т. ч. правоохранительной, где ведущая роль отведена органам внутренних дел. Реализуя свои полномочия, МВД России в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании» (п. 9 ст. 4 и подп. 1 п. 7 ст. 10) разрабатывает документы стратегического планирования, осуществляет координацию и методическое обеспечение данной деятельности в отдельных областях государственного управления, в частности, в сферах внутренних дел, контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также миграции [5, с. 137]. При этом требует разрешения и правового закрепления ряд вопросов организации стратегического планирования в органах внутренних дел.

Методы

Исследование построено на системном подходе к стратегическому планированию, предполагающем единство и взаимосвязь всех элементов этой системы, и последовательность процесса стратегического управления. Метод материалистической диалектики позволяет раскрыть стратегическое планирование в органах внутренних дел в единой модели стратегического управления Российской Федерации с учетом специфики деятельности органов внутренних дел. Использованы общенаучные методы исследования (синтез и анализ, дедукция и индукция). При анализе правовых основ стратегического планирования в органах внутренних дел использовался формально-юридический метод.

Результаты

В настоящее время МВД России ответственно за разработку и обеспечивает исполнение Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года²; Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года³; Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы⁴; Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы⁵; государственных программ Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»⁶ и «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы»⁷.

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

² Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 (ред. от 29.03.2023) // СЗ РФ. – 2020. – № 48. – Ст. 7710.

³ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // СЗ РФ. – 2020. – № 22. – Ст. 3475.

⁴ Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 января 2018 г. № 1-п // СЗ РФ. – 2018. – № 5. – Ст. 774.

⁵ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // СЗ РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6917.

⁶ Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» : Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 (ред. от 26.09.2023) // СЗ РФ. – 2014. – № 18 (ч. IV). – Ст. 2188.

⁷ Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» (вместе с «Государственной программой „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы” (Выписка)) : Постановление Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 // СЗ РФ. – 2023. – № 38. – Ст. 6901.

Очевидно, что сфера участия органов внутренних дел в решении стратегических задач государства в правоохранительной сфере со временем будет расширяться. Так, развитие современных информационно-телекоммуникационных технологий, появление новых финансовых инструментов, увеличение количества операций, совершаемых с использованием платежных систем, создают условия для широкого распространения дистанционного мошенничества. Согласно статистическим данным, в 2023 году наблюдался устойчивый рост количества преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, в т. ч. в сфере компьютерной информации⁸. Такая ситуация давно требует формирования стратегии противодействия преступлениям в сфере IT-технологий, ведущая роль в разработке и реализации которой, безусловно, должна принадлежать органам внутренних дел.

Следует отметить, что МВД России осуществляет реализацию государственной политики не только в рамках правоохранительной деятельности, но и в других сферах.

План организационных мероприятий МВД России по реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁹ (утвержден распоряжением МВД России от 17 июля 2018 г. № 1/8143) предусматривает участие МВД России в национальных проектах в таких социальных сферах, как образование, здравоохранение, культура, наука, экономика и многих других.

Продолжается реализация федерального проекта «Безопасность дорожного движения» национального проекта «Безопасные качественные дороги», федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках федерального проекта «Модернизация сферы социального обслуживания и развития сектора негосударственных организаций в сфере оказания социальных услуг» осуществляется государственная поддержка Общероссийской общественной организации ветеранов органов внутренних дел. МВД России продолжает принимать участие в реализации мероприятия «Создание центров доиммиграционной подготовки» федерального проекта «Россия – привлекательная для учебы и работы страна» в таких странах, как Республика Узбекистан (2022), Республика Таджикистан (2023), Киргизская Республика (2024).

Помимо федеральных проектов МВД России осуществляет реализацию ведомственных проектов «Развитие технологий идентификации граждан» в части мероприятий по изготовлению и персонализации бланков документов, удостоверяющих личность, содержащих электронный носитель информации, и развитию (поддержанию работоспособности) ведомственного сегмента МВД России государственной системы миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность. Всего Министерство внутренних дел Российской Федерации принимает участие в реализации порядка 40 документов стратегического планирования.

Стратегическое планирование в целом и в правоохранительной сфере в частности является комплексной полисубъектной деятельностью, поэтому необходимо четкое определение роли места каждого участника этого процесса и создание дифференцированных механизмов ответственности за достижение тех или иных стратегических целей и задач [6, с. 176; 7, с. 180]. В соответствии с Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью¹⁰ противодействие преступности осуществляется органами внутренних дел Российской Федерации, органами Федеральной службы безопасности, войсками национальной гвардии Российской Федерации, органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, органами принудительного исполнения Российской Федерации, таможенными органами Российской Федерации, следственными органами Следственного комитета Российской Федерации и другими правоохранительными органами путем разработки и реализации мер по предупреждению преступлений, в т. ч. в рамках федеральных и региональных программ борьбы

⁸ Так, в январе – ноябре 2023 года было зарегистрировано 614,8 тыс. преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, что на 30,8 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года их удельный вес увеличился с 25,8 % до 34,1 %. Больше половины таких преступлений (50,9 %) относятся к категориям тяжких и особо тяжких // МВД России : [официальный сайт]. – URL: <http://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 08.04.2024).

⁹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 21.07.2020) // СЗ РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

¹⁰ О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») : Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 (ред. от 31.12.2019) // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1958.

с преступностью. Кроме того, в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹¹ субъектами профилактики правонарушений, помимо МВД России, являются федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления.

Это требует создания механизмов координации взаимодействия всех участников процесса стратегического планирования в правоохранительной сфере. В решении этого вопроса нельзя не отметить ведущую роль Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров, на которых в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹² возложена функция координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Кроме того, для организации комплексного взаимодействия в сфере противодействия преступности создаются и функционируют органы межведомственного взаимодействия, такие как Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации¹³, Государственный антинаркотический комитет, которые обеспечивают координацию деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по противодействию преступности в соответствующих сферах¹⁴. Думается, что организационный потенциал данных структур в настоящее время недооценен в процессе стратегического планирования и должен использоваться более активно.

Таким образом, в решении социально значимых задач по предупреждению правонарушений задействован широкий перечень субъектов, деятельность которых обеспечивается в рамках государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений, поэтому так важен вопрос о разграничении компетенции участников процесса стратегического планирования в зависимости от их функциональной роли при разработке документов стратегического планирования: государственного заказчика или заказчика-координатора, ответственного исполнителя, соисполнителя и участника. И если порядок межведомственного распределения функционала исполнителя, соисполнителей и участников процесса стратегического планирования в целом раскрыт в Методических рекомендациях по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации¹⁵, то вопрос внутриведомственного распределения полномочий между органами, подразделениями и организациями МВД России, а также координации их деятельности требует более детальной правовой регламентации.

В частности, в Министерстве внутренних дел Российской Федерации не в полной мере урегулирована процедура создания ведомственного проектного офиса в соответствии с Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации¹⁶. В настоящее время функции проектного офиса возлагаются на разные структуры в системе МВД России. Например, отдельные функции проектного офиса закреплены за Федеральным казенным учреждением «Дирекция по управлению федеральной целевой программой «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» в части реализации Федерального проекта «Безопасность дорожного движения»¹⁷); в то же время управление проектной деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения возложено на Главное управление обеспечения безопасности дорожного

¹¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851.

¹² О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

¹³ О межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации») : Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988 (ред. от 17.02.2016) // СЗ РФ. – 2011. – № 31. – Ст. 4705.

¹⁴ О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (вместе с «Положением о Государственном антинаркотическом комитете», «Положением об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации») : Указ Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374 (ред. от 31.10.2022) // СЗ РФ. – 2007. – № 43. – Ст. 5167.

¹⁵ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации : приказ Минэкономразвития России от 17 августа 2021 г. № 500 // Справочно-правовая система (далее – СПС) «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394807/2ff7a8c72de3994f30496a0c6bb1ddafdf518/ (дата обращения: 08.04.2024). – Документ опубликован не был.

¹⁶ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288 (ред. от 21.12.2023) // СЗ РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6947.

¹⁷ Об утверждении Устава федерального казенного учреждения «Дирекция по управлению федеральной целевой программой «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» : приказ МВД России от 26 марта 2021 г. № 166 // Специализированная территориально распределенная система (далее – СТРАС) «Юрист». – Документ опубликован не был.

движения МВД России во взаимодействии с указанным казенным учреждением и подразделениями МВД России, задействованными в реализации федерального проекта¹⁸. Управление организации капитального строительства (далее – УОКС) Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства (далее – ДТ МВД России) и Управление жилищной политики, имущественных и хозяйственных отношений ДТ МВД России обеспечивают реализацию и корректировку ведомственного проекта «Строительство объектов специального и жилищного назначения органов внутренних дел Российской Федерации»; УОКС ДТ МВД России кроме того ответственно за реализацию федерального проекта «Развитие инфраструктуры МВД России»¹⁹. Помимо этого проектный штаб Департамента информационных технологий, связи и защиты информации МВД России (далее – ДИТСиЗИ) обеспечивает методологическое сопровождение и мониторинг реализации проектов, в которых участвует данное структурное подразделение²⁰.

Такой подход, при котором функции управления проектами закрепляются за различными подразделениями МВД России, не позволяет обеспечить централизацию данной деятельности, требование обеспечения которой в виде создания ведомственного проектного офиса содержится в Положении об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации. Учитывая, что Положением об Организационно-аналитическом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации²¹ (далее – ОАД МВД России) на данную структуру возложены функции координации деятельности подразделений Министерства по разработке (корректировке) ведомственных проектов, входящих в состав государственных программ Российской Федерации, а также разработка и реализация в рамках компетенции национальных проектов, федеральных и ведомственных проектов, считаем возможным ставить вопрос о создании в структуре ОАД МВД России единого ведомственного проектного офиса Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В целом вопросы правового регулирования управления проектами в органах внутренних дел требуют отдельного внимания, потому что в настоящее время в стратегическом планировании наряду с программно-целевым подходом все активнее внедряется проектное управление, обладающее своей спецификой и определенными преимуществами. Стратегическими документами в рамках проектного управления являются проекты (национальные, федеральные, ведомственные, региональные, внутренние или локальные) как комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений. В соответствии с Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации проектное управление предполагает механизмы инициирования, подготовки, реализации и мониторинга реализации проекта, а также его завершения, что требует создания соответствующей функциональной структуры проектной деятельности, т. е. определения его участников с распределением функций между ними.

Пока МВД России участвует в реализации небольшого количества проектов. Но дальнейшее вовлечение органов внутренних дел в процесс проектного управления обязательно поставит вопрос о правовой регламентации данной деятельности внутри системы МВД России. Разработка ведомственных проектов потребует четкого распределения и закрепления за отдельными подразделениями функций руководства и координации проектов, их контроля, курирования и администрирования, информационного, аналитического, организационного и документационного обеспечения и т. д. Как уже было сказано, в органе исполнительной власти, ответственном за подготовку и реализацию национального, федерального или ведомственного проекта, формируется ведомственный проектный офис. Как будет встроен данный орган в структуру МВД России, каким образом будет взаимодействовать с другими участниками проектного управления – эти и многие другие вопросы уже сейчас следует разрешить и найти для них правовое закрепление в нормативных актах.

¹⁸ Об отдельных организационных вопросах реализации федерального проекта «Безопасность дорожного движения» национального проекта «Безопасные качественные дороги»: приказ МВД России от 17 января 2022 г. № 52 // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

¹⁹ О реализации государственных программ Российской Федерации: распоряжение МВД России от 28 июля 2023 г. № 1/8734 // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

²⁰ О внедрении элементов проектного управления: приказ ДИТСиЗИ МВД России от 7 октября 2020 г. № 26 // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

²¹ Об утверждении Положения об Организационно-аналитическом департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27 июня 2011 г. № 727 (ред. от 28.12.2021) // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

Внимание к этой теме обусловлено комплексным характером стратегического планирования, охватывающего федеральный, региональный уровни государственной власти и уровень местного самоуправления, поэтому в процесс разработки и реализации документов стратегического планирования вовлечены все уровни публичной власти и практически все органы, образующие ее систему. Повышение значимости стратегического планирования на современном этапе как средства эффективного функционирования государственного аппарата целыми органами внутренних дел участия не только признается учеными [8–12], но и подтверждается практикой. Анализ документов стратегического планирования в правоохранительной сфере, разработанных органами государственной власти субъектов Российской Федерации, показал повышение активности регионов в разработке документов стратегического планирования²². Основными направлениями реализации региональных программ правоохранительной направленности являются²³: противодействие терроризму и экстремистской деятельности, незаконному обороту наркотиков и оружия, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, рецидивной преступности [13, с. 37].

На муниципальном уровне работа по стратегическому планированию также идет достаточно активно, несмотря на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» разработка муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений является правом, а не обязанностью органов местного самоуправления. При разработке проектов стратегий регионов²⁴, как правило, формируется комплект муниципальных программ соответствующей направленности в виде приложения к утвержденному документу стратегического планирования в регионе. Таким образом, можно констатировать вовлеченность органов внутренних дел в процесс стратегического планирования на всех его уровнях.

Такой многоуровневый и многосубъектный характер стратегического планирования позволяет говорить о разработке общей правоохранительной стратегии государства, под которой понимается обобщающая модель действий всех правоохранительных субъектов, необходимых для достижения сформулированных долговременных целей по обеспечению социальной безопасности личности, общества, государства от правонарушений и преступлений в материальной и духовной сферах жизнедеятельности человека на основе выбранных критериев и эффективного распределения ресурсов²⁵. В данной стратегии обязательно должны быть поставлены и найдены свое разрешение такие задачи, как создание правовых основ для интеграции мер, направленных на профилактику правонарушений на федеральном и региональном уровнях; включение в процесс реализации государственных правоохранительных программ государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием; формирование организационно-правовых условий, обеспечивающих солидарную ответственность государственных органов всех уровней, бизнеса и гражданского общества в обеспечении правопорядка; повышение уровня правовой грамотности граждан, формирование активной гражданской позиции нетерпимости правонарушений.

Таким образом, правоохранительная стратегия предполагает решение одной из самых трудных задач – консолидацию совокупного правоохранительного потенциала общества и государства, который объединяет в себе возможности всех правоохранительных субъектов – государственных и негосударственных структур, участвующих в правоохранительной деятельности и обеспечении общественной безопасности, обладающих самостоятельностью и реализующих свои функции, но в своей совокупности

²² Мониторинг статистической отчетности показал, что в 2020 году по сравнению с 2019 в целом по стране количество региональных программ (подпрограмм) правоохранительной направленности увеличилось на 9,8 % и достигло 715. По итогам 2021 года их количество увеличилось до 727 (+ 1,7 %) (по итогам года было профинансировано 117,2 млрд руб., что на 21,8 % больше, чем в 2020 году). В 2022 году количество региональных программ увеличилось до 764, а общий объем финансирования составил 174,7 млрд руб. (+ 20,9 % к 2021 году) / Форма статистической отчетности ГИАЦ МВД России «ГП субъектов» // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

²³ Обзор о состоянии работы в территориальных органах МВД России по разработке и реализации государственных программ субъектов Российской Федерации, подпрограмм государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ, содержащих мероприятия правоохранительной направленности в 2022 году // МВД России : [официальный сайт]. – URL: https://mvd.ru/upload/site1879/folder_subdivision/019/542/904/2023_07_28_Prilozenie_k_pismu_obzor.pdf (дата обращения 01.03.2024).

²⁴ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации : приказ Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132 (ред. от 18.02.2022) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214725/ (дата обращения 01.03.2024).

²⁵ Андреев Н. А., Коробов В. Б. Стратегическое управление в правоохранительной сфере : учебное пособие. – Москва: Юнити-Дана, 2017. – С. 45, 68.

служащих основой реализации национальных интересов страны [14, с. 141]. Именно в этом, в разработке комплексной правоохранительной стратегии, и видится перспективная роль МВД России в рамках стратегического планирования.

При этом нельзя забывать, что деятельность по стратегическому планированию направлена не только на решение стратегических задач в сфере общественного порядка и общественной безопасности, то есть имеет внешне направленное действие, но и предполагает оценку внутренних потребностей и проблем системы МВД России, постановку долгосрочных стратегических целей по ее развитию для перспективного устойчивого противостояния вызовам и угрозам общественной безопасности, стабильного поддержания общественного порядка. Так, в системе МВД России разработаны Концепция научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена приказом МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767²⁶), Концепция реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации (утверждена приказом МВД России от 14 октября 2021 г. № 760²⁷), Концепция обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации до 2030 года (утверждена приказом МВД России от 19 сентября 2022 г. № 690дсп²⁸), Концепция развития первичной медико-санитарной помощи в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации на период 2019–2024 годов (утверждена приказом МВД России от 24 сентября 2018 г. № 615²⁹), Концепция развития цифровой радиосвязи органов внутренних дел Российской Федерации до 2024 года (утверждена приказом МВД России от 28 ноября 2019 г. № 892³⁰). Начинается выполнение федерального проекта «Развитие инфраструктуры Министерства внутренних дел Российской Федерации». МВД России осуществляет реализацию ведомственных проектов: «Строительство объектов специального и жилищного назначения органов внутренних дел Российской Федерации» (выполняется ДТ МВД России).

Таким образом, специфика стратегического планирования в органах внутренних дел заключается, во-первых, в его нацеленности на изменения и преобразования правоохранительной среды как общего социального пространства для правоохранительной системы и преступности в соответствии с целями и задачами, стоящими перед МВД России; а во-вторых, в направленности на развитие системы правоохранительных органов, в т. ч. органов внутренних дел [15, с. 113–114]. Оценка роли органов внутренних дел в процессе стратегического планирования обязывает смотреть на их деятельность не только через призму противодействия преступности, поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, но и требует формирования комплексной концепции развития самих органов внутренних дел в рамках приоритетных направлений их деятельности.

Заключение

Признание на высшем государственном уровне того, что система стратегического планирования нуждается в совершенствовании и требует принятия мер правового и организационного характера, направленных на повышение эффективности взаимодействия органов публичной власти в данной сфере³¹, заставляет искать новые подходы к определению путей и основных инструментов достижения целей обеспечения национальной безопасности государства и его социально-экономического развития. При этом для каждого участника данного процесса должна быть очерчена своя роль и границы ответственности в достижении национальных целей развития Российской Федерации, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года

²⁶ Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года : приказ МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767 // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

²⁷ Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации : приказ МВД России от 14 октября 2021 г. № 760 // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

²⁸ Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации до 2030 года : приказ МВД России от 19 сентября 2022 г. № 690дсп. – Документ опубликован не был.

²⁹ Об утверждении Концепции развития первичной медико-санитарной помощи в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации на период 2019–2024 годов : приказ МВД России от 24 сентября 2018 г. № 615 // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

³⁰ Об утверждении Концепции развития цифровой радиосвязи органов внутренних дел Российской Федерации до 2024 года : приказ МВД России от 28 ноября 2019 г. № 892 // СТРАС «Юрист». – Документ опубликован не был.

³¹ Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 // СЗ РФ. – 2021. – № 46. – Ст. 7676.

и на перспективу до 2036 года»³², согласно утвержденному Правительством Российской Федерации Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года³³. В связи с этим разрешение правовых и организационных вопросов стратегического планирования в органах внутренних дел требует повышенного внимания и скорейшего разрешения.

Список литературы

1. Говорухина Ю. В. К вопросу о единстве стратегического целеполагания (теория, практика, техника) // Закон и право. – 2023. – № 5. – С. 62–66.
2. Говорухина Ю. В. Стратегия экономической безопасности в системе стратегического планирования // Теория государства и права. – 2020. – № 3 (19). – С. 61–68; <https://doi.org/10.25839/MATGIP.2020.19.3.005>.
3. Старостин С. А., Добкин А. Г. О планах деятельности федеральных органов исполнительной власти как документах стратегического планирования // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 41. – С. 77–85; <https://doi.org/10.17223/22253513/41/7>.
4. Добкин А. Г. О системе документов, принимаемых в рамках целеполагания при осуществлении стратегического планирования на федеральном уровне // Административное право и процесс. – 2021. – № 9. – С. 74–76.
5. Еремин Э. В. О правовых аспектах стратегического планирования правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Закон и право. – 2021. – № 1. – С. 135–139; <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-1-135-139>.
6. Добкин А. Г. О контроле и ответственности в сфере стратегического планирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 6 (82). – С. 170–176; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.82.6.170-176>.
7. Добкин А. Г. О правовом регулировании состава участников стратегического планирования на федеральном уровне // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 6 (58). – С. 179–185; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.58.6.179-185>.
8. Анисина С. С. Проблемы реализации государственных программ и стратегическое планирование деятельности органов и подразделений МВД России // Академическая мысль : сетевое издание. – 2020. – № 2 (11). – С. 7–11.
9. Ходжич М. В. Стратегическое планирование в органах внутренних дел на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 249–251.
10. Ходжич М. В. Значение стратегического планирования в борьбе с организованной преступностью, представляющей угрозу национальной безопасности России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 6. – С. 18–21.
11. Горшенков Г. Н., Иванова А. А. Стратегия и законотворчество в противодействии преступности // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 200–209.
12. Пихов А. Х.-А. Применение технологий стратегического менеджмента в противодействии транснациональной преступности // Вестник экономической безопасности. – 2007. – № 4. – С. 131–138.
13. Еремин Э. В. Особенности участия территориальных органов МВД России в подготовке и реализации документов стратегического планирования правоохранительной направленности / Актуальные проблемы правоохранительной деятельности : сборник материалов Международной научно-практической конференции, 22 апреля 2021 г. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 30–40.
14. Татаринцев В. В. К вопросу о реализации стратегического подхода в управлении правоохранительной сферой // Закон и право. – 2018. – № 9. – С. 140–143; <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10161>.
15. Аникин В. Н. Ресурсная модель стратегического развития системы МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 2 (62). – С. 110–120; <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-262-110-120>.

³² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // СЗ РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

³³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года : утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р (с изм. от 24.12.2021) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (дата обращения 01.03.2024).

References

1. *Govorukhina Yu. V.* K voprosu o yedinstve strategicheskogo tselepolaganiya (teoriya, praktika, tekhnika) // *Zakon i pravo.* – 2023. – № 5. – S. 62–66.
2. *Govorukhina Yu. V.* Strategiya ekonomicheskoy bezopasnosti v sisteme strategicheskogo planirovaniya // *Teoriya gosudarstva i prava.* – 2020. – № 3 (19). – S. 61–68; <https://doi.org/10.25839/MATGIP.2020.19.3.005>.
3. *Starostin S. A., Dobkin A. G.* O planakh deyatelnosti federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti kak dokumentakh strategicheskogo planirovaniya // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo.* – 2021. – № 41. – S. 77–85; <https://doi.org/10.17223/22253513/41/7>.
4. *Dobkin A. G.* O sisteme dokumentov, prinyimayemykh v ramkakh tselepolaganiya pri osushchestvlenii strategicheskogo planirovaniya na federal'nom urovne // *Administrativnoye pravo i protsess.* – 2021. – № 9. – S. 74–76.
5. *Yeremin E. V.* O pravovykh aspektakh strategicheskogo planirovaniya pravookhranitel'noy deyatelnosti organov vnutrennikh del // *Zakon i pravo.* – 2021. – № 1. – S. 135–139; <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-1-135-139>.
6. *Dobkin A. G.* O kontrole i otvetstvennosti v sfere strategicheskogo planirovaniya // *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA).* – 2021. – № 6 (82). – S. 170–176; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.82.6.170-176>.
7. *Dobkin A. G.* O pravovom regulirovanii sostava uchastnikov strategicheskogo planirovaniya na federal'nom urovne // *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA).* – 2019. – № 6 (58). – S. 179–185; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.58.6.179-185>.
8. *Anisina S. S.* Problemy realizatsii gosudarstvennykh programm i strategicheskoye planirovaniye deyatelnosti organov i podrazdelenii MVD Rossii // *Akademicheskaya mysl' : setevoye izdaniye.* – 2020. – № 2 (11). – S. 7–11.
9. *Khodzich M. V.* Strategicheskoye planirovaniye v organakh vnutrennikh del na sovremennom etape // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2009. – № 3. – S. 249–251.
10. *Khodzich M. V.* Znachenkiye strategicheskogo planirovaniya v bor'be s organizovannoy prestupnost'yu, predstavlyayushchey ugrozu natsional'noy bezopasnosti Rossii // *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii.* – 2009. – № 6. – S. 18–21.
11. *Gorshenkov G. N., Ivanova A. A.* Strategiya i zakonotvorchestvo v protivodeystvii prestupnosti // *Yuridicheskaya tekhnika.* – 2015. – № 9. – S. 200–209.
12. *Pikhov A. Kh.-A.* Primeneniye tekhnologiy strategicheskogo menedzhmenta v protivodeystvii transnatsional'noy prestupnosti // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti.* – 2007. – № 4. – S. 131–138.
13. *Yeremin E. V.* Osobennosti uchastiya territorial'nykh organov MVD Rossii v podgotovke i realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya pravookhranitel'noy napravlenosti / Aktual'nyye problemy pravookhranitel'noy deyatelnosti : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 22 aprelya 2021 g. – Rostov-na-Donu: Rostovskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 30–40.
14. *Tatarintsev V. V.* K voprosu o realizatsii strategicheskogo podkhoda v upravlenii pravookhranitel'noy sfery // *Zakon i pravo.* – 2018. – № 9. – S. 140–143; <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10161>.
15. *Anikin V. N.* Resursnaya model' strategicheskogo razvitiya sistemy MVD Rossii // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii.* – 2022. – № 2 (62). – S. 110–120; <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2022-262-110-120>.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 30.05.2023.

The article was submitted January 22, 2024; approved after reviewing April 25, 2024; accepted for publication May 30, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-99-113>

Алла Николаевна Гуторова

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-0345-6903> e-mail: allagutorova@mail.ru

Юго-Западный государственный университет

Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Некоторые аспекты обеспечения народного доверия институтами прямой демократии

Аннотация: **Введение.** Для публичного правотворчества и решения вопросов публично значимого характера в конституционном праве используются такие институты прямой демократии, как референдум и плебисцит. Институты прямой и представительной демократии нельзя противопоставлять, они призваны взаимно дополнять друг друга. **Методы.** Методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания: сравнительно-правовой, историко-правовой, комплексного анализа, сравнения и обобщения. **Результаты.** Автором предлагается для введения в научный оборот и законодательную практику термин «консультативное народное голосование», который может быть использован как альтернатива референдуму. Референдум, плебисцит и консультативное народное голосование могут применяться для выражения народного доверия или недоверия к власти, так как именно проблема доверия (или возникновение сомнения в доверии) является одной из ключевых при их организации. Особенно в условиях недостаточной межпартийной конкуренции, их значение как формы выражения доверия граждан к политическому курсу и персонам политических лидеров соразмерно возрастает. С учетом различных точек зрения автор дает в статье собственное определение указанных терминов и определяет критерии, позволяющие разграничить эти весьма близкие понятия, а также подвергает теоретическому анализу возможность ограничений в отношении допустимых вопросов для вынесения на референдум (в части государственной кадровой политики).

Ключевые слова: референдум, плебисцит, консультативное народное голосование, выборы, публичная власть, народное представительство, политическая система

Финансирование: публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2024 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства».

Для цитирования: Гуторова А. Н. Некоторые аспекты обеспечения народного доверия институтами прямой демократии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 99–113; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-99-113>.

Alla N. Gutorova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0345-6903> e-mail: allagutorova@mail.ru

Southwest State University

94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation

Some aspects of guaranteeing people's trust by institutions of direct democracy

Abstract: Introduction. Constitutional law uses such institutions of direct democracy as referendum and plebiscite for the public law-making and resolution of issues of public importance. The institutions of direct and representative democracy cannot be opposed, but are designed to mutually complement each other. **Methods.** The methodological basis of the study was a set of methods of scientific cognition: comparative-legal, historical-legal, complex analysis, comparison and generalisation. **Results.** The author proposes to introduce the term “consultative people's vote” into scientific turnover and legislative practice, which can be used as an alternative to a referendum. Referendum, plebiscite and consultative people's vote can be used to express people's trust or distrust in the authorities, since the problem of trust (or the emergence of doubt in trust) is one of the key issues in their organisation. Especially in the conditions of insufficient interparty competition, their importance as a form of expressing citizens' trust in the political course and personalities of political leaders increases commensurately. Taking into account different points of view, the author gives in the article his own definition of these terms and defines the criteria that enable to distinguish these very close concepts, as well as subjects to theoretical analysis the possibility of restrictions on the permissible issues to be submitted for referendum (in terms of state personnel policy).

Keywords: referendum, plebiscite, consultative national vote, elections, public power, people's representation, political system

Financing: the publication was prepared within the framework of the state assignment for 2024 No. 085102020-0033 “Transformation of private and public law in the evolution of the individual, society and state”.

For citation: Gutorova A. N. Some aspects of guaranteeing people's trust by institutions of direct democracy // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 99–113; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-99-113>.

Введение

Референдум, несомненно, играет важную роль в конституционно-правовом регулировании и общественно-политической практике современной России. О. Н. Коломытцева определяет референдум как средство «прямого общественного контроля» граждан над официальной публичной властью [1, с. 158]. Т. Е. Грязнова объясняет «востребованность» институтов прямой демократии, включая референдум, «усилением зависимости исполнительной власти от общественного мнения» [2, с. 30]. В. Н. Мамичев считает референдум средством «демократизации государства» [3, с. 169]. Весьма удачно смысл референдума охарактеризовал В. Руденко, утверждая, что это – «логическое развитие всеобщего избирательного права» и «применение механизма всеобщего голосования» не только к формированию народного представительства, но и «к выбору необходимых законов», а также к «решению важнейших вопросов общественной жизни» [4, с. 10].

В данном высказывании точно подмечено, что референдум – это своего рода использование «механизма выборов», но «не для выборов». Избирательный процесс исторически первичен, изначально в государственно-правовой практике существовали именно выборы. Однако с течением времени государственно-правовые системы стали применять методологию избирательной системы для других целей – публичного правотворчества и решения вопросов публично значимого характера. Используя образное сравнение на основе инструментария цивилистической науки, можно сказать, что референдум – это некий «дочерний» институт публичного права, историко-правовым «учредителем» которого выступила избирательная система. Причем с течением времени референдумы обрели значительную самостоятельность и стали служить средством, которое не просто «дополняло» классическую избирательную систему, но даже стало «конкурировать» с ней на равных основаниях и притязать на превосходство и замещение [5].

Этому имеется теоретическое обоснование в политико-правовой мысли прошлого, в частности, в трудах Ж.-Ж. Руссо. Французский мыслитель, значительно опережая свою эпоху и государственно-правовую практику, противопоставлял прямую демократию ее представительной форме и доказывал, что именно непосредственное народовластие

считается подлинным. Критикуя «трибуналы» (под ними Ж.-Ж. Руссо понимал «блюстителей законов и законодательной власти»), он предупреждал об опасности, что они могут «вырождаться в тиранию, когда узурпируют исполнительную власть, которую они должны лишь умерять, и хотят издавать законы, которые должны лишь блюсти»¹. Законотворчество, по его мнению, представляет собой, главным образом, прямую народную прерогативу.

Так или иначе, практический конституционализм современных государств XXI века методологически отвергает подобную практику. Законотворчество осуществляется парламентами, которые выгодно отличаются от референдумов своей организованностью, возможностью обсуждения и корректировки законодательных актов, использованием ряда конституционных балансирующих механизмов (вето главы государства, судебный конституционный контроль и др.). Следует согласиться с С. Бартоле в том, что «несмотря на тенденции недавнего времени, связанные с поиском возможностей прямого участия электората в процессах принятия решений», современный конституционализм ориентирован на то, чтобы «оставить принятие основных политических и конституционных решений парламентам», поскольку последние «гарантируют дискуссионность и дают всем политическим партиям право голоса» [6, с. 156]. С другой стороны, прямая демократия в современном обществе больше не противопоставляется народному представительству. Считается, что референдум и выборы депутатов могут эффективно *сосуществовать* друг с другом, *взаимно дополняя и сдерживая* неэффективные публично-правовые действия, как граждан, так и парламентариев.

Методы

Методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания: сравнительно-правовой, историко-правовой, комплексного анализа, сравнения и обобщения. Для выявления сходства и различий выборов, референдума, плебисцита и народного голосования использовался сравнительно-правовой метод. Историко-правовой метод способствовал выявлению целей и задач проведенных референдумов в постсоветской России. Применение метода комплексного анализа позволило использовать в работе выводы иных наук (философии и др.), методы сравнения и обобщения позволили сформулировать выводы проведенного исследования.

Результаты

Референдум – это самостоятельная форма народовластия, которая схожа с выборами главным образом юридическими процедурами (процессуально-правовое регулирование назначения выборов или референдума, формирования избирательных комиссий или комиссий референдума, регламентация порядка агитационной кампании, тайного голосования, подсчета голосов и определения результатов прямого волеизъявления граждан). При этом выборы должны проводиться *периодически*, соблюдая *конституционный срок легислатуры*, в то время как референдумам имманентно присуща *инициативная природа*, если закон напрямую не обязывает органы публичной власти к исключительно прямому демократическому волеизъявлению граждан, запрещая разрешение соответствующих вопросов народному представительству или тем более государственным или муниципальным чиновникам (в законодательстве современной России подобные случаи упоминаются в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»², когда речь идет, например, о преобразовании муниципальных образований или об изменении их границ).

В. В. Шаханов и М. В. Бачернихина квалифицируют референдум как «метафеномен в сфере взаимодействия публичной власти и общества», понимая под «метафеноменальностью» в данном случае «указание направления взаимодействия» и установление «сущностной доминанты» этого процесса. По мнению авторов, референдум является «вершиной в сфере осуществления народовластия, гарантией отсутствия узурпации власти», с чем связана «проблема его широкого использования» [7, с. 118]. Данную позицию можно подвергнуть критическому осмыслению в том смысле, что здесь наблюдается чрезмерное противопоставление институтов прямой и представительной демократии. В действительности же они призваны взаимно дополнять друг друга. Нельзя согласиться с тем, что референдум – некая «вершина» народовластия, потому что не менее

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре : Трактаты. – Москва: Терра – Книжный клуб, 2000. – С. 305–306.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

значимыми являются выборы, посредством которых граждане делегируют депутатам и выборным должностным лицам принадлежащую народу суверенную власть. Важной гарантией отсутствия узурпации власти являются сроки полномочий выборных органов, юридическое обеспечение равенства пассивного избирательного права, возможность судебной защиты от необоснованного отказа в регистрации кандидатов избирательными комиссиями, в более широком контексте – конституционная система «разделения властей» («сдержек и противовесов»), институт надзаконодательных прав и свобод человека и гражданина, которые гарантированы Конституцией Российской Федерации и не могут нарушаться публичными властями и т. д.

Конституционный институт референдума имеет не только важные достоинства, но и существенные недостатки (невозможность обсуждения на уровне парламентских дебатов, сложности с пересмотром решения, дополнительные бюджетные расходы на организацию и др.)³. Это, однако, не ставит под сомнение *необходимость* использования референдума в современном обществе *наряду* с публичными выборами. Полагаем спорной квалификацию референдума как «метафеномена» и «вершины» народовластия в духе цитируемого выше Ж.-Ж. Руссо. В действительности конституционно-правовой статус референдума выглядит значительно «скромнее» ввиду ряда альтернативных и не менее значимых конституционно-правовых форм выражения суверенитета народа. Хотя, конечно, конституционную значимость референдума не следует и преуменьшать, тем более – отрицать его позитивное воздействие на демократические отношения, способность сдерживать не только «узурпацию» власти, но и вообще неэффективные, непродуманные, ошибочные решения чиновников, которые расходятся с подлинным общественным мнением и не служат конституционной цели реализации прав и законных интересов граждан.

Д. В. Галушко отмечает, что референдумы не всегда используются в целях выявления степени доверия граждан к публичной власти. Их задачей может быть легитимация независимости государств, разрешение территориальных споров, определение отношения к членству в международных организациях, союзах государств [8, с. 168] и т. д. Вместе с тем в постсоветской России на федеральном уровне референдумы всегда имели либо официальный, либо дополнительный к официальному подтекст, предполагающий *оценку избирателями имеющегося политического курса*, что фактически предполагает *оказание доверия или отказ в доверии действующим политическим лидерам*, которые данный политический курс определяют и претворяют в жизнь в соответствующий исторический период.

Так, референдум 1991 года служил цели народной поддержки курса М. С. Горбачева на обновление и одновременно с этим сохранение СССР; апрельский референдум 1993 года – выявление официального общественного мнения об альтернативных политических приоритетах в деятельности президентской (Б. Н. Ельцин) и депутатской (Р. И. Хасбулатов) власти. Эти политики не смогли достичь взаимопонимания и нуждались в прямом народном волеизъявлении (причем результаты референдума каждой из противоборствующих сторон были оценены в свою пользу, что привело к кризису власти в конце 1993 года). В свою очередь, на декабрьский конституционный референдум 1993 года фактически выносился вопрос не только о принятии Конституции Российской Федерации, но и о доверии политике Президента Российской Федерации, включая его действия по отношению к депутатам Верховного Совета Российской Федерации, конституционная реформа под эгидой институционального укрепления президентской формы конституционного правления. Аналогичным образом можно квалифицировать и консультативное голосование граждан в 2020 году: соглашаясь или отвергая конституционную новеллу о порядке исчисления сроков полномочий Президента Российской Федерации [9], граждане фактически высказывались о доверии действующему главе государства и определяемому им политическому курсу страны.

Использование института референдума в вышеуказанных целях (т. е. для осуществления *официального мониторинга текущего доверия избирателей к политике государства и к конкретным политическим персонам*), на наш взгляд, не следует оценивать критически, хотя и нужно признать, что в зарубежных конституционных демократиях эту функцию, как правило, осуществляет избирательная система, и лишь косвенно – институт референдума.

Если политическая система является многопартийной с достаточным уровнем мирного соперничества политических сил, парламент становится эффективной площадкой для развернутой политической дискуссии, что невозможно полноценно организовать в процессе агитационной кампании по референдуму и при соответствующем тайном

³ Астафичев П. А. Конституционное право России : учебник. – Москва: РИОР, 2018. – С. 108–111.

голосовании граждан. При этом очевиден и обратный эффект: в условиях недостаточной степени межпартийной конкуренции (даже если она присутствует, но лишь отчасти), значение референдума как формы выражения доверия граждан к политическому курсу и политическим лидерам соразмерно возрастает. Возможно, данным обстоятельством во многом объясняется специфика вопросов, которые фактически выносились на императивные и консультативные референдумы (народные голосования) в постсоветской России начиная с 1991 года.

Современное российское конституционное законодательство использует категории «референдум» и «голосование граждан». В доктринальных источниках также нередко можно встретить термин «плебисцит». В связи с этим возникает теоретико-методологический вопрос: считать ли эти категории близкими, тождественными или различными. В юридической литературе на этот счет нет единства. Так, А. Е. Кожахметова считает, что «с юридической точки зрения» различий между референдумом и плебисцитом нет, но имеется «стилистическое различие»: плебисцитом, по мнению автора, называют референдумы по вопросам «судьбоносного характера» (например, всенародное голосование 1991 года по вопросу о сохранении СССР) [10, с. 33]. Исходя из этой логики, имеются основания полагать, что существуют референдумы, которым не присущи признаки плебисцита. Таковыми являются, если исходить из логики цитируемого автора, случаи прямого народного волеизъявления «не судьбоносного», т.е. обычного, ординарного характера. Однако сложно представить случай, при котором какой-либо вопрос выносился на народное голосование с тайным волеизъявлением, но при этом не представлял бы значительной общественной важности. Как правило, ординарные и текущие вопросы публичной политики официальные власти решают самостоятельно, без привлечения внимания общественности и, тем более, вынесения вопроса на голосование с тайным волеизъявлением избирателей. В связи с этим, на наш взгляд, признак «существенности вопроса» при разграничении понятий референдума и плебисцита не является достаточно обоснованным с конституционно-правовых позиций.

Н. В. Петухова со ссылкой на ряд авторитетных источников (В. Т. Кабышев, В. В. Макалов, В. В. Комарова, М. В. Баглай), считает «традиционным» суждение о том, что основным отличием плебисцита от референдума является «особый предмет голосования» (выражение народом доверия органу, личности или проводимой ими политике, а также одобрение территориальных изменений). При этом Н. В. Петухова полагает доказанной устойчивостью мировой практики, что наряду с этим критерием «другим отличительным признаком» плебисцита является его «иницирование органами государственной власти» [11, с. 78].

Сложность истолкования данных терминов во многом предопределяется, на наш взгляд, их иностранным происхождением. Английское слово “plebiscite” в обычном контексте толкуется как “a direct vote of the people of a country to decide a matter of national importance”, в то время как “referendum” – это “a direct vote by all the people to decide about something on which there is strong disagreement, instead of the government making the decision”⁴. Как наглядно видно, ключевым признаком плебисцита здесь является “a matter” of national importance; критерием же наличия референдума – something on which there is “strong disagreement”, усиленное “instead of the government making the decision”. В переводе на русский язык (который в данном случае оказывается не вполне приспособленным к соответствующей дифференциации ввиду весьма противоречивой и не вполне последовательной конституционно-законодательной практики) плебисцит – это «решение вопросов» (особой национальной важности), в то время как референдум – решение тоже весьма важных вопросов, но тех из них, по которым в обществе имеются существенные разногласия, причем это составляет компетенцию официальных властей [12].

Если следовать данной конституционно-правовой методологии, то плебисцит представляет собой «разрешение вопросов» путем всеобщего голосования, где нет острого противостояния точек зрения, и это не составляет компетенцию органов государства. В отличие от него референдум предполагает высокую степень дискуссионности подходов к разрешению общественно значимых проблем и принятие народного решения если не «вопреки», то, во всяком случае в институциональной конкуренции с актами, которые уполномочены принимать официальные власти в лице компетентных государственных и муниципальных органов.

Если руководствоваться лишь критерием «наличия или отсутствия компетенции государственных и муниципальных органов», то референдум и плебисцит можно сравнительно легко разграничить. В данном контексте, например, союзный референдум 1991 года

⁴ Словарь современного английского языка : в 2-х т. – Москва: Русский язык, 1992. – Т. 2. – С. 789; 872.

был фактически плебисцитом (так же, как и апрельский референдум России 1993 года), поскольку на эти всенародные голосования выносились «вопросы», не сопряженные с принятием каких-либо правовых актов, что составляет компетенцию уполномоченных органов публичной власти. В свою очередь декабрьский российский референдум 1993 года, равно как и «народное голосование» 2020 года (формально не считающееся референдумом), были в действительности референдумами, хотя в 1993 году народное голосование было императивно-обязывающим, а в 2020 году – консультативно-рекомендательным.

Если же критерием разграничения референдума и плебисцита считать наличие или отсутствие существенных разногласий между публичной властью и гражданским обществом (something on which there is strong disagreement), то народные голосования 1991 года в СССР, апрельский и декабрьский референдумы 1993 года в России были именно референдумами (не плебисцитом). Что же касается весьма специфической формы народного голосования в поддержку (либо против – в зависимости от воли избирателей) проекта конституционных поправок от 2020 года – это следовало бы в данном контексте квалифицировать в качестве плебисцита (поскольку существенных разногласий между властью и обществом здесь не наблюдалось, официальные политики стремились лишь «заручиться поддержкой» не просто предполагаемой, но и социологически спрогнозированной волей электората) [13, с. 75].

Полагаем, что если бы в ст. 3 Конституции Российской Федерации в качестве «высших форм выражения власти народа» наряду с «референдумом» и публичными «выборами» значился бы также «плебисцит», то юридической науке, а вслед за этим – законодательной и правоприменительной практике, пришлось бы выявлять критерии соответствующих конституционно-правовых категорий и разграничивать их в целях исключения противоречивой конституционно-правоприменительной практики. Однако в отечественном законодательстве начиная с поздних советских времен и до настоящего времени закрепился термин «референдум», в то время как категория «плебисцит» не нашла адекватного юридического выражения.

Исключительно императивно-обязывающая форма института референдума потребовала возрождения ряда альтернативных форм, каковыми явились «народные голосования» (сначала – для целей организации местного самоуправления, затем – чтобы обеспечить легитимность официального народного волеизъявления по отношению к юридически принятому решению о поправках в главы 3–8 Конституции в 2020 году при неизменности регулирующего воздействия на общественные отношения, что закреплено в главах 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации) [14]. Вследствие этого спор о разграничении конституционно-правовых понятий «референдум», «плебисцит» и «народное голосование» имеет скорее теоретико-методологическую, чем практически-прикладную направленность. Кроме того, использование данных категорий существенным образом различается в зависимости от того, идет ли речь о конституционном праве современной России или о конституционном праве зарубежных стран.

В предложенной нами интерпретации разграничения понятий «референдум» и «плебисцит» несложно заметить, что термин «плебисцит» в большей степени применим для целей выявления и выражения народного доверия, чем «референдум». Власть не может доверять или не доверять сама себе. Доверие – это *народное* отношение к власти. В силу этого вопрос о народном доверии не может относиться к компетенции государственных органов. С другой стороны, именно по вопросу доверия или недоверия в обществе может развернуться настолько острое и полярное противостояние мнений, что более подходящим был бы, напротив, термин «плебисцит». Учитывая категорический отказ от использования российским законодателем термина «плебисцит», а также исключительно властно-императивную форму референдума (в силу действующего законодательства референдум не может быть консультативным), мы будем исходить из следующего терминологически-категориального решения. Под *референдумом* следует, на наш взгляд, понимать *непосредственное решение гражданами путем тайного голосования вопросов публичной значимости*. Альтернативой референдуму является *«консультативное народное голосование»* (этот термин мы предлагаем для введения в научный оборот и законодательную практику). Что касается плебисцита, то этот термин может употребляться в научной литературе для дополнительной характеристики как референдума, так и консультативного народного голосования. *Плебисцит – это такая форма референдума или консультативного народного голосования, при которой решается вопрос публичной значимости, который не сопряжен с компетенцией органов государственной власти и местного самоуправления*. При характеристике императивного волеизъявления граждан и консультативного голосования избирателей

в целях выражения доверия или недоверия осуществляемой политике и действующим политическим лидерам, термин «плебисцит» является более точным и в силу этого предпочтительным.

Проблема доверия является одной из ключевых при организации референдумов и консультативных народных голосований в форме плебисцитов. С. В. Чешко считает, что вопрос о доверии или недоверии «действительно обычно оказывается определяющим в любых выборах и плебисцитах» ввиду «концентрации факторов» и «зачастую неосознаваемой людьми мотивации их электорального поведения» [15, с. 158]. В частности, по мнению Е. В. Небольсиной, заметную роль в мотивации англичан при голосовании на референдуме «Brexit» сыграл фактор подрыва доверия, чему способствовал массмедийный скандал о расходах (в 2009 году в британскую прессу попали документы о бесконтрольных расходованиях бюджетных средств парламентом, что вызвало широкий общественный резонанс) [16, с. 62]. С точки зрения Д. А. Каплуновой, не подлежит сомнению, что «последнее время ЕС и его институты сталкиваются с проблемой доверия и легитимности со стороны граждан». Главная причина автору видится в том, что «Евросоюз так и не предоставил европейцам чувства единения и общности» [17, с. 160].

Утрата доверия или возникновение сомнений в доверии будоражат партии и их электорат, оживляют общественно-политическую жизнь страны и нередко приводят к народным инициативам назначения того или иного референдума или плебисцита. Так, в 2018 году несколько инициативных групп, включая КПРФ, пытались выразить инициативу о проведении референдума по вопросу о повышении пенсионного возраста. Центральная избирательная комиссия РФ отказала в данной инициативе со ссылкой на имеющиеся нарушения в подаваемых документах. В данном случае речь фактически шла об утрате доверия к важному направлению государственной политики (вне зависимости от того, кем она проводится и претворяется в жизнь), если такая публичная деятельность направлена на повышение пенсионного возраста. Примечательно, что законодатель, несмотря на негативные настроения в общественном мнении, в конце концов внес изменения в пенсионное регулирование: согласно ст. 8 Федерального закона «О страховых пенсиях»⁵ в редакции от 3 октября 2018 г.⁶, право на страховую пенсию по старости сегодня имеют лица, достигшие возраста 65 (мужчины) и 60 (женщины) лет.

В то же время многие референдумы и консультативные народные голосования лишены признаков плебисцита. Об этом свидетельствует, в частности, опыт региональных референдумов в постсоветской России. Так, референдум о переносе столицы Республики Коми из г. Сыктывкара в г. Ухту должен был пройти в данной Республике 18 марта 2018 г. одновременно с выборами Президента Российской Федерации, однако данная инициатива до конца осуществлена не была, так как избирательная комиссия республики отказала в проведении референдума со ссылкой на многочисленные нарушения при сборе подписей граждан в поддержку инициативы. Примечательно, что ключевые мотивы инициаторов данного референдума были лишены каких-либо признаков, связанных с доверием или недоверием публичной власти. Здесь, конечно, имелся определенный политический подтекст (стремление улучшить социально-экономическое благополучие и уровень жизни населения Ухты путем изменения приоритетов в региональной государственной политике) [18, с. 24], однако это был бы именно референдум, не плебисцит (в республиканском сообществе имелось существенное разногласие, делать ли столицей республики город Ухту или сохранить столичный статус за городом Сыктывкар).

В Волгоградской области 18 марта 2018 г. прошел референдум о местном времени. Большинство избирателей (около 60 %) проголосовало за переход области в часовую зону на час больше по сравнению с московским временем. Это был фактически консультативный референдум, поскольку на голосование ставился вопрос о законодательной инициативе Волгоградской областной Думы в Государственной Думе. В конечном итоге соответствующий федеральный законодательный акт был принят и местное время изменено на час вперед. Примечательно, что указанная проблематика практически совсем не связана с фактором доверия или недоверия населения к областной публичной власти. С теоретико-методологических позиций это «консультативное народное голосование», лишенное признаков плебисцита.

Данному выводу, казалось, можно было бы найти возражение, что с формальной стороны соблюдались требования императивного референдума (граждане «решили»,

⁵ О страховых пенсиях : Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СЗ РФ. – 2013. – № 52. – Ст. 6965.

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий : Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ // СЗ РФ. – 2018. – № 41. – Ст. 6190.

что региональный парламент «должен внести законодательную инициативу» в Государственную Думу, и воля народа представительным органом субъекта Российской Федерации была исполнена). Однако в действительности, на наш взгляд, это не референдум, но консультативное народное голосование, поскольку Государственная Дума не связана волей избирателей одного лишь субъекта страны и была вправе воспользоваться своим конституционным правом на законодательную дискрецию даже несмотря на высокое конституционно-правовое значение всеобщего и тайного волеизъявления соответствующих граждан в масштабах одного из субъектов Федерации. Примечательно, что в 2020 году одновременно с общероссийским голосованием по поправкам к Конституции Российской Федерации состоялось новое волеизъявление граждан, проживающих в Волгоградской области, вследствие которого был осуществлен возврат к московскому времени.

Данное обстоятельство наглядно показывает, что многие общественно-политические вопросы целесообразно решать парламентским путем, не прибегая к инструментарию референдума или консультативного народного голосования, поскольку обстоятельства могут измениться и потребовать новых решений, включая пересмотр предыдущих [19]. Изменение собственных решений всегда выглядит сомнительным, однако оно имеет значительно меньший общественный резонанс, если осуществляется парламентом или конституционным судом. Когда же граждане путем референдума сначала принимают решение о переходе на местное время, затем – о возврате к первоначальному московскому времени, слишком очевидной выглядит политическая ошибка, которая заключалась в отсутствии необходимости вообще рассматривать данный вопрос путем референдума. Его следовало, на наш взгляд, отнести к компетенции законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации.

Это актуализирует вопрос о юридическом институте *поворота к лучшему*⁷ в вопросе о выражении недоверия. Данная проблема обходится умолчанием не только в российском законодательстве, но и в конституционном праве зарубежных стран. С теоретико-методологических позиций кажется очевидным, что поворот к лучшему должен был бы допускаться правовым регулированием (граждане, например, сначала выражают недоверие политику или политическому курсу, затем же через какое-то время голосуют о доверии, пересматривая прежнюю позицию). Однако негласная традиция конституционных правоотношений свидетельствует о *необратимости* данных процессов. Если политику или политическому курсу путем плебисцита высказывается народное недоверие, такой политик или группа политиков должны подать в отставку и больше не возвращаться к политической деятельности. Объясняется это конституционным принципом ротации. Политические отношения требуют обновления, современных подходов, эффективных решений, но не стагнации, застоя и замедления темпов социального развития. С другой стороны, государственно-правовая история России и зарубежных стран знает много примеров, когда те или иные политические лидеры теряли свои позиции (попадали в «царскую опалу», становились объектами «шквальной критики» в СМИ и др.), но затем возвращались к политической деятельности и даже демонстрировали весьма высокие успехи на этом поприще. В связи с этим поворот к лучшему в вопросе о народном доверии, по нашему мнению, не следует полностью исключать как в общественно-политической практике, так и в конституционно-правовом регулировании общественных отношений.

В отличие от советского периода отечественной политико-правовой истории, в современной России наблюдается сравнительно полное и весьма подробное правовое регулирование общественных отношений в сфере референдума. В частности, в правовой системе страны в настоящее время действуют Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации»⁸, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁹, Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»¹⁰ (последний

⁷ Мы используем данный термин как диаметрально противоположность общепризнанного в юридической науке института «поворота к худшему» (см., например: Смирнов А. В. О возвращении судом дела прокурору при повороте обвинения к худшему // Российское правосудие. – 2008. – № 5 (25). – С. 85; Дикарев И. С. Запрет поворота к худшему при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений // Российская юстиция. – 2013. – № 3. – С. 60).

⁸ О референдуме Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

⁹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

¹⁰ О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4916.

из указанных нормативных правовых актов регулирует использование института референдума при разрешении ряда территориальных преобразований в структуре субъектов Федерации). Имеется сравнительно развернутая практика Конституционного Суда Российской Федерации по данным вопросам¹¹. На наш взгляд, в целом это следует оценивать как положительное явление, поскольку правоприменительные органы оказываются связанными законодательными положениями, что исключает произвольность их действий или бездействия. С другой стороны, некоторые из положений перечисленных и других законодательных актов вызывают ряд критических суждений. Это имеет большое значение для реализации конституционной задачи повышения государственно-правовой эффективности законодательного обеспечения права суверенного народа на выражение доверия или недоверия действующей публичной власти в силу требований ст. 3 Конституции Российской Федерации.

Прежде всего подчеркнем неоднозначность для правовой системы страны регулирования федерального референдума одновременно двумя законами дифференцированного конституционно-правового статуса: федеральным конституционным законом и федеральным законом. Данному состоянию правового регулирования довольно сложно найти какое-либо логическое объяснение, поскольку федеральные конституционные законы имеют ряд принципиальных отличий от федеральных законов в силу требований действующей Конституции Российской Федерации. В их числе, во-первых, различная юридическая сила (федеральные конституционные законы по юридической силе выше, чем федеральные законы), во-вторых, особый порядок принятия (федеральные конституционные законы требуют квалифицированного большинства голосов парламентариев, в то время как федеральные законы принимаются простым большинством), в-третьих, предопределенность содержания федеральных конституционных законов предписаниями Основного закона страны (федеральные конституционные законы могут приниматься только по тем вопросам, которые прямо перечислены в Конституции Российской Федерации)¹².

При подобных обстоятельствах, по нашему мнению, возможны следующие альтернативные юридические решения. При первом из них конституционное требование о регулировании отношений референдума федеральным конституционным законом (безотносительно к тому, идет ли речь о федеральном, региональном или местном референдуме) интерпретируется расширительно. В этом случае законодатель обязан урегулировать отношения в сфере референдума федеральным конституционным законом, исключив соответствующие положения из других федеральных законов. Такие акты имели бы повышенную юридическую силу и касались бы всех видов референдумов. Возможно и другое конституционно-правовое решение: федеральный конституционный закон о федеральном референдуме ограничивается минимумом, в чем именно нормы этого правового акта и должны обладать повышенной юридической силой. Все остальное составляет сферу правового регулирования обычного закона (в действующей правовой системе – Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹³). Несмотря на эту логику, действующее правовое регулирование поддерживает своего рода «гибридную» форму из вышеназванных альтернативных подходов, причем именно эта смешанность в методах и теоретико-методологических предпочтениях представляет собой источник существенных разногласий субъектов конституционных правоотношений, подпитываемым имеющимися институциональными противоречиями в ключевых подходах к регулирующей функции законодательной власти в данных вопросах.

Обратимся к нормативным положениям Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации»¹⁴. С точки зрения заявленной темы исследования (обеспечение доверия граждан к органам публичной власти и их деятельности), важнейшее значение имеют нормативные положения ч. 5 ст. 6, согласно которым на федеральный референдум не могут выноситься вопросы, во-первых, «досрочного прекращения или продления срока полномочий выборных лиц, об их досрочных выборах или о перенесении сроков выборов»; во-вторых, «об избрании, назначении на должность, досрочном прекращении (приостановлении, продлении) полномочий лиц, которые замещают федеральные государственные должности»; в-третьих, «о персональном

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.06.2003 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 25. – Ст. 2564.

¹² Егорова Н. Е. Федеральный закон как источник конституционного права России : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2009. – С. 8; Шеголев И. Б. Место и роль федеральных конституционных законов в системе российского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – С. 85–90.

¹³ СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

¹⁴ СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

составе федеральных государственных органов». Иначе эти законоположения можно интерпретировать так, что *вопросы государственной политики в области кадров находятся вне сферы референдума* и составляют либо прерогативу избирательной системы, либо сферу конституционной компетенции уполномоченных на то Конституцией Российской Федерации и законом органов публичной власти и их должностных лиц [20, с. 233].

Вопрос об институциональной конкуренции институтов выборов и референдумов получил достаточно активное освещение в доктринальных разработках. Кроме того, ему была дана ясная и четкая оценка со стороны Конституционного Суда Российской Федерации¹⁵: институты выборов и референдума, согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации, равнозначны по конституционно-правовому смыслу, их статус является соразмерным. Вследствие этого федеральный законодатель был вправе по своему усмотрению (не нарушая при этом Конституцию Российской Федерации) вводить запреты, направленные на преодоление институциональной конкуренции между ними. Если, например, выбрать в качестве объекта научного анализа предмет апрельского референдума России 1993 года, то становится очевидным, что в условиях действующего (в наши дни) законодательного решения как минимум два вопроса из четырех считались бы противоправными сегодня (хотя в апреле 1993 года они являлись не просто правомерными, но и фактически были вынесены на всенародное голосование и волеизъявление граждан по ним состоялось) [21].

Полагаем, что в этой части логика конституционного правосудия выглядит законной и обоснованной. Если на референдум выносятся вопросы типа «Считаете ли вы необходимым досрочное прекращение полномочий...», после чего в вопросе референдума указываются конкретные выборные органы или должностные лица публичной власти, то тем самым фактически на референдум выносится вопрос роспуска или досрочного отзыва соответствующих выборных органов и должностных лиц. Полагаем, что *референдум, роспуск и досрочный отзыв – это разные конституционно-правовые институты*, которые имеют дифференцированную государственно-правовую природу и не могут рассматриваться как идентичные. Для их инициативы требуются различные правовые основания и процедуры. Если законодатель исключает досрочный отзыв Президента Российской Федерации и депутатов Государственной Думы – это его сознательная правовая позиция, которая не должна преодолеваться альтернативным институтом федерального референдума даже со ссылкой на ст. 3 Конституции Российской Федерации о народном суверенитете и о верховенстве выборов и референдума как высших форм проявления принципов конституционной демократии.

Однако, соглашаясь с этим, мы вынуждены идти дальше, потому что анализируемые положения ч. 5 ст. 6 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» исключают возможность доверительного или антитеверительного волеизъявления граждан *по всем другим вопросам кадровой политики, даже если это не составляет институциональную конкуренцию избирательной системе* страны [22]. В данном случае анализируемые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации теряют свое юридическое значение и могут в лучшем случае иметь лишь некоторое *ориентирующее значение* для оспариваемого правового регулирования (если с этим согласится Конституционный Суд Российской Федерации) в силу принципа *аналогии права* (здесь возможно, например, конституционное судопроизводство без проведения слушания).

Полагаем, что имеющийся юридический запрет вынесения на федеральный референдум вопросов о «назначении на должность, досрочном прекращении (приостановлении, продлении) полномочий лиц, которые замещают федеральные государственные должности», равно как «о персональном составе федеральных государственных органов», выходит за рамки имеющихся правовых позиций конституционного правосудия и представляет собой вероятное поле для обжалования заинтересованных лиц в Конституционном Суде Российской Федерации, что не исключает для них благоприятной судебной перспективы [23]. Если ст. 3 Конституции Российской Федерации определяет референдум наряду с выборами высшей формой непосредственного выражения власти народа, любое излишнее правоограничение в отношении допустимых вопросов референдума становится объектом критического восприятия не только представителей конституционно-правовой науки, но и значительного числа практикующих участников юрисдикционных процессов.

Обращаясь к возможности приложения данных теоретико-методологических тезисов к правоприменительной практике, предположим гипотетическую инициативу граждан по

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.03.2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В. И. Лакеева, В. Г. Соловьева и В. Д. Уласа» // СЗ РФ. – 2007. – № 14. – Ст. 1741.

вопросам об их доверии к федеральным министрам, руководителям федеральных агентств и служб, Генеральному прокурору Российской Федерации, руководителям Счетной палаты Российской Федерации, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и т. д. Действующее правовое регулирование полностью исключает постановку подобных вопросов на всенародное голосование в силу прямого запрета федерального конституционного закона. Однако здесь отсутствует какая-либо институциональная конкуренция с избирательной системой, на что опирался Конституционный Суд Российской Федерации при разрешении споров о соответствии оспариваемого законодательного регулирования Конституции Российской Федерации. В данном случае речь идет о юридической недопустимости народного волеизъявления по вопросам, составляющим конституционную прерогативу высших органов государственной власти (главным образом – Президента Российской Федерации и обеих палат Федерального Собрания).

Подобные казусы вполне вероятны в многообразной государственно-правовой жизни современного общества (хотя и в ряде крайних, исключительных случаев). Граждане могут доверять Президенту Российской Федерации, но не доверять ряду назначаемых им (единолично или по согласованию с парламентариями) должностных лиц. Аналогичным образом возможно доверие граждан Совету Федерации или Государственной Думе, но их недоверие назначаемым ими лицам, которые замещают соответствующие государственные должности. Более того, народное недоверие может распространяться и на государственных служащих, которые не замещают государственные должности в силу действующего законодательства о государственной службе, что напрямую не запрещено законодательством о референдумах [24], но едва ли мыслимо на практике в силу *формирующейся традиции исключительного запрета выносить вопросы государственной кадровой политики на референдумы*. Вместе с тем следует подчеркнуть, что каких-либо запретов на этот счет в ст. 3 Конституции Российской Федерации нет, и это вряд ли можно объяснить ссылкой на ограничительные правовые основания по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

При подобных условиях речь, разумеется, не идет о каких-либо упрощенных процедурах. Недоверие граждан к лицам, которые замещают федеральные государственные должности, если эти должности не являются выборными по смыслу Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁶, – это, действительно, институт, который основан на *экстраординарных юридических обстоятельствах*. Такого не следовало бы допускать в обычной и традиционной государственно-правовой жизни.

Вместе с тем сравнительный анализ нормативных требований ст. 3 Конституции Российской Федерации ст. 6 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации»¹⁷ позволяет предполагать наличие необоснованного законодательного запрета, который не в полной мере, на наш взгляд, увязывается с конституционными положениями (даже несмотря на статус федерального конституционного закона, которым соответствующее правоограничение было установлено). Полагаем, что *государственная кадровая политика сама по себе не составляет исключительную прерогативу государственных органов и не может полностью исключаться из сферы решения граждан путем референдума*, особенно если речь идет о статусе лиц, которые не подпадают под действие избирательного законодательства. Аргументируется это конституционным императивом о том, что носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный российский народ, который вправе выразить свою волю в случаях, когда этого действительно объективно требуют соответствующие государственно-правовые обстоятельства экстраординарного характера.

Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации»¹⁸ устанавливает необходимость предварительного конституционного контроля вопросов, которые предполагаются для вынесения на федеральный референдум (ч. 1 ст. 23). Этому предшествует механизм сбора подписей инициативной группы и соответствующий процессуальный акт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, но главное – корреспондирует институциональное решение законодателя об исключительном полномочии Президента Российской Федерации на назначение федерального референдума.

Анализ научной литературы, особенно законодательной практики до конституционной реформы 1993 года показывает, что данное законодательное положение

¹⁶ СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

¹⁷ СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

¹⁸ Там же.

не всегда поддерживалось правовой системой страны, однако любое из соответствующих решений рискует быть отвергнутым как юридическим сообществом, так и гражданским обществом. Имеющаяся модель президентского назначения референдума при условии предварительного конституционного контроля посредством реализации компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, на наш взгляд, имеет существенные институциональные преимущества, хотя и может быть подвергнута критическому осмыслению ввиду ряда альтернативных государственно-правовых обстоятельств.

Президентское назначение федерального референдума имеет преимущество в юридической возможности альтернативного нормативно-правового или политического решения народом вопросов *вопреки мнению и воле парламентско-коллегиального состава органов народного представительства*. В конституционном государстве глава страны не имеет законодательной власти, она принадлежит парламенту. В силу конституционного принципа «сдержек и противовесов» глава государства вынужден «договариваться» с парламентом, «аргументировать» свои нормативно-правовые и политические решения под угрозой срыва президентской воли квалифицированным парламентским меньшинством.

В случае, когда глава государства и парламент страны демонстрируют солидарную политико-правовую позицию, подобных проблем в государственно-правовой практике не возникает. Однако не исключены случаи, когда воля коллегиальных органов народного представительства перестает выражать подлинные интересы электората и глава государства вынужден апеллировать к прямому народному волеизъявлению, предполагая поддержку его альтернативной (в отношении парламентской воли) политики. В российской историко-правовой действительности такие случаи имели место, как известно, например, в апреле 1993 года. При подобных обстоятельствах президентская форма назначения федерального референдума представляется предпочтительной. Этому выводу, полагаем, не препятствует тот факт, что в современной России полномочия Президента Российской Федерации весьма широки и они, отчасти, вносят определенный дисбаланс в систему разделения властей. Возможно, некоторые полномочия главы государства следовало ограничить парламентскими прерогативами «сдержек и противовесов», однако это не должно было бы затрагивать сферу назначения федерального референдума.

Полагаем существенным достоинством действующего правового регулирования на уровне федерального конституционного закона, согласно которому президентские полномочия по назначению федерального референдума сбалансированы не столько компетенцией палат Федерального Собрания, сколько полномочиями Конституционного Суда Российской Федерации, осуществляемыми в форме предварительного конституционного нормоконтроля. В случае конфликта в вопросе о назначении федерального референдума глава государства и парламент страны находятся в состоянии институциональной оппозиции, поскольку парламент страны и так может принять соответствующее решение в законодательной форме, ему не требуется прямая апелляция к волеизъявлению народа в силу верховенства закона и подзаконного характера любого президентского акта, будь то нормативно-правовой документ или правоприменительное решение (за исключением случаев, когда полномочие главы государства предусмотрено в Конституции Российской Федерации и не может быть пересмотрено парламентом в обычной законодательной процедуре). Подчеркнем, что предварительный конституционный контроль решений, которые могли бы приниматься посредством федерального референдума, представляет собой важный балансирующий механизм в конституционной системе «сдержек и противовесов», поскольку он не позволяет Президенту Российской Федерации в отсутствие воли судей Конституционного Суда Российской Федерации принимать решение о проведении всенародного императивного голосования.

Вместе с тем следует усматривать и ряд конституционно-институциональных недостатков в механизме назначения референдума главой государства, даже если эта прерогатива сбалансирована полномочиями Конституционного Суда Российской Федерации. Устанавливая соответствующее федеральное регулирование на уровне федерального конституционного закона (вопреки практике последних десятилетий), законодатель исключает тем самым инициативу (тем более – последующее решение) граждан о доверии главе государства. Это, конечно, должно быть принято во внимание при формировании текущей законодательной политики, однако как минимум следует учитывать следующие важные обстоятельства.

Конституционное регулирование современной России исключает досрочное прекращение полномочий главы государства иначе как ввиду истечения конституционного срока его полномочий, стойкой неспособности выполнять обязанности по состоянию

здоровья или отрешения от должности Советом Федерации (основание – совершение государственной измены или иного тяжкого преступления; инициатива – Государственной Думы; заключение двух высших судов – Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении процедуры и Верховного Суда Российской Федерации – о наличии в деяниях состава преступления).

Заключение

Таким образом, действующее конституционно-правовое регулирование содержит настолько ограниченный круг оснований для досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации как главы государства, что перенесение компетенции о доверительном референдуме граждан в область полномочий палат Федерального Собрания выглядело бы нецелесообразным. При подобных обстоятельствах полагаем верным имеющееся законодательное решение об отнесении полномочия по назначению федерального референдума к компетенции главы государства, во-первых, при условии предварительного конституционного контроля со стороны Конституционного Суда Российской Федерации (это установлено действующими нормами права), во-вторых, при возможности расширительного истолкования предмета референдума, вследствие которого некоторые вопросы государственной кадровой политики могли бы разрешаться посредством прямого народного волеизъявления при наличии соответствующей петиционной инициативы (соответствующее правовое регулирование, на наш взгляд, целесообразно ввести в краткосрочной перспективе).

Список литературы

1. *Коломытцева О. Н.* Выборы и референдум в механизме общественного контроля над государством // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 2 (7). – С. 158–161.
2. *Грязнова Т. Е.* Институт референдума в российской либеральной правовой мысли конца XIX – начала XX веков / Право и политика: история и современность : материалы международной научно-практической конференции, 20 ноября 2015 г. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 30–34.
3. *Мамичев В. Н.* Особенности развития института референдума в России на современном этапе / Актуальные проблемы современной науки : сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, Кисловодск, 2–6 мая 2012 г. – Ставрополь: Ставропольский университет, 2012. – С. 169–172.
4. *Руденко В. Н.* Конституционные модели референдума в странах Европейского союза, Швейцарии и России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 1 (42). – С. 10–20.
5. *Лучин В. О., Грудинин Н. С.* Референдум и выборы в системе народовластия // Закон и право. – 2009. – № 3. – С. 3–7.
6. *Бартоле С.* Членство в Европейском Союзе, пересмотр конституций и референдумы // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 3 (48). – С. 156–159.
7. *Шаханов В. В., Бачернихина М. В.* Референдум как метафеномен в сфере взаимодействия публичной власти и общества // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 4 (61). – С. 118–121.
8. *Галушко Д. В.* Институт референдума в контексте членства государств в Европейском Союзе // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 168–174.
9. *Астафичев П. А.* Конституционные поправки об ограничении и исчислении сроков полномочий Президента РФ от 2020 года: содержание и правовые последствия // Журнал конституционного правосудия. – 2020. – № 6. – С. 20–25.
10. *Кожухметова А. Е.* Референдум как средство законотворчества и конституционного контроля // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. – 2021. – № 1 (49). – С. 31–42; <https://doi.org/10.48501/vestnikkazgjiu.2021.77.12.004>.
11. *Петухова Н. В.* Соотношение референдума и плебисцита (конституционно-правовые вопросы) / Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / под редакцией М. М. Журавлёва, А. М. Барнашова, В. М. Зуева. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2010. – С. 77–79.
12. *Синцов Г. В.* Проблемы разграничения понятий института референдума и плебисцита в законодательстве зарубежных стран // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 4. – С. 81–84.

13. *Виноградова Е. В.* Референдум или общероссийское голосование: к вопросу о форме одобрения поправок 2020 года в Конституцию Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 4 (47). – С. 75–78.
14. *Слободчикова С. Н.* Общероссийское голосование – новелла 2020 г.? // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 7. – С. 41–44.
15. *Чешко С. В.* Рецензия на книгу Губогло М. Н. Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму 16 марта 2014. – Кишинев: Ф.Е. – Р. «TIPOGRAFIA CENTRALA», 2014. – 222 с. // Вестник антропологии. – 2015. – № 2 (30). – С. 157–161.
16. *Небольсина Е. В.* Влияние «Брексит» на доверие к научному знанию в Великобритании // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 6. – С. 61–65; <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.6.14>.
17. *Каплунова Д. А.* Подъем евроскептицизма как индикатор необходимости реформирования ЕС // PolitBook. – 2016. – № 2. – С. 155–164.
18. *Цхадая Н. Д., Безгодов Д. Н.* Опорный каркас городов Республики Коми: история и логика одной университетской инициативы / Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы XIV Всероссийской научной конференции (с международным участием), 22–23 апреля 2021 г. – Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2021. – С. 21–25.
19. *Куликова С. А.* Участие трудящихся в управлении делами государства в советский период: формы осуществления, конституционно-правовое регулирование, реализация и мифотворчество / Политические риски развития государства и общества в современном мире: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 21 мая 2021 г. – Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 81–91.
20. *Листопад Л. В.* Инновации в сфере управления кадрами государственного аппарата: опыт Российской Федерации / Экономика и региональное управление : сборник статей международной научно-практической конференции, 6–7 декабря 2017 г. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2017. – С. 233–236.
21. *Батулин Ю. М.* Конституция как искусство развязки в классической трагедии // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2004. – № 2 (47). – С. 147–158.
22. *Сергеев А. А.* Об ограничении предмета референдума Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 19. – С. 7–12.
23. *Клычев Р. А.* Конституционализация правового регулирования референдума как инструмента реализации народовластия // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 4. – С. 14–17.
24. *Спирина А. С.* Институциональное доверие и коррупция: оценка взаимосвязи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2021. – Т. 1. – № 10. – С. 168–172.

References

1. *Kolomyttseva O. N.* Vybory i referendum v mekhanizme obshchestvennogo kontrolya nad gosudarstvom // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2008. – № 2 (7). – S. 158–161.
2. *Gryaznova T. Ye.* Institut referenduma v rossiyskoy liberal'noy pravovoy mysli kontsa XIX – nachala XX vekov / Pravo i politika: istoriya i sovremennost' : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 20 noyabrya 2015 g. – Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2016. – S. 30–34.
3. *Mamichev V. N.* Osobennosti razvitiya instituta referenduma v Rossii na sovremennom etape / Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki : sbornik trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kislovodsk, 02–06 maya 2012 g. – Stavropol': Stavropol'skiy universitet, 2012. – S. 169–172.
4. *Rudenko V. N.* Konstitutsionnyye modeli referenduma v stranakh Yevropeyskogo soyuza, Shveytsarii i Rossii // Konstitutsionnoye pravo: vostochnoyevropeyskoye obozreniye. – 2003. – № 1 (42). – S. 10–20.
5. *Luchin V. O., Grudin N. S.* Referendum i vybory v sisteme narodo-vlastiya // Zakon i pravo. – 2009. – № 3. – S. 3–7.
6. *Bartole S.* Chlenstvo v Yevropeyskom Soyuze, peresmotr konstitutsiy i referendumy // Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye. – 2004. – № 3 (48). – S. 156–159.

7. *Shakhanov V. V., Bachernikhina M. V.* Referendum kak metafenomen v sfere vzaimodeystviya publichnoy vlasti i obshchestva // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2021. – № 4 (61). – S. 118–121.
8. *Galushko D. V.* Institut referendum v kontekste chlenstva gosudarstv v Yevropeyskom Soyuze // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. – 2019. – № 4. – S. 168–174.
9. *Astafichev P. A.* Konstitutsionnyye popravki ob ogranichenii i is-chislenii srokov polnomochiy Prezidenta RF ot 2020 goda: sodержaniye i pravovyye posledstviya // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. – 2020. – № 6. – S. 20–25.
10. *Kozhakhmetova A. Ye.* Referendum kak sredstvo zakonotvorchestva i konstitutsionnogo kontrolya // Vestnik Kazakhskogo gumanitarno-yuridicheskogo innovatsionnogo universiteta. – 2021. – № 1 (49). – S. 31–42; <https://doi.org/10.48501/vestnikkazgjiu.2021.77.12.004>.
11. *Petukhova N. V.* Sootnosheniye referendum i plebistsita (konstitu-tsionno-pravovyye voprosy) / Pravovyye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti : sbornik statey / pod redaktsiyey M. M. Zhuravlova, A. M. Barnashova, V. M. Zuyeva. – Tomsk: Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 2010. – S. 77–79.
12. *Sintsov G. V.* Problemy razgranicheniya ponyatiy instituta referendum i plebistsita v zakonodatel'stve zarubezhnykh stran // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2010. – № 4. – S. 81–84.
13. *Vinogradova Ye. V.* Referendum ili obshcherossiyskoye golosovaniye: k voprosu o forme odobreniya popravok 2020 goda v Konstitutsiyu Rossiyskoy Federatsii // Yevraziyskaya advokatura. – 2020. – № 4 (47). – S. 75–78.
14. *Slobodchikova S. N.* Obshcherossiyskoye golosovaniye – novella 2020 g.? // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2021. – № 7. – S. 41–44.
15. *Cheshko S. V.* Retsenziya na knigu Guboglo M. N. Energiya doveriya. Opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniya referendum v Krymu 16 marta 2014. – Kishinev: F.E. – P. «TIPOGRAFIA CENTRALĂ», 2014. – 222 s. // Vestnik antropologii. – 2015. – № 2 (30). – S. 157–161.
16. *Nebol'sina Ye. V.* Vliyaniye «Breksit» na doveriye k nauchnomu znaniyu v Velikobritanii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2017. – № 6. – S. 61–65; <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.6.14>.
17. *Kaplunova D. A.* Pod"yem yevroskeptitsizma kak indikator neobkhodimosti reformirovaniya YES // PolitBook. – 2016. – № 2. – S. 155–164.
18. *Tskhadaya N. D., Bezgodov D. N.* Opornyy karkas gorodov Respubliki Komi: istoriya i logika odnoy universitetskoy initsiativy / Politicheskiye, ekonomicheskkiye i sotsiokul'turnyye aspekty regional'nogo upravleniya na Yevropeyskom Severe : materialy XIV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem), 22–23 aprelya 2021 g. – Syktyvkar: Komi respublikanskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya, 2021. – S. 21–25.
19. *Kulikova S. A.* Uchastiye trudyashchikh v upravlenii delami gosudarstva v sovetskiy period: formy osushchestvleniya, konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye, realizatsiya i mifotvorchestvo / Politicheskiye riski razvitiya gosudarstva i obshchestva v sovremennom mire : sbornik nauchnykh statey po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Saratovskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet imeni N. G. Chernyshevskogo, 21 maya 2021 g. – Saratov: Saratovskiy istochnik, 2021. – S. 81–91.
20. *Listopad L. V.* Innovatsii v sfere upravleniya kadrami gosudarstvennogo apparata: opyt Rossiyskoy Federatsii / Ekonomika i regional'noye upravleniye : sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 6–7 dekabrya 2017 g. – Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyy universitet imeni akademika I. G. Petrovskogo, 2017. – S. 233–236.
21. *Baturin Yu. M.* Konstitutsiya kak iskusstvo razvyazki v klassicheskoy tragedii // Konstitutsionnoye pravo: vostochnoyevropeyskoye obozreniye. – 2004. – № 2 (47). – S. 147–158.
22. *Sergeyev A. A.* Ob ogranichenii predmeta referendum Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2008. – № 19. – S. 7–12.
23. *Klychev R. A.* Konstitutsionalizatsiya pravovogo regulirovaniya referendum kak instrumenta realizatsii narodovlastiya // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2019. – № 4. – S. 14–17.
24. *Spirina A. S.* Institutsional'noye doveriye i korruptsiya: otsenka vzaimosvyazi // Sotsial'naya integratsiya i razvitiye etnokul'tur v yevraziyskom prostranstve. – 2021. – T. 1. – № 10. – S. 168–172.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted February 28, 2024; approved after reviewing April 9, 2024; accepted for publication May 6, 2024.

Научная статья

УДК 342.97

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-114-121>

Глеб Геннадьевич Лянной

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0006-2098-2170>, alwolfy@mail.ru

*Байкальский государственный университет
Российская Федерация, 664003, Иркутск, ул. Ленина, д. 11*

Банковское рейдерство как новая угроза безопасности предпринимательской деятельности в России

Аннотация: Введение. Прошло более 30 лет с момента перехода России от социалистической модели управления экономикой к капиталистической. На протяжении всего переходного периода в стране особо остро стоял вопрос обеспечения безопасности предпринимательской деятельности. Неоднократно предпринимались попытки дать доктринальное толкование существующим в этой сфере часто встречающимся явлениям, однако это ни к чему не привело. Приблизительно к 2010 году научный интерес к исследуемому направлению угас. Несмотря на то, что рейдерство как таковое перестало обсуждаться в научном сообществе, проблемы предпринимательской деятельности, вызванные этим явлением, не исчезли. Бизнес продолжает подвергаться нападкам со стороны заинтересованных лиц, прибегающих к такому инструменту, как банковское рейдерство. **Методы.** При организации исследования применялись следующие методы: сравнительно-правовой (компаративистский), историко-правовой, аналитический, формально-юридический, метод абстрагирования. **Результаты.** В работе проведено исследование вопроса правового регулирования противодействия рейдерству. В статье определено отличие «рейдерства» от «недружественного поглощения». Раскрыто относительно новое явление «банковское рейдерство», рассматриваются его этапы, высказываются предложения по изменению действующего законодательства.

Ключевые слова: административно-правовой аспект безопасности бизнеса, эволюция рейдерства, этапы рейдерства, рейдерство, недружественное поглощение, недобросовестная конкуренция, банковское рейдерство

Для цитирования: Лянной Г. Г. Банковское рейдерство как новая угроза безопасности предпринимательской деятельности в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 114–121; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-114-121>.

Gleb G. Lyannoy

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0006-2098-2170>, alwolfy@mail.ru

*Baikal State University
11, Lenin str., Irkutsk, 664003, Russian Federation*

Bank raiding as a new threat to the security of business activity in Russia

Abstract: Introduction. There are more than 30 years since Russia's changeover from the socialist model of economic management to the capitalist one. Throughout this period the problem of ensuring the security of business activity was particularly crucial in the country. Repeated attempts

were made to give a doctrinal interpretation to the frequently occurring phenomena existing in this sphere, but they had no results. **The scientific interest** in the area under research faded away around 2010. Despite the fact that raiding itself was not discussed in the scientific community anymore, the problems of business activity caused by this phenomenon have not disappeared. Business continues to be attacked by interested parties using such a means as bank raiding. **Methods.** The following methods were used in the research: comparative-legal (comparativist), historical-legal, analytical, formal-legal, abstraction method. Results. The author analysed the issue of legal regulation of counteraction to raiding. The article defines the difference between “raiding” and “hostile takeover”. The relatively new phenomenon of “bank raiding” is revealed, its stages are considered, and proposals to change the current legislation are made.

Keywords: administrative and legal aspect of business security, evolution of raiding, stages of raiding, raiding, hostile takeover, unfair competition, bank raiding

For citation: Lyannoy G. G. Bank raiding as a new threat to the security of business activity in Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 114–121; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-114-121>.

Введение

Рейдерство существует более 300 лет. А негативный подтекст слово приобрело в 1925 году после событий, произошедших в США. Тогда состоялось первое зарегистрированное «недружественное поглощение» компании, в результате чего перераспределились собственность и корпоративные права [1, с. 16].

В России с этим негативным проявлением общество столкнулось в 1991 году, после распада Советского Союза. Одной из причин, приведшей к широкому распространению рейдерства, стала, по нашему мнению, стрессовая Программа Явлинского – Шаталина «500 дней», которая была внедрена в тот период, когда общество и законодательство не были готовы к появлению предпринимателей и к защите частной собственности [2, с. 50].

Методы

Используя сравнительно-правовой (компаративистский) и историко-правовой методы исследования, ученые-правоведы выделили четыре этапа передела собственности. Все эти этапы взаимосвязаны: последующий этап начинал формироваться после того, как предыдущий этап переставал быть эффективным. Комплексный анализ происходящих процессов позволяет сделать вывод: рейдерство переходит от одного этапа к другому, во-первых, из-за совершенствования законодательства, благодаря которому устраняются пробелы в праве; во-вторых, меняется государственная стратегия, которая направлена на борьбу с коррупцией. Но следует отметить, что рейдерство активно используется при переделе инструментом передела собственности (в общем смысле слова) и представляет угрозу безопасности предпринимательской деятельности.

Результаты

Первый этап – подготовительный. Начало было положено во времена СССР. Суть этого явления сводилась к сбору денежных средств у лиц, осуществляющих нелегальную предпринимательскую деятельность. Этот достаточно долгий процесс начался с запрета артелей, с появления фарцовщиков, цеховиков¹. Он длился до 1991 года [3, с. 132].

Временные рамки второго этапа – 1991–2000 гг. Он связан с приватизацией предприятий [2, с. 50].

Третий этап продлился с 2000 до 2018 года. На этом этапе происходил передел собственности. Этот период сопровождался рейдерскими захватами, корпоративными спорами.

Четвертый этап охватывает периоды с 2018 года по настоящее время. Для него характерно использование «административного ресурса» и появление нового тренда в виде банковского рейдерства.

С 2018 года на страницах различных СМИ публикуются статьи о рейдерских захватах, которые совершают банки в отношении среднего бизнеса. Первым такую информацию открыто представил в 2018 году доктор экономических наук, профессор, академик РАН С. Ю. Глазьев: «Лучший в Европе завод “Стальинвест” по производству сэндвич-панелей

¹ Вышенков Е. В. Крыша. Устная история рэкета. – Москва: АСТ, 2011. – 288 с.

и металлоконструкций также стал жертвой рейдерства. Созданная с нуля частным предпринимателем компания динамично развивалась, пока собственнику «Стальинвест» не понадобился кредит, за которым он обратился в один из госбанков. Банк вместо того чтобы выполнить условия кредитования, искусственно создал ситуацию неплатежеспособности»².

Было множество попыток привлечь внимание общественности к этой проблеме, но она до сих пор не решена³.

Из-за банковского рейдерства предприятие «Стальинвест», по утверждению академика РАН С. Ю. Глазьева, не вышло на показатели, которые оно демонстрировало до банковского рейдерского захвата. То есть пострадали интересы не только собственников предприятия, трудового коллектива, но и интересы государства в виде недополученных налоговых поступлений, а также произошло ухудшение имиджа страны как правового государства, в котором созданы безопасные условия для инвестирования.

Банковское рейдерство существует в настоящее время, потому что оно не признано противозаконным, а поэтому находится в тени и не попадает в официальную статистику преступлений. Такая ситуация вызывает затруднения при определении размера ущерба, причинённого в результате банковского рейдерства, степени общественной опасности, т. е. налицо угроза безопасности предпринимательской деятельности и государству.

Мы солидарны с мнением А. В. Жолнеровича, который считает феномен «рейдерство» порождением институционального дефицита [4, с. 10]. Надлежащая правовая защищенность предпринимателей является потенциалом для роста экономики страны. [5, с. 232].

Корифеи права, юристы и правоприменители исследовали это явление на протяжении всего периода существования рейдерства в стране. С 2000 года и по настоящее время неоднократно предпринимались попытки дать определение понятию «рейдерство», его пытались классифицировать, раскрыть способы и технику совершения рейдерских атак и захватов.

Активное исследование вопроса привело к появлению в 2008 году проекта Федерального закона № 34330-5 «О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁴, устанавливающего уголовную ответственность за совершение рейдерских атак. Рассматриваемый проект федерального закона принят не был. В официальном отзыве, подготовленном Правительством Российской Федерации от 4 марта 2008 г. № 996п-П4 «На проект Федерального закона “О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”», указывалось, что уголовное законодательство в полной мере предусматривает ответственность за совершение действий в целях «недружественного поглощения»⁵.

Однако в дальнейшем для обеспечения стабильности предпринимательской деятельности был принят Федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который включил в Уголовный кодекс Российской Федерации дополнительные ст. 170.1, 185.5 и 285.3⁶, а в ст. 185.2 – часть третью⁷. В этих изменениях устанавливается уголовная ответственность для субъектов, которые используются в качестве инструмента для совершения «рейдерских атак».

Принятие указанного Федерального закона свидетельствует о том, что уголовное законодательство не в полной мере предусматривало ответственность за «рейдерство» и «недружественное поглощение».

Анализ правоприменительной практики и тезисов, высказанных различными учеными, позволяет сделать вывод, что понятия «рейдерство» и «недружественное

² Академик Глазьев о банковском рейдерстве и ангажированности российских судов // ЦАРЬГРАД : [сайт]. – 2018. – 18 ноября. – URL: https://tsargrad.tv/articles/akademik-glazev-o-bankovskom-rejderstve-i-angazhirovannosti-rossijskih-sudov_169331# (дата обращения: 03.12.2023).

³ Полканов В. Залоговое рейдерство: кредитная линия как риск потери бизнеса // Независимая газета : [сайт]. – 2022. – 21 февраля. – URL: https://www.ng.ru/economics/2022-02-21/100_2202212000.html (дата обращения: 03.12.2023).

⁴ О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : проект Федерального закона от 20 марта 2008 г. № 34330-5 (по вопросу уголовной ответственности за деяния, связанные с переходом права на имущество юридического лица) // Справочно-правовая система (далее – СПС) «Консультант плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=59790#OWaJfAUSMVMds3HR1> (дата обращения: 03.12.2023).

⁵ Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 4 марта 2008 г. № 996п-П4 «На проект Федерального закона “О внесении дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» // СПС «Консультант плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=60522#9DDNFaUoLxYAhGar> (дата обращения: 03.12.2023).

⁶ Статья 170.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета; ст. 185.5. Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества; ст. 285.3. Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 147-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2010. – № 27. – Ст. 3431.

поглощение» некоторыми авторами воспринимаются как синонимы. Авторы П. А. Астахов [6, с. 6], В. В. Долинская [7, с. 63], О. М. Елфимов, Р. В. Назарян [8, с. 262–263], М. И. Фаенсон и А. А. Пиманова [9, с. 61], Е. А. Дубровских [10, с. 30] отождествляют понятия «рейдерство» и «недружественное поглощение».

Ученые С. В. Гомцял [11, с. 12], А. А. Ермилова [12] тоже в целом придерживаются такой же точки зрения, но с небольшими отличиями. Эти авторы отождествляют понятия «недружественное поглощение» и «корпоративный захват», «корпоративный захват» и «рейдерство» [11; 12].

Согласно приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее – Генпрокуратура России) от 9 декабря 2022 г. № 746⁸, к преступлениям, связанным с недружественным поглощением предприятия, относятся деяния, сопряженные с незаконным завладением активами хозяйствующего субъекта, в том числе посредством установления контроля над ним, либо приобретение права владения, пользования или распоряжения активами хозяйствующего субъекта, причиняющего вред правам и законным интересам собственников, с последующей легализацией прав на приобретенные таким образом активы. При этом могут использоваться такие методы, как силовой захват предприятия; внесение недостоверных сведений о хозяйствующих субъектах в Единый государственный реестр юридических лиц; завладение имуществом юридических лиц путем перерегистрации прав собственности в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии и в ее территориальных органах на основании поддельных документов; злоупотребление в сфере банкротства предприятий и организаций; изменение процентного соотношения контрольного пакета акций путем новых эмиссий; занижение стоимости пакетов акций, принадлежащих государству, при организации проведения аукционов и иных торгов и т. п.⁹.

Появление данного приказа Генпрокуратуры России свидетельствует о том, что исследуемые правоотношения актуальны и в настоящее время.

По нашему мнению, рейдерство представляет собой противоправную деятельность одного лица (или группы лиц), которая направлена на приобретение прав на активы третьих лиц с целью последующего присвоения активов и (или) спекулятивной их продажи. При этом злоумышленники прибегают к незаконным методам (преследуемых уголовным кодексом), к злоупотреблению своим положением (банковское «рейдерство»), т. е. рейдерство фактически выступает самостоятельным видом бизнеса. Такая же точка зрения у Л. А. Андреевой [13]. В. А. Герасименко [14].

В отличие от «рейдерства» под «недружественным поглощением» мы понимаем совокупность действий (бездействий), совершенных лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность в отношении иных лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность (или хозяйствующих субъектов), нарушающих действующее корпоративное, гражданское, антимонопольное законодательство, но при этом в действиях лица отсутствуют признаки рейдерства.

Следует признать, что «недружественное поглощение» может выступать нерыночным элементом конкурентной борьбы.

Таким образом, можно констатировать, что существует три самостоятельных явления:

- рейдерство;
- недружественное поглощение как самостоятельное явление;
- недружественное поглощение как элемент недобросовестной конкурентной борьбы.

Наша позиция совпадает с позицией, высказанной Верховным Судом Российской Федерации. В своем отзыве от 30 ноября 2007 г. Верховный Суд Российской Федерации заявил: «Между тем в законодательстве отсутствует определение понятий “рейдерство” или “недружественное поглощение”»¹⁰. Прошло более 16 лет, изменились формы совершения противоправных действия, но, к сожалению, до настоящего времени вопрос не решен и продолжает оставаться угрозой безопасности предпринимательской деятельности [15].

⁸ О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 9 декабря 2022 г. № 746 // Законность. – 2023. – № 2. – С. 65–66.

⁹ Там же.

¹⁰ Официальный отзыв Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2007 г. № 2/общ-790 «На проект Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации"» // СПС «Консультант плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=60523#j4AVfAUKgEwmbW8F5> (дата обращения: 03.12.2023).

Особенно остро данный вопрос встал после событий февраля 2022 года в условиях острой санкционной политики со стороны недружественных государств [16].

В последнее время в сфере предпринимательской деятельности участились случаи, когда одновременно с общеуголовными методами совершения рейдерских захватов используются легальные способы, которые полностью основаны на законе. Мы говорим о случаях, когда собственники теряли бизнес в связи с тем, что кредитные организации в одностороннем порядке повышали процентные ставки по уже действующим кредитным договорам, а затем, когда собственник не справлялся с возросшей кредитной нагрузкой, кредитная организация обращала взыскание на заложенное имущество.

Правоотношения в области займов и кредитов регулируются главой 42 Гражданского кодекса Российской Федерации «Заем и кредит». Диспозиции некоторых статей, включённых в указанную главу Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹, создают предпосылки для рейдерства.

В соответствии со ст. 819 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) по кредитному договору банк (или иная кредитная организация), т. е. кредитор, обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею, а также предусмотренные кредитным договором иные платежи, в том числе связанные с предоставлением кредита¹².

Статья 821.1 ГК РФ предусматривает право кредитора досрочно потребовать возврата кредита.

Исследование способа совершения рейдерских захватов с использованием механизма банковского кредитования позволяет выделить следующие этапы в их деятельности.

Первый этап. По требованию банка хозяйствующий субъект собирает документы, необходимые для получения кредита; представляет в залог имущество, которое будет использовано в качестве залогового; представляет корпоративные документы общества, решения; получает одобрение кредитного комитета банка и получает кредит. Но исследуемые нами действующие кредитные договоры все без исключения содержат условия о праве кредитора в одностороннем порядке повысить процентную ставку по выданному кредиту. Как правило, эти условия вступают в силу по истечении 10 дней и носят уведомительный характер.

Второй этап. В этот период заемщик осуществляет текущие платежи по кредитным обязательствам, осуществляет текущий документооборот между двумя субъектами хозяйствующей деятельности.

Третий этап – основной. Появляется «внешний фактор», который является основанием для пересмотра условий кредитного договора. К таким факторам можно отнести:

- а) повышение ставки рефинансирования Центральным Банком России;
- б) утрата обеспечения или ухудшение его условий по обстоятельствам, за которые займодавец не отвечает¹³ (ст. 813 ГК РФ) Например, события 2008 года привели к удешевлению недвижимости в два раза по сравнению с докризисным (см. рисунок).

Внешние факторы могут быть использованы как по отдельности, так и в совокупности. Они позволяют в одностороннем порядке приступить к изменению существенных условий кредитного договора (ст. 813, 821.1 ГК РФ).

После возникновения «внешнего фактора» кредитная организация направляет уведомление об увеличении процентной ставки по выданному кредиту хозяйствующему субъекту. Учитывая, что условиями кредитного договора предусмотрен односторонний порядок ее увеличения и определен срок, за который кредитная организация обязана уведомить о ее повышении, (как правило, он составляет 10 дней), согласие предпринимателя не требуется. Следует принять во внимание, что не каждый бизнес в силу индивидуальной рентабельности в состоянии позволить оплачивать повышенную процентную ставку. Тем более это невозможно при повышении ставок по инвестиционным кредитам.

¹¹ О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4761.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

¹³ Имеется в виду уменьшение стоимости залогового имущества, вызванное ее рыночным колебанием.

Рис. 1. Динамика цен на недвижимость в России за 20 лет¹⁴

Повышение процентной ставки вызывает коллапс у бизнеса. Кризис усугубляется, когда предприниматель пытается осуществить перекредитование своего бизнеса в другом кредитном учреждении и обращается за справкой в банк, который поднял процентную ставку. Заметим, что любое кредитное учреждение при выдаче кредита ставит обязательным условием перевод активов предприятия в банк, который выдает кредит. Для того, чтобы выполнить перекредитование, необходимо предоставить из банка, выдавшего кредит, справку о состоянии движения денежных средств, залогового имущества и т. д. Для получения этой справки предприниматель обращается в банк, который поднял процентную ставку. Последний отвечает, что по существующему регламенту все обращения рассматриваются в течение 30 дней. Следовательно, предприниматель лишен возможности оперативно выполнить перекредитование своего бизнеса. В дальнейшем начисляются повышенные проценты, за просрочку исполнения обязательств начисляются неустойки, а затем, по мере увеличения долга, запускается механизм обращения взыскания на заложенное имущество. В итоге предприниматели лишаются своего бизнеса.

Безусловно, описанная нами ситуация касается чаще всего не мелкого, малого, а зачастую среднего и крупного бизнеса, т. е. когда сумма кредита составляет миллиарды рублей, а проекты зачастую являются инвестиционными.

Мы описали «рейдерский» способ получения прав на активы, которые используют банки. Возможно, что этот способ используется банковскими учреждениями по всему миру. В приведенном нами примере отсутствует признак, присущий рейдерству: использование общеуголовных преступлений в качестве способа получения права на активы. Однако имеет место злоупотребление своим положением: банк, выдавая кредит, включает обязательным условием договора кабальные условия в виде одностороннего увеличения процентной ставки. Это условие ставит предпринимателей в заведомо невыгодную позицию по отношению к банку.

Такое положение дестабилизирует ситуацию в стране, отбивает у бизнеса желание осуществлять инвестиционную деятельность, вызывает социальное напряжение [17, с. 35] в обществе, так как работники лишаются рабочих мест.

¹⁴ Антонов С. Как менялись цены на жилье с 2000 года : И всегда ли они росли // Тинькофф Журнал : [сайт]. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/nedviga20let-stat/> (дата обращения: 03.12.2023).

Заключение

Печально, но описанная нами ситуация, в настоящее время ненаказуема, не проходит ни в каких сводках о совершенных преступлениях и поэтому не поддается учету.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что рейдерство до сих пор представляет угрозу предпринимательской деятельности, но этому понятию на законодательном уровне не дано определения.

Предлагаем установить уголовную ответственность за совершение этих действий, так как они дестабилизируют экономическую обстановку в стране.

Считаем целесообразным внести изменения в действующее законодательство в части установления императивного запрета на одностороннее изменение условий кредитного договора и увеличения процентной ставки по выданным кредитам.

Для экономической целесообразности и в целях обеспечения стабильности делового оборота предлагаем провести проверку положений ст. 813 ГК РФ на предмет разделения последствий при утрате обеспечения, вызванного рыночной конъюнктурой, или умышленным ухудшением заемщиком состояния заложенного имущества, или когда такое ухудшение вызвано иными, нерыночными обстоятельствами.

Список литературы

1. *Андреева Л. А.* Рейдерство (уголовно-правовой и криминологический аспекты) // Юриспруденция. – 2010. – Т. 20. – № 4. – С. 16–22.
2. *Лапина Н. Ю.* Российская приватизация: история, динамика, результаты / Приватизация в России и других странах СНГ : сборник обзоров Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем / отв. ред. В. А. Виноградов. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. – С. 13–55.
3. *Крушанова Л. А.* Трансформация преступности в России в 1990–2000-х годах (на примере Дальнего Востока) // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 6. – С. 131–147; <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.079>.
4. *Жолнерович А. В.* Рейдерство в России – показатель институционального дефицита российской экономики // Российская юстиция. – 2007. – № 8. – С. 6–10.
5. *Мельникова Т. В.* Недружественное поглощение как вид рейдерства по российскому гражданскому праву // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 9. – С. 231–235.
6. *Астахов П. А.* Противодействие рейдерским захватам. – Москва: Эксмо, 2007. – 240 с.
7. *Долинская В. В.* Криминализация корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 3. – С. 58–63.
8. *Елфимов О. М., Назарян Р. В.* Рейдерские захваты как факторы угрозы экономической безопасности // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010 – № 2 (13). – С. 261–265.
9. *Фаенсон М. И., Пиманова А. А.* Рейдерство (недружественный захват предприятий): практика современной России : монография. – Москва: Альфа-Пресс, 2007. – 120 с.
10. *Дубровских Е. А.* Черный PR как способ рейдерского захвата // Информационное право. – 2011. – № 4 (27). – С. 29–32.
11. *Гомцын С. В.* Правила поглощения акционерных обществ: сравнительно-правовой анализ : монография. – Москва: Волтерс Клувер, 2010. – 320 с.
12. *Ермилова А. А.* Об уголовной ответственности за «рейдерство» // Наука и современность. – 2011. – № 8-3. – С. 286–291.
13. *Андреева Л. А.* Проблемы оценки угрозы рейдерского захвата бизнеса // Советник юриста. – 2011. – № 4. – С. 3–12.
14. *Герасименко В. А.* Земельное и аграрное рейдерство в Крыму // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2014. – Т. 27. – № 4 (66). – С. 47–59.
15. *Филиппова В. В., Скобелева Д. Д., Шевкуненко М. Ю.* Рейдерство как угроза экономической безопасности региона / Актуальные вопросы развития отраслей сельского хозяйства: теория и практика : материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых АПК, п. Рассвет, 12–15 мая 2020 г. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2020. – С. 243–246; <https://doi.org/10.34924/FRARC.2020.1.63945>.
16. *Семенихин А. Л.* Рейдерство в условиях санкционного давления // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2023. – № 2 (86). – С. 89–96.

17. Барбарук А. И., Пушкина А. С. Рейдерство, как специфическое социально-экономическое и правовое явление // Актуальные проблемы науки и практики. – 2017. – № 2 (007). – С. 34–35.

References

1. *Andreyeva L. A.* Reyderstvo (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiiy aspekty) // *Yurisprudentsiya*. – 2010. – Т. 20. – № 4. – С. 16–22.
2. *Lapina N. Yu.* Rossiyskaya privatizatsiya: istoriya, dinamika, rezul'taty / Privatizatsiya v Rossii i drugikh stranakh SNG : sbornik obzorov Tsentra nauchno-informatsionnykh issledovaniy global'nykh i regional'nykh problem / otv. red. V. A. Vinogradov. – Moskva: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2003. – С. 13–55.
3. *Krushanova L. A.* Transformatsiya prestupnosti v Rossii v 1990–2000-kh godakh (na primere dal'nego vostoka) // *Zhurnal rossiyskogo prava*. – 2021. – Т. 25. – № 6. – С. 131–147; <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.079>.
4. *Zholnerovich A. V.* Reyderstvo v Rossii – pokazatel' institutsional'nogo defitsita rossiyskoy ekonomiki // *Rossiyskaya yustitsiya*. – 2007. – № 8. – С. 6–10.
5. *Mel'nikova T. V.* Nedruzhestvennoye pogloshcheniye kak vid reyderstva po rossiyskomu grazhdanskomu pravu // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2013. – № 9. – С. 231–235.
6. *Astakhov P. A.* Protivodeystviye reyderskim zakhvatam. – Moskva: Eksmo, 2007. – 240 s.
7. *Dolinskaya V. V.* Kriminalizatsiya korporativnykh konfliktov // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. – 2009. – № 3. – С. 58–63.
8. *Yelfimov O. M., Nazaryan R. V.* Reyderskiye zakhvaty kak faktory ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti // *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. – 2010 – №2 (13). – С. 261–265.
9. *Fayenson M. I., Pimanova A. A.* Reyderstvo (nedruzhestvennyy zakhvat predpriyatii): praktika sovremennoy Rossii : monografiya. – Moskva: Al'fa-Press, 2007. – 120 s.
10. *Dubrovskikh Ye. A.* Chernyy PR kak sposob reyderskogo zakhvata // *Informatsionnoye pravo*. – 2011. – № 4 (27). – С. 29–32.
11. *Gomtsyan S. V.* Pravila pogloshcheniya aktsionerlykh obshchestv: sravnitel'no-pravovoy analiz : monografiya – Moskva: Volters Kluver, 2010. – 320 s.
12. *Yermilova A. A.* Ob ugolovnoy otvetstvennosti za «reyderstvo» // *Nauka i sovremennost'*. – 2011. – № 8-3. – С. 286–291.
13. *Andreyeva L. A.* Problemy otsenki ugrozy reyderskogo zakhvata biznesa // *Sovetnik yurista*. – 2011. – № 4. – С. 3–12.
14. *Gerasimenko V. A.* Zemel'noye i agrarnoye reyderstvo v Krymu // *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Yuridicheskiye nauki*. – 2014. – Т. 27. – № 4 (66). – С. 47–59.
15. *Filippova V. V., Skobeleva D. D., Shevkunenko M. Yu.* Reyderstvo kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti regiona / Aktual'nyye voprosy razvitiya otrasley sel'skogo khozyaystva: teoriya i praktika : materialy II Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh APK, p. Rassvet, 12–15 maya 2020 g. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2020. – С. 243–246; <https://doi.org/10.34924/FRARC.2020.1.63945>.
16. *Semenikhin A. L.* Reyderstvo v usloviyakh sanktsionnogo davleniya // *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. – 2023. – № 2 (86). – С. 89–96.
17. *Barbaruk A. I., Pushkina A. S.* Reyderstvo, kak spetsificheskoye sotsial'no-ekonomicheskoye i pravovoye yavleniye // *Aktual'nyye problemy nauki i praktiki*. – 2017. – № 2 (007). – С. 34–35.

Статья поступила в редакцию 11.12.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 18.04.2024.

The article was submitted December 11, 2023; approved after reviewing April 9, 2024; accepted for publication April 18, 2024.

Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-122-130>

Публикация подготовлена в рамках гранта Государственного Совета Республики Крым молодым учёным Республики Крым

Абисова Кристина Сергеевна

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-7922-5744>, abisova@inbox.ru

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 295053, Симферополь, ул. Академика Х. Х. Стевена, д. 14*

Методология исследования террористической деятельности. Часть 1: основы исследования

Аннотация: **Введение.** Статья посвящена описанию методологического инструментария исследования террористической деятельности. Очевидно, что для реализации познавательного опыта в современных условиях, чтобы отразить в исследовании сущностные характеристики изучаемых объектов и явлений, всю их сложность и специфику развертывания в контексте нынешних социальных процессов, т. е. как человеко-размерных систем, необходимо использовать эффективные инструменты и механизмы познания, соответствующие познавательной задаче. Познание внутренней специфики терроризма, а также особенностей его проявления в террористической деятельности предполагает применение действенных, проверенных познавательных инструментов в виде принципов, подходов и методов исследования. Данные принципы могут служить верным методологическим ориентиром в познании и адекватно отображать суть современного терроризма не только в теоретическом аспекте, но и в правоприменительной практике, правотворчестве. **Методы.** Методологическую основу исследования составили фундаментальные основы и постулаты философской методологии: всеобщие категории, принципы и закономерности диалектического, и деятельностного подходов, общенаучная методология системного подхода. **Результаты.** Обосновано, что гносеологическую основу исследования террористической деятельности составляет ряд основополагающих принципов познания: 1) познаваемости, 2) объективности, 3) определяющей роли практики в познании, 4) творческой активности субъекта познания, а методологическую основу – всеобщие категории и принципы диалектического, интервального и деятельностного подходов, методология системного подхода, а также комплексный инструментарий общелогических и конкретно-научных методов.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, методологический инструментарий, метод, гносеологические принципы

Для цитирования: Абисова К. С. Методология исследования террористической деятельности. Часть 1: основы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 122–130; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-122-130>.

This work has been prepared as a part of a grant from the State Council of the Republic of Crimea to young scientists of the Republic of Crimea

Kristina S. Abisova

Cand.Sci (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-7922-5744>, abisova@inbox.ru

*Crimea branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia
14, Academica X. X. Stevena str., Simferopol, 295053, Russian Federation*

Terrorist activity research methodology. Part 1: research basics

Abstract: Introduction. The article is devoted to the description of the terrorist activity research methodology. In order to realise the cognitive experience in modern conditions, to reflect the essential characteristics of the studied objects and phenomena, their complexity and specificity of their deployment in the context of current social processes, i.e. as human-dimensional systems, it is necessary to use effective means and mechanisms of cognition corresponding to the cognitive task. The cognition of the internal specificity of terrorism, as well as the peculiarities of its manifestation in terrorist activities involves the use of effective, proven cognitive approaches, their principles and methods of research. These principles can serve as a true methodological guide in cognition and adequately reflect the essence of modern terrorism not only in the theoretical aspect, but also in law enforcement practice and law-making. **Methods.** The methodological basis of the research was formed by fundamental bases and postulates of philosophical methodology: universal categories, principles and regularities of dialectical and activity approaches, general scientific methodology of system approach. **Results.** The author substantiates that the epistemological basis of the research of terrorist activity is a number of fundamental principles of cognition: 1) cognisability, 2) objectivity, 3) determining role of practice in cognition, 4) creative activity of the subject of cognition, as well as the methodological basis - universal categories and principles of dialectical, interval and activity approaches, the methodology of system approach, and a complex set of general logical and concrete-scientific methods.

Keywords: terrorism, terrorist activity, methodological instrumentarium, method, epistemological principles

For citation: Abisova K. S. Terrorist activity research methodology. Part 1: research basics // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – С. 122–130; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-122-130>.

Введение

Для исследования террористической деятельности как сложного социокультурного феномена необходимы соответствующие методологические инструменты. В современной науке вообще и в социально-гуманитарном знании в частности за всю длительную историю их эволюции был выработан целый спектр эффективных подходов и методов изучения подобных объектов. В целях исследования сущности социальных явлений принято применять философский, социологический, юридический, культурологический, антропологический подходы. Общенаучная методология системного и довольно популярного сегодня для изучения сложных объектов и их систем синергетического подхода, структурно-функционального анализа, общелогические методы и специфические философские методы как универсальные исследовательские средства также широко применимы в научной среде различных сфер знания. Наличие всеобщих антропологических и социальных свойств, а также явного криминологического измерения репрезентации терроризма и его практического проявления – террористической деятельности сужает методологическое измерение исследования до применения философского и юридического

подходов, их специфических методов, а также универсальных, проверенных научной практикой общенаучных подходов и методов.

Для глубокого и всестороннего исследования сущности и специфики террористической деятельности, особенностей ее проявления в современной социальной реальности необходимо обратиться к достижениям философской и общенаучной методологии соответственно.

Методы

С точки зрения философии для постижения сущности любого объекта необходимо не только использовать эффективный метод – теоретический или эмпирический, но и анализировать свои познавательные возможности, условия познания, учитывать специфику познаваемых явлений, особенности их «явленности» нам. Более того, важно ответить на вопрос о том, что значит вообще познать и способны ли мы на это с имеющимися у нас ресурсами и условиями как на уровне объекта, так и на уровне субъекта и результатов их взаимодействия. В связи с этим особую важность приобретают *гносеологические основы исследования террористической деятельности*, в которых раскрывается сама сущность познания, а также универсальные познавательные характеристики и принципы [1, с. 54–55].

Обращение к гносеологическим основам исследования феномена терроризма обусловлено осознанием сложности, глубины, масштабности и многомерности данного явления и его развертывания в современной социальной действительности, которые можно рассматривать в сущностном (что есть терроризм как социальный феномен вообще), институциональном (институционализация терроризма) и деятельностном (как особый вид деятельности – террористической) аспектах. Познание внутренней специфики терроризма, а также особенностей его проявления в террористической деятельности предполагает применение действенных, проверенных познавательных инструментов в виде принципов, подходов и методов исследования (от общенаучных до философских).

Результаты

Современная теория познания и наука в целом стоят на позициях гностицизма, который также именуется гносеологическим оптимизмом. Промежуточной точкой зрения на проблему познаваемости мира является скептицизм, утверждающий, что возможности человека в познании реальности ограничены. Его ярким представителем является немецкий философ Иммануил Кант. Методологическое значение философской концепции Канта представляет для реализации нашей исследовательской цели особую эвристическую значимость.

По Канту, познание основано на двух важнейших элементах – созерцаниях и понятиях. Для «чистоты» познавательного акта необходимо опираться на них в «чистом» виде. Такую возможность и дает априорность. Априорные формы рассудка – категории, которые представляют собой формы рассудочного мышления, упорядочивающие рассудочную деятельность и объясняющие ее логические закономерности. То, что мы называем природой, объективной реальностью, бытием, определяется структурой трансцендентального субъекта, которую составляют рассудок с его системой категорий и чувственность с ее априорными формами – пространством и временем. Категории не являются синтезом знаний об эмпирической действительности. Категории, пишет Кант, «...не выводятся из природы и не соотнобразуются с ней как с образцом (ибо в таком случае они были бы только эмпирическими)...» [2, с. 212], наоборот, природа соотнобразуется с категориями, посредством которых многообразие явлений природы и объективной реальности в целом связывается в определенные типы единства, которые и даются нам в познавательном опыте с априорной необходимостью. То есть способность познавать мир этим специфическим образом присуща нам от природы и возможна благодаря категориям.

Современная философия и наука утверждают, что мир существует и может быть познан как объективная, т. е. не зависящая от познающего субъекта и его характеристик, реальность. Объективный мир – это физические вещи, явления, процессы в пространстве-времени, это люди, их действия и состояния сознания, события, в которых они участвуют. Этот мир не зависит от нашего сознания, но это не значит, что мы не можем его познать. С точки зрения современной философии пространство и время – это фундаментальные характеристики бытия. Они являются специфическими формами существования объективного мира (материи). Иными словами, пространство представляет собой свойство бытия, отражающее форму и способ его существования, а время – свойство бытия, репрезентирующее форму и способ его развития. Неживая природа, живые

системы и общество характеризуются специфическими пространственно-временными структурами, которые описаны в физической, биологической и философской картинах мира. Категория для современной философии – это предельно общее понятие, которое выражает сущностные отношения объектов и явлений действительности, тех или иных областей действительности, знания и деятельности. Она является важнейшим теоретико-методологическим инструментом, фундаментальной основой научного и философского познания.

Рассматривать природу и способности познания вне конкретного процесса познания в реалиях современной методологии науки принципиально неверно. В современной философии и методологии науки проведен анализ эволюционных форм науки, который отражается в типологии научной рациональности: классической, неклассической и постнеклассической [3, с. 55]. Для динамики исторического развития науки характерны специфические типы рациональности, которые были связаны с появлением различных методологических программ: классической науке (XVII–XVIII вв.) соответствует парадигма классической механики, неклассической науке – квантово-механическая картина мира (XIX–XX вв.), постнеклассической – синергетическая модель (XX–XXI вв.). Как пишет известный отечественный философ и методолог науки С. А. Лебедев, каждому из типов рациональности, лежащей в основе всякой методологии, соответствовала своя онтология, собственная гносеология и методология [4, с. 6]. Не вдаваясь в специфику этих характеристик предшествующих этапов развития научного знания, отметим те аспекты, которые актуальны для современной – постнеклассической науки. Онтология постнеклассической науки изучает природные и социальные объекты, а также и человеко-размерные системы, в которых человек и его деятельность являются одним из элементов¹. Гносеология постнеклассической науки характеризуется вероятностностью и гипотетичностью в вопросах познания мира, осознанием субъект-объектного и социального характера как самого научного познания, так и всяческих его форм и результатов [5]. Методология постнеклассической науки представляет собой разработку социально-гуманитарных технологий, направленных на открытие гипотез и разработку полезных моделей различных объектов².

Таким образом, становится очевидным, что для реализации познавательного опыта в современных условиях, чтобы отразить в исследовании сущностные характеристики изучаемых объектов и явлений, всю их сложность и специфику развертывания в контексте нынешних социальных процессов, т. е. как человеко-размерных систем, необходимо использовать эффективные инструменты и механизмы познания, соответствующие данной познавательной задаче в ее теоретическом и практическом измерениях³. На наш взгляд, таковыми можно считать универсальные гносеологические предпосылки и принципы познания, а также гносеологические и методологические принципы и подходы, сформулированные с учетом и в рамках постнеклассической парадигмы научной рациональности.

Корректно будет отметить, что истинное познание любого объекта, в особенности социального феномена современной эпохи, отличающейся нарастанием явлений нелинейности, случайности и непредзаданности общественного развития, выступает, скорее, нормативным идеалом. Однако это обстоятельство не означает, что необходимость тщательного отбора и действенного применения различных познавательных инструментов отпадает. Напротив, она становится довольно острой.

Какие же гносеологические принципы можно применить для исследования террористической деятельности и, главное, как применить?

В течение всего времени становления гносеологии (теории познания) были выработаны основополагающие принципы познания, благодаря которым возможно реализовать цель познания⁴. Ключевым гносеологическим принципом является принцип познаваемости, предполагающий возможность познания любого рода объектов. Данный принцип широко применяют приверженцы гносеологического оптимизма. Он означает,

¹ Степин В. С. История и философия науки : учебник. – изд. 3-е. – Москва: Академический проект, 2009. – 423 с.

² Лебедев С. А. Курс лекций по философии науки. – Москва: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014. – 318 с.

³ См.: Алиев Н. И. Гносеологические аспекты обоснования в научном познании: дис. ... д-ра филос. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 318 с.; Ахмедов И. А. Гносеологические особенности нового социального знания: дис. ... канд. филос. наук. – Махачкала, 2006. – 174 с.; Бельцева Е. А. Проблема понимания в гуманитарном познании: дис. ... канд. филос. наук. Киров, 2003. – 132 с.; Вилес Ю. Ф. Онтологические и гносеологические основания физической абстракции: дис. ... д-ра филос. наук. – Москва [б. и.], 2004. – 300 с.; Долгова О. А. Феномен понимания в структуре познавательной деятельности: дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2004. – 158 с.; Кениспаев Ж. К. Философия сознания: онтология, гносеология, праксиология: дис. ... д-ра филос. наук. – Барнаул, 2006. – 285 с.

⁴ Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Философия : учебное пособие. – Симферополь: Сонат, 1999. – С. 222–229.

что результаты человеческого познания могут адекватно отображать действительность, создавать по определенным критериям ее истинную картину. Исходя из этого принципа, мы можем утверждать, что террористическая деятельность существует как познаваемый объект, т. е. она познаваема, и мы можем претендовать на то, чтобы отразить ее сущностные характеристики, т. е. «истину о ней», в нашем исследовании при выполнении определенных условий (учитывая критерии научности и истины, опираясь на принципы познания, научные и философские методы и подходы).

Принцип объективности предполагает существование объекта познания вне зависимости от субъекта познания и самого познавательного процесса. Объективность – краеугольный камень исследовательской этики, т. к. требует некой «чистоты» познания и его результатов: человек не должен вносить в них нечто от себя, от своей субъективности. Из этого познавательного принципа вытекает гносеологическая установка, которую мы можем применить в нашем исследовании: террористическую деятельность нужно познавать такой, какая она есть сама по себе, т. е. объективно. В науке и философии существует целая система требований и правил, обеспечивающих обоснованность и доказательность получаемых в познании результатов, начиная от критериев научности и заканчивая различными исследовательскими принципами, методами и подходами. В исследовании террористической деятельности рассматриваемый принцип играет главенствующую роль: объективная характеристика и оценка данной системой связанных с терроризмом преступлений представляют собой важнейшую теоретическую детерминанту выявления, предупреждения и предотвращения террористической деятельности.

Принцип определяющей роли практики в познании постулирует, что практика является основой, конечной целью и критерием истинности всякого познания, источником познания, т. к. предоставляет сам материал для познавательного процесса, определяет его способы и инструменты. Таким образом, она детерминирует уровень и специфику отражения действительности в познании. Этот принцип также значим для изучения террористической деятельности в конкретном, практическом измерении ее реализации как в социальном и институциональном аспектах – на уровне социальных институтов (в обществе в целом, государстве, на международном уровне), так и в деятельностном аспекте – в вопросах выявления ее субъектов, оснований (мотивов, причин), признаков, целей (потребностей), объектов, инструментов и механизмов (средств и ресурсов, их применения и распределения), результатов (терактов).

Принцип творческой активности субъекта в познании гласит, что человек при постижении мира не только осуществляет пассивное отражение, которое заключается в получении данных об определенной реальности или ее части, но и реализует творческие способности, которые представляют собой деятельность по созданию чего-то принципиально нового в материальном, идеальном или аксиологическом смыслах. Данный принцип играет важнейшую эвристическую роль в теоретическом аспекте изучения террористической деятельности.

Важным с гносеологической точки зрения является *принцип интервальности*, который выступает важнейшим постулатом интервальной философии, признающей многомерность, многоуровневость познаваемого объекта, самого познания, а также мира в целом. Иными словами, данный принцип не ограничивается познавательным аспектом, а содержит также онтологический и методологический аспекты. Формулируются они следующим образом:

1. Реальность (мир вообще и каждая из его частей и сфер) интервальна. Она имеет множество граней, уровней или «интервалов».

2. Любой познающий субъект ограничен рамками определенного интервала, особой познавательной позицией, имеющей относительный, а не абсолютный характер. Таким образом, никто не имеет «привилегированного» доступа к истине, и результаты познания могут носить характер лишь истины относительной, а не абсолютной.

3. Всякая познавательная позиция демонстрирует лишь потенциальную возможность для познания. Она реализуется лишь при условии применения интервального метода, который обеспечивает сложный интервальный синтез субъекта и объекта познания.

Исходя из перечисленных аспектов данного постулата, можно заключить, что существует множество познавательных позиций, но никакая из них не претендует на абсолютную истинность, а напротив, транслирует возможность получения частичной, ограниченной рамками конкретного интервала относительной истины.

Автор принципа интервальности в познании Ф. В. Лазарев пришел к выводу, что любая истина существует лишь в рамках определенного интервала абстракции, ввиду

чего различающиеся истины не взаимно исключают, а лишь ограничивают друг друга. Граница и есть интервал абстракции [6, с. 97]. Сама по себе философская проблема соотношения полученных нами данных о постигаемом объекте с его объективными характеристиками порождает проблему поиска и нахождения определенной «меры» истины. Как пишет соавтор интервальной концепции М. М. Новоселов, процесс измерения объекта заканчивается субъективным образом измеряемой величины объекта, а процесс познания объекта имеет своим результатом субъективный образ объекта в интервале абстракции [7, с. 100].

В отношении применения принципа интервальности в познании к исследованию террористической деятельности справедливо утверждать, что мы можем постичь ее сущность только в рамках определенного интервала абстракции. Например, нормативные правовые документы представляют собой один интервал абстракции, не претендующий на абсолютную истину, а системный, учитывающий сложность, открытость, или многомерный анализ, охватывающий множественность исследовательских измерений, разнокачественность исследуемого явления, – другой, более широкий и универсальный интервал абстракции. Для постижения многомерной сущности террористической деятельности как сложной целостности в полноте ее характеристик необходимо многомерное мышление, которое выступает концептуальной и методологической основой интервального подхода.

Из принципа интервальности вытекает вывод, что все имеющиеся концепции исследования террористической деятельности имеют равные права на истину в вопросах определения ее природы и особенностей. Любые теоретические и практические аспекты изучения данного феномена формируются в рамках и на основе определенной познавательной позиции и раскрывают истину не о террористической деятельности вообще, а в границах определенного интервала абстракции. Грань между различными концепциями террористической деятельности (нормативной, юридической, социологической, политологической) может рассматриваться в качестве интервала.

Учитывая сущность различных философских позиций в их решении проблемы познаваемости мира, считаем, что наиболее применимой позицией для научного знания в целом и для криминологического в частности является подход скептицизма, утверждающий, что мир познаваем частично. Также очень эффективен в познавательном отношении методологический подход, основанный на интервальной гносеологии, суть которого заключается в том, что человек в познании реальности не может достичь абсолютной истины, а достигает лишь относительной, которая может считаться абсолютной лишь в определенных условиях, задаваемых познавательной позицией, спецификой познающего субъекта, объекта познания, инструментов постижения последнего и т. д., т. е. ограничивается конкретным интервалом, измерением, в рамках которого происходит познавательный опыт.

Применение гносеологических основ исследования террористической деятельности позволяет уменьшить избыточный эклектизм и разнородность сфер научного знания, которые так или иначе относятся к изучаемому феномену, что помогает исключить неадекватные объекту исследования результаты познания, увеличить их эффективность, устранить излишнюю громоздкость, возможную бессистемность. Изложенное подтверждает необходимость активного применения философской методологии в познании сложных социальных явлений, в т. ч. в целях всестороннего криминологического исследования феномена террористической деятельности.

Заключение

Рассмотренные гносеологические принципы применимы в криминологическом знании. Они могут служить верным методологическим ориентиром в познании и адекватно отображать суть современного терроризма не только в теоретическом аспекте – в правосознании, но и в правовых конструкциях (правовых нормах, понятиях, определениях, теориях) и, как следствие, в практическом аспекте, т. е. в правоприменительной практике, правотворчестве. Ведь практика показывает, что, придерживаясь имеющегося, пока довольно размытого и методологически не выверенного представления о терроризме и практической стороне его реализации, невозможно эффективно разрешить актуальные проблемы по осуществлению противодействия данному феномену хотя бы по причине международной несогласованности в его определении, разнообразия и несогласованности методик его эмпирического изучения, статистического анализа и пр.

Человек в процессе своего социокультурного развития перманентно познает мир и себя самого, совершенствуя или коренным образом трансформируя результаты исследования явлений природы, общества, мышления и самого познания на основе улучшающихся когнитивных инструментов, появления новых знаний, расширения познавательных

возможностей благодаря успехам науки, философии и методологии познания. Большое значение в этой «когнитивной эволюции» сыграли процессы НБИКС-конвергенции [8, с. 27], связанные с коррелятивным объединением и синергетическим усилением результатов нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных наук и технологий.

Для понимания сущности терроризма и специфики его проявления в террористической деятельности необходимо осознавать, что оба феномена представляют собой сложные социальные явления, для изучения которых важно ориентироваться в социальной проблематике, иметь представление о современных тенденциях общественного развития, иначе исследование рискует оказаться неполным и недостаточным [9, с. 84; 10, с. 131].

Сегодня терроризм представляет собой внутренне противоречивое комплексное социально-правовое явление, обусловленное противоречиями и процессами, происходящими в современном обществе и имеющими свое воплощение в террористической деятельности на различных уровнях – региональном, локальном и даже глобальном, и являющее собой масштабную угрозу национальной безопасности. Он имеет свою структуру и содержание, отражающиеся в разветвленной системе форм, затрагивающих все социальные сферы.

Терроризм как феномен социально-правового характера стал объектом пристального внимания представителей различных областей науки – биологов, историков, археологов, философов, политологов, культурологов, психологов, социологов, юристов и др.⁵ [11–15]. В социальных и гуманитарных науках – психологии, социологии и политологии – терроризм и его причины анализируются преимущественно как специфический ответ на исторические, а также социально-политические процессы и явления в контексте социокультурного развития общества различных периодов. В библейском предании есть повествование о Каине, убившем своего брата Авеля, и бытует мнение, что первым террористическим актом можно считать именно этот эпизод. Но в данном случае мы имеем дело с религиозным текстом, повествованием, имеющим характер мифа, в связи с чем научным фактом его признавать сложно, поэтому, следует отнести к религиозно-мифологической сфере и рассматривать только в качестве предыстории терроризма.

Как справедливо отмечают современные исследователи терроризма, «само понятие “террористы” стало употребляться после Великой французской буржуазной революции, в связи с чем иногда зарождение терроризма ошибочно связывают с данным периодом. Однако и терроризм, и террористы появились задолго до происхождения самих терминов» [16, с. 10].

Можно сказать, что терроризм – это явление не только современное. Он представляет собой своеобразный, имеющий длительную историю развития феномен человеческого поведения, определяемый спецификой мировоззрения индивида, особенностями его психики.

Сам терроризм и практическая сторона его реализации в форме террористической деятельности претерпели трансформацию в современном глобальном мире, превратившись из национального деструктивного социально-правового явления в предельно дестабилизирующую мировую систему, транснациональное. Возможно, в связи с этим и само понимание данных феноменов усложнилось, стало размываться, а оценка террористической практики начала сильно политизироваться и идеологизироваться. Как отмечает А. Н. Игнатов, «современный международный терроризм, несмотря на всю его общественную опасность, – это своего рода атавизм трансформирующегося человечества. Это грубая обкатка технологий силовой конкуренции мировых акторов, в частности корпораций (государствообразующих, государственных, надгосударственных)» [17, с. 95].

Список литературы

1. *Абисова К. С.* Гносеологические основы исследования современного терроризма // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 2 (48). – С. 54–58.
2. *Кант И.* Сочинения : в 6 т. [пер. с нем.] / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гульги, Т. И. Ойзермана / [Т. 3 : ред. и авт. вступ. ст. Т. И. Ойзерман]. – Москва: Мысль, 1964. – Т. 3. – 798 с.
3. *Степин В. С.* Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45–59.

⁵ См., например: Барышников С. Г. Теоретико-методологические основания исследования террористической деятельности (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. – Челябинск, 2012. – 320 с.; Цыганкова Е. А. Разработка методического подхода к генетическому типированию штаммов сибирезвонного микроба: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Саратов, 2007. – С. 3, 27.

4. *Лебедев С. А.* Классическая, неклассическая и постнеклассическая методологии науки // Гуманитарный вестник. – 2019. – № 2 (76). – С. 1–13; <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-596>.
5. *Лебедев С. А.* Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки. – 2013. – № 4. – С. 69–83.
6. *Лазарев Ф. В., Новосёлов М. М.* Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 95–115.
7. *Новоселов М. М.* Логика абстракций : (Методологический анализ). – Москва: ИФ РАН, 2000. – Ч. 1. – 188 с.
8. *Кричевский Г.* Введение в НБИКС-технологии // НБИКС-Наука. Технологии. – 2017. – № 1. – С. 27–54.
9. *Игнатов А. Н.* Технологическое развитие человечества и перспективы трансформации уголовной политики и культуры противодействия преступности / Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции, 21 сентября 2018 г. : в 2 т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – Т. I. – С. 81–91.
10. *Игнатов А. Н., Ильянович Е. Б.* Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 129–133.
11. *Антонян Ю. М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – Москва: Щит-М, 1998. – 305 с.
12. *Гусев Н. Н.* Терроризм в контексте социологических парадигм // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 9. – С. 35–39.
13. *Гулевский А. Н.* Война, революция, терроризм в глобальном мире // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. – № 2 (54). – С. 86–91; <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-54-2-86-91>.
14. *Джаббаринасир Х. Р.* Влияние современного международного терроризма на основные мегатренды современной мировой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 22–33; <https://doi.org/10.15688/jvolsu-4-2021-3-3>.
15. *Мельникова А. А.* Суицидальный терроризм как культурный феномен // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 1. – С. 74–82; <https://doi.org/10.34823/SGZ.-2020-1-51290>.
16. *Сидоренко А. Г., Тихомиров Ю. В.* Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. – Москва: Кучково Поле, 2011. – 639 с.
17. *Игнатов А. Н.* «Криминология завтра» нужна уже сегодня // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 94–99.

References

1. *Abisova K. S.* Gnoseologicheskiye osnovy issledovaniya sovremennogo terrorizma // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (48). – С. 54–58.
2. *Kant I.* Sochineniya : v 6 t. [per. s nem.] / pod obshch. red. V. F. Asmusa, A. V. Gulygi, T. I. Oyzermana / [T. 3 : red. i avt. vstup. st. T. I. Oyzerman]. – Moskva: Mysl', 1964. – Т. 3. – 798 с.
3. *Stepin V. S.* Tipy nauchnoy ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma // Slozhnost' Razum. Postneklassika. – 2013. – № 4. – С. 45–59.
4. *Lebedev S. A.* Klassicheskaya, neklassicheskaya i postneklassicheskaya metodologii nauki // Gumanitarnyy vestnik. – 2019. – № 2 (76). – С. 1–13; <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-596>.
5. *Lebedev S. A.* Postneklassicheskaya epistemologiya: osnovnyye kontseptsii // Filosofskiy nauki. – 2013. – № 4. – С. 69–83.
6. *Lazarev F. V., Novosolov M. M.* Problema istiny v sotsial'no-gumanitarnykh nauках: interval'nyy podkhod // Voprosy filosofii. – 2005. – № 10. – С. 95–115.
7. *Novoselov M. M.* Logika abstraktsiy : (Metodologicheskiy analiz). – Moskva: IF RAN, 2000. – CH. 1. – 188 с.
8. *Krichevskiy G.* Vvedeniye v NBIKS-tekhnologii // NBIKS-Nauka. Tekhnologii. – 2017. – № 1. – С. 27–54.
9. *Ignatov A. N.* Tekhnologicheskoye razvitiye chelovechestva i perspektivy transformatsii ugolovnoy politiki i kul'tury protivodeystviya prestupnosti / Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 21 sentyabrya 2018 g. : v 2 t. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – Т. I. – С. 81–91.

10. *Ignatov A. N., Il'yanovich Ye. B.* Metodologicheskiye osnovy issledovaniya prestupnosti // *Obshchestvo i pravo.* – 2015. – № 2 (52). – S. 129–133.
11. *Antonyan Yu. M.* Terrorizm. Kriminologicheskoye i ugovolno-pravovoye issledovaniye. – Moskva: Shchit-M, 1998. – 305 s.
12. *Gusev N. N.* Terrorizm v kontekste sotsiologicheskikh paradigim // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2014. – № 9. – S. 35–39.
13. *Gulevskiy A. N.* Voyna, revolyutsiya, terrorizm v global'nom mire // *Vestnik Kalmytskogo universiteta.* – 2022. – № 2 (54). – S. 86–91; <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-54-2-86-91>.
14. *Dzhabbarinasir Kh. R.* Vliyaniye sovremennogo mezhdunarodnogo terrorizma na osnovnyye megatrendy sovremennoy mirovoy politiki // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya.* – 2021. – T. 26. – № 3. – S. 22–33; <https://doi.org/10.15688/jvolsu-4-2021-3-3>.
15. *Mel'nikova A. A.* Suitsidal'nyy terrorizm kak kul'turnyy fenomen // *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya.* – 2020. – № 1. – S. 74–82; <https://doi.org/10.34823/SGZ.-2020-1-51290>.
16. *Sidorenko A. G., Tikhomirov Yu. V.* Terrorizm i antiterroristicheskaya bezopasnost' v kontekste istorii i sovremennoy geopolitiki. – Moskva: Kuchkovo Pole, 2011. – 639 s.
17. *Ignatov A. N.* «Kriminologiya zavtra» nuzhna uzhe segodnya // *Obshchestvo i pravo.* – 2016. – № 4 (58). – S. 94–99.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted April 1, 2024; approved after reviewing May 27, 2024; accepted for publication June 10, 2024.

Научная статья

УДК 343.2

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-121-136>

Сергей Владимирович Векленко

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>, veklenkosv@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Презумпция вины в уголовном праве России

Аннотация: Введение. Проблема правильного понимания сущности, содержания и законодательной регламентации вины продолжает оставаться одной из самых актуальных для отечественного уголовного права, так как от ее правильного решения непосредственно зависят многие концептуальные вопросы. Безусловно, в разные времена эта проблема неоднократно становилась предметом научного исследования, однако далеко не все спорные и неоднозначные вопросы удалось привести к приемлемому большинством ученых и правоприменителей решению. **Методы.** В ходе научного поиска использованы общенаучные методы (диалектический, системный, структурный, формально-логический, анализ, синтез, аналогия, функциональный) и специально-юридические методы исследования (юридико-технический, догматический, сравнительно-правовой). В частности, использование парных категорий диалектики позволило установить неразрывную связь и взаимозависимость между понятием и сущностью вины, между ее формами и содержанием. **Результаты.** В статье сформулировано оригинальное понятие вины лица, совершившего преступление, а также ее наиболее значимые для правоприменительной практики формы проявления, которые нуждаются в законодательном закреплении и правоприменительном использовании в противодействии современной преступности. Для практической реализации сформулированных предложений автор считает необходимым внести соответствующие изменения в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: презумпция, вина, виновность, вменение, упречность, ненадлежащее

Для цитирования: Векленко С. В. Презумпция вины в уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 131–136; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-131-136>.

Sergey V. Veklenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-8625-8656>, veklenkosv@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Presumption of guilt in the Russian criminal law

Abstract: Introduction. The problem of correct understanding of the essence, content and legislative regulation of guilt continues to be one of the most actual for the national criminal law, as many conceptual issues directly depend on its correct solution. Undoubtedly, at different times this problem repeatedly became the subject of scientific research, but not all controversial and ambiguous issues have been brought to a solution acceptable by the majority of scientists and law enforcement officials. **Methods.** In the process of scientific research general scientific methods (dialectical, systemic, structural, formal-logical, analysis, synthesis, analogy, functional) and special-legal methods of research (legal-technical, dogmatic, comparative-legal) were used. In particular,

the use of paired categories of dialectics made it possible to establish an inseparable connection and interdependence between the concept and essence of guilt, between its forms and content. **Results.** The author formulates an original concept of guilt of a person having committed an offence, as well as its most significant forms of manifestation for law enforcement practice, which require legislative enshrinement and law enforcement use in counteracting modern crime. For practical implementation of the formulated proposals, the author considers it necessary to make appropriate changes in the current Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: presumption, guilt, culpability, imputation, blamefulness, inappropriate

For citation: Veklenko S. V. Presumption of guilt in the Russian criminal law // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 131–136; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-131-136>.

Введение

В разные исторические эпохи представления отдельных людей и различных социальных общностей относительно того, что нужно делать для общего или индивидуального блага, а чего делать не следует, постоянно трансформировались. От постоянно претерпевающих изменения представлений общества о добре и зле, о хорошем и плохом, о том, что заслуживает упрека или, наоборот, является безупречным, о справедливом и несправедливом, о правильном и неправильном непосредственно зависело то, что большинство членов общества считало преступным и уголовно наказуемым. И если на начальных этапах развития человеческой цивилизации на первый план выходили такие объективные признаки как ценность того блага, которому преступник причиняет вред, и величина этого вреда, то в последующем одним из основополагающих оснований уголовной ответственности и наказуемости противоправных деяний становится отношение лица, нарушившего запрет и причинившего вред, к тому, что он непосредственно или опосредованно совершил. Естественно, возникла насущная необходимость определить точные и однозначные критерии надлежащего (одобряемого обществом) и ненадлежащего (порицаемого обществом) отношения субъекта преступления к содеянному.

Методы

Изучение истории философии позволило выяснить, что за несколько столетий до нашей эры родоначальник атомистического материализма Демокрит пришел к выводу, что «честный и бесчестный человек познается не только из того, что он делает, но и из того, что он желает»¹. Один из известнейших философов XX века Ж.-П. Сартр в своих трудах отмечал, что человечество не может существовать без совокупности «априорных пределов, которые очерчивают фундаментальную ситуацию человека в универсуме... Пределы не субъективны и не объективны, скорее они имеют объективную и субъективную стороны» [1, с. 36–37]. Отечественный философ И. А. Ильин проводит границу между виновностью человека, как «внутреннего состояния его души и духа» и уголовной виновностью, определяемой «расхождением субъективной воли, породившей правонарушение, с единой объективной целью всего права» [2, с. 75].

Известный психолог В. Л. Васильев в своих научных исследованиях пришел к заслуживающему внимания выводу: «Человек постоянно сталкивается с необходимостью выбора одной из альтернатив поведения, и от него всегда ожидается проявление нормальных реакций на взаимодействие среды. Эти требования, в социальной психологии называемые “социальными ожиданиями”, необязательно исчерпывающим образом сформулированы, они как бы подразумеваются сами собой»².

Специалисты общей теории права, в целом поддерживая возможность отдельных видов ответственности за невиновное причинение вреда, все же отмечают, что «понятие правонарушения и вины – это определения одного и того же объективного содержания под различными углами зрения» [3, с. 115].

¹ Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общая ред. и вступ. ст. проф. М. А. Дынника. – Москва: Госполитиздат, 1955. – С. 155.

² Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник. – Санкт-Петербург: Питер Ком, 1998. – С. 127.

Анализ исторических, философских, психологических и правовых позиций убедительно доказывает, что постепенно, по мере развития цивилизованности, общество и государство вопросы ответственности отдельных членов социума за нарушение установленных правил поведения все больше связывают с наличием или отсутствием у этих нарушителей определенного отношения к содеянному. Иными словами, для привлечения правонарушителя к ответственности уже недостаточно причинить вред охраняемым законом правам и интересам или создать угрозу причинения такого вреда, необходима и совокупность субъективных признаков, характеризующих самого нарушителя и его отношение к содеянному.

Результаты

Проблема вины сегодня остается одной из актуальных для отечественного уголовного права [4, с. 3], так как от ее правильного решения непосредственно зависят многие концептуальные вопросы: основания и пределы уголовной ответственности лица, совершившего преступление; определение момента окончания преступного посягательства; особенности квалификации деятельности соучастников в преступлении; пределы ответственности лиц, нарушающих уголовно-правовые запреты, действуя при обстоятельствах, исключающих преступность деяния; особенности уголовно-правовой оценки единого сложного преступления и множественности преступных деяний. Кроме того, признаки и формы вины зачастую используются законодателем при конструировании конкретных составов преступлений.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации³ (далее – УК РФ) в ст. 5 закрепляет принцип вины, согласно которому запрещается привлекать к уголовной ответственности лиц, чья вина не установлена. Давая определение понятию преступления, в части первой статьи 14 УК РФ законодатель акцентирует внимание на том, что общественно опасное деяние должно быть «виновно совершенным». Глава 5 УК РФ в ст. 24 предусматривает две формы вины, в ст. 25 и 26 дает развернутую характеристику видам умысла и неосторожности, в ст. 27 устанавливает ответственность за преступления с двумя формами вины, в ст. 28 определяет невиновное причинение вреда. Однако в кодексе отсутствует законодательная формулировка самого понятия вины.

Наиболее очевидными причинами отсутствия законодательного закрепления вины видятся следующие.

Во-первых, не смотря на то, что термины «вина» и «виновность» очень похожи и нередко используются отдельными учеными как синонимы [5, с. 99–117], они не совпадают по объему и содержанию, т. к. виновность – это скорее процессуальная категория, подразумевающая на основании ст. 49 Конституции Российской Федерации, что ее установление и юридическое закрепление происходит лишь вступившим в законную силу приговором суда. В связи с этим следует поддержать позицию тех ученых, которые обоснованно считают, что «если бы законодатель ставил знак равенства между виновностью и виной, то он должен был после слова «виновно» написать «то есть умышленно или по неосторожности» [6, с. 34–35].

Второй причиной, на мой взгляд, является явное противоречие между принципом субъективного вменения, занимающим в настоящее время господствующее положение в уголовно-правовой доктрине, который, по мнению отдельных ученых, является центральной проблемой отечественного уголовного права [7, с. 68–69; 8, с. 14–24], и той объективной оценкой, которую компетентные правоприменительные органы самостоятельно должны давать в достаточно распространенных случаях нарушения уголовного закона. К таким ситуациям относятся совершение преступления по преступной небрежности, однозначно непсихическое отношение субъекта к совершаемому регламентировано в ч. 3 ст. 26 УК РФ; превышение пределов необходимой обороны или правил задержания преступников, явное несоответствие которых закреплены в ч. 2 ст. 37 и ч. 2 ст. 38 УК РФ; совершение преступления в состоянии опьянения, о психических компонентах которого речь идет в ст. 23 УК РФ; совершение преступления лицом, находящимся в состоянии ограниченной вменяемости, в соответствии со ст. 22 УК РФ.

Определение «объективного вменения», которое закреплено в ч. 2 ст. 5 УК РФ, скорее вводит в заблуждение, чем раскрывает его содержание [9, с. 132], т. к. ст. 28 УК РФ многие содержательные вопросы определения должного и надлежащего отношения субъекта к совершаемому им деянию отдает на усмотрение правоприменителя.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Поддерживая А. М. Трухина, который считает, что «принцип виновной ответственности за содеянное может быть реализован только с учетом диалектической связи между формой, содержанием и сущностью явления»⁴, полагаю, что законодательное закрепление понятия, содержания и форм вины невозможно без определения ее сущности.

Взяв за основу диалектический подход Гегеля: «Явление не показывает ничего такого, чего не было бы в сущности, и в сущности нет ничего такого, что не являлось бы»⁵, приходим к закономерному выводу, что сущность вины как уголовно-правового явления познаваема через изучение ее внешних проявлений.

подавляющее большинство научной и учебной литературы по уголовному праву формулирует понятие вины как психическое отношение субъекта преступления к совершенному им общественно опасному деянию, выраженному в форме умысла или неосторожности⁶. Однако с этим категорически нельзя согласиться. Как бы лицо ни относилось к тому, что оно совершает, без надлежащей юридической оценки его отношения государством в лице его правоприменительных органов признать наличие у него умысла или неосторожности не представляется возможным. Речь идет не только о действиях так называемой «непреодолимой силы» и иных форс-мажорах, не только о вышеупомянутых состояниях опьянения и ограниченной вменяемости, но и о весьма распространенных преступлениях, совершаемых по преступной небрежности, когда законодатель прямо говорит о долге субъекта преступления предвидеть то, чего он реально не предвидел.

Прав А. Э. Жалинский, считающий, что «наличие вины означает, что именно данному субъекту, совершившему противоправное деяние, это деяние лично может быть поставлено в упрек» [10, с. 214].

Таким образом, вина как уголовно-правовое явление состоит из двух отношений: 1) психического отношения субъекта преступления к тому, что он совершает; 2) отношения общества, подразумевающего правовую оценку отношения лица к совершенному им нарушению уголовно-правового запрета. Причем первое отношение, как было показано выше, является обязательным не во всех ситуациях, второе же отношение должно присутствовать во всех без исключения случаях. Поэтому именно отношение общества, позволяющее предъявить упрек субъекту преступления, на мой взгляд, составляет сущность вины.

В российской уголовно-правовой доктрине общепризнанным является выделение двух основных компонентов содержания вины: интеллектуального (сознание и предвидение) и волевого (желание или стремление)⁷ [11, с. 137; 12, с. 51]. Не вдаваясь в их подробный анализ, который мною ранее уже был осуществлен [13, 14], следует отметить, что содержание вины будет неполным, если в качестве обязательной составляющей не будет включать в себя презюмируемую государством обязанность субъекта преступления надлежащим образом относиться к нарушению им прав и законных интересов, стоящих под охраной уголовного закона. К аналогичным выводам в своем диссертационном исследовании пришел и А. И. Плотников, по мнению которого, вина, в случае преступной небрежности «заключается не в психическом отношении, а в потенциальной возможности его наличия, служащей объективной основой неписаной социальной нормы (сформировавшегося в обществе представления о должном поведении), запрещающей определенное поведение» [15].

Заключение

В целях повышения эффективности механизма реализации принципа виновного вменения, считаю необходимым закрепление в действующем уголовном законодательстве следующего базового понятия: Вина – это упречное сознательно-волевое или ненадлежащее (презюмируемое государством) отношение лица к совершаемому им нарушению уголовно-правового запрета. Термин «ненадлежащее» сам по себе означает негативную, допускающую возможность предъявления упрека, оценку государством в лице его правоохранительных органов, недостаточно внимательного или небрежного отношения субъекта преступления к тому, что он совершил.

Всвязистем, что вина как любое уголовно-правовое явление всегда представляет собой единство формы и содержания, определение ее нового содержания вполне закономерно

⁴Трухин А. М. Вина как субъективное основание уголовной ответственности : учебное пособие. – Красноярск: КрасГУ, 1992. – С. 3.

⁵Гегель Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / вступ. статья Е. Ситковского. – Москва: Мысль, 1974. – Т. 1: Наука логики. – С. 307.

⁶Ахметшин Х. М., Дубовик О. Л., Дьяков С. В. [и др.] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. – Том 1. Общая часть / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. – Москва: Норма, 1996. – С. 47.

⁷Рарог А. И. Общая теория вины в уголовном праве : учебное пособие. – Москва: ВЮЗИ, 1980. – С. 12.

и неизбежно должно повлечь изменение законодательно закрепленных конструкций форм вины. Первой и по значимости, и по распространенности, и по общественной опасности видится форма вины, характеризующаяся упречным сознательно-волевым отношением субъекта преступления к нарушаемому им уголовно-правовому запрету.

В зависимости от соотношения содержательных признаков, характеризующих различные проявления сознания и воли субъекта преступления и соответственно разную степень общественной опасности такого отношения, следует выделить три вида сознательно-волевой вины: прямой умысел, косвенный умысел и легкомыслие.

Основным содержанием второй формой вины, в которой отсутствует реальное психическое или сознательно-волевое отношение субъекта преступления к совершаемому им деянию, должно стать оценивающее отношение общества к тому, что лицо совершило, как оно к этому относилось и, самое главное, как оно, с точки зрения государства и общества, должно было к этому относиться. Если будет установлено, что лицо относилось ненадлежащим образом, это обуславливает возможность предъявления данному лицу упрека, установления в его деянии презюмируемой вины и последующего привлечения к уголовной ответственности.

В заключение хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что между закрепленной в Конституции Российской Федерации презумпцией невиновности и наличием в отечественном уголовном праве презумпции вины нет противоречий. Лица, совершающие преступления в силу ненадлежащего отношения к охраняемым уголовным законом ценностям, безусловно заслуживают упрека и признания их виновными. В целях повышения эффективности института виновной ответственности считаю необходимым законодательное закрепление понятия вины и двух ее форм, различающихся по наличию либо отсутствию упречного (осуждаемого обществом) сознательно-волевого отношения субъекта преступления к нарушению им уголовно-правового запрета.

Список литературы

1. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм / Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева ; Перевод. – Москва: Политиздат, 1990. – С. 319–344.
2. *Ильин И. А.* О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – Москва: Рарог, 1993. – 234 с.
3. *Денисов Ю. А.* Общая теория правонарушения и ответственности: Социологические и юридические аспекты. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1983. – 142 с.
4. *Недопекина Т. Б.* Преступное легкомыслие: вопросы законодательного регулирования, проблемы теории и практики: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
5. *Сергеева Т. Л.* Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. – Москва; Издательство и 2-я типография издательства Академии наук СССР в Москве, 1950. – 184 с.
6. *Марцев А. И.* Общие вопросы учения о преступлении : монография. – Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. – 136 с.
7. *Келина С. Г.* Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 65–71.
8. *Рарог А. И.* Проблема вины и реформа уголовного законодательства / Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступностью : сборник научных трудов / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. – Москва: [б. и.], 1989. – С. 14–24.
9. *Язовских Ю. А.* Превышение пределов необходимой обороны и принцип вины // Российский юридический журнал. – 1997. – № 3 (15). – С. 129–136.
10. *Жалинский А. Э.* Современное немецкое уголовное право. – Москва: Проспект, 2006. – 560 с.
11. *Утевский Б. С.* Вина в советском уголовном праве. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 318 с.
12. *Назаренко Г. В.* Вина в уголовном праве. – Орел: Орловская высшая школа МВД РФ, 1996. – 94 с.
13. *Векленко С. В.* Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве : монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2002. – 192 с.
14. *Векленко С. В.* Диалектика и вопросы вины в уголовном праве : монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. – 84 с.
15. *Плотников А. И.* Объективное и субъективное в преступлении : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2011. – 240 с.

References

1. *Sartr Zh. P. Ekzistentsializm – eto gumanizm / Sumerki bogov / sost. i obshch. red. A. A. Yakovleva ; Perevod. – Moskva: Politizdat, 1990. – S. 319–344.*
2. *Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya / sost. i avt. vstup. st. I. Smirnov. – Moskva: Rarog, 1993. – 234 s.*
3. *Denisov Yu. A. Obshchaya teoriya pravonarusheniya i otvetstvennosti : Sotsiologicheskiye i yuridicheskiye aspekty. – Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1983. – 142 s.*
4. *Nedopekina T. B. Prestypnoe legkomislie: voprosi zakonodatelnogo regyirovaniia, problem teorii i praktiki. – M.: Yrlitinform, 2011. – 176 s.*
5. *Sergeyeva T. L. Voprosy vinovnosti i viny v praktike Verkhovnogo Suda SSSR po ugovolnym delam. – Moskva; Izdatel'stvo i 2-ya tipografiya izdatel'stva Akademii nauk SSSR v Moskve, 1950. – 184 s.*
6. *Martsev A. I. Obshchiye voprosy ucheniya o prestuplenii : monografiya. – Omsk: Omskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2000. – 136 s.*
7. *Kelina S. G. Nekotoryye napravleniya sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1987. – № 5. – S. 65–71.*
8. *Rarog A. I. Problema viny i reforma ugovolnogo zakonodatel'stva / Problemy ugovolno-pravovoy bor'by s prestupnost'yu : sbornik nauchnykh trudov / otv. red. B. V. Zdravomyslov. – Moskva: [b. i.], 1989. – S. 14–24.*
9. *Yazovskikh Yu. A. Prevysleniye predelov neobkhodimoy oborony i printsip viny // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 1997. – № 3 (15). – S. 129–136.*
10. *Zhalinskiy A. E. Sovremennoye nemetskoye ugovolnoye pravo. – Moskva: Prospekt, 2006. – 560 s.*
11. *Utevskiy B. S. Vina v sovetskom ugovolnom prave. – Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1950. – 318 s.*
12. *Nazarenko G. V. Vina v ugovolnom prave. – Orel: Orlovskaya vysshaya shkola MVD RF, 1996. – 94 s.*
13. *Veklenko S. V. Ponyatiye, sushchnost', sodержaniye i formy viny v ugovolnom prave : monografiya. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2002. – 192 s.*
14. *Veklenko S. V. Dialektika i voprosy viny v ugovolnom prave : monografiya. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2003. – 84 s.*
15. *Plotnikov A. I. Ob'yektivnoye i sub'yektivnoye v prestuplenii : monografiya / otv. red. A. I. Chuchayev. – Moskva: Prospekt, 2011. – 240 s.*

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted January 30, 2024; approved after reviewing April 26, 2024; accepted for publication May 17, 2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-137-145>

Александр Юрьевич Головин

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0009-0004-1761-2473>, golovintula@rambler.ru

Тульский государственный университет

Российская Федерация, 300012, Тула, пр. Ленина, д. 92

Объект, предмет и система криминалистики: есть ли предпосылки расширения?

Аннотация: Введение. Основным предназначением криминалистики выступает решение ряда теоретических и прикладных задач противодействия преступности, повышения эффективности и результативности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. При этом получаемые в ходе криминалистических исследований знания оказываются востребованы в других сферах юридической, управленческой, экономической и прочей деятельности. Возможности приспособления и использования криминалистических знаний и наработок в юридической и иной деятельности, не связанной с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, обусловили появление в криминалистической литературе разнообразных предложений о расширении объекта и предмета криминалистики, трансформации ее системы. Такие предложения должны выступать предметом научно-криминалистического анализа и дискуссии. **Методы.** Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, герменевтический и ряд других. **Результаты.** В проведенном исследовании оценены возможности использования результатов криминалистических исследований и основанных на них криминалистических знаний не только в работе по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, но и в других сферах юридической, управленческой, экономической и прочей деятельности. Проанализированы и критически оценены представленные в юридической литературе позиции ученых-криминалистов по вопросу о возможности расширения объектно-предметной области и системы криминалистики в связи с фактическим применением и приспособлением криминалистических знаний в гражданском и административном судопроизводстве, частно-детективной, охранной, нотариальной, предпринимательской деятельности. Обосновывается вывод автора о том, что, несмотря на потенциальные возможности и фактическое применение и адаптацию криминалистических знаний в различных областях правоприменения и другой некриминалистической деятельности, отсутствуют основания и теоретико-методологические предпосылки для расширения объекта, предмета и системы традиционной криминалистики, изменения ее предназначения и задач.

Ключевые слова: объект криминалистики, предмет криминалистики, система криминалистики, задачи криминалистики, криминалистические знания, правоприменительная деятельность, гражданский процесс, экономическая безопасность

Для цитирования: Головин А. Ю. Объект, предмет и система криминалистики: есть ли предпосылки расширения? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 137–145; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-137-145>

Alexander Yu. Golovin

Dr. Sci (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0009-0004-1761-2473>, golovintula@rambler.ru

Tula State University

92, Lenin Ave., Tula, 300012, Russian Federation

Object, subject and system of criminalistics: are there prerequisites for expansion?

Abstract. Introduction. The main purpose of criminalistics is to solve a number of theoretical and applied problems of fighting crime, increase effectiveness and efficiency of activities aimed at solution, investigation and prevention of crime. At the same time, the knowledge obtained in the course of forensic research is in demand in other spheres of legal, managerial, economic and other activities. The possibilities of adaptation and use of forensic knowledge and developments in legal and other activities not related to the detection, investigation and prevention of crime, led to the emergence in forensic literature of various suggestions to expand the object and subject of forensic science, to transform its system. Such suggestions should be the subject of scientific and forensic analysis and discussion. **Methods.** The methodological basis of the study was formed by general scientific and specific scientific means of perception: dialectical, formal logic (analysis, synthesis, induction, deduction), historical, systemic, comparative study, hermeneutic and a number of others. **Results.** The study evaluated the possibilities of using the results of forensic research and forensic knowledge based on them not only in the work aimed at detection, investigation and prevention of crime, but also in other areas of legal, managerial, economic and other activities. The viewpoints of forensic scientists presented in the legal literature and dealing with the possibility of expanding the object-subject area and system of criminalistics in the context of the actual application and adaptation of criminalistics knowledge in civil and administrative proceedings, private detective, security, notarial, business activities, have been analysed and critically evaluated. The author's conclusion is substantiated that, despite the potentialities and actual application and adaptation of forensic knowledge in various areas of law enforcement and other non-criminalistic activities, there are no grounds and theoretical and methodological prerequisites for expanding the object, subject and system of traditional forensic science, changing its purpose and objectives.

Keywords: object of criminalistics, subject of criminalistics, system of criminalistics, tasks of criminalistics, criminalistic knowledge, law enforcement activity, civilistic process, economic security

For citation: Golovin A. Yu. Object, subject and system of criminalistics: Are there prerequisites for expansion? // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 137–145; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-137-145>

Введение

Современная криминалистика как юридическая наука специального характера ориентирована на решение широкого круга теоретических и прикладных задач противодействия преступности, повышения эффективности и результативности уголовно-процессуальной деятельности. Результаты криминалистических исследований и основанные на них криминалистические знания при этом оказываются востребованы не только в работе по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, но и в других сферах юридической, управленческой, экономической и прочей деятельности. Это во многом объяснимо тем, что средства, приемы и рекомендации, разработанные криминалистикой в целях обеспечения уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемые в процессе доказывания и работе с иной информацией, решения розыскных и организационных задач, могут непосредственно использоваться или легко приспособляться юристами и другими специалистами-практиками при установлении, проверке и оценке фактов и обстоятельств в других сферах процессуальной и иной юридической деятельности (административной, гражданской, арбитражной, нотариальной, адвокатской), контрольной или профилактической работе органов государственной власти или местного самоуправления, частно-детективной деятельности, действиях по снижению рисков в бизнесе и пр. В этом заключается особая значимость криминалистических знаний в общей системе профессиональной подготовки современных юристов, а также важная роль криминалистики в системе уголовно-правовых и других юридических наук.

Как следствие, возможности приспособления и использования криминалистических знаний и наработок в юридической и иной деятельности, не связанной с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, периодически становятся объектами самостоятельных научных исследований, в том числе проводимых учеными-криминалистами. При этом нередко высказываются мнения о необходимости расширения

объекта и предмета криминалистики, ее системы, определения в качестве самостоятельных направлений и задач научных исследований «криминалистического обеспечения» различных видов деятельности, не осуществляемых правоохранительными органами и не направленных на противодействие преступности¹.

Соглашаясь с возможностью и отмечая во многих случаях полезность исследований применения криминалистических знаний в других сферах юридической и иной общественно-полезной деятельности (далее также – некриминалистических сферах деятельности), в то же время необходимо детально проанализировать обоснованность предложений о включении такого рода потребностей в систему задач собственно криминалистики, а также целесообразность расширения в связи с этим объекта, предмета и системы этой юридической науки.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, герменевтический и ряд других.

Результаты

Идеи применения (приспособления, использования) криминалистических знаний в сферах юридической деятельности, непосредственно не связанных с раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, не новы. Еще в конце 60-х годов прошлого столетия Р. С. Белкин отмечал, что «из юридических наук криминалистика наиболее тесно связана с науками уголовного и гражданского процессуального права, особенно с теми их разделами, которые посвящены теории доказательств и процессуальному порядку проведения следственных и судебных действий» [1, с. 34].

В период 70–80 гг. прошлого столетия научные исследования, посвященные вопросам применения криминалистических данных в гражданском судопроизводстве, также активно проводились В. Г. Тихиной. При этом следует подчеркнуть, что в советский период вопросы применения криминалистических данных в гражданско-процессуальной деятельности рассматривались преимущественно в рамках науки гражданского процесса без внесения предложений о пересмотре представлений об объекте, предмете, задачах или системе собственно криминалистики. Например, диссертационное исследование В. Г. Тихини было представлено к защите по гражданско-правовой научной специальности (12.00.03)².

Бурные социально-политические и экономические процессы постсоветского периода, эволюция материального и процессуального законодательства России обусловили появление новых взглядов и концепций развития криминалистики в изменившихся условиях. Не осталось без внимания исследователей и появление различных видов юридической и иной деятельности, где могли бы применяться криминалистические знания и данные.

В частности, этот вопрос был рассмотрен Г. А. Зориным, предложившим в числе отраслей криминалистической науки «криминалистику хозяйственной деятельности» и «банковскую криминалистику». Впрочем, обосновывая свою точку зрения, автор сделал акцент не столько на возможности применения криминалистических знаний в указанных сферах деятельности, сколько на необходимости противодействия теневой экономике и экономической преступности [2, с. 21–24].

Предложение Г. А. Зорина о введении приведенных «отраслей» в систему криминалистики в целом не получило поддержки научной общественности. С критикой этой идеи, в частности, выступили Р. С. Белкин, Н. П. Яблоков, А. А. Эксархопуло, В. И. Комиссаров, А. Г. Филиппов и другие ученые, в т. ч. автор настоящей статьи. Однако обсуждение концепций «экономической», «хозяйственной», «банковской», «частно-детективной», «нотариальной» и иных подобных «криминалистик» продолжилось. Например, эту позицию в первой половине нулевых годов текущего столетия активно отстаивали

¹ См., например: Гамза В. А. Проблемы криминалистического обеспечения безопасности коммерческого банка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2001. – 30 с.; Криминалистическое обеспечение безопасности предпринимательской деятельности: научно-практическое пособие / отв. ред. Е. П. Ищенко. – Москва: Проспект, 2021. – 192 с.; Иванов Н. А., Жижин Н. А., Комиссарова Я. В., Махтаев М. Ш. [и др.] Криминалистическое обеспечение деятельности бизнес-юриста / отв. ред. М. В. Жижина. – Москва: Проспект, 2023. – 328 с.; Рожков А. Ю. Криминалистическое обеспечение гражданского и арбитражного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2003. – 21 с. и др.

² Тихиня В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Минск, 1984. – 386 с.

В. А. Гамза, И. Б. Ткачук и некоторые другие авторы [3; 4]. В числе основных доводов при этом называлась необходимость криминалистического обеспечения деятельности коммерческих организаций как элемента обеспечения их безопасности и защиты, в т. ч. от криминальных посягательств. Результаты таких научных исследований, по мнению их сторонников, также должны были получить свое место в системе криминалистики [5, с. 229].

Здесь следует отметить, что термин «экономическая криминалистика» в ряде случаев использовался в криминалистической науке в других смысловых значениях, не связанных с использованием криминалистических знаний субъектами предпринимательской или иной экономической деятельности. Так, отдельные авторы этим термином обозначали направление (самостоятельную «отрасль») криминалистических исследований преступлений в сфере экономики [6, с. 285]. Другие исследователи, безапелляционно заявляя о «решении вопроса существования экономической криминалистики», в то же время отождествляют эту область знаний с дисциплиной «Судебная бухгалтерия» [7, с.120].

Не преследуя цели в рамках настоящей работы обосновывать дискуссионность всех представленных идей, в то же время считаем необходимым отметить, что имеющая место в криминалистической литературе путаница при определении термина «экономическая криминалистика» лишней раз подчеркивает его искусственность и неоднозначность. Тот же вывод в целом применим и к другим подобным терминам: «хозяйственная», «банковская», «предпринимательская» и иная нетрадиционная «криминалистика», а также к обозначаемым этими терминами неких структурных образований (разделов, отраслей и пр.) в системе криминалистической науки.

Представляется необходимым также проанализировать некоторые предложения по изменению объектно-предметной области криминалистики в связи с широкими возможностями применения и приспособления криминалистических знаний в различных сферах юридической и иной деятельности. И здесь следует подчеркнуть, что не всегда корректное определение научных границ, отделяющих возможности использования (применения, приспособления, адаптации) криминалистических знаний в других сферах деятельности от криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и профилактики преступлений, к сожалению, привело ряд ученых-криминалистов к дискуссионным суждениям о возможностях расширения объекта, предмета и системы криминалистики.

Так, по мнению В. В. Степанова, в современных условиях правоприменения объектом познания криминалистики должны выступать правонарушения вообще, независимо от их вида, то есть помимо преступлений также административные, гражданско-правовые и дисциплинарные проступки. Соответственно, как полагает автор, расширяется изучаемая деятельность «по выявлению и доказыванию обстоятельств» таких правонарушений и их предупреждению и, как следствие, объектно-предметная область криминалистического познания [8, с. 89].

Н. Ю. Лебедев и Е. В. Чеснокова также считают, что существует необходимость «...корректировки предмета криминалистики и расширения его за счет познания иных видов противоправных деяний – гражданско-правовых, административных и иных проступков». Авторы обосновывают свой вывод тем, что закономерности противоправного деяния и возникновения информации о противоправном деянии имеют схожую природу независимо от того, отнесены ли законодателем такие деяния к преступлениям или иным правонарушениям [9, с. 74].

Схожее мнение было высказано А. М. Кустовым, полагающим, что на сегодняшний день «перед учеными-криминалистами встает исторический вопрос расширения предмета науки и сферы использования ее достижений – познание закономерностей механизмов правонарушений (преступлений и гражданско-правовых и административных проступков), закономерностей возникновения информации о самих правонарушениях и их участниках, закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств в гражданском, арбитражном и административном производстве, обеспечения криминалистическими разработками вышеуказанных процессов» [10, с. 137].

Более развернуто эта позиция представлена в докторской диссертации М. В. Жижинной. Автор, отмечая актуальность применения криминалистических знаний и средств в гражданском судопроизводстве, предлагает создать в рамках криминалистики отдельное научное направление – частную теорию криминалистического обеспечения установления фактических обстоятельств при судебном рассмотрении гражданских дел. В числе закономерностей, которые могут быть положены в основу такой теории, М. В. Жижинной выделены: тенденция экстенсивного развития криминалистики как юридической

дисциплины; наличие общего и особенного в «механизме» доказывания в различных видах процесса; обстоятельную разработанность криминалистического обеспечения установления фактических обстоятельств по уголовным делам, имеющую общий характер, и отсутствие аналогичных знаний для других видов судопроизводства. Изложенное, как полагает автор, позволяет расширить предмет криминалистики путем развития и адаптации криминалистических знаний для применения в гражданском процессе³.

Приведенные выше научные позиции содержат в целом верный вывод о потенциальной возможности широкого применения криминалистических знаний, разработанных криминалистикой средств, приемов, методов и технологий познания и описания преступной деятельности, работы с доказательствами и иной криминалистически значимой информацией субъектами некриминалистической деятельности (в т. ч. в гражданском и арбитражном процессе, административном судопроизводстве, юридической практике в предпринимательской сфере и др.). На это обстоятельство, например, неоднократно обращал внимание Н. П. Яблоков, который также не исключал возможности криминалистических исследований, направленных на дальнейшее совершенствование технических и тактико-методологических средств и информационных технологий криминалистики, расширяющих возможности их применения не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в других видах правоприменительной деятельности. Автор связывал необходимость подобных исследований с вопросом повышения значимости криминалистики как науки и учебной дисциплины в ряду других базовых юридических наук, лежащих в основе юридического образования [11, с. 145].

Здесь важно обратить внимание на то, что, подчеркивая универсальный характер криминалистических знаний для современного юриста и возможность их применения в различных сферах правоприменительной деятельности, Н. П. Яблоков при этом неоднократно высказывал и поддерживал мнение, что такие исследования не должны менять объектно-предметную область криминалистики и ее систему. Например, в одном из наших совместных с Н. П. Яблоковым трудов при оценке идеи «криминалистического обеспечения банковской или иной коммерческой деятельности» прямо указывалось, что «...этот вид деятельности не относится к объекту криминалистической науки, а разработка средств и методов ее осуществления, пусть даже с заимствованием криминалистических достижений, не отражает предназначение криминалистики» [12, с. 139].

Противником идеи расширения объектно-предметной сферы криминалистики в связи с активным применением и приспособлением криминалистических знаний в некриминалистических сферах деятельности выступил А. А. Эксархопуло. По мнению автора, с появлением новых потребителей криминалистических знаний предмет и пределы самой криминалистики не меняются, расширяется лишь сфера их применения [13, с. 32].

Кроме того, у указанных выше сторонников расширения объектно-предметной области криминалистической науки нет четкого ответа на вопрос, поставленный Е. В. Смахтиным о том, какие новые объекты должна исследовать криминалистика, постигая гражданский и арбитражный процесс? [14, с. 29].

Также важно понимать, какой значимый научный результат, если оценивать его традиционных криминалистических позиций, будет получен в итоге подобных исследований и к какой области науки он должен быть отнесен. Для примера стоит указать несколько новейших направлений и задач «криминалистического обеспечения» или «тактики» некриминалистической деятельности, предлагаемых к исследованию в юридической литературе последних лет: «криминалистическое обеспечение безопасности имущества бизнес-структур», «криминалистическое обеспечение безопасности документооборота», «криминалистическое обеспечение кадровой работы», «тактика ведения переговоров с контрагентами», «организация службы безопасности коммерческих структур» [15, с. 186], «криминалистическое обеспечение информационной безопасности предприятия» [16, с. 34], «криминалистическое обеспечение защиты интересов предпринимателей в спорах, связанных с государственными и муниципальными закупками, в арбитражном судопроизводстве» [17, с. 5], разработка «комплексных методических рекомендаций, закрепляющих алгоритмизацию проверок ходатайств сторон о фальсификации доказательств в арбитражном процессе» [18, с. 63] и т. п.

Применительно к изложенному отметим, что связь традиционной криминалистики и ряда подобных направлений исследований весьма опосредованная. Другую часть названных

³ Жижина М. В. Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2017. – С. 11.

направлений, несмотря на присутствие в рассуждениях терминов «криминалистическое обеспечение» или «тактика», сложно даже представить в качестве объекта (предмета) исследований в криминалистике и других уголовно-правовых науках. Как следствие, несмотря на принципиальную возможность и фактически осуществляемое заимствование и приспособление криминалистических знаний, средств и методов в процессе разработки рекомендаций для бизнес-юристов, судей-цивилистов, нотариусов, частных детективов, специалистов по безопасности и других субъектов некриминалистической деятельности, потребности в таких исследованиях собственно криминалистическими не являются и не должны определяться как задачи криминалистики. Соответственно, проведение таких исследований, пусть даже по инициативе или с участием ученых-криминалистов, находится вне объектно-предметной области традиционной криминалистики.

Эти выводы помимо прочего указывают на дискуссионный характер предложений о возможности включения в систему криминалистики результатов приспособления криминалистических знаний и данных в различных сферах некриминалистической деятельности. Например, Т. С. Волчецкая, отмечая активное увлечение вопросами разработки подобного «криминалистического обеспечения» сферы некриминалистической деятельности, высказала мнение, что такой раздел имеется в криминалистике «де-факто» и предложила его закрепить «де-юре», назвав подобный раздел «прикладная криминалистика в юридической практике». Именно в этом разделе, по мнению автора, могут исследоваться вопросы адаптации положений криминалистики в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, в таможенном деле, в деятельности нотариуса [19, с. 350].

Думается, что вопросы обеспечения рекомендациями субъектов цивилистической, предпринимательской, кадровой и многих других видов некриминалистической деятельности не относятся к области уголовно-правовых наук, в системе которых важное место занимает криминалистика. Как следствие, проведение попытки отнесения рассматриваемых исследований к объектно-предметной области криминалистики не находятся в необходимой корреляции с ее местом и системными связями с другими науками уголовного-правового цикла. Заимствование и приспособление криминалистических знаний и данных в других сферах правоприменительной деятельности (при реальной необходимости) предполагает проведение такого рода исследований в соответствующих областях наук (цивилистических, административно-правовых и др.) или на междисциплинарном уровне. Результаты таких исследований должны быть отнесены к системам соответствующих областей научного знания, а не криминалистики. Изложенное позволяет согласиться с мнением Л. В. Бертовского о том, что исследования, результатом которых являются разработки, обеспечивающие цивилистический процесс или иную деятельность, нужно проводить в рамках других научных специальностей [20, с. 11].

Иными словами, криминалистические знания можно адаптировать, приспособлять с учетом специфики соответствующих наук и познаваемых ими видов деятельности (общественных отношений). Результаты таких изысканий становятся знаниями соответствующих отраслей науки и практики. Имея источником научного происхождения криминалистику, после процесса научной или прикладной адаптации такие знания (приемы, средства, методы, технологии) приобретают иное назначение.

Аналогичная ситуация происходит при заимствовании самой криминалистикой знаний, данных, средств и технологий из других областей науки и практики. После необходимых модернизации и адаптации под решение задач криминалистики такие знания становятся собственно криминалистическими (а не техническими, психологическими, медицинскими и пр.). Результаты заимствования и приспособления криминалистикой достижений других наук под решение своих задач находят свое место в системе именно криминалистики, а не иных областей научного знания.

Представляется, что введение в систему криминалистики новых разделов, не находящихся в надлежащих теоретических, методологических, структурных, понятийно-терминологических связях с ее традиционными частями (разделами), в т. ч. вступающих в противоречие с предназначением этой науки, сложно называть фактором развития или поиска новых криминалистических направлений. Скорее, это симптом, указывающий, что криминалистика переживает очередной этап осмысления и отстаивания своего места и роли в системе юридических наук, основной задачей которых выступает противодействие преступности.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

– криминалистические знания занимают важное место в системе профессиональных знаний современных юристов, могут использоваться в различных областях правоприменения,

приспосабливаться к решению задач экономической и иной общественно-полезной деятельности;

– потенциальные возможности адаптации и потребности субъектов некриминалистической деятельности в использовании криминалистических знаний, приемов и средств не могут рассматриваться как основания или теоретико-методологические предпосылки для расширения объекта, предмета и системы криминалистики, изменения ее предназначения и задач;

– несмотря на полезность исследований возможностей применения криминалистических знаний в некриминалистических сферах юридической и иной общественно-полезной деятельности, такие изыскания проводятся вне объектно-предметной области криминалистики, а их результаты необходимо относить к областям научного знания, объектом познания которых выступает соответствующая деятельность (общественные отношения);

– представляется некорректным использование для обозначения направлений (задач) рассматриваемых исследований и их результатов криминалистической терминологии, характеризующей элементы системы криминалистики («криминалистическое обеспечение», «криминалистическая тактика», «криминалистическая методика» и пр.). Более обоснованным видится использование словосочетания «применение криминалистических знаний» с конкретизацией под определенный вид некриминалистической деятельности или задачи.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств : Сущность и методы. – Москва: Наука, 1966. – 295 с.
2. Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. – Минск: Алмафeya, 2000. – 416 с.
3. Гамза В. А., Ткачук И. Б. Безопасность коммерческого банка: организационно-правовые и криминалистические проблемы. – Москва: Издательство Шумилова, 2002. – 250 с.
4. Жук М. Г. Криминалистика экономической безопасности как новый аспект в развитии классической криминалистики / Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред.: А. А. Кузнецов. – Омск: Омская академия МВД России, 2007. – Вып. 6. – С. 53–60.
5. Гамза В. А. Структура криминалистики: системный подход / Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики : материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина), 6 мая 2002 г. – Москва: Академия управления МВД России, 2002. – С. 229–233.
6. Шумак Г. А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки / Право и демократия : сборник научных трудов. – Минск: Белорусский государственный университет, 2001. – Вып. 11. – С. 284–285. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/23561?mode=full>.
7. Голубятников С. П. Экономическая криминалистика: фантом или реальность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 117–121.
8. Степанов В. В. Предмет криминалистики в современных условиях правоприменительной деятельности / Криминалистика в системе правоприменения : материалы научной конференции, 27–28 октября 2008 г. – Москва: Макс Пресс, 2008. – С. 89–90.
9. Лебедев Н. Ю., Чеснокова Е. В. О подходах к предмету криминалистики и теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 70–82; <https://doi.org/10.17223/22253513/36/7>.
10. Кустов А. М. Совершенствование предмета и объектов криминалистики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 4 (14). – С. 137–140.
11. Яблоков Н. П. Задачи криминалистики в свете сегодняшнего дня // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2 (40). – С. 144–147.
12. Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Норма, 2009. – 288 с.
13. Эксархопуло А. А. Предмет и пределы криминалистики / Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики : материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина), 6 мая 2002 г. – Москва: Академия управления МВД России, 2002. – С. 30–34.
14. Смахтин Е. В. Криминалистика: кризис или необходимость уточнения содержания предмета? // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5 (101). – С. 26–32.

15. *Махтаев М. Ш.* К вопросу о том, в каком направлении должна развиваться наука криминалистика // Юридическая наука. – 2018. – № 2. – С. 180–191.
16. *Жижина М. В.* Криминалистическое обеспечение информационной безопасности предприятия // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2018. – № 3. – С. 29–35; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.55.3.029-035>.
17. *Дабаев Б. А.* Криминалистическое обеспечение защиты интересов предпринимателей в арбитражном судопроизводстве: постановка проблемы // Российский следователь. – 2021. – № 12. – С. 3–6.
18. *Гарига О. А.* Возможности криминалистического обеспечения арбитражного судопроизводства // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2021. – № 1 (17). – С. 61–64.
19. *Волчецкая Т. С.* Современные направления развития криминалистики как науки и учебной дисциплины // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 1. – С. 349–353.
20. *Бертовский Л. В.* Еще раз об объекте криминалистики // Вестник военного права. – 2021. – № 4. – С. 7–14.

References

1. *Belkin R. S.* Sobiraniye, issledovaniye i otsenka dokazatel'stv : Sushchnost' i metody. – Moskva: Nauka, 1966. – 295 s.
2. *Zorin G. A.* Teoreticheskiye osnovy kriminalistiki. – Minsk: Almafeya, 2000. – 416 s.
3. *Gamza V. A., Tkachuk I. B.* Bezopasnost' kommercheskogo banka: organizatsionno-pravovyye i kriminalisticheskiye problemy. – Moskva: Izdatel'stvo Shumilova, 2002. – 250 s.
4. *Zhuk M. G.* Kriminalistika ekonomicheskoy bezopasnosti kak novyy aspekt v razvitii klassicheskoy kriminalistiki / Problemy kriminalisticheskoy nauki, sledstvennoy i ekspertnoy praktiki : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov / otv. red.: A. A. Kuznetsov. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2007. – Vyp. 6. – S. 53–60.
5. *Gamza V. A.* Struktura kriminalistiki: sistemnyy podkhod / Rol' i znachenije deyatel'nosti professora R. S. Belkina v stanovlenii sovremennoy kriminalistiki : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya R.S. Belkina), 6 maya 2002 g. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2002. – S. 229–233.
6. *Shumak G. A.* Ekonomicheskaya kriminalistika v sisteme kriminalisticheskoy nauki / Pravo i demokratiya : sbornik nauchnykh trudov. –Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2001.– Vyp. 11. – S. 284–285. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/23561?mode=full>.
7. *Golubyatnikov S. P.* Ekonomicheskaya kriminalistika: fantom ili real'nost' // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2017. – № 4 (40). – S. 117–121.
8. *Stepanov V. V.* Predmet kriminalistiki v sovremennykh usloviyakh pravoprimeritel'noy deyatel'nosti / Kriminalistika v sisteme pravoprimereniya : materialy nauchnoy konferentsii, 27–28 oktyabrya 2008 g. – Moskva: Maks Press, 2008. – S. 89–90.
9. *Lebedev N. Yu., Chesnokova Ye. V.* O podkhodakh k predmetu kriminalistiki i teorii sudebnoy ekspertizy (sudebnoy ekspertologii) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2020. – № 36. – S. 70–82; <https://doi.org/10.17223/22253513/36/7>.
10. *Kustov A. M.* Sovershenstvovaniye predmeta i ob'ektov kriminalistiki // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. – 2016. – № 4 (14). – S. 137–140.
11. *Yablokov N. P.* Zadachi kriminalistiki v svete segodnyashnego dnya // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2015. – № 2 (40). – S. 144–147.
12. *Yablokov N. P., Golovin A. Yu.* Kriminalistika: priroda, sistema, metodologicheskiye osnovy. – 2-ye izd., dop. i pererab. – Moskva: Norma, 2009. – 288 s.
13. *Eksarkhopulo A. A.* Predmet i predely kriminalistiki / Rol' i znachenije deyatel'nosti professora R. S. Belkina v stanovlenii sovremennoy kriminalistiki : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya R.S. Belkina), 6 maya 2002 g. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2002. – S. 30–34.
14. *Smakhtin Ye. V.* Kriminalistika: krizis ili neobkhodimost' utochneniya sodержaniya predmeta? // Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka. – 2017. – № 5 (101). – S. 26–32.
15. *Makhtayev M. Sh.* K voprosu o tom, v kakom napravlenii dolzhna razvivat'sya nauka kriminalistika // Yuridicheskaya nauka. – 2018. – № 2. – S. 180–191.
16. *Zhizhina M. V.* Kriminalisticheskoye obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti predpriyatiya // Vestnik Universiteta im. O. Ye. Kutafina. – 2018. – № 3. – S. 29–35; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.55.3.029-035>.

17. *Dabayev B. A.* Kriminalisticheskoye obespecheniye zashchity interesov predprinimateley v arbitrazhnom sudoproizvodstve: postanovka problemy // Rossiyskiy sledovatel'. – 2021. – № 12. – S. 3–6.

18. *Gariga O. A.* Vozmozhnosti kriminalisticheskogo obespecheniya arbitrazhnogo sudoproizvodstva // Problemy ugolovnogo protsessa, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy. – 2021. – № 1 (17). – S. 61–64.

19. *Volchetskaya T. S.* Sovremennyye napravleniya razvitiya kriminalistiki kak nauki i uchebnoy distsipliny // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2015. – T. 20. – № 1. – S. 349–353.

20. *Bertovskiy L. V.* Yeshche raz ob ob'yekte kriminalistiki // Vestnik voyennogo prava. – 2021. – № 4. – S. 7–14.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted May 8, 2024; approved after reviewing May 13, 2024; accepted for publication May 27, 2024.

Научная статья
УДК 343.85
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-146-154>

Михаил Александрович Желудков

доктор юридических наук, доцент

<http://orcid.org/0000-0003-4482-125X>, kandydat1@yandex.ru

*Тамбовский государственный технический университет
Российская Федерация, 392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106/5*

Анна Павловна Алексеева

доктор юридических наук, профессор

<http://orcid.org/0000-0002-4569-7564>, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Российская Федерация, 236006, Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30*

Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы

Аннотация: **Введение.** Контроль за поведением служащих является важной формой реализации антикоррупционного законодательства. В ходе исследования выявлены недостатки в юридическом определении понятия «коррупция», рассмотрены коррупционные формы поведения, механизм общественного контроля на этапе выявления незаконных доходов в виде нажитого имущества. Установлена необходимость совершенствования контрольных функций при возникновении конфликта интересов и личной заинтересованности служащих в виде особого общественного профилактического воздействия на коррупцию. Обоснована потребность в системе контроля за соблюдением запретов и ограничений, наложенных на служащих, а также в реализации общественного мониторинга для своевременного обнаружения незаконного обогащения со стороны служащих в рамках противодействия коррупции. **Методы.** При написании статьи были использованы различные методы познания: диалектический, статистический, метод анализа, опрос в форме анкетирования. Материалом исследования послужили примеры из практики, нормативные правовые акты, статистические сведения, а также научные работы авторов, изучающих проблемы общественного контроля в работе по противодействию коррупции. **Результаты.** В современную систему противодействия незаконному обогащению служащих нужно активно внедрять новый механизм цифрового общественного контроля. Для этого потребуется предоставить общественности доступ к системе «Посейдон». Коррупционное поведение должно стать невыгодным служащему, уничтожающим его деловую репутацию и возможность дальнейшей профессиональной деятельности в органах власти.

Ключевые слова: коррупция, презумпция незаконности доходов, цифровые формы контроля

Для цитирования: Желудков М. А., Алексеева А. П. Общественный контроль в деятельности по противодействию коррупции в России: проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 146–154; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-146-154>.

Mikhail A. Zheludkov

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<http://orcid.org/0000-0002-4569-7564>, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Tambov State Technical University

106/5, Sovetskaya str., Tambov, 392000, Russian Federation

Anna P. Alekseeva

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<http://orcid.org/0000-0002-4569-7564>, alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia

30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation

Public control in anti-corruption activities in Russia: problems and prospects

Abstract: Introduction. Control over the behaviour of employees is an important form of implementation of anti-corruption legislation. The research reveals shortcomings in the legal definition of the concept of “corruption”, considers corrupt behaviour, the mechanism of public control at the stage of revealing illegal profits in the form of gained property. The need to improve control functions in case of conflict of interest and personal interest of employees in the form of a special public preventive impact on corruption was established. The need for a system of control over the compliance with prohibitions and restrictions for employees, as well as the need for public monitoring for the timely detection of illicit enrichment on the part of employees in the framework of anti-corruption was substantiated. **Methods.** The authors used various methods of knowledge: dialectical, statistical, analytical, and questionnaire survey methods. The research material was based on case studies, normative legal acts, statistical data, as well as scientific works of authors studying the problems of public control in anti-corruption work. **Results.** A new mechanism of digital public control should be actively introduced into the modern system of counteracting illicit enrichment of employees. This will require providing the public with access to the Poseidon system. Corrupt behaviour should become disadvantageous to an employee, destroying his/her professional reputation and the possibility of further professional activity in the authorities.

Keywords: corruption, presumption of illegality of proceeds, digital forms of control

For citation: Zheludkov M. A., Alekseeva A. P. Public control in anti-corruption activities in Russia: problems and prospects // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 146–154; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-146-154>.

Введение

Антикоррупционное законодательство Российской Федерации постоянно совершенствуется, дополняется новыми запретами и ограничениями, которые накладываются на служащих. С момента принятия Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹ прошло более 10 лет. За это время на фоне общего снижения уровня преступности в России на 10,9 % (с 2 206 249 преступлений в 2013 году до 1 966 795 в 2022 году), и лиц, совершивших преступления, на 19,1 % (с 1 012 563 лиц в 2013 году до 818 986 в 2022 году), количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности сократилось на 16,9 %, тогда как число коррупционеров заметно выросло на 12,5 %² (табл. 1). За весь исследуемый период коррупционная преступность не превышала 2 % от общего числа совершенных преступлений (в 2013 году – 1,9 %; в 2022 году – 1,7 %), а количество лиц, совершивших такие преступления, преодолело этот предел (в 2013 году – 1,6 %; в 2022 году – 2,2 %).

¹ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2012. – № 50 (ч. IV). – Ст. 6953.

² Состояние преступности // МВД России : [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 07.12.2023).

**Динамика и уровень преступлений коррупционной направленности
в 2013–2022 годах в России**

Год	Состояние преступности коррупционной направленности			
	Количество зарегистрированных преступлений	Динамика в сравнении с АППГ* (+/-), в %	Количество зарегистрированных лиц, совершивших преступления	Динамика в сравнении с АППГ* (+/-), в %
2013	42 506	- 14,2	16 167	+ 19,2
2014	32 060	- 24,6	15 831	- 2,1
2015	32 037	- 0,1	16 661	+ 5,2
2016	32 924	+ 1,4	16 680	- 1,5
2017	29 634	- 10	15 940	- 4,4
2018	30 495	+ 2,9	15 908	- 0,2
2019	30 991	+ 1,6	15 773	- 0,8
2020	30 813	- 0,6	16 529	+ 4,8
2021	35 051	+ 13,8	17 495	+ 5,8
2022	35 340	+ 0,8	18 194	+ 4

Примечание: * АППГ – аналогичный период прошлого года.

Увеличение числа лиц, совершивших преступления коррупционной направленности, на фоне снижения уровня преступлений данного вида говорит о том, что коррупционная преступность начала постепенно приобретать групповые формы. Соответственно, увеличивается экономический и социальный ущерб, который наносится обществу коррупционными действиями. Этот ущерб может включать в себя утрату доверия к органам власти, искажение конкуренции на рынке, урон в экономике, потерю общественных ресурсов и денежных средств, а также нарушение правопорядка. Кроме того, коррупция существенно замедляет экономический рост, поскольку она приводит к неэффективному использованию ресурсов, недостаточному развитию инфраструктуры и оттоку капитала. Таким образом, цена коррупционной преступности включает в себя как непосредственные убытки в виде потерянных доходов и ресурсов, так и более широкие последствия в виде утраты доверия к институтам управления, нарушения законности и угрозы для экономического и социального развития общества.

В связи с изложенным особое значение приобретают разработка и внедрение реально работающих механизмов профилактического (в т. ч. общественного, социального, гражданского) контроля, позволяющего выявлять признаки коррупционного поведения служащих до момента совершения ими преступления. К. С. Сердобинцев, В. В. Шарун и С. В. Попов по этому поводу пишут: «Общественный или социальный контроль является по своей структуре многослойной системой общественных и государственных отношений, призванной регулировать возникающие в процессе взаимодействия государства и общества отношения и функции». [1, с. 26]. А. О. Далгатова в свою очередь отмечает, что «борьба с коррупцией должна быть системным и постоянным мероприятием, при проведении которого наряду с правовым и властным ресурсом весьма важна роль общественного, гражданского контроля» [2, с. 29]. А. Н. Шаламова и П. А. Нарышкин полагают, что «институты общественного контроля – это важный и необходимый элемент в механизме противодействия коррупции, наличие которого отражает уровень демократии в обществе и государстве» [3, с. 43]. Д. М. Фарахиев акцентирует внимание на том, что «общественный контроль выступает основополагающим инструментом, направленным на уменьшение коррупционных преступлений и проявлений в системе органов власти государства. ... Общественный контроль реализуется в нескольких формах: 1) мониторинг; 2) проверка;

3) экспертиза; 4) взаимодействие государства и гражданского общества; 5) иные формы. Следует отметить, что формы общественного контроля могут осуществляться комплексно» [4, с. 19]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что общественный контроль в работе по противодействию коррупции представляет собой систему мер и механизмов, которые направлены на активное участие общественных структур, гражданского общества и граждан в целом в процессе противодействия коррупции. Он может реализовываться неправительственными организациями (например, такими, как Общероссийская общественная организация «Комиссия по борьбе с коррупцией»; Российское антикоррупционное партнерство; Межрегиональная общественная организация «Общественный антикоррупционный комитет»; Межрегиональное общественное движение «Против коррупции», и др.), гражданами, активистами, представителями средств массовой информации и иными заинтересованными сторонами в ходе мониторинга действий государственных органов, участия в общественных обсуждениях, публичного раскрытия фактов коррупции, а также через поддержку инициатив по противодействию коррупции.

Методы

Развитие и изменение ситуации, связанной с реализацией общественного контроля в работе по противодействию коррупции, рассматривалось на основе диалектического метода познания. Статистический метод использовался для сбора сведений о зарегистрированных преступлениях коррупционной направленности и лицах, их совершивших, их интерпретации для выявления закономерностей и установления зависимостей между различными фактами. Обобщение и анализ статистики, примеров из практики, действующих нормативно-правовых актов и научных источников позволили сделать выводы об эффективности общественного контроля в работе по противодействию коррупции. Результаты опроса в форме анкетирования подтвердили их правильность.

Результаты

Исследование нормативной правовой базы, регулирующей вопросы общественного контроля в работе по противодействию коррупции, а также научной литературы и правоприменительной практики показало отсутствие единых позиций в толковании ключевых понятий в рассматриваемой сфере.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³ не только не сгладил перечисленные противоречия, но и создал новые проблемы. Так, имеющееся в нем определение понятия «коррупция» с точки зрения научной общественности не выдерживает никакой критики. Его содержание вместо описания признаков данного социального негативного явления сводится фактически к перечислению пяти статей Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ), оставляя за рамками понятия «коррупция» административные правонарушения, дисциплинарные проступки, гражданско-правовые деликты и потенциально опасное коррупциогенное поведение: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте “а” настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» (ст. 1).

А. И. Долгова, критикуя позицию законодателя, пишет: «Один из таких подходов, получивший распространение в официальных кругах России, сводится к следующему: слово “коррупция” при переводе с латинского языка можно трактовать и как “подкуп”, и как “разложение”, и как “порча”, и даже как “злоупотребление служебным положением в корыстных целях”, где государственный служащий обязан принимать решения, исходя из целей, установленных правом (Конституцией Российской Федерации, законами и другими нормативно-правовыми актами), и общественно одобряемых культурными и моральными нормами. Коррупция начинается тогда, когда эти цели подменяются корыстными интересами должностного лица, воплощенными в конкретных действиях. Этого условия достаточно, чтобы характеризовать такое явление, как злоупотребление служебным положением.

³ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Между этим явлением и коррупцией грань весьма размытая. Такое разложение заключается в корыстном использовании должностными лицами служебного положения и полномочий» [5, с. 244]. Исходя из этого, считаем, что суть коррупции заключается не только в подкупе служащих, в их обогащении, но и в нарушении единства (разложении, распаде) социальной системы, в т. ч. системы государственной и муниципальной власти, предательстве законных интересов государства, общества и сограждан посредством корыстного использования своего служебного положения в личных целях [6]. Отражение в понятии коррупции антисоциальной негативной составляющей дает возможность применять для противодействия коррупции не только уголовно-правовые средства, но и методы общественного контроля.

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁵ под общественным контролем понимает деятельность соответствующих субъектов, осуществляемую в целях наблюдения за работой «органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих... отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» (п. 1 ст. 4). В качестве форм общественного контроля закон перечисляет общественный мониторинг, общественную проверку, общественную экспертизу, общественное обсуждение, общественные (публичные) слушания. В целом соглашаясь с мнением законодателя по этому поводу, полагаем, что смысл контроля не должен сводиться к выявлению преступлений и оценке статистических отчетов о борьбе с ними, он должен выражаться в возобновлении функционирования открытой информационной базы обо всех видах приобретения имущества и владения им со стороны лиц, занимающих должности в государственных и муниципальных органах власти, а также членов их семей [7]. Подобная работа, инициированная в 2010 году, в 2022 году была приостановлена в связи с началом специальной военной операции⁶. Такое решение, направленное на защиту служащих органов власти от возможных провокаций и посягательств со стороны представителей недружественных стран, в целом считаем обоснованным. Тем не менее нельзя отрицать положительные антикоррупционные стороны прозрачности финансового положения служащих, осознанно выбравших для себя данную профессию [8]. С нашим мнением согласилось большинство опрошенных нами студентов различных юридических специальностей⁷, более 80 % которых высказалось за сочетание форм государственного и общественного контроля, за возобновление обнародования деклараций служащих, а также за перевод информационного цифрового обеспечения данной работы на более высокий уровень с приоритетом развития различных форм общественного контроля незаконного обогащения подотчетных лиц.

Основными элементами общественного контроля в работе по противодействию коррупции должны выступать: обзор деятельности органов власти с целью обнаружения коррупционных проявлений; активное участие общественных организаций и граждан в разработке и осуществлении антикоррупционной политики; создание эффективных механизмов для сообщения о коррупционных проявлениях; прозрачность деятельности органов власти, включая доступ к информации о закупках, бюджетных расходах, и других аспектах деятельности, подверженных риску коррупции; вовлечение общественных наблюдателей в мониторинг и оценку эффективности антикоррупционных мер и программ. Общественный контроль играет важную роль в создании прозрачной и открытой системы управления, способствует обнаружению коррупционных проявлений и укреплению доверия к институтам власти. В конечном итоге общественный контроль способствует повышению эффективности мер по противодействию коррупции, снижению ее уровня.

Обсуждение

Государственные контрольные функции в сфере выявления незаконного обогащения служащих возложены законодательством на органы прокуратуры, которые проверяют доходы и расходы самого служащего, его супруги и несовершеннолетних детей [9]. Тем не менее

⁵ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2014. – № 30 (ч. I). – Ст. 4213.

⁶ Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции: Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 968 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436144/ (дата обращения 29.12.2023).

⁷ Опрос в форме анкетирования проводился нами в 2023 году среди студентов юридического института Тамбовского государственного технического университета, прошедших обучение по дисциплинам «Криминология» и «Предупреждение коррупции». В опросе приняли участие 300 респондентов, которые выбрали для себя в дальнейшем профессии, связанные со службой в органах власти.

на практике с помощью общественного контроля часто удается выявить ситуации, когда выгодоприобретателями от коррупционной деятельности служащих становятся посторонние с точки зрения закона люди (родители, родственники, знакомые из круга общения, коллеги по работе и т. д.) [10; 11]. Нужно учитывать, что выгодоприобретатели могут не являться членами семьи служащего или соучастниками данных деяний, могут не получать напрямую какие-либо блага, вытекающие из преступления (получения взятки, злоупотребления служебным положением, и т. д.), но опосредованно они определенным образом заинтересованы в его коррупционных действиях. Ведь коррупционные преступления направлены не только на личное сиюминутное обогащение коррупционера, но и на его стремление расположить к себе иных лиц, к которым он планировал обратиться спустя некоторое время, заранее как бы «оплачивая» будущую услугу, покровительство. Так, служащий совершает некие, пусть даже внешне и законные действия, приводящие к стремительному, значительному обогащению лиц, не входящих в число юридически описанных в нормах УК РФ соучастников (например, создает условия для подписания государственного контракта на крупную сумму, не нарушая нормы действующего законодательства, и др.). В этой части антикоррупционную ценность Федерального закона «О противодействии коррупции» существенно снижает отсутствие в нем акцента на выгодоприобретателях от совершения соответствующих преступлений. Его нормы нуждаются в пересмотре – в них следует добавить положения, запрещающие не только незаконное использование, но и законное использование служащим своего служебного положения в коррупционных целях для способствования получения материальных благ конкретным аффилированным служащему выгодоприобретателем. Соответственно, для распознавания такого «законного» использования служебного положения должен быть разработан и реализован механизм выявления, блокирования и изъятия «выгод» даже при отсутствии признаков соучастия в коррупционном преступлении. Система общественного контроля за незаконным обогащением должна содержать в себе не только механизмы профилактики коррупционно опасного поведения самих служащих, но и механизмы выявления потенциальных выгодоприобретателей.

Кроме того, в законодательном регулировании нуждается используемый правоприменителем термин «окружение» проверяемых [12], который не прописан в нормативно-правовых актах и явно выходит за пределы «членов семьи». Так, «в целях обеспечения взыскания штрафа и удовлетворения гражданского иска по уголовному делу о растрате денежных средств путем выдачи заведомо невозвратных кредитов подконтрольным организациям в размере 22 млрд рублей, совершенной сотрудником банка, на имущество лиц из его окружения наложен арест»⁸. Суд, оценивая доказательства, исходил из установленных в рамках расследования коррупционного преступления взаимосвязей подсудимого с третьими лицами, а также из представленных документов, подтверждающих законность приобретения ими сомнительного имущества, соответствие его стоимости их доходам и расходам, возможность передачи подсудимым материальных благ этим субъектам. Фактически для «окружения» служащего начинает действовать новый принцип противодействия коррупции, а именно, «презумпция незаконности доходов», озвученный в решении Конституционного Суда Российской Федерации⁹. Соответственно, отсутствие документального подтверждения законности приобретения имущества от любой категории «окружения» служащего влечет за собой судебное решение о его обращении в доход государства.

Несмотря на постепенное ужесточение мер контроля в сфере выявления незаконного обогащения служащих, до сих пор нерешенными остаются многие другие законодательные проблемы. В их числе – избирательность имущества, о приобретении которого должен отчитываться служащий и члены его семьи. Так, в соответствии с Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», лицо, «обязано ежегодно представлять сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости,

⁸ Приговор Центрального районного суда г. Барнаула (Алтайский край) по уголовному делу № 1-263/2017 от 11.12.2017 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/sQoojmDvf8Zb/?regular-txt=растрата+денежных+средств+22+млрд+рублей+путем+выдачи+заведомо+невозвратных+кредитов+®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+160.+Присвоение+или+растрата+%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1704373567615&snippet_pos=10234#snippet (дата обращения: 07.12.2023).

⁹ По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 26-П // Доступ из СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207895/ (дата обращения 15.12.2023).

транспортного средства, ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты» (п. 1 ст. 3). Из представленной нормы следует, что контроль осуществляется только за перечисленными видами имущества. Как быть с другими видами имущества, не указанными в законе (например, с приобретением драгоценностей, золотых и серебряных монет, картин и других предметов роскоши, у которых имеется историческая, культурная и иная ценность, и т. д.), остается неясным.

Заключение

В свете изложенного выше становится очевидной необходимость широкого применения как государственных, так и общественных форм противодействия незаконному обогащению служащих. Требуется расширение практика привлечения общественных экспертов для исследования коррупционной деятельности лиц, где в основе управленческих решений заложено распределение значительных денежных потоков (сумм), связанное с широким кругом людей, их интересов [13]. Понятно, что такого рода исследования (экспертизы) должны производиться по единым методикам общественными организациями, состоящими из специалистов, не подчиненных проверяемому служащему, причем содержание антикоррупционной экспертизы не должно замыкаться на изучении проектов нормативных правовых актов, оно должно охватывать и другие объекты, например, определение круга выгодоприобретателей, «окружения» служащего, способов их влияния на коррупционность решений, принимаемых служащими.

Противодействие незаконному обогащению служащих сегодня строится, с одной стороны, на выявлении таких нарушений правоохранительными органами, с другой – на проверке обращений граждан либо публикаций в средствах массовой информации, заметивших признаки возможного коррупционного поведения служащего. В современную систему противодействия незаконному обогащению служащих нужно активно внедрять новый механизм цифрового общественного контроля. Развитие цифровых информационно-коммуникационных инструментов позволяет гарантировать открытость всех принимаемых решений, имеющих высокую коррупционную составляющую. «Подотчетность власти подразумевает обязанность органов публичной власти и их должностных лиц предоставлять гражданам страны необходимую информацию о любой своей деятельности, затрагивающей их права, свободы и законные интересы, а также право граждан на применение в отношении данных органов власти и их должностных лиц, необходимых мер воздействия в том случае, если их деятельность носит неудовлетворительный характер» [14, с. 44].

Информационное пространство дает возможность вести постоянный мониторинг, сопоставляя не только сведения, полученные из справок о доходах и расходах служащих, но и сведения из других электронных баз данных, в которых отображается имущество и финансовое состояние проверяемого. В этих целях в 2022 году на основании Указа Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232¹⁰ началась разработка новой государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон», которая в будущем позволит накапливать информацию о служащих не только исходя из подаваемых ими деклараций, но и с учетом иных сведений о нарушении ими установленных запретов и ограничений, о возникновении у них потенциальных конфликтов интересов и т. д. Предполагается, что доступ к системе «Посейдон» получат в первую очередь сотрудники правоохранительных органов и органов власти. В связи с этим считаем, что было бы правильно уже сейчас «обозначить возможность ознакомления с результатами таких сопоставлений лицам, осуществляющим общественный контроль» [15, с. 81]. В дальнейшем объем базы данных «Посейдон» следует расширять за счет включения в нее так называемых выгодоприобретателей от действий служащих, например, лиц, участвующих в закупочной деятельности по государственным контрактам, «окружения» и др.

Кроме этого, стоит продолжить научную дискуссию, посвященную толкованию понятия «коррупция», которое должно определяться как негативное социальное явление общественной жизни граждан и профессиональной деятельности служащих. Требуется обозначение ее черт, областей проявления, объема имущества, подлежащего контролю, новых форм противодействия незаконному обогащению служащих, в результате реализации которых коррупционное поведение должно стать невыгодным служащему, уничтожающим его деловую репутацию и возможность дальнейшей профессиональной деятельности в органах власти.

¹⁰ О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232 (ред. от 26.10.2023) // СЗ РФ. – 2022. – № 18. – Ст. 3053.

Таким образом, противодействие коррупции должно строиться на системном подходе, основанном не только на государственном, но и на общественном контроле за деятельностью служащих. Осознание служащими невозможности избежать ответственности за совершенное преступление, всего объема репутационных и профессиональных потерь в случае изобличения в коррупционном поведении будет иметь серьезный профилактический эффект и останавливать потенциальных преступников до совершения ими преступлений коррупционной направленности.

Список литературы

1. Сердобинцев К. С., Шарун В. В., Попов С. В. Методологические основы и проблемы оценки эффективности деятельности органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (63). – С. 23–27.
2. Далгатова А. О. Общественный контроль как механизм противодействия коррупции в органах публичной власти // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 5 (72). – С. 29–32.
3. Шаламова А. Н., Нарышкин П. А. Роль общественного контроля и его институтов в механизме противодействия коррупции // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4 (87). – С. 39–45.
4. Фарахиев Д. М. Общественный контроль и мониторинг в процессе противодействия коррупции // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29, – № 1 (88). – С. 18–21; <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2023-188-18-21>.
5. Долгова А. И. Избранные труды / сост.: В. В. Меркурьев, О. А. Евланова, А. С. Васнецова, Д. А. Соколов; вступительная статья М. П. Клейменова, В. А. Номоконова, Э. Ф. Побегайло, В. Е. Эминова. – Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 424 с.
6. Заблоцкая А. Г., Алексеева А. П. Значение точного определения понятия коррупции для борьбы с ней / Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними : сборник статей / редкол.: А. И. Долгова (отв. ред.), О. А. Евланова, А. А. Паненков, Е. М. Юцкова. – Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2005. – С. 166–168.
7. Илий С. К. Анализ основных тенденций коррупционной преступности в России // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 531–543; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).531-543](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).531-543).
8. Сосновская Ю. Н., Бондарь Е. О. Общественный контроль как административно-правовой механизм в сфере противодействия коррупции в территориальных органах МВД России // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2023. – № 3 (67). – С. 61–66; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2023-3-61-66>.
9. Тарасов А. М. О законодательном обеспечении государственного контроля за деятельностью органов исполнительной власти (правоохранительных органов) // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 1 (49). – С. 14–25.
10. Бавсун М. В., Стебенева Е. В. Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17. – № 4. – С. 340–351; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(4\).340-351](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(4).340-351).
11. Бавсун М. В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1 (1). – С. 39–50; <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-39-50>.
12. Бубербаев Н. Д. Международный опыт общественного контроля над деятельностью полиции как фактор противодействия коррупции в ней // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2015. – № 2. – С. 29–32.
13. Вихрян А. П., Федоров М. В. Антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 967–976; <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976>.
14. Вородюхин С. Е. Коррупция как социальное явление и меры борьбы с ней // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2020. – № 4. – С. 42–47.
15. Желудков М. А. Проблемные вопросы защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 2 (147). – С. 81–91; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.147.2.081-091>.

References

1. *Serdobintsev K. S., Sharun V. V., Popov S. V.* Metodologicheskiye osnovy i problemy otsenki effektivnosti deyatelnosti organov vnutrennikh del // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (63). – S. 23–27.
2. *Dalgatova A. O.* Obshchestvennyy kontrol' kak mekhanizm protivodeystviya korrupszii v organakh publichnoy vlasti // Yurist»-Pravoved». – 2015. – № 5 (72). – S. 29–32.
3. *Shalamova A. N., Naryshkin P. A.* Rol' obshchestvennogo kontrolya i yego institutov v mekhanizme protivodeystviya korrupszii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (87). – S. 39–45.
4. *Farakhiyev D. M.* Obshchestvennyy kontrol' i monitoring v protsesse protivodeystviya korrupszii // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2023. – Т. 29, – № 1 (88). – S. 18–21; <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2023-188-18-21>.
5. *Dolgova A. I.* Izbrannyye trudy / sostaviteli: V. V. Merkur'yev, O. A. Yevlanova, A. S. Vasnetsova, D. A. Sokolov ; vstupitel'naya stat'ya M. P. Kleymenova, V. A. Nomokonova, E. F. Pobegaylo, V. Ye. Eminova. – Moskva: Akademiya General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 2017. – 424 s.
6. *Zablotskaya A. G., Alekseyeva A. P.* Znachenie tochnogo opredeleniya ponyatiya korrupszii dlya bor'by s ney / Organizovannaya prestupnost', terrorizm, korrupsziya v ikh proyavleniyakh i bor'ba s nimi : sbornik statey / Redkollegiya: A. I. Dolgova (otv. red.), O. A. Yevlanova, A. A. Panenkov, Ye. M. Yutskova. – Moskva: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2005. – S. 166–168.
7. *Iliy S. K.* Analiz osnovnykh tendentsiy korrupsionnoy prestupnosti v Rossii // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. – 2016. – Т. 10. – № 3. – S. 531–543; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).531-543](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).531-543).
8. *Sosnovskaya Yu. N., Bondar' Ye. O.* Obshchestvennyy kontrol' kak administrativno-pravovoy mekhanizm v sfere protivodeystviya korrupszii v territorial'nykh organakh MVD Rossii // Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. – 2023. – № 3 (67). – S. 61–66; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2023-3-61-66>.
9. *Tarasov A. M.* O zakonodatel'nom obespechenii gosudarstvennogo kontrolya za deyatelnost'yu organov ispolnitel'noy vlasti (pravookhranitel'nykh organov) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2019. – № 1 (49). – S. 14–25.
10. *Bavsun M. V., Stebeneva Ye. V.* Transformatsiya lichnosti prestupnika v post-industrial'nom obshchestve // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. – 2023. – Т. 17. – № 4. – S. 340–351; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(4\).340-351](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(4).340-351).
11. *Bavsun M. V.* Antropologicheskiye predposylki formirovaniya sovremennoy ugolovnoy biopolitiki // Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal. – 2021. – № 1 (1). – S. 39–50; <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-39-50>.
12. *Buberbayev N. D.* Mezhdunarodnyy opyt obshchestvennogo kontrolya nad deyatelnost'yu politzii kak faktor protivodeystviya korrupszii v ney // Vestnik Karagandinskoy akademii Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Kazakhstan im. Barimbeka Beysenova. – 2015. – № 2. – S. 29–32.
13. *Vikhryan A. P., Fedorov M. V.* Antikorrupsionnoye prosveshcheniye kak faktor obespecheniya sotsial'noy bezopasnosti // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. – 2020. – Т. 20. – № 4. – S. 967–976; <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976>.
14. *Vorodyukhin S. Ye.* Korrupsziya kak sotsial'noye yavleniye i mery bor'by s ney // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2020. – № 4. – S. 42–47.
15. *Zheludkov M. A.* Problemnyye voprosy zashchity prav i zakonnykh interesov lits, postradavshikh ot prestupleniy // Lex Russica (Russkiy zakon). – 2019. – № 2 (147). – S. 81–91; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.147.2.081-091>.

Статья поступила в редакцию 05.01.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 21.04.2024.

The article was submitted January 05, 2024; approved after reviewing April 09, 2024; accepted for publication April 21, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.2/.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-155-164>

Елена Олеговна Иголина

аспирант

<https://orcid.org/0000-0002-2400-4802>, elena-law@list.ru

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, Наб. р. Мойки, д. 96

Установление причинной связи при неосторожном сопричинении смерти пациенту медицинскими работниками

Аннотация: Введение. Учение о причинной связи имеет большое значение для обоснования уголовной ответственности нескольких лиц за совершение одного преступления. В данном исследовании рассмотрена проблема установления причинной связи между дефектами оказания медицинской помощи, усматриваемыми в деяниях нескольких медицинских работников, и смертью пациента. **Целью** исследования является изучение уголовно-правовых проблем, возникающих при квалификации ятрогенных преступлений, совершенных путем неосторожного сопричинения. Постановка проблемы. В правоприменительной практике обвинение за неосторожное причинение смерти человеку предъявляется субъектам, оказывавшим медицинскую помощь и допустившим дефекты в ее оказании. При этом не всегда учитывается, что данные дефекты не состоят в причинной связи со смертью пациента. **Методология.** В процессе исследования применялись следующие методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический. В основе исследования – диалектический метод познания социальных процессов и метод системно-структурного анализа. **Результаты.** В работе представлено понятие неосторожного сопричинения вреда, определены и обозначены его признаки, раскрыта сущность рассматриваемого уголовно-правового института, проанализирована судебная-следственная практика и представлена авторская классификация видов неосторожного сопричинения. Автором обосновано утверждение, что в полной мере ни одна теория причинной связи не удовлетворяет потребностям правоприменителей, в том числе в части квалификации деяний медицинских работников в случаях неосторожного сопричинения вреда. Автор резюмирует, что влияние каждого допущенного подобного дефекта различна относительно наступивших последствий.

Ключевые слова: деяние, причинная связь, медицинский работник, медицинская помощь, дефект, последствие, неосторожное сопричинение, взаимосвязанное поведение

Для цитирования: Иголина Е. О. Установление причинной связи при неосторожном сопричинении смерти пациенту медицинскими работниками // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 155–164; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-155-164>.

Elena O. Igonina

Postgraduate

<https://orcid.org/0000-0002-2400-4802>, elena-law@list.ru

SK RF SPb Academy

96, Наб. р. Мойку, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

Determining the causal link in negligent causing death to a patient by medical personnel

Abstract: Introduction. The doctrine of causality is of great importance for substantiating the criminal liability of a number of persons for committing a crime. This research considers the problem of establishing a causal link between defects in providing medical aid, found in the acts of medical personnel, and the death of a patient. The purpose of the research is to study the criminal-legal problems arising in the qualification of iatrogenic crimes committed through reckless complicity.

Problem formulation. In law enforcement practice, charges for negligent causing death to a person are brought against the subjects who provided medical aid and committed defects in its rendering. It is not always taken into account that these defects are not causally related to the patient's death.

Methodology. In the process of research the following methods were applied: analysis, synthesis, deduction, induction, systemic, comparative-legal, formal-legal, logical. The research is based on the dialectical method of cognition of social processes and the method of system-structural analysis.

Results. The author presents the concept of negligent causation of harm, defines and identifies its features, reveals the essence of the criminal-legal institute under consideration, analyses judicial and investigative practice and presents the author's classification of types of negligent causation. The author justifies that no theory of causal link does not fully satisfy the needs of law enforcers, including the qualification of acts of medical personnel in cases of negligent causation of harm. The author concludes that the impact of each such defect is different in relation to the consequences.

Keywords: act, causation, medical personnel, medical aid, defect, consequence, negligent causation, interrelated behaviour

For citation: Igonina E. O. Determining the causal link in negligent causing death to a patient by medical personnel // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 155–164; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-155-164>.

Введение

Привлечение к уголовной ответственности нескольких медицинских работников вызывает практические сложности у сотрудников судебно-следственных органов, что обусловлено отсутствием единых методических рекомендаций. Неоднозначное понимание причинной связи между дефектами оказания медицинской помощи, установленными в деятельности нескольких лечащих врачей, и негативным последствием для пациента, приводит к оправдательным приговорам. Число оправданных лиц по ятрогенным преступлениям в 2019 году составило 27 человек, в 2020 году – 18, в 2021 году – 19, в 2022 году – 19. Заметим, что представленная статистика свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы, востребованности ее изучения и необходимости разработки положений, определяющих алгоритм и правила установления причинной связи в неосторожных преступлениях, совершенных путем сопричинения вреда.

Значительное внимание институту неосторожного сопричинения уделено в работах А. И. Рарога, который отмечал специфику данного института, обозначая его как разновидность института множественности участников преступления [1, с. 65].

Несмотря на научные работы, посвященные институту неосторожного сопричинения, проблема установления причинной связи до сих пор не решена, поскольку специальные вопросы уголовной ответственности сопричинителей должного развития не получили (например, основания и пределы ответственности каждого из сопричинителей) [2, с. 329]. Профессор Д. А. Безбородов отметил тенденцию роста количества неосторожных многосубъектных преступлений, отличительной чертой которых является высокий уровень латентности [3, с. 9]. Отмечая особую значимость рассматриваемого уголовно-правового института, А. Р. Салимгареева предложила урегулировать на законодательном уровне институт неосторожного сопричинения, разъяснив для правоприменителей основные его признаки в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [4, с. 59]. Данной теоретической позиции придерживается П. К. Петров, считающий необходимым законодательное закрепление в УК РФ норм, устанавливающих ответственность за неосторожное сопричинение [5, с. 171], а также Т. В. Кухтина, констатирующая необходимость законодательного урегулирования уголовной ответственности сопричинителей [6, с. 65].

Методы

Методологической основой проведенного исследования выступил диалектический метод, основанный на взаимосвязи и взаимозависимости объектов исследования. В целях полноты исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция) и частнонаучные (системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический) методы. Так, методы дедукции и индукции положили основу для выделения видов неосторожного сопричинения вреда. Путем систематизации и обобщения практического материала, автору удалось констатировать, что взаимодействие виновных лиц в процессе неосторожного сопричинения вреда возможно при параллельном и последовательном оказании медицинской помощи. Сравнительно-правовой метод применялся при проведении исследования в части сравнения положений теорий каузальности и возможности их применения к неосторожному сопричинению вреда. Используя системно-структурный анализ, автор пришел к выводу о необходимости разработки теоретического материала в части установления причинной связи в преступлениях, совершенных путем неосторожного сопричинения вреда.

Обсуждение

В доктрине уголовного права под неосторожным сопричинением вреда понимается совершение двумя или несколькими лицами, обладающими признаками субъекта преступления, противоправных, объективно взаимосвязанных и взаимообусловленных действий (бездействий), каждое из которых входит в объективную сторону преступления, совершенного по неосторожности, и совокупность которых образует причину неосторожного причинения единого, общего для всех причинителей общественно опасного результата, предусмотренного уголовным законом [1, с. 68].

И. М. Тяжкова акцентирует внимание правоприменителей на нарушении специальных нормативно установленных правил. Под неосторожным сопричинением она понимает причинение вреда неосторожно действующими субъектами, которые свои действия (бездействие) в плане нарушения установленных правил предосторожности не согласовывают, действуют в одиночку. Однако общественно опасные последствия наступают в результате именно совокупных нарушений правил такими лицами [7, с. 55].

В качестве основных признаков неосторожного сопричинения вреда необходимо выделить следующее:

1. Осведомленность о совместном характере выполнимых медицинскими работниками функций по оказанию медицинской помощи общему пациенту. Ввиду выполняемой медицинскими работниками лечебно-диагностической деятельности и нормативно закреплённых обязанностей каждый профильный специалист понимает, что оказывает медицинскую помощь комплексно. Четкое следование должностной инструкции, стандартам оказания медицинской помощи, клиническим рекомендациям, добросовестное исполнение своих обязанностей хотя бы одним из участников единого процесса, направленного на оказание медицинской помощи пациенту, позволит избежать наступления негативных последствий для него. Как отмечает А. Р. Салимгареева, «в большинстве случаев неосторожного сопричинения один из его участников ответственен как раз за то, что не проконтролировал либо не подстраховал действия другого участника, допустив наступление последствий, которые в данном случае и будут совместным преступным результатом» [4, с. 55]. В неосторожном сопричинении на каждом субъекте возникших правоотношений лежит персональная обязанность по недопущению негативных последствий. Принцип личной ответственности каждого из сопричинителей является гарантом обеспечения прав потерпевших [8, с. 116].

2. Неосторожное сопричинение вреда является единым преступлением совместного, взаимообусловленного поведения нескольких лиц. Данный признак не включает субъективный момент осведомленности участников лечебно-диагностического процесса о совместном характере осуществляемой им деятельности. Напротив, речь идет об объективном аспекте, в котором «поступки каждого из сопричинителей выступают в качестве органической составной части общей причины, которая с необходимостью, закономерностью вызывает единое для всех участников преступное последствие, предусмотренное уголовным законом»¹. Профессор Р.Д. Шарапов отмечает, что ответственность лиц при неосторожном сопричинении может наступать по одной той же статье Особенной части УК РФ, если каждый совершил действия либо бездействие, входящие в объективную сторону одного преступления, либо разным статьям, что может быть обусловлено признаками

¹ Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия : учебное пособие. – Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987. – С. 76.

специального субъекта или особенностями объективной стороны совершенного преступления [9, с. 36–37].

Судебно-следственным органам, в ходе оценки действий (бездействия) медицинских работников необходимо проанализировать лечебно-диагностический процесс с момента первичного обращения пациента в учреждение по факту лечения заболевания до летального исхода (причинения вреда здоровью) на предмет наличия дефектов медицинской помощи, состоящих в причинной связи с последствием, у каждого медицинского работника, оказавшего пациенту медицинскую помощь.

Промежуток во времени между фактами оказания медицинской помощи различными специалистами одному и тому же пациенту по поводу имевшегося у него заболевания не является основанием для исключения неосторожного сопричинения. Так, приговором Бузулукского районного суда Оренбургской области врач-педиатр участковый, врач выездной бригады скорой помощи, врач-педиатр инфекционного отделения признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, несмотря на то, что оказание медицинской помощи пациенту осуществлялось в различные временные периоды².

3. Наличие причинной связи между поведением каждого из сопричинителей и наступившими общественно опасными последствиями. Для установления причинной связи необходимо установить, какие обязанности возложены на субъект по роду его деятельности, и каким образом их ненадлежащее исполнение способствовало наступлению неблагоприятного последствия для пациента. Профессор Я.Н. Ермолович отмечает, что в большинстве случаев при неосторожном сопричинении лица привлекаются к уголовной ответственности за деяния, выразившиеся в нарушении специальных правил и состоящих в причинной связи с наступившими последствиями [10, с. 86].

Несмотря на сформулированные признаки неосторожного сопричинения, единая теория каузальности для определения причинной связи в случаях неосторожного сопричинения правоприменителями не выработана, что приводит к различным правовым коллизиям. Часто судебно-следственные органы при установлении виновного лица руководствуются теорией ближайшей причины. Полагаем, что нерационально использовать положения теории ближайшей причины при оценке неосторожного сопричинения вреда медицинскими работниками, поскольку причиной признается последнее ближайшее к последствию действие (бездействие), тем самым исключается возможность привлечения к ответственности участников правоотношения, действия (бездействие) которых не являются последним звеном каузальной цепочки.

Вот пример использования положений теории ближайшей причины при уголовно-правовой оценке неосторожного сопричинения смерти человеку. Следственные органы, установив дефекты оказания медицинской помощи в действиях участкового врача акушера-гинеколога, оказавшего медицинскую помощь потерпевшей накануне ее смерти, предъявили ему обвинение по ч. 2 ст. 109 УК РФ, не приняв во внимание, что дефекты оказания медицинской помощи, повлиявшие на наступление общественно опасных последствий, установлены в действиях иных лиц, оказывающих медицинскую помощь в более ранний временной промежуток³.

Исходя из положений теории ближайшей причины, невозможно привлечь к уголовной ответственности врача-хирурга, оставившего инородный предмет (ватный тампон) в теле пациента, в случаях, если на протяжении некоторого времени состояние здоровья пациента было удовлетворительное, и непосредственно перед смертью он обращался за медицинской помощью к врачу-терапевту, который не произвел должного лечения и не выявил инородный предмет в его теле, приведший к сепсису и явившийся причиной смерти. Согласно концепции ближайшей причины, именно бездействие врача-терапевта состоит в причинной связи с наступившим летальным исходом пациента.

На данном примере можно рассмотреть несостоятельность положений теории главной причины, в которой причиной наступившего последствия признается решающее условие, оказавшее главную роль в наступлении результата. В таком случае, исходя из причины смерти, причинная связь будет установлена исключительно между действиями врача-хирурга и летальным исходом, в то время как между бездействием врача-терапевта и смертью пациента причинная связь будет отсутствовать, несмотря на то, что допущенные им дефекты медицинской помощи непосредственно способствовали наступлению последствия.

² Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 25.07.2019 по делу № 22-1898/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.05.2023).

³ Приговор Якутского городского суда Республики Саха от 21.03.2012 по делу № 1-111/2012 (1-1816/2011); // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.05.2023).

Этот пример демонстрирует также несостоятельность теории адекватной причинной связи, признающей причиной явления, которые вызывают рассматриваемые последствия в подавляющем большинстве случаев. В таком случае к уголовной ответственности может быть привлечен исключительно врач-хирург, т. к. по общему правилу бездействие медицинского работника не всегда ведет к наступлению летального исхода для пациента, в отличие от инородного предмета, забытого в организме потерпевшего.

Следственные органы при установлении причинной связи между дефектами медицинской помощи и наступившими последствиями руководствуются также положениями теории о равноценности условий, согласно которой все предшествующие наступившему последствию события и обстоятельства признаются одинаково значимыми условиями для наступления данного последствия. Из этого бесчисленного числа условий круг причин, имеющих значение для решения вопроса о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности, должен быть ограничен посредством института вины.

Приговором Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики врач-инфекционист, врач-педиатр, врач-гастроэнтеролог признаны невиновными. Как заключил суд, «не установлено, что причиной смерти явились четко описанные действия конкретного медицинского работника на определенном этапе оказания медицинской помощи. Возложение же равной ответственности на всех медицинских работников, наделенных разными профессиональными обязанностями, при оказании медицинской помощи, отличной по содержанию и объему, за наступление в итоге смерти противоречит принципу индивидуальной уголовной ответственности»⁴.

В данном случае стороне обвинения не удалось установить конкретное лицо, виновное в смерти пациента, в связи с чем обвинение предъявлено всем лечащим врачам, в чьих действиях усматривались дефекты оказания медицинской помощи. Но, как указал судья в своем решении, наличие дефектов оказания медицинской помощи не является достаточным основанием для признания лица виновным. Суть неосторожного сопричинения вреда не в суммировании дефектов медицинской помощи, напротив, деяние каждого из виновных может привести к определенным негативным последствиям.

Приведем еще один пример реализации положений теории равноценных условий. Апелляционным приговором судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда врач акушер-гинеколог Х. оправдан, в то время как врач акушер-гинеколог Н. признан виновным по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Установлено, что врачом Х. родостимулирующая терапия проведена пациентке несвоевременно и с нарушением клинических рекомендаций, что привело к отслойке плаценты. В тот же день пациентка выбыла из-под наблюдения врача Х. и дальнейшее лечение ей оказывала врач Н., которая также допустила дефекты оказания медицинской помощи – при имевшейся отслойке плаценты не провела операцию кесарева сечения. Установлено наличие причинной связи между дефектами, допущенными врачом Н., и смертью пациентки⁵.

В данном случае у акушера-гинеколога Н. имелась реальная и объективная возможность оказать надлежащего качества медицинскую помощь пациентке с диагностированной на момент ее осмотра, отслойкой плаценты. Имевшиеся на тот момент осложнения у пациентки были предотвратимыми, как и летальный исход. Как отмечал Н. Д. Сергеевский, «равнозначность всех условий для последствия нисколько не исключает возможности давать различным актам деятельности различную оценку с точки зрения их значения для уголовного права»⁶.

Представляется неоправданным использовать положения теории равноценных условий при оценке поведения медицинских работников в случаях неосторожного сопричинения вреда, поскольку дефекты оказания медицинской помощи, установленные у медицинских работников, оказавших помощь потерпевшему, не всегда состоят в причинной связи с летальным исходом. Например, врач-терапевт выдал направление на физиопроцедуры малолетнему пациенту на бланке устаревшего образца, т. е. нарушил порядок оформления документации. Физиотерапевт при электротерапии допустил нарушения порядка проведения процедуры, в результате чего пациенту причинен тяжкий вред здоровью. Если ис-

⁴ Апелляционное постановление Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 15.03.2016 по делу № 22-35/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 18.05.2023).

⁵ Апелляционное постановление Омского областного суда от 11.05.2017 по делу № 22-1330/17 от 11.05.2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 18.05.2023).

⁶ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая : Пособие к лекциям / Сочинения доцента Санкт-Петербургского университета и адъюнкт-профессора Военно-юридической академии магистра Н. Д. Сергеевского ; предисл. С. Трегубова. – 11-е изд. – Петроград: тип. М. М. Стасюлевича, 1915. – С. 314.

ходить, что все условия равноценны для наступления последствия, то действия врача-терапевта, как и физиотерапевта, привели к наступлению последствий в виде причинения вреда здоровью потерпевшему, поскольку именно он выдал направление на физиолечение, а также в его действиях имеются дефекты оказания медицинской помощи.

Положения теории равноценных условий расширяют круг субъектов уголовной ответственности. При этом одним из принципов уголовного судопроизводства является защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Изученная судебная практика, касающаяся квалификации неосторожного сопричинения смерти медицинскими работниками, показала, что отсутствует единая методика применения теоретической базы учений о причинности. Различными субъектами права применяются разнообразные положения учений о причинной связи, что приводит к отсутствию единообразия уголовно-правовой оценки деяний.

Наиболее приемлемым видится разграничение роли каждого из сопричинителей вреда на основе теории диалектического материализма о неравноценности причиняющих факторов. Как отмечает Т. В. Церетели, «диалектический материализм среди причин, принимающих участие в создании последствий, выделяет причины главные, существенные, решающие и противопоставляет их причинам нерешающим, второстепенным» [11, с. 367]. Положения диалектического материализма применимы в неосторожном сопричинении вреда медицинскими работниками, т. к. дефекты медицинской помощи имеют различную силу по отношению к наступившему результату, в связи с чем у правоприменителей имеются основания дифференцировать их на существенные и второстепенные. Как отмечал З. Б. Соктоев, необходимые условия могут различаться между собой «по удельному весу причиняющего вклада в наступление преступного результата»⁷.

Основная задача уголовного права состоит в том, чтобы в бесконечной вариации разнообразных действий и бездействия выявить наиболее значимые для наступившего результата. Разграничение роли субъектов при неосторожном сопричинении вреда не имело бы никакого практического назначения, если бы уголовный закон руководствовался исключительно положениями теорий равноценности условий и адекватной причинности, главной и ближайшей причины. Как справедливо отмечает Т. Р. Сабитов, «адекватная мера ответственности возможна только тогда, когда общественно опасное поведение получило должную правовую оценку» [12, с. 30].

Г. А. Есаков, изучая проблему причинности, выделил в умышленных преступлениях кумулятивную причинность, которая предполагает объединение усилий двух и более лиц, действий (бездействия) каждого из которых в отдельности было бы недостаточно для наступления преступного результата [13, с. 82]. Термином «кумулятивная причинность» обозначается такой вид зависимости переменных, при котором их изменения в определенном направлении взаимно усиливают друг друга, т. е. для наступления негативного результата недостаточно последствий, производимых одной из переменных системы. Представляется, что положения кумулятивной причинности нецелесообразно рассматривать в неосторожных преступлениях, имеющих определенную специфику. Подобные преступления требуют создания специальных правил применимых только к данной категории деяний.

Результаты

Полагаем, что в неосторожном преступлении взаимодействие лиц возможно в процессе совершения деяний несколькими способами: когда деяние каждого из сопричинителей вреда совершается последовательно относительно деяний других субъектов либо поведение сопричинителей вреда реализуется параллельно. Таким образом, в неосторожных преступлениях можно выделить параллельное и последовательное сопричинение, в которых отсутствует единая воля участников на достижение негативного результата. В подобных случаях каждый из субъектов правоотношений отвечает за свои действия самостоятельно.

В случае последовательного сопричинения смерти человеку при наличии дефектов оказания медицинской помощи индивидуальные действия (бездействие) каждого из участников взаимообусловлены, что выражается в их специализации либо должностной иерархии. Сопричинители выполняют действия как функционально различные компоненты единого лечебно-диагностического процесса (например, поочередное лечение пациента врачами различных специальностей), либо в строгой последовательности, когда последствие одно-

⁷ Соктоев З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2014. – С. 68.

го деяния служит условием начала реализации другого (например, хирургическое лечение после непродуктивного консервативного лечения, лечение в отделении реанимации после нахождения пациента в профильном отделении, либо стационарное лечение после некачественного амбулаторного⁸).

Приговором Бузулукского районного суда Оренбургской области признаны виновными врач-педиатр участковый, врач выездной бригады скорой помощи, врач-педиатр инфекционного отделения в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Установлено, что врачи педиатр-участковый и выездной бригады скорой помощи не госпитализировали пациента, находящегося в тяжелом состоянии, врач-педиатр инфекционного отделения несвоевременно перевел пациента в отделение реанимации. Суд определил роль каждого дефекта в причинной цепочке, итогом которой явилась смерть пациента. На каждом этапе оказания медицинской помощи пациенту поставлен неверный диагноз и назначено неправильное лечение⁹.

В качестве примера последовательного сопричинения смерти человеку можно также привести решение Ингодинского районного суда г. Читы Забайкальского края, которым врач-эндоскопист и врач-сердечно-сосудистый хирург признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Эндоскопист не осмотрел нисходящую часть двенадцатиперстной кишки пациента, что не указал в протоколе исследования, отразив, что патологий и очага кровотечения не выявлено. На момент осмотра у пациента имелось внутреннее недиагностированное кровотечение в брюшной полости. Хирург, изучив заключение эндоскописта, выбрал неверную тактику лечения пациента, исключив кровотечение в брюшной полости. Через некоторое время пациент скончался в стационаре от панкреатита¹⁰.

В лечебно-диагностическом процессе эндоскопист исполнял роль диагностического звена на первоначальном этапе оказания медицинской помощи для установления основного клинического диагноза. Обязанность оказать надлежащую медицинскую помощь имела у хирурга независимо от того, каким образом она оказана эндоскопистом. В случае ухудшения состояния пациента, хирург имел возможность назначить повторное эндоскопическое исследование, чего не сделал. Совместными действиями врачей кровотечение было необоснованно исключено и выставлен ошибочный окончательный диагноз.

В данном случае общность последствий не вызвана случайным стечением обстоятельств, поскольку взаимообусловленность проистекает из требований закона и нормативного распределения функциональных обязанностей. Кроме этого, на медицинских работниках лежала обязанность действовать в определенном направлении по пути предотвращения нежелательного последствия, т. е. смерти пациента.

В случае, когда индивидуальные действия (бездействие) сопричинителей вреда осуществляются параллельно, они, как правило, не зависят от последовательности деяний виновных лиц. При этом поведение каждого из сопричинителей приводит к единому преступному результату. Постановлением Анапского городского суда Краснодарского края установлены дефекты оказания медицинской помощи, допущенные врачом-хирургом и заведующим отделением хирургии. Пациент в период лечения совместно осматривался лечащим врачом и заведующим отделением, последние установили некорректный диагноз, недооценили сложившуюся клиническую ситуацию, что привело к смерти пациента¹¹.

Параллельное сопричинение вреда возможно в случае совместно осмотра пациента врачами одной специальности. В таком случае на каждого из врачей возложены обязанности по диагностированию заболевания, оказанию своевременного и качественного лечения. Так, хирурги в ходе неоднократных совместных осмотров не установили правильный диагноз малолетнему пациенту, соответственно избрали неверную тактику лечения, в результате чего пациент скончался от кишечной непроходимости, приведшей к отеку головного мозга¹².

⁸ Приговор Армизонского районного суда Тюменской области от 18.09.2020 по делу № 1-7/20220; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-5380/2021 от 15.12.2021; Кассационное определение Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 26.06.2012 по делу № 22-217/2012 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.05.2023).

⁹ Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 25.07.2019 по делу № 22-1898/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.05.2023).

¹⁰ Приговор Ингодинского районного суда г. Читы Забайкальского края от 25.06.2019 по делу № 1-19/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.05.2023).

¹¹ Постановление Анапского городского суда Краснодарского края от 02.12.2021 по делу № 1-393/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 17.05.2023).

¹² Апелляционное постановление Верховного суда Чувашской Республики № 22-2970/2017 от 18.12.2017 по делу № 22-2970/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру) : [сайт]. – URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 17.05.2023).

Правоприменителям необходим алгоритм уголовно-правовой оценки причинения смерти по неосторожности несколькими медицинскими работниками, который целесообразно разъяснить в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации. Представляется, что для установления причинной связи между деянием и последствием, а также объективной правовой оценки действий (бездействия) медицинских работников необходимо установить круг их полномочий, исходя из занимаемых должностей и положений должностных инструкций; нормативно-закрепленные требования, предъявляемые к качеству оказанной медицинской помощи при рассматриваемом заболевании, которые были нарушены в ходе лечения; возможность предотвращения наступления неблагоприятного последствия для пациента при правильно и своевременно оказанной медицинской помощи; наличие объективных возможностей выполнения ожидаемых от медицинского работника действий по оказанию качественной и своевременной медицинской помощи. Предложенный алгоритм позволит правоприменителям правильно определить наличие причинной связи между допущенными медицинскими работниками дефектами медицинской помощи и наступившими последствиями, соответственно верно квалифицировать деяние.

Проанализировав нормы уголовного законодательства стран, относящихся к романо-германской и англосаксонской правовым семьям, на примере штата Техас¹³ и Италии¹⁴, необходимо отметить, что для них характерно закрепление общих норм, регулирующих институт неосторожного сопричинения вреда, в Уголовном кодексе. Так согласно ст. 42 Уголовного кодекса Италии, стечение причин предшествующих, одновременных или наступивших позже, хотя и не зависящих от действия или бездействия виновного, не исключают причинной связи между действием (бездействием) и результатом. Названное положение применяется также в случаях, когда предшествовавшей, одновременной или наступившей позже причиной является незаконное действие другого лица. Зарубежный опыт привлечения виновных лиц к уголовной ответственности при неосторожном сопричинении (Англия, Польша, Италия, Япония, Франция, Швеция) может быть заимствован для урегулирования в российском законодательстве общественных отношений, возникающих при неосторожном сопричинении вреда [14, с. 62].

Заключение

Следует констатировать, что неосторожное причинение смерти пациенту в ятрогенных преступлениях возможно путем неосторожного сопричинения вреда медицинскими работниками, допустившими дефекты оказания медицинской помощи, состоящие в причинной связи, при наличии вины у медицинских работников.

Предпринятые доктринальные попытки теоретического обоснования установления причинной связи возможно признать конструктивными, поскольку они предложили практическому работнику своеобразные правила и алгоритмы установления причинной связи. Вместе с тем ни одна из представленных теорий (равноценности условий и адекватной причинности, главной и ближайшей причины) не смогла в полной мере оправдать ожидания правоприменителей, зачастую сталкивающихся с неоднозначными практическими примерами. Полагаем, наиболее приемлемой теорией для определения причинной связи является диалектико-материалистическая, согласно которой совершенное неправомерное деяние неизбежно вызывает преступный результат, являясь необходимым и исключительным составляющим причинной цепочки. При этом условия и причины сторонниками теории категорично не разделяются, поскольку при различных обстоятельствах одни и те же явления будут рассматриваться либо как причина, либо как условие.

Выделенные автором виды неосторожного сопричинения (последовательное и параллельное), позволили сконструировать возможные модели поведения виновных лиц применительно к ситуациям, связанным с ненадлежащим оказанием медицинской помощи и явились основанием для констатации возможности привлечения к уголовной ответственности нескольких медицинских работников как при параллельном, так и последовательном оказании медицинской помощи.

Представляется обоснованной точка зрения научного сообщества о необходимости урегулирования общих положений института неосторожного сопричинения вреда, по-

¹³ Texas penal code : принят Законодательным собранием штата Техас : 63-я законодательная сессия Законодательного собрания штата Техас : вступил в силу с 1 января 1974 г. (с изм. и доп. на 01.07.2003) / науч. ред. и предисл. И. Д. Козочкина ; пер. с англ. Д. Г. Осипова, И. Д. Козочкина. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. – 575 с.

¹⁴ Итальянский Уголовный кодекс 1930 г. / перевод проф. М. М. Исаева. – Москва: Юриздат, 1941. – 176 с. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_005241456?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 11.09.2023).

сколькo отсутствие норм о неосторожном сопричинении вводит в заблуждение правоприменителей относительно возможности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности за совершение неосторожного преступления нескольких виновных лиц [15, с. 570]. Заметим, что законодательное закрепление общих положений института неосторожного сопричинения вреда не способно сориентировать правоприменителей относительно возможных вариантов квалификации деяний виновных лиц. Решение проблем, возникающих у правоприменителей при квалификации деяний лиц, совершивших ятрогенные преступления, видится в принятии акта официального толкования, разъясняющего положения установления причинной связи между деянием и последствием, в т. ч. в случаях неосторожного сопричинения вреда.

Список литературы

1. *Рарог А. И.* Ответственность за неосторожное сопричинение / Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. – Москва: ЛексЭст, 2002. – С. 62–70.
2. *Курсаев А. В.* Неосторожное сопричинение как проблема в уголовно-правовых исследованиях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 10 (102). – С. 326–331.
3. *Безбородов Д. А.* К вопросу о понятии неосторожного сопричинения в уголовном праве // Криминалисть. – 2014. – № 1 (14). – С. 9–16.
4. *Салимгареева А. Р.* Уголовная ответственность за неосторожное сопричинение // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 1 (35). – С. 53–59.
5. *Петров П. К.* Вопросы квалификации действий нескольких лиц при неосторожном сопричинении // Проблемы права. – 2016. – № 1 (55). – С. 168–171.
6. *Кухтина Т. В.* Проблемы соотношения соучастия и неосторожного сопричинения в уголовном праве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 62–66; <https://doi.org/10.14529/law160110>.
7. *Тяжкова И. М.* Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности = Crimes committed through negligence with the use of sources of increased danger. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – 275 с.
8. *Иванченко Р. Б.* Неосторожные преступления: соучастие или сопричинение? // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2017. – № 3-1. – С. 113–118.
9. *Шарапов Р. Д.* Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: посредственное исполнение, неосторожное сопричинение // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – №2 (32). – С. 31–38.
10. *Ермолович Я. Н.* Неосторожное сопричинение вреда в преступлениях, сопряженных с нарушением специальных правил // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2019. – № 2 (259). – С. 76–86.
11. *Церетели Т. В.* Причинная связь в уголовном праве. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Госюриздат, 1963. – 382 с.
12. *Сабитов Т. Р.* Принципы полноты квалификации преступлений // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 30–34.
13. *Есаков Г. А.* Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 1. – С. 81–102; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.1.81.102>.
14. *Бугаёва А. И.* Сравнительно-правовой аспект неосторожного сопричинения вреда // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах : сборник научных трудов 10-й Международной научно-практической конференции, посвященной Году науки и технологий в Российской Федерации, 18–25 февраля 2021 г. – Курск: Курский филиал «Финансовый университет при Правительстве РФ», 2021. – С. 61–64.
15. *Мухаметкаримова А. А.* Множественность лиц при совершении преступления: неосторожное сопричинение / Молодёжь третьего тысячелетия [Электронный ресурс] : сборник научных статей, 01–26 апреля 2019 г. – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2019. – С. 566–570.

Reference

1. *Rarog A. I.* Otvetstvennost' za neostorozhnoe soprishinenie / Ugolovnoe pravo v XXI veke : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoyavsheysya na yuridicheskom fakul'tete MGU im. M. V. Lomonosova 31 maya – 1 iyunya 2001 g. – Moskva: LeksEst, 2002. – S. 62–70.
2. *Kursayev A. V.* Neostorozhnoye soprishineniye kak problema v ugolovno-pravovykh issledovaniyakh // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. – 2011. – № 10 (102). – S. 326–331.
3. *Bezborodov D. A.* K voprosu o ponyatii neostorozhnogo soprishineniya v ugolovnom prave // Kriminalist". – 2014. – № 1 (14). – S. 9–16.
4. *Salimgareyeva A. R.* Ugolovnaya otvetstvennost' za neostorozhnoye soprishineniye // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2016. – № 1 (35). – S. 53–59.
5. *Petrov P. K.* Voprosy kvalifikatsii deystviy neskol'kikh lits pri neostorozhnom soprishinenii // Problemy prava. – 2016. – № 1 (55). – S. 168–171.
6. *Kukhtina T. V.* Problemy sootnosheniya souchastiya i neostorozhnogo soprishineniya v ugolovnom prave // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2016. – T. 16. – № 1. – S. 62–66; <https://doi.org/10.14529/law160110>.
7. *Tyazhkova I. M.* Neostorozhnyye prestupleniya s ispol'zovaniyem istochnikov povyshennoy opasnosti = Crimes committed through negligence with the use of sources of increased danger. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002. – 275 s.
8. *Ivanchenko R. B.* Neostorozhnyye prestupleniya: souchastiye ili soprishineniye? // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. – 2017. – № 3-1. – S. 113–118.
9. *Sharapov R. D.* Sovmestnaya prestupnaya deyatel'nost' bez priznakov souchastiya: posredstvennoye ispolneniye, neostorozhnoye soprishineniye // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2015. – №2 (32). – S. 31–38.
10. *Yermolovich Ya. N.* Neostorozhnoye soprishineniye vreda v prestupleniyakh, sopryazhennykh s narusheniyem spetsial'nykh pravil // Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voenno-pravovoye obozreniye. – 2019. – № 2 (259). – S. 76–86.
11. *Tsereteli T. V.* Prichinnaya svyaz' v ugolovnom prave. – 2-ye izd., ispr. i dop. – Moskva: Gosyurizdat, 1963. – 382 s.
12. *Sabitov T. R.* Printsipy polnoty kvalifikatsii prestupleniy // Ugolovnoye pravo. – 2010. – № 1. – S. 30–34.
13. *Yesakov G. A.* Prichinnaya svyaz' v slozhnykh situatsiyakh: ugolovno-pravovaya nauka i sudebnaya praktika // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. – 2016. – № 1. – S. 81–102; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.1.81.102>.
14. *Bugayova A. I.* Sravnitel'no-pravovoy aspekt neostorozhnogo soprishineniya vreda // Sovremennyye podkhody k transformatsii kontseptsiy gosudarstvennogo regulirovaniya i upravleniya v sotsial'no-ekonomicheskikh sistemakh : sbornik nauchnykh trudov 10-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy Godu nauki i tekhnologii v Rossiyskoy Federatsii, 18–25 fevralya 2021 g. – Kursk: Kurskiy filial «Finansovyy universitet pri Pravitel'stve RF», 2021. – S. 61–64.
15. *Mukhametkarimova A. A.* Mnozhestvennost' lits pri sovershenii prestupleniya: neostorozhnoye soprishineniye / Molodozh' tret'yego tysyacheletiya [Elektronnyy resurs] : sbornik nauchnykh statey, 01–26 aprelya 2019 g. – Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F. M. Dostoyevskogo, 2019. – S. 566–570.

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.

The article was submitted August 9, 2023; approved after reviewing April 9, 2024; accepted for publication April 16, 2024.

Научная статья

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-165-182>

Тумур Баатар Сухболд
Sukhbold.t@police.gov.mn

*Начальник Национального агентства полиции Монголии,
командующий Внутренними войсками, бригадный генерал
Монголия, 15160, Улан-Батор, Чингэлтэйский район, ул. Самбуу, д.18*

Ситуация отмывания денег в Монголии: судебная практика, некоторые вопросы усовершенствования системы

Аннотация: Введение. Актуальность темы определяется тем что Монголия взяла на себя обязательство соблюдать международные правовые нормы по борьбе с отмыванием денег. В частности, это ратификация Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ¹ (1988), Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности² (2000), Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции³ (2003) и Конвенции о запрещении финансирования терроризма⁴ (1999). Монголия стала членом Азиатско-Тихоокеанской организации по борьбе с отмыванием денег в июле 2004 года, и в рамках соглашений и конвенций ожидается, что Монголия возьмет на себя ответственность за борьбу с отмыванием денег перед международным сообществом. Ситуация с преступлениями, связанными с отмыванием денег, совершаемыми по всей стране, ухудшилась, и существует необходимость усиления борьбы с этим видом преступлений, о чем свидетельствует криминогенная обстановка. **Цель** данной работы – исследовать ситуацию с преступлениями по отмыванию денег в Монголии, выявить особенности расследования и судебного разбирательства по данному виду преступлений, определить тенденции и вопросы, подлежащие рассмотрению, возможности создания условий для повышения результатов борьбы с отмыванием денег. **Методами** данного исследования являются сравнение и статистические измерения. Используются также общенаучные, специальные, частнонаучные методы. Проведено обобщение судебной практики по делам легализации дохода с применением анализа, синтеза, индукции и дедукции. Проведено сравнение правового регулирования по различным видам предикатного преступления. Принцип историзма позволил оценить динамику становления Уголовного законодательства Монголии в различные периоды. **Результаты.** По результатам исследования установлена необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс, в частности, по вопросам, касающимся предикатного преступления, а также в закон о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, выработать основы эффективного системного и внесистемного сотрудничества в сфере службы финансового мониторинга, в т. ч. с зарубежными организациями (например, «Эгмонт»).

Ключевые слова: отмывание денег, ситуация, предикатное преступления, сотрудничество, судебное разбирательство, взаимная оценка, финансовое расследование

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1718608447&tld=ru&name=convention_1988_ru.pdf&text (дата обращения: 15.04.2024).

² Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000) (ред. от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

⁴ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

Для цитирования: Сухболд Т. Б. Ситуация отмывания денег в Монголии: судебная практика, некоторые вопросы усовершенствования системы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 165–182; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-165-182>.

Tumur B. Sukhbold
Sukhbold.t@police.gov.mn

*Head of the National Police Agency of Mongolia,
Commander of the Internal Troops, Brigadier General
18, Sambuu st., Chingeltei district, Ulaanbaatar, 15160, Mongolia*

Money laundering in Mongolia: Judicial practice and some issues for improving the system

Abstract: Introduction. The relevance of the subject is determined by the fact that Mongolia undertook to comply with international legal norms on combating money laundering. In particular, it ratified the United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988, the United Nations Convention against Transnational Organised Crime of 2000, the United Nations Convention against Corruption of 2003 and the Convention on the Prohibition of the Financing of Terrorism of 1999. Mongolia became a member of the Asia-Pacific Anti-Money-Laundering Organisation in July 2004, and within the framework of the agreements and conventions, Mongolia is expected to assume responsibility for combating money-laundering to the international community. The situation of money laundering offences committed throughout the country has declined and there is a need to strengthen the fight against this type of crime, which is indicated by the crime situation. **The purpose** of this research is to examine the situation of money laundering offences in Mongolia, to find out the peculiarities of investigation and trial of this type of crime, to identify the trends and issues to be considered, the possibilities of creating conditions for improving the results of combating money laundering. **The methods** of this research are comparison and statistical measurements. General scientific, special and private-scientific methods were also used. The generalisation of judicial practice in cases of legalisation of income has been carried out using analysis, synthesis, induction and deduction. The comparison of legal regulation on different types of predicate offence has been carried out. The principle of historicism made it possible to evaluate the dynamics of formation of the Criminal Law of Mongolia in different periods. **Results.** According to the results of the research the necessity of making changes in the Criminal Code, in particular, on the issues related to the predicate offence, as well as in the law on combating money laundering and terrorism financing, developing the basis for effective systemic and non-systemic cooperation in the field of financial monitoring services, including with foreign organisations (e.g. «Egmont»).

Keywords: money laundering, predicate offence, cooperation, judicial proceedings, mutual evaluation, financial investigation

For citation: Sukhbold T. B. Money laundering in Mongolia: Judicial practice and some issues for improving the system // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 165–182; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-165-182>.

Введение

Отмывание денег является серьезной угрозой стабильности и надежности финансовой системы Монголии, т. к. представляет собой социально и экономически разрушительную деятельность, в ходе которой преступники, преступные группировки и организованные группировки стремятся усилить влияние на финансовую систему, расширяя свою преступную деятельность за счет доходов и средств, получаемых преступным путем⁵ [1]. Укрепление потенциала уполномоченных организаций по борьбе и расследованию этого вида преступлений по-прежнему остается актуальной проблемой не только на международном уровне, но и для Монголии.

⁵ Батцэцэг Г. ФАТФ повысила оценку Монголии / MONTSAME : Mongolian national news agency : [сайт]. – URL: <https://www.montsame.mn/ru/read/301376> (дата обращения: 15.04.2024).

В 2016–2017 гг. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ, The Financial Action Task Force – FATF) провела вторую взаимную оценку системы Монголии по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, оценила политику и меры Монголии, принятые в период с 2013 по 2016 год, и опубликовала отчет об оценке в сентябре 2017 года [2].

В октябре 2019 года Монголия была внесена в «серый список» стран со стратегическими недостатками в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма⁶.

Наша страна сосредоточилась на совершенствовании системы борьбы с данным видом преступности, а в октябре 2020 года ее успешно исключили из списка стран, в которых отсутствуют стратегии борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Великий Народный Хурал, Правительство и Совет национальной безопасности Монголии приняли специальные меры по борьбе с отмыванием денег, а также реализовали ряд комплексных мер по совершенствованию системы и правовой базы по борьбе с этим видом преступлений. Закон, принятый парламентом в 2015 году и вступивший в силу с 1 июля 2017 г., кодифицирует ст. 18.6 Уголовного кодекса Монголии⁷ таким образом, чтобы она полностью соответствовала требованиям международных договоров и конвенций⁸. Таким образом, правовая база по борьбе с этим видом преступлений полностью сформирована. Также сформирована правовая база для расследования и разрешения судами случаев отмывания денег и предикатных преступлений⁹.

Ситуация с этим видом преступности осложняется тем, что лица, совершающие такие преступления, организованы в группы, методы и формы их преступной деятельности совершенствуются, используя достижения технического прогресса, а преступные доходы переводятся по цепочке стран за рубеж, а для сокрытия источника денег используется криптовалюта [3].

Меры по борьбе с отмыванием денег определены в ст. 7 Конвенции против транснациональной организованной преступности¹⁰, а ст. 14 Конвенции против коррупции¹¹ предусматривает конкретные меры по предотвращению отмывания денег. Государство-член Конвенции несет ответственность за неприменение этих мер.

Кроме того, Управление Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и контролю над наркотиками совместно с Международным валютным фондом в 2005 году приняло Типовой закон о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма¹², а в 2009 году были подготовлены и представлены странам с правовыми системами общего права типовые статьи и положения о мерах по предотвращению отмывания денег, финансирования терроризма и использования доходов, полученных преступным путем¹³.

Кроме того, в 2012 году ФАТФ выпустила 40 Рекомендаций – Международных стандартов по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма [4]. Разделы 1 и 2 Рекомендации касаются отмывания денег.

Отмывание денег — относительно новый вид преступлений в Монголии. Монгольский законодатель достаточно оперативно отреагировал на эту угрозу [5; 6]:

– 8 июля 2006 г. был принят Закон о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма¹⁴ [7].

⁶ Монголия попала в «серый список» ФАТФ // Regnum : информационное агентство. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2749548.html> (дата обращения: 15.04.2024).

⁷ Уголовный кодекс Монголии / пер. Галбадрах Батболд, Вандан-Иш Амарсанаа ; под ред. М. В. Бавсун, А. А. Нечепуренко. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – 144 с.

⁸ Гантомор Г. Новый Уголовный кодекс Республики Монголия 2002 года // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 49(32). – С. 102–109.

⁹ Лхагвацэнд Ц. Ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, по уголовному законодательству Монголии и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2024. – 25 с.

¹⁰ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

¹¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

¹² Типовое законодательство об отмывании денег и финансировании терроризма // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. – URL: https://www.unodc.org/documents/legal-tools/AML_MLawRussian.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

¹³ Model Provisions on Money Laundering, Terrorist Financing, Preventive Measures and Proceeds of Crime (for common law legal systems) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. – URL: https://www.unodc.org/documents/money-laundering/Model_Provisions_Final.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁴ Закон Монголии «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма» // Государственный вестник. – 2013. – № 24.

– Согласно закону от 2 января 2008 г., в Уголовный кодекс были добавлены ст. 268¹ «Отмывание денег» и ст. 178² «Финансирование терроризма»¹⁵.

– Согласно закону от 24 декабря 2009 г. ст. 268¹ Уголовного кодекса «Отмывание денег», была отменена, а одноименная ст. 166¹ добавлена.

– Законом от 16 января 2014 г. внесены изменения в ст. 166¹ Уголовного кодекса «Отмывание денег».

– В редакции Уголовного кодекса, принятой 12 марта 2015 г., ст. 18.6 предусматривает регулирование такого преступления, как «Отмывание денег».

– Закон от 11 мая 2017 г. внес изменения в соответствующие разделы и положения «Отмывания денег» в соответствии со ст. 18.6 «Поправки к Уголовному кодексу».

Можно констатировать, что практика рассмотрения случаев отмывания денег и борьбы с ними еще окончательно не отлажена [8]. Следовательно, необходимо определить, соответствует ли регулирование отмывания денег в Монголии условиям, изложенным в международных договорах и стандартах, проанализировать судебную практику борьбы с этими преступлениями и определить, насколько условия судебного вмешательства в отношении борьбы с отмыванием денег соответствуют международным договорам и рекомендациям.

Методы

В данном исследовании используются такие методы, как сравнение и статистическое измерение, а также общенаучные, специальные и частнонаучные методы. Обобщена судебная практика по делам легализации дохода с применением анализа, синтеза, индукции и дедукции. Проведено сравнение правового регулирования по различным видам предикатного преступления. Принцип историзма позволил оценить динамику становления Уголовного законодательства Монголии в различные периоды.

Результаты

Источником отмывания денег часто являются финансовые потоки, полученные в результате незаконной деятельности, такой как торговля людьми, незаконный оборот наркотиков, незаконный оборот оружия, коррупция, взяточничество, пограничная контрабанда, экологические преступления и уклонение от уплаты налогов. Иными словами, финансовый сектор используется как инструмент конвертации и перевода денег, полученных из незаконных источников, а также быстрой пересылки средств финансирования терроризма из одного региона в другой. В последние годы тот факт, что преступники использовали слабые финансовые системы и развивающиеся страны в качестве транзитных центров для отмывания денег и финансирования терроризма, увеличил риск этого типа преступлений в финансовом секторе Монголии [9].

Факторы, влияющие на ситуацию с отмыванием денег

На возникновение преступности, ее тенденции, структуру, распространение и состояние влияют экономические, социальные и другие факторы¹⁶ [8], включающие:

– создание системы борьбы с отмыванием денег в соответствии с международными стандартами¹⁷;

– нормативно-правовая база¹⁸;

– оценка риска отмывания денег и разработка плана политики, основанной на рисках;

– сотрудничество организаций с функциями по борьбе с отмыванием денег;

– способность компетентных органов и судей проводить проверки и расследования;

– участие банков, финансовых учреждений и лиц, занимающихся нефинансовой профессиональной деятельностью;

– международное сотрудничество;

– профилактические меры (например, правовое информирование граждан).

Во втором отчете взаимной оценки Монголия получила удовлетворительную оценку технической реализации и правовой базы системы борьбы с отмыванием денег. Однако было установлено, что в прямой реализации и деятельности по борьбе с отмыванием

¹⁵ Дорж Энхтур. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика отмывания денежных средств по уголовному законодательству Монголии и России: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – 193 с.

¹⁶ См., например: Акутаев Р. М. Криминологический анализ латентной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 1999. – 358 с.; Лупырь М. В. Уголовно-правовая оценка легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2019. – 23 с.

¹⁷ Национальная программа борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма / Национальный институт юстиции: [сайт]. – URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/8209?lawid=13124> (дата обращения: 27.04.2024).

¹⁸ Постановление Правительства Монголии от 05.07.2022 г. № 265 «Утверждение программы (борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма)» // Национальный институт юстиции: [сайт]. – URL: <https://legalinfo.mn/mn/law?page=law&cate=33&active=1&sort=title&page=1> (дата обращения: 15.04.2024).

денег существует множество проблем, и даны рекомендации по исправлению выявленных недостатков.

Анализ статистики зарегистрированных преступлений

Проанализированы преступления, совершенные за последние 5 лет и связанные с отмыванием денег, и основные преступления, зарегистрированные органами, уполномоченными расследовать преступления, связанные с отмыванием денег¹⁹ (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Анализ расследованных дел по отмыванию денег
и судебных решений по ним**

Расследование дел (ст. 18.6 Уголовного кодекса Монголии)	Органи- зация	Период (год)				
		2019	2020	2021	2022	2023
Общее количество возбужденных уголовных дел	ГУП ¹	215	221	267	257	212
	УБК ²	44	55	63	84	73
	ГУР ³	6	5	7	7	6
Расследовано дел	ГУП	194	178	212	172	145
	УБК	38	43	47	63	50
	ГУР	6	5	6	6	5
Количество лиц привлечены в качестве обвиняемых	ГУП	69	79	115	103	73
	УБК	9	11	11	17	13
	ГУР	1	–	1	1	1
Расследование прекращено	ГУП	68	50	32	44	37
	УБК	8	12	5	7	7
	ГУР	2	1	–	1	–
Количество дела, рассмотренных и разрешенных следствием	ГУП	87	111	147	141	103
	УБК	15	23	25	39	34
	ГУР	1	–	1	2	2
Прекращено дел до дознания	ГУП	2	1	1	2	2
	УБК	1	–	1	1	1
	ГУР	–	–	–	–	–
Направлено обвинительных заключений в суд	ГУП	52	83	64	79	55
	УБК	1	7	8	4	11
	ГУР	–	–	1	1	2
Количество дел, рассмотренных:						
– судом первой инстанции	ГУП	86	96	74	76	27
	УБК	3	4	4	1	2
	ГУР	–	–	2	2	1
– апелляционным судом	ГУП	33	35	29	28	9
	УБК	4	5	4	2	2
	ГУР	–	–	1	1	–
– кассационной инстанцией	ГУП	8	3	2	2	–
	УБК	2	2	1	–	–
	ГУР	–	–	–	–	–
Примечания: 1 – Главное Управление Полиции Монголии; 2 – Управление по борьбе с коррупцией Монголии; 3 – Главное управление разведки Монголии.						

Как видно из вышеприведенных данных, количество расследований по отмыванию денег увеличивается с каждым годом. Это свидетельствует о том, что правоохранительные органы нашей страны способны проводить финансовые расследования только по подозрительной деятельности с признаками отмывания денег, независимо от основного преступления, рассматриваемого как индикатор [10].

¹⁹ Исследование, проведенное рабочей группой, назначенной прокурором и полицией для подготовки отчета о ходе работы Монголии для Азиатско-Тихоокеанской группы по отмыванию денег за 2016 год Азиатско-Тихоокеанской организацией по борьбе с отмыванием денег (URL: <https://apgml.org/documents/Default.aspx?pcPage=14> (дата обращения: 15.04.2024)).

Характеристики, методы работы и тенденции отмывания денег, совершаемых в Монголии

Преступления, связанные с отмыванием денег, часто являются скрытыми (латентными), поэтому о них невозможно говорить так же конкретно, как о других видах преступлений [9]. Однако следственные органы находят доказательства экономических преступлений и раскрывают значительную их часть.

По поводу характеристик и методов работы:

– в нашей стране нет преступных группировок, получающих крупные суммы нелегального дохода от продажи наркотиков и огнестрельного оружия, но существует высокая вероятность отмывания денег путем участия в организованной деятельности преступных группировок в зарубежных странах или путем мошенничества;

– учитывая обширные границы с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, существует риск использования доходов, полученных преступным путем, и ввоза / вывоза наличных денег;

– поскольку уголовное законодательство Монголии не ограничивает предикатное преступление отмывания денег, акт сознательного использования доходов от преступления, указанного в уголовном законе, считается преступлением отмывания денег;

– в зависимости от предмета преступления и вида основного преступления имеют место случаи уклонения от уплаты налогов, мошенничества, растраты и отмывания денег с использованием подставных компаний и небанковских финансовых учреждений для коррупционных преступлений.

Эксперты посоветовали обратить внимание на следующие методы и формы международного отмывания денег, при которых преступники скрывают незаконные активы и источники денег и избегают обнаружения²⁰:

– подкуп и использование политических влиятельных лиц;
– обмен валюты (конвертация наличных);
– использование наличного перевода ;
– тайный перевод валюты с целью избежать мер по отчетности о кассовых операциях;
– изменение структуры денежного перевода (Structuring / smurfing);
– использование кредитных карт, чеков и векселей;
– покупка переводных ювелирных изделий (драгоценных камней, драгоценных металлов);

– покупка дорогих активов (недвижимости, скакунов, автомобилей);
– обмен товарами (бартер);
– использование безналичных переводов;
– использование секретных банковских услуг и неофициальных услуг денежных переводов;

– отмывание денег в сфере торговли и финансирование терроризма;
– игровая деятельность (азартные игры в интернете, казино, скачки);
– использование некоммерческих организаций;
– инвестирование;
– смешивание (бизнес-инвестиции);
– использование подставных юридических лиц, корпораций;
– оффшорные банки, использующие поставщика доверенных услуг;
– использование доверенных лиц, членов семьи и третьих лиц.

Будущие тенденции

Лица, совершающие такие преступления, объединяются в группы и организации. Их методы и формы деятельности совершенствуются, используются достижения технического прогресса. Впоследствии доходы от преступной деятельности перемещаются между странами. Это обращает внимание органов, уполномоченных на расследование подобных преступлений, на следующие сферы деятельности.

Тенденции отмывания денег в некотором смысле схожи с распространенными методами и формами многих стран и включают в себя следующее:

– Использование интернета, создающее благоприятные условия для совершения финансовых преступлений в цифровом мире. С другой стороны, электронная среда используется для того, чтобы отмывать денежные средства, полученные в результате совершения финансовых преступлений.

²⁰ What Methods Are Used to Launder Money? // Investopedia : [сайт]. – URL: <https://www.investopedia.com/ask/answers/022015/what-methods-are-used-laundry-money.asp> (дата обращения: 15.04.2024).

– Покупка криптовалюты, сокрытие источника денег с помощью проведения денежных сумм через подставные фирмы в нескольких странах.

– В связи с ростом преступлений, связанных с незаконным распространением наркотических средств и психотропных веществ, существует риск отмывания доходов от реализации наркотиков.

– Из-за расширения финансового сектора²¹, быстрого развития рынка капитала и кредитов могут возникать такие ситуации, когда преступники инвестируют в этот сектор и обманывают граждан.

Вышеуказанные обстоятельства могут еще больше осложнить ситуацию с отмыванием денег.

Некоторые практические рекомендации по борьбе с отмыванием денег

Во втором отчете о взаимной оценке системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в Монголии, проведенном Организацией по борьбе с отмыванием денег Азиатско-Тихоокеанского региона, при оценке борьбы и расследования отмывания денег, сказано: «Большинство преступлений по отмыванию денег связано с мошенническими преступлениями, а для Агентства по борьбе с коррупцией – с коррупционными преступлениями. По нашему мнению, в случае с Монголией недостаточно расследуется деятельность по отмыванию денег за преступления против окружающей среды и уклонение от уплаты налогов, которые имеют высокий риск отмывания денег»²².

Вторая взаимная оценка системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма была сосредоточена на риске отмывания денег, а также в некоторой степени затрагивала уязвимости и последствия. Национальная оценка рисков определяет следующие виды основных преступлений, которые имеют высокий риск отмывания денег (в порядке важности): а) мошенничество, б) экологические преступления, в) уклонение от уплаты налогов и г) коррупционные преступления. Группа оценки заявила, что в целом согласна с этим, но вопрос коррупции был оценен слишком низко²³.

По данным исследования, проведенного в рамках национальной оценки рисков отмывания денег и финансирования терроризма в Монголии, 17 видов дел с самым высоким риском, связанных с отмыванием денег и финансированием терроризма, были ранжированы по степени их важности с учетом экономической ситуации, социальных последствий и вероятности их возникновения. Согласно этому исследованию, наиболее распространенными преступлениями являются растрата, присвоение и мошенническое приобретение государственного, общественного и частного имущества. Случаями особенно высокого риска считаются мошенничество, связанное с социальным обеспечением и медицинским страхованием, незаконная добыча полезных ископаемых, уклонение от уплаты налогов, коррупция и должностные преступления²⁴ [1].

На основании оценки международной и отечественной организаций был сделан вывод об отсутствии финансового расследования компетентными следственными органами по отдельным видам преступлений высокой степени риска, связанных с отмыванием денег.

Основные признаки преступления

Статья 6 Конвенции против транснациональной организованной преступности²⁵ описывает природу отмывания денег следующим образом. Оно включает:

а) когда преступления совершаются умышленно:

1) конверсию или перевод имущества, если известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений, в целях сокрытия или утаивания преступного источника этого имущества или в целях оказания помощи иному лицу, участвующему в совершении основного правонарушения, с тем чтобы оно могло уклониться от ответственности за свои деяния;

2) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежность, если известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений;

б) для правонарушителя:

1) приобретение, владение или использование имущества, если в момент его приобретения известно, что данное имущество представляет собой доходы от преступлений;

²¹ Получен заказ на 40 миллиардов тугриков на покупку акций LandMN у первоначального ZZ // IKON.mn : [сайт]. – URL: <https://ikon.mn/n/18jt> (дата обращения: 15.04.2024).

²² URL: <https://apgml.org/documents/Default.aspx?pcPage=14> (дата обращения: 15.04.2024).

²³ Там же.

²⁴ Национальная оценка рисков Монголии по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма // Монголбанк : [сайт]. – URL: <https://www.mongolbank.mn/> (дата обращения: 15.04.2024).

²⁵ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

2) участие, причастность или вступление в сговор с целью совершения любого из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, покушение на его совершение, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при его совершении.

Статья 2 этой Конвенции определяет «имущество» как любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право на такие активы или интерес в них²⁶.

Как видно из таблицы 2, приведенной выше, действия, связанные с объективными признаками отмывания денег, определенные Конвенцией, полностью предусмотрены в Уголовном кодексе Монголии.

Таблица 2

Признаки преступлений высокой степени риска, связанных с отмыванием денег в уголовном законодательстве Монголии

Признаки преступления	Статья Уголовного кодекса Монголии		
	Ст. 18.6. Отмывание денежных средств (2015, 2017 гг.)	Ст. 166 ¹ . Отмывание денежных средств (2009–2014 гг.)	Ст. 268 ¹ . Отмывание денежных средств (2008–2009 гг.)
Объективная сторона	– получение, владение и использование имущества, денег или дохода, заведомо приобретенных другими лицами преступным путем; – изменение или передача имущества, денег или дохода в целях сокрытия незаконных источников или оказания помощи в уклонении от ответственности лицам, участвующим в совершении преступления; – сокрытие реального свойства, источников, местоположения, способа распоряжения, владельца и права на имущество	– получение, владение и использование имущества, денег или дохода, заведомо приобретенных другими лицами преступным путем; – изменение или передача имущества, денег или дохода в целях сокрытия незаконных источников или оказания помощи в уклонении от ответственности лицам, участвующим в совершении преступления; – сокрытие реального свойства, источников, местоположения, способа распоряжения, владельца и права на имущество	– сокрытие денежных средств, приобретенных путем продажи оружия, наркотических средств, поддельных денежных средств, совершения организованных преступлений и терроризма; – действие или бездействие, направленные на легализацию данного имущества
Обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность	– заведомое получение, владение и использование имущества, денег или дохода, приобретенных в результате совершения преступления, за которое предусмотрен минимальный размер наказания в виде лишения свободы установлен свыше пяти лет; – постоянное и устойчивое сообщество; – злоупотребление служебными обязанностями или должностными полномочиями, а также влиянием; – совершение организованной преступной группой; – совершение от имени или в интересах юридического лица	– причинение значительного ущерба; – злоупотребление служебными обязанностями или должностными полномочиями, а также влиянием; – совершение организованной преступной группой; – совершение от имени или в интересах юридического лица	– совершение повторно или группой лиц; – злоупотребление служебными обязанностями или должностными полномочиями, а также влиянием; – получение значительного дохода; – совершение организованной преступной группой; – действия или бездействие, повлекшие за собой получение крупной суммы дохода

²⁶ Там же.

Однако понятие «имущество, полученное в результате преступления», которое является характеристикой отмывания денег, определяемое в Уголовном законе как «имущество, деньги и доходы, полученные в результате преступления», неясно.

Положительным примером уголовного законодательства в сфере борьбы с отмыванием денежных средств является ст. 462.31 Уголовного кодекса Канады²⁷, Закон Китая против отмывания денег [11], Закон против отмывания денег и финансирования терроризма²⁸ и ст. 648 Уголовного кодекса Италии²⁹, Закон Японии по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, Закон о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений и Закон против отмывания денег Польши³⁰. Эти документы будут рассмотрены в целях совершенствования законодательства Монголии в сфере борьбы с отмыванием денежных средств.

Срок давности преступления

В части 5 ст. 11 Конвенции против транснациональной организованной преступности³¹ указано, что срок давности для легализации (отмывания) денежных средств должен быть длительным, что срок давности не является условием для уклонения лица, подозреваемого в совершении преступления, от расследования уголовного дела, разбирательства дел в суд и решения суда.

Управление ООН по предупреждению преступности и контролю над наркотиками отметило, что, по мнению Международного валютного фонда, срок давности по основному преступлению – отмывание денег – должен составлять 12–15 лет [12].

Как видно из приведенной ниже таблицы 3, в новой редакции Уголовного кодекса Монголии сроки давности по отмыванию денег существенно сокращены.

Таблица 3

Срок давности по делам, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств, в уголовном законодательстве Монголии

Вид преступления	Статья Уголовного кодекса Монголии		
	Ст. 18.6. Отмывание денежных средств (2015, 2017 гг.)	Ст. 166 ¹ . Отмывание денежных средств (2009–2014 гг.)	Ст. 268 ¹ . Отмывание денежных средств (2008–2009 гг.)
Основное преступление	1 год	5 лет	5 лет
Преступление, совершенное при отягчающих обстоятельствах	5 лет	15 лет	15 лет
Преступление, совершенное организованной преступной группой	12 лет	15 лет	25 лет

Исходя из этого, можно считать, что норма Уголовного кодекса Монголии не соответствует норме ч. 5 ст. 11 Конвенции против транснациональной организованной преступности³².

Анализ регулирования срока давности по преступлениям, связанным с отмыванием денег, в некоторых странах показывает, что в Канаде и Великобритании срока давности нет, а, например в Италии и ФРГ он составляет 15 и 20 лет соответственно.

²⁷ Уголовный кодекс Канады (R.S.C., 1985 год, гл. С-46) (по сост. на 15.12.2014 г.) // Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) : [сайт]. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15553> (дата обращения: 15.04.2024).

²⁸ Законодательный декрет от 21 ноября 2007 г. № 231 (с посл. изм.).

²⁹ Уголовный кодекс Италии (утв. Королевским указом от 19 октября 1930 г. № 1398, с попр., внесен. Законодательным декретом от 11 мая 2018 г. № 63) // Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) : [сайт]. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18132> (дата обращения: 15.04.2024).

³⁰ Legislative Guide for the Implementation of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York: United Nations Office on Drugs and Crime, 2017. – P. 55. – URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/Legislative_Guide_2017/Legislative_Guide_E.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

³¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

³² URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 15.04.2024).

Расследование дел за отмывание денег и предикатные преступления

Полицейская статистика по борьбе с отмыванием денег, и сопутствующих преступлений за период 2019–2023 года приведена в таблице 4.

Таблица 4

Анализ уголовных дел, сопутствующих преступлениям, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств в Монголии³³

Расследование уголовных дел	Статья УК	Период (год)				
		2019	2020	2021	2022	2023
Количество возбужденных уголовных дел	Ст. 17.1 ¹	44	56	49	57	38
	Ст. 17.12 ²	25	29	20	24	13
	Ст. 17.3 ³	49	50	67	76	54
	Ст. 17.4 ⁴	25	14	15	21	22
	Ст. 18.3 ⁵	14	26	84	41	32
Разрешение дела в ходе предварительного расследования	Ст. 17.1	32	36	28	29	10
	Ст. 17.12	21	12	7	6	–
	Ст. 17.3	45	41	54	51	37
	Ст. 17.4	23	11	11	19	17
	Ст. 18.3	14	26	82	35	29
Количество лиц, привлеченных в качестве обвиняемых	Ст. 17.1	24	35	31	33	24
	Ст. 17.12	17	18	9	20	8
	Ст. 17.3	9	13	11	25	14
	Ст. 17.4	3	5	2	4	5
	Ст. 18.3	2	2	46	8	3
Расследование прекращено в ходе предварительного расследования	Ст. 17.1	–	–	–	1	–
	Ст. 17.12	–	1	–	–	–
	Ст. 17.3	22	9	9	20	4
	Ст. 17.4	16	3	1	4	6
	Ст. 18.3	3	7	10	11	7
Количество дела, рассмотренных и разрешенных следствием	Ст. 17.1	36	51	42	49	37
	Ст. 17.12	21	28	18	24	13
	Ст. 17.3	12	20	23	37	27
	Ст. 17.4	5	7	6	5	7
	Ст. 18.3	2	2	47	16	5
Прекращено дел в ходе следствия	Ст. 17.1	–	–	–	–	1
	Ст. 17.12	–	–	–	–	–
	Ст. 17.3	–	–	–	1	–
	Ст. 17.4	–	–	–	–	–
	Ст. 18.3	2	–	–	1	–
Направлено обвинительных заключений в суд	Ст. 17.1	21	41	29	33	22
	Ст. 17.12	12	19	12	16	10
	Ст. 17.3	6	8	8	12	7
	Ст. 17.4	3	4	6	4	4
	Ст. 18.3	–	1	–	3	–

³³ Электронная база данных судебных решений // Генеральный Судебный Совет : [официальный сайт]. – URL: <http://www.shuukh.mn/eruaanhan/8382/view> (дата обращения: 15.04.2024).

Продолжение таблицы 4

Расследование уголовных дел	Статья УК	Период (год)				
		2019	2020	2021	2022	2023
Вынесен обвинительный приговор:						
– судом первой инстанции	Ст. 17.1	38	43	29	29	10
	Ст. 17.12	17	19	10	14	4
	Ст. 17.3	12	12	11	11	4
	Ст. 17.4	5	8	7	4	1
	Ст. 18.3	2	2	3	3	–
– судом второй инстанции	Ст. 17.1	15	15	9	12	4
	Ст. 17.12	7	9	5	4	–
	Ст. 17.3	9	10	11	9	5
	Ст. 17.4	1	2	3	2	2
	Ст. 18.3	2	2	2	2	–
– апелляционным судом	Ст. 17.1	2	2	–	–	–
	Ст. 17.12	3	1	–	–	–
	Ст. 17.3	2	1	2	2	–
	Ст. 17.4	–	–	–	–	–
	Ст. 18.3	–	–	–	–	–
Примечания: 1 – Ст. 17.1 – Кража; 2 – Ст. 17.12 – Кража скотоводства; 3 – Ст. 17.3 – Мошенничество; 4 – Ст. 17.4 – Присвоение имущества; 5 – Ст. 18.3 – Уклонение от уплаты налогов						

Как видно из приведенной выше таблицы, при классификации видов основных преступлений, связанных с отмыванием денег, расследуемых полицией, мошенничество составляет 30 %, растрата и кража – по 15 %, грабеж и кража животных – по 5 %, а на долю других преступлений приходится 3,3–1,6 %.

Мы также отмечаем, что существует необходимость проведения финансовых расследований других видов преступлений, которые могут быть связаны с отмыванием денег.

Монголия стала членом Азиатско-Тихоокеанской организации по борьбе с отмыванием денег в июле 2004 года, и в рамках соглашений и конвенций, членом которых является страна, ожидается, что Монголия возьмет на себя ответственность за борьбу с отмыванием денег перед международным сообществом. Ситуация с преступлениями, связанными с отмыванием денег, совершаемыми по всей стране, ухудшилась, и существует необходимость усиления борьбы с этим видом преступлений, об этом свидетельствует статистика криминогенной обстановки.

В Программу противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма, утвержденную постановлением Правительства Монголии от 5 июля 2022 г. № 265, включено, что «уполномоченные следственные органы разрабатывают и внедряют внутренние методы и методические указания по расследованию преступлений по борьбе с отмыванием денег»³⁴.

Полиция работает над обеспечением соблюдения вышеуказанных программных документов, разрабатывает и обеспечивает выполнение «официальных задач» по предотвращению, выявлению и расследованию отмывания денег в целях отмывания денег, а также для обеспечения эффективного опечатывания и ареста доходов от преступной деятельности и имущества.

В этом контексте в целях анализа ситуации криминальной и оперативно-розыскной работы по отмыванию денег, активизации работы по предотвращению, пресечению и выявлению, в целях правильного выявления и контроля ситуации на национальном

³⁴ URL: <https://legalinfo.mn/mn/law?page=law&cate=33&active=1&sort=title&page=1> (дата обращения: 15.04.2024).

уровне уполномоченные организации и детективы проведет расследования по следующим направлениям, и заранее целесообразно организовать профилактическую работу³⁵.

В частности, в ходе расследования:

1. Зная, что активы, деньги или доходы были получены в результате преступления, владелец, участвовавший в совершении преступления, будет пытаться скрыть его фактический характер и незаконный источник, избежать юридической ответственности. В случае сокрытия источника, места, способа распоряжения, в отношении владельца имущественных прав при расследовании уголовного дела должно быть проведено двойное расследование по преступлению «Отмывание денег», указанному в ст. 18.6 Особенного раздела Уголовного закона Монголии.

2. Предикатное преступление – отмывание денег, а также конверсия или передача активов и денег, полученных в результате совершения преступления, должны быть доказаны, перепроверены по основному преступлению и отмыванию денег, а также сокрытию и передаче активов и денег, полученных незаконным путем, – организовать следственные действия и сосредоточить внимание на конфискации имущества и денег, полученных в результате преступных действий.

3. Исполнять указания по расследованию и раскрытию преступления «Отмывание денег», добавленные в главу 14 «Методических указаний по прокурорскому контролю при проведении расследований» приказом от 3 июля 2018 года № А/76³⁶.

4. Изымать орудия, использованные для совершения преступлений против:

– прав собственности, указанных в главе 17 особого класса Уголовного кодекса Монголии;

– экономики, указанной в главе 18 уголовного закона;

– окружающей среды, указанной в главе 24,

а также организовывать процесс расследования и одновременно финансовые расследования путем изучения деятельности финансовых организаций, сбора и анализа собранной информации, обнаружения и документирования движения денег и активов.

5. В зависимости от особенностей расследуемого дела в соответствии с международными договорами, конвенциями, соглашениями о взаимной правовой помощи по уголовным делам организовывать получение документов из иностранных государств, выяснение их значения для дела, взятие показаний свидетелей, потерпевших, а также обвиняемых (неофициально перед проведением процесса). Необходимо использовать информационную линию, например с помощью таких организаций, как Интерпол, Эгмонт³⁷, СТАР³⁸, ARIN-AP³⁹ и т. д.

6. В связи с экономической средой и географическим положением существует тенденция к увеличению риска отмывания денег и активов, полученных преступным путем, из основных стран-торговых партнеров, таких как Китайская Народная Республика, Российская Федерация и Корейская Народная Демократическая Республика. Тот факт, что Монголия расположена между двумя соседями, имеет высокий риск создания каналов для прохождения денег, капитала и доходов от преступной деятельности через территорию Монголии и их отмывания. Поэтому контролировать деятельность предприятий с иностранным капиталом и их филиалов, организовывать работу, направленную на пресечение отмывания средств и денег, полученных от совершения преступлений в зарубежных странах.

³⁵ Об усилении профилактики, пресечения, выявления и расследования преступлений, связанных с отмыванием денег: приказ первого заместителя начальника Главного управления полиции от 01.02.2022 г. – Документ не публиковался.

³⁶ Мөрдөн байцаалтын явцад прокурорын хяналт тавих заавар: Прокурорын 2018 оны 07 дугаар сарын 03-ны өдрийн А/76 дугаар тушаал. – Документ не публиковался.

³⁷ Группа подразделений финансовых разведок «Эгмонт» – объединенный орган из 167 подразделений финансовых разведок. Группа Эгмонт предоставляет платформу для безопасного обмена информацией финансовых разведок в целях борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма

³⁸ Инициатива по возвращению украденных активов (StAR) – это партнерство между Группой Всемирного банка и Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, которое поддерживает международные усилия по ликвидации убежищ для коррумпированных средств.

³⁹ Межведомственной сети по возврату активов стран азиатско-тихоокеанского региона (ARIN-AP).

Контроль над отмыванием денег в Монголии. Судебная практика по этому вопросу

Статистическая информация о судебных разбирательствах и информация в электронной базе данных судебных решений

Согласно статистике вынесения приговоров⁴⁰, в период 2020–2022 гг. суд рассмотрел 34 преступления по ст. 18.6 Уголовного кодекса Монголии «Отмывание денег» и приговорил 68 человек (рисунки 1, 2).

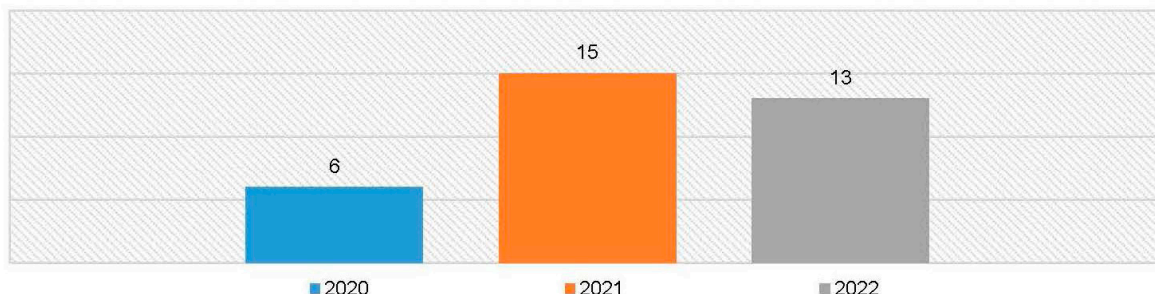

Рис. 1. Количество уголовных дел по отмыванию денег, рассмотренных судами в 2020–2022 гг.

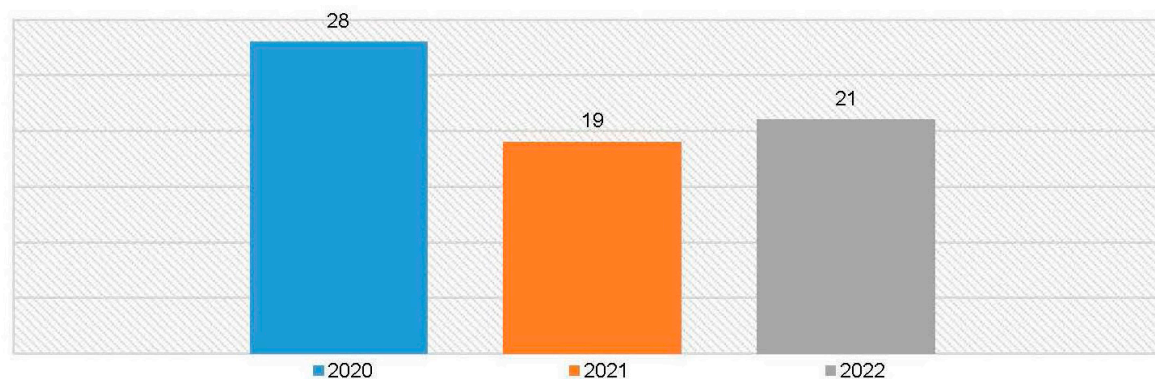

Рис. 2. Количество осужденных по уголовным делам по отмыванию денег в 2020–2022 гг.

На основании базы судебных решений можно показать примеры применения уголовного законодательства в сфере борьбы с отмыванием денежных средств (таблица 5).

Юридическая оценка Азиатско-Тихоокеанской группы по борьбе с отмыванием денег

Азиатско-Тихоокеанская целевая группа по борьбе с отмыванием денег, член Международной комиссии по финансовым преступлениям (FATF), провела оценку ситуации в Монголии по состоянию на ноябрь 2016 года и опубликовала свой отчет об оценке в сентябре 2017 года⁴¹.

В этом отчете указано, что правоохранительными органами проведено расследование в отношении 4 345 лиц по 46 видам преступлений, связанным с отмыванием денег, а по 20 преступлениям материалы переданы в Государственную прокуратуру для предъявления обвинений. Из них по двум делам, по которым обвинения были предъявлены в 2011–2013 гг. Верховный суд Монголии отменил решения суда первой инстанции и апелляционного суда, которые рассмотрели оба дела и вынесли обвинительные приговоры. Исходя из этого, нельзя сделать вывод о том, целесообразно или нет наказание за преступления по отмыванию денег, и соизмеримо ли оно с вредными последствиями преступления. В целом правоохранительные органы Монголии расследуют основное преступление до отмывания денег, однако за отчетный период в Монголии была объявлена широкая амнистия по уголовным делам⁴².

⁴⁰ URL: <http://www.shuukh.mn/eruanhan/8382/view> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴¹ URL: <https://apgml.org/documents/Default.aspx?pcPage=14> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴² Там же. – Р. 4; 8; 49; 52.

**Примеры судебных решений по уголовным делам,
связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств**

Постановление о приговоре	Выдержка из материалов уголовного дела	Приговор суда
<p>Постановление о приговоре районного суда первой инстанции № 2 по уголовному делу от 19.08.2014 г. № 1025</p>	<p>Подсудимый М. Б. перевел и присвоил 1 062 959 200 тугриков с банковского счета № 11 ... 1 ООО «Электронные системы». В целях сокрытия незаконных источников он основал на Британских Виргинских островах, помогающих любому лицу избежать юридической ответственности, компанию «Media Summit Limited». 10.01.2013 г. через компанию «848» в банке HSBS в Гонконге (Специальном административном районе Китайской Народной Республики) присвоенная сумма была переведена в 150 000 \$ США с зачислением на текущий счет № 83 ... 8. Затем 05.02.2013 г. 144 960 \$ США поступило обратно на счет № 11...7 в ГоломтБанка ООО «Электронные системы».</p>	<p>Подсудимый М. Б. признан виновным в совершении преступления, связанного с причинением крупного ущерба вследствие преступления, связанного с легализацией (отмыванием) денежных средств и приговорен к 6 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.</p>
<p>Постановление о приговоре суда первой инстанции Сумского района по уголовному делу провинции Ховда от 22.06.2018 г. № 86</p>	<p>Подсудимый М. А. вытащил подсудимых К. К., С. А. и Н. М. в ночь с 30 на 31 марта 2018 г. из реки Шурги, Шураг-Баг, Эрденебурен-Сум, провинции Ховд, похитившими 2 овец, принадлежащих Ш. Б. За это взял 50 000 тугриков и использовал их по своему усмотрению зная, что это были деньги, заработанные в результате преступления.</p>	<p>Подсудимый М. А. признан виновным в совершении преступления, связанного с отмыванием доходов, полученных преступным путем и приговорен к 6 месяцам лишения свободы условно.</p>
<p>Постановление о приговоре районного суда Ханбогд-Сум провинции Умнугова от 23.07.2018 г. № 101</p>	<p>Обвиняемые М. А., О. Г. и Е. Г. объединились 01.03.2018 г. и в сговоре с обвиняемым А. О. воспользовались автомобилем NordBenz с госномером 16 ... МУ с прицепом с госномером 13 ... БЧ. А. О. скрыл свои незаконные источники дохода, полученные в результате передачи автомобиля с прицепом другим лицам, в результате чего компания «Х» понесла общий ущерб в размере 38 000 000 тугриков.</p>	<p>Подсудимые М. А., О. Г. и Э. Г. признаны виновными в отмывании денег и приговорены к 6 месяцам лишения свободы условно каждый. Подсудимый А. О. приговорен к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком, в течение которого на него возложена обязанность принять меры по устранению вредных последствий преступления и исправлению своего поведения.</p>

В отчете также приведены примеры обвинительных приговоров за преступления, связанные с легализацией (отмыванием) денежных средств⁴³:

Пример 1: Дело «МИАТ»

В отношении трех высокопоставленных госслужащих государственной компании гражданской авиации «МИАТ» были расследованы уголовные дела по фактам присвоения, растраты и отмывания денег. Они признаны виновными судом первой инстанции и апелляционным судом. Эти должностные лица дважды застраховали два самолета в двух разных компаниях, что привело к убытку в размере 7,2 млн \$ США по схеме страхования.

⁴³ Там же. – Р. 52.

В период с 2007 по 2010 год они осуществляли переводы в одну компанию через несколько счетов в иностранных банках, а деньги возвращались в монгольские банки. Верховный суд и суд низшей инстанции отменили ошибочную классификацию отмывания денег и прекратили уголовное дело об отмывании денег.

Пример 2: Случай электронных систем

Верховный суд страны прекратил уголовное дело в отношении четырех должностных лиц управления гражданской авиации, которые злоупотребили своими полномочиями и причинили убытки из-за манипуляций с процессом набора персонала в размере 426 904 \$ США (1 062 959 200 тугриков). Эти чиновники переводили оплату за услуги совместной иностранной компании, принадлежащей двоим из виновных чиновников. Суд первой инстанции и апелляционный суд признали этих должностных лиц виновными в отмывании денег и присвоении чужого имущества (ст. 150, ч. 3 ст. 150 Уголовного кодекса Монголии) и приговорили их к 7 годам лишения свободы. Однако действие должностных лиц по получению денег через счет в коммерческом банке в Монголии не соответствует «изменению или передаче активов, денег или доходов, полученных в результате преступления, с целью оказания помощи иному лицу, участвующему в совершении преступления». Данная норма, предусмотренная ст. 1661 Уголовного кодекса Монголии, позволила избежать уголовной ответственности за преступление. Верховный суд рассмотрел и отменил приговор, вынесенный нижестоящими судами.

Заключение

Монголия уже давно присоединилась к международной инициативе по борьбе с отмыванием денег. В этом контексте в Монголии службы финансовой информации, правоохранительные органы, прокуратура и суды борются с отмыванием денег посредством Закона о борьбе с преступлениями, связанными с легализацией (отмыванием) денежных средств и финансированием терроризма и Уголовного кодекса.

Однако в Уголовный закон необходимо включить юридические документы и акты, доказывающие права и интересы собственности на «активы, деньги и доходы, полученные в результате преступления», что является характеристикой данного вида преступлений.

Кроме того, в соответствии со ст. 11 раздела 5 Конвенции против транснациональной организованной преступности и новой редакцией Уголовного кодекса Монголии необходимо продлить срок давности по уголовным делам, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств.

Азиатско-Тихоокеанская группа по борьбе с отмыванием денег оценила ситуацию в Монголии и пришла к выводу, что не сложилась единая практика относительно того, является ли наказание за отмывание денег уместным или соразмерным вреду, причиненному от преступления, и широкая амнистия по уголовным делам, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств, вызывает затруднение в борьбе с преступностью, что следует принять во внимание в будущем⁴⁴.

Согласно оценке, проведенной международной организацией, был сделан вывод о недостатке того факта, что компетентные следственные органы не возбудили финансовое расследование за уклонение от уплаты налогов, связанное с отмыванием денег и экологическими преступлениями.

Этот вывод подтверждается анализом данных о преступлениях, связанных с отмыванием денег, и основных преступлениях, совершенных органами власти за последние 5 лет, по расследованию и уголовному расследованию по статьям и категориям отмывания денег [13; 14].

В дальнейшем считается целесообразным принять следующие меры для решения проблем в практической деятельности по противодействию отмыванию денег:

1. Следственные органы при расследовании особо опасного мошенничества, хищения денежных средств, коррупционных и иных преступлений, связанных с отмыванием денег, экологических преступлений должны изымать средства, использованные для совершения преступлений, пресекать деятельность всех лиц, связанных с деньгами и финансами, в ходе проведения финансовых расследований.

Изучая организацию и процессы, собирая и анализируя полученную информацию, выявлять и документировать движение денег и активов, уделяя особое внимание выявлению незаконных активов и финансов [15].

2. Путем создания программного обеспечения для единого учета преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств, определить вид и направления

⁴⁴ Дорж Энхтур. Указ. соч.

зарегистрированных этих преступлений, контролировать этап от начала расследования до вынесения решения судом.

Анализ ситуации и оценка рисков должны проводиться по методологии, разработанной международной организацией, и реализовываться с учетом внутренней политики по совершенствованию дальнейшей борьбы с данным видом преступности [16; 17].

3. Организовать внедрение новых методов, операций и технологических достижений, используемых организациями с аналогичными функциями по расследованию преступлений зарубежных стран, изучать передовой опыт [18].

4. Контроль финансов, перемещаемых из Монголии в зарубежные страны и из зарубежных стран в нашу страну, особенно денег, поступающих под видом иностранных инвестиций, четко регламентирован в Законе о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, однако из-за отсутствия сотрудничества между соответствующими учреждениями борьба с такими преступлениями не дает четких результатов.

По опыту зарубежных стран, создание рабочей группы по расследованию случаев отмывания денег и финансовых преступлений и работа с отчетами и информацией о подозрительных операциях, их представление в Службу финансовой информации соответствующими должностными лицами, дает высокие результаты в борьбе с этим видом преступности⁴⁵.

5. Обеспечить возможность в короткие сроки получать информацию о транзакциях между получателем и счетом получателя во взаимодействии и при поддержке международных организаций.

Ввиду многих вышеперечисленных обстоятельств практика рассмотрения судами вопросов отмывания денег не до конца устоялась, что свидетельствует о необходимости совершенствования системы обучения судей по вопросам рассмотрения материалов по преступлениям, связанным с легализацией (отмыванием) денежных средств.

Список литературы

1. *Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures : Mongolia : Mutual Evaluation Report : July 2021 / FATF.* – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Fur-mongolia-2021.html>. (дата обращения: 15.04.2024).

2. *Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures : Mongolia : Mutual Evaluation Report : September 2017 / Asia/Pacific Group on Money Laundering (APG).* – URL: <https://apgml.org/documents/Default.aspx?pcPage=14> (дата обращения: 15.04.2024).

3. Нямаа Э. Обзорный анализ текущего положения дел по вопросам борьбы с торговлей людьми в Монголии // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6 (198). – С. 268–271; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_6_268.

4. *Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ.* – Москва: МУМЦФМ, 2012. – 189 с.

5. Гансүх А. Ситуация с организованной преступностью в Монголии: нынешнее положение, планируемые мероприятия // Мир современной науки. – 2016. – № 3 (37). – С. 72–79.

6. Лхагвацэнд Ц. Сравнительный анализ признаков преступления отмывания денег // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 9 (213). – С. 89–93; https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_89.

7. “Мөнгө угаах, терроризмыг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх тухай” Монгол Улсын хууль // Төрийн мэдээлэл. – 2013. – № 24.

8. Иванов А. В. Актуальные проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов // Юридическая наука. – 2021. – № 11. – С. 72–76.

9. Мягмарцэрэн Д. Латентная преступность: причины, измерение, состояние в Монголии / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XIX Международной научно-практической конференции, 29–30 мая 2014 г. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – С. 66–69.

⁴⁵ Методические рекомендации ЕАГ по организации и проведению финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ : 39-е Пленарное заседание / WGTYP. – 2023. – No 10. – Rev. 1.

10. Дорж Э. Сравнительный анализ уголовной ответственности за легализацию (отмывание) имущества или денежных средств, добытых преступным путем, по уголовному законодательству России и Монголии // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – № 4 (83). – С. 289–295; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-4-83-289-295>.

11. Чан Лян. Закон «О противодействии отмыванию денег» конец грязных денег // Рынок ценных бумаг. – 2006. – № 22 [на кит. языке].

12. *Model Provisions on Money Laundering, Terrorist Financing, Preventive Measures and Proceeds of Crime (for common law legal systems)*. – New York: United Nations Office on Drugs and Crime, 2009. – P. 132. – URL: https://www.unodc.org/documents/money-laundering/Model_Provisions_2009_Final.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

13. Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2012. – № 5. – С. 84–94.

14. Кучумов А. В., Печерица Е. В. Понятие «отмывание» (легализация) доходов: сущностные и правовые аспекты // Экономический вектор. – 2022. – № 3 (30). – С. 115–122.

15. Кащеев Д. В. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, обусловленное развитием рынка криптовалют // Вестник евразийской науки = The Eurasian Scientific Journal : электронный журнал. – 2022. – Т. 14. – № 1. – URL: <https://esj.today/PDF/32ECVN122.pdf>.

16. Садомовская М. Е. Эволюция правовых основ Европейского Союза в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем: исторический обзор // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 4 (113). – С. 164–175; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.164-175>.

17. Гурьянов К. В., Шатило Я. С. Развитие электронных платёжных систем и правовых основ противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма // Базис. – 2018. – № 1 (3). – С. 23–37.

18. Парамонов Д. Р. Меры противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, в кредитных организациях ЕС (на примере ФРГ) // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2015. – № 20. – С. 28–32.

References

1. *Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures : Mongolia : Mutual Evaluation Report : July 2021 / FATF*. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Fur-mongolia-2021.html>. (дата обращения: 15.04.2024).

2. *Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures : Mongolia : Mutual Evaluation Report : September 2017 / Asia/Pacific Group on Money Laundering (APG)*. – URL: <https://apgml.org/documents/Default.aspx?pcPage=14> (дата обращения: 15.04.2024).

3. Nyamaa E. Obzornyy analiz tekushchego polozheniya del po voprosam bor'by s trgovley lyud'mi v Mongolii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2021. – № 6 (198). – S. 268–271; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_6_268.

4. *Rekomendatsii FATF : Mezhdunarodnyye standarty po protivodeystviyu otmyvaniyu deneg, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya / per. s angl.* – Moskva: MUMTSFM, 2012. – 189 s.

5. Gansukh A. Situatsiya s organizovannoy prestupnost'yu v Mongolii: nyneshneye polozheniye, planiruyemye meropriyatiya // Mir sovremennoy nauki. – 2016. – № 3 (37). – S. 72–79.

6. Lkhagvatsend Ts. Sravnitel'nyy analiz priznakov prestupleniya otmyvaniya deneg // Agrarnoye i zemel'noye pravo. – 2022. – № 9 (213). – S. 89–93; https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_9_89.

7. “Мөнгө угаах, терроризмыг санхүүжүүлэхтэй тэмцэх тухай” Монгол Улсын хууль // Төрийн мэдээлэл. – 2013. – № 24.

8. Ivanov A. V. Aktual'nyye problemy primeneniya ugovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za legalizatsiyu (otmyvaniye) prestupnykh dokhodov // Yuridicheskaya nauka. – 2021. – № 11. – С. 72–76.

9. Myagmartseren D. Latentnaya prestupnost': prichiny, izmereniye, sostoyaniye v Mongolii / Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 29–30 maya 2014 g. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2014. – S. 66–69.

10. Dorzh E. Sravnitel'nyy analiz ugovnoy otvetstvennosti za legalizatsiyu (otmyvaniye) imushchestva ili denezhnykh sredstv, dobytykh prestupnym putem, po ugovnomu

zakonodatel'stvu Rossii i Mongolii // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2021. – № 4 (83). – S. 289–295; <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-4-83-289-295>.

11. *Chan Lyan*. Zakon «O protivodeystvii otmyvaniyu deneg» konets gryaznykh deneg // Rynok tsennykh bumag. – 2006. – № 22 [na kit. yazyke].

12. *Model Provisions on Money Laundering, Terrorist Financing, Preventive Measures and Proceeds of Crime (for common law legal systems)*. – New York: United Nations Office on Drugs and Crime, 2009. – P. 132. – URL: https://www.unodc.org/documents/money-laundering/Model_Provisions_2009_Final.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

13. *Filatova M. A.* Legalizatsiya (otmyvaniye) denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem: nekotoryye aspekty oboznacheniya v rossiyskom i zarubezhnom prave // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. – 2012. – № 5. – S. 84–94.

14. *Kuchumov A. V., Pecheritsa Ye. V.* Ponyatiye «otmyvaniye» (legalizatsiya) dokhodov: sushchnostnyye i pravovyye aspekty // Ekonomicheskyy vektor. – 2022. – № 3 (30). – S. 115–122.

15. *Kashcheyev D. V.* Protivodeystviye otmyvaniyu deneg i finansirovaniyu terrorizma, obuslovlennoye razvitiyem rynka kriptovalyut // Vestnik yevraziyskoy nauki = The Eurasian Scientific Journal : elektronnyy zhurnal. – 2022. – T. 14. – № 1. – URL: <https://esj.today/PDF/32ECVN122.pdf>.

16. *Sadomovskaya M. Ye.* Evolyutsiya pravovykh osnov Yevropeyskogo Soyuza v sfere protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem: istoricheskiy obzor // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2020. – T. 15. – № 4 (113). – S. 164–175; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.164-175>.

17. *Gur'yanov K. V., Shatilo Ya. S.* Razvitiye elektronnykh platozhnykh sistem i pravovykh osnov protivodeystviya legalizatsii dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma // Bазis. – 2018. – № 1 (3). – S. 23–37.

18. *Paramonov D. R.* Mery protivodeystviya otmyvaniyu dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, v kreditnykh organizatsiyakh YES (na primere FRG) // Ekonomika i upravleniye: analiz tendentsiy i perspektiv razvitiya. – 2015. – № 20. – С. 28–32.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 14.06.2024.

The article was submitted April 3, 2024; approved after reviewing May 31, 2024; accepted for publication June 14, 2024.

Научная статья
УДК 351.745.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-183-200>

Андрей Иванович Тамбовцев

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>, bestcopat@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

Проблемы нормативной регламентации оборота и безопасности специальных химических веществ в оперативно-розыскной деятельности

Аннотация: Введение. Специальные химические вещества (далее – СХВ) активно и разнообразно применяются в правоохранной деятельности вообще и в оперативно-розыскной в частности на протяжении очень длительного периода времени. В то же время правовая ситуация осложняется тем, что, несмотря на длительное и результативное использование СХВ в практической деятельности правоохранительных и в т. ч. оперативных подразделений, Российская наука и правоприменительная практика до сих пор не имеют единого и легитимного понятия «специальных химических веществ» и официальных юридических критериев безопасности их применения, а научное сообщество до сих пор окончательно и безальтернативно не определилось к чему же они относятся. В указанных условиях и законодательство, и правоприменительная практика нуждаются в научно обоснованном понятийно-категориальном аппарате и юридически установленных критериях легитимного и безопасного оборота специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения. **Методы.** В исследовании применялись общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод контент-анализа. Это позволило выявить доказательства нормативного правового дефицита в части регламентации правомерного и безопасного оборота специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения при предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, и розыске преступников. **Результаты.** Основываясь на результатах проведённого анализа Российского законодательства и многочисленных предшествующих научных изысканий иных правоведов, автор приходит к обоснованному заключению, что в настоящее время законодательное регламентирование оборота и безопасности специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения является нормативно выхолощенным и нуждается в немедленном восполнении в части нормативного определения основных понятий и требований к СХВ. Автором предлагается аутентичное определение понятия «специальное химическое вещество», учитывающее требования к его безопасности.

Ключевые слова: специальные средства оперативно-розыскной деятельности, специальные химические вещества, специальные средства, безопасность, оперативно-розыскная деятельность, средства следообразования

Для цитирования: Тамбовцев А. И. Проблемы нормативной регламентации оборота и безопасности специальных химических веществ в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 183–200; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-183-200>.

Andrei I. Tambovtsev

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>, bestcopat@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Problems of normative regulation of special chemicals use and safety in operational detective activities

Abstract: Introduction. Special chemical substances are actively and variously used in law enforcement in general and in operational detective activities in particular for a very long period of time. At the same time, the legal situation is complicated by the fact that, despite the long and effective use of special chemicals in practical activities of law enforcement and operational units, Russian science and law enforcement practice still do not have the unified and legitimate concept of “special chemical substances” as well as the official legal criteria for the safety of their use, and the scientific community has not yet finally and irrevocably determined what special chemicals belong to. Under these conditions, both legislation and law enforcement practice need a scientifically substantiated conceptual and categorical apparatus and legally established criteria for legitimate and safe use of special chemicals of operational detective designation. **Methods.** The study applied general scientific dialectical, comparative-legal, formal-logical methods and the method of content analysis. This allowed identifying evidence of normative legal deficit in terms of regulation of lawful and safe use of special chemicals of operational detective designation in prevention, suppression and detection of crimes, and search for criminals. **Results.** Based on the results of the conducted Russian legislation analysis and numerous previous scientific researches by other legal scholars, the author comes to the reasonable conclusion that at present the legislative regulation of the use and safety of special chemicals of operational detective designation is normatively emasculated and needs immediate replenishment in terms of the normative definition of the basic concepts and requirements for special chemical substances. The author proposes authentic definition of “special chemical substance” concept that takes into account the requirements for its safety.

Keywords: special means of operational detective activities, special chemical substances, special means, security, operational detective activities, means of trace formation

For citation: Tambovtsev A. I. Problems of normative regulation of special chemicals use and safety in operational detective activities // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 183–200; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-183-200>.

Введение

Специальные химические вещества (далее – СХВ) активно и разнообразно применяются в правоохранной деятельности вообще и в оперативно-розыскной (далее – ОРД), в частности, на протяжении очень длительного периода времени. Эти субстанции в виде порошков, жидкостей и мазей используются субъектами ОРД в целях раскрытия и документирования преступлений как самостоятельный инструмент и как элемент химических ловушек, о чем ранее неоднократно указывалось исследователями¹ [1, с. 119–218; 2, с. 86–87; 3, с. 15–17; 4, с. 344–348; 5, с. 43–45]. Длительное время СХВ и химические ловушки использовались в основном в борьбе с карманными кражами [6, с. 35–38], но постепенно эта практика распространилась на предупреждение и раскрытие должностных и коррупционных преступлений, хищений из закрытых хранилищ, незаконный оборот оружия и наркотиков и пр. [7–12]. Несмотря на отсутствие специальной статистики именно по применению СХВ, ученые, основываясь на собственных научных изысканиях отмечают возрастание интенсивности их использования в оперативно-розыскных целях² [13–15; 16, с. 273]. В то же время правовая ситуация осложняется тем, что, несмотря на длительное и результативное использование СХВ в практической деятельности оперативных подразделений, Российская наука и правоприменительная практика до сих пор не имеют единого и легитимного понятия

¹ Черных А. А., Безгачев Ф. В. Специальные окрашивающие и маркирующие средства : учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 76 с.

² Архипов А. Ю. Использование специальных химических веществ и химических ловушек в деятельности оперативных подразделений : отчет о НИР. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. – 21 с.

«специальных химических веществ» и официальных юридических критериев безопасности их применения, а научное сообщество до сих пор окончательно и безальтернативно не определилось к чему же они относятся.

Согласно разделяемым нами многочисленным научным и академическим позициям, специальные химические вещества относятся к специальным техническим средствам³, на чем и будут построены наши дальнейшие рассуждения. В то же время, охватываемые указанным понятием «специальные технические средства» и используемые в действующем оперативно-розыском (и смежных с ним) законодательстве такие термины, как «технические средства», «специальные средства», «негласные средства», «средства разведывательной деятельности» не раскрываются законодателем в достаточных для однозначного юридического толкования пределах и допускают широкую вариативность их интерпретаций учеными и практиками, нарушая при этом основополагающий постулат законотворчества – «необходимость использования терминов с четким и строго очерченным смыслом и единстве применяемой в законодательстве терминологии» [17, с. 23]. На фоне научной неопределенности и термина, и, что более важно – самого данного инструментария, как социально-правового явления, законодатели находятся в очень сложной ситуации – в необходимости нормативно определить и регламентировать то, что до сих пор не имеет единого понятия и дефиниции в научной среде.

Методы

Для всестороннего и полного анализа рассматриваемого аспекта и последующих выводов в процессе исследования применялись общенаучный диалектический, формально-логический методы, посредством которых были выявлены, подтверждены и сформулированы наиболее проблемные аспекты рассматриваемой сферы деятельности. На основе проведенных сравнительно-правового и содержательного (контент-анализа) исследования широкого ряда ранее действовавших и действующих ныне нормативных правовых актов и правоприменительной практики были выявлены несогласованные и противоречивые положения норм ряда федеральных законов и кодексов, порождающие коллизионность их толкования и воплощения в практическую деятельность. Это позволило автору заявлять о существующей нормативной выхолощенности правовой регламентации легитимного и безопасного оборота специальных химических веществ при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, и как следствие этого – о насущной необходимости скорейшего приведения соответствующих нормативных правовых актов в строгое внутреннее и внешнее соответствие.

Результаты

Изучение нами большого количества федеральных законов и кодексов, прямо и категорично свидетельствует, что Российское законодательство «нормативно игнорировало», обошло стороной рассматриваемый аспект правоохранительной деятельности, породив множество теоретических и практических проблем, связанных с использованием специальных химических веществ. И это при том, что применение специальных химических веществ в правоохранительной деятельности является эффективным, а подчас даже незаменимым инструментом ОРД.

Прежде всего, считаем обязательным указать на отсутствие в российском федеральном правоприменительном законодательстве официального юридического, а потому – легитимного, понятия «специальные химические вещества» (более того, в российском законодательстве отсутствует и официальное понятие «химические вещества»!), которым могли бы оперировать в правоприменительной и судебной практике субъекты и участники уголовного процесса, административной и оперативно-розыскной деятельности, а также ученые, изучающие соответствующую проблематику. В ситуации отсутствия законодательно определенной официальной дефиниции, раскрывающей правовые, функциональные, организационно-тактические и любые иные особенности рассматриваемого понятия (термина) «специальные химические вещества», использование

³ См., например: Хармаев Ю. В. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. – Улан-Удэ: Издательство ВСГУТУ, 2015. – С. 76; Шхагапсоев З. Л. [и др.] Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Голяндина. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 95; Назаров С. В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. – Санкт-Петербург: СЮА, 2018. – С. 162; Баумтрог В. Э. Специальная техника органов внутренних дел в вопросах и ответах : учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – С. 21; Черных А. А., Безгачев Ф. В. Специальные окрашивающие и маркирующие средства : учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 5.

и понятия (термина) и самого инструментария, т. е. СХВ, способно породить коллизию мнений о том, какой смысл вкладывается законодателем в этот термин (понятие), какие виды специальных химических веществ, кем и как могут использоваться. При этом необходимо отметить, что и в немногочисленных найденных нами работах научного, методического и учебного характера нет актуального (в формате дефиниции в норме федерального закона) определения данного понятия.

Однако, возможно, что отсутствие в оперативно-розыскном (и в правоприменительном вообще) законодательстве официального, но при этом явно не юридического (не правового) термина не является серьезной проблемой для самих правоприменителей? Подобных примеров в законодательствах различных отраслей права великое множество! Этим «страдают» и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁴ (далее – УПК РФ), и Закон «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵, и Закон «О полиции»⁶ и многие другие федеральные законы и кодексы. Полагаем, все-таки, что в данном конкретном случае проблема имеется и она НЕ незначительна! Проведенный нами контент-анализ иных федеральных законов и кодексов⁷, прямо или косвенно регламентирующих оборот химических веществ, и потому гипотетически способных содержать данное или аналогичное ему понятие, свидетельствует о его полном отсутствии в нормативных правовых актах уровня федеральных законов. Считаю, что специальные химические вещества оперативно-розыскного (а также и иного правоохранительного) предназначения, как разновидность химических веществ вообще, являются оперативно-розыскным (а в целом – правоохранительным) инструментарием, следует признать отсутствие в законодательстве данного (как, впрочем, и многих иных) легитимного термина существенным упущением российских нормотворцев.

Сфера правоприменения и особенно – противодействия преступности, в которой используется СХВ, является социально очень «тонкой», критически важной и для государства и для отдельной личности, где даже незначительные терминологические нюансы могут обуславливать противоположные взгляды, мнения, выводы и решения и иметь витальное значение, как для выполнения оперативно-розыскных и правоприменительных задач соответствующими правоохранительными ведомствами, так и для людей (субъектов и участников) вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В этой связи считаю обязательным «включение» в закон норм (статей), декларирующих официальные дефиниции используемых понятий (терминов). Таковыми федеральными законами могут быть, например, УПК РФ, законы о полиции или об ОРД. Одним из наиболее рациональных решений этой проблемы нам видится подход законотворцев некоторых стран Запада, представляющих читателю (правоприменителю) основные используемые в каждом разделе или главе закона или кодекса термины (понятия) для их однозначного толкования⁸, также нашедший свое отражение в некоторых российских законах и кодексах. Например, ст. 5 УПК РФ – «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе», ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»⁹ – «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» и ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁰ – «Основные понятия».

Основываясь на том, что законодательство не ограничивается только сводом Федеральных законов, а является совокупностью всех нормативных правовых актов (т. е. и законов и подзаконных актов), следует объективно признать, что Российское законодательство все-таки не совсем безмолвствует о понятии химических веществ, но в то же время удивительно «не дает» правоведам определения этого понятия официально.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

⁶ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

⁷ См., например: О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. – 1999. – 6 апреля; Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2001. – 31 декабря; Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2002. – 12 января; О техническом регулировании : Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (ред. 21.11.2022) // Российская газета. – 2002. – 31 декабря и др.

⁸ См., например: Примерный Уголовный кодекс (США) : Официальный проект Института американского права / перевод с англ. А. С. Никифорова ; под ред. и с предисл. Б. С. Никифорова. – Москва: Прогресс, 1969. – 304 с.; Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. и предисл.: А. В. Серебренникова. – Москва: Зерцало-М, 2001. – 200 с. и др.

⁹ О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1997. – № 41. С. 8220–8235.

¹⁰ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

Проведенный нами анализ современного российского законодательства в части регламентирования использования СХВ вообще и в оперативно-розыскных целях в частности позволяет утверждать, что оно (законодательство) фактически не содержит норм, направленных на регулирование многочисленных правовых вопросов, касающихся применения СХВ в ОРД. Имеющиеся в различных законах отдельные разрозненные и в большей своей части бланкетно-отсылочные нормы лишь косвенно и очень фрагментарно регламентируют рассматриваемый аспект в основном сосредоточены хотя и на правоохранных, но не на оперативных аспектах применения СХВ. Да и аспекты использования СХВ в правоохранительной деятельности вообще также представлены в законодательстве крайне недостаточно. В такой обстановке, как было заявлено ранее, юридическая интерпретация имеющихся положений закона может быть чрезмерно вариативна и субъективна, что в свою очередь порождает правовую неопределенность и полемичность правовых ситуаций.

Уникальность и парадоксальность ситуации в том, что в 2016 году Правительством Российской Федерации был принят «Технический регламент о безопасности химической продукции»¹¹, устанавливающий целый ряд официальных международных критериев безопасности, оснований классификации химических веществ, обязательных для исполнения требований к химической продукции и др., который должен был вступить в силу с 1 июля 2021 г. Среди прочих многочисленных понятий, имеющих отношение к регулируемой сфере, Регламент содержал и понятия химического вещества, которое для такого документа являлось бы основополагающим и которое можно было бы считать официальным, а значит легитимным: ««химическое вещество» – химические элементы и (или) их соединения, находящиеся в естественном состоянии или полученные в результате любого производственного процесса, включая любые добавки, необходимые для обеспечения стабильности, и любые примеси, обусловленные процессом получения химической продукции, исключая любой растворитель, который можно отделить без нарушения стабильности химического вещества или изменения его состава (к химическим веществам относится химическая продукция, в которой химическое вещество присутствует в концентрации 80 процентов (по массе) и более, при этом оставшиеся 20 процентов (по массе) и менее считаются примесями и (или) добавками)»¹². Однако, в 2019 году данный регламент, не вступив в действие, был признан не соответствующим новым международным стандартам и утратившим силу с 28 июня 2019 г., а значит и данная, представленная в нем, дефиниция понятия «химическое вещество» не может считаться действующим юридическим определением понятия последнего, вне зависимости от того, насколько правильной, актуальной для юридического использования она является (являлась) на самом деле.

Взамен отмененного технического регламента 2016 года странами-участниками Евразийского Экономического Союза в 2017 году был принят новый технический регламент «О безопасности химической продукции»¹³, который должен был вступить в силу 2 июня 2021 г. Данный регламент содержит абсолютно идентичное тому, что было в предшествующем регламенте, определение понятия «химическое вещество». Однако и он по неизвестным причинам до сих пор не вступил в действие.

Обобщенно оценивая предложенное в обоих регламентах определение понятия «химическое вещество», можно констатировать его чрезмерную «громоздкость» и сложность для сферы правоприменения и отсутствие требуемых для юриспруденции атрибутов термина – целей применения, субъектов, правовой основы и т.п., что, по нашему мнению, в совокупности делает данную дефиницию неприемлемой для использования в качестве основы при синтезе юридической дефиниции понятий «химическое вещество» / «специальное химическое вещество», независимо от его основной (т. е. «химической») специализации верности и точности, терминологического качества и применимости формулировки в промышленных или технологических сферах.

В то же время в России имеется ГОСТ Р 58475-2019¹⁴, в котором со ссылкой на ГОСТ Р 58473-2019¹⁵, дается понятие химического вещества: «Химический элемент или химическое соединение,

¹¹ О техническом регламенте о безопасности химической продукции : постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2016 г. № 1019 // СЗ РФ. – 2016. – № 42. – Ст. 5936. – Документ утратил силу.

¹² Там же.

¹³ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.03.2017 г. № 19 «О техническом регламенте Евразийского экономического союза „О безопасности химической продукции”» (вместе с «ТР ЕАЭС 041/2017. Технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности химической продукции» // Евразийский экономический союз : [официальный сайт]. – URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁴ ГОСТ Р 58475-2019 Паспорт безопасности химической продукции. Общие требования. – Москва: Стандартинформ, 2019. – 12 с.

¹⁵ ГОСТ Р 58473-2019. Классификация опасности химической продукции. Общие требования. – Москва: Стандартинформ, 2019. – 32 с. – Документ утратил силу в связи с изданием приказа Росстандарта от 30 мая 2022 г. № 424-ст.

находящиеся в естественном состоянии или полученные в результате любого производственного процесса, включая любые добавки, необходимые для обеспечения стабильности, и любые примеси, обусловленные процессом получения химической продукции, исключая любой растворитель, который можно отделить без нарушения стабильности химического вещества или изменения его состава». Самый поверхностный анализ предложенного определения показывает его достаточную лаконичность и простоту, гипотетическую адаптивность к сфере правоприменения и возможность использования для формулировки официальных понятий «химическое вещество»/«специальное химическое вещество».

Не рассматривая правильность (техническое, физическое и химическое соответствие действительности) обеих выше предложенных дефиниций, можно констатировать, что в связи с постоянным изменением правового статуса соответствующих нормативных правовых актов, содержащих определение понятия «химическое вещество», и индифферентностью законодателя в этой правовой области, на сегодняшний день российское законодательство на уровне Федерального закона или кодекса не имеет официального юридического определения данного термина (понятия) вообще, а термина, приемлемого для использования в правоприменении – особенно.

Еще один парадокс ситуации с СХВ в том, что при фактическом безмолвствии закона о том, что же это такое, большинство правоведов (авторов научных и учебно-методических работ по данной тематике) используют этот термин в своих рассуждениях как давно устоявшийся, не озадачиваясь при этом установлением его функционально-правовой сущности и формулировкой дефиниции, соответствующей науке и практике. При этом гипотетически возможна ситуация, в которой под специальными химическими веществами можно понимать неоправданно широкий, функционально не оптимальный (не эффективный) и небезопасный для здоровья людей и окружающей среды перечень химических субстанций общебытового, промышленного, производственного и т. п. назначения, что, конечно же, представляется недопустимым.

Следует отметить практическое отсутствие в открытой учебной, методической и научной литературе соответствующей тематики единой концепции авторских взглядов (подходов) к синтезу именно правового понятия «специальные химические вещества», и как следствие – отсутствие его дефиниций, удовлетворяющих минимальным требованиям для юридической регламентации (юридического использования). В качестве наглядного примера предлагаем читателю для сравнения три дефиниции, предложенные авторами различных учебников по ОРД:

1. Специальные химические вещества (СХВ) – малораспространенные в быту химические соединения, позволяющие осуществить невидимую при дневном свете или ярко заметную маркировку объектов¹⁶.

2. Специальные химические вещества применяются для решения задач оперативно-розыскной деятельности, поскольку обладают определенными свойствами, которые позволяют придать помечаемым объектам (чаще всего – объектам преступного посягательства) специфические признаки, позволяющие выделить их из группы однородных объектов¹⁷.

3. Специальные химические вещества, есть средства маркировки и выявления объектов для их идентификации или аутентификации, определения местоположения и создания условий принудительного эффективного слепообразования¹⁸.

Очевидно, что при всей просматриваемой в представленных определениях информационной достаточности для решения задач образовательного процесса (подготовки сотрудников оперативных и иных подразделений), данные определения понятия «специальные химические вещества» не являются юридическими (а представляют собой всего лишь авторские воззрения, хотя возможно и максимально точные по содержанию) понятиями, допустимыми к официальному применению в юриспруденции, что еще раз свидетельствует об отсутствии актуального определения как в законодательстве, так в реальной правоприменительной практике и в юридической науке.

Основываясь на вышеизложенном, в целях использования в сфере правоприменения вообще и оперативно-розыскной деятельности, в частности, считаем возможным

¹⁶ Баумтруг В. Э. Специальная техника органов внутренних дел в вопросах и ответах : учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – С. 109.

¹⁷ Хармаев Ю. В. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. – Улан-Удэ: Издательство ВСГУТУ, 2015. – С. 77.

¹⁸ См., например: Вагин О. А., Горяинов К. К., Земскова А. В. [и др.] Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – Москва: ИНФРА-М, 2008. – С. 399; Богданов А. В. [и др.] Оперативно-розыскная деятельность: учебное пособие в схемах и определениях / под ред. Е. С. Дубоносова. – Москва: Книжный мир, 2009. – С. 68 и др.

и целесообразным предложить собственную следующую дефиницию понятия «специальное химическое вещество»: *«Безопасные для жизни и здоровья граждан и окружающей среды химические элементы или химические соединения, находящиеся в естественном состоянии или полученные в результате производственного процесса, используемые в соответствии с законом должностными лицами правоохранительных органов (органов, осуществляющих ОРД) для решения задач правоохранительной, уголовно-процессуальной, экспертно-криминалистической, административной и оперативно-розыскной деятельности»*. Полагаем, что данного (или подобного ему) определения будет вполне достаточно для закона о полиции или об ОРД.

Основываясь на сказанном, продолжим далее рассматривать вопрос, как же регламентирована безопасность применения СХВ в российском законодательстве. Необходимо отметить, что до момента выхода в свет «первого» закона об ОРД в Российской Федерации в 1992 году (т. е. в период полного отсутствия в «открытом» законодательстве «специального оперативного сектора») особая/специальная регламентация использования СХВ в оперативно-розыскных целях была просто невозможна. К тому же справедливости ради необходимо отметить, что с появлением закона об ОРД и целого ряда иных законов, узко регламентирующих деятельность отдельных субъектов ОРД и правоохраны вообще, ситуация почти не изменилась – до настоящего времени Российское законодательство является нормативно выхолащенным в части регламентации использования СХВ и их безопасности.

Впервые о безопасности применения специальных средств (к которым мы относим СХВ) упоминается в ст. 14 закона Союза Советских Социалистических Республик от 6 марта 1991 года № 2001-1 «О советской милиции»¹⁹ (далее – закон о советской милиции): «Вид специального средства и интенсивность его применения определяются с учетом складывающейся обстановки, характера правонарушения и личности правонарушителя. При применении специальных средств должна сводиться к минимуму возможность причинения вреда здоровью граждан».

Анализ ранее перечисленных в рассматриваемой статье закона видов специальных средств, также называемых в специальной литературе «средствами активной обороны», позволяет утверждать об их предназначении как средств именно «физического или силового воздействия на правонарушителя» для отражения его нападения или преодоления противоправного сопротивления законным действиям должностных лиц органов правоохраны, в то время как СХВ оперативно-розыскного предназначения имеют совершенно иную направленность – превентивное воздействие на потенциального нарушителя в виду самого наличия СХВ на обработанном объекте и/или создание условий слепообразования при непосредственном совершении преступления. И законодательно ограниченные тактико-технические характеристики СХВ оперативного назначения (как вида специальных средств) и тактика их применения практически исключают возможность причинения вреда здоровью граждан, допускаемую (хотя и минимально) статьей закона при применении иных специальных средств.

В то же время считаем важным сам факт указания законодателя на безопасный характер применения специального средства. И хотя в рассматриваемом положении закона о советской милиции речь скорее всего ведется не о качественных характеристиках спецсредств (и в т. ч. СХВ), а об интенсивности оказания силового воздействия специальным средством, тем не менее, это уже можно считать первым юридическим указанием на одно из требований к специальным средствам (и в т. ч. к СХВ) – безопасность их применения.

Новаторским и важнейшим в рассматриваемом контексте положением ст. 14 закона о советской милиции нам представляется следующее: «При применении специальных средств должна сводиться к минимуму возможность причинения вреда здоровью граждан»²⁰. Такой формулировкой законодателем впервые определены самые примитивные и общие требования к специальным средствам вообще – минимальная возможность причинения вреда здоровью граждан. Очевидно, что закон о советской милиции предусматривает минимизацию вреда от использования специальных средств только и исключительно здоровью граждан. Отчасти это может быть объяснено предполагаемым в статье контекстом применения «силовых» спецсредств, а именно – пресечение массовых беспорядков. Однако данное положение можно рассматривать и применительно к специальным средствам вообще! Со временем это скупое положение эволюционирует и все последующие законы

¹⁹ О советской милиции : Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 12. – Ст. 319. – Утратил силу.

²⁰ Там же.

(закон о милиции, закон об ОРД, закон о полиции и др.) уже будут содержать в своих текстах более «развернутые» требования, включающие в себя не только вред здоровью, но и жизни граждан, а также окружающей среде.

Несколько забегая вперед, констатируем, что более расширенно (и, по нашему убеждению, правильно) общее требование к безопасности используемых специальных средств сформулировано в тексте закона о милиции. Пункт 14 ст. 11 данного закона предоставляет милиции право для выполнения возложенных на нее обязанностей «...использовать для документирования своей деятельности... другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни, здоровью человека и окружающей среде»²¹.

Фактически аналогичными формулировками оперирует законодатель и в последующих нормативных правовых актах (законах и кодексах) в описании условий применения специальных средств. Закон о полиции, закон об ОРД, УПК РФ, законы о некоторых специальных службах дублируют данное положение, тем самым признавая указанные требования – безопасность для жизни, здоровья граждан и окружающей среды. Нюансы интерпретации данной нормы в отдельных законах будут представлены нами далее по тексту.

Следующим по хронологии законом является Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции»²² (далее – закон о милиции). И хотя он также вышел в свет ранее закона об ОРД 1992 года и во многом основан на своем предшественнике – законе о советской милиции, тем не менее, в нем уже просматриваются нормы об использовании специальных химических веществ, допускающие их если и не прямую, то косвенную интерпретацию с позиций оперативно-розыскной деятельности.

Анализ текста закона о милиции позволяет говорить о его значительном сходстве в рассматриваемом контексте с законом СССР о советской милиции. Фактически, все вышеизложенные наши предыдущие рассуждения об указе и законе о советской милиции равно применимы к положениям закона о милиции и продублированы в нем в соответствующих положениях. В то же время закон о милиции не просто копирует ряд норм, которые могут быть истолкованы в контексте нашей темы, но и вносит определенные юридически значимые новшества.

Прежде всего, в п. 14 ст. 11 закона о милиции среди прочих прав милиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется право «... использовать для документирования своей деятельности ...технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни, здоровью человека и окружающей среде...»²³. Пусть и опосредованно, но, тем не менее таким образом в законе официально декларированы требования безопасности к специальным средствам, а значит и к СХВ – их безопасность для жизни и здоровья людей и для окружающей среды. И хотя указанная норма носит явно бланкетно-отсылочный характер и для ее полного понимания необходимо обратиться к тексту иных нормативных правовых актов, тем не менее такое положение закона о милиции можно считать не просто новеллой, а правовым достижением с позиции легитимизации СХВ.

Кроме того, ст. 14 закона о милиции содержит интересную для нашей работы новеллу – она впервые упоминает такой вид специальных средств как «специальные окрашивающие средства», т. е. фактически вводит этот термин в юридическое поле (официально делает его правовым и легитимным) и перечисляет допустимые законом ситуации (случаи) применения/использования указанных веществ, а именно: «в случаях, предусмотренных пунктом 9 части I настоящей статьи. На объектах собственности специальные окрашивающиеся средства устанавливаются с согласия собственника или уполномоченного им лица...»²⁴. К таким случаям относятся «выявление лиц, совершающих или совершивших преступления». При этом данное положение является весьма неоднозначным само по себе и, особенно в своем дальнейшем генезисе в тексте Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»²⁵.

В условиях понятийно-терминологической скупости закона о милиции, крайне интересным представляется мнение некоторых из его уважаемых авторов, выраженное в комментарии к рассматриваемому закону и конкретно к этому положению: «Определения термина «специальные средства», впервые получившего «прописку» в законодательных актах бывшего СССР в 1988 году и воспринятого законодательством составлявших его республик, закон о милиции не дает. Для целей комментируемого Закона специальные

²¹ Там же.

²² О милиции : Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 № 1026-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503. – Утратил силу.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

средства можно было бы определить как «состоящие на вооружении милиции и применяемые ею в случаях и порядке, предусмотренных Законом, технические изделия (устройства, предметы, вещества) и служебные животные, основным назначением которых является оказание прямого принудительного физического воздействия на человека или какие-либо материальные объекты»²⁶. Очевидно два важных акцента – отнесение веществ к специальным средствам и указание на принудительный характер физического воздействия данного инструментария. Просуществовав (и «проработав» в сфере правового регулирования общественных отношений) фактически 20 лет, закон о милиции уступил свое место закону о полиции, принятому в отличие от всех предыдущих аналогов после долгого и непростого всенародного обсуждения, и внесения множественных изменений. По истечении более 10 лет с момента его (а также многочисленных поправок и дополнений) принятия и вступления в силу, попытаемся оценить некоторые его положения, прямо или косвенно регламентирующие функционально-правовой статус СХВ. Необходимо сразу указать, что, хотя закон о полиции намного более информативен нежели все предшествующие ему вышерассмотренные законы, учитывает, как формальные, так и содержательные недостатки своих предшественников, но, тем не менее он далеко не идеален и, по нашему убеждению, не в полной мере исполняет предписываемые ему регулятивные функции в части легитимизации применения специальных химических веществ в правоохранительной деятельности (в т. ч. и в ОРД).

Так, в ст. 13 не только прямо перечислены права полиции, но и опосредованно декларированы требования к используемому полицией техническому инструментарию, а именно:

– п. 25: «...использовать ... технические средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде...»²⁷;

– п. 33: «...использовать в деятельности информационные системы, видео- и аудио-технику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде»²⁸.

В данной норме интересными представляется то, что, в ней хоть и крайне обобщенно (практически примитивно) и формально (по упомянутым видам) скупо, но все-таки перечислены виды технических средств, допустимых к использованию – информационные системы, фото-, видео-, кино-, аудиоаппаратура, технические и специальные средства, а также (что нам представляется не менее важным!) указаны основные требования безопасности, предъявляемые к ним: «не причиняющие вреда жизни, здоровью граждан и окружающей среде»²⁹. Первая попытка декларировать подобные требования была предпринята еще в законе СССР о советской милиции, но здесь законодателем использована несколько иная редакция, хотя принципиально и не меняющая сути. Закон о полиции является не единственным (и к тому же, как было сказано – не первым) нормативным правовым актом федерального уровня, упоминающим данный аспект безопасности правоохранительного инструментария для личности и окружающей среды – аналогичные требования в дальнейшем воспроизводились практически идентичными фразами во многих законах и кодексах, хотя иногда в несколько иной редакции или с иной терминологией.

Так ч. 4 ст. 6 Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» гласила, что «в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются ... другие технические средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью личности и окружающей среде»³⁰.

Позднее ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» также воспроизвела практически без изменений данную норму, констатируя, что «в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются... технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде»³¹.

Интересным и неоднозначным представляются положения Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»³². Казалось бы, ст. 13 декларирует указанные

²⁶ Кондрашов Б. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий к закону Российской Федерации «О милиции». – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2009. – С. 244.

²⁷ СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Об оперативно - розыскной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерайции от 13 марта 1992 г. № 2506-1 (ред. от 02.07.1992) // Российская газета. – 1992. – 29 апреля. – Утратил силу.

³¹ СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

³² О внешней разведке: Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 143.

требования безопасности применительно к разведывательной деятельности: «...методы и средства разведывательной деятельности не должны причинять вред жизни и здоровью людей и наносить ущерб окружающей среде»³³. Однако эта же статья далее буквально гласит: «Применение методов и средств разведывательной деятельности в отношении граждан Российской Федерации на территории Российской Федерации не допускается»³⁴. Более того, в соответствии с положениями ст. 5 данного закона, представляется очевидным, что ее цели носят исключительно информативный (сбор, анализ и предоставление информации высшим лицам Государства) характер и не предполагают какой-либо деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, в рамках которой такие специальные средства (и в том числе СХВ) и могут применяться. То есть изначально разведывательная деятельность не предполагает такой функциональный формат (и перечень) использования специальных средств, как применение СХВ. Дополнительно этот аспект закона о внешней разведке будет рассмотрен нами далее в рамках исследования регламентации применения служебно-розыскных собак.

Статья 164 УПК РФ запрещает (не допускает) «применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц»³⁵, тем самым указывая на аналогичный подход законодателя к определению требований безопасности как уголовно-процессуального, так оперативно-розыскного (как неотъемлемой части всего процесса судопроизводства) инструментариев, что в целом следует признать рациональным.

По непонятным причинам законодателем не были отражены данные требования к безопасности специальных средств в Федеральном законе от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»³⁶, хотя данная государственная структура является не просто правоохранительной, но органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Также необъяснимо подобные требования не представлены и в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»³⁷, особо регламентирующем деятельность еще одного субъекта ОРД, а именно – Федеральной службы безопасности. Указание «... обязательный опрос с использованием технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде...»³⁸ в ст. 16.2 данного закона, не может считаться таковым требованием, поскольку, во-первых, подразумевает только совершенно конкретное упомянутое в тексте техническое средство (полиграф или его технические аналоги), но никак не СХВ, а, во-вторых, относится к строго оговоренным в тексте статьи категориям лиц: «граждане Российской Федерации, поступающие на военную службу, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в органы федеральной службы безопасности, военнослужащие и гражданский персонал органов федеральной службы безопасности»³⁹.

Однако отсутствие в указанных специальных законах данного требования допустимо считать не столь критичным и витальным, так как изначально оно (требование) уже упомянуто в законе об ОРД, считающимся «общим», а потому обязательным для всех без исключения субъектов ОРД, каковыми являются указанные правоохранительные органы.

Кроме всего сказанного, находим необходимым и интересным указать на наличие аналогичного положения в нормах закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁴⁰. Так, ч. 2 ст. 5 данного закона гласит, что «...при осуществлении частной сыскной деятельности допускается использование ... технических и иных средств, не причиняющих вреда жизни и здоровью граждан и окружающей среде...»⁴¹, а ч. 3 ст. 11 позволяет охранным предприятиям «...оказывать услуги в виде вооруженной охраны имущества, а также использовать технические и иные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан и окружающей среде...»⁴². Признавая, что субъекты частной детективной и охранной деятельности

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

³⁶ О государственной охране : Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

³⁷ О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 1992. – 30 апреля.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

не являются субъектами ОРД, а осуществляемые частными детективами и частными охранниками мероприятия не являются в юридическом смысле оперативно-розыскными, но учитывая при этом очевидную функциональную идентичность используемых частными охранниками и детективами средств и методов оперативно розыскным, следует признать данные положения еще одной (помимо законов о правоохранительных службах/ведомствах) констатацией законодателем требований к специальным средствам и в т. ч. к СХВ в части их безопасности.

Несмотря на новаторский характер рассматриваемого положения закона о полиции и всех упомянутых законов, его формулировка, по нашему мнению, обладает сразу несколькими пороками. Полемичным нам представляется само использование в ч. 2 ст. 6 закона об ОРД термина (понятия) «ущерб» вместо более логичного (на наш субъективный взгляд) термина (понятия) «вред». Хотя до настоящего времени в цивилистике нет единой общепринятой позиции о соотношении рассматриваемых понятий, приведем свои аргументы в поддержку использования в данном случае именно понятия «вред». Согласно Определению Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19⁴³, общее понятие вреда, предусмотренное ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴⁴, определяется как «всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным)»⁴⁵. Подобная формулировка полностью соответствует контексту нормы закона об ОРД. Понятие же «ущерб» (в наиболее общем смысловом значении – невыгодные имущественные последствия) в рассматриваемом случае является скорее синонимом / аналогом понятия «убыток», т. е. некий финансовый эквивалент, монетизированная степень причиненного или возможного (упущенная выгода) вреда, которая определяется судом с учетом разнообразных обстоятельств. Причем вред некоему нематериальному праву не всегда может быть адекватно оценен (рассчитан) и выражен количественно (в денежных суммах), для этого порой просто не существует каких-либо оценочных критериев. В связи с изложенным, полагаем некорректным использование законодателем понятия «ущерб» в рассматриваемой норме и целесообразным его исправление (замену) на понятие «вред».

В то же время очевидно, что используемый законодателем в других законах более приемлемый, по нашему мнению, терминологический оборот «не причиняющие вреда жизни, здоровью граждан и окружающей среде» также не имеет конкретно обозначенных в тексте закона смысловых границ, допускает чрезмерную вариативность своего юридического толкования и требует дополнительного комментария.

Во-первых, одним из «бросающихся в глаза» недостатков рассматриваемой конструкции нам представляется отсутствие в ней еще двух возможных видов вреда, которые могут быть причинены в ходе применения СХВ:

– Вред имуществу граждан, который с учетом некоторых (в основном – красящих) тактико-технических характеристик, функциональных свойств специальных химических веществ и особенностей их применения можно считать более, чем актуальным. И действительно, практически неконтролируемый выброс химической ловушкой активного типа красящего вещества способен окрасить открытые участки тела, одежду и личные вещи (имущество) нескольких, находящихся рядом с реальным преступником лиц, не причастных к преступлению, тем самым приведя данную вещь (предмет одежды, обувь, аксессуар и пр.) в ситуативную или даже полную негодность.

– Моральный вред вследствие создания фактом применения СХВ внешних (ситуативных) по отношению к невиновному пострадавшему лицу обстоятельств, в которых происходит компрометация его порядочности, имиджа, доброго имени, репутации, а также срываются планируемые им мероприятия (например, поход в театр, присутствие на встрече / сделке и т. п.) или лицо вынуждено тратить свое время (например, при его доставлении в территориальный отдел ОВД для разбирательства и т. п.).

Во-вторых, если сумма ущерба (как монетизированный размер материального или морального вреда) устанавливается соответствующими нормами гражданского права,

⁴³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2015 г. № 81-КГ14-19 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=420049&cacheid=CE09630844D29179E5D6015E663352FF&mode=splus&rnd=WNL8YA#2KwD2DUtstnKHDW7> (дата обращения: 26.11.2023).

⁴⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁴⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2015 г. № 81-КГ14-19.

то степень причиненного вреда жизни или здоровью определяется изначально уже нормами уголовного права. Так, ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴⁶ (далее – УК РФ) определяет тяжкий вред здоровью посредством перечисления последствий – «потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее, чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности»⁴⁷. Статья 112 УК РФ таким же образом (перечислением последствий) определяет вред средней тяжести – «не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее, чем на одну треть»⁴⁸ и ст. 115 определяет легкий вред через «кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности»⁴⁹.

Лишь потом судом в рамках рассмотрения гражданского иска к подсудимому (ответчику) может быть установлена соответствующая этой степени вреда жизни или здоровью сумма ущерба (в т. ч. и морального) в соответствии с нормами ГК РФ. То есть, в данном случае возможный вред (о недопущении которого и гласит рассматриваемое положение) должен оцениваться не «постфактум», и не столько размером причиненного материального ущерба в денежном эквиваленте, сколько качественно-количественно в форме вероятной угрозы и степени предполагаемой опасности для жизни и здоровья.

В контексте сказанного возникает 2 вопроса:

1. Допустимо ли в данном случае (при определении безопасности СХВ для жизни, здоровья людей и окружающей среды) использовать подход Уголовного кодекса, «оперирующего» понятиями умысла, действия/бездействия конкретного лица/группы лиц, а не опасными (деструктивными) качествами/свойствами химического вещества?

2. Как именно может или должен оцениваться возможный вред (риск причинения вреда) при создании специального средства (в данном случае – специального химического вещества, но по большому счету – любого специального средства, как «инструмента ОРД») с учетом особенностей его будущего использования?

Ответ на первый вопрос, по нашему мнению, должен быть «не допустимо!», ибо сравниваемые ситуации различны по своей природе. В одном случае это умышленное или по неосторожности (беспечности или халатности) физическое причинение одним лицом вреда жизни и здоровью другого лица. В другом же случае речь идет о создании и использовании Государством (в лице конкретных ведомств, производителей и конечных пользователей) химических веществ с заданными гарантированно безопасными характеристиками. Более того, речь целесообразнее вести не только и не столько о создании и использовании неких химических субстанций, сколько о полном жизненном цикле любого химического вещества (в т. ч. и СХВ оперативно-розыскного предназначения), включающего в себя следующие этапы: производство (импорт) – хранение – транспортировка (экспорт) – использование – переработка – уничтожение (размещение) отходов [18, с. 3].

И если условия безопасности будут нарушены на любой из упомянутых стадий в части несоответствия реальных технических характеристик (условий) требуемым (что может привести к риску причинения вреда жизни, здоровью или окружающей среде), то в данном случае такое разработанное или произведенное СХВ не может/не должно быть сертифицировано / допущено до массового применения, а само такое деяние уже должно квалифицироваться по совершенно иной статье УК РФ, как совершенное умышленно или по неосторожности, например:

– статья 234 «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта»;

– статья 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»;

– статья 237 «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей»;

– статья 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»;

⁴⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

- статья 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ»;
- статья 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов»⁵⁰.

К тому же рассматриваемый подход УПК РФ к определению степени вреда очевидно относится только и исключительно к жизни и здоровью человека и неприемлем в случае причинения вреда окружающей среде, а значит не может и не должен быть использован.

Ответ же на второй вопрос не содержится в нормах уже упомянутых нами законов (рассматриваемой нами правоприменительной группы законов – УПК РФ, законы об ОРД, о полиции и др.) и требует анализа иных нормативных правовых актов.

Основываясь на результатах исследований российских специалистов в области обращения химических веществ [19; 20], можно констатировать, что основы химической безопасности в России провозглашены прежде всего Конституцией Российской Федерации⁵¹, декларировавшей в ст. 37 право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, а в ст. 42 право каждого на благоприятную окружающую среду.

Общие же прикладные требования в области безопасного обращения химической продукции и веществ прямо или косвенно устанавливаются целым рядом федеральных законов и кодексов:

- Воздушный кодекс Российской Федерации⁵²;
- Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁵³;
- Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»⁵⁴;
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ⁵⁵;
- Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁵⁶;
- Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁵⁷;
- Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 № 74-ФЗ⁵⁸;
- Договор от 29 мая 2014 г. «О Евразийском экономическом союзе»⁵⁹;
- Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»⁶⁰.

Согласно действующему законодательству, все используемые на территории Российской Федерации химические вещества должны проходить процедуру токсикологических исследований, соответствовать, широкому ряду санитарно-гигиенических норм и ограничений, требованиям безопасности и иметь подтверждение соответствия им, то есть быть сертифицированными. В настоящее время процесс установления подобных требований к химической продукции регулируется главным образом федеральными законами № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁶¹, № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁶² и «Договором о Евразийском экономическом союзе»⁶³.

⁵⁰ Предложенный перечень статей УК РФ имеет целью лишь показать допустимое разнообразие уголовно-правовых квалификаций гипотетических деяний, связанных с созданием и использованием специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения, не удовлетворяющих требованиям безопасности. Автор не претендует на какую-либо правильность возможной уголовно-правовой квалификации.

⁵¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // PRAVO.GOV.RU : [официальный сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

⁵² Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.

⁵³ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

⁵⁴ Об охране атмосферного воздуха : Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2222.

⁵⁵ Российская газета. – 2001. – 31 декабря.

⁵⁶ Российская газета. – 2002. – 12 января.

⁵⁷ Российская газета. – 2002. – 31 декабря.

⁵⁸ Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 № 74-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

⁵⁹ Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // PRAVO.GOV.RU : [официальный сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

⁶⁰ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 // СЗ РФ. – 2019. – № 11. – Ст. 1106.

⁶¹ Российская газета. – 2002. – 31 декабря.

⁶² Российская газета. – 1999. – 6 апреля.

⁶³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 09.12.2022) // PRAVO.GOV.RU : [официальный сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

В соответствии с Федеральным законом № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁶⁴ Правительством Российской Федерации 7 октября 2016 г. было издано постановление № 1019 «О техническом регламенте о безопасности химической продукции», который является прикладным документом, определяющим «требования безопасности к химической продукции с учетом согласованной на глобальном уровне системы классификации опасности и маркировки химической продукции в части установления:

а) критериев классификации опасности химических веществ и смесей для здоровья человека и окружающей среды, а также опасностей, обусловленных их физико-химическими свойствами;

б) элементов системы информирования, включающих в себя требования к маркировке и паспорту безопасности.

Настоящий технический регламент был разработан с целью установления на территории Российской Федерации обязательных для применения и исполнения требований к химической продукции, обеспечения ее свободного перемещения при выпуске в обращение на территории Российской Федерации»⁶⁵.

Как нами уже указывалось выше, данный документ должен был вступить в силу 1 июля 2021 года. Однако, до этого времени было установлено, что он не соответствовал положениям принятой еще в 2002 г. рекомендации ООН ST/SG/AC.10/30 «Согласованная на глобальном уровне система классификации опасности и маркировки химической продукции (СГС)» (Globally Harmonized System of Classification and Labeling of Chemicals (GHS)⁶⁶), с которой Россия официально согласилась (ратифицировала). В связи с этим, Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июня 2019 г. № 761⁶⁷ предшествующее Постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2016 г. № 1019 «О техническом регламенте о безопасности химической продукции»⁶⁸ и соответственно упомянутый в нем Регламент признаны утратившим силу с 28 июня 2019 г.

По данному факту Российскими учеными отмечалось, что «... в настоящее время классификация СГС имеет существенные различия с действующими в Российской Федерации классификациями химических веществ. После принятия СГС все страны – члены ООН, в том числе и Россия, взяли на себя международные обязательства по внедрению глобальной системы классификации химической продукции, понимая, что вхождение в эту систему положительно скажется на производстве и торговле химическими веществами, поскольку производителям и импортерам химической продукции не придется дважды классифицировать и маркировать продукцию для отечественного и зарубежного рынков. Осознавая необходимость гармонизации, страны Евразийского экономического союза приняли технический регламент «О безопасности химической продукции» (ТР ЕАЭС 041/2017)⁶⁹, который вступил в силу лишь со 2 июня 2021 г.» [21]. В настоящее время в России вообще и в ее правоприменительном секторе, в частности, сложилась патовая правовая ситуация в сфере регламентации оборота химических веществ. «Закон, определяющий правовую основу защиты населения и объектов окружающей среды от вредного химического воздействия, а также строго регламентирующий использование химических веществ на всех стадиях их жизненного цикла, является крайне необходимым. Работа в данном направлении ведется начиная с 2013 года, однако к настоящему моменту по ряду ключевых вопросов, затронутых в разработанном проекте законодательного акта, не достигнуто соглашение между заинтересованными органами исполнительной власти, что не позволяет действовать в едином направлении при решении актуальных задач обеспечения химической безопасности» [22].

В контексте сказанного остается только надеяться, что дальнейшее производство и применение специальных химических веществ оперативно-розыскного предназначения будет соответствовать разработанным и лишь недавно утвержденным стандартам безопасности, устанавливающим критерии безопасности для химических веществ вообще и СХВ в частности.

⁶⁴ Российская газета. – 2002. – 31 декабря.

⁶⁵ СЗ РФ. – 2016. – № 42. – Ст. 5936. – Документ утратил силу.

⁶⁶ Согласованная на глобальном уровне система классификации опасности и маркировки химической продукции (СГС). – 4-е пересмотр. изд. // [Электронный ресурс] URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/danger/publi/ghs/ghs_rev04/Russian/ST-SG-AC10-30-Rev4r.pdf (дата обращения: 10.07.2018).

⁶⁷ О признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 7 октября 2016 г. № 1019 : Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июня 2019 г. № 761 // СЗ РФ. – 2019. – № 25. – Ст. 3261.

⁶⁸ СЗ РФ. – 2016. – № 42. – Ст. 5936. – Документ утратил силу.

⁶⁹ URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 06.01.2024).

Заключение

Завершая анализ сложившейся в России ситуации с нормативной правовой регламентацией оборота и безопасности специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения, возможно сделать следующие выводы:

Российская правоприменительная практика длительное время результативно использует специальные химические вещества в целях борьбы с различными видами преступлений, а юридические науки оперируют термином «специальные химические вещества», не имея при этом его (термина) официального легитимного общепризнанного научного понятия и критериев безопасности, что придает специальным химическим веществам и процессу их использования статус неправомерности.

В настоящее время законодательное (на уровне федеральных законов и ведомственного нормативного регулирования) регламентирование оборота и безопасности специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения является нормативно выхолощенным и нуждается в немедленном восполнении в части нормативного определения основных понятий и требований к СХВ. На основе анализа перечисленных проектов технических регламентов безопасности химической продукции, автором предлагается аутентичное определение понятия «специальное химическое вещество», учитывающее требования к его безопасности и допустимое к использованию в сфере правоприменения вообще, административной и оперативно-розыскной деятельности в частности.

В связи с внесением в текст Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁷⁰ понятия провокации преступления и принятием к использованию технического регламента определяющего понятие химического вещества, использование химических ловушек, снаряженных безопасными для здоровья людей и окружающей среды химическими веществами, в процессе выявления, документирования и раскрытия карманных краж и иных преступлений следует признать правомерным и исключить практику оспаривания надзирающими прокурорами фактов использования оперативными подразделениями химических ловушек, в том числе активного типа.

Список литературы

1. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий : монография. – Москва: Проспект, 2024. – 304 с.
2. Захарья И. Т., Коновалов Г. Г. Специальные средства, используемые при раскрытии и расследовании краж из банкоматов / Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сборник научных трудов. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 86–87.
3. Курьисев К. Н. Использование химических ловушек в уголовно-исполнительной системе: правовой аспект // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 3 (21). – С. 15–17.
4. Чередник Н. И., Шавырина В. В. Актуальные проблемы применения специальных химических средств сотрудниками правоохранительных органов // Молодежь и наука: шаг к успеху : сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, 19–20 марта 2020 г : в 5 т. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. – Т. 2. – С. 344–348.
5. Борзенкова К. Ю. Использование специальных химических средств сотрудниками правоохранительных органов / Молодежь и наука: шаг к успеху : сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, 19–20 марта 2020 г : в 5 т. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. – Т. 2. – С. 43–45.
6. Дубровин С. В., Розин А. Н. Актуальные вопросы использования специальных химических веществ при раскрытии и расследовании преступлений // Образование. Наука. Научные кадры. – 2008. – № 4. – С. 35–38.
7. Ментюков В. В. Применение СХВ и химических ловушек в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2006. – № 6. – С. 54–55.

⁷⁰ СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

8. *Иевлева А., Руденко А.* К вопросу о применении специальных средств в системе ОВД России: исторический аспект / Трансформация уголовного законодательства: перспективные направления : сборник научных статей Международной конференции молодых ученых и студентов, 14–16 ноября 2019 г. / редкол.: А. А. Гребеньков [и др.]. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 77–83.

9. *Шахматов А. В., Пальцев А. А.* Виды тактической операции по задержанию с поличным лиц, совершающих коррупционные преступления // Журнал правовых и экономических исследований. – 2021. – № 1. – С. 90–96; <https://doi.org/10.26163/GIEF.2021.66.22.016>.

10. *Гулина Е. В., Гармаев Ю. П.* Расследование коррупционных преступлений в сфере высшего образования : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 192 с.

11. *Грачев Ю. А., Кежов А. А., Степанов И. В., Никишин А. В. [и др.]* Должностная корыстная преступность в сфере государственной службы : монография. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2021. – 132 с.

12. *Каширский Д. Ю., Баумтрог В. Э., Котова А. С.* Проблемы применения химических ловушек участковыми-уполномоченными и оперативными сотрудниками полиции при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2021. – № 2 (87). – С. 119–124.

13. *Дубровин С. В., Розин А. Н.* Актуальные вопросы использования специальных химических веществ при раскрытии и расследовании преступлений // Образование. Наука. Научные кадры. – 2008. – № 4. – С. 35–38.

14. *Дюгаев К. П., Михаличенко А. Г., Задов Б. В., Гончаров Е. В.* Применение специальных химических веществ скрытного действия нового поколения в оперативно-розыскной деятельности управления ФСКН России по Красноярскому краю // Сборник ФСКН России. – 2014. – № 6-2. – С. 46–57.

15. *Николаев О. Э.* Специальные химические вещества в деятельности органов внутренних дел / Актуальные вопросы теории и практики ОРД : сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции, 30 ноября 2018 г. / под ред. В. В. Абрамочкина. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. – С. 71–76.

16. *Чмырев С. Н.* К вопросу о законности применения специальных средств сотрудниками полиции // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1-1. – С. 272–276.

17. *Боголюбов С. А., Казьмин И. Ф., Локишина М. Д. [и др.]* Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – Москва: Юридическая литература, 1990. – 189 с.

18. *Скобелев Д. О., Макарова А. С., Муратова Н. М., Костылева В. М., Зверкова Н. В.* Безопасность химической продукции. Международные и национальные аспекты / науч. ред. А. Д. Козлов. – Москва: Маркетинг. Информационные технологии, 2011. – 230 с.

19. *Зажигалкин А. В., Зверкова Н. В., Макарова А. С., Скобелев Д. О.* Проблемы нормативно-правового обеспечения безопасного обращения химической продукции в Российской Федерации // Стандарты и качество. – 2011. – № 1. – С. 34–37.

20. *Зажигалкин А. В.* Нормативно-правовое обеспечение химической безопасности в РФ // Методы оценки соответствия. – 2011. – № 3. – С. 8–11.

21. *Кловач Е. В., Буйновский С. Н., Селезнёв Г. М., Лобанов Ф. И.* Оценка влияния изменений в классификации химической продукции на законодательство по промышленной безопасности // Безопасность труда в промышленности. – 2018. – № 8. – С. 69–74; <https://doi.org/10.24000/0409-2961-2018-8-69-74>.

22. *Савостикова О. Н., Водянова М. А., Алексеева А. В., Мамонов Р. А.* Комплекс мер, закрепленный законодательством Российской Федерации, направленный на обеспечение химической безопасности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2019. – № 6. – С. 91–95.

References

1. *Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V.* Operativno-rozysknoy instrumentariy: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2024. – 304 s.

2. *Zakhar'ya I. T., Konovalov G. G.* Spetsial'nyye sredstva, ispol'zuyemyye pri raskrytii i rassledovanii krazh iz bankomatov / Yuridicheskiye nauki, pravovoye gosudarstvo i sovremennoye zakonodatel'stvo : sbornik nauchnykh trudov. – Volgograd: Volgogradskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – S. 86–87.

3. *Kurysev K. N.* Ispol'zovaniye khimicheskikh lovushek v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme: pravovoy aspekt // Penitentsiarnoye pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. – 2019. – № 3 (21). – S. 15–17.

4. *Cherednik N. I., Shavyrina V. V.* Aktual'nyye problemy primeneniya spetsial'nykh khimicheskikh sredstv sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov // Molodezh' i nauka: shag k uspekhu : sbornik nauchnykh statey 4-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh, 19–20 marta 2020 g : v 5 t. / otv. red. A. A. Gorokhov. Kursk : Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2020. – T. 2. – S. 344–348.

5. *Borzenkova K. Yu.* Ispol'zovaniye spetsial'nykh khimicheskikh sredstv sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov / Molodezh' i nauka: shag k uspekhu : sbornik nauchnykh statey 4-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh, 19–20 marta 2020 g : v 5 t. / otv. red. A. A. Gorokhov. Kursk : Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2020. – T. 2. – S. 43–45.

6. *Dubrovin S. V., Rozin A. N.* Aktual'nyye voprosy ispol'zovaniya spetsial'nykh khimicheskikh veshchestv pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. – 2008. – № 4. – S. 35–38.

7. *Mentyukov V. V.* Primeneniye SKHV i khimicheskikh lovushek v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2006. – № 6. – S. 54–55.

8. *Iyevleva A., Rudenko A.* K voprosu o primeneni spetsial'nykh sredstv v sisteme OVD Rossii: istoricheskiy aspekt / Transformatsiya ugolovnogo zakonodatel'stva: perspektivnyye napravleniya : sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov, 14–16 noyabrya 2019 g. / redkol.: A. A. Greben'kov [i dr.]. – Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 77–83.

9. *Shakhmatov A. V., Pal'tsev A. A.* Vidy takticheskoy operatsii po zaderzhaniyu s polichnym lits, sovershayushchikh korrupsionnyye prestupleniya // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. – 2021. – № 1. – S. 90–96; <https://doi.org/10.26163/GIEF.2021.66.22.016>.

10. *Gulina Ye. V., Garmayev Yu. P.* Rassledovaniye korrupsionnykh prestupleniy v sfere vysshego obrazovaniya : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2021. – 192 s.

11. *Grachev Yu. A., Kezhov A. A., Stepanov I. V., Nikishin A. V. [i dr.]* Dolzhnostnaya korystnaya prestupnost' v sfere gosudarstvennoy sluzhby : monografiya. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2021. – 132 s.

12. *Kashirskiy D. Yu., Baumtrog V. E., Kotova A. S.* Problemy primeneniya khimicheskikh lovushek uchastkovymi-upolnomochennymi i operativnymi sotrudnikami politsii pri rassledovanii prestupleniy // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. – 2021. – № 2 (87). – S. 119–124.

13. *Dubrovin S. V., Rozin A. N.* Aktual'nyye voprosy ispol'zovaniya spetsial'nykh khimicheskikh veshchestv pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. – 2008. – № 4. – S. 35–38.

14. *Dyugayev K. P., Mikhailichenko A. G., Zadov B. V., Goncharov Ye. V.* Primeneniye spetsial'nykh khimicheskikh veshchestv skrytnogo deystviya novogo pokoleniya v operativno-rozysknoy deyatel'nosti upravleniya FSKN Rossii po Krasnoyarskomu krayu // Sbornik FSKN Rossii. – 2014. – № 6-2. – S. 46–57.

15. *Nikolayev O. E.* Spetsial'nyye khimicheskiye veshchestva v deyatel'nosti organov vnutrennikh del / Aktual'nyye voprosy teorii i praktiki ORD : sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30 noyabrya 2018 g. / pod redaktsiyey V. V. Abramochkina. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikoty, 2019. – S. 71–76.

16. *Chmyrev S. N.* K voprosu o zakonnosti primeneniya spetsial'nykh sredstv sotrudnikami politsii // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. – 2016. – № 1-1. – S. 272–276.

17. *Bogolyubov S. A., Kaz'min I. F., Lokshina M. D. [i dr.]* Yazyk zakona / pod red. A. S. Pigolkina. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1990. – 189 s.

18. *Skobelev D. O., Makarova A. S., Muratova N. M., Kostyleva V. M., Zverkova N. V.* Bezopasnost' khimicheskoy produktsii. Mezhdunarodnyye i natsional'nyye aspekty / nauch. red. A. D. Kozlov. – Moskva: Marketing. Informatsionnyye tekhnologii, 2011. – 230 s.

19. *Zazhigalkin A. V., Zverkova N. V., Makarova A. S., Skobelev D. O.* Problemy normativno-pravovogo obespecheniya bezopasnogo obrashcheniya khimicheskoy produktsii v Rossiyskoy Federatsii // Standarty i kachestvo. – 2011. – № 1. – S. 34–37.

20. *Zazhigalkin A. V.* Normativno-pravovoye obespecheniye khimicheskoy bezopasnosti v RF // *Metody otsenki sootvetstviya*. – 2011. – № 3. – S. 8–11.

21. *Klovach Ye. V., Buynovskiy S. N., Seleznov G. M., Lobanov F. I.* Otsenka vliyaniya izmeneniy v klassifikatsii khimicheskoy produktsii na zakonodatel'stvo po promyshlennoy bezopasnosti // *Bezopasnost' truda v promyshlennosti*. – 2018. – № 8. – S. 69–74; <https://doi.org/10.24000/0409-2961-2018-8-69-74>.

22. *Savostikova O. N., Vodyanova M. A., Alekseyeva A. V., Mamonov R. A.* Kompleks mer, zakreplenny zakonodatel'stvom Rossiyskoy Federatsii, napravlennoy na obespecheniye khimicheskoy bezopasnosti // *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. – 2019. – № 6. – S. 91–95.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted December 5, 2023; approved after reviewing May 17, 2024; accepted for publication May 31, 2024.

Научная статья
УДК 343.9
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-201-210>

Екатерина Алексеевна Ширшанова

адъюнкт

<https://orcid.org/0009-0006-6697-3026>, Katushka915@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Криминологическая характеристика взяточничества в органах внутренних дел

Аннотация: Введение. В статье исследуется негативное социально-правовое явление – взяточничество в органах внутренних дел. На основании актуальных статистических данных и материалов судебной практики подчеркивается актуальность темы исследования, а также повышенная общественная опасность преступлений, относящихся ко взяточничеству, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. В целях комплексного изучения взяточничества в органах внутренних дел автор анализирует элементы криминологической характеристики исследуемого явления: личность преступника, детерминанты, меры предупреждения. **Методы.** Для комплексного изучения проблемы взяточничества в органах внутренних дел были использованы общенаучные методы, такие как анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение. Также были использованы частно-научные методы, такие как: анализ статистических данных и судебной практики, толкование норм права и метод прогнозирования. **Результаты.** Взятничество имеет наибольший удельный вес среди всех преступлений коррупционной направленности, а из всех сотрудников правоохранительных органов чаще всего совершают подобные преступления именно сотрудники органов внутренних дел. Взятничество в органах внутренних дел – это комплекс взаимосвязанных деяний, которые направлены не только на получение сотрудниками выгоды, но и на реализацию иной личной заинтересованности, обусловленной спецификой прохождения службы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: взяточничество, органы внутренних дел, специальный субъект преступления, профилактика коррупции, коррупционные правонарушения

Для цитирования: Ширшанова Е. А. Криминологическая характеристика взяточничества в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 201–210; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-201-210>.

Ekaterina A. Shirshanova

Graduate

<https://orcid.org/0009-0006-6697-3026>, Katushka915@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Criminological characteristics of bribery in Internal Affairs Bodies

Abstract: Introduction. The article deals with the negative socio-legal phenomenon - bribery in the internal affairs bodies. On the basis of actual statistical data and materials of judicial practice the relevance of the research subject is emphasised, as well as the increased social danger of crimes related to bribery committed by employees of internal affairs bodies. For the purpose of a comprehensive study of bribery in internal affairs bodies, the author analyses the elements

of criminological characteristics of the phenomenon under consideration: the personality of the perpetrator, determinants, prevention measures. **Methods.** For a comprehensive study of the problem of bribery in the internal affairs bodies the general scientific methods such as analysis, synthesis, deduction, induction, generalisation were used. Also private-scientific methods were used, such as: analysis of statistical data and judicial practice, interpretation of legal norms and the method of forecasting. **Results.** Bribery has the greatest specific proportion among all corruption-related crimes; employees of internal affairs bodies are the most involved in committing such crimes among all law enforcement officers. Bribery in internal affairs bodies is a complex of interrelated acts that are aimed not only at obtaining benefits by employees, but also at the realisation of other personal interest due to the specifics of service in internal affairs bodies.

Keywords: bribery, internal affairs bodies, special subject of crime, corruption prevention, corruption offences

For citation: Shirshanova E. A. Criminological characteristics of bribery in Internal Affairs Bodies // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 201–210; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-201-210>.

Введение

В условиях современного общества и всех его сфер неизбежно развиваются и негативные стороны общественной жизни, которые присущи любому государству. Среди угроз национальной безопасности Российской Федерации особое место занимает коррупция, поскольку является фактором, порождающим «дестабилизацию доверия государственной власти, нормальное функционирование экономики, обостряя социальные противоречия и общественную напряжённость»¹. Наиболее распространенным явлением среди преступлений коррупционной направленности является взяточничество, что подтверждается актуальными статистическими данными о зарегистрированных преступлениях этого вида. В 2023 году взяточничество составило 55,7 % от общего числа преступлений коррупционной направленности, в 2022 году – 55,1 %, в 2021 году – 53 %; в 2020 году – 47,2 %; в 2019 году – 44,7 %². Налицо тенденция к увеличению в структуре преступлений коррупционной направленности числа зарегистрированных преступлений, относящихся к взяточничеству.

Проблема взяточничества в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) актуальна, так как среди лиц всех правоохранительных органов преступления, относящиеся к взяточничеству, чаще прочих совершают именно сотрудники ОВД. В 2023 году к уголовной ответственности за совершение преступлений, относящихся к взяточничеству, был привлечен 721 сотрудник ОВД, что составляет 14,4 % от общего количества лиц, совершивших преступления, относящиеся к взяточничеству; в 2022 году – 736 сотрудников (14,7 %); в 2021 году – 652 сотрудника (13,8 %); в 2020 году – 713 сотрудников (17 %); в 2019 году – 603 сотрудника (16,9 %)³. Анализ статистических данных показывает, что процентное содержание сотрудников других правоохранительных органов совершивших преступления, относящиеся к взяточничеству, не превышают 4,4 %, что подтверждает актуальность темы исследования. Необходимо также отметить, что на основании изучения статистических данных автором прогнозируется увеличение количества относящихся к взяточничеству преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД.

Взяточничество в ОВД наносит серьезный ущерб их имиджу, а также представляет повышенную общественную опасность в связи с тем, что совершение подобных преступлений сотрудниками, имеющими статус должностного лица, посягают не только на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, но и на права граждан. В настоящее время субъектами по профилактике преступлений коррупционной направленности организуется и осуществляется деятельность, направленная на недопущение совершения подобных преступлений сотрудниками ОВД, однако работа по профилактике взяточничества не является комплексной и имеет определенные недостатки.

¹ Стебенева Е. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как мера предупреждения правонарушений должностных и иных лиц // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 153–159; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-153-159>.

² Статистические формы отчетности «1-КОРР» ГИАЦ МВД за 2019–2023 гг. // МВД России [официальный сайт]. – URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Там же.

В теории уголовного права и криминологии изучением коррупционной преступности занимались такие ученые, как Ю. М. Антонян, Н. А. Бабий, А. В. Бриллиантов, Б. В. Волженкин, Я. И. Гишинский, А. С. Горелик, П. С. Дагель, В. И. Динека, А. И. Долгова, Б. В. Здравомыслов, П. А. Кабанов, В. Б. Комаров, В. Н. Кудрявцев, М. А. Любавина, Э. Л. Сидоренко, Б. В. Сидоров, Р. А. Сорочкин, Е. Ю. Четвертакова, Р. Д. Шарапов, В. Е. Эминов, П. С. Яни и другие.

Взяточничество в ОВД, как наибольшая составная часть коррупции, нуждается в комплексном изучении, включающем в себя характеристику основных составов преступлений, относящихся ко взяточничеству; выявление детерминант, способствующих совершению подобных преступлений; детальное изучение личности преступника; криминологический прогноз. Целью настоящего исследования является изучение взяточничества в ОВД, а также разработка мер с учетом специфики лиц, совершающих преступления, по эффективно-му противодействию подобным фактам.

Методология

Для комплексного изучения проблемы взяточничества в ОВД были использованы общенаучные методы, такие как анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение. Также были применены частно-научные методы: анализ статистических данных и судебной практики, толкование норм права и метод прогнозирования.

Результаты исследования

Несмотря на то, что существует множество теоретических подходов к изучению взяточничества, его законодательное закрепление пока отсутствует. В современном российском законодательстве закреплено лишь понятие коррупции. Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁴, коррупция может проявляться в следующих формах:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица (ст. 1).

Таким образом, законодатель относит к коррупции не все формы совершения преступлений, относящихся к взяточничеству, упуская из вида преступления, предусмотренные ст. 291¹ «Посредничество во взяточничестве» и ст. 291² «Мелкое взяточничество» Уголовного кодекса Российской Федерации⁵ (далее – УК РФ).

Данное законодателем определение коррупции подвергается критике среди ученых, которые отмечают, что законодатель сужает определение коррупции: «до коррупционных преступлений, исключая при этом те правонарушения, которые влекут за собой иную ответственность: гражданско-правовую, дисциплинарную, административную» [1, с. 360]. Также некоторые ученые считают, что законодатель ошибочно относит к коррупции, помимо отношений подкупа-продажности, злоупотребление должностными положениями, растрату и иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства, хотя в законе указана цель лица, совершающего перечисленные деяния – получение выгоды. Однако, такую позицию можно оспорить, так как в преступлениях коррупционной направленности (помимо преступлений, относящихся к взяточничеству) основная цель остается неизменной – незаконное получение выгоды, которая может быть выражена не только в денежном эквиваленте, но и в других формах, например, продвижение по службе, не привлечение подчиненных к ответственности за допущенные дисциплинарные проступки, оказание каких-либо услуг родственникам или приобретение для них движимого или недвижимого имущества, приобретение автотранспорта для нужд ОВД и его дальнейшее использование только одним сотрудником и т. д.

⁴ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

В юридической науке существует подход, согласно которому коррупционное преступление именуется коррупционной сделкой. В частности, Ю. А. Тихомирова и Е. Н. Трикоз по данному поводу высказывают следующее: «Сделка между должностным лицом или служащим и лицом, заинтересованным в определенном поведении указанных лиц», имеющая «обоюдно возмездный, но не обязательно материальный характер, совершение которой запрещено под угрозой юридической ответственности нормами позитивного законодательства» [2]. Г. Н. Горшенков считает, что коррупционная сделка – это ««соглашение между физическим лицом (корруптером), представляющим должностному лицу (коррупционеру) по собственной инициативе или в ответ на требования должностного лица определенные блага в целях разового или предполагаемого на перспективу использования должностных полномочий вопреки интересам службы в совместных корыстных интересах» [3]. А. А. Иванова отмечает: «Коррупционная сделка предстает как противоправное деяние в виде конкретного законодательно закрепленного правонарушения, а также является “злоупотреблением права” со стороны управомоченного субъекта» [4]. Таким образом, понятие «коррупционная сделка» включает признаки коррупционного преступления, в совершении которого участвуют два субъекта: взяткополучатель (должностное лицо, обладающее должностными обязанностями и служебными полномочиями) и взяткодатель.

При изучении любого преступления очень важно определение его сущности. Сущность должностных преступлений в юридической науке определяется с различных точек зрения. Например, О. Н. Пахомова полагает: «Сущность должностных преступлений, по нашему мнению, определяется их особым признаком – должностным лицом. То есть должностные преступления – это совершенные должностными лицами общественно опасные деяния, посягающие на интересы государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления» [5]. Существует точка зрения, что «уголовно-правовая сущность коррупционного преступления состоит в общественно опасном, запрещенном уголовным законом под угрозой наказания, совершенном умышленно, корыстном деянии специального субъекта (лица, выполняющего управленческие функции), нарушающего в качестве основного объекта те общественные отношения, обязательным участником которого является данный специальный субъект» [6]. Таким образом, современные подходы к определению сущности должностных преступлений в качестве основного характерного признака выделяют специальный субъект. Однако ученые XX века имели несколько иной подход к рассматриваемой проблеме. Так, М. П. Карпушин и В. И. Курляндский писали, что: «Сущность преступления выражается в его посягательстве на господствующие общественные отношения» [7, с. 88]. А. И. Марцев считает, что: «сущность преступления состоит в общественной опасности посягательства, поскольку именно общественная опасность выделяет преступление в ряду правонарушений»⁶.

Можно сказать, что сущность преступления заключается в его общественной опасности и в причиняемом ущербе. Отсюда следует вывод, что сущность преступлений, относящихся к взяточничеству, совершаемых сотрудниками ОВД, заключается в их повышенной общественной опасности, поскольку совершение подобного рода преступлений ведет к наступлению общественно опасных последствий, связанных с прохождением службы в ОВД, а также с причинением ущерба иным охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Ущерб также выражается в падении престижа и авторитета не только службы в ОВД, но и государственной службы в целом.

Говоря о совершаемых сотрудниками ОВД преступлениях, относящихся к взяточничеству, следует отметить, что необходимым признаком таких преступлений является специальный субъект – должностное лицо. Р. А. Сорочкин предлагает следующее определение должностного лица: «Должностное лицо – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, в соответствии с нормой права постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее в силу своего служебного положения полномочие принятия и осуществления от имени обеспечивающего интересы публичной власти юридического лица самостоятельных, личных, обеспечивающих интересы такой власти решений, обязательных и влекущих правовые последствия для такого юридического лица и неопределенного круга иных лиц» [8].

При рассмотрении вопроса о том, к какой категории должностных лиц относится сотрудник ОВД, необходимо учитывать факт замещения им конкретной должности,

⁶ Марцев А. И. Преступление: сущность и содержание : учебное пособие. – Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1986. – С. 30.

а именно, какие полномочия и функции он осуществляет в соответствии с должностным регламентом (должностной инструкцией).

Обязательным признаком, присущим представителю власти данной категории, является наличие у него права на совершение действий, связанных с ограничением прав граждан: доставление в орган полиции, применение административного или уголовно-процессуального задержания и т. п. [9]. В контексте рассматриваемого вопроса можно согласиться с Н. А. Егоровой: «При более детальном рассмотрении оказывается, что функции представителя власти выделены по особенностям управляющего субъекта и управляемого объекта; функции организационно-распорядительные – по способу управляющего воздействия и объекту такого воздействия; функции административно-хозяйственные – по особенностям объекта управляющего воздействия» [10].

Характеризуя должностное лицо ОВД, необходимо иметь в виду рассмотренные выше категории. Таким образом, формулируем следующее определение: должностное лицо ОВД – это сотрудник, имеющий специальное звание рядового или начальствующего состава или федеральный государственный гражданский служащий, который на основании приказа руководителя территориального органа ОВД временно или на постоянной основе наделяется полномочиями на принятие и осуществление от имени ОВД самостоятельных решений, обязательных для выполнения гражданами, не находящимися от него в служебной зависимости, влекущих определенные правовые последствия.

Субъект преступлений, относящихся к взяточничеству, совершаемых сотрудниками ОВД, характеризует личность преступника – сотрудника ОВД. Типология преступников в отечественной криминологии основывается в первую очередь на мотиве. Как писали в своем исследовании Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов, «личность такова, каковы ее мотивы» [11]. Типологические группы могут быть также построены в зависимости от характера преступной направленности и от степени общественной опасности.

Н. В. Строчилова в своем исследовании коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, особое внимание уделяет мотивационной стороне коррупционных преступлений. В соответствии с мотивами она выдвигает следующие типы сотрудников, совершающих коррупционные преступления: 1) последовательно-корыстный тип; 2) противоречиво-корыстный тип; 3) игровой тип. В зависимости от глубины, стойкости и интенсивности антисоциальной направленности можно выделить такие типы, как: 1) ситуативный; 2) злостный.» [12].

Несколько иную типологию, строящуюся в зависимости от формы совершенного коррупционного деяния, предлагают А. П. Суходолов, С. В. Иванцов, Э. Л. Сидоренко, Б. А. Спасенников: «Коррупция-действие: лицо совершает действия, которые входят в его должностные (служебные) полномочия. Коррупция-бездействие: лицо за вознаграждение отказывается от осуществления действий, входящих в его должностные (служебные) полномочия (например, от составления протокола об административном правонарушении и др.), превышающие его должностные или служебные полномочия» [13]. Авторы отмечают, что предложенные модели коррупционного поведения могут характеризовать коррупцию в различных государственных институтах: «В муниципальных органах власти распространена коррупция-действие, когда служащий ускоряет процедуру, а для государственных и муниципальных учреждений характерна коррупция-сверхдействие. Что же касается правоохранительных органов, то здесь чаще встречаются коррупция-бездействие (40 %) и коррупция-действие (55 %)» [14]. С данным утверждением нельзя не согласиться: анализ судебной практики по преступлениям, предусмотренным ст. 290–291.2 УК РФ, совершенным сотрудниками ОВД, показывает, что большая часть противоправных деяний связана именно с бездействием сотрудников (не составление протокола об административном правонарушении; не привлечение подчиненного к дисциплинарной ответственности и т. д.).

Результаты проведенного исследования эмпирических и теоретических материалов позволяют представить авторскую типологию лиц, проходящих службу в ОВД, совершающих преступления, относящиеся к взяточничеству. Исходя из существующих классификаций, представляется целесообразным разработать типологию лиц, совершающих преступления, включающую в себя три основные формы совершения преступлений, относящихся к взяточничеству: получение взятки, дача взятки и посредничество во взяточничестве. Следовательно:

1) Взяткополучатель: пассивный и активный. Такое деление основано на диспозиции ст. 290 УК РФ «Получение взятки», так как законодатель определяет две формы преступного поведения должностного лица в пользу взяткодателя: действие или бездействие.

2) Взяткодатель: прямой и опосредованный, что следует из диспозиции ст. 291 УК РФ «Дача взятки», поскольку взяткодатель может совершить указанное преступление в двух формах: лично или через посредника.

3) Посредник в соответствии с представленной типологией может быть непосредственным или способствующим, так как форма совершения преступления, предусмотренного ст. 291¹ УК РФ «Посредничество во взяточничестве», предполагает два варианта: когда посредник непосредственно передает взятку по поручению взяткодателя или взяткополучателя или, когда посредник иным образом способствует «взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки»⁷.

На основании проведенного автором исследования сформирован также криминологический портрет лица, проходящего службу в ОВД, совершающего преступления, относящиеся к взяточничеству⁸: это сотрудник МВД России, имеющий специальное звание среднего начальствующего состава, мужского пола в возрасте от 36 до 40 лет, использующий незаконно свое должностное, служебное положение (полномочия), имеющий стаж службы в ОВД от 11 до 15 лет, состоящий в браке и имеющий на иждивении несовершеннолетнего ребенка. Особенностью указанных лиц является отсутствие ранее судимости; наличие специфических должностных, служебных исключительных прав в определенных сферах государственной деятельности (право принятия решений по государственному принуждению; легитимность применения специальных средств, физической силы, огнестрельного оружия и др.), используемых в преступных целях.

Составной частью криминологического анализа взяточничества в ОВД является механизм индивидуального преступного поведения. Следует отметить, что в преобладающем большинстве (свыше 70 %), сотрудники ОВД выступают взяткополучателями. Исходя из этого, механизм индивидуального преступного поведения можно характеризовать следующим образом:

– на подготовительном этапе – анализ антикоррупционной обстановки в подразделении, определение коллег, с высокой вероятностью склонных к совершению подобных преступлений; анализ совершаемых гражданами правонарушений, за которые могут предлагать незаконное вознаграждение;

– этап непосредственной реализации преступного умысла – оперативность совершения; вымогательство взятки под угрозой применения мер государственного принуждения, фиктивного привлечения потерпевшего к юридической ответственности;

– этап постпреступного поведения – активное сокрытие следов преступления; распределение незаконной выгоды между участниками; внесение заведомо ложных сведений в документацию с использованием имеющегося доступа к ней в силу служебных полномочий и обязанностей.

В рамках комплексного криминологического изучения взяточничества в ОВД нельзя обойти стороной детерминанты рассматриваемого негативного социально-правового явления. Система детерминант преступности включает в себя причины и условия совершения преступлений, которые являются взаимообуславливающими криминологическими категориями. Рассматривая причины, необходимо отметить, что они являются основанием совершения преступления, а условие лишь способствует определенному виду поведения.

Детерминанты взяточничества в ОВД имеют свою отличительную черту, которая заключается в организационно-служебных причинах совершения рассматриваемых преступлений, которые включают в себя формальный подход к отбору кандидатов, поступающих на службу в ОВД, т. к. именно данная стадия является основополагающей. Данное высказывание подтверждается тем, что при формальном подходе к отбору кандидатов специалисты могут не заметить формирования корыстной мотивации кандидата, который заведомо поступает на службу в ОВД с целью получения незаконной выгоды. Вместе с тем «детерминанты взяточничества в органах внутренних дел можно поделить на несколько групп, среди которых политические, правовые, организационные или служебные, социально-экономические и идеологические» [15].

Наряду с детерминантами взяточничества в ОВД важное место занимают меры противодействия рассматриваемому явлению.

В юридической литературе борьба с преступностью, в т. ч. с коррупцией, определяется как многоаспектная деятельность общества и государства, включающая в себя выявление, пресечение подготавливаемых и совершаемых преступлений, адекватные меры реагирования

⁷ Часть 1 ст. 291¹ УК РФ.

⁸ Согласно проведенному в 2023 году анкетированию осужденных – бывших сотрудников правоохранительных органов, отбывающих наказание в ИК-11 ГУ ФСИН по Нижегородской области.

на совершенные преступления, а также иные меры по предупреждению, минимизации и ликвидации последствий преступных проявлений [16]. Можно утверждать, что противодействие взяточничеству в ОВД Российской Федерации стремится соответствовать названным критериям, а также модернизации общественных отношений.

Последним подзаконным нормативным правовым актом, направленным на противодействие взяточничеству, является Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»⁹. Издание данного Указа стало основой для нового направления противодействия взяточничеству в ОВД, которое можно назвать информационным.

Отдельное место в противодействии взяточничеству занимает реализация стандарта антикоррупционного поведения сотрудников ОВД Российской Федерации, который подразумевает «систему запретов, ограничений, обязанностей и дозволений, направленных на предупреждение коррупции, он определен как одно из главных условий противодействия коррупции в системе МВД России» [17]. Отклонение от антикоррупционного стандарта поведения следует считать девиантным, что подтверждается мнениями других исследователей: «Органы внутренних дел сталкиваются в своей системе управления с комплаенс-рисками – рисками несоответствия, несоблюдения требований законодательства, нормативных документов, правил и стандартов, кодексов поведения. Отклонение от установленных норм или правил рассматривается как девиантное поведение, в том числе в антикоррупционной сфере» [18].

Одной из мер формирования стандарта антикоррупционного поведения сотрудников ОВД является антикоррупционное просвещение. П. А. Кабанов отмечал: «Правотворческие органы вкладывают разную смысловую нагрузку в предлагаемые ими термины и словосочетания, связанные с организацией и осуществлением антикоррупционного просвещения». Он также формулирует понятие антикоррупционного просвещения как «систему распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленная на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры» [19].

А. П. Вихрян и М. В. Федоров считают антикоррупционное просвещение шире правового просвещения как «процесса передачи информации юридического содержания» [20], хотя отдают приоритет юридическим знаниям.

Таким образом, антикоррупционное просвещение должно носить комплексный характер и осуществляться как государственными и муниципальными органами, так и руководителями в ОВД, подразделениями, ответственными за проведение воспитательной работы и формирование антикоррупционного поведения сотрудников ОВД. Такая работа поможет сформировать устойчивый стандарт антикоррупционного поведения сотрудников ОВД.

Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо сделать следующие выводы:

1. Взяточничество в ОВД – это негативное социально-правовое явление, заключающееся в совокупности взаимосвязанных деяний в виде единых преступных актов, в которых все участники преступной сделки занимают равное положение, совершаемых для удовлетворения личной и (или) иной личной заинтересованности (например, продвижение по службе, сохранение своего должностного положения с целью влияния на подчиненных или иных лиц, возможность применения мер государственного принуждения, избежание ответственности за совершенное правонарушение, получение государственных услуг вне очереди или в ускоренном порядке и др.), осуществляемых с участием должностных лиц, проходящих службу в ОВД. Взяточничество в ОВД обладает повышенной общественной опасностью и характеризуется прогнозируемой возрастающей тенденцией.

2. Личность лица, проходящего службу в ОВД, совершающего преступления, относящиеся к взяточничеству – это совокупность биологических, социальных, психологических качеств, основанных на корыстной мотивации в отношении прохождения службы в ОВД. Совершать подобные преступления могут не только сотрудники, имеющие специальные

⁹ О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации (вместе с «Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции "Посейдон"»): Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232 (ред. от 26.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 18. – Ст. 3053.

звания, но и государственные гражданские служащие, имеющие статус должностного лица. Криминологический портрет личности лица, проходящего службу в ОВД, совершающего преступления, относящиеся ко взяточничеству, можно охарактеризовать следующим образом: это сотрудник МВД России, имеющий специальное звание среднего начальствующего состава, мужского пола в возрасте от 36 до 40 лет, незаконно использующий свое должностное, служебное положение (полномочия), со стажем службы в ОВД от 11 до 15 лет, состоящий в браке и имеющий на иждивении несовершеннолетнего ребенка. Особенностью указанных лиц является отсутствие судимости (нулевой начальный криминальный потенциал); наличие специфических должностных, служебных прав в определенных сферах государственной деятельности (право принятия решений по государственному принуждению; легитимность применения специальных средств, физической силы, огнестрельного оружия и др.), используемых в преступных целях.

3. Детерминанты взяточничества в ОВД можно поделить на следующие группы: политические (неэффективность политического механизма борьбы с коррупцией); правовые (несогласованность федерального и ведомственного законодательства; отсутствие законодательно закрепленного отличия взятки от подарка; неравное положение взяткодателя и взяткополучателя); организационные или служебные (недостатки кадровой политики: дефицит кадров; формальная ротация кадров; формальный подход к кандидатам, поступающим на службу); социально-экономические (недостаточное материально-техническое обеспечение и низкая социальная защищенность лиц, проходящих службу в ОВД); идеологические (терпимость граждан к коррупции; ценностные ориентиры общества потребления; двойные стандарты в восприятии коррупции, принятие бытовой коррупции); психологические (ярко выраженная профессиональная деформация; тяжелые условия службы; стрессовые ситуации при выполнении служебных обязанностей; уверенность в возможности избежания наказания).

4. Среди правовых мер противодействия взяточничеству необходима модернизация законодательства, заключающаяся в согласованности федерального и ведомственного законодательства; закрепление отличия взятки и подарка; недопустимость прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон, по факту совершения коррупционных преступлений. Организационные (служебные) меры должны быть направлены на улучшение условий прохождения службы в ОВД, а также на формирование и реализацию антикоррупционного поведения сотрудников, который необходимо свести в один правовой документ. Наиболее эффективной социально-экономической мерой выступает повышение заработной платы сотрудникам ОВД, а также улучшение материального положения сотрудников и их семей. В рамках идеологических мер противодействия взяточничеству необходимо повышение уровня правовой культуры сотрудников ОВД.

Список литературы

1. Загвязинская О. А., Павленко О. В. К вопросу о понятии коррупции: криминологический анализ // Научный альманах. – 2016. – № 8-1 (22). – С. 358–362; <https://doi.org/10.17117/na.2016.08.01.358>.
2. Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. – 2007. – № 5 (125). – С. 39–52.
3. Горшенков Г. Н. «Противодействие» и «коррупция» как научно не проработанные понятия / Противодействие коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 112-летию Юридического института Томского государственного университета и необходимости разработки программы противодействия коррупции на муниципальном уровне, 23–24 декабря 2010 г. / под ред. В. А. Уткин. – Томск: Издательство Национального исследовательского Томского государственного университета, 2010. – С. 25–29.
4. Иванова А. А. Виктимологический аспект коррупционной сделки // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 253–260.
5. Пахомова О. Н. Современные аспекты понятия и сущности должностных преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (69). – С. 12–15.
6. Бесчастнова О. В., Мухамбетов Р. М. Уголовно-правовая сущность коррупционного преступления // Научные вести. – 2018. – № 5. – С. 37–43.
7. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. – Москва: Юридическая литература, 1974. – 231 с.

8. Сорочкин Р. А. Управленческие функции и понятие должностного лица как субъекта коррупционного преступления // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 1. – С. 79–87; <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2021.1.8>.

9. Динека В. И. Особенности правового положения должностного лица и представителя власти // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 4. – С. 46–50.

10. Сорочкин Р. А. Субъект управленческого коррупционного преступления // Государство и право. – 2020. – № 11. – С. 154–157; <https://doi.org/10.31857/S102694520012534-8>.

11. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника : криминологическое исследование. – Москва: ИНФРА-М, 2010. – 366 с.

12. Строчилова Н. В. Особенности криминологической характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершающих коррупционные преступления // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 3–4. – С. 275–279.

13. Суходолов А. П., Иванцов С. В., Сидоренко Э. Л., Спасенников Б. А. Бытовая коррупция в России: основные криминологические параметры // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 5. – С. 634–640; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(5\).634-640](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(5).634-640).

14. Номоконов М. В., Русанова А. А. Бытовая коррупция в ракурсе социологического анализа: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. – 2014. – № 2 (27). – С. 254–257.

15. Ширшанова Е. А. Детерминанты взяточничества в органах внутренних дел // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 306–309; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_306.

16. Веремеенко В. М. Правовые аспекты противодействия взяточничеству в Республике Беларусь // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 89–96.

17. Зарубина Е. В. Антикоррупционный стандарт поведения сотрудников органов внутренних дел // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2015. – № 19. – С. 138–143.

18. Миронкина О. Н. Профилактика девиаций в области антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Российский девиантологический журнал. – 2022. – 2 (4). – С. 454–478; <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-4-454-478>.

19. Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 42–51.

20. Вихрян А. П., Федоров М. В. Антикоррупционное просвещение как фактор обеспечения социальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 967–976; <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976>.

References

1. Zagvyazinskaya O. A., Pavlenko O. V. K voprosu o ponyatii korruptsii: kriminologicheskii analiz // Nauchnyy al'manakh. – 2016. – № 8-1 (22). – S. 358–362; <https://doi.org/10.17117/na.2016.08.01.358>.

2. Tikhomirov Yu. A., Trikoz Ye. N. Pravo protiv korruptsii // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2007. – № 5 (125). – S. 39–52.

3. Gorshenkov G. N. «Protivodeystviye» i «korruptsiya» kak nauchno ne prarabotannyye ponyatiya / Protivodeystviye korruptsii na federal'nom, regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 112-letiyu Yuridicheskogo instituta Tomskogo gosudarstvennogo universiteta i neobkhodimosti razrabotki programmy protivodeystviya korruptsii na munitsipal'nom urovne, 23–24 dekabrya 2010 g. / pod red. V. A. Utkin. – Tomsk: Izdatel'stvo Natsional'nogo issledovatel'skogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. – S. 25–29.

4. Ivanova A. A. Viktimologicheskii aspekt korruptsionnoy sdelki // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. – 2015. – № 4. – S. 253–260.

5. Pakhomova O. N. Sovremennyye aspekty ponyatiya i sushchnosti dolzhnostnykh prestupleniy // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 3 (69). – S. 12–15.

6. Beschastnova O. V., Mukhambetov R. M. Ugolovno-pravovaya sushchnost' korruptsionnogo prestupleniya // Nauchnyye vesti. – 2018. – № 5. – S. 37–43.

7. *Karpushin M. P., Kurlyandskiy V. I.* Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1974. – 231 s.
8. *Sorochkin R. A.* Upravlencheskiye funktsii i ponyatiye dolzhnostnogo litsa kak sub'yekta korruptsionnogo prestupleniya // Prolog: zhurnal o prave. – 2021. – № 1. – S. 79–87; <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2021.1.8>.
9. *Dineka V. I.* Osobennosti pravovogo polozheniya dolzhnostnogo litsa i predstavatelya vlasti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2017. – № 4. – S. 46–50.
10. *Sorochkin R. A.* Sub'yekt upravlencheskogo korruptsionnogo prestupleniya // Gosudarstvo i pravo. – 2020. – № 11. – С. 154–157; <https://doi.org/10.31857/S102694520012534-8>.
11. *Antonyan Yu. M., Eminov V. Ye.* Lichnost' prestupnika : kriminologo-psikhologicheskoye issledovaniye. – Moskva: INFRA-M, 2010. – 366 s.
12. *Strochilova N. V.* Osobennosti kriminologicheskoy kharakteristiki lichnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del, sovershayushchikh korruptsionnyye prestupleniya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2009. – № 3–4. – S. 275–279.
13. *Sukhodolov A. P., Ivantsov S. V., Sidorenko E. L., Spasennikov B. A.* Bytovaya korruptsiya v Rossii: osnovnyye kriminologicheskiye parametry // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2018. – Т. 12. – № 5. – С. 634–640; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(5\).634-640](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(5).634-640).
14. *Nomokonov M. V., Rusanova A. A.* Bytovaya korruptsiya v rakurse sotsiologicheskogo analiza: regional'nyy aspekt // Biznes. Obrazovaniye. Pravo. – 2014. – № 2 (27). – S. 254–257.
15. *Shirshanova Ye. A.* Determinanty vzyatochnichestva v organakh vnutrennikh del // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 7 (223). – S. 306–309; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_7_306.
16. *Veremeyenko V. M.* Pravovyye aspekty protivodeystviya vzyatochnichestvu v Respublike Belarus' // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedeniye. – 2020. – Т. 10. – № 1. – S. 89–96.
17. *Zarubina Ye. V.* Antikorruptsionnyy standart povedeniya sotrudnikov organov vnutrennikh del // Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika. – 2015. – № 19. – S. 138–143.
18. *Mironkina O. N.* Profilaktika deviatsiy v oblasti antikorrupcionnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal. – 2022. – 2 (4). – S. 454–478; <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-4-454-478>.
19. *Kabanov P. A.* Antikorruptsionnoye prosveshcheniye kak sredstvo protivodeystviya korruptsii: ponyatiye i sodержaniye // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. – 2014. – № 4. – S. 42–51.
20. *Vikhryan A. P., Fedorov M. V.* Antikorruptsionnoye prosveshcheniye kak faktor obespecheniya sotsial'noy bezopasnosti // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. – 2020. – Т. 20. – № 4. – S. 967–976; <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-967-976>.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 17.04.2024.

The article was submitted March 25, 2024; approved after reviewing April 9, 2024; accepted for publication April 17, 2024.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-211-217>

Оксана Павловна Шишова

<https://orcid.org/0009-0003-0828-4765>, op.shishova@gmail.com

*Научно-исследовательский центр проектирования
и историко-культурных экспертиз*

Российская Федерация, 119361, Москва, ул. Наташи Ковшовой, д. 29

Субъективные факторы детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия

Аннотация: Введение. Защита культурного наследия как достояния народа и носителя его культурного кода является одной из важнейших задач каждого общества и государства. Угрозу для сохранения объектов культурного наследия представляют не только время, природные катаклизмы и иные естественные процессы, но, к сожалению, и противоправное поведение человека. Последнее заключается как в преступном нарушении специальных обязанностей по сохранению объектов культурного наследия и правил их использования, так и умышленные деяния, направленные на их повреждение и уничтожение. В свою очередь выработка эффективных мер противодействия преступлениям, посягающим на объекты культурного наследия, требует исследования их природы и факторов детерминации. Учитывая, что ключевую роль в механизме преступного поведения играет личность преступника, исследование детерминации отдельных видов преступлений обуславливает установление субъективных факторов их детерминации. **Цель** данной статьи – установление субъективных факторов детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия. **Методы.** В основе исследования лежит всеобщий диалектический метод познания, предполагающий анализ факторов и процессов детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, во всей полноте взаимосвязей общественных отношений, в том числе связей между социумом и личностью преступника, а также совокупность общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, системный метод и др.) и частнонаучных (формально-юридический, логический, статистический, контент-анализ средств массовой информации и сети «Интернет» и др.) методов познания. **Результаты.** Установлены основные субъективные факторы детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, относящиеся как к личности преступника, так и иных лиц, причастных к обеспечению сохранения и надлежащему использованию, а также охране объектов культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, объект, преступление, детерминация, субъективные факторы, личность преступника

Для цитирования: Шишова О. П. Субъективные факторы детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 211–217; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-211-217>.

Oksana P. Shishova

<https://orcid.org/0009-0003-0828-4765>, op.shishova@gmail.com

*Scientific and Research Center for Design and Historical and Cultural Expertise
29, Natasha Kovshova str., Moscow, 119361, Russian Federation*

Subjective factors of determination of offences encroaching on objects of cultural heritage

Abstract: Introduction. Protection of cultural heritage as the national treasure as well as the keeper of its cultural code is one of the most important tasks of every society and state. Not only time, natural disasters and other natural processes pose a threat to the preservation of cultural heritage objects, but, unfortunately, also illegal human behaviour. The latter consists of both criminal violation of special duties to preserve cultural heritage objects and rules of their use, and intentional acts aimed at their damage and destruction. The development of effective measures to counteract crimes that encroach on cultural heritage objects requires the analysis of their nature and determinant factors. Since the personality of a perpetrator plays a key role in the mechanism of criminal behaviour, the analysis of the determination of certain types of crime requires the establishment of subjective factors of their determination. **The purpose of the research** is to establish the subjective factors of determination of offences that encroach on objects of cultural heritage. **Methods.** The research is based on the universal dialectical method of cognition, which implies the analysis of factors and processes of determination of crimes, encroaching on objects of cultural heritage, in the entirety of interconnections of social relations, including the links between society and the personality of a criminal, as well as a set of general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction, systematic method, etc.) and particular scientific (formal-legal, logical, statistical, content analysis of mass media and the Internet, etc.) methods of cognition. **Results.** The main subjective factors of determination of crimes that encroach on the objects of cultural heritage, relating both to the personality of a criminal and other persons involved in ensuring the preservation and proper use, as well as protection of cultural heritage objects, are established.

Keywords: cultural heritage, object, offence, determination, subjective factors, personality of a criminal

For citation: Shishova O. P. Subjective factors of determination of offences encroaching on objects of cultural heritage // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 211–217; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-211-217>.

Введение

Значимость для общества и каждого человека проблемы сохранения и приумножения культурного наследия сложно переоценить. Сохранение культурного наследия непосредственно связано с формированием и сбережением самосознания нации и обеспечением ее культурного суверенитета. Защита культурного наследия от преступных посягательств требует обращения к факторам, детерминирующим данный вид преступного поведения.

Рассматривая проблему существования преступности, чаще всего говорят о причинах и условиях совершения отдельных преступлений и преступности как таковой. В общем понимании причины рассматриваются как явления и процессы, непосредственно порождающие преступное поведение и преступность как следствие. Условия представлены как явления и процессы, которые хотя и не порождают преступность, но способствуют ее возникновению и существованию. На наш взгляд, наиболее правильным является оперирование категорией детерминации, поскольку данное понятие охватывает всю возможную совокупность взаимосвязей между явлениями и процессами, а не только причинно-следственную. Таким образом, под факторами детерминации преступности следует понимать все явления и процессы, находящиеся в детерминационной взаимосвязи с преступностью. Данный подход позволяет выявлять все факторы детерминации преступности и использовать весь арсенал разнообразных по характеру и направленности воздействия сил и средств противодействия преступности.

Поскольку преступность по своей природе явление биосоциальное [1], проблему ее детерминации следует рассматривать с учетом выделения двух групп факторов – объективных, связанных с существованием социума, и субъективных, связанных с личностью преступника и его деятельностью. Следует учитывать, что объективные и субъективные факторы непосредственно связаны между собой, и данная взаимосвязь проявляется как на уровне индивидуального преступного поведения, так и на уровне отдельных видов преступности и преступности в целом. Указанное определяет необходимость комплексного

исследования объективных и субъективных факторов детерминации преступности в их единстве, в диалектической взаимосвязи¹ [2, с. 14; 3, с. 20–58].

Значимость исследования субъективных факторов детерминации преступности определяется тем, что личность преступника является ключевой проблемой криминологии, основным предметом криминологических исследований. В то же время следует учитывать, что вне социума личность преступника не существует.

Несмотря на общие для личности каждого преступника группы признаков [4], при исследовании субъективных факторов детерминации отдельных видов преступлений необходимо устанавливать специфические факторы их детерминации, определяемые проявлением характеристик личности преступника именно в данной форме преступного поведения.

Методы

В основе исследования лежит всеобщий диалектический метод познания, предполагающий анализ факторов и процессов детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия во всей полноте взаимосвязей общественных отношений, в т. ч. связей между социумом и личностью преступника, а также совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания. Системный метод позволил исследовать субъективные факторы детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, в их взаимодействии с объективными факторами. К числу используемых общенаучных методов также относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и др. Использованы такие частнонаучные методы, как формально-юридический, логический, статистический, контент-анализ средств массовой информации и сети «Интернет».

Результаты

Специфика преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, определяется, в том числе, и субъективными факторами их детерминации. Это проявляется в том, что, несмотря на исключительную ценность и значимость объектов культурного наследия для общества, отдельные индивиды игнорируют указанное обстоятельство, совершая посягательства на данные объекты, вплоть до их физического уничтожения.

Подобное отношение к культурному наследию и культуре как таковой свидетельствует о существенных морально-нравственных дефектах личности. Указанное в свою очередь может быть связано с дефектами процесса социализации и воспитания, а также негативными факторами актуальной для личности окружающей микросреды. Также не следует игнорировать роль биологических факторов детерминации преступности. Хотя существование человека доказало, что преступниками не рождаются, определенные биологические особенности, как врожденные, так и приобретенные, а также факторы окружающей природной среды могут способствовать формированию и проявлению девиантного, в том числе и преступного поведения человека [5]. Например, психофизиологические особенности могут затруднять усвоение социальных норм и культурных ценностей, регуляцию поведения. Специалисты отмечают, что мотивы уничтожения или повреждения объектов культурного наследия могут быть связаны с психическими отклонениями преступника [6, с. 117].

Как известно, злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков и иных психоактивных веществ способствуют обострению и проявлению негативных морально-нравственных характеристик и иных дефектов личности. Усиливающаяся в данном случае деформация личности может проявляться в преступных формах поведения, в т. ч. направленных на объекты культурного наследия. Движимое откровенно вандалскими устремлениями, уничтожая или повреждая данные объекты, лицо осознанно или подсознательно может компенсировать ущербность своей личности, определяемую низким уровнем интеллектуального, культурного и нравственного развития.

Следует отметить, что схожая субъективная детерминация наблюдается при совершении преступлений, направленных на объекты культурного наследия, несовершеннолетними. Однако в данном случае имеет место обусловленная возрастом преступника интеллектуальная, культурная и нравственная незрелость личности в сочетании с ее социальной незрелостью, несформировавшимся чувством ответственности за свое поведение перед собой и обществом.

¹ Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика : учебник. – Москва: Академия МВД СССР, 1980. – С. 187; Гришаев П. И. Структура полной причины преступности. Классификация причин и условий преступности : Лекция. – Москва: ВЮЗИ, 1984. – С. 20–21.

Отметим, что указные субъективные факторы детерминации характерны не только для посягательств на объекты культурного наследия, но и для иных видов преступлений, посягающих на культурные ценности. Так, исследования показали, что в большинстве случаев хищения предметов, имеющих особую ценность, совершают лица с низким культурно-образовательным уровнем развития личности (образование не выше среднего, демонстративное пренебрежение к социальным ценностям и нормам поведения и т. п.), часто злоупотребляющие алкоголем, нередко это несовершеннолетние лица [7].

Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия может выступать формой выражения протеста индивида относительно доминирующей в обществе культуры, которая воспринимается им как непосредственный объект воздействия, и как воплощение самого общества, его политического устройства и т. п. В данном случае совершение преступлений рассматриваемого вида связано с реализацией экстремистской мотивации (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, национальной и прочей ненависти и вражды), а объекты культурного наследия играют роль опредмеченного объекта притязаний.

Практика свидетельствует, что уничтожение или повреждение объектов культурного наследия часто совершается именно по мотивам расовой, национальной, идеологической, религиозной ненависти или вражды, что существенно повышает общественную опасность данных преступлений. В большинстве случаев это касается уничтожения или повреждения объектов религиозного значения [8, с. 99; 9, с. 284–289].

Во многих случаях совершение преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, связано с корыстной направленностью личности преступника. Как отмечает К. В. Вишневецкий, в механизме совершения преступления именно корысть, представляющая собой обширную палитру материальной выгоды, является наиболее распространенным сильнейшим побуждением, детерминирующим преступное поведение человека, и уступает по силе детерминации активности человека только инстинкту размножения [10]. Преобладание ценности материального благополучия над всеми иными ценностями определяет корыстную направленность и мотивацию личности преступника, стремящегося любыми методами и средствами достичь материального благополучия, избавиться себя от забот, удовлетворить свои эгоистические стремления.

При этом в отличие, например, от хищения предметов и документов, имеющих особую историческую, культурную, научную или художественную ценность, в значительной степени детерминированных недостаточной материальной обеспеченностью значительной части населения [7], реализация корыстных устремлений в данном случае осуществляется посредством уничтожения или повреждения объектов культурного наследия либо посредством нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия.

Как свидетельствуют исследования, избавление себя от государственных обременений, установленных охранным обязательством, является основной целью преступника при разрушении объектов культурного наследия, а при их повреждении основной целью является обеспечение возможности использования таких объектов в своих целях вопреки установленным законодательством требованиям [11]. Например, преступники нередко уничтожают объекты культурного наследия с целью завладения земельным участком, в том числе в результате рейдерства, а в случае совершения преступления собственником объекта – с целью освобождения его от имеющейся застройки. Как указывают специалисты, чаще всего такого рода уничтожение или повреждение объектов культурного наследия совершаются лицами, в обязанности которых входит обеспечение сохранности данных объектов [12].

Следует учитывать, что корысть в ее широком понимании как формы проявления эгоизма может выражаться в форме зависти и обусловленной данным чувством мести. Это определяется тем, что корысть всегда связана с конкретными потребностями, формирующими мотив поведения [13; 14]. В свою очередь сама потребность может иметь и некорыстный характер, но ее удовлетворение непосредственно связано с посягательством на чужие материальные блага. Так, уничтожение или повреждение объектов культурного наследия может быть детерминировано стремлением выразить личную неприязнь (зависть, месть) к собственнику такого объекта, в том числе со стороны конкурентов. В связи с чем, при исследовании субъективных факторов детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, необходимо учитывать и виктимологические факторы.

Наряду с корыстной направленностью личности преступника и прочими факторами, преступления, посягающие на объекты культурного наследия, в ряде

случаев детерминированы такими субъективными факторами, как недостаточная профессиональная подготовка, халатность и безответственность лиц, на которых возложены специальные обязанности по обеспечению сохранения и надлежащему использованию данных объектов.

В исследованиях отмечаются недостатки системы учета, сверок, инвентаризаций и ревизий, обусловленные халатностью и профессиональной неграмотностью (незнанием нормативно-правовой базы, устанавливающей обязанности и регламентирующей профессиональную деятельность и пр.) руководителей музеев, а также кадровым дефицитом хранителей, реставраторов, искусствоведов и экспертов, выступающие фактором детерминации посягательств на культурные ценности [15, с. 29–30]. Некомпетентность уполномоченных субъектов, а также безответственное отношение к исполнению возложенных на них в силу закона обязанностей может привести к нарушению требований сохранения или использования объектов культурного наследия и, как следствие, к их уничтожению или повреждению.

Также следует учитывать, что некомпетентность или личная заинтересованность лиц, уполномоченных осуществлять оценку последствий, наступивших в результате нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия, в частности, оценку причиненного вреда и стоимости восстановительных работ по его устранению (мероприятий по сохранению объекта), может послужить причиной квалификации совершенного деяния как непроступного. Указанное в полной мере касается и участия рассматриваемой категории лиц в установлении причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступлением последствий в виде уничтожения или повреждения объекта культурного наследия. А как известно, осознание безнаказанности является значимым субъективным фактором детерминации преступного поведения.

Специфика сферы сохранения и использования объектов культурного наследия определяет объективные трудности квалификации данных преступлений, а недостаточно высокое качество деятельности по их выявлению и расследованию связано также с ненадлежащим качеством методического обеспечения [6; 12; 15]. Однако наряду с объективными факторами недостатки деятельности по выявлению, расследованию и квалификации преступлений рассматриваемого вида в ряде случаев связаны с недостатками профессиональной подготовки и иными субъективными характеристиками лиц, осуществляющих данную деятельность.

В результате действия данной группы субъективных факторов (несвоевременности возбуждения уголовного дела или необоснованного отказа в его возбуждении, неполного установления всех обстоятельств дела или ошибочной их юридической оценки, ошибок квалификации содеянного и пр.) факты преступных посягательств на объекты культурного наследия остаются невыявленными либо не получают или получают неверную правовую оценку, а лица, их совершившие, остаются безнаказанными.

Также необходимо учитывать возможность коррупционного взаимодействия лиц, посягающих на объекты культурного наследия, и сотрудников правоохранительных и надзорных органов.

Заключение

Выработка эффективных мер противодействия преступлениям, посягающим на объекты культурного наследия, требует исследования их природы и факторов детерминации. Поскольку ключевую роль в механизме преступного поведения играет личность преступника, исследование детерминации отдельных видов преступлений, в том числе преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, обуславливает установление субъективных факторов их детерминации.

Субъективные факторы детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, относятся как к личности преступника, так и иных лиц, причастных к обеспечению сохранения и надлежащему использованию, а также охране объектов культурного наследия. Несмотря на исключительную ценность и значимость объектов культурного наследия для общества, отдельные индивиды игнорируют указанное обстоятельство, совершая посягательства на данные объекты, вплоть до их уничтожения, а также содействуя своими действиями или бездействием совершению преступлений, посягающих на объекты культурного наследия.

Проведенное исследование позволяет выделить следующие основные субъективные факторы детерминации преступлений, посягающих на объекты культурного наследия:

- 1) маргинальность либо возрастная незрелость личности преступника, определяемая низким уровнем его интеллектуального, культурного и нравственного развития, особенно в сочетании с отягощенностью воздействия алкоголя и/или психоактивных веществ;
- 2) корыстная направленность личности преступника;
- 3) экстремистская оппозиционность (прямая либо опредмеченная по отношению к объектам культуры) личности преступника;
- 4) недостаточная профессиональная компетентность, а также безответственность лиц, на которых возложены специальные обязанности по обеспечению сохранения и надлежащему использованию объектов культурного наследия;
- 5) недостаточная профессиональная компетентность, а также ненадлежащее исполнение своих обязанностей сотрудниками правоохранительных органов и специалистами, причастными к охране объектов культурного наследия.

Список литературы

1. *Игнатов А. Н.* О биосоциальной природе преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2016. – № 1. – С. 63–73.
2. *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. – Москва: Издательство Московского университета, 1984. – 208 с.
3. *Шаргородский М. Д.* Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе / Преступность и ее предупреждение : сборник статей. – Ленинград: Лениздат, 1966. – С. 20–58.
4. *Игнатов А. Н.* Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 319–326.
5. *Игнатов А. Н.* Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 2. – С. 223–233; [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(2\).223-233](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(2).223-233).
6. *Янин С. А.* Типичная модель механизма уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (39). – С. 115–120.
7. *Довгий Д. П.* Криминологическая характеристика хищения предметов, имеющих особую ценность // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 2. – С. 227–230.
8. *Мартышева О. М.* Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры / Современные информационные технологии работы с молодежью: педагогика, психология, менеджмент и коммуникация : материалы Международной научно-практической конференции, 16–18 сентября 2010 г. – Москва : Парнас, 2010. – Т. 2. – С. 98–103.
9. *Шалагин А. Е.* Ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры по российскому уголовному законодательству // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 284–289.
10. *Вишневецкий К. В.* Виктимологическое моделирование корыстной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5. (71). – № 2. – С. 89–98.
11. *Халиков И. А.* Личность преступника, нарушившего требования сохранения и использования памятников истории и культуры / Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А. И. Долговой. – Москва: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2018. – С. 109–113.
12. *Мартышева О. М.* О сущности уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Российской Федерации / Архитектура, строительство, транспорт : материалы Международной научно-практической конференции (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»), 2–3 декабря 2015 г. – Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ)», 2015. – С. 1398–1404.
13. *Шеслер А. В., Шеслер С. С.* Корысть: соотношение цели и мотива совершения преступления // Вестник Югорского государственного университета. – 2023. – № 4. – С. 33–37; <https://doi.org/10.18822/byusu20230433-37>.
14. *Докшоков А. З.* Корысть в содержании цели и мотива преступного посягательства против собственности в виде присвоения и растраты // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 1. – С. 86–88.

15. Диканов К. А., Диканова Т. А., Изгагина Т. Ю., Ястребов В. В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с посягательствами на культурные ценности : монография. – Москва: НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2010. – 172 с.

References

1. Ignatov A. N. O biosotsial'noy prirode prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2016. – № 1. – S. 63–73.
2. Kuznetsova N. F. Problemy kriminologicheskoy determinatsii / pod red. V. N. Kudryavtseva. – Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. – 208 s.
3. Shargorodskiy M. D. Prestupnost', yeye prichiny i usloviya v sotsialisticheskom obshchestve / Prestupnost' i yeye preduprezhdeniye : sbornik statey. – Leningrad: Lenizdat, 1966. – S. 20–58.
4. Ignatov A. N. Ponyatiye i obshchaya kharakteristika lichnosti prestupnika // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2019. – T. 5 (71). – № 1. – S. 319–326.
5. Ignatov A. N. Biologicheskkiye faktory determinatsii nasil'stvennoy prestupnosti // Kriminologicheskyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – T. 9. – № 2. – S. 223–233; [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(2\).223-233](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(2).223-233).
6. Yanin S. A. Tipichnaya model' mekhanizma unichtozheniya ili povrezhdeniya ob'yektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 3 (39). – S. 115–120.
7. Dovgiy D. P. Kriminologicheskaya kharakteristika khishcheniya predmetov, imeyushchikh osobuyu tsennost' // Rossiyskiy kriminologicheskyy vzglyad. – 2007. – № 2. – S. 227–230.
8. Martysheva O. M. Unichtozheniye ili povrezhdeniye pamyatnikov istorii i kul'tury / Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii raboty s molodezh'yu: pedagogika, psikhologiya, menedzhment i kommunikatsiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 16–18 sentyabrya 2010 g. – Moskva: Parnas, 2010. – T. 2. – S. 98–103.
9. Shalagin A. Ye. Otvetstvennost' za unichtozheniye ili povrezhdeniye pamyatnikov istorii i kul'tury po rossiyskomu ugovnomu zakonodatel'stvu // Aktual'nyye problemy ekonomiki prava. – 2012. – № 3. – S. 284–289.
10. Vishnevetskiy K. V. Viktimologicheskoye modelirovaniye korystnoy prestupnosti // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2019. – T. 5. (71). – № 2. – S. 89–98.
11. Khalikov I. A. Lichnost' prestupnika, narushivshego trebovaniya sokhraneniya i ispol'zovaniya pamyatnikov istorii i kul'tury / Lichnost' prestupnika i yeye kriminologicheskoye izucheniye / pod red. A. I. Dolgovoy. – Moskva: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya «Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya», 2018. – S. 109–113.
12. Martysheva O. M. O sushchnosti unichtozheniya ili povrezhdeniya ob'yektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) v Rossiyskoy Federatsii / Arkhitektura, stroitel'stvo, transport : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (k 85-letiyu FGBOU VPO «SibADI»), 02–03 dekabrya 2015 g. – Omsk: Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethnoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya «Sibirskaya gosudarstvennaya avtomobil'no-dorozhnaya akademiya (SibADI)», 2015. – S. 1398–1404.
13. Shesler A. V., Shesler S. S. Koryst': sootnosheniye tseli i motiva soversheniya prestupleniya // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – № 4. – S. 33–37; <https://doi.org/10.18822/byusu20230433-37>.
14. Dokshokov A. Z. Koryst' v sodержanii tseli i motiva prestupnogo posyagatel'stva protiv sobstvennosti v vide prisvoyeniya i rastraty // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2007. – № 1. – S. 86–88.
15. Dikanov K. A., Dikanova T. A., Izgagina T. Yu., Yastrebov V. V. Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskkiye problemy bor'by s posyagatel'stvami na kul'turnyye tsennosti : monografiya. – Moskva: NII Akademii General'noy prokuratury RF, 2010. – 172 с.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 17.04.2024.

The article was submitted February 5, 2024; approved after reviewing April 9, 2024; accepted for publication April 17, 2024.

Общая педагогика, история педагогики и образования

Научная статья

УДК 37.013

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-218-231>

Геннадий Викторович Марченко

доктор исторических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-9942-2523>, gen.marchenco@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198096, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Технологии развивающего обучения и воспитания в процессе освоения гуманитарных дисциплин в образовательных организациях Министерства внутренних дел России

Аннотация: Введение. Актуальность вопросов применения технологий развивающего обучения и воспитания в процессе освоения гуманитарных дисциплин в образовательных организациях МВД России очевидна. В период проведения учебных занятий, научно-исследовательской работы и воспитательных мероприятий формируются мировоззренческие ориентиры курсантов и слушателей, определяется ценностное содержание будущей профессиональной деятельности. В настоящей статье автор раскрывает вопросы происхождения теории «воспитывающего обучения», прослеживает основные тенденции ее развития в европейской и отечественной педагогической науке, делает выводы о необходимости использования технологий развивающего обучения и воспитания в этой сфере педагогической деятельности. В работе рассматривается практика реализации данных технологий на примере проведения учебных занятий по дисциплинам гуманитарного цикла с курсантами и слушателями Санкт-Петербургского университета МВД России. **Методы.** В исследовании применялись общенаучный диалектический метод; теоретические и познавательные методы познания и обработки информации – обобщения, систематизации, классификации, сравнения; эмпирический метод анализа содержания проводимых учебных занятий. **Результаты.** Основные положения статьи были доложены автором в рамках обмена педагогическим опытом на научно-методическом семинаре

«Педагогические стратегии воспитания личности в контексте реализации образовательных программ», проведенного 14 ноября 2023 г. на базе Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. В работе семинара принял участие заместитель министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник полиции В. Л. Кубышко, руководители и ведущие ученые всех вузов системы МВД России и ряда гражданских образовательных организаций в сфере гуманитарного и правового знания¹. Проведенное исследование показывает, что внедрение технологий развивающего обучения и воспитания в образовательную деятельность в системе вузов МВД России позволяет оказывать активное воздействие на формирование государственно-патриотического мировоззрения обучающихся, повышение уровня правовой и нравственной культуры личности.

Ключевые слова: воспитывающее обучение, мировоззренческие ценности, педагогика, образование, воспитание, обучение, технологии, патриотизм, гражданственность

Для цитирования: Марченко Г. В. Технологии развивающего обучения и воспитания в процессе освоения гуманитарных дисциплин в образовательных организациях Министерства внутренних дел России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 218–231; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-218-231>.

Gennady V. Marchenko

Dr. Sci. (His.), docent

<https://orcid.org/0000-0002-9942-2523>, gen.marchenco@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Technologies of developing education and upbringing in the process of mastering humanitarian disciplines in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: Introduction. The relevance of the issues of application of developing learning and education technologies in the process of studying humanitarian sciences in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia is obvious. In the course of training courses, research work and educational activities the world outlook guidelines of cadets and trainees are being formed, the value content of future professional activity is being determined. In this article, the author reveals the origin of the theory of “nurturing learning”, traces the main trends of its development in European and domestic pedagogical science, draws conclusions about the need to use developing learning and educational technologies in this area of pedagogical activity. The paper reviews the practice of implementing these technologies on the sample of conducting training sessions on the disciplines of the humanities cycle with cadets and students of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. **Methods.** The study used the general scientific dialectic method; theoretical and cognitive methods of cognition and information processing - generalisation, systematisation, classification, comparison; empirical method of analysing the content of the conducted training sessions. **Results.** The main provisions of the article were reported by the author within the framework of the exchange of pedagogical experience at the scientific and methodological seminar “Pedagogical strategies of personality education in the context of the implementation of educational programs”, held on November 14, 2023 on the basis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot. The seminar was attended by the Deputy Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, Colonel-General of Police V. L. Kubyshko, heads of educational organisations

¹ Владимир Кубышко принял участие в научно-методическом семинаре «Педагогические стратегии воспитания личности в контексте реализации образовательных программ» // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/43889518/> (дата обращения: 10.12. 2023).

of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and a number of civilian educational organisations in the field of humanitarian and law-related knowledge.

Keywords: nurturing learning, worldview values, pedagogy, education, upbringing, training, technology, patriotism, citizenship

For citation: Marchenko G. V. Technologies of developing education and upbringing in the process of mastering humanitarian disciplines in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 218–231; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-218-231>

Введение

Теорию «воспитывающего обучения» обосновал и предложил научному сообществу в первой половине XIX в. немецкий философ, психолог и педагог Иоганн Герbart (1776–1841) – «лучший педагог среди философов и лучший философ среди педагогов» [1, с. 69]. И. Герbart был убежден, что процессы обучения и воспитания не могут быть обособленными друг от друга, они составляют единое воспитывающее обучение. Ученый рассматривал понятие воспитания как гармоничное единство двух независимых компонентов: воспитывающего обучения и нравственного воспитания. Он считал, что «обучение без нравственного образования есть средство без цели, а нравственное образование без обучения есть цель, лишенная средств»².

Концепция Герbartа базировалась на взглядах выдающегося чешского просветителя Яна Амоса Коменского (1592–1670) и известного английского мыслителя эпохи Просвещения Джона Локка (1632–1704). Я. А. Коменский был приверженцем практико-ориентированного подхода в воспитании, считая что «добродетель развивается посредством дел, а не посредством болтовни»³. В свою очередь Дж. Локк выступал за комплексный подход к воспитанию, рассматривая этот процесс как единство физического, нравственного и умственного развития личности [2, с. 135].

В России в дореволюционный период в практике обучения в военно-учебных заведениях от кадетских корпусов до военных академий, а также при подготовке полицейского резерва в системе Министерства внутренних дел особое внимание уделялось воспитанию таких качеств, как преданность престолу, служения Отечеству, верности Присяге. Знаменитый военно-идеологический девиз «За веру, царя и Отечество», равно как и появившаяся позже идеологическая триада «Православие. Самодержавие. Народность», автором которой был министр просвещения граф С. С. Уваров, стали основой формирования государственно-патриотического мировоззрения защитников Отечества и укрепления профессиональных традиций российского воинства.

Советская педагогическая наука занимала твердые позиции, основанные на подходе, согласно которому под воспитанием и обучением подразумевались разные процессы по содержанию и методам. Новая государственная идеология построения коммунистического общества четко определила задачи, стоящие перед советской педагогикой – готовить «строителей коммунизма»⁴. Примечательно, что Моральный кодекс строителя коммунизма (всего двенадцать пунктов) по своему нравственному содержанию был созвучен религиозным заповедям Ветхого и Нового Заветов, определившим в свое время основные подходы воспитания нравственности и морали жизни людей древних обществ.

Отсюда и мощная идеологическая составляющая в процессе подготовки молодого поколения в образовательных организациях в советский период отечественной истории, когда в школах осуществлялся прием первоклассников в звездочки октябрят⁵, а затем проходило массовое вступление в состав таких политических детских и молодежных организаций, как Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина и Всесоюзный

² Герbart И. Ф. Главнейшие педагогические сочинения Иог. Герbartа в систематическом извлечении / пер. с нем. А. Ф. Адольфа С очерком жизни и деятельности Герbartа. — Москва: Тихомиров, 1906. — 365 с.; Герbart И. Ф. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / ред., пер. и прим. проф. Г. П. Вейсберга; ввод. статья Н. К. Баумана и проф. Г. П. Вейсберга. — Москва: Учпедгиз, 1940. — Т. 1. — С. 69.

³ Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения / под ред., с биогр. очерком и примеч. проф. А. А. Красновского. — Москва: Учпедгиз, 1955. — С. 324.

⁴ Моральный кодекс строителя коммунизма. Принят на XXII съезде КПСС [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://governmentussr.ru/zakonodatelstvo-sssr/kodeksy/moralnyy-kodeks-stroitelya-kommunizma-sssr/> (дата обращения: 15.12. 2023).

⁵ Название в честь победы Октябрьской революции 1917 года.

Ленинский коммунистический союз молодежи. В институтах и военных училищах производился уже прием лучших студентов и курсантов в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Фактически эта идеологическая триада воспитания через политизированные структуры октябрят, пионеров и комсомольцев во многом определяла специфику воспитывающего обучения молодого поколения, готовя его к созидательному труду во имя построения общества социального равенства и справедливости.

Содержание коммунистической идеологии, изложенной основоположниками марксистского учения К. Марксом и Ф. Энгельсом и провозглашенной в первом в мире социалистическом государстве В. И. Лениным, строилось на основе определенных базовых ценностей. Среди них: признание бесклассового общества, отсутствие частной собственности, реализация принципа «От каждого по способностям, каждому по труду». Эти взгляды, безусловно, сказались на подходах в сфере воспитания и образования в 70–80-е гг. прошлого века. Проблемы теории и методики воспитания, как правило, рассматривались именно в этой парадигме.

Отметим вклад в эту сферу научного знания целого ряда видных представителей советской педагогической науки – Э. И. Моносзона, Ш. А. Амонашвили, Ю. К. Бабанского, уделявших большое внимание воспитанию мировоззренческих ценностей на основе гуманистического подхода, стимулирования познавательной деятельности и учета индивидуальных особенностей обучающихся [3–5].

В преддверии перестроечного периода развития нашего государства, представители научного сообщества вновь стали обращаться к различным сторонам воспитывающего обучения. Так, например, В. М. Коротов считал, что «единство обучения и воспитания является одним из ведущих принципов деятельности образовательной организации» [6, с. 3]. Активно занимался проблемой выработки комплексного подхода к воспитанию Б. Т. Лихачев, рассматривавший процесс обучения сквозь призму принципов воспитания, а процесс воспитания сквозь призму обучения [7, с. 84–85]. И. Я. Лернер предложил концепцию воспитывающего обучения реализовывать через три основных фактора – «обучение», «воспитание» и «развитие», рассматриваемых как разные характеристики одного и того же процесса – трансляции социального опыта [8, с. 150].

Несмотря на определенные различия в подходах и оценках, ведущие отечественные педагоги советской эпохи видели в воспитывающем обучении возможность сформировать определенные знания у обучающихся через создание оптимальных условий для воспитания культурной и нравственной личности, обладающей творческим и самостоятельным мышлением, способной к дальнейшему профессиональному самоопределению и развитию в различных сферах деятельности. Но на практике, к сожалению, единство обучения и воспитания в образовательной деятельности, как правило, ограничивалось постановкой воспитательных целей на занятиях, поскольку реальные технологии слияния знаний и нравственных ценностей обучающихся так и не были системно разработаны.

Идеологические особенности содержания образования в разные исторические периоды сказывались и на вопросах методики подготовки и проведения учебных занятий, в т. ч. и появлении специфических дисциплин с ярко выраженным воспитательным компонентом. В самодержавной России это был Закон Божий с его религиозными смыслами, в советскую эпоху: в школах – история СССР, и обществоведение, в вузах – история КПСС, марксистско-ленинская философия и научный коммунизм с их несомненной социальной проблематикой.

Первое десятилетие постсоветской истории (90-е гг. прошлого века) было непростым периодом перехода от прежних, преимущественно идеологических и социальных ориентиров, к новым гуманистическим ценностям, попыткой интеграции в европейское правовое и культурологическое пространство. Произошел фактический отказ от основных общественных идеологем многовековой истории общественно-политического развития Святой Руси в рамках теологической историсофской и политической концепции «Третьего Рима» или «Второй Византии» великих государств античности и Средневековья.

Проводимая политика деидеологизации, в том числе в сфере образования, как это часто бывает, «выплеснула с водой и ребенка». События последних лет убедительно доказали ошибочность и иллюзорность представлений о мирном и эволюционном вхождении современного российского государства в «европейское сообщество» с принятием чуждых отечественному менталитету новых «моральных ценностей».

Соответственно, в начале нулевых годов нынешнего века в условиях усиления актуальности проблем патриотического и нравственно-этического воспитания, прежде

всего молодого поколения, вновь возник интерес научного сообщества к теории воспитывающего обучения. Н. И. Козлова, например, выдвинула положение о том, что «принцип воспитывающего обучения базируется на закономерности единства обучения и воспитания в целостном педагогическом процессе и предполагает формирование в процессе обучения базовой культуры личности: нравственной, правовой, эстетической, физической, культуры труда и жизнедеятельности, общения» [9, с. 132]. В. И. Загвязинский в свою очередь отметил, что данный принцип связывает воедино воспитание, обучение и образование, определяя их соподчиненность⁶.

В то же время В. Кумарин считал, что чрезмерное увлечение воспитывающим обучением негативно сказалось на процессе воспитания в образовательных организациях. По его мнению, обучение и воспитание должны находиться в диалектическом единстве и являться двумя сторонами единого педагогического процесса образования человека, его разностороннего совершенствования [10, с. 183–199].

Признавая определенную обоснованность этих положений, отметим, что полной ясности по вопросам, что считать принципами воспитывающего обучения, каковы реальные цели педагогического процесса так и не наступило. Во многом на все эти вопросы ответил Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон), в котором были даны четкие определения понятий «образование», «воспитание», «обучение»⁷.

В Законе определено, что *образование* – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека.

В документе указано, что *воспитание* – это деятельность, направленная на развитие личности на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства. При этом был сделан акцент на формировании у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, закону и правопорядку.

В Законе также очень четко расставлены приоритеты *обучения* как целенаправленного процесса организации деятельности обучающихся по развитию способностей, овладению знаниями, умениями, навыками и их применению в повседневной жизни компетенцией, приобретению опыта деятельности.

Среди основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования, утвержденных Законом, выделим в контексте темы настоящей статьи такие, как единство обучения и воспитания, гуманистический характер образования, приоритеты формирования гражданственности и патриотизма.

Принятие данного Закона во многом обеспечило педагогическую преемственность, стало, на наш взгляд, определенным возвращением к теории воспитывающего обучения, но с учетом новых геополитических реалий, необходимости защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и укрепления государственно-патриотического мировоззрения.

Современные политические лозунги и общественные идеологемы, например, защиты «Русского мира», «Славянского братства», «За наших», являются мощными скрепами духовно-патриотической консолидации российского общества перед новыми внутренними и внешними угрозами. Отметим Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, который четко определил традиционные духовно-нравственные ценности российского общества, среди которых – патриотизм и гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные ценности, историческая память⁸.

Отсюда и такой интерес современных авторов, стремящихся расставить четкие акценты в педагогической практике подготовки кадров в силовых ведомствах, применения различных технологий воспитывающего обучения. Автор согласен

⁶ Загвязинский В. И. Теория обучения: современная интерпретация : учебное пособие. – 4-е изд., стер. – Москва: Академия, 2007. – С. 26–27.

⁷ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) / Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

⁸ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

с позицией В. Н. Новикова и С. А. Рудаева, считающих, что сегодня особенно актуальна задача реализации триадной модели подготовки офицерских кадров на основе обучения, воспитания и развития личности [11, с. 146]. Но если в вузах Министерства обороны и войск национальной гвардии Российской Федерации важнейшим средством воинского обучения и воспитания в системе военно-научного знания стала военно-политическая работа, то для Министерства внутренних дел России – это работа с личным составом. Поэтому на каждом учебном занятии в образовательных организациях этих ведомств должны не просто ставиться воспитательные цели, но и продумываться методика их достижения, прежде всего на основе «слова и дела».

Работы современных исследователей по вопросам применения технологий воспитывающего обучения носят многоаспектный характер. Так, Г. Л. Ильин считает, что возможности использования принципов и идей развивающего обучения, например, в дополнительном профессиональном образовании должны быть в рамках перехода от объекта обучения к субъекту образования [12]. Н. К. Чапаев обращает особое внимание на вопросы педагогической интеграции как целостной системы методологических, теоретических и технологических характеристик [13]. На необходимость формирования педагогической культуры, в основе которой должны присутствовать аксиологический, технологический и личностно-творческий компоненты, указывают О. В. Коповая, М. А. Ерофеева, С. В. Шанин [14]. Отметим, что в целом своеобразный ренессанс теории «воспитывающего обучения» в рамках современного образования отмечают в своих работах С. Э. Зверев [15], О. А. Зотова [16], Н. Б. Напольских [17], Г. В. Павленко⁹.

В то же время, в современных педагогических словарно-справочных изданиях о воспитывающем обучении ничего не говорится¹⁰, что свидетельствует либо о прежнем неприятии этих подходов среди определенной части представителей педагогического сообщества или является следствием несовершенства педагогического инструментария по реализации технологий этого направления деятельности.

Таким образом, мы вправе сделать вывод, что теория «воспитывающего обучения» вновь заняла прочное место в отечественной педагогике, но теперь перед научно-педагогическими коллективами различных образовательных организаций стоит задача как интеграции опыта обучения и воспитания двух эпох – дореволюционной и советской, так и выработки педагогических подходов в подготовке истинных профессионалов своего дела, высоконравственных специалистов, являющихся настоящими гражданами своей страны. Воспитание в рамках обучения должно осуществляться через формирование профессиональных компетенций, позволяющих вчерашним школьникам (студентам, курсантам и слушателям силовых вузов) чувствовать себя уверенно на новом жизненном этапе. При этом необходимо использовать современные технологии, внедрять активные и, что особенно важно, интерактивные методы развивающего обучения и воспитания.

Результаты

На кафедре управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России накоплен определенный педагогический опыт внедрения технологий развивающего обучения и воспитания в практику проведения учебных занятий по дисциплинам гуманитарного цикла и организацию научно-исследовательской работы.

Рассмотрим это направление деятельности на примере занятий, проведенных автором настоящей статьи в 2023/24 учебном году.

1. Технологии коллективной системы обучения в рамках практического деятельностного подхода на основе критического мышления и проведения дискуссий по проблемным вопросам

1.1. Реализация этих технологий осуществлялась в рамках выездных практических занятий по учебным дисциплинам «Профессиональная этика и служебный этикет» (факультет подготовки сотрудников для подразделений по охране общественного порядка) и «Организация информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел» (факультет подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом)

⁹ Павленко Г. В. Воспитание учащихся в обучении: уроки истории : учебное пособие. – Хабаровск: Издательство ТОГУ, 2018. – 72 с.

¹⁰ Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад – 3-е изд., стер. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2009 – 527 с.; Полонский В. М. Большой тематический словарь по образованию и педагогике. – Москва: Народное образование, 2017. – 838 с.

Санкт-Петербургского университета МВД России.

1.2. Местами проведения были:

– Музей истории политической полиции и органов государственной безопасности России (далее – Музей), г. Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 2.
– г. Петергоф (переулок Цыганкова).

Помимо учебных целей получения новых знаний и приобретения практических навыков и умений обучающихся, была поставлена и основная воспитательная цель: воспитание нравственных качеств личности курсантов.

1.3. Содержание занятий в Музее по учебной дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет» по теме: «Моральный облик сотрудников органов внутренних дел»:

1.3.1. Выступления курсантов и слушателей с сообщениями с опорой на экспонаты музейного образования (до этого в рамках семинаров были проведены виртуальные экскурсии по залам музея) по темам:

1.3.1.1. Жандармы и полицейские в царской России на рубеже XIX–XX веков: люди долга или слуги непопулярного политического режима?

1.3.1.2. «Чекистом может быть человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками». Ф. Э. Дзержинский. Какие из этих принципов отбора в правоохранительные органы сегодня наиболее востребованы и почему?

1.3.2. Получение навыков историко-мемориальной работы – самостоятельного проведения экскурсий (презентации экспонатов): работа курсантов и слушателей на четырех учебных точках (основных залах музея).

1.3.3. Организация дискуссий по вопросам, вынесенным для обсуждения.

1.4. Содержание практического занятия по учебной дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет» по теме: «Моральный выбор в деятельности сотрудников органов внутренних дел» с выездом в г. Петергоф:

1.4.1. Сообщения слушателей пятого курса – будущих специалистов по вопросам миграции в учебной аудитории по темам:

1.4.1.1. «Одеты в камень»: мемориалы и памятники сотрудникам ОВД в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

1.4.1.2. Традиции защиты Отечества: историческое наследие и современность (на примере проведения специальной военной операции (далее – СВО)).

1.4.2. Выезд в Старый Петергоф, затем совершение краеведческого квеста по местам боев за Петергоф в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Конечная точка маршрута – переулок Цыганкова, названного в честь начальника Петергофского отделения милиции в 1937–1950 гг., командира партизанского отряда в период немецкой оккупации города.

1.4.3. По прибытии на место – сообщения слушателей по темам:

1.4.3.1. Органы и войска НКВД в обороне Ленинграда в 1941–1944 гг.

1.4.3.2. И. Ф. Цыганков – человек-легенда.

1.5. Содержание занятия по учебной дисциплине «Организация информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел» в Музее:

1.5.1. Выступления курсантов и слушателей с сообщениями с опорой на экспонаты музейного образования (до этого в рамках семинаров были проведены виртуальные экскурсии по залам музея) по темам:

1.5.1.2. «Белый платок» Николая I графу А. Х. Бенкендорфу при создании Отдельного корпуса жандармов: призыв к борьбе с коррупцией или к подавлению инакомыслия?

1.5.1.3. «За веру, царя и Отечество!». Почему этот идеологический лозунг подготовки офицеров и нижних чинов армии и полиции перестал быть эффективным в начале XX века?

1.5.1.4. Идеологические лозунги и общественные идеологемы трех эпох: самодержавия, советской и современной.

1.5.1.5. Органы и войска НКВД в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: реальность и мифы.

Применение технологий коллективной системы обучения, практического деятельностного подхода и критического мышления, в т. ч. за счет проведения дискуссий по спорным вопросам с приведением конкретных аргументов способствовали росту познавательной активности и совершенствованию нравственных характеристик личности обучающихся.

На занятиях преподавателем были специально созданы воспитывающие ситуации, позволившие обсудить ценностно-смысловые понятия учебных дисциплин. Такая творческая атмосфера позволила добиться качественного решения образовательных целей

каждого занятия.

2. Тестовые и игровые технологии развивающего обучения в ходе проведения практических занятий

Применение данных технологий осуществлялось в рамках занятия по учебной дисциплине «Организация информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел» с курсантами факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России (в трех учебных взводах четвертого курса).

Место проведения: учебные аудитории взводов, затем выход на территорию Свято-Троицкой Сергиевой Приморской мужской пустыни (монастыря, расположенного рядом с учебной площадкой факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом, к месту погребения выдающегося государственного деятеля Российской империи, канцлера князя А. М. Горчакова). Помимо учебных целей (получения новых знаний и приобретения практических навыков и умений обучающихся) решалась и воспитательные задачи: развитие нравственных качеств личности курсантов и формирование их государственно-патриотического мировоззрения на примере деятельности А. М. Горчакова.

Содержание занятия

В учебной аудитории были организованы и проведены:

1. Проверка знаний обучающихся путем решением тестовых задач.
2. Практическая отработка и представление документов информационно-пропагандистской работы (планов-сценариев проведения митингов, посвященных Дню Победы, Дню сотрудника органов внутренних дел, принятию Присяги; плана проведения единого дня государственно-правового информирования и плана-конспекта занятия по морально-психологической подготовке).
3. Историко-литературная викторина (англ. – *quiz*, викторина, опрос) по знанию биографий выдающихся российских деятелей в сфере науки, искусства, политики и военного дела. В ходе проведения викторины как формы интеллектуальной игры звучали не только вопросы о вкладе этих персон в российскую историю, но и рассматривалась общественно-политическая атмосфера различных эпох.

Затем занятие было продолжено на территории Свято-Троицкой Сергиевой Приморской мужской пустыни у места погребения известного государственного деятеля Российской империи, канцлера князя А. М. Горчакова. На этом этапе курсанты провели информирование «Патриот Земли Русской», посвященного деятельности А. М. Горчакова, после чего на занятии прозвучали стихотворения патриотической тематики «Умом Россию не понять» Ф. Тютчева и «Мы русские» К. Фролова-Крымского.

Реализация на этом занятии тестовых и игровых технологий развивающего обучения в формате практического деятельностного подхода приобретения навыков и умений обусловила воспитательный эффект за счет применения методов стимулирования познавательного интереса, поощрения и взаимного обучения. Были также использованы различные формы обучения: индивидуальные, парные и групповые, формирующие навыки, как индивидуальной работы, так и умения обучающихся действовать в составе малых групп и всего коллектива.

3. Технологии коллективной системы обучения в рамках практико-ориентированного подхода с целью получения необходимых навыков и умений

Реализация этих технологий осуществлялась в рамках выездного практического занятия по учебной дисциплине «Организация информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел» с курсантами факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России (в трех учебных взводах 4-го курса).

Место проведения: учебные аудитории взводов, затем выезд на место высадки военно-морского десанта 20-й дивизии войск НКВД СССР и моряков Балтийского флота 5–8 октября 1941 г. (пос. Стрельна, берег Финского залива)¹¹.

Целями занятия, помимо получения учебно-методических навыков проведения

¹¹ В период Великой Отечественной войны эти десанты сбили наступательный порыв немецко-фашистских войск и заставили врага перейти к позиционным сражениям. Мужество и героизм наших воинов сорвали планы захвата вермахтом Ленинграда.

ритуала – торжественно-траурного митинга, посвященного 72-й годовщине высадке героев-десантников, было воспитание патриотических чувств, уважения к исторической памяти и героическим традициям защитников Отечества, формирование мировоззренческих ориентиров правоохранительной деятельности.

Содержание занятия

1. Представление и защита в учебной аудитории сценария проведения митинга, порядка его подготовки и проведения.

2. Переезд к памятнику и проведение митинга в честь героев-десантников.

В ходе занятия была осуществлена практическая отработка задания по подготовке и проведению одной из формы информационно-пропагандистской работы – митинга. В ходе митинга прозвучал Гимн России, возлагались цветы к памятнику, организовывалось фотодокументирование и производство видеосъемки для последующего изготовления видеоролика с целью использования в качестве учебного видеоматериала.

Применение на этом занятии технологий коллективной системы обучения в рамках практико-ориентированного подхода получения навыков и умений было построено на воспитывающем воздействии преподавателя, являющегося ветераном боевых действий, его моральных ценностях и убежденности в своих делах и поступках. На занятии несколько курсантов были одеты в военную форму периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., сам преподаватель был также в военной форме с государственными наградами. Все это обеспечило позитивный педагогический эффект, позволивший добиться реализации воспитательных целей занятия.

4. Игровые технологии развивающего обучения в рамках практико-ориентированного подхода в работе с наглядной информацией (текстом)

Применение данных технологий осуществлялось в ходе практического занятия по учебной дисциплине «Организация информационно-пропагандистской работы в органах внутренних дел» с курсантами факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России (в трех учебных взводах четвертого курса).

Место проведения: учебные аудитории взводов. Целями занятия, помимо приобретения практических навыков и умений изготовления различных видов наглядной информации, было формирование мировоззренческих ориентиров правоохранительной деятельности и основ эстетической культуры.

Содержание занятия

1. Получение учебно-методических навыков выпуска наглядной информации: информационных листов, фотогазет, стенных газет, молний; подготовки статьи в газету, информации для размещения на сайте, презентации о мероприятии, изготовления видеоролика (в составе творческих коллективов, по 2–3 человека).

2. Представление и защита изготовленных материалов.

Реализация игровых технологий развивающего обучения в рамках практико-ориентированного подхода по овладению умениями и навыками в работе с наглядной информацией проходила через учебный коллектив, когда сами обучающиеся оказывали духовно-нравственное влияние и «воспитывающее воздействие» друг на друга, работая в составе малых групп (по 3–4 человека). Такой формат позволил реально сделать обучение воспитывающим, создав условия для диалога на занятии, в ходе которого выслушивалось не только собственное мнение обучающихся, но и формировалось умение его отстоять при уважении права на свою точку зрения остальных участников.

5. Технологии учебной деловой игры и проведения дебатов

Реализация этих технологий осуществлялась в рамках практического занятия по учебной дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет» со слушателями выпускного курса – будущими специалистами по вопросам миграции, обучающимися на факультете подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка. Тема занятия: «Мораль и право в правоохранительной деятельности»

Место проведения: учебная аудитория взвода. В рамках занятия помимо достижения учебных целей решались задачи воспитания нравственно-этических качеств личности обучающихся и формирования государственно-патриотического мировоззрения.

Содержание занятия

Проведение учебной деловой игры по решению различных заданий после просмотра заранее подобранных видеофрагментов известных кинофильмов на правоохранительную тематику: «Место встречи изменить нельзя», «Ликвидация» по следующей схеме: просмотр фрагмента, после чего оценка возникшей ситуации учебными коллективами (герой или героиня кинематографического эпизода – правы или нет?) и выработка предложений по оптимальной модели поведения сотрудников с поиском наиболее эффективного управленческого решения с позиций соответствия нравственно-этическим категориям Добра, Долга, Чести, Совести, Справедливости, Блага, Ответственности.

Постановочные вопросы:

1.1. «Вор должен сидеть в тюрьме и людей не беспокоит, каким образом я его туда упрячу!» Вы согласны со словами оперативника Глеба Жеглова?

1.2. Может ли сотрудник правоохранительных органов идти на прямые контакты с криминальным миром для получения оперативной информации? Об участии главного героя фильма «Ликвидация» подполковника милиции Гоцмана в сходке «воров в законе».

1.3. Можно ли бороться с преступностью, самому нарушая закон? О конфликте киногероев подполковника милиции Давида Гоцмана и Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

В рамках деловой игры прошли дебаты, для чего коллектив учебного взвода был поделен на три игровых группы с разными задачами: первые две высказывали противоположные аргументированные мнения с целью убедить представителей третьей группы в правильности своей позиции. «Последнее слово» оставалось за преподавателем.

2. Достижению эффекта учебной деловой игры способствовало последующее проведение викторины в формате популярной телевизионной программы «Своя игра» по основным вопросам нравственно-этического воспитания сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) под руководством адъюнкта очной адъюнктуры лейтенанта полиции А. Р. Шарипкуловой в составе игровых коллективов и анкетирование по выявлению проблем в содержании учебного и воспитательного процесса.

Выбор и реализация технологий учебной деловой игры и проведения дебатов, в ходе которых состоялся публичный обмен мнениями с целью убедить в правильности своих позиций «третью сторону», позволило создать атмосферу творческого обсуждения морально-этических проблем в деятельности правоохранительных органов, в т. ч. с позиций сегодняшнего дня. Решению воспитательных задач способствовало также обращение к теме нравственного стандарта антикоррупционного поведения, требованиям Кодекса этики и служебного поведения сотрудников ОВД, раскрытых в сообщениях обучающихся с последующим обсуждением в ходе занятия.

6. Технологии проведения интеллектуальной (ролевой) игры и развития критического мышления

Применение данных технологий осуществлялось в рамках практического занятия по учебной дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет» с курсантами факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России. Тема: «Моральный выбор в поведении и деятельности сотрудников органов внутренних дел».

Перед занятием ставилась основная цель: в рамках обращения к историко-литературному наследию прошлого добиться совершенствования нравственно-этических качеств личности обучающихся, формирования правового сознания и правовой культуры поведения, выполнения норм служебной этики и правил этикета.

Содержание занятия

1. Сообщения курсантов на темы:

1.1. «Лучшие литературные и кинематографические произведения о сотрудниках правоохранительных органов».

1.2. «Историческая память: сотрудники ОВД в топонимике Санкт-Петербурга».

1.3. «Добро или Зло. Спаситель или Злодей»: следователь Порфирий Петрович в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

2. Просмотр фрагмента кинофильма «Преступление и наказание» (режиссер Л. Кулиджанов, 1969) о беседе следователя с человеком, подозреваемым в совершении преступления.

3. Литературно-историческая реконструкция курсантами учебного взвода одной из встреч пристава следственной части Санкт-Петербургской полиции Порфирия Петровича и Родиона Раскольникова.

4. Обсуждение вопросов (проведение дискуссии):

- 4.1. Порфирий Петрович: циник или моралист?
- 4.2. Этические нормы поведения сотрудника полиции в этой сцене.
- 4.3. Моральный выбор и служебный долг: соотношение понятий.

Технологии проведения интеллектуальной (ролевой) игры и развития критического мышления, реализованные на этом занятии, способствовали раскрытию содержания внутреннего мира самих обучающихся. Основными факторами здесь стали побуждение к познавательной активности через когнитивную сферу личности каждого курсанта с учетом его интересов и склонности к творчеству.

7. Сочетание учебно-воспитательных технологий и научной деятельности обучающихся в ходе проведения занятия

Реализация осуществлялась на практическом выездном занятии по дисциплине «Профессиональная этика и служебный этикет» по теме «Формирование морального облика сотрудников ОВД» с курсантами первого курса факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений. К проведению занятий была вновь привлечена адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России лейтенант полиции А. Р. Шарипкулова, работающая над исследованием проблем профессионального воспитания.

Достижению поставленных целей занятия – формированию государственно-патриотического мировоззрения, защите исторической памяти и укреплению традиций правоохранительной службы – способствовали динамизм, четкая организация и высокий уровень служебной дисциплины курсантов, определение трех учебных точек в разных воспитывающих пространствах.

Занятие началось на улице Генерала Папченко – командира легендарной 21-й дивизии войск НКВД СССР, защищавшей Урицкий рубеж обороны в годы Великой Отечественной войны, было продолжено в Центре культуры и досуга «Кировец», где в годы войны был штаб дивизии, а сейчас оформлена экспозиция о боевом пути соединения. Завершилось занятие участием курсантов в работе секций молодых исследователей международной научно-теоретической конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития», где они познакомились с историческим и духовным наследием Великой Победы.

8. Технологии коллективного творческого дела и исследовательской деятельности

Помимо учебных занятий, о которых шла речь выше, воспитательный эффект приносит и правильно организованная научно-исследовательская работа. Речь идет об участии курсантов и слушателей в реализации научных и социальных проектов. Рассмотрим это на примере деятельности научного кружка кафедры управления персоналом и воспитательной работы (руководитель – доцент кафедры, кандидат юридических наук В. А. Смородина).

1. В 2022–2023 гг. в Санкт-Петербургском университете МВД России был реализован общественно-патриотический проект о присвоении названия улицы Генерала Папченко одному из безымянных проездов Красносельского района г. Санкт-Петербурга¹².

В рамках проекта курсанты активно занимались архивной работой, участвовали в конкурсах и научно-представительских мероприятиях, готовили документы для Топонимической комиссии г. Санкт-Петербурга (историческую справку, обоснования), выполняли поручения в рамках организации взаимодействия с органами государственной власти и общественными организациями.

Реализация проекта завершилась проведением в преддверии 78-ой годовщины Великой Победы торжественного митинга в честь открытия улицы и научно-практической конференции о боевом пути 21-й дивизии войск НКВД и ее командира. В мероприятиях приняли участие руководители органов государственной власти и силовых структур, представители всех факультетов вуза, а также потомки генерала, приехавшие из различных российских регионов.

2. Участие в подготовке тематической экспозиции – выставке «Славные традиции питерской полиции: покой родного города беречь и охранять» к Дню сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Торжественное открытие выставки состоялось 8 ноября 2023 г. в администрации Адмиралтейского района г. Санкт-Петербурга.

В рамках подготовки курсанты проводили сбор и обработку документов, материалов по истории дореволюционной полиции и советской милиции, предметов экипировки,

¹² Генерал-майор Михаил Данилович Папченко – командир 21-й дивизии войск НКВД СССР, защищавшей Урицкий рубеж в ходе героической обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рубеж проходил в двух километрах от расположения Санкт-Петербургского университета МВД России.

снаряжения, обмундирования, личных вещей сотрудников, исследование вклада органов правопорядка в героическую оборону Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курсанты приняли участие в подготовке сценария, исполнении песен и стихов. В течение всего срока работы выставки курсанты проводили экскурсии с посетителями выставки, преимущественно из числа учащейся молодежи.

Использование технологий коллективного творческого дела и исследовательской деятельности, помимо обеспечения организационных вопросов, позволило решить воспитательные задачи формирования гражданско-патриотических качеств обучающихся, чувства сопричастности к судьбе Отечества, сохранения исторической памяти, навыков поисковой деятельности, а также таких личных качеств, как социальная активность, самостоятельность, ответственность, организованность, дисциплина, коммуникабельность.

Обсуждение

Проведение занятий по вышеуказанным дисциплинам обучения в рамках предложенных методик позволило не только добиться решения учебных задач, но и способствовало активизации познавательной деятельности обучающихся и укреплению их мировоззренческих ценностей.

Данные вопросы были подняты автором в докладе на Всероссийской научно-практической конференции «Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития», прошедшей в Санкт-Петербургском университете МВД России 6 декабря 2023 г. В марте 2024 г. автором был представлен проект о применении технологий воспитывающего обучения в образовательных организациях МВД России в рамках номинации «Положительный опыт проведения занятий и использования инноваций в учебно-воспитательном процессе в целях совершенствования направления деятельности» с последующим выступлением на заседании методического совета университета. Доклад и проект получили высокую оценку и вызвали большой интерес среди научно-педагогических работников образовательных организаций системы МВД России и практических сотрудников территориальных ОВД.

Заключение

Можно сделать вывод, что применение рассмотренных технологий развивающего обучения и воспитания формирует государственно-патриотическое мировоззрение курсантов и слушателей образовательных организаций, воспитывает любовь к Отечеству и укрепляет морально-психологическую готовность к его защите.

Проведение дискуссий и дебатов, историко-литературных реконструкций и викторин, создание специальных воспитывающих ситуаций, решение тестовых задач, использование творческого потенциала деловых и ролевых игр с обращением к лучшим произведениям мировой и отечественной литературы и кинематографа, моральное стимулирование познавательной активности, обеспечение воспитывающего воздействия самого преподавателя, работа в составе малых групп, выезды на мемориальные и культурно-исторические объекты позволили создать на занятиях творческую атмосферу, и успешно решить все учебные и воспитательные задачи.

Перспективным направлением педагогической деятельности, позволяющей готовить настоящих профессионалов, укреплять мировоззренческие ценности, воспитывать «словом и делом», является и привлечение курсантов и слушателей к различным научным и социальным проектам патриотического содержания.

Все это требует от научно-педагогического состава образовательных организаций, сотрудников органов управления, должностных лиц факультетского и курсового звена искренней заинтересованности в своей работе, стремления к выстраиванию уважительного, содержательного и интересного диалога с курсантами и слушателями. Особенно это важно в современной геополитической обстановке. Вспомним поэтические строки Александра Сергеевича Пушкина, в своем знаменитом стихотворении «Клеветникам России» (1831) очень четко давшего оценку общественно-политической ситуации в мире. Поэт, обращаясь тогда к врагам России, почти два века назад писал:

«Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?»

Иль нам с Европой спорить ново?»¹³.

Наполеону Бонапарту, провозглашенному в 1804 году Сенатом Франции Императором французов, перед походом 1812 г. в Россию приписывают слова: «География – это приговор». Россия всегда притягивала к себе внимание многочисленных агрессоров: от нашествия Тевтонского ордена в 1242 г. до вторжения нацистской Германии в 1941 г. Но при этом наши противники в конечном счете неизменно терпели поражения. Несколько попыток в истории последнего тысячелетия добиться мирового господства – монгольское нашествие, войны наполеоновской Франции, развязанная фашизмом Вторая Мировая война 1939–1945 гг. – потерпели крах именно в России. Не важно, как она называлась на определенных исторических этапах развития – Московское княжество, Российская империя или Советское государство. Наш великий народ был и всегда будет народом-победителем. Об этом мы должны всегда говорить на занятиях и воспитывать в наших курсантах и слушателях уверенность в великом будущем нашего государства.

Список литературы

1. Южанинова Е. В. «Лучший педагог среди философов, лучший философ среди педагогов»: к 245-летию со дня рождения Иоганна Фридриха Гербарта // Историко-педагогический журнал. – 2022. – № 1. – С. 69–80.
2. Скрябина Т. О. Педагогические взгляды Джона Локка // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 3 (28). – С. 134–136; <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-28-133-136>.
3. Моносзон Э. И. Проблемы теории и методики коммунистического воспитания школьников. – Москва: Педагогика, 1978. – 200 с.
4. Амонашвили Ш. А. Воспитательная образовательная функция оценки учения школьников. – Москва: Педагогика, 1984. – 298 с.
5. Бабанский Ю. К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса : Методические основы. – Москва: Просвещение, 1982. – 192 с.
6. Коротов В. М. Воспитывающее обучение – Москва: Просвещение, 1980. – 192 с.
7. Лихачев Б. Т. Реализация комплексного подхода к воспитательной работе с учащимися средней школы // Советская педагогика. – 1980. – № 12. – С. 78–89.
8. Скаткин М. Н., Цетлин В. С., Краевский В. В. [и др.] Теоретические основы содержания общего среднего образования / под ред. В. В. Краевского, И. Я. Лернера. – Москва: Педагогика, 1983. – 352 с.
9. Козлова Н. И. Развитие теории воспитывающего обучения в истории отечественной педагогической науки // Вестник Читинского государственного университета. – 2007. – № 4 (45). – С. 128–133.
10. Кумарин В. В. Как воспитывающее обучение окончательно изгнало из школы воспитание // Народное образование. – 2000. – № 8. – С. 183–199.
11. Новиков В. Н., Рудаев С. А. Реализация технологий воспитывающего обучения в образовательном процессе современного высшего военно-учебного заведения // Человеческий капитал. – 2022. – № 1 (157). – С. 145–154; <https://doi.org/10.25629/НС.2022.01.15>.
12. Ильин Г. Л. Развивающее обучение или развивающее образование // Педагогика и психология образования. – 2009. – № 4. – С. 90–101.
13. Чапаев Н. К. Педагогическая интеграция: методология, теория, технология : монография. – 3-е изд., доп. и перераб. – Екатеринбург: Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2019. – 372 с.
14. Коповая О. В., Ерофеева М. А., Шанин С. В. Профессиональная культура педагога как условие организации эффективного педагогического взаимодействия // Прикладная психология и педагогика. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 12–24.
15. Зверев С. Э. Извлекая из забвения. Воспитывающее обучение: история и современность // Вестник военного образования. – 2018. – № 4 (13). – С. 95–99.
16. Зотова О. А. Педагогические идеи И.Ф. Гербарта // Форум молодых ученых. – 2019. – № 11 (39). – С. 164–166.
17. Напольских Н. Б. Понятие «воспитывающее обучение» в контексте современного образования // Science of Europe. – 2020. – № 52-4 (52). – С. 25–27.

¹³Пушкин А. С. Клеветникам России // Международная выставка-форум «Россия» : [сайт]. – URL: <https://www.culture.ru/poems/4966/klevetnikam-rossii> (дата обращения: 28.12.2023).

References

1. *Yuzhaninova Ye. V.* «Luchshiy pedagog sredi filosofov, luchshiy filosof sredi pedagogov»: k 245-letiyu so dnya rozhdeniya Ioganna Fridrikha Gerbarta // Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal. – 2022. – № 1. – S. 69–80.
2. *Skryabina T. O.* Pedagogicheskiye vzglyady Dzhona Lokka // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. – 2020. – № 3 (28). – S. 134–136; <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-28-133-136>.
3. *Monoszon E. I.* Problemy teorii i metodiki kommunisticheskogo vospitaniya shkol'nikov. – Moskva: Pedagogika, 1978. – 200 s.
4. *Amonashvili Sh. A.* Vospitatel'naya obrazovatel'naya funktsiya otsenki ucheniya shkol'nikov. – Moskva: Pedagogika, 1984. – 298 s.
5. *Babanskiy Yu. K.* Optimizatsiya uchebno-vospitatel'nogo protsessa : Metodicheskiye osnovy. – Moskva: Prosveshcheniye, 1982. – 192 s.
6. *Korotov V. M.* Vospityvayushcheye obucheniye – Moskva: Prosveshcheniye, 1980. – 192 s.
7. *Likhachev B. T.* Realizatsiya kompleksnogo podkhoda k vospitatel'noy rabote s uchashchimisya sredney shkoly // Sovetskaya pedagogika. – 1980. – № 12. – S. 78–89.
8. *Skatkin M. N., Tsetlin V. S., Krayevskiy V. V. [i dr.]* Teoreticheskiye osnovy sodержaniya obshchego srednego obrazovaniya / pod red. V. V. Krayevskogo, I. Ya. Lerner. – Moskva: Pedagogika, 1983. – 352 s.
9. *Kozlova N. I.* Razvitiye teorii vospityvayushchego obucheniya v istorii otechestvennoy pedagogicheskoy nauki // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 4 (45). – S. 128–133.
10. *Kumarin V. V.* Kak vospityvayushcheye obucheniye okonchatel'no izgnalo iz shkoly vospitaniye // Narodnoye obrazovaniye. – 2000. – № 8. – S. 183–199.
11. *Novikov V. N., Rudayev S. A.* Realizatsiya tekhnologiy vospityvayushchego obucheniya v obrazovatel'nom protsesse sovremennogo vysshego voyenno-uchebnogo zavedeniya // Chelovecheskiy kapital. – 2022. – № 1 (157). – S. 145–154; <https://doi.org/10.25629/HC.2022.01.15>.
12. *Il'in G. L.* Razvivayushcheye obucheniye ili razvivayushcheye obrazovaniye // Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. – 2009. – № 4. – S. 90–101.
13. *Chapayev N. K.* Pedagogicheskaya integratsiya: metodologiya, teoriya, tekhnologiya : monografiya. – 3-ye izd., dop. i pererab. – Yekaterinburg: Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo professional'no-pedagogicheskogo universiteta, 2019. – 372 s.
14. *Kopovaya O. V., Yerofeyeva M. A., Shanin S. V.* Professional'naya kul'tura pedagoga kak usloviye organizatsii effektivnogo pedagogicheskogo vzaimodeystviya // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. – 2021. – T. 6. – № 4. – S. 12–24.
15. *Zverev S. E.* Izvlekaya iz zabveniya. Vospityvayushcheye obucheniye: istoriya i sovremennost' // Vestnik voyennogo obrazovaniya. – 2018. – № 4 (13). – S. 95–99.
16. *Zotova O. A.* Pedagogicheskiye idei I.F. Gerbarta // Forum molodykh uchenykh. – 2019. – № 11 (39). – S. 164–166.
17. *Napol'skikh N. B.* Ponyatiye «vospityvayushcheye obucheniye» v kontekste sovremennogo obrazovaniya // Science of Europe. – 2020. – № 52-4 (52). – S. 25–27.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted December 20, 2023; approved after reviewing April 26, 2024; accepted for publication May 13, 2024.

Методология и технология профессионального образования

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-232-240>

Мария Александровна Ерофеева

доктор педагогических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-7176-513X>, erofeeva-ma72@yandex.ru

Дарья Андреевна Харламова

<https://orcid.org/0000-0003-0126-2777>, e-kharlamova.dashulya@yandex.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Дидактический потенциал электронного курса при подготовке курсантов – будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних

Аннотация: Введение. Онлайн-технологии становятся все более доступными и популярными среди молодежи. Однако это не только открывает новые возможности для общения и обучения, но и создает риск вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. Особенно остро в настоящее время стоит вопрос влияния деструктивных интернет-сообществ, которые пропагандируют свою деструктивную деятельность в социальных сетях и вовлекают в нее несовершеннолетних. С распространением интернета несовершеннолетние в виртуальном мире все чаще подвергаются влиянию людей, вовлекающих их в деструктивные интернет-сообщества. В статье рассмотрен вопрос подготовки курсантов – будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) к профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. **Методы исследования.** В исследовании использованы теоретический анализ педагогической и учебной литературы, нормативных правовых актов и источников сети «Интернет», общенаучные методы научного познания. **Результаты.** Рассматривая профилактическую деятельность, связанную с предупреждением вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества, необходимо отметить, что это очень непростое дело. Однако в процессе обучения у курсантов будут формироваться знания, умения и навыки деятельности, направленной на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества, что даст возможность облегчить реализацию профилактической работы будущим сотрудникам ПДН и при этом подготовить действительно квалифицированных специалистов. В связи

с этим были разработаны авторский электронный курс «Профилактическая деятельность сотрудника ПДН в социальных сетях» и методические рекомендации по его использованию в условиях учебного процесса при подготовке будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, деструктивные интернет-сообщества, профилактика, курсант, профессиональная подготовка, дистанционные образовательные технологии, электронный курс

Для цитирования: Ерофеева М. А., Харламова Д. А. Дидактический потенциал электронного курса при подготовке курсантов – будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 232–240; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-232-240>.

Maria A. Erofeeva

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-7176-513X>, erofeeva-ma72@yandex.ru

Daria A. Kharlamova

<https://orcid.org/0000-0003-0126-2777>, e-kharlamova.dashulya@yandex.ru

*Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Didactic potential of the e-course in the training of cadets – future juvenile inspectors

Abstract: Introduction. Online technologies are becoming increasingly accessible and popular among young people. However, this not only opens up new opportunities for communication and learning, but also creates the risk of involving minors in destructive Internet communities. Especially urgent issue today is the influence of destructive Internet communities, which promote their destructive activities in social networks and involve minors in them. With the spread of the Internet, minors in the virtual world are increasingly exposed to the influence of people involving them in destructive Internet communities. The article deals with the issue of training cadets – future juvenile inspectors to prevent the involvement of minors in destructive Internet communities. **Research methods.** The research involves theoretical analysis of pedagogical and educational literature, normative legal acts and Internet sources, general scientific methods of scientific cognition. **Results.** Considering the preventive activities related to preventing the involvement of minors in destructive Internet communities, it should be noted that this is a very difficult matter. However, during the training process the cadets will develop knowledge, skills and abilities of activities aimed at preventing the involvement of minors in destructive Internet communities, which will make it possible to facilitate the implementation of preventive work for future employees of the Department of Internal Affairs and, at the same time, to train really qualified specialists. In this regard, the author's e-course "Preventive Activities of a Child Abuse Prevention Officer in Social Networks" and methodological recommendations for its use in the educational process for future juvenile inspectors were developed.

Keywords: minor, destructive Internet communities, prevention, cadet, professional training, distance education technologies, e-course

For citation: Erofeeva M. A., Kharlamova D. A. Didactic potential of the e-course in the training of cadets – future juvenile inspectors // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 232–240; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-232-240>.

Введение

Современные тенденции и внедрение цифровых ресурсов практически во все сферы деятельности человека заставляют задуматься о том, какое негативное воздействие они могут оказать на человечество, особенно на подрастающее поколение. Онлайн-технологии становятся все более доступными и популярными среди молодежи. Однако это не только открывает новые возможности для общения и обучения, но и создает риск вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. Для современных несовершеннолетних достаточно значима социализация в социальных сетях, при этом они не всегда могут «отфильтровать» полезную информацию от негативной, понять, что на них оказывают скрытое манипулятивное воздействие. С широким распространением негативного контента на интернет-платформах увеличивается и количество несовершеннолетних, у которых формируется деструктивное поведение, что в конечном счете приводит не только к разрушению личности несовершеннолетнего, но и к совершению им противоправных действий [1; 2]. «Деструктивное воздействие сети Интернет можно интерпретировать как скрытое психологическое воздействие, которое приводит к деструктивному и (или) делинквентному поведению несовершеннолетних» [3, с. 114].

Особенно остро в настоящее время стоит вопрос влияния деструктивных интернет-сообществ, которые пропагандируют свою деятельность в социальных сетях и вовлекают в нее несовершеннолетних. По мнению профессора С. А. Ивановой, «мир живет в условиях повсеместной и нарастающей компьютеризации и информатизации, в т. ч. в образовании и в частной жизни. При всех плюсах новых форм коммуникации, современных технологиях обучения и организации производственных процессов, существуют и немалые риски. Так, возрастает опасность вовлечения детей и подростков в деструктивные сообщества. И подчас оказывается, что помощь со стороны взрослых (и педагогов, и родителей) приходит слишком поздно или не успевает прийти до наступления трагических, необратимых последствий такого вовлечения. В связи с этим профилактика вовлечения детей и подростков в деструктивные сообщества особенно актуальна» [4, с. 87]. М. Ю. Пучнина и А. В. Пучнин в своих исследованиях отмечают, что «современная онлайн-культура вызывает трансформации в важнейших сферах жизни человека, испытывающих как позитивное, так и негативное воздействие. В настоящее время значительную роль в формировании мировоззрения и социализации подрастающего поколения играют виртуальные сообщества. К сожалению, это используется в том числе и представителями преступного мира, которые благодаря социальному сегменту сети Интернет активно продвигают свои идеи, привлекая последователей»¹. И. Лукашева отмечает, что «киберпространство стало альтернативной средой для социализации подрастающего поколения, влияние которой является специфическим по форме и содержанию, а также малоизучено в отношении неоднозначности последствий для становления личности» [5, с. 100].

Нельзя не согласиться с мнениями указанных выше авторов, ведь в современном мире практически у каждого несовершеннолетнего имеется смартфон, а также личные страницы в социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Telegram», «TikTok» и т. д. В большинстве случаев родителям достаточно сложно отследить, какие страницы, сообщества посещает несовершеннолетний [12]. С распространением интернета несовершеннолетние в виртуальном мире подвергаются и влиянию людей, вовлекающих их в деструктивные интернет-сообщества. В связи с этим, на наш взгляд, актуален вопрос подготовки курсантов – будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) к профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества.

Цель исследования: проанализировать научную и учебную литературу по исследуемой проблеме, теоретически обосновать разработанный авторский электронный курс «Профилактическая деятельность сотрудника ПДН в социальных сетях» и предложить методические рекомендации по использованию данного электронного курса в рамках учебного процесса при подготовке будущих сотрудников ПДН.

Методы

Теоретический анализ педагогической и учебной литературы, нормативных правовых актов и источников сети «Интернет», общенаучные методы научного познания.

¹ Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 115; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-115-120>.

Результаты и обсуждение

Подчеркнем, что основные статусные полномочия сотрудника ПДН определены в следующих нормативных правовых актах: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»², приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»³. На основании данных нормативных актов сотрудники ПДН обязаны проводить как индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними, так и выявлять лиц, которые вовлекают их в совершение преступлений, другие антиобщественные действия. «Кроме того, сотрудники ПДН обязаны незамедлительно информировать Роскомнадзор о выявлении сайтов, распространенных на платформе сети Интернет, пропагандирующих суицид, либо иные противоправные действия, которые могут нанести вред жизни и здоровью несовершеннолетних» [6, с. 68].

Отметим, что, согласно вышеперечисленным нормативным правовым актам, деятельность по защите прав и законных интересов несовершеннолетних, а также профилактическая деятельность находятся в компетенции сотрудников ПДН.

Рассматривая профилактическую деятельность, связанную с предупреждением вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества, необходимо отметить, что это очень непростое дело. Однако в процессе обучения у курсантов будут формироваться знания, умения и навыки деятельности, направленной на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества, что даст возможность облегчить реализацию профилактической работы будущим сотрудникам ПДН и при этом подготовить действительно квалифицированных специалистов.

В первую очередь необходимо отметить, что вопросы подготовки курсантов к профилактической деятельности изучались многими учеными, такими как М. А. Башлуева, М.А. Ерофеева, Д. О. Заречнев, Н. М. Сафин, Е. В. Фогель, Р. И. Чанышев и др. [7–11]. Мы же рассматриваем *подготовку* курсантов к вышеуказанной деятельности как процесс ускоренного приобретения обучающимися знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения определенной работы.

Мы акцентируем внимание на навыках, которые необходимы будущим сотрудникам ПДН для деятельности по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества:

- мониторинг личных страниц несовершеннолетних в социальных сетях;
- подготовка профилактических методических материалов (для несовершеннолетних лиц, их родителей, законных представителей, представителей научно-педагогических коллективов образовательных учреждений);
- умение выявлять и анализировать деструктивные сайты информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Использование дистанционных образовательных технологий [6; 12–15] в образовательном процессе получает все более широкое распространение в современном мире. В рамках Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴ закреплено такое понятие, как «дистанционные образовательные технологии». Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников (ст. 16).

В рамках деятельности кафедры педагогики УНК ПСД Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя нами были разработаны авторский электронный курс «Профилактическая деятельность сотрудника ПДН в социальных сетях»⁵ и методические рекомендации по использованию данного электронного курса, которые описаны ниже. Структура авторского электронного курса представлена на рисунке 1.

² О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2011. – № 7. – Ст. 900.

³ Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 (зарег. в Минюсте России 06.02.2014, № 31238; ред. от 31.12.20218) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2014. – № 11.

⁴ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

⁵ Харламова Д. А. Профилактическая деятельность сотрудника ПДН в социальных сетях : электронный курс // Stepik. – URL: <https://stepik.org/course/132423/syllabus> (дата обращения: 20.04.2024).

Тематическим планом учебной дисциплины «Тренинг комплексного моделирования профессионально-служебной деятельности» предусмотрено проведение только практических занятий и самостоятельная подготовка.

Рис. 1. Структура авторского электронного курса «Профилактическая деятельность сотрудника ПДН в социальных сетях»

Мы организуем работу с темами № 2 («Моделирование ситуаций профессионально-служебной деятельности сотрудника ПДН во взаимодействии с несовершеннолетними с девиантным поведением») и № 3 («Моделирование ситуаций профессионально-служебной деятельности сотрудника ПДН во взаимодействии с родителями несовершеннолетних с девиантным поведением»), в рамках которых предусмотрена проработка следующих вопросов:

- конкретизация и обоснование вида девиантного поведения несовершеннолетнего (-их), представленного несовершеннолетним в социально-педагогической ситуации;
- определение позиции несовершеннолетнего (жертва или нарушитель);
- алгоритм деятельности сотрудника ПДН в предлагаемых обстоятельствах;
- процедура взаимодействия с родителями в условиях родительского собрания;
- профессионально-служебные имитационные ситуации.

Данный электронный курс предусмотрен для подготовки к практическим занятиям (3–6 часов). Разработанный курс позволит обучающимся ознакомиться с материалом самостоятельно, после чего применять полученные знания на практических занятиях и решать учебные задачи.

Преподаватель перед проведением практического занятия предлагает обучающимся ознакомиться с разделами 1–7 первого модуля электронной разработки. Слушатели самостоятельно изучают информацию об известных деструктивных группах, основных их характеристиках, а также знакомятся с практическим заданием, которое непосредственно будут выполнять на занятии в аудитории.

В начале практического занятия преподаватель объявляет тему занятия, цель и задачи, после чего обучающиеся задают вопросы, которые возникли при самостоятельном

изучении материала. Далее преподаватель предлагает выполнить практическое задание, в электронной разработке (модуль 1, раздел 8, см. таблицу 1).

Таблица 1

Признаки вовлеченности несовершеннолетних в деструктивные группы

	Криминальные субкультуры	Футбольные хулиганы	Скулшутинг («Колумбайн»)*	Аутодеструктивное поведение	М.К.У.*
Психологические маркеры					
Маркеры внешнего вида					

Примечание:
* Скулшутинг («Колумбайн») признана террористической организацией на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2022 г. № АКПИ21-1059С (вступило в силу 11.03.2022); М.К.У. признана террористической организацией на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2023 г. № АКПИ22-1227С (вступило в силу 21.02.2023) // Федеральная служба безопасности Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 20.04.2024).

Также в рамках данного практического занятия предусмотрено задание, которое будет способствовать формированию навыка мониторинга сообществ в социальных сетях. Слушатели делятся на группы, им выдается дидактический материал, который они заполняют, и предоставляются ссылки на заранее подготовленные сообщества, найденные в социальной сети «ВКонтакте» (рисунок 2).

 ТАБЛИЦА ДЛЯ АНАЛИЗА ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА		
МАРКЕР	НАЛИЧИЕ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ (Да/нет)	Примеры
1) Название		
2) Статус		
3) Фотографии		
4) Видео		
5) Записи		
6) Комментарии		
Маркеры на которые так же необходимо обратить внимание и проанализировать		
1) Дата создания сообщества, активность. 2) Администратор сообщества (открытая/закрытая страница, возраст, аватарка, фотографии, записи). 3) Периодичность публикации деструктивности информации. 4) Количество подписчиков.		
ВЫВОД:		

Рис. 2. Дидактический материал

Далее в рамках домашнего задания преподаватель предлагает изучить 1–3 раздел второго модуля электронного курса. На следующем практическом занятии моделируется профессиональная ситуация по пройденному разделу. Например, ставится задача разработать алгоритм действий инспектора ПДН по профилактике негативного влияния контента сети «Интернет» на несовершеннолетнего или же подготовить проект (буклет, памятку), в котором отобразить информацию, необходимую для предоставления родителям на родительском собрании по теме «Профилактика вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы сети «Интернет»». В конце практического занятия преподаватель дает рекомендации по изучению 4 и 5-го разделов электронной разработки. В пятом разделе электронной разработки сформировано практическое задание.

На третьем практическом занятии преподаватель дает задание, предусмотренное разделом 5 второго модуля. Практическое задание заключается в следующем: разработать

интерактивную презентацию (Google-презентацию), памятку с помощью инфографики (графический способ передачи информации, информации в виде картинок) для родителей (законных представителей) по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. Также в данном разделе представлены цифровые ресурсы, с которыми можно ознакомиться и использовать для выполнения данного задания.

В заключении электронной разработки сформирован итоговый тест, по итогам которого преподаватель может проанализировать уровень базовой готовности обучающихся к реализации профессиональной деятельности в аспекте осуществления профилактики вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества.

Заключение

Необходимо отметить, что данный авторский электронный курс будет способствовать профессиональной подготовке будущих сотрудников ПДН в рамках деятельности по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные интернет-сообщества. В данном курсе аккумулирована информация о деструктивных группах; приведен алгоритм действий сотрудника ПДН при осуществлении профилактической деятельности; разработаны практические задания, а также предусмотрено итоговое тестирование, которое позволит преподавателю оценить сформированность знаний, умений и навыков у курсантов в вышеуказанной проблеме.

Список литературы

1. *Ерофеева М. А., Харламова Д. А., Жоков Д. В.* Деструктивное поведение несовершеннолетних как причинно-следственная связь их криминализации // Человеческий капитал. – 2023. – № 2 (170). – С. 233–240; <https://doi.org/10.25629/НС.2023.02.27>.
2. *Сердюк Н. В., Грищенко Л. Л., Столяренко А. М.* Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде // Психология и право : электронное издание. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 167–178; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080312>. – URL: <https://psyjournals.ru/journals/psylaw>.
3. *Гаврилина А. А., Харламова Д. А.* К вопросу подготовки будущих инспекторов ПДН к профилактической работе в цифровом пространстве / Журавлевские чтения. Трансформационные процессы в педагогической науке и образовании : материалы VI Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Василия Ивановича Журавлева, 11–16 февраля 2022 г. / отв. ред.: Н. А. Горлова. – Москва: Московский государственный областной университет, 2022. – С. 111–118.
4. *Иванова С. В., Садовникова Ж. В.* Влияние деструктивных сообществ на школьников: постановка проблемы // Ценности и смыслы. – 2022. – № 5 (81). – С. 83–92; <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-5-83-92>.
5. *Лукашкова И.* Деструктивные интернет-сообщества как рискогенный фактор социализации и развития личности несовершеннолетних // Thesaurus : сборник научных статей. – Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2022. – Вып. X: Коммуникация в эпоху постпандемии. – С. 99–105.
6. *Хаметдинова Г. Ф.* Полномочия инспектора подразделения по делам несовершеннолетних в сфере обеспечения безопасности детей в информационном пространстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 3 (40). – С. 65–70.
7. *Ерофеева М. А.* Педагогическая диагностика : монография. – Саратов: Саратовский источник, 2022. – 177 с.
8. *Никитская Е. А., Никитина Е. О.* Система подготовки сотрудников полиции к профилактической работе с несовершеннолетними девиантного поведения // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2019. – № 3. – С. 33–35.
9. *Павлов И. В., Павлова И. И., Фогель Е. В.* Готовность сотрудников ОВД к профилактике правонарушений несовершеннолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 2 (26). – С. 107–112.
10. *Ульянова И. В., Ерофеева М. А., Ананьин О. Ю.* Инновационные подходы в подготовке курсантов – будущих инспекторов по делам несовершеннолетних к профилактике деструктивных форм поведения подрастающего поколения // Прикладная психология и педагогика : сетевое издание. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 44–53; <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-3-44-53>. – URL: <https://naukaru.ru/en/nauka/journal/77/view>.
11. *Харламова Д. А.* К вопросу о необходимости профилактической работы инспектора по делам несовершеннолетних в аспекте медиабезопасности несовершеннолетних

// Прикладная психология и педагогика : сетевое издание. – 2023. – Т. 8. – № 1. – С. 188–193; <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-1-188-193>. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/3571/view>.

12. Вайндорф-Сыроева М. Е., Субочева М. Л. Цифровое обучение в контексте современного образования: практика применения : монография. – Москва: Диона, 2020. – 244 с.

13. Авадаева И. В., Анисимова-Ткалич С. К., Везетиу Е. В. [и др.]. Методологические основы формирования современной цифровой образовательной среды : монография. – Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2018. – 174 с.

14. Ахметжанова Г. В., Юрьев А. В. Цифровые технологии в образовании // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – С. 334–336.

15. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Вишнева А. Е., Теславская О. И., Чигарькова С. В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие : монография. – Москва: Акрополь, 2022. – 356 с.

References

1. Yerofeyeva M. A., Kharlamova D. A., Zhokov D. V. Destruktivnoye povedeniye nesovershennoletnikh kak prichinno-sledstvennaya svyaz' ikh kriminalizatsii // Chelovecheskiy kapital. – 2023. – № 2 (170). – S. 233–240; <https://doi.org/10.25629/HC.2023.02.27>.

2. Serdyuk N. V., Grishchenko L. L., Stolyarenko A. M. Psikhologo-pedagogicheskiye aspekty profilaktiki ekstremizma v molodezhnoy srede // Psikhologiya i pravo : elektronnoye izdaniye. – 2018. – Т. 8. – № 3. – S. 167–178; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080312>. – URL: <https://psyjournals.ru/journals/psylaw>.

3. Gavrilina A. A., Kharlamova D. A. K voprosu podgotovki budushchikh inspektorov PDN k profilakticheskoy rabote v tsifrovom prostranstve / Zhuravlevskiy chteniye. Transformatsionnyye protsessy v pedagogicheskoy nauke i obrazovanii: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati Vasiliya Ivanovicha Zhuravleva, 11–16 fevralya 2022 g. / otv. red.: N. A. Gorlova. – Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, 2022. – S. 111–118.

4. Ivanova S. V., Sadovnikova Zh. V. Vliyaniye destruktivnykh soobshchestv na shkol'nikov: postanovka problemy // Tsennosti i smysly. – 2022. – № 5 (81). – S. 83–92; <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-5-83-92>.

5. Lukashkova I. Destruktivnyye internet-soobshchestva kak riskogennyy faktor sotsializatsii i razvitiya lichnosti nesovershennoletnikh // Thesaurus : sbornik nauchnykh statey. – Mogilev: Mogilevskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus', 2022. – Vyp. X: Kommunikatsiya v epokhu postpandemii. – S. 99–105.

6. Khametdinova G. F. Polnomochiya inspektora podrazdeleniya po delam nesovershennoletnikh v sfere obespecheniya bezopasnosti detey v informatsionnom prostranstve // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 3 (40). – S. 65–70.

7. Yerofeyeva M. A. Pedagogicheskaya diagnostika : monografiya. – Saratov: Saratovskiy istochnik, 2022. – 177 s.

8. Nikitskaya Ye. A., Nikitina Ye. O. Sistema podgotovki sotrudnikov politsii k profilakticheskoy rabote s nesovershennoletnimi deviantnogo povedeniya // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2019. – № 3. – S. 33–35.

9. Pavlov I. V., Pavlova I. I., Fogel' Ye. V. Gotovnost' sotrudnikov OVD k profilaktike pravonarusheniy nesovershennoletnikh // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2006. – № 2 (26). – S. 107–112.

10. Ul'yanova I. V., Yerofeyeva M. A., Anan'in O. Yu. Innovatsionnyye podkhody v podgotovke kursantov – budushchikh inspektorov po delam nesovershennoletnikh k profilaktike destruktivnykh form povedeniya podrastayushchego pokoleniya // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika : setevoye izdaniye. – 2022. – Т. 7. – № 3. – S. 44–53; <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-3-44-53>. – URL: <https://naukaru.ru/en/nauka/journal/77/view>.

11. Kharlamova D. A. K voprosu o neobkhodimosti profilakticheskoy raboty inspektora po delam nesovershennoletnikh v aspekte mediabezopasnosti nesovershennoletnikh // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika : setevoye izdaniye. – 2023. – Т. 8. – № 1. – S. 188–193; <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-1-188-193>. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/3571/view>.

12. Vayndorf-Sysoyeva M. Ye., Subocheva M. L. Tsifrovoye obucheniye v kontekste sovremennogo obrazovaniya: praktika primeneniya : monografiya. – Moskva: Diona, 2020. – 244 s.

13. Avadayeva I. V., Anisimova-Tkalich S. K., Vezetiu Ye. V. [i dr.]. Metodologicheskiye osnovy formirovaniya sovremennoy tsifrovoy obrazovatel'noy sredy : monografiya. – Nizhniy Novgorod: Professional'naya nauka, 2018. – 174 s.

14. *Akhmetzhanova G. V., Yur'yev A. V. Tsifrovyye tekhnologii v obrazovanii // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – S. 334–336.*

15. *Soldatova G. U., Rasskazova Ye. I., Vishneva A. Ye., Teslavskaya O. I., Chigar'kova S. V. Rozhdennyye tsifrovymi: semeynyy kontekst i kognitivnoye razvitiye : monografiya. – Moskva: Akropol', 2022. – 356 s.*

Статья поступила в редакцию 06.04.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted April 6, 2024; approved after reviewing April 24, 2024; accepted for publication May 27, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 37.026

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-241-248>

Марина Римантасовна Илакавичус

доктор педагогических наук

<https://orcid.org/0000-0003-4706-2877>, marinaorlova_99@inbox.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Взаимосвязь воспитания и обучения в профессиональном образовании: реализация на основании гуманитарно-антропологического подхода

Аннотация: **Введение.** Актуальным направлением развития теории и практики отечественного высшего образования являются методология и проектирование учебно-воспитательного процесса на основании реализации воспитывающего обучения. На протяжении последних десятилетий во всей системе образования России наблюдается тенденция расхождения обучения и воспитания, нередко доходящая до их разновекторности в учебно-воспитательном процессе, который должен быть целостным. Компетентностно-ориентированный подход, являющийся основой профессионального образования, в этих условиях должен быть дополнен антропологической методологией. **Методы.** В исследовании использованы теоретические методы: анализ, синтез, абстрагирование, аналогия, моделирование. **Результаты.** Гуманитарно-антропологический подход обосновывает антропопрактику в качестве способа реализации взаимосвязи воспитания и обучения в образовательном процессе высшей школы. Она представлена как практика воспроизводства в образовании гуманности в ее значении, принятом в российской культуре. В ней создаются условия для освоения знаний, развития опыта деятельности по образцу и в нестандартных условиях (что составляет компетентность), а также для осмысления ценностей профессии. Ценности профессии мотивируют человека на выполнение трудовых действий, сущностно тяжелых, сложных, проблемных. Таким образом, в профессиональном образовании обучающийся получает возможность для осмысления нормативного и ценностного компонентов профессионального труда в их единстве. Предложены этапы создания антропопрактик (концептуальный, этапы проектирования и сценирования), раскрыто их содержание. Технологизация деятельности педагога высшей школы в этом случае направлена на удержание ценностных оснований профессиональной деятельности.

Ключевые слова: высшее образование, профессиональное воспитание, взаимосвязь воспитания и обучения, воспитывающее обучение, гуманитарно-антропологический подход

Для цитирования: Илакавичус М. Р. Взаимосвязь воспитания и обучения в профессиональном образовании: реализация на основании гуманитарно-антропологического подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 241–248; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-241-248>.

Marina R. Ilakavichus

Dr. Sci. (Ped.)

<https://orcid.org/0000-0003-4706-2877>, marinaorlova_99@inbox.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Interrelationship of education and training in professional education: realization on the basis of humanitarian-anthropological approach

Abstract: Introduction. The current development direction of domestic higher education theory and practice is the methodology and design of the educational process on the basis of the implementation of personality-building education. Over the past decades, the entire Russian education system has been experiencing the tendency of weakening of connection between training and education, often leading to their divergence in the educational process, which should be integral. Competence-oriented approach, which is the basis of professional education, in these conditions should be supplemented by anthropological methodology. **Methods.** The study used theoretical methods: analysis, synthesis, abstraction, analogy, modeling. **Results.** The humanitarian-anthropological approach justifies anthropological practice as the way of reaching the interrelationship of education and training in the higher education process. It is presented as the practice of reproduction of humanity in education in its meaning accepted in Russian culture. It creates conditions for mastering knowledge, developing the experience of activity according to the model and in non-standard conditions (which constitutes competence), as well as for understanding the values of the profession. The professional values motivate a person to perform labor actions that are essentially hard, difficult, and problematic. Thus, in the course of professional training a learner gets the opportunity to comprehend the normative and value components of professional work in their unity. The steps of anthropological practice creation (conceptual, design and staging steps) are proposed, their content is revealed. Technologization of higher education teacher's activity in this case is aimed at retaining the value bases of professional activity.

Keywords: higher education, professional education, interrelation of education and training, personality-building education, humanitarian-anthropological approach

For citation: Ilakavicius M. R. Interrelationship of education and training in professional education: realization on the basis of humanitarian-anthropological approach // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – С. 241–248; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-241-248>.

Введение

Теория педагогики содержит научно-методологическое обоснование единства обучения и воспитания. Педагогическое сознание связывает с ним прежде всего принцип воспитывающего обучения. В справочной литературе находим, что это «обучение, при котором достигается органическая связь между приобретением учащимися знаний, умений, навыков, усвоением опыта творческой деятельности и формированием эмоционально-ценностного отношения к миру, друг к другу, к усваиваемому учебному материалу»¹. Данное определение отражает современную интерпретацию принципа, который в истории педагогики связан с именем И. Ф. Гербарта, искавшего методические пути умственного развития обучающихся во взаимосвязи с чувственной и волевой сферой их личности. Не вдаваясь в подробности, заметим, что предложенный им путь обучения с применением дисциплинарных практик (фактически система наказаний и поощрений, за что ее нередко называют «нравственной муштрой») обусловлен исторической спецификой субъект-объектной модели научения, эффективность которой в современной социокультурной ситуации видится крайне дискуссионной. Принцип воспитывающего обучения И. Ф. Гербарта продолжает оставаться актуальным. Е. Б. Плотникова интерпретирует его так: «Воспитание в обучении – это непрерывное преобразование интеллектуальной деятельности человека с учетом факторов его социализации» [1, с. 152]. Однако данный принцип не исчерпывает древний смысл единства воспитания и обучения.

Идея аксиоматичности их естественной связи развивалась веками. Антропологическая ориентация отечественной педагогики, акцент на необходимость удержания

¹ Воспитывающее обучение / Российская педагогическая энциклопедия / Академик : [сайт]. – URL: https://pedagogicheskaya.academic.ru/847/ВОСПИТЫВАЮЩЕЕ_ОБУЧЕНИЕ (дата обращения: 21.12.2023).

онтологической укорененности образовательных практик заявлена в формулировке их личностной цели Н. И. Пирогова: «Ищи и будь человеком» [2, с. 58]. Эта «сплавленность» воспитания и обучения в полной мере обоснована отцом российской педагогики – К. Д. Ушинским. В контексте современной теоретической педагогики подлинный результат учения (понимание и реализация) достижим тогда, когда в образовательном процессе преодолевается отчужденность познающего субъекта от мира, который предстает перед ним; когда содержание переживается обучающимся, который самоопределяется по отношению к нему. Размышления о потенциале взаимосвязи воспитания и обучения шли и идут прежде всего по отношению к школьной дидактике. Именно в ней Е. Б. Плотниковой была выявлена тенденция критического расхождения процессов воспитания и обучения, имеющих зачастую разнонаправленный характер [1]. Указанная тенденция характеризует и образовательный процесс высшей школы, что подвергает риску кадровый потенциал всех профессий, особенно профессий служения (врачи, учителя, воинство, правоохранители).

В современном педагогическом дискурсе аксиоматичность взаимосвязи воспитания и обучения проявляется в вариациях понятий «воспитывающее обучение», «воспитывающая функция обучения», «принцип взаимообусловленности обучения» и является признанием онтологической укорененности взаимосвязи воспитания и обучения, критически значимой для достижения сверхзадачи образования – воспроизводства т. н. «человеческого качества», гуманности (от лат. *humanus* – человеческий) [3]. У В. И. Даля читаем: гуманность – «человечность, людскость; благодущие, человеколюбие, милосердие; любовь к ближнему»². Именно эти ценности должны быть положены в основу труда, следовательно, представлены в профессиональном образовании как элементы его содержания, подлежащие освоению путем реализации взаимосвязи воспитания и обучения.

Сегодня мы имеем как минимум две стратегии ее реализации, посредством которых возможно решать задачу межпоколенной трансляции ценностей профессии. Первая, технократическая, основывается на механистическом, упрощенном понимании этого процесса, ее описывает метафора «передачи и усвоения» норм и ценностей. В ней обучающийся предстает объектом воздействия, процесс принятия ценностей профессии представляется линейным, побочным продуктом формирования компетенций. Он разворачивается как чередование этапов предоставления учебной информации и образцов славных представителей профессии, сопровождающееся призывами последовать их примеру. Реализация воспитательного компонента образовательного процесса методом исключительно словесной педагогики, без обращения к педагогической антропологии существенно снижает результаты, несет все риски индоктринации, блокирующей развитие человеческого потенциала. Второй вариант стратегии основан на гуманитарном понимании образования, ориентирован педагогической антропологией. Он представлен в педагогике понимания (Ю. В. Сенько), личностно-ориентированном (Е. В. Бондаревская, И. С. Якиманская, В. В. Сериков), гуманитарно-целостном подходе (Н. М. Борытко). На их основе складываются эффективные практики реализации взаимосвязи воспитания и обучения как праксеологический ответ на сложные вопросы организации современного образования. Проектирование образовательного процесса второго варианта проблемно, поскольку связано с поиском методических путей воссоздания человекообразных условий освоения ценностей профессии как базы для освоения знаний, умений, формирования компетенций. Гуманитарно-антропологический подход (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, М. В. Захарченко, А. А. Остапенко) имеет большой потенциал для решения этой задачи.

Методы

При проведении исследования использованы теоретические методы: анализ, синтез, абстрагирование, аналогия, моделирование.

Результаты и обсуждение

Гуманитарно-антропологическая методология имеет высокий потенциал в повышении эффективности реализации взаимосвязи воспитания и обучения в образовательном процессе высшей школы. Согласно ей в профессиональном образовании целесообразно использовать антропопрактики – своеобразные дидактические «строительные леса». Они представляют собой систему условий, осуществление которых позволяет развивать

² Гуманность // Толковый словарь В. И. Даля / Академик : [сайт]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/245954> (дата обращения: 12.12.2023).

сущностные составляющие человечности, ориентирующие субъекта профессионального труда на общезначимую деятельность. Главные условия указаны в определении В. И. Слободчикова: антропопрактика – способ педагогической работы в совместной образовательной деятельности в пространстве событийной общности, запускающей рефлексию [4]. Обоснуем данное положение.

В постнеклассическую эпоху одновременно сосуществуют разнонаправленные по ценностно-целевым основаниям представления об обучении. С одной стороны, это классический вариант средства трансляции культуры, с другой – средства «обслуживания жизненной траектории» [5, с. 93]. Общественно значимым вновь становится первый в силу социально-политических причин. В области высшего образования общественный интерес к личностным ценностям и смыслам молодых специалистов связан с профессиональным воспитанием, закладывающим культуросообразные ценностные основания труда. Необходимость специальных педагогических действий в данной области становится ясной при знакомстве с позицией, высказанной К. Д. Ушинским: «Труд – не игра и не забава; он всегда серьезен и тяжел; только полное сознание необходимости достичь той или другой цели в жизни может заставить человека взять на себя ту тяжесть, которая составляет необходимую принадлежность всякого истинного труда. Труд истинный и непременно свободный, потому что другого труда нет и быть не может, имеет такое значение для жизни человека, что без него она теряет всю свою цену и все свое достоинство» [6, с. 150].

Обесценивание понятия «труд» в постперестроечную эпоху привело к разрыву взаимосвязи воспитания и обучения. Двадцать лет назад В. А. Сластенин [7], указывал на существенную разницу между разобщенными предметами учебной деятельности и целостным предметом профессиональной деятельности, для которой одинаково важны и освоенные трудовые действия, и ее ценностные основания. Еще раньше В. С. Леднев, описывая системный подход в педагогике, сформулировал требование двойной реализации ключевых элементов содержания образования: в виде конкретных дисциплин и в виде сквозных составляющих каждой дисциплины, готовящей к определенной сложной деятельности [8]. Обоснование требования было осуществлено на примере политехнического направления в образовании, однако оно также применимо и по отношению к воспитанию: раскрытое как одна из составляющих образовательного процесса в программе воспитания (реализуется во второй половине учебного дня), оно должно быть сквозной составляющей каждой дисциплины в первой половине учебного дня. Принцип двойной реализации позволяет удовлетворить запрос общества в области качества образовательного процесса высшей школы, сформулированный Н. С. Макаровой, Н. А. Дука и Н. В. Чекалевой: «От активизации и интенсификации учебной деятельности к осознанию значимости процессов самоопределения студентов, их самоактуализации, профессионального становления» [9, с. 52].

Обучение, как пишет И. М. Осмоловская, «имеет своей задачей формирование личности путем передачи накопленной культуры» [10, с. 75]. Передаче от поколения к поколению подлежит важный социальный опыт решения проблем. Интерпретация функции воспитания в гуманитарно-антропологическом подходе имеет основание в философии традиции. В работах М. В. Захарченко традиция определена как способ бытия народа, передаваемый из поколения в поколение, доказавший свою эффективность тысячелетней историей этого народа. Воспитание предъявляет человеку на протяжении всей его жизни высокие смысловые ценности, которые должны стать основой для самореализации каждого в труде, семье, обществе. В воспитательном компоненте образовательного процесса должен быть предъявлен антропологический идеал отечественной культуры, это «человек, становящийся в устремлении к образу совершенства. Это соответствует греческому слову «антропос – устремленный вверх, прямо стоящий» [11, с. 5], т. е. человек, культивирующий в себе человечность, преодолевающий ориентацию исключительно на материальный достаток, не упускающий из вида горизонт возможностей нравственного развития, которое проявляется в повседневности абсолютно во всем, в том числе и в трудовой деятельности.

Противоречия между задачей удержания ценностных ориентиров отечественного образования, высказанной на начальном периоде освоения Россией компетентностно-ориентированного подхода и сложившейся практикой, между пониманием компетенции как совокупности знаний, умений в области способов деятельности, соответствующего опыта, позитивного ценностного отношения к ней и фактическим игнорированием последнего компонента, обостряют проблему усугубления технократизма в результатах высшего образования. М. В. Захарченко писала, что компетентностные модели выпускника расчленяют «целостность «кто» человека на спектр «объективных» характеристик его «что»... «Что» человека отражает его проекцию в объект управления, где фактор свободы

минимизируется, а реальность саморазвития сужается до вопроса о целевом развитии в деятельности» [11, с. 6]. Между тем ««Кто» есть человек?» – это вопрос о его свободе и ответственности, о саморазвитии и нравственной вменяемости, о его «одушевленности» [11, с. 6]. Аспект нравственной вменяемости, ответственности – важнейший в профессиях сферы «человек – человек», и правоохранительная деятельность не является исключением. Потеря в образовании многовекового ориентира на образ настоящего человека, мыслящегося в отечественной культуре как человека общности, сотрудника (согласно словарю В. И. Даля, это «соучастник в трудах, помощник в деле, в работе, сотоварищ по трудам»³) человека, значимость труда которого оценивается по вкладу в общее дело, катастрофически сказывается не только на личностном, но и на социальном, культурном развитии. Поэтому совершенствование образовательного процесса высшей школы России сегодня может идти по пути дополнения компетентностного подхода гуманитарно-антропологическим, имеющим потенциал нивелирования рисков технократизации его результатов, «расчеловечивания» молодых специалистов.

Опишем этапы создания антропопрактик.

Концептуальный этап предполагает принятие преподавателем необходимости реализации взаимосвязи воспитания и обучения, полноценного, а не имитационного проектирования учебно-воспитательного процесса. Обоснование этой необходимости приведено выше. Практикоориентированное видение концептуальной базы представлено в культурологической модели содержания образования И. Я. Лернера, М. Н. Скаткина, В. В. Краевского, решившей задачу описания необходимого к усвоению социального опыта во всей его структурной полноте. Она включает, помимо знаний, опыта известных способов деятельности и опыта творческой деятельности, еще и опыт эмоционально-ценностного отношения к миру, обществу и себе. Все четыре компонента неразрывно связаны между собой. Только в таком варианте соблюдается принцип функциональной полноты компонентов системы (В. С. Леднев). С большой долей уверенности можно утверждать, что реализация взаимосвязи воспитания и обучения в образовательном процессе так называемой «первой половины дня» способна компенсировать, пусть и не на 100 процентов, дефициты воспитательной работы «второй половины дня» [8, с. 15]. В контексте постоянного увеличения дисциплин (дифференциация компонентов содержания образования) и уменьшения выделяемого на них учебного времени реализация взаимосвязи воспитания и обучения фактически выполняет функцию оптимизации образовательного процесса в целом. Результатом концептуального этапа является занятие преподавателем воспитательной позиции, т. е. принятие в зону своей педагогической ответственности трансляцию ценностей профессии.

Этап проектирования. Методическая структура реализации взаимосвязи воспитания и обучения в образовательном процессе высшей школы соответствует перечню так называемых «каналов» воспитывающего влияния учебного материала на обучающегося (М. М. Поташник). В него входят содержание; формы и методы; личности обучающего и обучающегося, специфика отношений в учебном коллективе, уклад⁴. Охарактеризуем реализацию указанной идеи в антропопрактиках – учебно-воспитательных практиках гуманитарно-антропологической ориентации.

В антропопрактике значимый социальный опыт решения разного рода проблем предстает в *содержании* образования в виде совокупности четырех элементов: 1) исторически устоявшихся прецедентов и принципов (знания); 2) образцов и алгоритмов действий (действия по образцу); 3) стратегий профессионального избирательного действия в условиях свободы средств и способов (творческая деятельность); 4) ценностном самоопределении в отношении как профессии в целом, так и профессиональных функций (эмоционально-ценностное отношение). Воспитывающий «сквозной» компонент должен предстать в содержании образования в следующем виде:

- ознакомление с духовными чувствами, эмоционально-чувственным опытом отношений к миру, себе, другим, профессии предыдущих поколений – участников профессиональной общности;
- развитие умений самоанализа себя как личности – части своего народа, как субъекта профессиональной деятельности;
- осознание своей индивидуальности в ней;
- самоопределение как обретение своего места в профессиональной многопоколенной общности.

³ Там же: Сотрудник.

⁴ Поташник М. М. Требования к современному уроку : методическое пособие. – Москва: Центр педагогического образования, 2011. – 271 с.

Проектируемый *дидактический материал* к занятиям, нацеленным на воспитательный результат, должен содержать не только теоретические основы и нормы профессиональной деятельности, но и практикоориентированное описание реальной ситуации выбора и исторические эталоны его осуществления реальной личностью, основанного на ценностях отечественной культуры. Выбор должен быть предъявлен в максимально возможной реализации принципа наглядности с целью активизации разных каналов восприятия учебной информации обучающимися (аудио-, видео-, кинестетический). Преимущественно *групповая форма* организации учебной деятельности позволяет реализовать диалоговые методы, активизирующие многопредметную рефлексию каждого участника (конкретно в круге рефлексии: в качестве предметов его размышлений предстают сам культурный эталон (выбор, испытываемые чувства), реакция участников группы на него и на его вербализованное отношение к эталону). Сообразными данной специфике являются гуманитарно ориентированные *методы* (педагогические мастерские ценностно-смысловых ориентаций, работа с концептами, стратегия личной встречи [12]), а также кейс-метод. Не вдаваясь в подробности данного массово практикуемого метода, отметим, что он позволяет создавать рефлексивную образовательную среду при условии использования аутентичного материала (т. е. без методических «доработок»: сокращений, дополнений, изменений) и соблюдения этапов работы над кейсом. В предлагаемом файле должна быть проблемная история из жизни (видео-, аудио-, архивный документ, копия документа, а не лаконично описанная преподавателем ситуация в логике «ничего лишнего»).

Сказанным определяются позиции и специфика отношений преподавателя на занятиях, нацеленных на реализацию взаимосвязи воспитания и обучения. *Преподаватель – посредник, обучающийся – находящийся в поиске нравственной опоры для профессиональной деятельности.*

Для более глубокого понимания этих ролей позволю себе обратить внимание на труды Б. Д. Эльконина, размышлявшего о педагогическом действии как о посредничестве между обучающимся и культурой, ее знаке, фиксирующим значимые ценности: «Посредническое действие становится в пробах утверждения значения знака человеком, которому он обращен. Утверждение значения есть освоение самого перехода «натуральное – культурное». Здесь значение обретает функцию образца действия. Образец выступает как объект совместного действия и строится как отношение и граница между требуемым и иным. Далее Посредническое действие разворачивается в освоение образца как системы опор активности. Освоение системы опор есть включение действия в пространство его возможностей – поле. Включение в пространство возможностей требует индивидуализации действия. Освоение границ пространства возможностей как пределов реализации намерения есть построение Личного действия» [13, с. 103].

Этапсценирование. Содержательно раскрывается в разработке дидактического сценария конкретного занятия в логике сценарного педагогического подхода [14], отличающегося от программно-целевого подхода отказом от жестких рамок исключительно рациональной дидактической логики, обязательным учетом вариативности развития педагогических ситуаций, детальным анализом ценностных основ участников. Это означает, что в центре внимания разработчика – педагогическое взаимодействие, осмыслению и описанию подлежат ролевые позиции участников, логика развития и схемы возможного хода взаимодействия, что существенно снижает риск актуализации педагогических стереотипов. Разработка дидактического сценария, в котором реализуется взаимосвязь воспитания и обучения, включает: целеполагание; уяснение ценностей и норм участников; определение факторов, которые могут влиять на освоение обучающимися учебной информации; составление сценария – описание этапов предъявления содержания образования в описанном выше понимании (преподаватель) и его осмысления (обучающиеся) с указанием точек бифуркации и возможных вариантов развития взаимодействия при осмыслении предъявленной ситуаций выбора; выяснение образовательных результатов (вопросы «Что?», «Как?» и «Зачем?») и их анализ.

Описанные выше параметры антропопрактик позволяют поэтапно и нелинейно создавать условия для освоения теоретических основ и способов профессиональной деятельности совместно с осмыслением ее ценностной основы, т. е. во всей полноте содержания образования.

Заключение

Гуманизация и гуманитаризация российского высшего образования, приведение его в соответствие с запросом общества на поддержку межпоколенной преемственности

замедляется в силу многих причин. В контексте темы статьи на первый план выходят два фактора, связанные с преподавательской деятельностью: традиционные дефициты в педагогической компетентности преподаватели высшей школы (об этом много написано и сказано) и связанный с ней фактор мировоззренческого неприятия субъект-субъектной модели взаимодействия с обучающимися. Нивелирование его влияния на учебно-воспитательный процесс возможно в работе над самим собой, в самовоспитании, в сознательном преодолении идентификации себя с истиной, отказе от пиетета по отношению к себе, понимании диалектической связи силы и ограниченности принадлежности к старшему поколению, наличии научного статуса и т. п. На этом пути реально преодолеть стратегию монологичности, открыть для себя возможность встать на позицию другого, посмотреть на мир его глазами, что и позволит увидеть проблему понимания молодыми очевидных для людей старшего поколения норм. Только тогда можно выходить на реализацию, а не имитацию взаимосвязи воспитания и обучения в профессиональном образовании.

Список литературы

1. Плотникова Е. Б. Социальная значимость интеллектуального поведения личности как феномен и результат воспитывающего обучения // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 5. – С. 149–157.
2. Пирогов Н. И. Новоселье лицея : Речь на торжественном акте Ришельевского лицея в Одессе, 1 сентября 1857 года / Избранное. – Москва: Историко-литературный журнал «Странник», 2019. – С. 41–44.
3. Остапенко А. А. Стремление к совершенству личности как антропологическая стратегия национально ориентированного образования России // Берегиня. – 2016. – № 2 (29). – С. 189–192.
4. Слободчиков В. И. Антропологическая перспектива отечественного образования. – Екатеринбург: Информационно-издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2010. – 261 с.
5. Попов А. А. Открытое образование. Философия и технологии. – Москва: URSS Либроком, 2012. – 252 с.
6. Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. Избранные сочинения. – Москва: Юрайт, 2017. С. 4–22.
7. Сластенин В. А. Доминанта деятельности // Народное образование. – № 9. – 1997. – С. 41–42.
8. Леднев В. С. Системный подход в педагогике // Метафизика. – 2014. – № 4 (14). – С. 39–51.
9. Макарова Н. С., Дука Н. А., Чекалева Н. В. Дидактика высшей школы. От классических оснований к постнеклассическим перспективам : монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 172 с.
10. Осмоловская И. М. Дидактика: от классики к современности : монография. – Москва: Нестор-история, 2020. – 248 с.
11. Захарченко М. В. Современность как аспект педагогического идеала // Духовно-нравственное воспитание. – 2019. – № 1. – С. 3–20.
12. Илакавичус М. Р. Антропопрактики в образовательном процессе организаций высшего образования системы МВД России // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 4-1. – С. 79–87; <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-79-87>.
13. Эльконин Б. Д. Посредническое Действие и Развитие // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 3. – С. 93–112; <https://doi.org/10.17759/chp.2016120306>.
14. Тюнников Ю. С., Мазниченко М. А. Сценарный подход в педагогическом взаимодействии // Школьные технологии. – 2004. – № 2. – С. 34–42.

References

1. Plotnikova Ye. B. Sotsial'naya znachimost' intellektual'nogo povedeniya lichnosti kak fenomen i rezul'tat vospityvayushchego obucheniya // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. – 2008. – № 5. – S. 149–157.
2. Pirogov N. I. Novosel'ye litseya : Rech' na torzhestvennom akte Rishel'yevskogo litseya v Odesse, 1 sentyabrya 1857 goda / Izbrannoye. – Moskva: Istoriko-literaturnyy zhurnal «Strannik», 2019. – S. 41–44.
3. Ostapenko A. A. Stremleniye k sovershenstvu lichnosti kak antropologicheskaya strategiya natsional'no oriyehtirovannogo obrazovaniya Rossii // Bereginya. – 2016. – № 2 (29). – S. 189–192.
4. Slobodchikov V. I. Antropologicheskaya perspektiva otechestvennogo obrazovaniya. – Yekaterinburg: Informatsionno-izdatel'skiy otdel Yekaterinburgskoy yeparkhii, 2010. – 261 s.

5. *Popov A. A.* Otkrytoye obrazovaniye. Filosofiya i tekhnologii. – Moskva: URSS Librokom, 2012. – 252 s.
6. *Ushinskiy K. D.* Trud v yego psikhicheskom i vospitatel'nom znachenii. Izbrannyye sochineniya. – Moskva: Yurayt, 2017. S. 4–22.
7. *Slastenin V. A.* Dominanta deyatel'nosti // Narodnoye obrazovaniye. – № 9. – 1997. – S. 41–42.
8. *Lednev V. S.* Sistemnyy podkhod v pedagogike // Metafizika. – 2014. – № 4 (14). – S. 39–51.
9. *Makarova N. S., Duka N. A., Chekaleva N. V.* Didaktika vysshey shkoly. Ot klassicheskikh osnovaniy k postneklassicheskim perspektivam : monografiya. – 2-ye izd., pererab. i dop. – Moskva: Yurayt, 2023. – 172 s.
10. *Osmolovskaya I. M.* Didaktika: ot klassiki k sovremennosti : monografiya. – Moskva: Nestor-istoriya, 2020. – 248 s.
11. *Zakharchenko M. V.* Sovremennost' kak aspekt pedagogicheskogo ideala // Dukhovno-nravstvennoye vospitaniye. – 2019. – № 1. – S. 3–20.
12. *Ilakavichus M. R.* Antropopraktiki v obrazovatel'nom protsesse organizatsiy vysshego obrazovaniya sistemy MVD Rossii // Prepodavatel' XXI vek. – 2021. – № 4-1. – S. 79–87; <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-79-87>.
13. *El'konin B. D.* Posrednicheskoye Deystviye i Razvitiye // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. – 2016. – Т. 12. – № 3. – S. 93–112; <https://doi.org/10.17759/chp.2016120306>.
14. *Tyunnikov Yu. S., Maznichenko M. A.* Stsenarnyy podkhod v pedagogicheskom vzaimodeystvii // Shkol'nyye tekhnologii. – 2004. – № 2. – S. 34–42.

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted February 22, 2024; approved after reviewing March 18, 2024; accepted for publication April 8, 2024.

Научная статья

УДК 378.1; 378.172

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-249-255>

Ирина Александровна Сабирова

доктор педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-2317-4674>, sabirova27.02@mail.ru

Алексей Иванович Ляпин

кандидат педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-3259-6657>, lyapin78@mail.ru

Воронежский институт МВД России

Российская Федерация, 394065, Воронеж, пр. Патриотов, д. 53

Теоретическая подготовка как значимый фактор повышения качества образования по дисциплинам, связанным с физической подготовкой курсантов вузов Министерства внутренних дел России

Аннотация: Введение. Профессиональная деятельность сотрудников полиции, ориентированная на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрану общественного порядка, требует сформированной готовности к применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. С другой стороны, физическая подготовка является важным средством всестороннего и гармоничного развития личности, что ориентирует на повышение качества теоретических знаний будущих сотрудников территориальных органов МВД России и их осознанное использование в личностном совершенствовании и самосовершенствовании. Вместе с тем в научной литературе не полном объеме раскрыты вопросы по организации теоретического раздела физической подготовки в вузах МВД России. **Методы.** Использован комплекс общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция). **Результаты.** Процесс формирования теоретических знаний обучающихся в ведомственных вузах по дисциплинам, связанным с физической подготовкой, следует реализовывать с соблюдением ряда требований, таких как: ориентация процесса обучения на формирование представлений о духовных, материальных и культурных ценностях физической культуры; система социальных ценностей; поэтапное освоение теоретических знаний; применение общепринятых форм организации процесса обучения, направленного на освоение знаний, умений, навыков; привлечение обучающихся к самостоятельной работе, в том числе по углублению теоретических знаний; формирование оценочных критериев по теоретической подготовленности обучающихся. Данный процесс состоит из ряда взаимосвязанных этапов: формирование осознанного восприятие учебной информации и понимание её содержания; осмысление изучаемого материала, понимание прикладной значимости получаемых знаний; запоминание и сохранение полученной информации за счет активного привлечения обучающихся к процессу повышения качества теоретической подготовленности; использование полученных знаний на практике. Представлен дидактический аспект теоретической подготовки обучения будущих сотрудников территориальных органов МВД России по дисциплинам, связанным с физической подготовкой, основанный на акцентированных принципах, формах, средствах и методах.

Ключевые слова: обучающиеся, образовательные организации МВД России, физическая подготовка, теоретическая подготовка, задачи, содержание, оценка качества, этапы освоения

Для цитирования: Сабирова И. А., Ляпин А. И. Теоретическая подготовка как значимый фактор повышения качества образования по дисциплинам, связанным с физической подготовкой курсантов вузов Министерства внутренних дел России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 249–255; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-249-255>.

Irina A. Sabirova

Dr. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-2317-4674>, sabirova27.02@mail.ru

Alexey I. Lyapin

Cand. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-3259-6657>, lyapin78@mail.ru

Voronezh Institute of the MIA of Russia

53, Patriotov Ave., Voronezh, 394065, Russian Federation

Theoretical training as a significant factor in improving the quality of education in disciplines related to physical training of cadets of the Ministry of the Interior higher educational institutions

Abstract: The professional activity of police officers aimed at protecting life, health, rights and freedoms of citizens, combating crime, public order maintenance requires the developed competence to apply physical force, special means and firearms. On the other hand, physical training is an important means of comprehensive and well-balanced development of personality, which focuses on improving the quality of theoretical knowledge of future employees of local bodies of the Ministry of the Interior of Russia and their conscious use in personal improvement and self-improvement. At the same time, the issues of theoretical aspects of physical training in higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia are not fully discussed in the academic and scientific papers. **Methods.** The authors used a range of general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, and deduction). **Results.** The process of developing theoretical knowledge of students in departmental universities in physical training disciplines should be implemented in compliance with a number of requirements, such as: the focus of the educational process on the training of moral, material and cultural values of physical culture; the system of social values; step-by-step mastering of theoretical knowledge; the use of generally accepted forms of learning process organization aimed at mastering knowledge, skills, and abilities; engagement of students in self-study. This process consists of a number of interrelated stages: development of conscious perception of educational information and understanding of its content; comprehension of the learnt material, understanding of applied significance of the received knowledge; memorization and preservation of the received information at the expense of active involvement of students in the process of improving the quality of theoretical readiness; use of the gained knowledge in practice. The didactic aspect of theoretical preparation of training of future employees of local bodies of the Ministry of the Interior of Russia in disciplines related to physical training based on emphasized principles, forms, means and methods is presented.

Keywords: trainees, educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia, physical training, theoretical training, tasks, content, quality assessment, stages of training

For citation: Sabirova I. A., Lyapin A. I. Theoretical training as a significant factor in improving the quality of education in disciplines related to physical training of cadets of the Ministry of the Interior higher educational institutions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 249–255; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-249-255>.

Введение

Значимость физической подготовки будущих сотрудников территориальных органов МВД России совершенно очевидна. Их профессиональная деятельность, с одной стороны, ориентированная на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрану общественного порядка, требует сформированной готовности к применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. С другой стороны, физическая подготовка является важным средством всестороннего и гармоничного развития личности [1; 2; 3, с. 101–111].

Рассматривая современный процесс организации физической подготовки курсантов высших учебных заведений (далее-вуз) системы МВД России, выделяется его особая значимость с точки зрения воспитания и образования обучающихся, что подкреплено действующими нормативными правовыми документами¹.

Однако, как показала практика, уровень физической подготовленности выпускников ведомственных вузов в ряде случаев отстает от требований, предъявляемых к сотрудникам территориальных органов МВД России. Возможности педагогической науки по перспективным направлениям совершенствования различных разделов физической подготовки недооцениваются.

В связи с этим особую значимость приобретают аспекты, которые не в полном объеме освещены в научных исследованиях, а именно, вопросы теории организации и проведения занятий по физической подготовке, направленные на описание, систематизацию и объяснение происходящих явлений, их осознанное использование в личностном совершенствовании и самосовершенствовании будущих сотрудников территориальных органов МВД России [1; 4].

Процесс формирования системы знаний есть основная цель и основная задача обучения. Анализ научно-методической литературы показал, что в ряде исследований определены закономерности процесса обучения [5], обоснованы принципы и регламент построения обучения [1], отражены формы и методы организации обучения, направленные на взаимодействие обучающегося и преподавателя в рамках теоретических занятий [2; 6], определена структура процесса освоения знаний и логика построения учебного процесса [7]. Вместе с тем в анализируемой литературе не в полном объеме раскрыты вопросы по организации теоретической подготовки. Не разработаны рекомендации по становлению системы теоретических знаний в рамках дисциплин, связанных с физической подготовкой для обучающихся в ведомственных вузах.

Методы исследования

Авторами использован комплекс общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты

Как показала практика, теоретическую подготовку обучающихся следует ориентировать на освоение системы знаний, умений и навыков в рамках специально организованного педагогического процесса, направленного на формирование готовности сотрудников к профессиональной деятельности и ее дальнейшее систематическое совершенствование на протяжении всего срока служебной деятельности [1; 8].

Целью теоретической подготовки обучающихся в ведомственных вузах является формирование представлений об индивидуальном физическом потенциале как основе эффективной двигательной, интеллектуальной и духовной деятельности.

Основопологающими задачами теоретической подготовки по дисциплинам, связанным с физической подготовкой, следует считать: создание теоретико-методических предпосылок для целенаправленного использования обучающимися знаний о ценностях физической культуры; методологическое обоснование гармоничного развития личности обучающихся; создание предпосылок к приобретению знаний в рамках самостоятельной работы через осознанное применение подходов, средств и методов физического воспитания.

¹ Например, О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2007. – № 50. – Ст. 6242; О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900; Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 (зарег. в Минюсте России 12.03.2024, № 77488) // Российская газета. – 2024. – 14 марта.

Содержательная основа складывается из профессионально значимых знаний и умений, ориентированных на понимание обучающимися социокультурной значимости физической культуры как составной части общей культуры общества; получение устойчивых знаний по нормативно-правовым вопросам организации физической подготовки, базовых знаний по медико-биологическому, педагогическому и психологическому обеспечению и сопровождению самостоятельных занятий, а также средств и методов контроля и самоконтроля.

Опираясь на ранее проведенные исследования, направленные на изучение качества физической подготовки обучающихся вузов МВД России, обобщенными показателями теоретических знаний следует считать интегральные показатели [2]: владение категориальным аппаратом физической культуры и спорта; владение знаниями основ теории и методики физической культуры и профессиональной физической подготовки; владение методическими принципами построения занятий по физической подготовке; выполнение требований приказов и нормативной документации по оценке уровня физической подготовленности; владение средствами и методами организации групповых и индивидуальных занятий; владение знаниями в области планирования физических нагрузок различной направленности; владение общепринятыми и инструментальными методами контроля и самоконтроля адаптации организма обучающихся к предлагаемым физическим нагрузкам.

Важное место в организации и реализации процесса теоретической подготовки обучающихся отводится дидактическому обеспечению учебного процесса, основанному на методах, способах, средствах, принципах и формах обучения с заранее определенной конечной целью – индивидуальной готовностью к будущей профессиональной деятельности.

Повышение эффективности обучения невозможно без приобретения теоретических знаний профессионально-предметной области: физкультурно-спортивная деятельность; взаимодействие преподавателя (обучающего) и курсанта / слушателя (обучающегося) в процессе освоения теоретических основ физической подготовки; изучение методической литературы; применение информационно-телекоммуникационных технологий для поиска и анализа информации о значимости физической подготовки в повседневной и служебной деятельности обучающихся и сотрудников территориальных органов МВД России [9; 10].

При выборе средств следует ориентироваться на научные знания в области физической подготовки сотрудников силовых ведомств; гендерные особенности обучающихся; культурологическое направление теоретической подготовки через понятия «личность», «образование», «культура»; научность и достоверность сведений, предоставляемых обучающимся для освоения теоретического материала по дисциплинам, связанным с физической подготовкой; прикладной характер информации в используемых средствах теоретической подготовки [7; 11; 12].

В качестве ведущих выступают методы наглядного воздействия (непосредственной наглядности, опосредованной наглядности, направленного прочувствования, срочной информации); методы речевого воздействия (вербальные и невербальные); методы научного исследования (эмпирический и теоретический) [13].

Значимыми формами организации теоретических занятий по дисциплинам, связанным с физической подготовкой обучающихся ведомственных вузов, являются лекционные и семинарские занятия; практические занятия для закрепления теоретических знаний; занятия комплексного типа; участие в физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятиях; самостоятельное освоение основ физической подготовки [14]. Следует учитывать и активно использовать общеметодические принципы в процессе освоения теоретических аспектов физической подготовки, в т. ч. принципы сознательности и активности, доступности и индивидуализации и т. д. [15].

Таким образом, процесс формирования теоретических знаний обучающихся в ведомственных вузах по дисциплинам, связанным с физической подготовкой, следует реализовывать с соблюдением ряда требований: ориентация процесса обучения на формирование представлений о духовных, материальных и культурных ценностях физической культуры; поэтапное освоение теоретических знаний физической культуры и профессиональной физической подготовки; применение общепринятых форм организации процесса обучения, направленного на освоение знаний, умений, навыков и поэтапное формирование компетенций в области физической подготовки; привлечение обучающихся к самостоятельной работе, в том числе по углублению теоретических знаний; формирование оценочных критериев по теоретической подготовленности обучающихся.

Теоретические знания по дисциплинам, связанным с физической подготовкой обучающихся в вузах МВД России, формируются через реализацию ряда взаимосвязанных этапов.

Первый ориентирован на осознанное восприятие учебной информации и понимание её содержания, создание устойчивой мотивации к обучению через понимание задач будущей оперативно-служебной деятельности сотрудников территориальных органов МВД России.

Второй направлен на осмысление изучаемого материала, понимание прикладной значимости получаемых знаний через формирование теоретических и практических умений, рационального их применения в физкультурно-спортивной и будущей оперативно-служебной деятельности, стимулирование процесса приобретения нового знания на основе уже имеющегося.

Третий направлен на запоминание и сохранение полученной информации и ориентирован на применение приобретенного знания и его практическое использование, организацию систематического контроля за освоением предлагаемого материала, активное привлечение обучающихся к процессу повышения качества теоретической подготовленности.

Четвертый нацелен на использование знаний на практике за счет осознания личностного и социального смыслов теоретических знаний в сфере физической подготовки сотрудников территориальных органов МВД России.

Процесс самосовершенствования ориентирован на овладение необходимыми знаниями на всех предыдущих этапах их усвоения, полное и разностороннее познание своих личностных, индивидуальных особенностей и физических возможностей собственного организма. Данное обстоятельство предполагает необходимость активной целенаправленной деятельности в области самопознания.

Выводы

Организация учебного процесса в образовательных организациях МВД России ориентирована на формирование подготовленности будущих сотрудников территориальных органов к профессиональной деятельности. Особая роль в системе высшего образования отведена вопросам физической подготовки. На основе результатов ранее проведенных исследований актуализируется значимость разработки дидактического обеспечения учебного процесса, направленного на повышение индивидуальной физической готовности курсантов к будущей профессиональной деятельности. Теоретическая подготовка рассматривается как значимый фактор, ориентированный на повышение осознанности и потребности в занятиях физическими упражнениями.

Теоретическую подготовку следует ориентировать на знание основ теории и методики физической культуры и профессиональной физической подготовки, в т. ч. и категориального аппарата; знание о построении индивидуальных и групповых занятий, средств и методов физического воспитания; владение знаниями в планировании и распределении физических нагрузок различной направленности; знания по использованию общепринятых и инструментальных методов контроля и самоконтроля адаптационных реакций организма к предлагаемым нагрузкам.

Расширение потенциала теоретических знаний при освоении дисциплин, связанных с физической подготовкой в ведомственных вузах, должно стать начальным этапом и доминирующим курсом осознанного отношения к систематическим занятиям физическими упражнениями для повышения профессиональной готовности будущих сотрудников территориальных органов МВД России к профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Макеева В. С., Баркалов С. Н., Степанюк В. И.* Научно-методические аспекты физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России: монография. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2006. – 96 с.
2. *Сабирова И. А., Федоров В. В., Лысенко А. В., Ильин М. А.* К вопросу формирования оценки качества физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // *Культура физическая и здоровье.* – 2021. – Т. 78. – № 2. – С. 87–90; https://doi.org/10.47438/1999-3455_2021_2_87.
3. *Акиндинов В. В., Алламуродова С. Д., Аскалонов Д. П., Баштова Я. С. и [др.]* Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты : монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.). – 2023. – 328 с.
4. *Потаешник М. М.* Качество образования: проблемы и технологии управления (в вопросах и ответах). – Москва: Педагогическое общество России, 2002. – 352 с.

5. Бордовская Н. В., Кошкина Е. А., Мелкая Л. А., Тихомирова М. А. Критерии оценки эффективности смешанных образовательных технологий, применяемых в вузе // Интеграция образования. – 2023. – Т. 27. – № 1 (110). – С. 64–81; <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.064-081>.
6. Татур А. О. Оценка качества обучения и воспитания: трудный путь становления // Народное образование. – 2012. – № 4. – С. 115–121.
7. Астафьев Н. В. Перспективы реализации основных профессиональных образовательных программ в сетевой форме в МВД России / Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя): сборник научных трудов VI Международной конференции, 9–10 июня 2022 г. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. – С. 36–45.
8. Бавсун И. Г., Гусев В. А. Проблемы стандартизации высшего образования в системе подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 153–159.
9. Германов Г. Н., Неверкович С. Д., Сабирова И. А. Метапредметность как методологическая основа педагогики физической культуры и спорта: научный обзор // Спортивно-педагогическое образование. – 2019. – № 1. – С. 90–96.
10. Шишов С. Е. Качество образования как объект мониторинга в информационном обществе // Образование и наука. – 2008. – № 5 (53). – С. 33–44.
11. Акимова О. И. О подходах к оценке качества педагогического образования в современном ВУЗе // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 2 (121). – С. 55–58.
12. Бордовский Г. А., Трапцын С. Ю., Граничина О. А. Мониторинг качества педагогического образования: состояние и проблемы // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2008. – № 6. – С. 28–34.
13. Каган М. С. Системно-синергетический подход к построению современной педагогической теории / Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – Москва: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 212–245.
14. Байденко В. И., Селезнёва Н. А. Обеспечение качества высшего образования: современный опыт // Высшее образование в России. 2017. – № 11 (217). – С. 122–135.
15. Реан А. А., Коновалов И. А., Ставцев А. А. Педагог как субъект воспитания: возможности и риски / Психологические и педагогические проблемы образования в условиях цифровой трансформации и социальных вызовов : сборник статей / под ред. Н. В. Бордовской, С. Т. Посоховой. – Москва: Русайнс, 2022. – С. 80–92.

References

1. Makeyeva B. S., Barkalov S. N., Stepanyuk V. I. Nauchno-metodicheskiye aspekty fizicheskoy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh uchrezhdeniy MVD Rossii : monografiya. – Orel: OrYuI MVD Rossii, 2006. – 96 s.
2. Sabirova I. A., Fedorov V. V., Lysenko A. V. I' in M. A. K voprosu formirovaniya otsenki kachestva fizicheskoy podgotovki kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii // Kul'tura fizicheskaya i zdorov'ye. – 2021. – Т. 78. – № 2. – S. 87–90; https://doi.org/10.47438/1999-3455_2021_2_87.
3. Akindinov V. V., Allamurodova S. D., Askalonov D. P., Bashtovaya Ya. S. i [dr.] Nauka, innovatsii, obrazovaniye: aktual'nyye voprosy i sovremennyye aspekty : monografiya / pod obshch. red. G. Yu. Gulyayeva — Penza: Nauka i Prosveshcheniye (IP Gulyayev G. Yu.). – 2023. – 328 s.
4. Potashnik M. M. Kachestvo obrazovaniya: problemy i tekhnologii upravleniya (v voprosakh i otvetakh). – Moskva: Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii, 2002. – 352 s.
5. Bordovskaya N. V., Koshkina Ye. A., Melkaya L. A., Tikhomirova M. A. Kriterii otsenki effektivnosti smeshannykh obrazovatel'nykh tekhnologiy, primenyayemykh v vuze // Integratsiya obrazovaniya. – 2023. – Т. 27. – № 1 (110). – S. 64–81; <https://doi.org/10.15507/1991-9468.110.027.202301.064-081>.
6. Tatur A. O. Otsenka kachestva obucheniya i vospitaniya: trudnyy put' stanovleniya // Narodnoye obrazovaniye. – 2012. – № 4. – S. 115–121.
7. Astaf'yev N. V. Perspektivy realizatsii osnovnykh professional'nykh obrazovatel'nykh programm v setevoy forme v MVD Rossii / Professional'noye obrazovaniye sotrudnikov organov vnutrennikh del. Pedagogika i psikhologiya sluzhebnoy deyatel'nosti: sostoyaniye i perspektivy (k 20-letiyu obrazovaniya Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikoty) : sbornik

nauchnykh trudov VI Mezhdunarodnoy konferentsii, 9–10 iyunya 2022 g. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2022. – S. 36–45.

8. *Bavsun I. G., Gusev V. A.* Problemy standartizatsii vysshego obrazovaniya v sisteme podgotovki kadrov dlya organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii.* – 2019. – № 3 (51). – S. 153–159.

9. *Germanov G. N., Neverkovich S. D., Sabirova I. A.* Metapredmetnost' kak metodologicheskaya osnova pedagogiki fizicheskoy kul'tury i sporta: nauchnyy obzor // *Sportivno-pedagogicheskoye obrazovaniye.* – 2019. – № 1. – S. 90–96.

10. *Shishov S. Ye.* Kachestvo obrazovaniya kak ob'ekt monitoringa v informatsionnom obshchestve // *Obrazovaniye i nauka.* – 2008. – № 5 (53). – S. 33–44.

11. *Akimova O. I.* O podkhodakh k otsenke kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya v sovremennom VUZe // *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal.* – 2017. – № 2 (121). – S. 55–58.

12. *Bordovskiy G. A., Trapitsyn S. Yu., Granichina O. A.* Monitoring kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya: sostoyaniye i problemy // *Standarty i monitoring v obrazovanii.* – 2008. – № 6. – S. 28–34.

13. *Kagan M. S.* Sistemno-sinergeticheskiy podkhod k postroyeniyu sovremennoy pedagogicheskoy teorii / *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika obrazovaniya.* – Moskva: Progress-Traditsiya, 2007. – S. 212–245.

14. *Baydenko V. I., Seleznova N. A.* Obespecheniye kachestva vysshego obrazovaniya: sovremennyy opyt // *Vyssheye obrazovaniye v Rossii.* 2017. – № 11 (217). – S. 122–135.

15. *Rean A. A., Konovalov I. A., Stavtsev A. A.* Pedagog kak sub'ekt vospitaniya: vozmozhnosti i riski / *Psikhologicheskiye i pedagogicheskiye problemy obrazovaniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii i sotsial'nykh vyzovov : sbornik statey / pod redaktsiyey N. V. Bordovskoy, S. T. Posokhovoy.* – Moskva: Rusayns, 2022. – S. 80–92.

Статья поступила в редакцию 07.01.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted January 7, 2024; approved after reviewing April 26, 2024; accepted for publication May 13, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Научная статья

УДК: 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-256-263>

Вячеслав Лазаревич Цветков

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-4619-6494>, czvetkov_slava@inbox.ru

Светлана Рудольфовна Новосельская

кандидат психологических наук

<https://orcid.org/0000-0003-3114-1570>, s.nov6505@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Пути развития защитно-совладающего комплекса у сотрудников органов внутренних дел

Аннотация: Введение. Работоспособность сотрудников органов внутренних дел, их психологическое здоровье и стрессоустойчивость во многом зависят от психологической работы, которая осуществляется с ними на протяжении всего периода службы [1]. Одним из факторов, обеспечивающих эффективное выполнение полицейскими своих служебных обязанностей, является процесс формирования и развития конструктивных защитных механизмов психики. Развитие имеющегося потенциала защиты психического здоровья у сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) продолжает оставаться актуальным направлением психологической работы МВД России на протяжении нескольких лет. Необходимость совершенствования данного процесса обусловлена повышенным стрессовым воздействием на психику полицейских различными внешними факторами, травмирующее действие которых с каждым годом нарастает. Формирование конструктивного защитно-совладающего комплекса у сотрудников полиции предполагает осуществление целенаправленной психологической работы, включающей различные методы и средства достижения планируемого результата. **Методы.** На основе ранее проведенного эмпирического исследования мы предприняли попытку разработки путей формирования конструктивного защитно-совладающего комплекса у сотрудников ОВД посредством общенаучных формально-логических (дедукция, индукция, анализ и синтез) методов, теоретического анализа научной литературы по проблеме исследования, теоретического моделирования, основанного на положениях системного подхода в психологии. **Результаты.** В статье представлены возможные пути формирования конструктивного защитно-совладающего комплекса у сотрудников органов внутренних дел, предложены

теоретическая модель и программа, посредством которых будет обеспечено развитие стратегий защиты психики полицейских от травмирующего воздействия психологических барьеров взаимодействия.

Ключевые слова: защитно-совладающий комплекс, психологические барьеры в общении

Для цитирования: Цветков В. Л., Новосельская С. Р. Пути развития защитно-совладающего комплекса у сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 256–263; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-256-263>.

Vyacheslav L. Tsvetkov

Dr. Sci (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-4619-6494>, czvetkov_slava@inbox.ru

Svetlana R. Novoselskaya

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0000-0003-3114-1570>, s.nov6505@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot'
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

The ways to develop defence and coping strategies among employees of internal affairs bodies

Abstract: Introduction. The efficiency of staff of the internal affairs bodies, their mental health and stress tolerance largely depend on the psychological counseling that is carried out with them throughout the entire period of service [1]. One of the factors ensuring the effective performance of official duties by police officers is the process of formation and development of psychic protective mechanisms. The development of the existing potential for the protection of mental health among employees of Department of Internal Affairs (hereinafter – DIA) continues being an essential direction of psychological counseling of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for several years. The need to improve this process is due to the increased stress impact on the psyche of police officers by various external factors, which the traumatic effect is increasing every year. The formation of defense and coping strategies among police officers involves the implementation of focused psychological counseling, including various methods and means to achieve the planned outcome. **Methods.** Based on an earlier empirical study, we tried to develop ways to form defence and coping strategies among police officers through general scientific methods and formal logical techniques (deduction, induction, analysis and synthesis), theoretical analysis of scientific literature on the research problem, theoretical modeling based on the provisions of a systematic approach in psychology. **Results.** The article presents possible ways of forming defence and coping strategies among employees of internal affairs bodies, proposes a theoretical model and a program through which the development of psychic defence strategies of police officers from the traumatic experience of psychological barriers of in communication will be ensured.

Keywords: defence and coping strategies, psychological barriers in communication

For citation: Tsvetkov V. L., Novoselskaya S. R. The ways to develop defence and coping strategies among employees of internal affairs bodies // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 256–263; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-256-263>.

Введение

На сегодняшний день психологическая работа в органах внутренних дел (далее – ОВД) представляет собой совершенствующуюся систему, характеризуется системностью, планированием, целенаправленностью [2]. Но при этом, у сотрудников ОВД в недостаточной степени сформирована целостная система знаний, умений и навыков психологической подготовки, которая бы обеспечивала высокую работоспособность полицейского,

эффективность его профессиональной деятельности, удовлетворительное морально-психологическое состояние, высокий уровень стрессоустойчивости [3].

По нашему мнению, необходим комплексный подход к формированию у полицейского (в особенности подразделений дорожно-патрульной службы (далее – ДПС) и патрульно-постовой службы полиции (далее – ППСП)) конструктивного защитно-совладающего комплекса, при столкновении с психологическими барьерами в общении, в основе которого будет лежать идея выработанной системы действий, подкрепленной знаниями, отвечающей требованиям современных условий служебной деятельности российской полиции [4]. Мы обращаем внимание на то, что данная система станет фундаментом, обеспечивающим сотруднику органов внутренних дел адекватное и уверенное установление взаимодействия с гражданским населением и своими сослуживцами, а также стабильно-высокий уровень стрессоустойчивости, что в конечном итоге приведёт к успешному выполнению служебных задач, повышению готовности в экстремальных условиях [5].

Методы

Методы, применяемые в ходе работы: общенаучные формально-логические (дедукция, индукция, анализ и синтез), теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, теоретическое моделирование, основанное на положениях системного подхода в психологии.

Результаты

Процесс формирования конструктивного защитно-совладающего комплекса сотрудника ОВД в процессе взаимодействия предусматривает овладение теоретическими

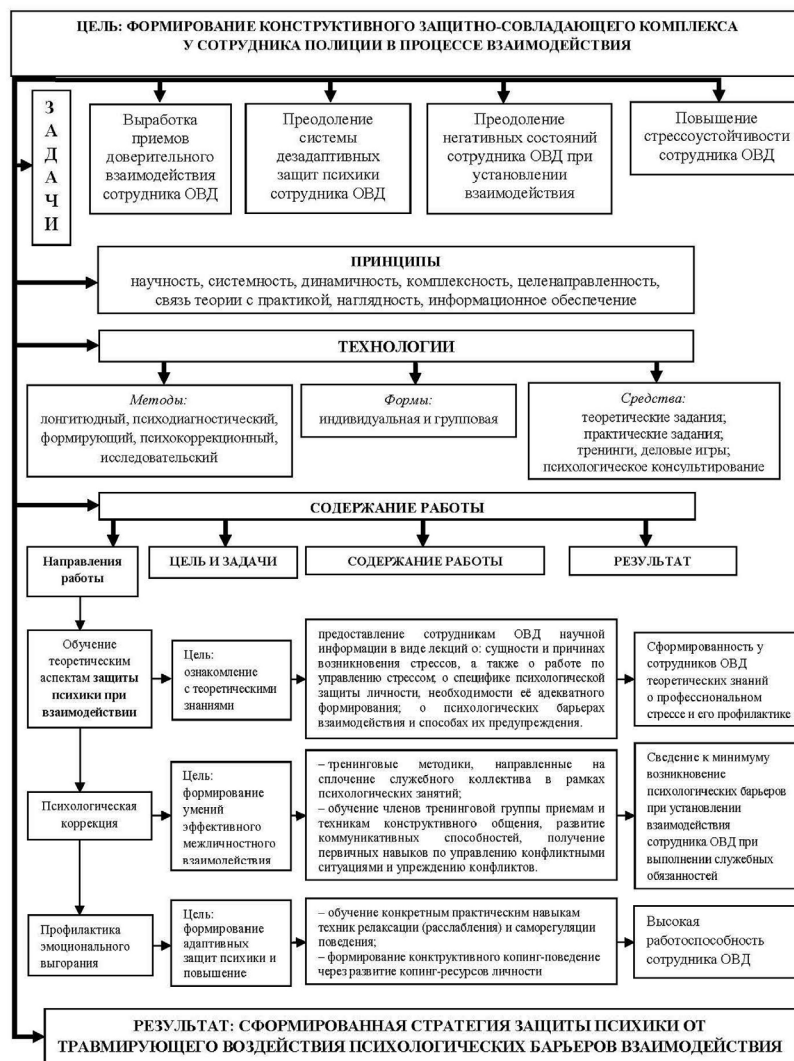

Рис. 1. Модель формирования конструктивного защитно-совладающего комплекса у сотрудников полиции, проявляющегося в межличностном взаимодействии

знаниями, практическая отработка умений и формирование навыков (рис. 1).

Путем проведенного научно-теоретического анализа и эмпирического исследования мы выяснили сущность защитно-совладающего комплекса, применяемого сотрудниками ДПС и ППС в процессе установления межличностного взаимодействия, что позволило спроектировать и объяснить формирование его модели как многоплановую, целенаправленную психологическую систему [6].

Перспективой для дальнейших исследований является: разработка психологических технологий, позволяющих в короткий срок эффективно сформировать у сотрудника ОВД необходимые личностные проявления; психологическая диагностика уровня стрессоустойчивости у полицейских в динамике после освоения психологических навыков; анализ зависимости успешности служебной деятельности и морально-психологического состояния сотрудников полиции от сформированных навыков конструктивного взаимодействия и адаптивных защит психики [7].

Разработка модели осуществлялась исходя из следующих основных принципов системного анализа:

- целенаправленности, то есть ориентации всей совокупности элементов и их составляющих на достижение конкретных целей развития системы;
- комплексности, предполагающей обеспечение сбалансированного развития всех элементов модели;
- динамичности, предусматривающей развитие модели [8].

В состав модели включены такие компоненты: цель, задачи, принципы, содержание, технологии (организационные формы, методы, средства), результат.

Также отдельно, основываясь на результатах, полученных теоретическим и эмпирическим путем, представим программу обучения защиты психики сотрудников ОВД при установлении межличностного взаимодействия, рассчитанную на период от 6 месяцев до 1 года (таблица).

Данная программа была разработана в соответствии с методическими рекомендациями по организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации¹. И она реализует следующие направления деятельности:

- организация занятий по психологической тематике в системе морально-психологической подготовки личного состава, предполагающей развитие коммуникативной компетентности сотрудников;
- обучение сотрудников ОВД приемам само- и взаимопомощи с целью регуляции психического состояния [9].

Задачами обучения защиты психики сотрудников ОВД при установлении межличностного взаимодействия являются актуализация и детализация знаний, навыков и умений в области психологии на уровне требований к квалификации, а также профилактика и коррекция негативных последствий профессионального стресса².

Полученные нами в ходе эмпирического исследования данные свидетельствуют о том, что сотрудники органов внутренних дел предпочитают применение неэффективных защитно-совладающих способов преодоления стресса, а также дезадаптивные стратегии разрешения проблем межличностного взаимодействия [6]. Разработанная нами программа обучения защиты психики сотрудников ОВД при установлении межличностного взаимодействия (таблица), позволит минимизировать выявленные факторы.

Направления работы могут реализовываться в рамках проведения занятий по морально-психологическому обеспечению с личным составом ОВД как последовательно, так и параллельно³.

Первое направление работы касается обучения сотрудников органов внутренних дел защите от психотравмирующего воздействия стресса в служебной деятельности.

¹ Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 (ред. от 16.12.2022) // Справочно-правовая система (далее – СПС) «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/70675376/?ysclid=lutuaairawo659386647> (дата обращения: 15.01.2024); Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/400791288/?ysclid=lutufw58ut640921886> (дата обращения: 15.01.2024).

² Кобозев И. Ю. Психологическое обеспечение служебной деятельности : учебное пособие. – Москва: ДГСК МВД России, 2015. – 192 с.; Психологическая работа в органах внутренних дел : учебное пособие / Вахнина В. В. [и др.] ; отв. ред. В. И. Долинко. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. – 108 с.

³ Ульянина О. А. Психологическая подготовка лиц, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации по должности служащего «Полицейский» : учебно-методическое пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 140 с.

**Программа обучения защиты психики сотрудников ОВД
в ходе установления межличностного взаимодействия**

Направления работы	Этапы	Кол-во часов	Форма проведения
1. Стресс и защита от его психотравмирующего воздействия (6 часов)	1.1. Стресс в служебной деятельности ОВД. Компоненты психики, обеспечивающие защиту от стресса. Система профилактики стресса в процессе выполнения служебных задач	1 час	Лекционное занятие
		1 час	Практическое занятие (семинар)
	1.2. Комплексная модель преодоления стрессового воздействия служебной деятельности	1 час	Лекционное занятие
		1 час	Практическое занятие (семинар)
	1.3. Методы и приемы психологической саморегуляции в системе профилактики стрессовых состояний сотрудника ОВД	2 часа	Практическое занятие (семинар)
	1.4. Приемы восстановления психического состояния сотрудника ОВД на рабочем месте	2 часа.	Практическое занятие (семинар)
2. Эффективное профессиональное общение в служебной деятельности ОВД (12 часов)	2.1. Особенности взаимодействия сотрудника полиции с гражданами и сослуживцами	1 час	Лекционное занятие
		1 час	Практическое занятие (семинар)
	2.2. Основные умения и навыки, необходимые сотруднику ОВД в ходе профессионального взаимодействия	1 час	Лекционное занятие
		1 час	Практическое занятие (семинар)
	2.3. Формирование навыков профессионального взаимодействия сотрудников ОВД с гражданским населением	3 часа	Практическое занятие (семинар)
	2.4. Формирование навыков профессионального взаимодействия сотрудников ОВД с коллегами	3 часа	Практическое занятие (семинар)

В рамках лекционных занятий психолог подразделения наглядно и доступно демонстрирует информацию о природе стресса, его симптомах и причинах возникновения, а также о мероприятиях по управлению стрессом; механизмах психологической защиты и копинг-стратегиях поведения личности [10]. Рекомендуется применение презентаций и видеоматериалов, соответствующих тематике занятия.

Практические занятия отличаются закреплением полученных теоретических знаний посредством проведения тренинговых методик под руководством психолога. В рассматриваемом направлении работы решается задача обучения конкретным практическим навыкам техник релаксации (расслабления) и саморегуляции поведения.

Тренинг может содержать комплекс разнообразных методик по психосаморегуляции и профилактике стрессов и дистрессовых состояний, позволяющий выработать стойкие навыки необходимой психоэмоциональной защиты. В основу тренинга могут быть положены методики созидающей визуализации Шакти Гавэйн и Луизы Хей, аутогенная тренировка И. Г. Шульца [11], нервно-мышечной релаксации Дж. Эверли и Р. Розенфельда, система прогрессивного расслабления Э. Джекобсона.

Система релаксационных упражнений Дж. Эверли и Р. Розенфельда предполагает напряжение с последующим расслаблением каждой группы мышц в течение 5 секунд, которые повторяются дважды. Предлагается начать расслабление с грудной клетки (пауза между упражнениями в 10–15 секунд), затем часть ног до колен, после паузы живот и бедра,

кисти рук, плечи, лицо. Расслабление большей части основных мышц тел и нахождение в таком состоянии 2 минуты. И, наконец, выход из состояния релаксации.

Упражнения тренировки нервно-мышечной релаксации рекомендуется проводить ежедневно 1–2 раза в день в перерывах на работе в течение 5–10 минут.

Второе направление работы по программе обучения защиты психики сотрудников ОВД в ходе установления межличностного взаимодействия обусловлено результатами нашего эмпирического исследования (сотрудникам ППС и ДПС присуще возникновение психологических барьеров в общении) также включает проведение лекционных и практических (семинарских) занятий. В лекционных занятиях необходимо отразить информацию о структуре процесса межличностного взаимодействия, субъектах и средствах, необходимых умениях и навыках сотруднику ОВД в процессе общения как с гражданами, так в служебном коллективе.

В процессе семинаров сотрудники ОВД в ходе обсуждений и дискуссий с коллегами, могут найти выход из сложившихся на работе затруднений и проблем. На групповых занятиях можно поделиться своими мыслями и чувствами. Делается акцент на эмоциональных межличностных воздействиях [12]. Такие занятия позволяют участникам прояснить стереотипы действий, препятствующие решению проблем, устанавливать более эффективные взаимоотношения с партнерами. В работе семинара могут использоваться ролевые игры, элементы психодрамы, тренинг сензитивности, приемы эмпатического слушания, невербальной коммуникации и др.

Задача практических занятий – обучение сотрудников ОВД приемам и техникам конструктивного общения, развитие коммуникативных способностей, получение первичных навыков по управлению конфликтными ситуациями и упреждению конфликтов. Наиболее эффективно, на наш взгляд, проведение тренингов коммуникативной компетенции [13].

Указанный тренинг включает в себя занятия, обособленные друг от друга, но логически связанные. Структура каждого занятия представляет собой комплекс тренинговых методик. Обязательным первоначальным этапом проведения тренинга являются упражнения, направленные на представление друг другу участников группы, их знакомство между собой. После знакомства тренинговая группа может приступить к выполнению подвижных упражнений, включающих элементы телесно-ориентированной терапии. Примерами подвижных упражнений тренинга могут быть «отзеркаливание» поведения и жестикюляции собеседника, деловые игры моделирования ситуаций взаимодействия в служебном коллективе [14]. Подвижные упражнения в тренинговой практике рекомендуется сочетать с медитативными техниками, релаксационными методиками. Также каждое занятие тренинга должно содержать упражнения на самосознание, развитие рефлексии и эмпатии.

Психолог ОВД может в процессе своей служебной деятельности, формирования профессионального опыта формировать базу затруднительных ситуаций взаимодействия, в которых участниками были сотрудники органов внутренних дел. Участникам подобных ситуаций рекомендуется заполнять соответствующие бланки системно-ситуативного анализа деятельности. Ситуации можно классифицировать по различным основаниям: причинам, субъектам, эмоциональной напряженности, успешности урегулирования, а на основании классификации создавать кейсы, которые в процессе тренинговых занятий предоставляются сотрудникам ОВД для дискуссионного разрешения проблемной ситуации, поиска конструктивного выхода и эффективного завершения [15].

Заключение

Таким образом, мы представили программу обучения защиты психики сотрудников ОВД в ходе установления межличностного взаимодействия, а также модель формирования профессионально важных личностных проявлений сотрудника ОВД, проявляющихся в межличностном взаимодействии на основе принципов системного анализа. Мы предполагаем, что Программа обучения защиты психики сотрудников ОВД в ходе установления межличностного взаимодействия может быть осуществлена по двум направлениям: 1) противодействие негативному и психотравмирующему влиянию стресса на грамотность и результативность установления межличностного взаимодействия полицейскими; 2) формирование навыков и умений эффективного профессионального общения в рамках служебной деятельности. Разработанная программа должна включать как лекционные занятия, с доведением теоретической информации, а также практические (семинарские) занятия с закреплением психологического материала. При реализации первого направления работы необходимо учитывать теоретические аспекты защиты психики при взаимодействии

с партнерами по общению, осуществлять профилактику развития дезадаптивных защит психики и неконструктивных копинг-стратегий. Второе направление деятельности предполагает учет проведения психологической коррекции имеющегося репертуара выстраивания коммуникативного контакта полицейскими.

Список литературы

1. Ефимкина Н. В., Новосельская С. Р. Психологические методы поддержания работоспособности у сотрудников органов внутренних дел РФ // Юридическая психология. – 2020. – № 2. – С. 9–13.
2. Кубышко В. Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4 (28). – С. 95–103; <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0409>.
3. Бурцев А. О., Ефимкина Н. В., Новосельская С. Р. Психологические методы восстановления и поддержания работоспособности у сотрудников органов внутренних дел / Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы : сборник статей Международной научно-практической конференции, 30 октября 2019 г. / ответственный за выпуск В. О. Лапин. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 69–73.
4. Ануфриева Д. А., Потапенкова И. В. Взаимодействие полиции с гражданами и их объединениями в деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности / Правопорядок в России: проблемы совершенствования : сборник научных статей Всероссийской конференции, 18–21 апреля 2017 г. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2017. – С. 42–46.
5. Красилов О. В., Мананников С. В., Мальченков Е. В. Влияние утомления на работоспособность организма в профессиональной деятельности сотрудников ОВД // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17-2. – С. 153–155.
6. Новосельская С. Р. Изучение особенностей психологической защиты и совладания у курсантов образовательных организаций МВД России в процессе их обучения // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2019. – № 1. – С. 70–72.
7. Позин А. И., Балашова В. А., Кравцов О. Г. Эмоциональная устойчивость как критерий профессиональной психологической пригодности сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 2. – С. 288–294; doi :10.24412/2073-0454-2023-2-288-294.
8. Якимова З. В. Агрессивный симптомокомплекс (агрессия, агрессивность и агрессивное поведение) в профессиональной деятельности полицейских // Психолог. – № 6. – 2021. – С. 12–27; <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37101>.
9. Халитов О. Ф. Исследование индекса жизненного стиля сотрудников как элемента комплекса мероприятий по профилактике профессиональной деформации // Вестник Московского университета МВД России. – № 1. – 2021. – С. 324–329; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-1-324-329>.
10. Рерке В. И., Портная Я. А. Изучение защитно-совладающего поведения у сотрудников правоохранительной системы // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – № 2. – 2019. – С. 42–48; <https://doi.org/10.25513/2410-6364.2019.2.42-48>.
11. Антонова Э. А., Ефимкина Н. В. Формирование готовности будущих сотрудников полиции к успешному преодолению психологических трудностей служебной деятельности / Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Тула, 21 октября 2021 г. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2021. – С. 67–69.
12. Мальцева Т. В., Купцов А. А. Взаимосвязь механизмов психологической защиты и синдрома эмоционального выгорания у сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24. – № 1 (76)– С. 74–79; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-11011>.
13. Марьин М. И., Петров В. Е., Ульянина О. А. Особенности психологического обеспечения в подготовке специалистов в образовательных организациях МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37). – С. 85–90.
14. Евтушенко Е. А., Лебедев И. Б., Тимашенкова В. П. Использование механизмов стресспреодолевающего поведения в процессе несения службы сотрудниками полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – № 3.– С. 30–33; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-30-33>.
15. Цветков В. Л., Балашова В. А., Агапов В. С., Хрусталева Т. А. Проблема здоровья сотрудников полиции и междисциплинарный подход // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 338–343; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-338-343>.

References

1. *Yefimkina N. V., Novosel'skaya S. R.* Psikhologicheskiye metody podderzhaniya rabotosposobnosti u sotrudnikov organov vnutrennikh del RF // *Yuridicheskaya psikhologiya*. – 2020. – № 2. – S. 9–13.
2. *Kubyshko V. L.* Sovershenstvovaniye psikhologicheskoy raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del // *Natsional'nyy psikhologicheskyy zhurnal*. – 2017. – № 4 (28). – S. 95–103; <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0409>.
3. *Burtsev A. O., Yefimkina N. V., Novosel'skaya S. R.* Psikhologicheskiye metody vosstanovleniya i podderzhaniya rabotosposobnosti u sotrudnikov organov vnutrennikh del / *Strategicheskoye razvitiye sistemy MVD Rossii: sostoyaniye, tendentsii, perspektivy* : sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30 oktyabrya 2019 g. / *Otvetstvennyy za vypusk V. O. Lapin*. – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – S. 69–73.
4. *Anufriyeva D. A., Potapenkova I. V.* Vzaimodeystviye politsii s grazhdanami i ikh ob'yedineniyami v deyatel'nosti po okhrane obshchestvennogo poryadka i obespecheniyu obshchestvennoy bezopasnosti / *Pravoporyadok v Rossii: problemy sovershenstvovaniya* : sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy konferentsii, 18–21 aprelya 2017 g. – Moskva: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. V. Ya. Kikotya, 2017. – S. 42–46.
5. *Krasilov O. V., Manannikov S. V., Mal'chenkov Ye. V.* Vliyaniye utomleniya na rabotosposobnost' organizma v professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov OVD // *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. – 2017. – № 17-2. – S. 153–155.
6. *Novosel'skaya S. R.* Izucheniye osobennostey psikhologicheskoy zashchity i sovladaniya u kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii v protsesse ikh obucheniya // *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti*. – 2019. – № 1. – S. 70–72.
7. *Pozin A. I., Balashova V. A., Kravtsov O. G.* Emotsional'naya ustoychivost' kak kriteriy professional'noy psikhologicheskoy prigodnosti sotrudnika politsii // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2023. – № 2. – S. 288–294; doi :10.24412/2073-0454-2023-2-288-294.
8. *Yakimova Z. V.* Agressivnyy simptomokompleks (agressiya, agressivnost' i agressivnoye povedeniye) v professional'noy deyatel'nosti politseyskikh // *Psikholog*. – № 6. – 2021. – S. 12–27; <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37101>.
9. *Khalitov O. F.* Issledovaniye indeksa zhiznennogo stilya sotrudnikov kak elementa kompleksa meropriyatiy po profilaktike professional'noy deformatsii // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – № 1. – 2021. – S. 324–329; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-1-324-329>.
10. *Rerke V. I., Portnaya Ya. A.* Izucheniye zashchitno-sovladayushchego povedeniya u sotrudnikov pravookhranitel'noy sistemy // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»*. – № 2. – 2019. – S. 42–48; <https://doi.org/10.25513/2410-6364.2019.2.42-48>.
11. *Antonova E. A., Yefimkina N. V.* Formirovaniye gotovnosti budushchikh sotrudnikov politsii k uspezhnomu preodoleniyu psikhologicheskikh trudnostey sluzhebnoy deyatel'nosti / *Psikhologicheski bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: problemy proyektirovaniya i perspektivy razvitiya* : sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tula, 21 oktyabrya 2021 g. – *Cheboksary: Izdatel'skiy dom «Sreda»*, 2021. – S. 67–69.
12. *Mal'tseva T. V., Kuptsov A. A.* Vzaimosvyaz' mekhanizmov psikhologicheskoy zashchity i sindroma emotsional'nogo vygoraniya u sotrudnikov politsii // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. – 2019. – T. 24. – № 1 (76)– C. 74–79; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-11011>.
13. *Mar'in M. I., Petrov V. Ye., Ul'yanina O. A.* Osobennosti psikhologicheskogo obespecheniya v podgotovke spetsialistov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. – 2016. – № 1 (37). – S. 85–90.
14. *Yevtushenko Ye. A., Lebedev I. B., Timashenkova V. P.* Ispol'zovaniye mekhanizmov stresspreodolevayushchego povedeniya v protsesse neseniya sluzhby sotrudnikami politsii // *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti*. – 2022. – № 3.– S. 30–33; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-30-33>.
15. *Tsvetkov V. L., Balashova V. A., Agapov V. S., Khrustaleva T. A.* Problema zdorov'ya sotrudnikov politsii i mezhdistsiplinarnyy podkhod // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2023. – № 1. – S. 338–343; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-338-343>.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 07.03.2024; принята к публикации 08.04.2024.

The article was submitted February 8, 2024; approved after reviewing March 7, 2024; accepted for publication April 8, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-264-274>

Наталья Владимировна Шарафутдинова

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-9174-4026>, Shnv_70@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
Российская Федерация, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Проблема исследования жизненных целей и диспозиционного материализма в структуре профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел

Аннотация: **Введение.** Статья посвящена анализу жизненных целей, стремлений, материализма сотрудников органов внутренних дел, подбору психодиагностического инструментария в рамках глобального исследования профессионального самосознания субъектов служебной деятельности. Актуальность темы исследования связана с неопределённостью структуры профессионального самосознания личности, отсутствием разработанной программы и методики эмпирического исследования профессионального самосознания, рекомендованных методик для диагностики, в том числе жизненных целей, стремлений, материализма. Для качественной деятельности органов внутренних дел необходимо решать кадровые вопросы, отбирать на службу наиболее перспективных, надежных сотрудников, сопровождать их на протяжении всей службы, способствовать их профессиональному развитию. В связи с этим возрастает роль психолога органов внутренних дел в проведении индивидуальной и групповой работы с сотрудниками, осуществлении психодиагностики и последующего сопровождения. **Методы.** В ходе проведения данной части научного исследования нами использовались такие методы, как научно-категориальный анализ, типологизация, тестирование. **Результаты.** Опросник «Индекс стремлений» (Т. Кассер, Р. Район в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, В. А. Егорова) позволил оценить выраженность как внешних, так и внутренних стремлений личности, дать им общую оценку и по отдельным шкалам соответственно. Данный опросник включен в программу исследования профессионального самосознания субъектов служебной деятельности с указанием в качестве мотивационных компонентов структуры следующих: отношения, сообщество, внешность, известность, влияние. К рефлексивным компонентам отнесли самовыражение. Получены результаты диагностики диспозиционного материализма как составной части структуры профессионального самосознания; выявлены положительные связи между отдельными показателями компонентного состава структуры профессионального самосознания.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, жизненные цели, внутренние стремления, внешние стремления, диспозиционный, материализм, психологическая диагностика

Для цитирования: Шарафутдинова Н. В. Проблема исследования жизненных целей и диспозиционного материализма в структуре профессионального самосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 264–274; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-264-274>.

Natalia V. Sharafutdinova

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-9174-4026>, Shnv_70@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

The problem of research life goals and dispositional materialism in the structure of professional self-awareness of employees of internal affairs bodies

Annotation: Introduction. The article is devoted to the analysis of life goals, aspirations, materialism of employees of internal affairs bodies, the selection of psychodiagnostic tools in the framework of a global study of professional self-awareness of subjects of official activity. The relevance of the research topic is determined by the uncertainty of the structure of professional self-awareness of the individual, the lack of a developed program and methodology for empirical research of professional self-awareness, recommended methods for diagnosis, including life goals, aspirations, materialism. For the activities of the internal affairs bodies, it is necessary to solve personnel issues, select the most promising, reliable employees for service, accompany them throughout their service, and promote their professional development. In this regard, the role of the psychologist of the internal affairs bodies in conducting individual and group work with employees, carrying out psychodiagnostics and subsequent support is increasing. **Methods.** In carrying out this part of the scientific research, we used such methods as scientific categorical analysis, typologization, testing. **Results.** The questionnaire “Index of aspirations” (T. Kasser, R. District in the adaptation of T. O. Gordeeva, O. A. Sychev, V. A. Egorova) made it possible to assess the severity of both external and internal aspirations of a person, to give them a general assessment and on separate scales, respectively. This questionnaire is included in the program of the study of professional self-awareness of subjects of official activity, indicating the following as motivational components of the structure: relationships, community, appearance, fame, influence. Self-expression was attributed to the reflexive components. The results of the diagnosis of dispositional materialism as an integral part of the structure of professional self-awareness are obtained; positive relationships between individual indicators of the component composition of the structure of professional self-awareness are revealed.

Keywords: professional self-awareness, life goals, internal aspirations, external aspirations, dispositional, materialism, psychological diagnostics

For citation: Sharafutdinova N. V. The problem of research life goals and dispositional materialism in the structure of professional self-awareness of employees of internal affairs bodies // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 264–274; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-264-274>.

Введение

В профессиональной деятельности психолог анализирует индивидуально-психологические, социально-психологические особенности личности сотрудника полиции, разрабатывает рекомендации и подходы к организации психологической работы (профилактической, коррекционной), программы воздействия на личность и группу по выявленным проблемам или с целью профилактики деструктивных явлений и поведения личности. Как известно, у каждого человека есть свои особенности, потребности и стремления к чему-либо, которые он хотел бы удовлетворить, цели, которых он хотел бы достичь. Важно это учитывать, анализировать, обращать внимание не только внешнюю активность личности, используемые ею средства в коммуникативных процессах, но и анализировать ее внутренние стремления, осуществлять комплексный анализ изучаемых психических явлений, определять пути морально-психологического обеспечения и развития профессиональной субъектности и самосознания в труде.

В данном исследовании приняли молодые сотрудники в возрасте от 20 до 22 лет. В статье рассматривается потребность в обновлении психодиагностического инструментария для психологической диагностики психических явлений и процессов, выбора надежного инструмента для изучения профессионального самосознания; отражены результаты применения «хорошо забытой и относительно новой» методики для диагностики жизненных целей, опросника для оценки диспозиционного материализма; дана краткая характеристика применяемого инструмента при изучении профессионального самосознания личности.

Изучая профессиональное самосознание личности, ее поведение, результаты деятельности, важно обратить внимание на причинность, зависимость психических явлений от порождаемых их факторов. В психологической науке «детерминизм (от лат. *determinare* – определять) – закономерная и необходимая зависимость психических явлений от порождаемых их факторов. Детерминизм включает причинность как совокупность обстоятельств, предшествующих во времени следствию и вызывающих его»¹. Понимая сложность изучения и описания психических явлений, анализа причин и зависимостей отдельных компонентов системы от свойств целого, например, от типов обратной связи; от статистической закономерности; целевой закономерности, влияющей на процесс достижения поставленной цели и др., исследователи предпринимают попытки разработки новых инструментов для диагностики, определения зависимости психических явлений от порождаемых их факторов и разнообразных причин.

Проблеме детерминизма уделяли внимание такие ученые, как Ч. Дарвин, В. Вунд, И. М. Сеченов, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и др. Учеными изучалась активность сознания, самосознания людей, разрабатывались научные принципы исследований. В качестве основного принципа объяснения психики личности, например, с позиции диалектического материализма, еще несколько десятков лет назад выдвигались положения о том, что «изменяя реальный, независимый от сознания мир своей предметной деятельностью, ее субъект изменяется сам. Благодаря этой деятельности одновременно порождаются и «внешнее» (продукты материальной и духовной культуры, в которых воплощаются сущностные силы человека), и «внутреннее» (сущностные силы человека, формирующиеся в процессе их объективизации в этих продуктах)»². Психологическая наука не стояла на месте и за последние десятилетия появилось много трудов по исследованию сознания и самосознания личности, по методологии, уточнению принципов научных исследований и предложению новых психодиагностических инструментов.

Проблеме самосознания посвящены исследования В. В. Столина, А. И. Захаровой, Е. Т. Соколовой, Т. Д. Марцинковской, С. В. Кошелевой, Т. Л. Мироновой, Л. М. Митиной, О. В. Москаленко, А. А. Ивановой, Е. Ю. Пряжниковой, И. В. Вачкова, Л. А. Григорович, Е. Ф. Яценко, Т. Ц. Дугаровой, Н. А. Тарасьян, А. А. Чекалиной и др.

Понятие «профессиональное самосознание» Е. Ю. Пряжникова раскрывает как «самосознание человека, для которого конкретная трудовая деятельность – главное средство утверждения чувства собственного достоинства как состоявшейся личности»³, дополняя тем, что оно «пересекается с понятиями «Я-концепция», «самоопределение» и «профессионализм»» [1, с. 82].

Т. Л. Миронова дает следующее определение: «Профессиональное самосознание, как разновидность социально-специфического самосознания, представляет собой сложное личностное образование, формирующееся под воздействием профессиональной среды и активного участия субъекта в профессиональной деятельности»⁴. Н. М. Борозинец предлагает к анализу различные трактовки понятия [2, с. 17]. Анализ данных примеров со всей очевидностью показывает, что единого определения понятия «профессиональное самосознание», в т. ч. и мнения по структуре профессионального самосознания, нет.

Существуют различия и сходство в раскрытии структуры профессионального самосознания, особенно в выделении основных ее компонентов: когнитивного, эмоционального, поведенческого. Например, А. Р. Петрулите в своей диссертации «Когнитивный и эмоциональный компоненты в структуре образа Я у студентов»⁵ раскрывает структуру самосознания, включающую два ее основных компонента: когнитивный (познавательный) и эмоциональный. Т. Ц. Дугарова, выдвигая гипотезу своего исследования, пишет, «что существует высокая степень выраженности показателей когнитивного, оценочно-аффективного, поведенческого компонентов профессионального самосознания...» [3, с. 54]. Ряд исследователей расширяют этот список, добавляя операциональный, мотивационный, оценочный и другие компоненты.

¹ Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1990. – С. 97.

² Там же. – С. 98.

³ Пряжникова Е. Ю. Психологические основы развития профессионального самосознания профконсультанта : дис. ... д-ра психол. наук. – Тверь, 2001. – С. 59.

⁴ Миронова Т. Л. Структура и развитие профессионального самосознания : дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 1999. – С. 6.

⁵ Петрулите А. Р. Когнитивный и эмоциональный компоненты в структуре образа Я у студентов: дис. ... канд. психол. наук. – Ленинград, 1984. – С. 32–38.

О том, что самосознание, в том числе профессиональное самосознание как таковое – это интегративное образование личности, «которое не дано человеку с рождения и имеет свой путь развития в онтогенезе»⁶, говорят большинство исследователей, добавляя при этом, что оно является динамическим образованием психики, важнейшим регулятором жизни и деятельности личности. Как отмечает К. А. Абульханова, «принятие сознанием одновременности и неразрывной слитности противоположного, противоречивого – позитивного и негативного есть проявление огромной силы сознания и самой личности. И неизбежны разочарования личности, сознание которой направлено только на достижения, удачи, благополучие жизни (как теперь говорится, «комфорт»), так же как проникнута пессимизмом (если не депрессией) жизнь личности, сознание которой пронизано трагизмом и негативизмом, что превращает и ее сознание, и ее жизненную позицию в созерцательную (или стихийную). Неспособное сознание приводит к недееспособности личности в жизни» [4, с. 35].

Исследование стремлений, целей, мотивов личности, особенностей ее мотивации – важный этап в оценке ее профессионального самосознания.

Понятие «мотив» в психологической литературе раскрывается как материальный или идеальный «предмет», который побуждает и направляет на себя деятельность или поступок, смысл которых состоит в том, что с помощью мотива удовлетворяются определенные потребности субъекта⁷. Во избежание разночтений, под мотивом мы будем понимать «побуждение», «состояние побуждения», «стремление», «импульс», «мотивацию». Триаду «потребность, мотив и деятельность» последовательно раскрывал в своих исследованиях А. Н. Леонтьев, развивая мысль о том, что формирование мотива приводит к возникновению функций: побуждения, направления деятельности, смыслообразующей. Последняя функция придает деятельности, целям личностный смысл, формирует осознанное внутреннее оправдание деятельности.

У зрелого, опытного человека есть знания, ресурсы разумного управления своими мотивами, смыслами. Что же касается лиц подросткового, юношеского возраста и молодежи, т. е. вероятность не верного выбора действий, деятельности, например, основанных на деструктивных, иррациональных установках, убеждениях, неверных приоритетах и определениях жизненных целей. А. А. Рубин в своем исследовании пишет, что вначале возникают элементы внешнего слоя структуры самосознания, ядро складывается позже, под их влиянием. Для зрелого самосознания характерно то, что ядро самосознания, куда входят убеждения и принципы, «обуславливает изменение содержания элементов внешнего слоя (мотивов, интересов, ценностных ориентаций, самооценки, «образа Я», модели своего будущего «Я»)»⁸.

В последнее время проблемы в изучении жизненных целей поднимались в исследованиях психологов, социологов А. Ю. Гайфуллина, Т. О. Гордеевой, Н. Н. Седовой, О. А. Сычева, Е. П. Федоровой и др. Изучалась проблема в различных по возрасту и составу выборках, предпринимались попытки структурирования целей на определенном этапе развития общества, а при изучении обучающихся, то на этапе их профессионального становления. Отмечалось то, что «структура жизненных целей – ценностей показывает процесс развертывания жизненного пути как «непрерывный поток личного и социального опыта», распределенный во времени (по «отрезкам» жизненного пути) имеющий ценностно-смысловую природу» [5, с. 156]; сходство мнений о том, что, изучая жизненные цели личности, можно спрогнозировать образ будущего, социальные процессы и поведение людей.

По наблюдениям А. Ю. Гайфуллина, например, «ключевыми ценностями молодежи являются материальные ценности, ценности профессионального и карьерного развития..., а в бытовом плане – комфорт, развлечения и привлекательность для противоположного пола; быть востребованными и нужными в профессиональном плане» [6, с. 120–127]. Для решения значимых проблем общества стоит обратить внимание на создание условий для раскрытия потенциала молодежи, обеспечения их востребованности и пр.

Результаты как психологических, так и социологических исследований показывают на трансформацию ценностей, жизненных целей личности, отмечают общую тенденцию роста значимости ценностей достижения и индивидуализма; попытки изменить

⁶ Молчанова О. Н. Психология самооценки : учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – С. 35.

⁷ Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – С. 305.

⁸ Рубин А. А. Генезис и структура самосознания личности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ленинград, 1979. – С. 15.

социальные программы, реанимировав коллективистские, патриотические, социально-значимые качества личности; проблему типологизации людей, склонных к целеполаганию, краткосрочному, среднесрочному, долгосрочному планированию и имеющих дефицит подобных умений и навыков и пр.

Социологами проводились исследования жизненных целей россиян, и давалась оценка достижимости жизненных целей (с уточнением того, были ли они вообще в жизненных планах или не были); изучалась структура жизненных целей «обывателей» (установки на внутренний локус контроля) и «пассионариев» (установки на внешний локус контроля) и анализировалась разница в показателях; на этой основе определялись типы мировоззрения (обывательский и пассионарный), респонденты группировались по уровню достижения жизненных целей [7, с. 73–91]. Изучая российское общество, специалисты разных направлений подготовки и специальностей пытаются решить вопрос развития личности, формирования ее необходимых умений и навыков, в том числе профессиональных, например, планирования, целеполагания, постановки адекватных и достижимых целей, повышения интереса к профессиональной деятельности и результативности.

Методы

При изучении профессионального самосознания для психолога остаются важными задачи как теоретико-методологического, так и эмпирического исследования профессионального самосознания субъектов служебной деятельности, а соответственно, и подбора надежного инструмента. В связи с этим нами были подобраны психологические методы и методики исследования, в числе которых был выбран опросник «Индекс стремлений» (Т. Кассер, Р. Район в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, В. А. Егорова) [8, с. 49–62], как удобный, надежный, валидный инструмент для оценки выраженности внешних и внутренних стремлений, важности целей, вероятности их достижения и степени их реализации, опросник диспозиционного материализма (К. В. Карпинский, Н. В. Кисельникова (Волкова)) [9, с. 104–117], обладающий схожими характеристиками. Ранее, нами была проведена работа по подбору методик эмпирического исследования динамики структурной организации профессионального самосознания субъектов служебной деятельности⁹, включающая шесть основных компонентов структуры и сто девятью четыре их показателя. В данной статье анализируются результаты диагностики преимущественно одного из компонентов структуры – мотивационного.

В связи с актуальностью исследования психики и поведения сотрудников органов внутренних дел в изменяющихся социальных условиях, изучения их жизненных целей, мотивации, благополучия, удовлетворенности на текущий момент была проведена предварительная работа с целью осуществления подбора и обоснования выбора психодиагностического инструментария, оценки результатов тестирования и продолжения научной психологической работы в дальнейшем. Выборку на данном этапе работы составили обучающиеся Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя в количестве 230 человек в возрасте от 19 до 21 года, из них 30 юношей и 200 девушек. Рассматривая комплексную характеристику первого опросника, стоит отметить, что он предназначен именно для диагностики жизненных целей и обладает такими качествами, как объективность, надежность, валидность, полезность, экономичность, прозрачность и др.¹⁰ Целевое назначение второго опросника – изучение материализма, который понимается как «индивидуально-психологическое свойство, проявляющееся в устойчивой предрасположенности личности наделять высшей значимостью материальную сторону своей жизни и действовать соответствующим образом в различных обстоятельствах» [9, с. 106]. Опросник, по мнению К. В. Карпинского и Н. В. Кисельниковой, обладает такими качествами, как надежность, валидность и др. Обращаем внимание читателей на то, что на данном этапе работы анализировались результаты диагностики относительно небольшой выборки, преимущественно состоящей из лиц женского пола, для оценки процедуры тестирования, сбора первичных, пробных эмпирических данных, уточнения целевого назначения инструмента, его целесообразности, объективности и пр. Анализ результатов тестирования выборки с количественно-качественным иным составом – эту задачу еще предстоит решать с использованием комплексного анализа

⁹ Шарафутдинова Н. В. Программа и методики эмпирического исследования динамики структурной организации профессионального самосознания субъектов служебной деятельности : учебно-методическое пособие / под ред. В. С. Агапова. – Москва: Юнити-Дана, 2024. – 200 с.

¹⁰ Опросник, по мнению разработчиков, показал хорошие психометрические характеристики, рекомендован к применению в работе как инструмент оценки внутренних и внешних стремлений на русскоязычных выборках.

профессионального самосознания обучающихся, оценки полученных результатов после использования всего пакета психодиагностического инструментария. На данном этапе исследования применялись опросники, включающие следующие шкалы:

1. «Индекс стремлений», включающий шесть шкал. К внешним стремлениям авторы отнесли внешность, известность, влиятельность. К внутренним – самовыражение, отношения, сообщество. При анализе результатов оценивается важность цели для респондентов, вера в ее достижимость и согласие с тем, что она уже достигнута. В психологической науке понятие «цель» раскрывается как «то, что реализует человеческую потребность и выступает в качестве образа конечного результата деятельности»¹¹.

2. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ), включающий четыре шкалы: «жадность», «зависть», «собственничество», «общий материализм».

Результаты. Анализ важности целей для респондентов по шкалам внутренних стремлений показал следующие результаты.

По шкале «самовыражение» средние значения показали 13 % респондентов от всей выборки, 87 % выборки отметили цели как важные и очень важные. Данные результаты свидетельствуют о том, что у каждого сотрудника (в данной выборке) есть потребности и желания самовыразиться, показать себя окружающему миру, проявить свою индивидуальность. Кто-то может это сделать через манипуляции со своей внешностью, сотрудник полиции может проявить себя через профессиональную деятельность, творческую, научную, т. е. самовыражается по-своему, раскрыв свои возможности и способности, свой потенциал. Низких значений по данной шкале не выявлено. По шкале «отношения» средние значения показали 4 % респондентов от всей выборки, 96 % выборки отметили цели как важные и очень важные. Это может означать то, что каждому сотруднику полиции важно иметь надежных друзей, сослуживцев, на которых они могли бы положиться. Это может говорить еще и о том, что данную социальную группу рассматривают как референтную, на нормы и ценности которой ориентируются, межличностные отношения в коллективах устраивают, климат хороший (но это требует уточнения). Каждый из респондентов хотел бы иметь надежные близкие отношения и удовлетворять потребности в признании, дружбе, любви, взаимности, что частично объясняется возрастными особенностями выборки, ориентации на традиционные ценности российского общества. По шкале «сообщество» средние значения показали 43 % респондентов от всей выборки, 57 % выборки отметили цели как важные и очень важные. Это свидетельствует о том, что респонденты данной выборки преследуют не столько личные цели, сколько отдадут отчет в важности своей профессиональной деятельности и достижений целей на улучшения самого общества, в котором они живут и работают; стремятся к оказанию помощи нуждающимся, при этом не преследуя корыстных интересов к оказанию профессиональной помощи другим, улучшая качество их жизни.

Анализируя внутренние стремления респондентов в целом, хотелось бы отметить, что средние значения показали 12 % респондентов от всей выборки, 88 % выборки отметили цели как важные и очень важные. Важное значение доминирования целей, связанных с развитием общества, с вкладом каждого сотрудника в достижение целей, поставленных перед сотрудниками полиции, свидетельствует о зрелой позиции личности, ее просоциальной направленности, т. е. желании проявления своей социальной человеческой природы, а именно, потребностей, влечений, установок, интересов, склонностей, убеждений и намерений приносить пользу, удовлетворять потребности другого индивида, общества.

Полученные результаты отразим для наглядности на рисунке 1.

Рис. 1. Внутренние стремления сотрудников органов внутренних дел

¹¹ Гамезо М. А., Домашенко И. А. Атлас по психологии : Информационно-методическое пособие к курсу «Психология человека». – Москва: Психологическое общество России, 2004. – С. 82.

Анализ важности целей для респондентов по шкалам внешних стремлений показал следующие результаты.

По шкале «внешность» средние значения показали 95 % респондентов от всей выборки, 5 % выборки отметили цели как важные и очень важные. Данные результаты исследования свидетельствуют о том, что большинству сотрудникам не столь важно то, чтобы другие отмечали то, как они выглядят, в том числе модно или нет. Данные исследования свидетельствуют о достаточно высоком уровне профессионального развития личности, и о высокой степени принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации, саморазвития и развития. Данные сотрудники осознают свою тождественность с группой, отмечают значимость членства в ней. Готовы к качественному выполнению профессиональной роли. Лишь малая часть выборки задумывается о том, как они воспринимаются в обществе, как выглядят, какое впечатление производят на других. Данным респондентам важно удовлетворять потребности и желания следования моде, быть привлекательными, повысить уровень своего психологического благополучия. Изучая индивидуально-психологические особенности респондентов, их сознание и профессиональное самосознание важно еще обратить внимание на самооценку личности, ее Я-концепцию и другие аспекты, влияющие на психические состояния, свойства личности, что требует дополнительных исследований.

По шкале «известность» средние значения показали 95 % респондентов от всей выборки, 5 % выборки отметили цели как важные и очень важные. Данные результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство респондентов не стремятся быть знаменитыми, известными, и не нуждаются в удовлетворении потребности в восхищении ими многими другими людьми. Малая часть выборки все же стремится к известности. При достижении положительной репутации, известности общество будет ориентироваться на мнение, рекомендации данных сотрудников полиции, но в условиях формирования так называемой отрицательной репутации и негативного опыта – общественность, как правило, дистанцируется, будет ориентироваться на другие идеалы, других сотрудников полиции. Важно чтобы стремления личности были направлены на развитие себя как профессионала, на достижение значимых целей для общества. Необходимо уделять внимание и развитию нормативного, в том числе, правового сознания личности, еще больше говорить о ценностях, нормах, традициях, потребностях именно нашего российского общества.

Как пишет К. А. Абульханова, «ведущей ценностью российского общества, должна, наконец, стать личность, уровень развития которой сможет обеспечить и адекватный анализ современных социальных отношений, и построение новых, соответствующих благополучию России» [10, с. 166]. Е. Ю. Пряжникова и Т. А. Егоренко и другие делают акцент на том, что, «участвуя сначала в учебно-профессиональной, а затем и в профессиональной деятельности, индивид не только приобретает адекватные представления о своей профессии и о собственных возможностях, но и активно развивает их. Формируясь как субъект профессиональной деятельности и формируя отношение к себе как к деятелю, он развивается как личность» [11, с. 120].

По шкале «влиятельность» средние значения показали 70 % респондентов от всей выборки, 30 % выборки отметили цели как важные и очень важные. Это свидетельствует о том, что большая часть респондентов готова подчиняться, следовать указаниям руководителей и не столь сильно стремятся к руководству коллективами. Треть выборки респондентов стремятся стать влиятельными, занять высокое положение в обществе, иметь высокий статус и власть над другими. При высоком уровне интеллекта, знания своей профессии, психологии коллектива и умений управлять другими, «властолюбцы» могут быть успешными в роли руководителей, но при склонностях к насилию, злоупотреблению властью, слабых знаниях социальной психологии, психологии личности и т. п., неумения прогнозировать последствия поведения возможны разнообразные конфликты данной личности и группы, в том числе носящие деструктивный характер. Как уже выше отмечалось, для изучения психологических особенностей личности, необходимо разрабатывать исследовательские программы, формировать психодиагностический инструментарий и определять методику научного исследования, уточняя цели, методы, гипотезы в каждом отдельном случае, осуществлять профилактические, коррекционные адресные мероприятия. Анализируя внешние стремления респондентов в целом, хотелось бы отметить, что средние значения показали 87 % респондентов от всей выборки, 13 % выборки отметили цели как относительно важные (по сумме баллов по шкалам внешность, известность и влиятельность).

В исследовании О. В. Гудименко уточнены факторы, определяющие высокую мотивацию достижения успеха, а именно, «стремление достигнуть максимально

высоких результатов; стремление заниматься любым делом лучше всех; выбор сложных заданий и стремление их выполнить; преобладание в поведении личности внутреннего локуса контроля; стремление совершенствовать себя в своем мастерстве; выбор целей, превосходящих по сложности предыдущие; высокий уровень креативности и стремление к самореализации» [12, с. 190], что говорит о необходимости тщательного анализа структурных компонентов профессионального самосознания.

Таким образом, опросник, предназначенный для диагностики жизненных целей, позволил оценить как внешние, так и внутренние стремления личности, ее жизненные цели; определить наиболее выраженные из них, а именно, внутренние цели и сделать заключение, что данные стремления создают условия для удовлетворения базовых психологических потребностей автономии личности, ее компетентности, связанности, укрепляя ее психологическое благополучие.

Результаты по внешним стремлениям отразим для наглядности на рисунке 2.

Рис. 2. Внешние стремления сотрудников органов внутренних дел

Соглашаясь со сделанными ранее А. М. Гадила, С. А. Месникович выводами, что «жизненные цели, определяя возможности саморазвития и самореализации личности, являются показателями социальной, духовной и нравственной зрелости человека» [13, с. 64], акцентируем внимание на необходимости целенаправленной психологической работы с молодежью по возникающим проблемам, связанным с изучаемым феноменом. Как верно было отмечено в статье Н. Д. Скосыревой и других, «молодежь во все времена была и остается ключевым фактором и стратегическим ресурсом прогрессивного развития общества. Именно ей предстоит определять и реализовывать темпы и масштабы движения общества в ближайшие десятилетия» [14, с. 413].

Анализ результатов оценки диспозиционного материализма по шкалам «жадность», «зависть», «собственничество», «общий материализм» показал следующие результаты:

По шкале «жадность» результаты на низком уровне выявлены у 73 % респондентов, на среднем уровне – у 26 %. По шкале «зависть» результаты на низком уровне выявлены у 61 % респондентов, на среднем уровне – у 39 %. По шкале «собственничество» результаты на низком уровне выявлены у 17 % респондентов, на среднем уровне – у 70 %, на высоком – у 13 % респондентов, что может означать стремления личности к наживе, обогащению. По шкале «общий материализм» результаты на низком уровне выявлены у 39 % респондентов, на среднем уровне – у 61 %.

В дальнейшем было определено, существует ли связь между показателями стремления личности и диспозиционного материализма. Вычисления показали, что показатели «отношения» коррелирует с «самовыражением» ($r = 0.71$ при $p \leq 0,01$) (сильная, тесная связь); «отношения» коррелирует с «сообществом» ($r = 0.50$ при $p \leq 0,01$) (средняя связь). Корреляция между «самовыражением» и «сообществом» умеренно выражена ($r = 0.42$ при $p \leq 0,05$), а «зависть» коррелирует с «жадностью» ($r = 0.27$ при $p \leq 0,05$) (слабая связь). Таким образом, результат показал, что лишь небольшая часть признаков находится в некотором соответствии с изменчивостью другого признака.

Обсуждение результатов

Представленные в статье опросники охватывают преимущественно показатели мотивационного компонента структуры профессионального самосознания. Они обладают высокими психометрическими характеристиками (структурная валидность, надежность и др.) и могут быть использованы в психологических и междисциплинарных исследованиях.

По итогам проведенной работы:

- 1) выявлена лишь небольшая часть признаков, которые находятся в некотором соответствии с изменчивостью другого признака;
- 2) положительно коррелируют «отношения» с «самовыражением», с «сообществом»; «жадность» с «завистью»;
- 3) не выявлена связь между показателями диспозиционного материализма и жизненными целями.

Однако для исследования изучаемого феномена, на наш взгляд, необходимо увеличить выборочную совокупность, использовать по возможности более развернутые инструменты при изучении профессионального самосознания, не ограничиваться репрезентативными российскими выборками, исследовать иные показатели компонентного состава структуры, например, самомотивацию, мотивацию на успех, целеустремленность и другие показатели мотивационного компонента и связи между ними.

Заключение

Таким образом, данная статья предлагает для исследователей доступные и валидизированные инструменты, способствует развитию исследований структурной организации профессионального самосознания, в том числе его мотивационного компонента. Предложенная краткая версия опросника «Индекс стремлений» позволила оценить выраженность трех внешних и трех внутренних стремлений, дать им общую оценку. Опросник диспозиционного материализма способствовал оценке зависти, жадности, собственничества и материализма в целом. Полученные различия целей указывают на необходимость более глубокого анализа индивидуально-психологических особенностей личности сотрудника полиции, ее сознания и самосознания. По наблюдениям В. А. Слостенина, «самосознание позволяет человеку осмысленно выстраивать пространство и перспективу собственной жизни, определять свое предназначение, жизненные задачи, ценности, которые человек принимает, траекторию своего движения» [15, с. 175], важно способствовать в этом и с целью формирования фундаментального личностного образования – профессионального самосознания. Д. В. Рожков, В. С. Агапов и другие обращают внимание на то, что «понимание внутренних личностных процессов является одним из важнейших с точки зрения эффективности обучения в высшем учебном заведении» [16, с. 22], что скажется и на дальнейшей профессиональной деятельности.

В перспективе необходимо осуществить подобное исследование на выборке с качественно другим составом, так как в данную выборку вошли преимущественно лица женского пола; систематизировать психодиагностический инструментарий для оценки профессионального самосознания субъектов служебной деятельности и по возможности подобрать более развернутые инструменты для диагностики; исследовать закономерности структурной организации и динамики профессионального самосознания; выявить пути морально-психологического обеспечения и обретения профессиональной субъектности в труде. Результатом работы должна стать обоснованная структурно-динамическая концепция профессионального самосознания субъектов служебной деятельности.

Список литературы

1. Пряжникова Е. Ю., Чистовский Д. И. Самосознание студентов с ОВЗ на этапе профессионального развития // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – № 4. – С. 81–91.
2. Борозинец Н. М. Дефиниция «профессиональное самосознание» в трудах отечественных и зарубежных учёных // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1 (44). – С. 16–18.
3. Дугарова Т. Ц., Прохоренко Е. О. Профессиональное самосознание студентов магистратуры, обучающихся по направлениям «Психология» и «Педагогика» // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 8 (76). – С. 53–60; <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.9>.
4. Абульханова К. А. Сознание личности как жизненная способность // Мир психологии. – 2018. – № 2 (94). – С. 30–36.
5. Федорова Е. П. Жизненные цели как показатели процесса жизненного самоосуществления на этапе профессионального становления // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2017. – № 1 (17). – С. 154–157.
6. Гайфуллин А. Ю. Ценностные ориентации и жизненные цели современной молодежи Республики Башкортостан // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2022. – № 1 (9). – С. 120–127; https://doi.org/10.47309/2713-2358_2022_120_127.

7. *Седова Н. Н.* Жизненные цели и стратегии россиян: контекст пассионарности // Социологический журнал. – 2016. – Т. 22 – № 2. – С. 73–91; <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.2.4260>.
8. *Гордеева Т. О., Сычев О. А., Егоров В. А.* Диагностика жизненных целей: Краткая версия опросника «Индекс стремлений» // Психологический журнал. – 2023. – Т. 44. – № 4. – С. 49–62; <https://doi.org/10.31857/S020595920027085-9>.
9. *Карпинский К. В., Кисельникова (Волкова) Н. В.* Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 1. – С. 104–117; <https://doi.org/10.31857/S020595920002256-7>.
10. *Абульханова К. А.* Проблемы сознания и его исследований в отечественной психологии XX–XXI столетий / Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии : результаты и перспективы развития : сборник научных работ / отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. – Москва: Институт психологии РАН, 2017. – С. 158–166.
11. *Пряжникова Е. Ю., Егоренко Т. А.* Проблема профессионального становления личности. // Современная зарубежная психология. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 111–122.
12. *Гудименко О. В.* Самодетерминация стремления к самоактуализации и достижению успеха в юношеском возрасте // International Journal of Medicine and Psychology. – 2023. – Т. 6. – № 2. – С. 189–194.
13. *Гадилия А. М., Месникович С. А.* Жизненные цели в структуре профессионального становления студентов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2016. – № 16-2. – С. 59–65.
14. *Скосырева Н. Д., Зинич А. В., Помогаев В. М., Разумов В. И., Ревякина Ю. Н., Васюкова М. В.* Жизненные перспективы, ценности и цели молодежи Сибири (по данным исследования в Сибирском федеральном округе) // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14. – № 2-2. – С. 411–428; <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-411-428>.
15. *Сластенин В. А.* Профессиональное самосознание учителя // Сибирский педагогический журнал. – 2005. – № 2. – С. 170–177.
16. *Рожков Д. В., Агапов В. С., Абдурахманов Р. А.* Особенности проявления личностных структурных компонентов самоуправления студентов в учебной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2023. – № 2 (63). – С. 22–30; <https://doi.org/10.26456/vtspyped/2023.2.022>.

References

1. *Pryazhnikova Ye. Yu., Chistovskiy D. I.* Samosoznaniye studentov s OVZ na etape professional'nogo razvitiya // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. – 2014. – Т. 19. – № 4. – С. 81–91.
2. *Borozinets N. M.* Definitiya «professional'noye samosoznaniye» v trudakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchonykh // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2014. – № 1 (44). – С. 16–18.
3. *Dugarova T. Ts., Prokhorenko Ye. O.* Professional'noye samosoznaniye studentov magistratury, obuchayushchikhsya po napravleniyam «Psikhologiya» i «Pedagogika» // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. – 2020. – № 8 (76). – С. 53–60; <https://doi.org/10.24158/spp.2020.8.9>.
4. *Abul'khanova K. A.* Soznaniye lichnosti kak zhiznennaya sposobnost' // Mir psikhologii. – 2018. – № 2 (94). – С. 30–36.
5. *Fedorova Ye. P.* Zhiznennyye tseli kak pokazateli protsessa zhiznennogo samoosushchestvleniya na etape professional'nogo stanovleniya // Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava. – 2017. – № 1 (17). – С. 154–157.
6. *Gayfullin A. Yu.* Tsennostnyye oriyentatsii i zhiznennyye tseli sovremennoy molodezhi Respubliki Bashkortostan // Ufimskiy gumanitarnyy nauchnyy forum. – 2022. – № 1 (9). – С. 120–127; https://doi.org/10.47309/2713-2358_2022_120_127.
7. *Sedova N. N.* Zhiznennyye tseli i strategii rossiyan: kontekst passionarnosti // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2016. – Т. 22 – № 2. – С. 73–91; <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.2.4260>.
8. *Gordeyeva T. O., Sychev O. A., Yegorov V. A.* Diagnostika zhiznennykh tseley: Kratkaya versiya oprosnika «Indeks stremleniy» // Psikhologicheskii zhurnal. – 2023. – Т. 44. – № 4. – С. 49–62; <https://doi.org/10.31857/S020595920027085-9>.
9. *Karpinskiy K. V., Kisel'nikova (Volkova) N. V.* Oprosnik dispozitsionnogo materializma (ODM): kontseptual'nyye osnovy i psikhometricheskaya razrabotka // Psikhologicheskii zhurnal. – 2019. – Т. 40. – № 1. – С. 104–117; <https://doi.org/10.31857/S020595920002256-7>.

10. *Abul'khanova K. A.* Problemy soznaniya i yego issledovaniy v otechestvennoy psikhologii XX–XXI stoletiy / Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii : rezul'taty i perspektivy razvitiya : sbornik nauchnykh rabot / otv. red. A. L. Zhuravlov, V. A. Kol'tsova. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2017. – S. 158–166.
11. *Pryazhnikova Ye. Yu., Yegorenko T. A.* Problema professional'nogo stanovleniya lichnosti // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. – 2012. – T. 1. – № 2. – S. 111–122.
12. *Gudimenko O. V.* Samodeterminatsiya stremleniya k samoaktualizatsii i dostizheniyu uspekha v yunosheskom vozraste // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2023. – T. 6. – № 2. – S. 189–194.
13. *Gadiliya A. M., Mesnikovich S. A.* Zhiznennyye tseli v strukture professional'nogo stanovleniya studentov // *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. Istoricheskiye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki*. – 2016. – № 16-2. – S. 59–65.
14. *Skosyreva N. D., Zinich A. V., Pomogayev V. M., Razumov V. I., Revyakina Yu. N., Vasyukova M. V.* Zhiznennyye perspektivy, tsennosti i tseli molodezhi Sibiri (po dannym issledovaniya v Sibirskom federal'nom okruge) // *Idei i idealy*. – 2022. – T. 14. – № 2-2. – S. 411–428; <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-411-428>.
15. *Slastenin V. A.* Professional'noye samosoznaniye uchitelya // *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. – 2005. – № 2. – S. 170–177.
16. *Rozhkov D. V., Agapov V. S., Abdurakhmanov R. A.* Osobennosti proyavleniya lichnostnykh strukturnykh komponentov samoupravleniya studentov v uchebnoy deyatel'nosti // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. – 2023. – № 2 (63). – S. 22–30; <https://doi.org/10.26456/vtppsyped/2023.2.022>.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 20.04.2024.

The article was submitted December 4, 2023; approved after reviewing April 9, 2024; accepted for publication April 20, 2024.

Юридическая психология и психология безопасности

Научная статья
УДК 159.9.072
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-275-285>

Наталья Андреевна Гончарова
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, goncharova_n@bk.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1*

Ценностные факторы в обеспечении психологического благополучия курсантов образовательной организации Министерства внутренних дел России

Аннотация: Введение. Ценности, сформированные в период профессиональной подготовки и обучения в высшем учебном заведении, оказывают существенное влияние на формирование смыслов субъекта учебной деятельности, а возможность их бесконфликтной реализации детерминирует состояние психологического благополучия. Расхождения в представлениях личности о способах реализации ценностей, а также доминирование желаний над мотивацией достижений и мотивацией ориентации на успех, детерминирует пассивность в реализации ценностных целей и психологическое неблагополучие. **Цель исследования** состояла в выявлении особенностей и взаимосвязей ценностных факторов, обеспечивающих психологическое благополучие курсантов образовательной организации МВД России. **Методы.** В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, психодиагностический метод, методы описательного, сравнительного и корреляционного анализа с использованием t-критерия Стьюдента и коэффициента корреляции Пирсона. Выборка исследования была представлена курсантами, обучающимися в образовательной организации высшего образования МВД России ($n = 152$), средний возраст: $22,1 \pm 1,1$ лет. **Результаты.** В результате исследования установлено, что представленность ценностных факторов в комплексе переживания как психологического благополучия, так и психологического неблагополучия детерминирована практически равнозначными ценностями. Различия между благополучием и неблагополучием обеспечиваются большей выраженностью ценностей развития себя, духовного удовлетворения, ценностей сферы общественной жизни, обучения и образования при состояниях психологического благополучия. В исследовании выявлена зависимость психологического благополучия от реализации ценностей, что объясняется многочисленными положительными корреляциями между значениями ценностей и благополучия. При психологическом неблагополучии корреляции между его значениями и значениями ценностей

характеризуются обратными, отрицательными связями. Наиболее значимым критерием в оценке связей ценностей и психологического благополучия выступает не столько фактор ценностей, сколько механизм их достижения, отражающий общую активность личности, уровень позитивной мотивации, ориентацию на успех и личностную зрелость.

Ключевые слова: психологическое благополучие, счастье, служение, нравственная направленность, терминальные ценности, ценностные сферы, реализация ценностей, курсанты, сотрудники органов внутренних дел

Для цитирования: Гончарова Н. А. Ценностные факторы в обеспечении психологического благополучия курсантов образовательной организации Министерства внутренних дел России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 275–285; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-275-285>.

Natalia A. Goncharova

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, goncharova_n@bk.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Value factors in providing cadets' psychological wellbeing in the educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: Introduction. The values being formed at the period of the professional training and study in the higher education institution have a significant impact on the formation of the subject's meanings of educational activities, and the possibility of their conflict-free realisation determinates the state of psychological wellbeing. Differences of the individual's ideas about the ways of realising the values, and also the domination of desires over the achievement motivation and the motivation of focusing on success determinate passivity in the realisation of value targets and psychological distress. **The aim of study** consisted of identifying the peculiarities and interrelationships of value factors providing cadets' psychological wellbeing in the educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia. **Methods.** In the study the general scientific methods were used, aimed at the collection, analysis, systematising and generalisation of data, also psycho-diagnostic method, methods of descriptive, comparative and correlation analyses with using Student t-criteria and Pearson correlation coefficient. The selection of study was introduced to the cadets having been trained in the higher education institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia ($n = 152$), average age: $22,1 \pm 1,1$ years. **Results.** In the result of study it was established that representation of value factors in the complex of experience both the psychological wellbeing and the psychological distress, was determined practically with equal values. Differences between wellbeing and distress are provided with higher expression of values of developing yourself, spiritual satisfaction, values of public life spheres, training and education at the state of psychological wellbeing. During the study the dependence of the psychological wellbeing from the realisation of values was identified what is explained with multiple positive correlations between the value meanings and wellbeing. At psychological distress the correlations between its meanings and the value meanings are characterised with negative links. The most significant criteria in the assessment of links between values and psychological wellbeing is not so the value factor as mechanism of their achievement reflecting general personality activity, the level of positive motivation, focus on success and personality maturity.

Keywords: psychological wellbeing, happiness, serving, moral orientation, terminal values, value spheres, realisation of values, cadets, officers of law enforcement agencies

For citation: Goncharova N. A. Value factors in providing cadets' psychological wellbeing in the educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 275–285; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-275-285>.

Введение

Актуальность исследования проблем ценностей и благополучия сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) определяется сложностью условий профессиональной деятельности и необходимостью прогноза профессиональной успешности, удовлетворенностью деятельностью и профилактикой профессионального выгорания. В период профессиональной подготовки и обучения в высшем учебном заведении, совпадающим с сензитивным периодом формирования ценностно-смысловой сферы, от ценностей и их реализации в немалой степени зависит психологическое благополучие личности. При этом значимым оказывается их влияние на формирование смыслов субъекта в деятельности, а также на возможность их бесконфликтной реализации, что определяет уровень состояний благополучия. В числе факторов, обеспечивающих психологическое благополучие, чаще всего рассматриваются личностные особенности, адаптивные ресурсы, особенности эмоциональной сферы, психологическое и физическое здоровье [1, с. 141]. Ценностные аспекты в структуре психологического благополучия занимают ведущее положение и являются важным условием обретения личностью смыслов, целей и мотивации, необходимой для их достижения [2]. В сфере правоохранительной деятельности ценности определяют нормативные и нравственные ее цели, реализация которых для каждого субъекта связана с безопасностью, стабильностью, психологическим благополучием и эффективностью.

Многогранность понятия психологического благополучия отражена в классических его определениях, подчеркивающих интегральный характер этих состояний личности, отражающих удовлетворенность, здоровье, реализацию ценностей и счастье. Так Д. А. Леонтьев считает психологическое благополучие максимально позитивным эмоциональным переживанием и высшим благом, состоянием счастья, благодаря которому объединяется желаемое человеком и «сущее», и это состояние «затрагивает не отдельные желания, а охватывает человека целиком и сигнализирует субъекту о том, что в его жизни сейчас все происходит именно так, как он желает; о разного рода рассогласованиях или неполном соответствии между желаемым и фактическим сигнализируют другие эмоциональные состояния» [3, с. 19].

Истоки проблемы благополучия восходят к работам Аристотеля и его учению о «высшем благе», которое он считает главной целью существования человека, и достижение этой цели является показателем полноты жизни человека, счастья, оправдания смыслов. Благополучием, согласно представлениям Аристотеля, является переживание счастья и счастливой жизни. Благо зависит от целей любого вида деятельности и средств его достижения, при этом благом могут считаться преимущественно ценностные средства его достижения, которые соответствуют правилам добродетели (нравственности). Аристотель утверждал, что «благо человека заключается в деятельности души, сообразной с добродетелью, а если добродетелей несколько, то в деятельности, сообразной с лучшей и совершеннейшей добродетелью, и притом в течение всей жизни»¹. Фактор нравственного достижения ценностных целей в переживании благополучия выступает существенно важным условием, так как в результате положительных переживаний, соответствующих общественным ожиданиям, становится возможной удовлетворенность трудом, собой и отношениями.

Анализируя представления Аристотеля о счастье, Н. В. Медведев наряду с пониманием такового в индивидуалистическом смысле отмечает и его позицию с точки зрения блага народа и блага государства. Позиция Аристотеля направлена «не столько на защиту всякого преднамеренного, своекорыстного поведения, сколько на формирование социально поддерживаемого, одобряемого нравственного идеала» [4, с. 126]. Это значит, что индивидуальное счастье (благополучие) будет возможным при условии социального одобрения, совпадения личного блага с нравственными ценностями и благом общественным.

Поставленная в философии проблема благополучия (блага) постепенно эволюционировала и обрела аксиологический смысл, и это происходило благодаря ценностному отношению человека к явлениям действительности и самому себе [5; 6]. Возникающие внутренние противоречия между личностно ценимыми и общественно принятыми ценностями, между личным благом и его общественной оценкой требуют благополучного разрешения. Благополучие возможно при удовлетворении потребностей и согласованной возможности совпадения субъективных намерений и личных усилий, достижении целей и гармоничности ценностей. Как обобщенный индикатор успешности

¹ Аристотель. Никомахова этика / перевод Э. Л. Радлова. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – С. 12.

и качества жизни человека благополучие является субъективной реальностью и, с точки зрения Б. Ю. Берзина, И. В. Дубровиной, П. П. Фесенко Т. Д. Шевеленковой, свидетельствует о степени реализации задач личностного совершенствования и самореализации в деятельности [5–7].

Исследования эмпирических связей между состояниями благополучия и ценностями находятся пока в состоянии поиска, выясняя условия и механизмы их взаимовлияния, определяя ценностные факторы психологического благополучия. В современных зарубежных исследованиях в числе факторов благополучия личности все чаще рассматриваются психологически интегрированные ценности, определяющие целеустремленность человека к их реализации. Так, С. G. Deyoung и V. Tiberius предлагают определение благополучия, отражающее стремление к набору неконфликтных ценностей, которые эмоционально, мотивационно и когнитивно подходят человеку [8]. Согласно данному пониманию, ценности являются «ключом» к благополучию, а в достижении внутренней гармонии как условия благополучия ведущую роль играет их субъективная иерархия, «свой собственный список ценностей» [8]. Тесная взаимосвязь благополучия и ценностей рассматривается как психологический механизм, обеспечивающий взаимную детерминацию данных явлений. Благополучие оказывает влияние на оптимизм личности в достижении целей деятельности и реализации ценностей, а реализация ценностей будет бесконфликтна при наличии физического и психологического здоровья, сформировавшихся собственных ценностных приоритетов и иерархии ценностей, индивидуально-психологических особенностей личности, глубинных мотивов, культурных представлений о благополучии [8, с. 14].

Аналогичную позицию при обсуждении феномена психологического благополучия занимает И. В. Дубровина, отмечая, что «именно ценностные ориентации человека определяют ту высшую цель, к которой он стремится, и те средства, которые он считает допустимыми для достижения того, к чему стремится» [5, с. 11]. Субъективное благополучие молодого поколения страны, с точки зрения И. В. Дубровиной, неразрывно связано и с проблемой воспитания, смыслом которого должна быть поддержка личности, ее духовности и нравственности.

По мнению Е. Ю. Костиной, субъективное переживание благополучия ценностно по своему содержанию и определяется степенью реализации значимых ценностей [9]. Д. А. Леонтьев отмечает в субъективном благополучии приоритетность связи благополучия с личностной оценкой, личностными характеристиками и ценностными ориентациями, и эти связи менее зависимы от объективных условий [3].

На связи благополучия и ценностей акцентирует внимание Е. С. Балабанова при оценке их вклада в социальное благополучие. Задаваясь вопросом о том, какие ценности в большей степени связаны с благополучием, она приходит к выводу, согласно которому отмечается «позитивная связь с социальным благополучием ценностей морального совершенства и профессионализма, и негативная – материалистических ценностей поиска личной выгоды, минимизации усилий и комфорта в сфере труда» [10, с. 26].

В современных эмпирических исследованиях ценностей молодого поколения установлено, что они являются предикторами психологического благополучия. Так, О. Н. Комаровой и А. Л. Рассказовой доказано, что моральные ценности старшеклассников, ценности добра, дружбы, любви положительно коррелируют с уровнем общего психологического благополучия [1]. В исследовании Н. В. Шуваловой и Н. В. Корепановой выявлена зависимость личностного благополучия и личностного роста от реализации ценностей [11]. Т. Л. Худяковой и Т. О. Бородовицыной установлены и проанализированы многочисленные взаимосвязи между ценностями (по Ш. Шварцу), и «компонентами психологического благополучия» (по К. Рифф) у студентов – будущих психологов и педагогов [12, с. 66]. Проблемы связи ценностей и психологического благополучия сотрудников ОВД и курсантов образовательных организаций МВД России пока не нашли широкого отражения в современных научных работах. Наиболее полное исследование представлено в работе В. Л. Цветкова и А. И. Ивановой, которыми установлено, что в ценностно-смысловой сфере личности курсантов образовательной организации МВД России преобладает прагматическая направленность, снижающая уровень эмоционального благополучия [13, с. 314]. Отдельные работы посвящены проблемам благополучия сотрудников ОВД, и в числе факторов, детерминирующих такие состояния, перечисляются свойства личности и ценности [14].

Анализ проблемы ценностей и благополучия позволил определить *цель исследования*, которая состояла в выявлении особенностей и взаимосвязей ценностных факторов, обеспечивающих психологическое благополучие курсантов образовательной организации МВД России.

Методы и методики исследования

В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных. Исследование осуществлялось также с помощью стандартизированных психодиагностических методик: «Тест психологического благополучия» (в адаптации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко); «Опросник терминальных ценностей» (И. Г. Сенин). Выборку исследования составили курсанты, обучающиеся на четвертом и пятом курсах Санкт-Петербургского университета МВД России ($n = 152$), средний возраст $22,1 \pm 1,1$ лет. Выборка была разделена на две группы в соответствии со значениями признака психологического благополучия: первая группа – с высокими значениями общего показателя психологического благополучия ($n = 82$); вторая группа – с низкими значениями общего показателя психологического благополучия ($n = 70$). Статистическая обработка результатов исследования выполнена с помощью стандартных компьютерных программ SPSS Statistics, при помощи методов описательного, сравнительного и корреляционного анализа с использованием t-критерия Стьюдента и коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты исследования

Особенности показателей психологического благополучия всей выборки испытуемых характеризуются отсутствием значений среднего уровня, и представлены статистически достоверно различающимися значениями высокого и низкого уровня (таблица 1).

Таблица 1

Показатели психологического благополучия («Тест психологического благополучия» в адаптации Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко)

Показатели	Группа с высоким уровнем психологического благополучия M ± σ	Группа с низким уровнем психологического благополучия M ± σ	p ≤
Положительные отношения с другими*	67,92 ± 7,56	51,91 ± 5,2	0,001
Автономия*	62,24 ± 7,1	47,11 ± 5,9	0,001
Управление окружением*	65,29 ± 9,1	50,9 ± 10,2	0,001
Личностный рост*	65,3 ± 8,1	49,14 ± 12,5	0,001
Цель в жизни*	66,63 ± 8,9	51,71 ± 14,5	0,001
Самопринятие*	67,9 ± 8,8	51,37 ± 16,8	0,001
Общий показатель психологического благополучия*	353,4 ± 36,41	298,9 ± 12,9	0,001
<i>Примечание:</i> * p ≤ 0,001.			

В процессе исследования выявлен высокий процент лиц с низким уровнем психологического благополучия (46 %) и установлены достоверно значимые различия между группами по всем показателям (при $p \leq 0,001$). Психологическое благополучие группы с высокими его значениями характеризуется позитивностью отношений и удовлетворенностью взаимодействием с окружающими, способностью к сопереживанию и привязанности. Высокие значения по шкале «Автономия» являются свидетельством самостоятельности и независимости, способности к самоконтролю. В управлении окружением они эффективно контролируют окружение и используют обстоятельства для достижения целей. «Самовосприятие» представителей группы с высокими значениями психологического благополучия отличается ощущением себя в качестве личности развивающейся, реализующей собственные ценности и личностный потенциал. В отличие от группы с низкими значениями, представители этой группы способны достигать целей, критично и позитивно оценивать собственные личностные свойства, достижения, отличаются устойчивостью смыслов и убеждений.

В соответствии с полученными результатами психологическое неблагополучие представителей группы с низкими его значениями выражено в ограниченном количестве доверительных отношений, переживаниях фрустрированности в условиях социального взаимодействия, зависимости от социальной оценки, низком самоконтроле и сложности организации как собственной деятельности, так и деятельности других.

Значения терминальных ценностей групп с высоким и низким уровнем благополучия в основном находятся на среднем уровне и различий между ценностями установлено немного, однако содержательная сущность этих различий информативна. В группе с высоким уровнем психологического благополучия статистически достоверно выше значения ценностей нравственно-деловой направленности, развития себя и ценности духовного удовлетворения при $p \leq 0,05$ (таблица 2).

Таблица 2

Показатели ценностей и ценностных сфер групп с низким и высоким уровнем психологического благополучия («Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина)

Ценности и ценностные сферы	Группа с высоким уровнем психологического благополучия М ± σ	Группа с низким уровнем психологического благополучия М ± σ	p ≤
Собственный престиж	6,31 ± 2,45	6,8 ± 2,31	0,3
Высокое материальное положение	7,46 ± 2,2	6,77 ± 1,71	0,1
Креативность	6,02 ± 2,24	6,65 ± 1,89	0,1
Активные социальные контакты	6,56 ± 2,25	5,97 ± 2,26	0,2
Развитие себя*	6,02 ± 1,63	6,91 ± 1,96	0,03
Достижения	7,95 ± 2,03	7,17 ± 2,03	0,1
Духовное удовлетворение*	6,26 ± 2,34	5,14 ± 2,42	0,04
Сохранение индивидуальности	7,17 ± 2,58	6,65 ± 2,14	0,3
Сфера профессиональной жизни*	6,19 ± 2,4	4,85 ± 2,1	0,02
Сфера обучения и образования*	7,19 ± 2,58	5,82 ± 2,2	0,03
Сфера семейной жизни	6,53 ± 2,63	6,62 ± 2,3	0,8
Сфера общественной жизни	7,92 ± 2,06	7,51 ± 2,2	0,3
Сфера увлечений	6,95 ± 2,49	7,08 ± 2,3	0,7
<i>Примечание:</i> * $p \leq 0,001$.			

Более высокие значения установлены в группе с высоким уровнем психологического благополучия, согласно которым для респондентов ценным является стремление к самосовершенствованию, развитие собственного потенциала, получение морального удовлетворения, соблюдение этических норм в поведении, ощущение духовной полноты деятельности, интереса, внутреннего удовлетворения.

Ценности психологически неблагополучных лиц в значениях ценностей «Развитие себя» и «Духовное удовлетворение» статистически отличаются ($p \leq 0,05$) наличием субъективного порога в реализации собственных возможностей, ощущением достаточности в развитии себя и собственных возможностей, убеждении в невозможности преодоления имеющегося уровня достижений, обидчивостью при негативной оценке, направленностью на получение практической выгоды в отношениях, циничностью, пренебрежением общественными нормами.

В ходе сравнительного анализа показателей ценностных сфер экспериментальных групп установлены различия между значениями сферы профессиональной жизни и сферы обучения и образования (при $p \leq 0,05$). Для группы с высоким уровнем психологического благополучия ценности данных сфер отражают поглощенность деятельностью, вовлеченность в проблемы профессиональной жизни, обучения и образования, стремление к получению новых знаний. В группе с низким уровнем психологического

благополучия отсутствует интерес к сфере профессиональной деятельности, они не считают ее главным содержанием человеческой жизни, не вовлечены в процессы деятельности и обучения.

Результаты корреляционного анализа показали наличие специфических положительных взаимосвязей ценностей и психологического благополучия в каждой из групп, которые по составу признаков и содержательных качественных значений существенно различаются. Статистически достоверные корреляции в группе с высоким уровнем благополучия характеризуются наличием положительных взаимосвязей, установленных между признаками психологического благополучия «Личностный рост» и практически всеми ценностями и ценностными сферами ($p \leq 0,001$).

Выявлены многочисленные корреляции между показателем благополучия «Самопринятие» и ценностями «Собственный престиж» ($r = 0,289$; $p \leq 0,01$), «Активные социальные контакты» ($r = 0,293$; $p \leq 0,001$), «Развитие себя» ($r = 0,195$; $p \leq 0,51$), «Достижения» ($r = 0,329$; $p \leq 0,001$), «Сохранение индивидуальности» ($r = 0,233$; $p \leq 0,001$).

Общий уровень психологического благополучия положительно и достоверно значимо коррелирует с признаками ценностей «Собственный престиж» ($r = 0,189$; $p \leq 0,05$), «Активные социальные контакты» ($r = 0,197$; $p \leq 0,05$), «Достижения» ($r = 0,281$; $p \leq 0,05$), «Духовное удовлетворение» ($r = 0,271$; $p \leq 0,05$), «Сохранение индивидуальности» ($r = 0,245$; $p \leq 0,01$), а также со значениями сферы обучения и образования ($r = 0,221$; $p \leq 0,05$), и сферы общественной жизни ($r = 0,250$; $p \leq 0,05$).

Наибольший вклад в корреляции психологического благополучия вносят ценности «Собственный престиж», «Активные социальные контакты», «Достижения», «Духовное удовлетворение», а также ценностные сферы обучения и образования, общественной жизни. Связи ценностей установлены с показателями благополучия «Общий уровень благополучия», «Личностный рост», «Самопринятие», «Цель в жизни».

Особенности корреляций, выявленных при анализе показателей группы с низким уровнем благополучия, отражают принципиально иные взаимосвязи ценностей и психологического благополучия. Существенные отличия взаимосвязей ценностей тут выражены в отрицательных значениях практически всех достоверно значимых корреляций. Наибольшее количество корреляций отрицательных по знаку, установлено между значениями ценности «Сохранение индивидуальности» и показателями психологического благополучия: «Положительные отношения с другими» ($r = -0,316$; $p \leq 0,001$), «Личностный рост» ($r = -0,282$; $p \leq 0,01$), «Цель в жизни» ($r = -0,362$; $p \leq 0,001$), «Самопринятие» ($r = -0,225$; $p \leq 0,05$), «Общий показатель психологического благополучия» ($r = -0,307$; $p \leq 0,001$). Характер связей позволяет предположить критичный уровень ценностной дезадаптации представителей данной группы и неспособность субъектов к выбору адаптивного способа личностной реализации.

Значения показателя психологического благополучия «Положительные отношения с другими» отрицательно коррелирует с ценностями сферы обучения и образования ($r = -0,202$; $p \leq 0,05$). Связи показателя благополучия «Самопринятие» также отрицательны с показателями ценностей «Сохранение индивидуальности» ($r = -0,225$; $p \leq 0,05$), «Духовное удовлетворение» ($r = -0,222$; $p \leq 0,05$), «Развитие себя» ($r = -0,231$; $p \leq 0,05$), «Сфера обучения образования» ($r = -0,205$; $p \leq 0,05$).

Позиции показателя «Цель в жизни» в группе психологически неблагополучных лиц определяются положительными корреляциями с показателями ценностей «Сохранение индивидуальности» ($r = 0,362$; $p \leq 0,001$), «Высокое материальное положение» ($r = 0,332$; $p \leq 0,001$), «Сфера увлечений» ($r = 0,240$; $p \leq 0,01$), «Сфера семейной жизни» ($r = 0,345$; $p \leq 0,001$). Именно эти ценности, с позиции субъектов данной группы, могут обеспечить возможность самореализации.

Обсуждение результатов

Установленный в исследовании высокий процент лиц и с низким уровнем психологического благополучия подтверждает результаты аналогичных исследований О. Н. Комаровой, А. Л. Рассказовой [1], Н. А. Горбач, Ю. Г. Панюковой, Е. Н. Паниной [15], В. Л. Цветкова, А. И. Ивановой [13]. Различия между значениями психологического благополучия групп с высоким и низким его уровнем отражают принципиально различную систему внутриличностных переживаний, отражающих степень личностной зрелости респондентов.

В таком аспекте в исследовании Ю. Ю. Стрельниковой было установлено, что более высокий уровень субъективного благополучия характерен для сотрудников ОВД, имеющих

опыт профессиональной деятельности, базовые убеждения в собственной успешности и позитивное отношение к себе².

О личностной зрелости лиц с высоким уровнем психологического благополучия свидетельствуют позитивные отношения с окружающими, способность к эмпатии и взаимным уступкам, наличие нравственно-ценностных критериев самоотношения и жизненных смыслов, коммуникативная компетентность, направленность на личностный рост и достижение ценностных целей, способность к самореализации.

Психологическое неблагополучие по результатам проведенного исследования характеризуется недоверием, сложностью установления коммуникаций, высокой тревожностью в межличностном взаимодействии, зависимостью от других, неумением использовать возможности для личностного роста, ориентацией личности на получение материальной выгоды, отсутствием целей и смыслов в жизни, а также несформированностью ценностной иерархии, разочарованием в собственных возможностях.

Различия в терминальных ценностях между представителями экспериментальных групп определяются более высоким уровнем ценностей развития себя и духовного удовлетворения при высоком уровне психологического благополучия, а также достоверностью высоких значений ценностей профессиональной жизни, сферы обучения и образования. Выявленные различия частично можно объяснить наличием волевых свойств характера, которые обеспечивают возможность реализации ценностей нравственно-деловой направленности, верой в неограниченность собственного потенциала, уверенностью в себе, способностью к самореализации и моральному удовлетворению, ориентации на служение как духовной ценности.

Полученные результаты согласуются с данными зарубежных исследований V. Tiberius, в которых было установлено, что ценностный образ жизни является основой благополучия личности [16]. В эмпирических исследованиях P. Hanel с соавторами также было установлено, что люди, которые смогли реализовать свои ценности, переживали позитивное благополучие по сравнению с теми, кто их не смог реализовать [17].

Вера в себя и в свои возможности на пути реализации ценностей и достижения цели создает необходимую мотивацию ориентации на успех. Это в конечном итоге формирует отношение к себе как успешному и благополучному субъекту. Исследование, доказывающее такую точку зрения, было выполнено J. C. Brunstein с соавторами, которые установили зависимость благополучия от прогресса в достижении целей обучающимися и мотивации достижения. При этом отсутствие мотивации достижения, но при наличии целей, показывало снижение уровня благополучия [18].

Совокупность ценностных факторов, обеспечивающих переживание состояний благополучия и неблагополучия курсантов, определяется статистически значимыми корреляциями, согласно которым значимой оказывается роль следующих терминальных ценностей: собственный престиж, активные социальные контакты, достижения, духовное удовлетворение, ценности сферы общественной жизни и сферы обучения и образования. Между признаками психологического благополучия и терминальными ценностями выявлены высоко значимые положительные взаимосвязи, позволяющие прогнозировать гармоничное развитие личности, достижение целей и реализацию ценностей, удовлетворенность деятельностью, направленность на самореализацию.

Вместе с тем установлены корреляции между признаками неблагополучия и практически аналогичными терминальными ценностями: сохранение индивидуальности, духовное удовлетворение, сфера обучения образования. Существенное отличие данных взаимосвязей заключается в выявленных отрицательных коэффициентах корреляции, и неблагополучном прогнозе личностного развития для представителей группы с низким уровнем благополучия. В комплексе ценностей группы с низким уровнем благополучия выявлены цели, ограниченные по своему содержанию и личностному смыслу, положительно взаимосвязанные с ценностями:

- высокого материального положения, сохранения индивидуальности как желания автономного существования;
- достижений при отсутствии мотивации достижения и ориентации на успех;
- сферы увлечений и семейной жизни.

Представители группы с низким уровнем психологического благополучия собственную индивидуальность не связывают с личностным ростом, реализацией целей,

² Стрельникова Ю. Ю. Удовлетворённость трудом и субъективное благополучие сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (100). – С. 228–236; <https://doi.org/https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-4-228-236>.

свойствами своей личности, убеждениями и не обладают зрелыми представлениями об источнике собственного неблагополучия.

Заключение

Психологическое благополучие в научных исследованиях рассматривается как интегральная совокупность субъективного переживания положительных состояний, системно представленных в сознании человека и отражающих его удовлетворенность различными сторонами деятельности, личностными достижениями и возможностью реализации ценностей. Переживание благополучия существенно зависит от ценностей, т. к. в данном состоянии интегрируются ценностные субъективные результаты восприятия и представления человека о том, что такое благополучная жизнь, и понимание условий ее достижения. Расхождения между представлениями, которые интегрированы в общей направленности личности в качестве ценностей, и возможностями достижения этих ценностных целей порождают внутриличностный конфликт и сигнализируют личности о состоянии неблагополучия.

Неблагополучие является следствием неуспешности личности и выступает предиктором хронических состояний скуки, пассивности, а также показателем отсутствия целей, смыслов и стремлений к саморазвитию. Восприятие себя отличается осознанием своего неблагополучия, отсутствием перспективных задач, недовольством собой и своими личностными качествами, беспокойством и разочарованием.

Эмпирическая доказанность связи ценностей и психологического благополучия не снимает проблему, так как благополучие, и неблагополучие в основе своей детерминированы одинаковыми ценностями. В нашем исследовании выявлено, что это практически идентичные ценности и различия выражены в большей значимости ценностей развития себя и духовного удовлетворения при состояниях психологического благополучия. В качестве более значимого критерия при оценке связи ценностей и психологического благополучия выступает положительный или отрицательный полюс этих связей, отражающий степень реализованности ценностей и механизмы их достижения.

Ценностные факторы в обеспечении психологического благополучия курсантов образовательной организации МВД России характеризуются направленностью как на прагматичные, так и на нравственно-деловые цели, достижение которых повышает самооценку и собственный престиж, позволяет осуществлять позитивные и активные социальные контакты, согласовывать желания и мотивацию достижения, не ограничивать себя в развитии и достижениях, обрести духовное удовлетворение, реализовывать ценности сферы общественной жизни, сферы обучения и образования.

Список литературы

1. Комарова О. Н., Рассказова А. Л. Ценности старшеклассников как предикторы их психологического благополучия // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2023. – № 1. – С. 140–149; https://doi.org/10.52470/2619046X_2023_1_140.
2. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.
3. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 14–37; <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.
4. Медведев Н. В. Категория счастья в моральной философии Аристотеля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-2 (68). – С. 125–131.
5. Дубровина И. В. Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития // Вестник практической психологии образования : сетевое издание. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 9–21; <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170301>.
6. Берзин Б. Ю. Психологическое благополучие личности: к вопросу о сущности понятия // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – Т. 24. – № 4 (180). – С. 74–81.
7. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Концепция психологического благополучия личности и методика его исследования / Новые теоретико-методологические подходы к исследованию в клинической психологии : сборник статей / ред. Т. Д. Шевеленкова. – Москва: Левъ, 2013. – С. 9–51.

8. *Deyoung C. G., Tiberius V.* Value Fulfillment from a Cybernetic Perspective: A New Psychological Theory of Well-Being // *Personality and social psychology review*. – 2022. – Vol. 27. – Issue 1; <https://doi.org/10.1177/10888683221083777>.
9. *Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О.* Образ благополучия в нарративах жителей Дальнего Востока: результаты исследовательского проекта // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 1. – С. 38–50; <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.03>.
10. *Балабанова Е. С.* Ценности и ресурсы как факторы социального благополучия специалистов российских бизнес-организаций // *Мир России*. – 2023. – Т. 32. – № 1. – С. 6–36; <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-6-36>.
11. *Шувалова Н. В., Корепанова Н. В.* Исследование ценностных ориентаций студенческой молодежи как фактора личностного роста // *Педагогика и психология образования*. – 2022. – № 3. – С. 219–231; <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2022-3-219-231>.
12. *Худякова Т. Л., Бородовицына Т. О.* Взаимосвязь ведущих ценностей личности и компонентов психологического благополучия студентов различных профилей подготовки // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*. – 2021. – № 3. – С. 63–67.
13. *Цветков В. Л., Иванова А. И.* Взаимосвязь ценностей и базовых убеждений личности курсантов с разным уровнем эмоционального благополучия // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2020. – № 5. – С. 308–315; <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10311>.
14. *Канунников Р. И.* Факторы психологического благополучия сотрудников правоохранительных органов // *Мир педагогики и психологии*. – 2024. – № 01 (90). – С. 204–210.
15. *Горбач Н. А., Панюкова Ю. Г., Панина Е. Н.* Проблемы психологического благополучия сотрудников ОВД в условиях профессиональной деятельности // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. – 2008. – № 3 (34). – С. 3–6.
16. *Tiberius V.* Well-Being, Value Fulfillment, and Valuing Capacities / John J. Stuhr (ed.): *Philosophy and Human Flourishing*. – Oxford University Press, 2023. – P. 118–C5.P72; <https://doi.org/10.1093/oso/9780197622162.003.0006>.
17. *Hanel P., Tunç H., Bhasin D., Litzellachner L., Maio G.* Value Fulfillment and Well-Being: Clarifying Directions over Time // *Journal of Personality*. – 2023. – 00. – P. 1–13; <https://doi.org/10.1111/jopy.12869>.
18. *Brunstein J. C., Schultheiss O. C., Grässmann R.* Personal goals and emotional well-being: The moderating role of motive dispositions // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 75. – No 2. – P. 494–508; <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.2.494>.

References

1. *Komarova O. N., Rasskazova A. L.* Tsennosti starsheklassnikov kak prediktory ikh psikhologicheskogo blagopoluchiya // *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta – Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta*. – 2023. – № 1. – S. 140–149; https://doi.org/10.52470/2619046X_2023_1_140.
2. *Leont'yev D. A.* Tsennostnyye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni // *Psikhologicheskoye obozreniye*. – 1998. – № 1. – S. 13–25.
3. *Leont'yev D. A.* Schast'ye i sub'yektivnoye blagopoluchiye: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya // *Monitoring obshchestvennogo mneniya : Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. – 2020. – № 1. – S. 14–37; <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>.
4. *Medvedev N. V.* Kategoriya schast'ya v moral'noy filosofii Aristotelya // *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – № 6-2 (68). – С. 125–131.
5. *Dubrovina I. V.* Fenomen «psikhologicheskoye blagopoluchiye» v kontekste sotsial'noy situatsii razvitiya // *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya : setevoye izdaniye*. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 9–21; <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170301>.
6. *Berzin B. Yu.* Psikhologicheskoye blagopoluchiye lichnosti: k voprosu o sushchnosti ponyatiya // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. – 2018. – Т. 24. – № 4 (180). – S. 74–81.
7. *Shevelenkova T. D., Fesenko P. P.* Kontseptsiya psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti i metodika yego issledovaniya / *Novyye teoretiko-metodologicheskkiye podkhody k issledovaniyu v klinicheskoy psikhologii : sbornik statey / red. T. D. Shevelenkova*. – Moskva: Lev", 2013. – S. 9–51.

8. *Deyoung C. G., Tiberius V.* Value Fulfillment from a Cybernetic Perspective: A New Psychological Theory of Well-Being // *Personality and social psychology review*. – 2022. – Vol. 27. – Issue 1; <https://doi.org/10.1177/10888683221083777>.

9. *Kostina Ye. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O.* Obraz blagopoluchiya v narrativakh zHITEley Dal'nego Vostoka: rezul'taty issledovatel'skogo proyekta // *Monitoring obshchestvennogo mneniya : Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. – 2020. – № 1. – S. 38–50; <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.03>.

10. *Balabanova Ye. S.* Tsennosti i resursy kak faktory sotsial'nogo blagopoluchiya spetsialistov rossiyskikh biznes-organizatsiy // *Mir Rossii*. – 2023. – T. 32. – № 1. – S. 6–36; <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-6-36>.

11. *Shuvalova N. V., Korepanova N. V.* Issledovaniye tsennostnykh oriyentatsiy studencheskoy molodezhi kak faktora lichnostnogo rosta // *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. – 2022. – № 3. – S. 219–231; <https://doi.org/10.31862/2500-297X-2022-3-219-231>.

12. *Khudyakova T. L., Borodovitsyna T. O.* Vzaimosvyaz' vedushchikh tsennostey lichnosti i komponentov psikhologicheskogo blagopoluchiya studentov razlichnykh profiley podgotovki // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya*. – 2021. – № 3. – S. 63–67.

13. *Tsvetkov V. L., Ivanova A. I.* Vzaimosvyaz' tsennostey i bazovykh ubezhdeniy lichnosti kursantov s raznym urovnem emotsional'nogo blagopoluchiya // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2020. – № 5. – S. 308–315; <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10311>.

14. *Kanunnikov R. I.* Faktory psikhologicheskogo blagopoluchiya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // *Mir pedagogiki i psikhologii*. – 2024. – № 01 (90). – S. 204–210.

15. *Gorbach N. A., Panyukova Yu. G., Panina Ye. N.* Problemy psikhologicheskogo blagopoluchiya sotrudnikov OVD v usloviyakh professional'noy deyatelnosti // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. – 2008. – № 3 (34). – S. 3–6.

16. *Tiberius V.* Well-Being, Value Fulfillment, and Valuing Capacities / John J. Stuhr (ed.) : *Philosophy and Human Flourishing*. – Oxford University Press, 2023. – P. 118–C5.P72; <https://doi.org/10.1093/oso/9780197622162.003.0006>.

17. *Hanel P., Tunç H., Bhasin D., Litzellachner L., Maio G.* Value Fulfillment and Well-Being: Clarifying Directions over Time // *Journal of Personality*. – 2023. – 00. – P. 1–13; <https://doi.org/10.1111/jopy.12869>.

18. *Brunstein J. C., Schultheiss O. C., Grässmann R.* Personal goals and emotional well-being: The moderating role of motive dispositions // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 75. – No 2. – P. 494–508; <https://doi.org/10.1037/0022-3514.75.2.494>.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.

The article was submitted March 4, 2024; approved after reviewing April 9, 2024; accepted for publication April 15, 2024.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-286-294>

Сергей Витальевич Духновский

доктор психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, dukhnovskysv@mail.ru

Леонид Трофимович Бородавко

доктор педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>, borodavkoleonid27@yandex.ru

Николай Николаевич Силкин

доктор педагогических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9979-8037>, silkin_nn@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Внутригрупповые отношения в служебном коллективе как фактор риска утомленности сотрудников органов внутренних дел

Аннотация. Введение. Внутригрупповые отношения в служебных коллективах, с одной стороны, могут усиливать «рабочую усталость», вызванную напряженностью деятельности, приводить к утомленности сотрудника. Но утомленность как проявление тонического состояния риска оказывает влияние не только на качество решения служебных задач, но и на внутригрупповые отношения в служебном коллективе. Цель исследования – изучение особенностей внутригрупповых отношений в служебном коллективе, их взаимосвязи и различий у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности. **Методы исследования.** Респондентами выступили 150 сотрудников органов внутренних дел со стажем служебной деятельности от 7 до 10 лет. Был использован комплекс авторских психодиагностических опросников: «Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (С. В. Духновский, К. В. Злоказов) и «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (С. В. Духновский, Э. К. Шелепина). **Результаты.** Установлено, что утомленность сотрудника взаимосвязана с позитивными (эмоциональной близостью, профессиональным самоотношением) и негативными (напряженностью, конфликтностью, агрессивностью, чувственным тоном) параметрами внутригрупповых отношений в служебном коллективе. Установлено, что у респондентов с умеренным уровнем утомленности функционально-позитивные параметры внутригрупповых отношений, преобладают над функционально-негативными. У сотрудников с повышенным уровнем утомленности функционально-негативные характеристики доминируют над позитивными. Показано, что при нарастании утомленности субъекты в меньшей степени озабочены отношениями в служебном коллективе. Особенности внутригрупповых отношений в служебном коллективе могут выступать факторами риска для развития и усиления утомленности сотрудника. Оценка уровня утомленности, позволяет судить о том, как воспринимаются отношения в служебном коллективе с позиции выраженности их функционально-позитивных и негативных характеристик.

Ключевые слова: служебный коллектив, чувственный тон, эмоциональная близость, конфликтность, психическое состояние, работоспособность, утомленность, риск

Для цитирования: Духновский С. В., Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н. Внутригрупповые отношения в служебном коллективе как фактор риска утомленности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 286–294; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-286-294>.

Sergey V. Dukhnovsky

Dr. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, dukhnovskysv@mail.ru

Leonid T. Borodavko

Dr. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>, borodavkoleonid27@yandex.ru

Nikolay N. Silkin

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-9979-8037>, silkin_nn@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Intragroup relations in the service team as a risk factor for fatigue of internal affairs bodies' employees

Abstract. Introduction. Intragroup relations in service teams, on the one hand, can increase “work tiredness” caused by the tension of activity, lead to an employee’s fatigue. But fatigue as a manifestation of the tonic state of risk affects not only the quality of solving service tasks, but also the intragroup relations in the service team. The aim of the research is to study the peculiarities of intragroup relations in the service team, their interrelation and differences among internal affairs bodies’ employees with different levels of fatigue. **Research methods.** The respondents were 150 employees of internal affairs bodies with service experience from 7 to 10 years. A set of the authors’ psychodiagnostic questionnaires was used: “Subjective assessment of intragroup relations” (S. V. Dukhnovsky, K. V. Zlokazov) and “Subjective assessment of personality fatigue level” (S. V. Dukhnovsky, E. K. Shelepina). **Results.** The authors revealed that an employee’s fatigue is interrelated with positive (emotional closeness, professional self-relationship) and negative (tension, conflict, aggressiveness, sensual tone) parameters of intragroup relations in the service team. The authors established that functional-positive parameters of intragroup relations prevail over functional-negative ones among the respondents with a moderate level of fatigue. The employees with an increased level of fatigue have functional-negative characteristics dominating over positive ones. The authors show that with increasing fatigue the subjects are less concerned about the relations in the service team. Features of intragroup relations in the service team can be risk factors for the development and strengthening of an employee’s fatigue. Assessment of the level of fatigue makes it possible to evaluate how relations in the service team are perceived from the point of view of the expression of their functional positive and negative characteristics.

Keywords: service team, sensual tone of relations, emotional closeness, conflict, mental state, working capacity, fatigue, riskiness

For citation: Dukhnovsky S.V. Borodavko L.T., Silkin N.N. Intragroup relations in the service team as a risk factor for fatigue of internal affairs bodies’ employees // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 286–294; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-286-294>.

Введение

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) отличается повышенным риском и напряженностью, что является одной из причин, отрицательно влияющих на их психическое состояние и качество решения оперативно-служебных задач. Наряду со спецификой деятельности важным фактором, влияющим и определяющим психическое состояние сотрудника, являются отношения, складывающиеся в служебном коллективе. В этом контексте особенности внутригрупповых отношений, с одной стороны, могут усиливать «рабочую усталость», вызванную напряженностью несения службы, приводить к негативным проявлениям мнемических

способностей, ухудшать внимание и работоспособность. С другой – утомленность как проявление тонического состояния риска оказывает влияние не только на качество решения служебных задач, но и на внутригрупповые отношения в служебном коллективе.

Таким образом, изучение внутригрупповых отношений и утомленности с использованием релевантных психодиагностических методик (соответствующих психометрическим требованиям) позволит своевременно принять меры, направленные на сбережение личного состава сотрудников ОВД в рамках морально-психологического обеспечения их деятельности.

Отметим, что в рамках психологии служебной деятельности внутригрупповые отношения рассматривались преимущественно с позиции изучения их частных проявлений. Т. А. Гуськовой описано влияние психологической совместимости сотрудников на климат в коллективе [1], К. В. Злоказовым раскрыта организационно-групповая идентичность участников служебных коллективов¹, А. П. Исановым рассмотрена проблема управления отношениями в коллективе [2], С. В. Коржевым изучена структура социальных отношений в служебных коллективах [3], этнокультурные особенности взаимодействия в правоохранительной сфере описаны В. О. Зверевым, А. С. Максимовым, Е. А. Тихоновой [4], С. И. Наумовым, С. А. Савченко [5], А. А. Пелевиной проанализирована проблема «неуставных отношений» в организациях [6] и др.

Вопросам утомления (утомляемости) посвящены исследования В. А. Бодрова [7], В. П. Зинченко, А. Б. Леоновой [8], Л. В. Куликова [9], А. Б. Леоновой, С. Б. Величковской [10]; Н. Б. Масловой, И. А. Блощинского, В. Н. Максименко [11] и др. Когнитивные особенности, такие как мышление, память, внимание, их роль в оценке утомляемости и работоспособности описаны в работах Б. Б. Величковского [12], В. В. Захарова, Н. Н. Яхно [13], Б. В. Зейгарник², А. Р. Лурии [14], Л. А. Огородниковой [15], С. Я. Рубинштейн [16], В. О. Ушакова [17], Л. В. Черемошкиной, Т. Н. Осининой [18] и др.

Отметим, что несмотря на наличие исследований, проблема отношений в служебных коллективах, утомляемости и работоспособности сотрудников ОВД нуждается в дополнительном эмпирическом анализе и обобщении. В этом контексте актуальными является ответы на вопросы о том, существует ли взаимосвязь между отношениями в служебном коллективе и утомленностью сотрудника, а также существуют ли различия во внутригрупповых отношениях сотрудников с разным уровнем утомленности?

Рассматривая внутригрупповые отношения в служебном коллективе, будем придерживаться представлений об их функциональности, имеющих в исследованиях С. В. Духновского, К. В. Злоказова [19]. Функциональность внутригрупповых отношений имеет значение для формирования и поддержания благополучия социально-психологического климата коллектива, его настроения, что, с одной стороны, предполагает эффективное решение поставленных служебных задач, достижение желаемых и / или необходимых групповых целей, а с другой – определяет профессионально-психологическое благополучие ее членов. В конечном счете, это оказывает влияние на качество профессиональной трудовой (служебной) деятельности. По своему значению функциональные характеристики внутригрупповых отношений могут быть позитивными и негативными, выступая индикаторами социально-психологического климата [19].

«Утомленность» представляет собой тоническую характеристику психического состояния сотрудника, проявляющуюся в усталости, слабости, уменьшении ресурса сил, эмоциональной неустойчивости (изменчивости настроения, раздражительности, преобладании негативного эмоционального тона), снижении активности, пониженной готовности к длительной работе), что выражается в снижении работоспособности, устойчивости и концентрации внимания, производительности, качества и надежности запоминания и воспроизведения информации (памяти).

Обратимся к описанию методики исследования и анализу наиболее значимых эмпирических данных.

Методы

Гипотеза исследования заключается в том, что существует взаимосвязь между параметрами внутригрупповых отношений в служебном коллективе и утомленностью сотрудников ОВД (членов коллектива), соответственно, и оценка особенностей отношения в служебном коллективе будет различаться у сотрудников с разным уровнем утомленности.

¹ Злоказов К. В. Организационно-групповая идентичность участников служебных коллективов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3 (59). – С. 163–170.

² Зейгарник Б. В. Патопсихология : учебник / 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2024. – 367 с.

Респондентами выступили 150 сотрудников ОВД, проходивших курсы повышения квалификации на базе Санкт-Петербургского университета МВД России со стажем служебной деятельности от 7 до 10 лет. В качестве психодиагностических методик использовались:

– опросник «Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (СОВО), разработанный С. В. Духновским и К. В. Злоказовым, основное назначение которого – выявление функционально-позитивных (негативных) характеристик внутригрупповых отношений и их интегрального показателя. *Предмет методики* – функционально-позитивные (доверие, понимание, чувство принадлежности, эмоциональная близость, самоотношение) и негативные (напряженность, конфликтность, соперничество, отчужденность, неблагоприятный чувственный тон) характеристики внутригрупповых отношений. Соотношение функциональных показателей (позитивных и негативных) позволяет установить общий индекс внутригрупповых отношений, отражающий благоприятность / неблагоприятность климата в служебном коллективе сотрудников органов внутренних дел [19].

– опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ), разработанный С. В. Духновским и Э. К. Шелепиной. Основное назначение – выявление уровня утомленности как проявления доминирующего состояния сотрудника в результате интеллектуальной, эмоциональной и / или физической нагрузки в служебной деятельности и повседневной жизни на основании субъективной оценки особенностей памяти, внимания и работоспособности.

В качестве методов математической статистики использовались первичные описательные статистики, критерий сравнения, множественный регрессионный анализ. Перед проведением сравнительного анализа для каждой переменной был рассчитан статистический критерий нормальности Колмогорова-Смирнова. Уровень значимости p по всем переменным выше $0,05$. Это позволило сделать вывод о нормальном распределении и определить в качестве метода параметрический критерий t -Стьюдента для независимых выборок. Обработка результатов проводилась при помощи программного пакета «SPSS 23.0».

Результаты

Предположение о том, что особенности отношений в служебном коллективе взаимосвязаны с утомленностью сотрудника, нашло эмпирическое подтверждение в ходе корреляционного анализа, наиболее значимые результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Матрица интеркорреляций шкал методики «Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (СОВО) с показателем «Утомленность» (по методике СОУ)

Шкалы методики СОВО	Показатель утомленности
Эмоциональная близость	– 0,44*
Профессиональное самоотношение	– 0,55*
<i>Индекс функциональной позитивности</i>	– 0,43*
Напряженность в коллективе	– 0,47*
Конфликтность в коллективе	– 0,42*
Негативный чувственный тон в отношениях	0,44*
<i>Индекс функциональной негативности</i>	0,39*
Интегральный показатель внутригрупповых отношений	– 0,33*

Примечание: * коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,05$

Данные таблицы 1 показывают следующее. Установлено, что чем выше значения интегрального показателя позитивности отношений, тем ниже показатель «утомленность» ($r = -0,43$, при $p \leq 0,05$). И наоборот, повышение интегрального показателя негативности отношений соотносится с повышением значений показателя «утомленность» ($r = 0,39$, при $p \leq 0,05$). Среди позитивных характеристик отношений наиболее значимые корреляции установлены с показателями «эмоциональная близость» и «профессиональное самоотношение» (коэффициенты корреляции - 0,44 и - 0,55). Таким образом, выраженность в служебном коллективе чувства общности, дружелюбия, уважения, возможность

чувствовать себя профессионалом с активно-позитивным самоотношением, находясь в нем и взаимодействуя с коллегами, способствует снижению утомленности и повышению работоспособности, тогда как негативный чувственный тон внутригрупповых отношений – преобладание «удаляющих чувств» (в терминологии Л. В. Куликова [9]), таких как злоба и злость, зависть по отношению к коллегам и / или обида на них, чувство отчужденности и эмоциональной холодности, усиливает утомленность сотрудника, что проявляется в снижении мнемических способностей, ухудшении внимания, изменении психического состояния в неблагоприятную сторону и в конечном счете ведет к снижению работоспособности (значение коэффициента корреляции 0,44, при $p \leq 0,05$).

Выявлены отрицательные корреляционные связи функционально-негативных показателей «напряженность» и «конфликтность» с показателем «утомленность» (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне от $-0,47$ до $-0,42$, при $p \leq 0,05$). Соответственно, повышение утомленности сопровождается снижением значений показателей напряженности и конфликтности в отношениях, складывающихся в служебном коллективе.

Мы объясняем это тем, что при нарастании утомленности субъект больше переживает свое (неблагоприятное для себя) психическое состояние и в меньшей степени озабочен тем, как складываются отношения в служебном коллективе, не задумывается о них, не замечает реального отношения к себе со стороны коллег (показатель «напряженность отношений»). Кроме того, утомленность сотрудника может выражаться в компромиссном поведении, нежеланием идти на конфронтацию с коллегами даже в случае своей правоты. Это происходит в силу отсутствия (или чувства истощенности) внутренних ресурсов, в результате напряженной деятельности, связанной с решением оперативно-служебных задач.

Далее была использована процедура множественного регрессионного анализа для определения степени детерминированности утомленности предикторами внутригрупповых отношений в служебном коллективе.

Таким образом была получена регрессионная модель «Утомленность» ($R^2 = 0,79$, $F = 2,55$, $p = 0,12$). 79% дисперсии данной переменной определяется совокупным воздействием показателей по шкалам «эмоциональная близость в коллективе» (коэффициент регрессии $\beta = -0,73$), «доверие в отношениях» ($\beta = -0,75$), «профессиональное самоотношение» ($\beta = -0,79$), «напряженность в отношениях» ($\beta = -0,73$), «агрессивность в отношениях» ($\beta = 0,70$) и «негативный чувственный тон в отношениях» ($\beta = 0,77$).

На основе полученных результатов нами сделано следующее заключение. Внутригрупповые детерминанты утомленности как проявления тонической характеристики состояния риска сотрудника, феноменами которого являются ухудшение мнемических способностей, внимания, снижение работоспособности:

- преобладание отрицательных эмоций (например, обиды, вины), отчужденности, эмоциональной холодности (равнодушия) в служебном коллективе;
- в отношениях преобладает больше доверие к себе, чем к коллегам, в принятии решений субъект больше полагается на себя, проявляя недоверие и подозрительность к членам коллектива, возможно, занижая их ценность и надежность;
- негативное влияние коллектива на профессиональное самоотношение сотрудника, возможно, его обесценивание как профессионала, игнорирование его профессиональных достижений, стремлений;
- проявление резкости и грубости, косвенной агрессии по отношению к субъекту в коллективе, навязывание ему подчиненной позиции;
- негативный чувственный тон в отношениях с выраженными астеническими, меланхолическими и удаляющими чувствами.

Соответственно, агрессивность, неблагоприятный чувственный тон и снижение эмоциональной близости в отношениях, недостаток доверия, негативное влияние внутригрупповых взаимодействий в служебном коллективе на профессиональное самоотношение являются факторами риска для повышения уровня утомленности сотрудника, закономерно возникающей в результате напряженной служебной деятельности.

Далее обратимся к сравнению выраженности наиболее значимых параметров внутригрупповых отношений, установленных в корреляционном и регрессионном анализе, у сотрудников с разным уровнем утомленности. На основании данных, полученных по опроснику «Субъективная оценка уровня утомленности личности», обследованная выборка была разделена на три группы:

- 1) сотрудники с повышенным и высоким уровнем утомленности;

- 2) обследованные с умеренным (средним) уровнем;
- 3) респонденты с пониженным уровнем утомленности.

Затем, с использованием критерия t-Стьюдента установлены достоверные различия между ними по показателям шкал опросника «Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (СОВО). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Выраженность параметров внутригрупповых отношений у сотрудников с разным уровнем утомленности

Шкалы методики «СОВО»	Уровень утомленности		
	умеренный	повышенный	высокий
Эмоциональная близость в коллективе	31,9 (7)	19,9 (3)	25,4 (5)
Доверие внутри коллектива	31,1 (7)	15,5 (3)	23,0 (5)
Профессиональное самоотношение	34,1 (8)	21,5 (4)	23,7± (5)
Напряженность в коллективе	11,9 (4)	20,5 (7)	13,0 (5)
Конфликтность в отношениях	11,0 (3)	21,6 (7)	15,7 (5)
Агрессивность в отношениях	13,2 (3)	23,0 (8)	18,5 (6)
Негативный чувственный тон в отношениях	10,5 (3)	20,9 (8)	20,3 (8)

Примечание: в скобках приведены стандартные значения – «стэны»

Результаты, представленные в таблице 2, говорят о следующем.

Субъекты с умеренным уровнем утомленности (в нашем случае это «рабочая» усталость) удовлетворены отношениями в служебном коллективе. Об этом говорит тот факт, что показатели функционально-позитивных характеристик внутригрупповых отношений находятся у них на повышенном уровне – в диапазоне от 7 до 8 стэнов. Данные показатели у сотрудников с умеренным уровнем утомленности достоверно выше, чем у респондентов с повышенным и высоким уровнем (значения t-критерия находятся в диапазоне от 1,91 до 1,93). Функционально-негативные показатели отношений у данной категории сотрудников выражены на пониженном уровне (в диапазоне от 3 до 4 стэнов).

Субъекты с повышенным уровнем утомленности отличаются неудовлетворенностью отношениями в служебном коллективе. Функционально-негативные показатели, такие как напряженность, конфликтность, агрессивность и чувственный тон, выражены на повышенном уровне (в диапазоне от 7 до 8 стэнов) и превалируют над функционально-позитивными, которые выражены на пониженном уровне (в диапазоне от 3 до 4 стэнов). Указанные функционально-негативные показатели у группы сотрудников с повышенным уровнем утомленности, чем у респондентов с высоким и умеренным уровнем (значения t-критерия находятся в диапазоне от 1,89 до 1,95).

У субъектов с высоким уровнем утомленности функционально-позитивные показатели внутригрупповых отношений выражены умеренно (находятся в диапазоне 5 стэнов), тогда как среди функционально-негативных имеются различия. В частности, негативный чувственный тон в отношениях выражен на повышенном уровне (в диапазоне 8 стэнов), а показатели напряженности, агрессивности и конфликтности – на среднем (в диапазоне от 5 до 6 стэнов). Данный факт показывает, что в состоянии утомленности характер отношений в служебном коллективе, несмотря на неудовлетворенность последними, не является значимым для субъекта служебной деятельности.

Обсуждение

Предположение о существовании взаимосвязи между особенностями внутригрупповых отношений в служебном коллективе и утомленностью сотрудника ОВД, а также различий в отношениях в служебном коллективе у сотрудников с разным уровнем утомления, нашло свое эмпирическое подтверждение.

Так, утомленность сотрудника взаимосвязана с функционально-позитивными (эмоциональной близостью, профессиональным самоотношением) и негативными (напряженностью, конфликтностью, агрессивностью, чувственным тоном) параметрами внутригрупповых отношений в служебном коллективе. Соответственно, чем

благоприятнее внутригрупповые отношения, тем ниже уровень утомленности сотрудника, тогда как ухудшение отношений в служебном коллективе способствует его повышению. Это является индикатором того, что отношения в служебном коллективе могут служить фактором риска усиления утомленности сотрудников ОВД.

Показано, что утомленность сотрудника детерминирована такими параметрами внутригрупповых отношений как «эмоциональная близость в коллективе», «доверие в отношениях», «профессиональное самоотношение», «напряженность в отношениях», «агрессивность в отношениях» и «негативный чувственный тон в отношениях».

Установлены различия в оценке внутригрупповых отношений сотрудникам с разным уровнем утомленности. Так, у респондентов с умеренным уровнем утомленности функционально-позитивные параметры – эмоциональная близость, профессиональное самоотношение в коллективе – преобладают над функционально-негативными, тогда как у сотрудников с повышенным уровнем утомленности функционально-негативные характеристики (чувственный тон, агрессивность, конфликтность) доминируют над позитивными.

Показано, что при нарастании утомленности (присутствует в группе обследованных, где данный показатель выражен на высоком уровне) в результате отсутствия (или чувства истощенности) внутренних ресурсов, субъекты в меньшей степени озабочены отношениями в служебном коллективе. Они могут не обращать внимания на реальное отношение к ним со стороны коллег, демонстрировать компромиссное поведение, нежелание идти на конфронтацию с коллегами даже в случае своей правоты.

Заключение

Таким образом, результаты исследования показали, что особенности внутригрупповых отношений в служебном коллективе могут выступать факторами риска для развития и усиления утомленности сотрудника как результата напряженной интеллектуальной деятельности по решению оперативно-служебных задач. Оценка уровня утомленности позволяет говорить о том, как воспринимаются отношения в служебном коллективе сотрудником с позиции выраженности их функционально-позитивных и негативных характеристик.

Полученные эмпирические данные расширяют возможности использования оценки внутригрупповых отношений и уровня утомленности в рамках морально-психологического сопровождения сотрудников ОВД в целях формирования позитивного формирования социально-психологического климата и, соответственно, профилактики и превенции психических состояний риска, вызванных напряженной деятельностью, связанной с решением оперативно-служебных задач.

Список литературы

1. Гуськова Т. А. Влияние психологической совместимости сотрудников на социально-психологический климат в коллективе // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2022. – № 6. – С. 93–98.
2. Исанов А. П. Управление межличностными отношениями в коллективе // Science and Education : сетевое издание. – 2023. – Т. 4. – № 1. – С. 747–755. – URL: <https://openscience.uz/index.php/sciedu/issue/view/41>.
3. Коржев С. В. К вопросу определения структуры социальных отношений в воинских коллективах // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – № 4. – С. 63–65.
4. Зверев В. О., Максимов А. С., Тихонова Е. А. Этнопсихология служебных отношений в коллективах органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24. – № 4 (79). – С. 369–374; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14003>.
5. Наумов С. И., Савченко С. А. Этнокультурные аспекты социального взаимодействия в правоохранительной сфере // Современные исследования социальных проблем : электронное издание. – 2017. – Т. 8. – № 9. – С. 58–81. – URL: <https://rjerp.ru/jour/index.php/rjerp>.
6. Пелевина А. А. Особенности «неуставных отношений» в различных социальных организациях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: психология. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 118–121.
7. Бодров В. А. Профессиональное утомление: фундаментальные и прикладные проблемы. – Москва: Институт психологии РАН, 2009. – 558 с.

8. Зинченко В. П., Леонова А. Б., Стрелков Ю. К. Психометрика утомления. – Москва: Издательство Московского университета, 1977. – 109 с.
9. Куликов Л. В. Психология настроения : монография. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. – 225 с.
10. Леонова А. Б., Величковская С. Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности / Психология психических состояний : 200-летию Казанского университета посвящается : сборник статей / науч. ред. А. О. Прохоров. – Казань: Центр инновационных технологий, 2002. – С. 326–343.
11. Маслова Н. Б., Блощинский И. А., Максименко В. Н. Нейрофизиологическая картина генеза утомления, хронического утомления и переутомления человека-оператора // Физиология человека. – 2003. – Т. 29. – № 5. – С. 123–133.
12. Величковский Б. Б. Когнитивные эффекты умственного утомления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2019. – № 1. – С. 108–122; <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.108>.
13. Захаров В. В., Яхно Н. Н. Нарушения памяти. – Москва: ГЭОТАР-МЕД, 2003. – 160 с.
14. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – 384 с.
15. Огородникова Л. А. Подходы к исследованию памяти в отечественной и зарубежной психологии // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 2. – № 2. – С. 308–312.
16. Рубинштейн С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике : в 2 кн. – Москва: Издательство Института психотерапии, 2009. – Кн. 1. – 224 с.
17. Ушаков В. О. Исследование динамики функционирования механизмов мнемических способностей при усложнении мнемической задачи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 149–163.
18. Черемошкина Л. В., Осинина Т. Н. Память: закономерности воспроизведения учебного материала : монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2019. – 235 с.
19. Духновский С. В., Злоказов К. В. Субъективная оценка внутригрупповых отношений: описание опросника и возможности его использования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (74). – С. 106–112.

References

1. Gus'kova T. A. Vliyaniye psikhologicheskoy sovmestimosti sotrudnikov na sotsial'no-psikhologicheskoy klimat v kollektive // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya. – 2022. – № 6. – С. 93–98.
2. Isanov A. P. Upravleniye mezhlichnostnymi otnosheniyami v kollektive // Science and Education : setevoye izdaniye. – 2023. – Т. 4. – № 1. – С. 747–755. – URL: <https://openscience.uz/index.php/sciedu/issue/view/41>.
3. Korzhev S. V. K voprosu opredeleniya struktury sotsial'nykh otnosheniy v voinskiykh kollektivakh // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya. – 2021. – № 4. – С. 63–65.
4. Zverev V. O., Maksimov A. S., Tikhonova Ye. A. Etnopsikhologiya sluzhebnykh otnoshenii v kollektivakh organov vnutrennikh del // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2019. – Т. 24. – № 4 (79). – С. 369–374; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14003>.
5. Naumov S. I., Savchenko S. A. Etnokul'turnyye aspekty sotsial'nogo vzaimodeystviya v pravookhranitel'noy sfere // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem : elektronnoye izdaniye. – 2017. – Т. 8. – № 9. – С. 58–81. – URL: <https://rjep.ru/jour/index.php/rjep>.
6. Pelevina A. A. Osobennosti «neustavnykh otnosheniy» v razlichnykh sotsial'nykh organizatsiyakh // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: psikhologiya. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 118–121.
7. Bodrov V. A. Professional'noye utomleniye: fundamental'nyye i prikladnyye problemy. – Москва: Institut psikhologii RAN, 2009. – 558 с.
8. Zinchenko V. P., Leonova A. B., Strelkov Yu. K. Psikhometrika utomleniya. – Москва: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1977. – 109 с.
9. Kulikov L. V. Psikhologiya nastroyeniya : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1997. – 225 с.
10. Leonova A. B., Velichkovskaya S. B. Differentsial'naya diagnostika sostoyaniy snizhennoy rabotosposobnosti / Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy : 200-letiyu Kazanskogo universiteta posvyashchayetsya : sbornik statey / nauch. red. A. O. Prokhorov. – Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2002. – С. 326–343.

11. *Maslova N. B., Bloschinskiy I. A., Maksimenko V. N.* Neyrofiziologicheskaya kartina geneza utomleniya, khronicheskogo utomleniya i pereutomleniya cheloveka-operatora // *Fiziologiya cheloveka*. – 2003. – Т. 29. – № 5. – С. 123–133.
12. *Velichkovskiy B. B.* Kognitivnyye efekty umstvennogo utomleniya // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*. – 2019. – № 1. – С. 108–122; <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.108>.
13. *Zakharov V. V., Yakhno N. N.* Narusheniya pamyati. – Moskva: GEOTAR-MED, 2003. – 160 s.
14. *Luriya A. R.* Osnovy neyropsikhologii. – Sankt-Peterburg: Piter, 2023. – 384 s.
15. *Ogorodnikova L. A.* Podkhody k issledovaniyu pamyati v otechestvennoy i zarubezhnoy psikhologii // *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. – 2012. – Т. 2. – № 2. – С. 308–312.
16. *Rubinshteyn S. Ya.* Eksperimental'nyye metodiki patopsikhologii i opyt primeneniya ikh v klinike : v 2 kn. – Moskva: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii, 2009. – Kn. 1. – 224 s.
17. *Ushakov V. O.* Issledovaniye dinamiki funktsionirovaniya mekhanizmov mnemicheskikh sposobnostey pri uslozhnenni mnemicheskoy zadachi // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 149–163.
18. *Cheremoshkina L. V., Osinina T. N.* Pamyat': zakonomernosti vosproizvedeniya uchebnogo materiala : monografiya. – 2-ye izd., pererab. i dop. – Moskva: Yuraĭt, 2019. – 235 s.
19. *Dukhnovskiy S. V., Zlokazov K. V.* Sub'yektivnaya otsenka vnutrigruppyovykh otnosheniy: opisaniye oprosnika i vozmozhnosti yego ispol'zovaniya // *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2023. – № 4 (74). – С. 106–112.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 06.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted May 5, 2024; approved after reviewing June 6, 2024; accepted for publication June 21, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 159.9.072.5

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-295-307>

Вали Фатехович Енгальчев

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>, valiyen@gmail.com

Дмитрий Валерьевич Лыфенко

кандидат педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0003-6774-2703>, dlyfenko@yandex.ru

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Российская Федерация, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, д. 26*

Изучение результатов применения видеозаписи допроса в зарубежных исследованиях

Аннотация: Введение: Встречающиеся случаи отказа допрашиваемого после первого же допроса от дачи показаний в дальнейшем, неоднократное изменение им содержания своих показаний, заявления допрашиваемого и его адвокатов о применении в отношении него недопустимых методов следствия и другое побуждают к поиску надежных средств фиксации его устных текстов и самой ситуации их порождения на допросе. Правильно технически и психологическая организованная видеозапись следственных действий является ценным инструментом анализа поведения допрашиваемого лица и достоверным доказательством на последующем, судебном этапе расследования. **Методы.** Исследование опирается на системный подход, общенаучные методы (теоретический анализ, синтез, индукция, дедукция), специальные частнонаучные методы: конкретизация, толкование, компаративный исследовательский метод. Осуществлено обобщение зарубежного опыта проведения следственных действий с применением видеозаписи в ходе допроса особо ценных подозреваемых. Полученные результаты проинтерпретированы посредством экспертного психологического анализа. **Результаты.** Межличностное взаимодействие в процессе допроса, поддержанное отслеживанием динамики коммуникативного поведения посредством психологического изучения видеозаписи, дает более существенные результаты и более высокий процент признаний по сравнению с традиционными методами ведения допроса. Особое значение имеет использование техник психотерапевтической работы и построения мотивационного дискурса, в частности, длящегося раппорта, позволяющего установить надежные доверительные отношения между следователем и допрашиваемым. Обучение следователей психологическим основам использования видеозаписи, а затем анализ результатов их работы до и после обучения, показывает значительные перемены в использовании научно-обоснованных тактик ведения допроса, в том числе более широкое применение открытых вопросов, положительных утверждений, основных элементов когнитивного интервью, что оказывает пролонгированный положительный эффект.

Ключевые слова: следственные действия, цифровые технологии, психология, видеозапись, допрос, достоверность, раппорт

Для цитирования: Енгальчев В. Ф., Лыфенко Д. В. Изучение результатов применения видеозаписи допроса в зарубежных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 295–307; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-295-307>.

Vali F. Engalychev

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>, valiyen@gmail.com

Dmitry V. Lyfenko

Cand. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0009-0003-6774-2703>, dlyfenko@yandex.ru

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski

26, Stepana Razina str., Kaluga, 248023, Russian Federation

Analysis of foreign studies results on video recording an interrogation

Abstract: Introduction: Cases of refusal by a person questioned to testify after the first interrogation, repeated changes in the content of his testimony, statements of an interrogated person and his lawyers about the use of inadmissible methods of investigation against him, etc. inspire the search for reliable means of recording oral texts and the very situation of texts production during an interrogation. Properly technically and psychologically organised video recording of investigative actions presents a valuable tool for analysing the behaviour of an interrogated person and reliable evidence at the subsequent, judicial stage of the investigation. **Methods.** The research is based on the system approach, general scientific methods (theoretical analysis, synthesis, induction, deduction), specific scientific methods: specification, interpretation, comparative research method. The foreign experience of conducting investigative actions with the use of video recording during an interrogation of especially valuable suspects has been generalised. The obtained results were interpreted by means of expert psychological analysis. **Results.** Interpersonal interaction during interrogation process, supported by tracking the dynamics of communicative behaviour through psychological examination of the video record, present more significant results and higher confession rates than traditional interrogation techniques. Of particular importance is the use of psychotherapeutic techniques and the construction of motivational discourse, in particular, sustained rapport, which allows establishing reliable relationship of trust between an investigator and an interviewee. Training investigators in the psychological framework of using video recording, and further analysis of their performance before and after training, show significant changes in the use of evidence-based interrogation tactics, including extended use of open-ended questions, positive affirmations, and basic elements of cognitive interview, which has prolonged positive effect.

Keywords: investigative actions, digital technologies, psychology, video recording, interrogation, credibility, rapport

For citation: Engalychev V. F., Lyfenko D. V. Analysis of foreign studies results on video recording an interrogation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 295–307; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-295-307>.

Введение

В современных условиях в процессе производства допроса, вместе с процессуальным и психологическим аспектами, как правило, выделяется и такой важный аспект, как организационно-технический, который тесно связан с первыми двумя. Помимо традиционного диктофона и уже ставшего не менее традиционным компьютером, методические рекомендации к производству допроса настоятельно рекомендуют, а где-то уже и прямо требуют, применения видеозаписи – видеопотоколирования или видеофиксации всего процесса допроса. Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, внезапным отказом допрашиваемого после первого же допроса от дачи показаний вообще со ссылкой на ст. 51 Конституции. Во-вторых, неоднократным изменением допрашиваемым содержания своих показаний, что заставляет сомневаться в достоверности всех их либо какой-либо их части. В-третьих, последующими заявлениями допрашиваемого и его адвокатов о применении в отношении него недопустимых методов ведения допроса, физического и / или психического (психологического) воздействия: пыток, давления, угроз, шантажа, гипноза и т.п. [1] Что постфактум почти невозможно проверить в отсутствие видимых следов такого воздействия. В-четвертых, задачей и возможностью анализа динамики вербального и невербального поведения, допрашиваемого при актуализации релевантно значимых

тем. И, наконец, в-пятых, потребностью совершенствования методики и техники допроса как особого коммуникативного процесса в следственной деятельности [2]. Эти причины привели к активному использованию новых методических подходов в отечественной судебно-следственной и экспертной практиках, где возможность объективного изучения и анализа поведения человека стала решаться на базе использования современных интеллектуальных инструментов [3; 4]. В поисках новых идей применения цифровых технологий и, в частности, видеозаписи, в следственной деятельности, целесообразно изучить различные стороны их применения за рубежом, где накоплен значительный опыт в этой сфере.

Методы

Исследование опирается на системный подход, общенаучные методы (теоретический анализ, синтез, индукция, дедукция), специальные частнонаучные методы: конкретизация, толкование, компаративный исследовательский метод. Осуществлено обобщение зарубежного опыта проведения следственных действий с применением видеозаписи в ходе допроса особо ценных подозреваемых. Полученные результаты обработаны с помощью интерпретативного метода.

Результаты

В 2012 году министерство обороны США предоставило исследователям возможность видео- или аудиозаписи взаимодействия полицейского департамента Сан-Франциско с представителями общественности. Команда хотела изучить эффективные коммуникативные техники взаимодействия, которыми владеют офицеры полиции, при общении с неизвестными личностями, чтобы «разобраться в незнакомых людях, отношениях, социальных условиях и ориентироваться на них». Эта программа на английском языке получила название “*Good Stranger*”, которое в данном контексте можно перевести на русский язык как «доброжелательный посторонний человек» [5]. В начале коммуникации с дознаваемым для следователя важно установить психологически выстроенные доверительные отношения, определяемые как раппорт (фр., а затем англ. *rapporтер* — возвращать, приносить обратно). Оценка раппорта на основе анализа видеозаписей показывает, что он увеличивает вероятность успешного исхода первого интервью. Зафиксированный процент раппорта положительно коррелирует с теми допросами, которые показали умеренный или полный сдвиг в сторону признания при анализе 85 актов коммуникаций с подозреваемыми в мошенничестве с социальными пособиями. [6].

Анализ видеозаписей допросов в полицейском управлении Лос-Анджелеса был отражен в подробном отчете о тактике, использованной на разных этапах допроса [7]. Определяя раппорт как доверительные отношения между допрашивающим и подозреваемым, авторы отчета фиксировали поведение, основанное на проявлении заинтересованности со стороны обеих сторон процедуры допроса. В частности, если удавалось сохранить раппорт на протяжении всего допроса, то он, как правило, заканчивался признанием своей вины, в то время как потеря раппорта нередко приводила к отрицанию вины. Хотя авторы отчета здесь фиксируют только формальную сторону наблюдаемого ими процесса, сама характеристика раппорта как важного психологического фактора взаимопонимания является крайне важной.

Изучение видеозаписей допросов, проводимых японскими полицейскими, показало, что те из них, кто устанавливал взаимопонимание с допрашиваемым и поддерживал раппорт на протяжении всего допроса (в терминах «чуткого понимания» и «видения перспективы» для допрашиваемого), чаще получали полные признания от подозреваемых в убийстве, изнасиловании и ограблении, чем офицеры, которые этого не делали [8].

Группа британских психологов (работающая в традициях школы психологии расследования – *investigative psychology*) использовала новаторский подход в применении терапевтических стратегий применительно к допросу. [9] На основе анализа видеозаписей бесед с британскими подозреваемыми в терроризме были предложены принципы и стратегии мотивационного собеседования с целью совершенствования техники раппорта. Мотивационное собеседование – это «ориентированный на клиента, директивный, прямой метод усиления внутренней мотивации к изменениям путем изучения и разрешения амбивалентности» [10, с. 25]. Мотивационное собеседование основано на принципах социальной психологии и теории самоопределения [11]. Ключевым основополагающим условием здесь является автономия клиента: он несет ответственность за решение,

менять свое поведение или нет. Было обнаружено, что автономия связана с внутренней мотивацией, настойчивостью и достижением цели. Лишение потребности в автономии имеет множество пагубных последствий, таких как апатия и отчуждение [11]. Указывая на то, что как терапия, основанная на мотивационном собеседовании, так и допрос в полиции направлены на «создание атмосферы эмпатии, уважения и отсутствия каких-либо осуждений... и поддержание гибкой, но целенаправленной стратегии на протяжении всего взаимодействия» [12, с. 412], исследовательская группа проанализировала 418 аудио- и видеозаписей (в том числе 288 часов видеозаписи) допросов полицией двадцати девяти задержанных, которые впоследствии были осуждены за преступления, связанные с терроризмом. Для оценки качества межличностного взаимодействия между следователями и подозреваемыми, а также количества собранных полезных сведений и доказательств, было разработано руководство по кодированию (результат оценивался с точки зрения способности совершить преступление, возможности, мотива и подробностей о местонахождении людей, действий и времени, связанных с правонарушением). Межличностные взаимодействия описывались с точки зрения навыков построения раппорта и динамики межличностного поведения [12, с. 416]. В итоге было выработано понимание, какое поведение со стороны допрашивающих привело к тому, что и допрашиваемые предоставили полезную информацию [12]. На другом этапе исследования было изучено более 600 часов полевых допросов. Следователи продемонстрировали разнообразие тактик коммуникативного взаимодействия и их результаты, соответственно, различались. Таким образом, ученые смогли определить, какое поведение следователя привело к получению информации, а какое – нет, и какое поведение подозреваемых было связано с предоставлением информации, а какое – нет. Это фактически две стороны одного и того же коммуникативного поведения, которое должно изучаться и оцениваться только системно. Наблюдения также систематически кодировались для поведения, связанного с хорошим и малоэффективным применением стратегий мотивационного интервью (описанных ранее в упомянутом отчете).

В другом исследовании эксперты из Соединенного Королевства и Европейского Союза [13] выявили четыре области недопонимания в межкультурном общении – общие для социальных встреч, следственных и полицейских допросов [14]. Их можно представить как четыре этапа, происходящие в ходе коммуникации: 1) ориентационный, 2) реляционный, 3) диалог поиска решения проблемы и 4) диалог разрешения проблемы.

Ориентационный диалог – это начало общения, т. е. обмен репликами, хотя некоторые аспекты этого этапа (по аналогии со «светской беседой») могут продолжаться на протяжении всего разговора. Существуют культурные различия в восприятии и ходе такого диалога – например, немцы ожидают большей практичности и целесообразности, в то время как англичане – создания общего представления («какие новости о погоде?») [15].

Реляционный диалог включает в себя такие темы, как личная репутация, идентичность и социальная принадлежность. Культуры различаются в зависимости от того, как они оценивают социальные группы и личное достоинство. Представители отдельных культур описывают события линейно, начиная с краткого описания обстановки, а затем, продолжают рассказом, который разворачивается в хронологическом порядке. Представители других культур с большей вероятностью будут участвовать в совместном диалоге, ожидая обратной связи от слушателя, включая информацию о прошлом, социальных отношениях, а иногда даже об истории участников повествования [16].

Изучение двадцати семи видеозаписей допросов, проведенных полицией Нидерландов в отношении 12 подозреваемых из Нидерландов и 15 – из Марокко, показало, что этнонациональная культура межкультурной коммуникации заметно варьирует от этноса к этносу, в силу чего ее восточные модели заметно отличаются от европейской. Поэтому признанная в европейской коммуникативной культуре эмпатия не всегда повсеместно эффективна в отношениях и построении доверия между полицией и задержанными ею людьми. [17]. Так, марокканцы отвечали отказом предоставить информацию даже в ситуациях, когда полиция демонстрировала доброе отношение, подозревая за этим попытки купить предательство; в то же время угрозы, направленные на друзей, близких или родственников задержанных, были более эффективными [18].

Диалог поиска решения проблемы предполагает, что представители западной культуры решают проблемы путем логического дискурса построения аргументов и убеждений, предъявления доказательств и выявления их отсутствия, построения схем несоответствий обоснования фактическим обстоятельствам дела [19]; на Западе «время – деньги» [20]. Хотя такое поведение нехарактерно для представителей азиатских культур,

где аргументы и доказательства вторичны по отношению к построению отношений [21], гарантиям безопасности, эмпатии и связи [22], внимательности, осознанности и эмоциям [23] и поддержанию «лица». [24], важно учитывать кто именно и в каких именно обстоятельствах предлагает дружбу и сотрудничество. Сохранение «лица» имеет первостепенное значение для представителей некоторых культур, даже в той степени, в которой они могут предоставить ложную информацию, чтобы «сохранить лицо» [13]. Здесь «время – честь».

Диалог разрешения проблемы предполагает, что проблема будет в любом случае решена, даже вопреки закрытости субъекта и его сопротивлению какому-либо решению. Проблема состоит в том, что итог дознания может привести к потере лица для субъекта или предоставление информации, которая может его изобличить. Сохранение лица – это «заявленное у человека ощущение положительного имиджа в контексте социального взаимодействия» [25]. Для некоторых это важнее, чем решение проблемы или раскрытие информации.

Анализ записанного сеанса используется командой при подготовке к следующему сеансу допроса, а также в качестве источника для написания отчета. Речевое поведение допрашиваемого анализируется с помощью психологических и лингвистических средств анализа текста, которые могут указывать на достоверность/недостоверность сообщаемой им информации и его психологическое состояние.

В частности, анализ видеозаписей десяти последовательных сеансов допроса с переводом, проходивших в изоляторе длительного содержания Министерства обороны в Афганистане в 2011 году, дал содержательную, полезную информацию о взаимоотношениях между дознавателем, переводчиком и задержанным [26]. Видео были переданы группе, проводящей допросы с особо ценными задержанными по соглашению с Объединенным Центральным командованием США (англ. CENTCOM). Такие данные обычно шифруются и хранятся в государственных архивах.

Наблюдаемые допросы происходили примерно в середине гораздо более продолжительной серии допросов с задержанным, который, как предполагалось, обладал значительными сведениями секретного характера. В допросах помогали двое переводчиков, каждый из которых владел языком допрашиваемого. Видео были переведены и расшифрованы в безопасном месте, и вся личная информация была удалена до того, как расшифровки были переданы исследовательской группе¹.

Число американских штатов, требующих, чтобы сотрудники правоохранительных органов регистрировали в электронном виде некоторые или все допросы, проведенные с подозреваемыми, находящимися под стражей, выросло с двух до как минимум 22 с 2003 года [27]. 22 мая 2014 г. Министерство юстиции США объявило о существенном изменении своей политики, создав презумпцию того, что ФБР, Агентство по борьбе с наркотиками, Управление по контролю за оборотом алкогольных напитков, табачных изделий, огнестрельного оружия и взрывчатых материалов и Служба судебных приставов США будут регистрировать хранение записи допросов в электронном виде [28].

Аргументы в пользу этой практики, которые выдвигались еще в 1930-х годах [29], включали необходимость хорошей записи судебных заседаний [30; 31], устранение различий в восприятии или предвзятых предубеждений [31], в том числе различия в интерпретации показаний [32]; предотвращение неправомерных действий полиции; сокращение количества и продолжительности ходатайств о пресечении признаний; и обеспечение того, чтобы суть предупреждения прав Миранды не была проигнорирована при представлении подозреваемым [31]. Кроме того, присяжные все чаще не считают правдоподобным, что видеозапись была трудноосуществима, и делают вывод, что причиной отказа от записи была скрыть некоторые аспекты разбирательства [30; 31]. Важным обстоятельством в пользу видео- или аудиозаписи является то, что она освобождает следователя от ведения записей, что отвлекает [30; 31], позволяет другим просматривать допрос [31] и может использоваться для предоставления стенограммы судебного заседания.

Тем не менее, нет никаких доказательств того, что видео- или аудиозаписи влияют на сотрудничество или признания, а полицейские органы, которые внедрились видеозапись

¹ Министерство обороны определило, что этот исследовательский проект не был исследованием на людях в соответствии с Инструкцией Министерства обороны США 3216.02 «Защита людей и соблюдение этических стандартов в исследованиях, поддерживаемых Министерством обороны» (Appendix CDoD Instruction 3216.02 Protection of Human Subjects and Adherence to Ethical Standards in DoD-Supported Research. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK236819/#:~:text=DoD%20Instruction%203216.02%20%E2%80%9Cestablish%5Bes%5D%20policy,when%20this%20report%20was%20completed> (дата обращения: 27.04.2024)), и часть. 219 раздела 32 свода Федеральных правил (32 CFR Part 219 – Part 219 – Protection of human subjects. – URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/32/part-219> (дата обращения: 27.04.2024)).

допросов, сообщают об изменении как положительном почти во всех случаях [33]. Более двух десятилетий исследований показали, что, если видеочасть фокусируется только на подозреваемом, сама возможность видеть подозреваемого приводит внешних наблюдателей к выводу, что самообвиняющие заявления в значительной степени являются произвольными, сделанными осознанно, а не становятся следствием возможного давления со стороны следователя, независимо от реальности ситуации [1; 34]. Это связано с тем, что люди приписывают причинно-следственные связи явлениям, которые они могут непосредственно видеть [34].

Один из способов исправить направление съемки видеочастью – это расположить ее так, чтобы профили подозреваемого и дознавателя были одинаково видны. Не рекомендуется показывать разделенный экран, на котором отдельно видны изображения дознавателя и задержанного, так как исследования показали, что двойная фокусировка видеочасти на подозреваемом и следователе приводит к относительно низкой производительности касательно точного определения, является ли признание истинным или ложным [35].

Распознать, говорит ли кто-то правду или нет в отсутствие какой-либо другой информации, кроме той, которая была предоставлена в ходе собеседования, чрезвычайно сложно. Мета-анализ более чем 120 исследований [в первую очередь лабораторные исследования, где контрольный набор данных был известен заранее] показал, что различия в поведении между говорящими правду и лжецами малые, слабые и ненадежные [36]. Это лабораторное исследование, в котором приняли участие около 25 000 человек, показало, что, когда кто-то пытается определить правдивость, основываясь исключительно на анализе речи или поведения, он достигает невысокого процента точности, тогда как точность в 50 % достигается просто случайно [37]. Исследователи обнаружили, что в реальных допросах полиции точность составляет в лучшем случае 65 % [38]. Вместе с тем, по данным немецкоязычных научных источников, психологическая экспертиза достоверности показаний давно стала фактом следственной и судебных практик в Германии; Активно развивается в Австрии, Швейцарии и некоторых других странах, где признана валидным инструментом проверки показаний на достоверность/недостоверность и почти единственным в ситуациях отсутствия иных данных по уголовному делу, кроме показаний его непосредственных участников, причем, важно, что это применимо даже при анализе криминальных расследований прошлых лет².

Проблема выявления лжи в своем окончательном виде до сих пор не решена. Обнаружить обман сложно по нескольким причинам. Как мы уже отмечали, существует почти повсеместная тенденция полагать, что неприятие взгляда является признаком обмана [39], хотя отвод взгляда никогда не считался надежным показателем [7]. Различные голосовые сигналы (колебания, паузы, речевые ошибки, скорость речи) и невербальные сигналы (такие как неприятие взгляда, самоадаптация и внешнее, выраженное невербально беспокойство) считаются индикаторами обмана, но на самом деле являются ненадежными сигналами [40]. Но в любом случае, имеющаяся видеозапись допроса позволяет многократно возвращаться к его анализу не зависимыми друг от друга исследователями, в то время как изучение обезличенного протокола допроса не располагает расширенными возможностями.

До сих пор профессионалов (например, полиции, разведки) нередко обучают использованию ненадежных сигналов для выявления обмана. Например, полицейских учат, что лжецы, как правило, отводят взгляд и делают жесты ухода за своей внешностью [41]. И в двух исследованиях почти 75 % опрошенных полицейских согласились с таким подходом [38; 42], хотя такие сигналы не всегда свидетельствуют именно об обмане [36]. В другом исследовании сотрудники полиции, которые смотрели видеоклипы реальных полицейских допросов и опирались на выученные подсказки, показали худшие результаты, чем необученные полицейские. Аналогично студенты, обученные полицейским методам, справлялись с анализом видео хуже, чем неподготовленные студенты [38; 43].

Обучение обнаружению обмана на основе одних только невербальных сигналов не помогает. Недавний мета-анализ 30 исследований показал, что обучение тому, как обнаружить обман, дает лишь скромные улучшения в точности выявления обмана [44].

Признаки обмана могут различаться в зависимости от культуры, хотя исследования по этому поводу до сих пор не могут считаться исчерпывающими. [13].

Традиционное обнаружение обмана сфокусировано на невербальных подходах. Например, собеседование с целью анализа поведения субъекта,

² Александрова О. В., Енгальцев В. Ф. Дело о поджоге Рейхстага в 1933 г. С позиций психологической экспертизы достоверности показаний в Германии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 197–204; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-197-204>.

обычное для правоохранительных органов США [45], опирается на невербальные и паралингвистические сигналы, которые, как показали исследования обмана, не могут быть признаны абсолютно надежными. [36]. Микровыражения – т. е. мимолетные экспрессии лицевых мышц лица, выраженные, а затем подавленные в течение $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{25}$ доли секунды [46], свидетельствуют о подлинных эмоциях, которые были замечены, но не имеют заслуживающего доверия отношения к проявлению обмана [47]. Нейролингвистическое программирование (НЛП), которое не относится ни к нейробиологическим, ни к лингвистическим наукам, было предложено как способ помочь следователю отличить правду от лжи на собеседованиях и допросах преступников [48]. Однако ему не хватает теоретической согласованности и логичности, и нет никаких существенных доказательств его достоверности и точности, полученных экспериментально [49].

Напротив, научные методы различения правды и лжи учитывают различные стратегии и предположения говорящих правду и лжецов и предлагают дознавателю углубить это различие с помощью методов дознания, которые он использует. Вместо того, чтобы обучать дознавателя распознавать сигналы обмана, что оказалось относительно неэффективным, основное внимание уделяется обучению проводить собеседование таким образом, чтобы сигналы обмана стали более очевидными даже для наивного наблюдателя. Побуждение к сотрудничеству посредством использования обоснованных коммуникативных стратегий и техник, анализа видеозаписей поведения конкретного человека в конкретных ситуациях следствий действий может оказаться более эффективным средством чем опора на психотипы. Следователь всегда работает не с группой, в которой проявляются психологические статистические закономерности, а с отдельным индивидом, поведение которого может «выбиваться» за групповые нормы. В целом, должно быть разумное сочетание коллективного и личного опыта коммуниканта. Так, предполагается, что межличностная координация, являясь индикатором раппорта, [50] состоит из невербальных движений одного человека, которые совпадают с синхронизацией и ритмом собеседника. Это происходит бессознательно и обычно усиливает сотрудничество и эмпатию [51]. Например, взаимодействующие люди могут касаться своего лица [52] или взаимно менять позу [53]. Недавняя серия исследований отслеживала межличностную координацию между культурами и обнаружила различия между культурами в ходе кросс-культурного общения. Например, межличностная координация улучшилась во время интервью, когда британских участников исследования попросили занять стратегию поведения обмана, в то время как участники исследования из Южной Азии показали снижение межличностной координации в ходе интервью, а также получили инструкции говорить ложь [54].

В 2014–2015 гг. в четырех различных интерпретациях в течение пяти месяцев, с 120 сотрудниками (80 следователей и 40 контрразведчиков) из Управления криминальных расследований Военно-воздушных сил США был проведен недельный курс обучения активному слушанию, принятию осмысленных решений, предварительной, подготовительной работе, социальному влиянию, мотивационному и когнитивному видам собеседования, когнитивным сигналам обмана. Каждый следователь по уголовным делам предоставил видеозапись допросов, которые он провел до и после обучения. Видеозаписи были расшифрованы, вся личная информация была удалена до того, как данные были переданы независимой группе исследователей, которые проанализировали расшифровку стенограммы на предмет приверженности методам в соответствии с инструкциями и влияния на результат (детали, полнота, готовность, сотрудничество и сопротивление). К настоящему времени анализ 67 допросов, проведенных до и после обучения, показал значительные перемены в использовании научно обоснованных тактик ведения допроса, в том числе более широкое применение открытых вопросов и положительных утверждений, которые способствовали установлению контакта в разговоре, и более широкому использованию основных элементов когнитивного интервью. Также было отмечено, что допросы после обучения были более продуктивными – давали больше подробностей и полных рассказов, а субъекты вели себя более откровенно и меньше проявляли сопротивление. Наконец, использование обоснованной тактики проведения допроса, благодаря применению навыков активного слушания и когнитивных элементов интервью было в значительной степени связано с более подробными повествованиями допрашиваемых, готовых сотрудничать.

Заключение

Таким образом, изучение опыта использования видеозаписи допроса в зарубежных исследованиях может помочь отечественным оперативникам, дознавателям и следователям повысить результативность коммуникации с допрашиваемыми в процессе различных следственных действий.

Список литературы

1. *Lassiter, G. D., Ware, L. J., Lindberg, M. J., & Ratcliff, J. J.* Videotaping custodial interrogations: Toward a scientifically based policy / *Police interrogations and false confessions: Current research, practice, and policy recommendations.* – Washington, DC: American Psychological Association, 2010. – P. 143–160.
2. *Ахмедшин Р. Л.* Тактика коммуникативных следственных действий : монография / науч. ред. Н. Т. Ведерников. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2014. – 294 с.
3. *Енгальцев В. Ф.* Психологический анализ поведения, зафиксированного на видеозаписи, как новое направление судебной психологической экспертизы / *Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей : сборник научных статей, 16 марта 2017 г.* – Москва: РГУП, 2017. – С. 11–16.
4. *Гусев А. Н., Енгальцев В. Ф., Захарова Н. А.* Современные тренды в использовании программно-аппаратных средств при оценке психоэмоционального состояния человека / *Аппаратные средства в психологической подготовке : материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур «Научно-методические аспекты использования программно-аппаратных средств и тренажеров в психологической подготовке военнослужащих», 25 октября 2017 г.* / под ред. А. Г. Караяни, С. И. Данилова. – Москва: Школа современных психотехнологий, 2018. – С. 110–118.
5. *Conger K.* Good stranger: DoD records citizens' encounters with SFPD / *San Francisco Bay Area Independent Media Centre (June 28, 2012).* – URL: <http://www.sfweekly.com/sanfrancisco/good-stranger-dod-records-citizens-encounters-withsfpd/Content?oid=2185532>.
6. *Walsh D., Bull R.* Benefit fraud investigative interviewing: A self-report study of investigation professionals' beliefs concerning practice // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling.* – 2011. – No 8. – P. 131–148; <https://doi.org/10.1002/jip.137>.
7. *Kelly C. E., Miller J. C., Redlich D.* The dynamic nature of interrogations // *Law and Human Behavior.* – 2016. – No 40 (3). – P. 295–309; <https://doi.org/10.1037/lhb0000172>.
8. *Wachi T., Watanabe K., Tokota K., Otsuka Y., Kuraishi H., Lamb M.* Police interviewing styles and confessions in Japan. // *Psychology, Crime & Law.* – 2014. – No 20 (7). – P. 673–694; <https://doi.org/10.1080/1068316X.2013.854791>.
9. *Alison L. J., Alison E., Noone G., Elntib S., Christiansen P.* Why tough tactics fail and rapport gets results: Observing Rapport-Based Interpersonal Techniques (ORBIT) to generate useful information from terrorists // *Psychology, Public Policy and Law.* – 2013. – No 19 (4). – P. 411–431; <https://doi.org/10.1037/a0034564>.
10. *Miller W. R., Rollnick S.* Motivational interviewing: Preparing people to change addictive behavior. – New York: Guilford Press, 1991. – 348 p.
11. *Deci E. L., Ryan R. M.* Handbook of self-determination research. – Rochester, New York: University of Rochester Press, 2002. – 470 p.
12. *Alison L. J., Alison E., Noone G., Elntib S., Christiansen P.* Why tough tactics fail and rapport gets results: Observing Rapport-Based Interpersonal Techniques (ORBIT) to generate useful information from terrorists // *Psychology, Public Policy and Law.* – 2013. – № 19 (4). – 411–431; <https://doi.org/10.1037/a0034564>.
13. *Taylor P. J., Conchie S. M., van der Zee S., Larner S.* Cross-cultural deception detection. In P. A. Granhag, A. Vrij, B. Verschuere (Eds.) *Detecting deception: Current challenges and cognitive approaches.* – Chichester, West Sussex, U.K.: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 175–201.
14. *Milne R., Bull R.* Investigative interviewing psychology and practice. – Wiley, Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons, 1999. – 224 p; <https://doi.org/10.1002/cbm.444>.
15. *House J.* Communicative styles in English and German // *European Journal of English Studies.* – 2006. – No 10 (3). – P. 249–267; <https://doi.org/10.1080/13825570600967721>.
16. *Delwiche A. A., Henderson J. J.* The players they are a-changin': The rise of older MMO gamers // *Journal of Broadcasting & Electronics Media.* – 2013. – No 57 (2). – P. 205–223; <https://doi.org/10.1080/08838151.2013.787077>.
17. *Holmberg U., Christianson S. A.* Murderers' and sexual offenders' experiences of police interviews and their inclination to admit or deny crimes // *Behavioral Sciences & the Law.* – 2002. – No 20 (1-2). – P. 31–45; <https://doi.org/10.1002/bsl.470>.
18. *Beune K., Giebels E., Taylor P. J.* Patterns of interaction in police interviews: The role of cultural dependency // *Criminal Justice and Behavior.* – 2010. – No 37 (8). – P. 904–925; <https://doi.org/10.1177/0093854810369623>.
19. *Ting-Toomey S., Oetzel J. G.* Managing intercultural conflict effectively. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. – 2001; <https://doi.org/10.4135/9781452229485>.

20. *Gelfand M. J., McCusker C.* Metaphor and the cultural construction of negotiation: A paradigm for research and practice. In Gannon M., Newman K. L. (Eds.) *Handbook of cross-cultural management*. – New York: Blackwell Publishers Ltd., 2002. – P. 282–314; <https://doi.org/10.1002/9781405164030.ch15>.
21. *Gelfand M. J., Severance L., Lee T., Bruss C. B., Lun J., Abdel-Latif A. H., al-Moghazy A. A., Moustafa A. S.* Culture and getting to yes: The linguistic signature of creative agreements in the United States and Egypt // *Journal of organizational behaviour*. – 2015. – No 36 (7). – P. 967–989; <https://doi.org/10.1002/JOB.2026>.
22. *Gelfand M. J., Smith V., Raver J., Nishii L., O'Brien K.* Negotiating relationally: The dynamics of the relational self in negotiations // *Academy of Management Review* – 2006. – № 31 (2), – P. 427–445; <https://doi.org/10.5465/AMR.2006.20208689>.
23. *Kopelman S.* *Negotiating genuinely: Being yourself in business*. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2014. – 88 p.
24. *Oetzel J. G., Ting-Toomey S.* Face concerns in interpersonal conflict a cross-cultural empirical test of the face negotiation theory // *Communication Research*, – 2003. – № 30 (6). – P. 599–624; <https://doi.org/10.1177/0093650203257841>.
25. *Oetzel J. G., Yokochi Y., Masumoto T., Takai J.* A typology of facework behaviors in conflicts with best friends and relative strangers // *Communication Quarterly*. – 2000. – № 48 (4). – P. 397–419; <https://doi.org/10.1080/01463370009385606>.
26. *Leins D. A., Zimmerman L. A., Cheng K.* Field observations of DOD videos: exploring interrogator tactics, methods and outcomes [Report submitted to the High-Value Detainee Interrogation Group, Washington D.C. (2014)] // *FBI.GOV*. – URL: <http://www.fbi.gov/file-repository/hig-report-interrogation-a-review-of-the-science-september-2016.pdf>.
27. *Dep't of Justice*, new department policy concerning electronic recording of statements // *Harvard Law Review*. – 2015. – Vol. 128. – Is. 5. P. 1552–1559. – URL: <https://harvardlawreview.org/print/vol-128/dept-of-justice-new-department-policy-concerning-electronic-recording-of-statements/>.
28. *Attorney General Holder Announces Significant Policy Shift Concerning Electronic Recording of Statements* : Press Release (May 22, 2014) // *Office of Public Affairs. U.S. Department of Justice*. – URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/attorney-general-holder-announces-significant-policy-shift-concerning-electronic-recording>.
29. *Leo R. A.* *Police interrogation and American justice*. Cambridge MA: Harvard University Press, 2009. – P. 374.
30. *Lassiter G. D.* Psychological science and sound public policy: Video recording of custodial interrogations // *American Psychologist*. – 2010. – No 65 (8). – P. 768–779; <https://doi.org/10.1037/0003-066X.65.8.768>.
31. *Boetig B. P., Vinson D. M., Weidel B. R.* Revealing incommunicado // *FBI Law Enforcement Bulletin*. – 2006. – No 1-10. – URL: <https://www.fbi.gov/file-repository/hig-report-interrogation-a-review-of-the-science-september-2016.pdf>.
32. *Sandoval V. A.* Strategies to avoid interview contamination // *FBI Law Enforcement Bulletin*. – 2003. – Vol. 72. – Is. 10. – URL: <https://www.coursehero.com/file/55332869/JUS-201-DISCUSSION-5docx/>.
33. *Sullivan T. P.* Police experiences with recording custodial interrogations // *Judicature*. – 2004. – No 88 (3). – P. 132–136.
34. *Lassiter G. D.* Illusory causation in the courtroom // *Current Directions in Psychological Science*. – 2002. – 11 (6). – P. 204–208; <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00201>.
35. *Lassiter G. D.* Psychological science and sound public policy: Video recording of custodial interrogations // *American Psychologist*. – 2010. – No 65 (8). – P. 768–779; <https://doi.org/10.1037/0003-066X.65.8.768>.
36. *DePaulo B. M., Lindsay J. L., Malone B. E., Muhlenbruck L., Charlton K., Cooper H.* Cues to deception // *Psychological Bulletin*. – 2003. – No 129. – P. 74–118; <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.1.74>.
37. *Levine T.* Active deception detection // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. – 2014. – No 1-1. – P. 122–128; <https://doi.org/10.1177/2372732214548863>.
38. *Mann S., Vrij A., Bull R.* Detecting true lies: Police officers' ability to detect deceit // *Journal of Applied Psychology*. 2004. – No 89. – P. 137–149; <https://doi.org/10.1037/0021-9010.89.1.137>.
39. *Mann S., Vrij A., Leal S., Granhag P. A., Warmelink L., Forrester D.* Windows to the soul? Deliberate eye contact as a cue to deceit // *Journal of Nonverbal Behavior*, – 2012. – No 36 (3). – P. 205–215; <https://doi.org/10.1007/s10919-012-0132-y>.
40. *Vrij A.* *Detecting lies and deceit: Pitfalls and opportunities*. – Chichester; Hoboken, NJ: John Wiley, 2008. – 488 p.

41. *Inbau F. E., Reid J. E., Buckley J. P., Jayne B. C.* Criminal interrogation and confessions. – Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning, 2013. – 469 p.
42. *Vrij A., Semin G. R.* Lie experts' beliefs about nonverbal indicators of deception // *Nonverbal Behav.* – 1996. – Vol. 20. – P. 65–80; <https://doi.org/10.1007/BF02248715>.
43. *Kassin S. M., Fong C. T.* "I'm Innocent!" Effects of training on judgments of truth and deception in the interrogation room // *Law & Human Behavior.* – 1999. – № 23 (5). – P. 499–507; <https://doi.org/10.1023/A:1022330011811>.
44. *Hauch V., Sporer S. L., Michael S. W., Meissner C. A.* Does training improve the detection of deception? A meta-analysis // *Communication Research.* – 2016. – № 43 (3). – P. 283–343; <https://doi.org/10.1177/0093650214534974>.
45. *Inbau F. E., Reid J. E., Buckley J. P., Jayne B. C.* Criminal interrogation and confessions. – Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning, 2011. – 472 p.
46. *Ekman P.* Telling lies : clues to deceit in the marketplace, politics and marriage. – New York: Norton, 1985. – 320 p.
47. *Porter S., ten Brinke L.* Reading between the lies: Identifying concealed and falsified emotions in universal facial expressions // *Psychological Science.* – 2008. – Vol. 19. – Is. 5. – P. 508–514; <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02116>.
48. *Gordon N., Fleisher W.* Effective Interviewing and Interrogation Techniques. – New York: Academic Press, 2006. – 384 p.
49. *Bhatt S., Brandon S. E.* Neurolinguistic Programming (NLP) in investigative interviewing: Recommended alternative methods // *Investigative Interviewing: Research and Practice (II-RP).* – 2015. – Vol. 7. – Is. 1. – P. 51–62.
50. *Abbe A., Brandon S. E.* Building and maintaining rapport in investigative interviews // *Police Practice and Research.* – 2014. – No 15 (3). – P. 207–220; <https://doi.org/10.1080/15614263.2013.827835>.
51. *Chartrand T. L., Lakin J. L.* The antecedents and consequences of human behavioral mimicry // *Annual Review of Psychology.* – 2012. – No 64 (1). – P. 285–308; <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-113011-143754>.
52. *Stel M., van Dijk E., Olivier E.* You want to know the truth? Then don't mimic! // *Psychological Science.* 2009. – No 20 (6). – P. 693–699; <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2009.02350.x>.
53. *Cappella J. N.* On defining conversational coordination and rapport // *Psychological Inquiry.* – 1990. – No 1 (4). – P. 303–305; https://doi.org/10.1207/s15327965pli0104_5.
54. *Van der Zee S.* The effect of cognitive load on nonverbal mimicry in interview settings. (Unpublished doctoral thesis.) Lancaster, U.K.: Lancaster University, 2013.

References

1. *Lassiter, G. D., Ware, L. J., Lindberg, M. J., & Ratcliff, J. J.* Videotaping custodial interrogations: Toward a scientifically based policy. In G.D. Lassiter & C.A. Meissner (Eds.) *Police interrogations and false confessions: Current research, practice, and policy recommendations.* – Washington, DC: American Psychological Association, 2010. – P. 143–160.
2. *Akhmedshin R. L.* Taktika kommunikativnykh sledstvennykh deystviy : monografiya / nauch. red. N. T. Vedernikov. – Tomsk: Izdatel'skiy dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – 294 s.
3. *Yengalychev V. F.* Psikhologicheskii analiz povedeniya, zafiksirovannogo na videozapisi, kak novoye napravleniye sudebnoy psikhologicheskoy ekspertizy / Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza i kompleksnyye sudebnyye issledovaniya videozapisey : sbornik nauchnykh statey, 16 marta 2017 g. – Moskva: RGUP, 2017. – S. 11–16.
4. *Gusev A. N., Yengalychev V. F., Zakharova N. A.* Sovremennyye trendy v ispol'zovanii programmno-apparatnykh sredstv pri otsenke psikhoemotsional'nogo sostoyaniya cheloveka / Apparatnyye sredstva v psikhologicheskoy podgotovke : materialy mezhtsemyonal'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii psikhologov silovykh struktur «Nauchno-metodicheskiye aspekty ispol'zovaniya programmno-apparatnykh sredstv i trenazherov v psikhologicheskoy podgotovke voyennosluzhashchikh», 25 oktyabrya 2017 g. / pod red. A. G. Karayani, S. I. Danilova. – Moskva: Shkola sovremennykh psikhotehnologiy, 2018. – S. 110–118.
5. *Conger K.* Good stranger: DoD records citizens' encounters with SFPD / San Francisco Bay Area Independent Media Centre (June 28, 2012). – URL: <http://www.sfweekly.com/sanfrancisco/good-stranger-dod-records-citizens-encounters-withsfpd/Content?oid=2185532>.
6. *Walsh D., Bull R.* Benefit fraud investigative interviewing: A self-report study of investigation professionals' beliefs concerning practice // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling.* – 2011. – No 8. – P. 131–148; <https://doi.org/10.1002/jip.137>.

7. Kelly C. E., Miller J. C., Redlich D. The dynamic nature of interrogations // *Law and Human Behavior*. – 2016. – No 40 (3). – P. 295–309; <https://doi.org/10.1037/lhb0000172>.
8. Wachi T., Watanabe K., Tokota K., Otsuka Y., Kuraishi H., Lamb M. Police interviewing styles and confessions in Japan. // *Psychology, Crime & Law*. – 2014. – No 20 (7). – P. 673–694; <https://doi.org/10.1080/1068316X.2013.854791>.
9. Alison L. J., Alison E., Noone G., Elntib S., Christiansen P. Why tough tactics fail and rapport gets results: Observing Rapport-Based Interpersonal Techniques (ORBIT) to generate useful information from terrorists // *Psychology, Public Policy and Law*. – 2013. – No 19 (4). – P. 411–431; <https://doi.org/10.1037/a0034564>.
10. Miller W. R., Rollnick S. *Motivational interviewing: Preparing people to change addictive behavior*. – New York: Guilford Press, 1991. – 348 p.
11. Deci E. L., Ryan R. M. *Handbook of self-determination research*. Rochester, New York: University of Rochester Press, 2002. – 470 p.
12. Alison L. J., Alison E., Noone G., Elntib S., Christiansen P. Why tough tactics fail and rapport gets results: Observing Rapport-Based Interpersonal Techniques (ORBIT) to generate useful information from terrorists // *Psychology, Public Policy and Law*. – 2013. – No 19 (4). – P. 411–431; <https://doi.org/10.1037/a0034564>.
13. Taylor P. J., Conchie S. M., van der Zee S., Larner S. Cross-cultural deception detection. In P. A. Granhag, A. Vrij, B. Verschuere (Eds.) *Detecting deception: Current challenges and cognitive approaches*. – Chichester, West Sussex, U.K.: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 175–201.
14. Milne R., Bull R. *Investigative interviewing psychology and practice*. – Wiley, Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons, 1999. – 224 p; <https://doi.org/10.1002/cbm.444>.
15. House J. Communicative styles in English and German // *European Journal of English Studies*. – 2006. – No 10 (3). – P. 249–267; <https://doi.org/10.1080/13825570600967721>.
16. Delwiche A. A., Henderson J. J. The players they are a-changin': The rise of older MMO gamers // *Journal of Broadcasting & Electronics Media*. – 2013. – No 57 (2). – P. 205–223; <https://doi.org/10.1080/08838151.2013.787077>.
17. Holmberg U., Christianson S. A. Murderers' and sexual offenders' experiences of police interviews and their inclination to admit or deny crimes // *Behavioral Sciences & the Law*. – 2002. – No 20 (1-2). – P. 31–45; <https://doi.org/10.1002/bsl.470>.
18. Beune K., Giebels E., Taylor P. J. Patterns of interaction in police interviews: The role of cultural dependency // *Criminal Justice and Behavior*. – 2010. – No 37 (8). – P. 904–925; <https://doi.org/10.1177/0093854810369623>.
19. Ting-Toomey S., Oetzel J. G. *Managing intercultural conflict effectively*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc. – 2001; <https://doi.org/10.4135/9781452229485>.
20. Gelfand M. J., McCusker C. Metaphor and the cultural construction of negotiation: A paradigm for research and practice. In Gannon M., Newman K. L. (Eds.) *Handbook of cross-cultural management*. – New York: Blackwell Publishers Ltd., 2002. – P. 282–314; <https://doi.org/10.1002/9781405164030.ch15>.
21. Gelfand M. J., Severance L., Lee T., Bruss C. B., Lun J., Abdel-Latif A. H., al-Moghazy A. A., Moustafa A. S. Culture and getting to yes: The linguistic signature of creative agreements in the United States and Egypt // *Journal of organizational behaviour*. – 2015. – No 36 (7). – P. 967–989; <https://doi.org/10.1002/JOB.2026>.
22. Gelfand M. J., Smith V., Raver J., Nishii L., O'Brien K. Negotiating relationally: The dynamics of the relational self in negotiations // *Academy of Management Review* – 2006. – No 31 (2), – P. 427–445; <https://doi.org/10.5465/AMR.2006.20208689>.
23. Kopelman S. *Negotiating genuinely: Being yourself in business*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2014. – 88 p.
24. Oetzel J. G., Ting-Toomey S. Face concerns in interpersonal conflict a cross-cultural empirical test of the face negotiation theory // *Communication Research*, – 2003. – No 30 (6). – P. 599–624; <https://doi.org/10.1177/0093650203257841>.
25. Oetzel J. G., Yokochi Y., Masumoto T., Takai J. A typology of facework behaviors in conflicts with best friends and relative strangers // *Communication Quarterly*. – 2000. – No 48 (4). – P. 397–419; <https://doi.org/10.1080/01463370009385606>.
26. Leins D. A., Zimmerman L. A., Cheng K. Field observations of DOD videos: exploring interrogator tactics, methods and outcomes [Report submitted to the High-Value Detainee Interrogation Group, Washington D.C. (2014)] // FBI.GOV. – URL: <http://www.fbi.gov/file-repository/hig-report-interrogation-a-review-of-the-science-september-2016.pdf>.
27. *Dept of Justice*, new department policy concerning electronic recording of statements // *Harvard Law Review*. – 2015. – Vol. 128. – Is. 5. P. 1552–1559. – URL: <https://harvardlawreview.org/print/vol-128/dept-of-justice-new-department-policy-concerning-electronic-recording-of-statements/>.

28. *Attorney General Holder Announces Significant Policy Shift Concerning Electronic Recording of Statements* : Press Release (May 22, 2014) // Office of Public Affairs. U.S. Department of Justice. – URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/attorney-general-holder-announces-significant-policy-shift-concerning-electronic-recording>.
29. *Leo R. A.* Police interrogation and American justice. – Cambridge MA: Harvard University Press, 2009. – P. 374.
30. *Lassiter G. D.* Psychological science and sound public policy: Video recording of custodial interrogations // *American Psychologist*. – 2010. – No 65 (8). – P. 768–779; <https://doi.org/10.1037/0003-066X.65.8.768>.
31. *Boetig B. P., Vinson D. M., Weidel B. R.* Revealing incommunicado // *FBI Law Enforcement Bulletin*. – 2006. – No 1-10. – URL: <https://www.fbi.gov/file-repository/hig-report-interrogation-a-review-of-the-science-september-2016.pdf>.
32. *Sandoval V. A.* Strategies to avoid interview contamination // *FBI Law Enforcement Bulletin*. – 2003. – Vol. 72. – Is. 10. – URL: <https://www.coursehero.com/file/55332869/JUS-201-DISCUSSION-5docx/>.
33. *Sullivan T. P.* Police experiences with recording custodial interrogations // *Judicature*. – 2004. – No 88 (3). – P. 132–136.
34. *Lassiter G. D.* Illusory causation in the courtroom // *Current Directions in Psychological Science*. – 2002. – 11 (6). – P. 204–208; <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00201>.
35. *Lassiter G. D.* Psychological science and sound public policy: Video recording of custodial interrogations // *American Psychologist*. – 2010. – No 65 (8). – P. 768–779; <https://doi.org/10.1037/0003-066X.65.8.768>.
36. *DePaulo B. M., Lindsay J. L., Malone B. E., Muhlenbruck L., Charlton K., Cooper H.* Cues to deception // *Psychological Bulletin*. – 2003. – No 129. – P. 74–118; <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.1.74>.
37. *Levine T.* Active deception detection // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. – 2014. – No 1-1. – P. 122–128; <https://doi.org/10.1177/2372732214548863>.
38. *Mann S., Vrij A., Bull R.* Detecting true lies: Police officers' ability to detect deceit // *Journal of Applied Psychology*. 2004. – No 89. – P. 137–149; <https://doi.org/10.1037/0021-9010.89.1.137>.
39. *Mann S., Vrij A., Leal S., Granhag P. A., Warmelink L., Forrester D.* Windows to the soul? Deliberate eye contact as a cue to deceit // *Journal of Nonverbal Behavior*, – 2012. – No 36 (3). – P. 205–215; <https://doi.org/10.1007/s10919-012-0132-y>.
40. *Vrij A.* Detecting lies and deceit: Pitfalls and opportunities. – Chichester; Hoboken, NJ: John Wiley, 2008. – 488 p.
41. *Inbau F. E., Reid J. E., Buckley J. P., Jayne B. C.* Criminal interrogation and confessions. – Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning, 2013. – 469 p.
42. *Vrij A., Semin G. R.* Lie experts' beliefs about nonverbal indicators of deception // *Nonverbal Behav.* – 1996. – Vol. 20. – P. 65–80; <https://doi.org/10.1007/BF02248715>.
43. *Kassin S. M., Fong C. T.* "I'm Innocent!" Effects of training on judgments of truth and deception in the interrogation room // *Law & Human Behavior*. – 1999. – No 23 (5). – P. 499–507; <https://doi.org/10.1023/A:1022330011811>.
44. *Hauch V., Sporer S. L., Michael S. W., Meissner C. A.* Does training improve the detection of deception? A meta-analysis // *Communication Research*. – 2016. – No 43 (3). – P. 283–343; <https://doi.org/10.1177/0093650214534974>.
45. *Inbau F. E., Reid J. E., Buckley J. P., Jayne B. C.* Criminal interrogation and confessions. – Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning, 2011. – 472 p.
46. *Ekman P.* Telling lies : clues to deceit in the marketplace, politics and marriage. – New York: Norton, 1985. – 320 p.
47. *Porter S., ten Brinke L.* Reading between the lies: Identifying concealed and falsified emotions in universal facial expressions // *Psychological Science*. – 2008. – Vol. 19. – Is. 5. – P. 508–514; <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02116>.
48. *Gordon N., Fleisher W.* Effective Interviewing and Interrogation Techniques. – New York: Academic Press, 2006. – 384 p.
49. *Bhatt S., Brandon S. E.* Neurolinguistic Programming (NLP) in investigative interviewing: Recommended alternative methods // *Investigative Interviewing: Research and Practice (II-RP)*. – 2015. – Vol. 7. – Is. 1. – P. 51–62.
50. *Abbe A., Brandon S. E.* Building and maintaining rapport in investigative interviews // *Police Practice and Research*. – 2014. – No 15 (3). – P. 207–220; <https://doi.org/10.1080/15614263.2013.827835>.
51. *Chartrand T. L., Lakin J. L.* The antecedents and consequences of human behavioral mimicry // *Annual Review of Psychology*. – 2012. – No 64 (1). – P. 285–308; <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-113011-143754>.

52. *Stel M., van Dijk E., Olivier E.* You want to know the truth? Then don't mimic! // *Psychological Science*. 2009. – No 20 (6). – P. 693–699; <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2009.02350.x>.

53. *Cappella J. N.* On defining conversational coordination and rapport // *Psychological Inquiry*. – 1990. – No 1 (4). – P. 303–305; https://doi.org/10.1207/s15327965pli0104_5.

54. *Van der Zee S.* The effect of cognitive load on nonverbal mimicry in interview settings. (Unpublished doctoral thesis.) Lancaster, U.K.: Lancaster University, 2013.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024; одобрена после рецензирования 06.06.2024; принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted May 4, 2024; approved after reviewing June 6, 2024; accepted for publication June 10, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 342.56

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-308-322>

Кирилл Витальевич Злоказов

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Структурно-функциональная концепция отношений криминогенной личности к социальному окружению: предпосылки, принципы и положения

Аннотация: Введение. В работе описываются предпосылки, теоретические основания и результаты концептуализации отношений криминогенной личности к социальному окружению. Актуальность разработки концепции обусловлена разрозненностью научных представлений об отношениях криминогенной личности к лицам и группам, образующим ее социальное окружение. Социальная значимость обусловлена низкой эффективностью ресоциализации и реинтеграции лиц, неоднократно привлекавшихся к уголовной ответственности, усилением их криминализации и маргинализации после освобождения из мест лишения свободы. **Методами** исследования выступают общенаучные методы анализа, синтеза, категоризации, моделирования, применяемые для систематизации теоретических знаний в виде комплекса принципов и положений концепции. **Результатом** исследования выступают положения структурно-функциональной концепции отношений криминогенной личности, раскрывающие значение социального окружения для жизнедеятельности криминогенной личности на разных этапах криминализации, принципы структурирования социального окружения на основе положений системного, субъектного и психосоциального подходов к изучению личности. Описаны инвариантные и вариативные функции отношений к социальному окружению и их значение для адаптации криминогенной личности, формирования ее самоотношения и соучастия в самореализации. Утверждается негативная роль криминальной направленности, ухудшающая социальное функционирование криминогенной личности и способствующая ее криминализации. Показано, что отношения криминогенной личности с позиции их влияния на социальное окружение могут иметь деструктивную и конструктивную формы, что сказывается на структурных характеристиках отношений. Раскрываются возможности трансформации отношений криминогенной личности к социальному окружению, описываются основания для разработки психологической технологии. **В заключении** описываются теоретические и методические перспективы применения концепции для исследования и изменения отношений криминогенной личности.

Ключевые слова: структурно-функциональный подход, криминогенная личность, криминализация, ресоциализация осужденных, психология преступления

Для цитирования: Злоказов К. В. Структурно-функциональная концепция отношений криминогенной личности к социальному окружению: предпосылки, принципы и положения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 308–322; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-308-322>.

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Structural-functional concept of relations of criminogenic personality to social environment: prerequisites, principles and provisions

Abstract: Introduction. The research is devoted to describing the background, theoretical foundations and results of conceptualisation of the relations of a criminogenic personality to the social environment. The relevance of the concept development is conditioned by the disparate scientific ideas on the relations of a criminogenic personality to the persons and groups forming his/her social environment. The social significance is conditioned by the low efficiency of resocialisation and reintegration of persons repeatedly prosecuted for criminal offences, their increased criminalisation and marginalisation after release from correctional facilities. **The research methods** are general scientific methods of analysis, synthesis, categorisation, modelling, used to systematise theoretical knowledge in the form of a set of principles and provisions of the concept. **The results of the research** are the provisions of the structural-functional concept of relations of a criminogenic personality, revealing the importance of social environment for the life activity of a criminogenic personality at different stages of criminalisation, the principles of structuring the social environment on the basis of the provisions of systemic, subjective and psychosocial approaches to the study of personality. The invariant and variant functions of relations to social environment and their significance for the adaptation of a criminogenic personality, formation of his/her self-relationship and complicity in self-realisation are described. The negative role of criminal orientation, worsening the social functioning of a criminogenic personality and contributing to his/her criminalisation, is asserted. The author indicates that the relations of a criminogenic personality from the position of their influence on the social environment can have destructive and constructive forms, which affects the structural characteristics of relations. The possibilities of transformation of relations of a criminogenic personality to social environment are revealed, the grounds for the development of psychological technology are described. **In the conclusion** the theoretical and methodological perspectives of applying the concept to the study and change of attitudes of criminogenic personality are described.

Keywords: structural-functional approach, criminogenic personality, criminalisation, resocialisation of convicts, psychology of crime

For citation: Zlokazov K. V. Structural-functional concept of relations of criminogenic personality to social environment: prerequisites, principles and provisions // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 308–322; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-308-322>.

Актуальность

Существующие в психологической науке представления о криминогенной личности ориентированы на решение задач предупреждения и профилактики преступлений. Характеризуя психологические причины преступлений, С. В. Познышев писал: «Преступление всегда имеет два корня, один лежит в личности преступника, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь» [1, с. 9]. Как следствие, академические представления о криминогенной личности рассматривают ее через призму индивидуально-психологических и социально-средовых факторов криминализации. Синтез данных факторов образует криминогенный комплекс характеристик и обозначается понятием «криминогенная личность». Обладая преимуществами в превенции и профилактике преступлений, совершаемых впервые, интеграция данных факторов не позволяет воздействовать на криминальное поведение лиц, ранее подвергавшихся уголовному преследованию. Объяснение этому видится в усилении криминальной направленности данной категории лиц, вызванной двумя видами тенденций:

а) продолжающейся криминализации (выражающейся в одобрении антиобщественного и противоправного поведения других лиц и совершении противоправных деяний; применении норм криминальной субкультуры во взаимодействии с окружающими и организации своей жизнедеятельности и пр.);

б) усиления маргинализации (проявляющейся в отказе от восстановления социально-правового статуса, получения жилья, трудоустройства, получения образования, разрыве связей с семьей, родственниками и иными лицами, развитии аддикций).

Обе тенденции приводят к риску рецидива преступления, что негативно сказывается как на состоянии общественной безопасности и виктимизации общества, так и на снижении благополучия лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Учитывая нормы реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»¹, предоставляющего лицам, освободившимся из мест лишения свободы, однократной возможности постпенитенциарной пробации, проблемы криминализации и маргинализации неоднократно судимых лиц нуждаются в дальнейшей практической и научной разработке².

В рамках проводимого нами исследования криминализации лиц решение задачи декриминализации осуществляется через сферу отношений криминогенной личности к социальному окружению. Роль отношений неоднократно обсуждалась отечественными и зарубежными учеными, однако зачастую уходила на второй план, уступая изучению личностных или социальных причин криминализации. Вместе с тем использование категории отношений для изучения личности и оказания воздействия на ее поступки неоднократно находило подтверждение.

В целях развития научных представлений о криминогенной личности и решения общественно значимой задачи декриминализации лиц, подвергнутых уголовному преследованию, нами рассматриваются основания концептуализации отношений криминогенной личности для ее декриминализации. Результаты работы описываются в виде концепции структурно-функциональной организации отношений криминогенной личности к социальному окружению. Предполагается, что разработка концепции позволит уточнить методы психологического сопровождения криминогенных лиц, повысит эффективность профилактики криминализации, осуществляемой органами внутренних дел Российской Федерации.

Разработка концепции осуществляется посредством анализа научных знаний о теоретико-методологических основаниях изучения криминогенной личности и ее отношений к социальному окружению, обсуждаются возможности применения субъектного подхода для концептуализации структурных и функциональных характеристик отношений, описываются принципы и положения структурно-функциональной организации отношений.

Структура статьи соответствует описанной последовательности разработки вопроса: вначале излагаются теоретические предпосылки для построения концепции, обсуждаются принципы изучения отношений и их закономерности, излагаются положения концепции. В завершение обсуждаются теоретические и методические перспективы ее применения.

Социально-психологическая характеристика социального окружения криминогенной личности

Социальное окружение криминогенной личности является разнородной общностью, состоящей из индивидов, групп и сообществ. Интенсивность ее изучения в юридической психологии уступает исследованиям семьи, родственников, отдельных формальных (трудовых, учебных) и неформальных (досуговых) групп. Однако интерес в изучении той части социального окружения криминогенной личности, что формируется на основе ее субъективного решения, а не только условиями жизнедеятельности, актуализирует данное направление исследований. В настоящее время подхода к определению понятия «социальное окружение личности» не выработано, а существующие направления

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 917.

² О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (с «Порядком исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации», «Порядком осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказания им психологической помощи», «Порядком оказания содействия осужденным, освобожденным из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве», «Критериями и методикой оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Порядком подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Индивидуальной программой ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации»): приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 (запер. 30.11.2023, № 76172) // PRAVO.GOV : [официальный интернет-портал правовой информации]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (дата обращения: 30.05.2024).

исследований условно могут быть разделены на социально-психологическое, описывающее окружение личности через призму членства в социальных группах и сообществах, и личностное, разрабатываемое в психологии личности.

Рассматривая социальное окружение в социально-психологическом контексте, отметим, что оно может быть представлено как квазигрупповое образование, включающее членов семьи, близких родственников, друзей и коллег, неформальных и формальных групп, участником которых является криминогенная личность. Состав социального окружения является разнородным по характеру включенных в него людей, социальных групп и сообществ. Анализируя взаимодействие людей, исследователи установили, что его средние размеры варьируются в диапазоне 10–15 социальных групп, охватывая 300–500 человек [2]. При этом следует учесть, что социальное окружение личности расширяется по мере ее социального развития. Так, социальное окружение ребенка может ограничиваться 3–5 социальными группами (50 людьми), а школьника – достигать 7–10 социальных групп (200–300 человек).

Основанием для включения в социальное окружение выступает субъективное представление субъекта о связи с конкретным индивидом, группой или сообществом. Так, например, в концепции сетевого подхода социальное окружение рассматривается в виде сети социальных связей, центрированных на ее субъекте – личности и распространяющихся на людей, с которыми взаимодействует субъект [3]. Содержание взаимодействия трактуется широко и может обозначать общение, совместную деятельность (трудовую, игровую, учебную), а для криминальных лиц – противоправную. Раскрывая сущность социального окружения с позиции отношения к нему криминогенной личности, можно определить весь комплекс отношений к нему в виде социально-психологического пространства жизнедеятельности, образованного на основе представления об отдельных людях и группах [4].

Представление о членах социального окружения формируется на основе субъективных категорий, производных от психологических свойств пространства, задаваемых жизнедеятельностью личности в определенный момент. Предполагая, что социальное окружение формируется и определяется совокупностью взаимодействий криминогенной личности, характеристики взаимодействий могут применяться для категоризации социального окружения. Их применение позволяет упорядочить субъектов, составляющих социальное окружение, а также дифференцировать качества данных отношений. Подобный способ формализации представляет социальное окружение в виде социальной структуры, центром которой выступает криминогенная личность, а ее члены определяются на основании отношений, возникающих у криминогенной личности в ходе их взаимодействия [4].

Основываясь на критерии интенсивности взаимодействия, а также постоянстве состава его участников, окружение криминогенной личности может быть упорядочено в виде нескольких категорий [5]. В частности, может быть выделена категория близкого окружения, участниками которой считают членов семьи и родственников, друзей и коллег. Как правило, между ними существует определенный уровень доверия, позволяющий обсуждать интимную информацию и удовлетворять непубличные потребности.

Второй категорией социального окружения могут быть репрезентированы лица, объединенные совместной деятельностью в рамках групп и сообществ. На этом основании выделяется учебное, профессиональное, спортивное, досуговое и другие составляющие социального окружения.

Третьей категорией социального окружения личности выступают отношения, образованные в сообществах, объединённых совместным существованием. В условиях города оно предполагает проживание в многоквартирных домах, посещение магазинов, проезд в общественном транспорте и другие локализованные в социальном пространстве действия, формирующие социальное окружение человека. Его участники – соседи, дворники, продавцы, водители городского транспорта и др. – выходят за пределы формально-ролевых моделей поведения. Обмениваясь информацией и обсуждая волнующие их события, участники упрощают собственное существование, получая советы, эмоциональную поддержку и реальную помощь от окружающих.

Четвертой категорией социального окружения выступают наименее устойчивые и нестабильные связи, краткосрочно возникающие в процессе взаимодействия с незнакомыми людьми. При всей скоротечности, поверхностности отношений они выступают важной компонентой социального окружения криминогенной личности, поскольку представляют собой ситуации, в которых складываются наилучшие возможности

удовлетворения ее потребностей криминогенным способом. Фактически именно места общественного пользования (транспорт, магазины, больницы и т. п.) и отдыха (парки, скверы, кино, музеи и т. п.) обладают необходимым уровнем анонимности, повышающим вероятность успешного совершения преступления.

При рассмотрении социального окружения с учетом выделенных категорий становится ясно, что каждая из них обладает специфическим содержанием, формирующим определенное отношение с позиции криминогенной личности, а со своей стороны регламентирующим взаимодействие с ней посредством групповых ценностей и норм, функций и ролей. Организация отношений к социальному окружению, описанная в виде структуры, может быть представлена на нескольких уровнях:

а) на уровне отдельных компонент (моделей) отношений к определенным людям и группам;

б) на уровне категорий, обобщающих субъективно схожие между собой отношения;

в) на уровне интегральных характеристик, предельно обобщающих представление о социальном окружении до конкретного комплекса характеристик.

Значение социального окружения криминогенной личности в академической и прикладной литературе рассматривается разнородно. Отмечается, что декриминализация осужденных лиц, как правило, осуществляется за счет воздействия членов семьи и ближайших родственников [6], а криминализация выступает результатом выбора самого субъекта, влияния референтных криминогенных лиц и (или) их групп [7]. Существенное значение для криминализации имеют участники ближайшего социального окружения с криминальной направленностью (члены семьи, родственники, друзья) [8].

Основными функциями социального окружения для криминогенной личности выступают:

а) адаптация к социальным условиям жизнедеятельности на разных этапах криминализации, в том числе преодоление трудностей социального функционирования. К наиболее распространенным относятся отсутствие жилья, недостаток образования, низкая квалификация, невозможность получения постоянного источника дохода, наличие заболеваний и зависимостей³.

б) формирование самоотношения на криминальном и посткриминальном этапах жизнедеятельности. Окружающие влияют на самоотношение криминогенной личности, развивая и поддерживая ее представление о себе [9]. Формирование самоотношения обусловлено изменением социальной позиции и статуса, вызванного совершением преступления, уголовным преследованием и последовавшим за ним наказанием. При этом характерными чертами самоотношения криминогенных лиц выступает позитивно-завышенная самооценка, противоречия между представлениями о себе и социальными представлениями, искаженное восприятие социальной информации, неадекватное представление об окружающих.

в) соучастие в реализации личностно значимых целей. Социальное окружение оказывает содействие и помощь в их достижении, однако данные цели могут иметь как правопослушный, так и криминальный характер [10]. Потребность в самореализации выступает ключевой субъектной детерминантой активности криминогенной личности. Вместе с тем ее достижение затруднено социальными условиями криминального и посткриминального этапов жизнедеятельности.

Можно заключить, что социальное окружение криминогенной личности по составу участников и функциям отношений обусловлено и в значительной мере предопределено социальными условиями ее жизнедеятельности. Их анализ показывает, что к основным закономерностям следует отнести:

– неоднородность представлений о криминальном поведении в разные периоды криминализации. Неоднородность присуща как самой криминогенной личности, так и членам её социального окружения. Неоднородность проявляется в существовании противоположных по значению ценностей и норм, порождающих противоречия в оценках правового и противоправного, нормативного и ненормативного, общественного и антиобщественного поведения криминогенной личности;

– различия в регламентации социальных условий жизнедеятельности криминогенной личности на докриминальном, криминальном и посткриминальном этапах. Особое значение имеют условия регламентации ее жизнедеятельности, регулирующие взаимодействие

³ Злоказов К. В. Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлеченных к уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3(99). – С. 218–226; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-218-226>.

криминогенной личности с социальным окружением. Данные условия на криминальном этапе устанавливаются членами криминальных групп и сообществ; на посткриминальном этапе вводятся в целях уголовного преследования и отбывания уголовного наказания, probation и административного надзора (при их осуществлении).

К закономерностям взаимоотношений с социальным окружением, влияющим на формирование и изменение отношений к его членам, следует отнести:

- разнородность ценностно-нормативных представлений участников социального окружения, преследующих как общественно значимые, так и антиобщественные цели, а также руководствующихся криминальными и правопослушными ценностями во взаимоотношениях;
- ненадежность отношений с членами социального окружения, выражающуюся в их враждебной и конфликтной позиции, манипулировании и обмане во время совместной деятельности, неадекватном реагировании и эмоциональной нестабильности, нарушениях целеполагания, планирования и организации соучастия, произвольности и отклонения в действиях, бесконтрольности и попустительстве исполнителей, повышающей вероятность неудачи.

К основным закономерностям представления о себе как субъекте отношений у криминогенной личности можно отнести:

- неадекватное представление об отношениях с другими людьми, группами и сообществами, выражающееся в искажении их значимости и недооценке возможностей, проявлении избирательности к их субъектам;
- несоответствие представлений о себе оценкам со стороны членов социального окружения, выражающееся в неконкретном или искаженном образе себя, собственных решений и действий, искаженной завышенной (заниженной) самооценке.

Указанные закономерности в наиболее общем виде характеризуют специфику отношений криминогенной личности к социальному окружению. Их анализ показывает, что социальное окружение является гетерогенным образованием, руководствующимся разнородными ценностными и нормативными основами, выступающими основаниями как криминального, так и правопослушного поведения. При этом социальное окружение изменчиво и определяется социальной регламентацией условий жизнедеятельности на ее криминальном и посткриминальном этапах. Членам социального окружения свойственна ненадежность взаимодействия, затрудняющая получение криминогенной личностью результатов, необходимых для решения жизненных задач и обеспечения социального функционирования.

Возможность изменения социального окружения ограничена в силу социальных условий жизнедеятельности криминогенной личности. Представление о себе как субъекте отношений является регулятором отношения к окружающим. Вместе с тем для криминогенной личности оно характеризуется неадекватностью составляющих его представлений о возможностях отношений, несоответствием представлений о себе оценкам окружающих людей. Можно заключить, что решение задачи концептуализации отношений криминогенной личности к социальному окружению нуждается в выделении теоретических оснований, адекватных объекту исследования и его цели.

Теоретические предпосылки концептуализации отношений криминогенной личности

Особенности существующих представлений о криминогенной личности могут быть объяснены влиянием типологического подхода, существующего в криминальной психологии и криминологии. Он сосредоточивается на выявлении социально- и индивидуально-типичных признаков, характерных для «преступного типа» личности. Поэтому криминогенная личность представляется совокупностью социально-демографических, социально-экономических и социально-культурных признаков, ассоциируемых с конкретным видом криминального поведения.

Психологические свойства (качества, черты) личности рассматриваются в контексте их влияния на совершение преступления и могут уточняться применительно к виду преступления (например, насильственному, корыстному, неосторожному). Таким образом, психологическая сущность криминогенной личности репрезентирована совокупностью характеристик, способствующих совершению преступления. Организация предупреждения и профилактики преступлений заключается в выявлении данных характеристик и снижении их воздействия на поведение.

Субъектность как одна из характеристик криминогенной личности подвергается изучению в качестве характеристики мотива преступления, указывающего на выбор

объекта и способа его совершения («преступный почерк»). Следует отметить, что представление о криминогенной личности как совокупности индивидуально-психологических особенностей, влияющих на совершение преступления, не позволяет в полной мере объяснить обстоятельства, в которых она формируется, и условия, способствующие ее регуляции. Так, например, факторы, отвечающие за криминализацию и декриминализацию личности, могут включать разные группировки свойств [11], поэтому комплекс характеристик, применяемых для объяснения причин криминализации, является в равной мере точным и столь же недостаточным для объяснения возможностей декриминализации. Помимо этого, причины совершения преступлений лицами, ранее уже подвергнутыми уголовному преследованию, представляют собой совокупность материальных, социальных, психологических, ситуативных и иных факторов, соотношение которых варьируется не только у разных лиц, но и нередко у конкретного субъекта в разные периоды. Это вынуждает исследователей рассматривать среди факторов криминализации характеристики, связанные с субъективным восприятием ситуации преступления, когнитивные и регулятивные механизмы, обращаться к оценке отношения криминогенной личности близких родственников, членов неформальных групп и иных лиц, составляющих социальное окружение. Отечественные исследователи все чаще используют при анализе криминогенных лиц такие категории, как «жизненные стратегии», «жизненный сценарий», «образ жизни», с помощью которых пытаются выявить закономерности жизнедеятельности криминогенной личности [12]. При этом жизнедеятельность понимается не в ее утилитарно-биологическом значении, а в качестве проявления активной и целенаправленной позиции личности по достижению субъективно значимых целей.

В связи с этим изучение субъектности криминогенной личности видится нам продуктивным для раскрытия психологических причин ее криминализации. Обращение к субъектности криминогенной личности позволяет понять значение криминального поступка не только в контексте регуляции социального поведения (например, объяснить предпочтение криминального способа достижения цели правопослушному), но и контексте значений жизнедеятельности личности. В нем криминальное деяние как разновидность антиобщественной деятельности может быть соотнесена с другими видами деятельности, что расширяет возможности оценки общественной опасности и причин криминогенности личности. Изучение субъектности криминогенной личности раскрывает временной аспект жизнедеятельности его докриминальный, криминальный и посткриминальный этапы. Опора на субъектность как позицию личности по отношению к собственной жизни предоставляет возможность оценить представления о правопослушном и криминальном образах жизни и основаниях их выбора. Таким образом, субъектный подход к криминогенной личности дополняет и расширяет существующие знания о криминализации и декриминализации личности.

С учетом отмеченного представляется целесообразным использование субъектного подхода в качестве основания методологии исследования отношений криминогенной личности к социальному окружению вследствие его способности раскрытия причин криминализации и декриминализации личности, не сводимых к индивидуально-психологическим и социально-средовым причинам, а объясняемых стремлением криминогенной личности к самореализации как форме воплощения субъектности.

С учетом субъектности возникает возможность дифференциации криминогенности и криминальной направленности личности как двух смежных по проявлению, но дифференцируемых по генезу и строению характеристик криминогенной личности. Криминогенность может быть понята как свойство личности, тогда как криминальная направленность охарактеризована в виде состояния. Различия между ними в том, что криминогенность базируется на относительно устойчивом комплексе индивидуально-психологических особенностей личности, сформировавшихся под влиянием внутренних и внешних факторов и реализовавшихся в виде особенности, характеризующей личность. Ее воплощение в поведении выражается в ситуативном или последовательном совершении криминальных поступков. Понимаемая как системное свойство личности [13] криминогенность может подвергаться регуляции личностью на уровнях отдельных компонент (типологических, характерологических, регулятивных), однако полное преодоление ее негативных проявлений нуждается в квалифицированном психологическом коррекционном воздействии.

Криминальная направленность характеризует временное и, как следствие, неустойчивое состояние потребностно-мотивационной и ценностно-смысловой сфер личности, способствующих преступлению. Личности оно представлено в виде убеждения

о допустимости преступного деяния (выборе противозаконной цели и / или способа достижения). Криминальная направленность может дифференцироваться по критерию устойчивости последовательностью либо ситуативностью, а также уровнем ее выраженности (характеризующим слабость или силу стремления к совершению криминального поступка). В отличие от криминогенности, криминальная направленность подвергается регуляции со стороны субъекта и его социального окружения. Таким образом различие категорий криминогенности и криминальной направленности позволяет точнее оценивать роль и значение личности, социального окружения для криминализации и декриминализации личности.

Необходимость и целесообразность применения системного подхода к исследованию отношений криминогенной личности вызвана его теоретическими и методологическими возможностями для изучения сложноорганизованных психологических явлений, детерминированных и регулируемых совокупностью разнородных факторов, относимых к разным уровням анализа психики (Б. Ф. Ломов, В. А. Барабанщиков) [13; 14]. Применение положений системного подхода в качестве методологического основания исследования отношений криминогенной личности вводит ряд принципов:

1) многосторонности (предполагающий рассмотрение отношения и как качественной (самостоятельной) единицы сознания, выступающей результатом деятельности когнитивных и перцептивных механизмов, и как социально-психологического образования, отражающего совокупность связей, формируемых криминогенной личностью в ходе жизнедеятельности);

2) многомерности (предполагающий наличие внутренней структуры отношения, определяемой содержанием составляющих ее компонент);

3) многоуровневости (раскрывающий когнитивные и регулятивные функции отношения в жизнедеятельности криминогенной личности);

4) иерархии (предполагающий, что отношения криминогенной личности могут быть упорядочены применением критериев, выражающих их индивидуально-психологическую, субъектную, социально-психологическую и социально-культурную детерминацию);

5) динамики (утверждающий изменчивость характеристик отношений криминогенной личности с социальным окружением).

В совокупности описанных принципов отношения криминогенной личности могут быть рассмотрены как сложное многоуровневое образование, структура и динамика которого подчинены закономерностям, отражающим их внутреннюю организацию. Системообразующее значение принадлежит субъекту отношений, выступающему внутренним моментом отношений, «*их стержнем... интегрирующим звеном*» [14]. Следует принять во внимание, что криминогенная личность как субъект отношений характеризуется особым взаимодействием с социальным окружением. Оно выражается в отклонении, нарушении социальных условий регламентации взаимодействия. Необходимо признать и то, что на посткриминальном (пенитенциарном и постпенитенциарном) этапе жизнедеятельности криминогенная личность подвергается ограничениям взаимодействия, влияющим на ее отношение к окружающим и взаимодействие с ними.

Таким образом, направленность криминогенной личности на совершение преступления, равно как и свойственная ей антиобщественная позиция, находит выражение в отношении к окружающим в той же мере, как и регламентация ее жизнедеятельности со стороны государства и общества. В связи с этим использование системного подхода необходимо для вычленения закономерностей, определяющих специфику отношений и их организацию на разных этапах жизнедеятельности.

Методология системного подхода видится нам наиболее адекватным средством упорядочивания характеристик отношений криминогенной личности к социальному окружению на различных уровнях их анализа – психологическом и социально-психологическом [15]. Кроме того, применение разработанного А. В. Карповым метасистемного варианта системного подхода, позволяет рассмотреть отношения криминогенной личности к социальному окружению в виде элемента, включенного в более высокоорганизованные социально-психологические системы [16]. Ими выступают: общественные отношения, подвергаемые правовой регламентации и нормативному регулированию; системы взаимоотношений и взаимодействий групп и сообществ, участником которых является криминогенная личность (семейные, родственные, профессиональные, служебные, учебные и пр.); система жизнедеятельности, включающая в себя связи и взаимодействия с конкретными лицами, составляющая образ жизни криминогенной личности и ее окружения. Перечисленные системы являются более

сложными по организации и обобщенными по составу их компонент – метасистемными и общесистемными образованиями. Однако их параметры определяются поступками криминогенной личности, формируемыми в том числе посредством ее отношений.

Метасистемный уровень анализа отношений показывает их в виде индивидуальной формы «встраивания» социального мира в содержание и структуру психики криминогенной личности. Связывая процесс образования отношений с социальным развитием, отношения с метасистемных позиций характеризуют социально-культурные, религиозные, политические, экономические виды связей, устанавливаемых криминогенной личностью с обществом. При этом целесообразно отличать социальные отношения от их метасистемной репрезентации. Если в первом случае они выражают и характеризуют форму существования личности в обществе, являясь взаимосвязями личности с другими членами ее социального окружения, то метасистемность отношений репрезентирует степень воздействия общественных отношений на криминогенную личность, их воплощение в психических структурах личности и проявления в отношении к себе, другим людям и обществу в целом.

Общесистемный уровень изучения отношений криминогенной личности представляет отношения в виде совокупности связей, позиций и статусов в структурах групп и сообществ. Отношения к социальному окружению характеризуют многомерное положение криминогенной личности в социальных общностях. На общесистемном уровне анализа отношения репрезентированы в виде занимаемых криминогенной личностью позиций в структурах формального и неформализованного взаимодействия участников, статусов, которые она приобретает в качестве участника сообщества.

Подчеркнем, что метасистемный и общесистемный уровни совместно охватывают гносеологическое и онтологическое измерения, характеризуя закономерности отношений криминогенной личности, присущие ей как субъекту жизнедеятельности.

Таким образом, методология системного подхода в его современном состоянии позволяет решать такие задачи анализа отношений криминогенной личности к социальному окружению, как:

- раскрытие их компонентного состава и структурно-уровневой организации;
- обобщение отношений в виде интегрального единства – целостного образования, качественно характеризующего криминогенную личность;
- выявление закономерностей детерминации данных отношений высокоорганизованными системами – группами и сообществами.

Перечисленное расширяет возможности изучения криминогенной личности, показывая ее в полярных (противоположных друг другу) состояниях объекта социального воздействия, чье взаимодействие регламентировано, а социальное окружение предопределено, и субъекта, преступающего социальную регламентацию, нарушающего нормы взаимодействия, произвольно преобразующего социальное окружение. Изучение психологических и социальных факторов, влияющих на формирование отношений криминогенной личности к социальному окружению, позволяет констатировать их психосоциальные особенности, требующие применения соответствующего подхода к их рассмотрению.

Психосоциальный подход⁴ [17; 18] объясняет формирование психических явлений в их детерминации взаимозависимостью личности и общества. С психосоциальных позиций отношения криминогенной личности характеризуются социально-исторической конкретностью лежащих в их основе представлений, детерминированностью общественным, групповым и индивидуальным уровнями сознания криминогенной личности, взаимной направленностью отношений от личности к обществу и от общества к личности.

Рассматривая криминогенную личность в неразрывной связи с обществом, психосоциальный подход раскрывает предпосылки формирования представлений личности, лежащие в основе отношений к людям, группам и сообществам, составляющим ее социальное окружение⁵. Адаптируя высказывание К. А. Абульхановой, можно отметить, что отношения выступают «результатом и одновременно регулятором реального способа жизни», найденного криминогенной личностью «в совокупности социальных условий и обстоятельств» [17]. Таким образом, отношения к окружающим могут быть рассмотрены в качестве ресурса, сформированного в процессе преодоления проблем и трудных жизненных ситуаций. Этим объясняется их функциональное значение для жизнедеятельности криминогенной личности. Но отношения к окружающим выполняют не просто инструментальные

⁴ Волюкова М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2005. – 51 с.

⁵ Там же.

функции, они раскрывают оценку криминогенной личностью других людей, преломляемую восприятием условий жизнедеятельности. Характер отношения, допускающий проявление насилия или обмана, отражает степень опасности криминогенной личности для окружающих и выступает субъективным индикатором ее криминальной направленности. В конкретном индивидуальном случае отношения к социальному окружению представляют собой функциональную систему, формируемую криминогенной личностью для решения жизненных задач. Однако при рассмотрении отношений, присущих криминогенным лицам как особому социальному типу, возникает возможность описания типичных функций отношений, выделения закономерностей и механизмов их образования.

С позиций психосоциального подхода находит объяснение проблематика регуляции отношений криминогенной личностью. Регулирующее значение отношений к окружающим определяется порождающей их проблематизацией – противоречиями, которые заключаются в трудностях, содержащихся во внешних по отношению к криминогенной личности условиях жизнедеятельности, а также внутренних противоречиях (притязаниях и возможностях, ожиданиях и результатах и др.).

Изменения социальных условий жизнедеятельности криминогенной личности, происходящие, в т. ч. вследствие реакции государства и общества на противоправное поведение, влекут за собой изменения отношения к окружающим. Их анализ позволяет установить содержание представлений и направленности криминогенной личности, охарактеризовать их общественную опасность. Важно отметить, что среди описываемых изменений наибольшей социальной значимостью обладает изучение пенитенциарной и постпенитенциарной стадии посткриминального этапа жизнедеятельности. Социальные условия данных стадий нацелены на снижение криминогенности личности посредством ее ресоциализации, а одним из условий выступает разрыв социальных связей и создание регламентированной социальной среды [19].

Поскольку методология психосоциального подхода позволяет изучить субъективную репрезентацию криминогенной личностью отношений к окружающим, исходя из их функционального значения, ее применение может быть продуктивным для разработки методик их диагностики. В результате предметом измерения могут выступить представления о других людях и их значении в жизнедеятельности, вовлеченность окружения в решение противоречий криминогенной личности, а также позиции криминогенной личности в решении противоречий жизнедеятельности, свойственных членам социального окружения. Такой способ измерения позволяет оценивать уровень криминализации и ее риск как в период отбывания наказания и осуществления исправления, так и в последующей адаптации к условиям жизни вне исправительного учреждения.

Обоснование применения системного, субъектного и психосоциального подходов позволяет конкретизировать методологические принципы. Принципы помогают интегрировать имеющееся знание о криминогенной личности, устраняя противоречия между существующими теоретическими представлениями о криминогенной личности и вводимыми в ходе исследования теоретическими конструктами, существующими фактами и эмпирическими данными, получаемыми в ходе исследования отношений криминогенной личности.

Принцип социальной обусловленности устанавливает зависимость отношений криминогенной личности от социальных условий ее жизнедеятельности. Учет данного принципа заключается в признании приоритетности для изучения и объяснения отношений криминогенной личности к окружающим норм, правил и иных проявлений социальной регламентации ее жизнедеятельности. Принцип закрепляет зависимость отношений криминогенной личности от социально-правовых и социально-культурных условий, регламентирующих взаимодействия с людьми, группами и сообществами, составляющими ее социальное окружение. Наиболее значимо их влияние выражается в периоды уголовного преследования, отбывания уголовного наказания, связанного с лишением свободы, а также после освобождения из мест лишения свободы. Поскольку социальная регламентация жизнедеятельности на каждой из этих стадий существенно различается, целесообразно учитывать их при изучении отношений криминогенной личности.

Принцип субъектности объясняет преобразование криминогенной личностью социальных условий жизнедеятельности ее нацеленностью на достижение значимого результата. Принцип субъектности выражается в формировании позиции криминогенной личности, занимаемой по отношению к другим людям, группам и обществу, обусловленной постановкой личностно значимых целей и стремлением к их достижению в текущей деятельности или в жизненной перспективе.

Преобразование социальных условий криминогенной личностью может характеризоваться нарушением норм и правил, регламентирующих ее жизнедеятельность, а его антиобщественный характер заключается в нанесении вреда другим людям, группам или сообществам в ходе достижения субъективно значимого результата.

Принцип единства сознания и деятельности позволяет установить зависимость отношений криминогенной личности к социальному окружению от представления о себе (самопредставления), формируемого во взаимодействии с окружающими. Поскольку характер отношений к окружению определяется социальными условиями, данный принцип предполагает обращение к осознанию криминогенной личностью взаимодействий с социальным окружением. Принцип подчеркивает связь между представлениями и оценками себя, присущими криминогенной личности, и взаимодействием с другими людьми, группами, составляющими ее социальное окружение. Отношение к социальному окружению необходимо рассматривать в связи с представлением криминогенной личности о себе, учитывая его регулятивное значение для совместной деятельности и взаимодействия с членами социального окружения. Итак, интеграция положений субъектного, системного и психосоциального подходов раскрывает закономерности социальных условий жизнедеятельности криминогенной личности, отношений к социальному окружению и представлений о себе как субъекте данных отношений.

Применение системного, субъектного и психосоциального подходов образует целостный фундамент для разработки концепции, методологии и методов их адекватного изучения, описания и практического использования.

Структурно-функциональная концепция отношений криминогенной личности к социальному окружению

Описание социального окружения криминогенной личности, выделение закономерностей взаимодействия и взаимоотношений криминогенной личности с обществом на разных этапах жизнедеятельности, обоснование применимости принципов субъектного и психосоциального подходов выступили основой для разработки концепции отношений криминогенной личности к социальному окружению.

Целью концепции выступает описание теоретико-методологических положений, раскрывающих закономерности отношений криминогенной личности к социальному окружению.

Методологическими основаниями концепции выступает синтез положений субъектного подхода, применяемых для изучения разнородных отношений криминогенной личности к социальному окружению, изменяющихся на разных этапах криминализации. Интеграция принципов субъектно-средового, субъектно-деятельностного, психосоциального подходов представляется допустимой вследствие единства их теоретического фундамента, базирующегося на идеях о значении субъектности личности в образовании ее отношений к другим людям, группам и обществу в целом.

Концепция основывается на представлении о криминогенной личности как субъекте жизнедеятельности в условиях с различающейся социальной регламентацией.

Обращение к субъектности позволяет преодолеть ограничения распространенного взгляда на криминогенную личность как личностный тип, сформированный определенными социальными условиями, аномалиями психического развития или индивидуально-психологическим своеобразием черт. Категория субъектности позволяет установить основания образования отношений, их регуляцию и изменение, раскрывая многоуровневое значение социального окружения в самореализации криминогенной личности на разных этапах жизнедеятельности. Анализ представлений о социальном окружении обеспечивает дифференциацию видов отношений и форм их выражения со стороны криминогенной личности, а группировка в виде категорий и интегральных компонент раскрывает обобщенные отношения к группам лиц, статусные и ролевые позиции в сообществах, позволяет описать параметрические, семантические и ценностные характеристики комплекса отношений к социальному окружению.

Ведущая идея концепции в том, что отношения криминогенной личности к социальному окружению обладают структурно-функциональной организацией, детерминированной социальными условиями на разных этапах криминализации. Выделение структурного и функционального аспектов анализа отношений позволяет рассмотреть психологические закономерности содержания отношений криминогенной личности, их значения и формы, а применение субъектного подхода – раскрыть детерминацию отношений и их изменения на разных этапах жизнедеятельности криминогенной личности.

Следует подчеркнуть, что применение концепции ограничено:

а) субъектом – криминогенной личностью (определяемой в виде совокупности индивидуально-психологических особенностей, способствовавших совершению преступления и влияющих на его повторение);

б) периодом, охватывающим докриминальный, криминальный и посткриминальный этапы ее криминализации;

в) признанием главенствующей роли правовой системы Российской Федерации в регламентации социальных условий жизнедеятельности криминогенной личности.

Положения концепции раскрывают основания представления отношений криминогенной личности к социальному окружению в виде структурно-функциональной организации.

Положение 1. Социальное окружение криминогенной личности – это совокупность людей, соучаствующих в ее жизнедеятельности на разных этапах криминализации.

Положение 2. Отношения криминогенной личности к социальному окружению могут быть репрезентированы в виде структуры субъективных представлений о людях и группах на компонентном, категориальном и интегративном уровнях обобщения их характеристик.

Положение 3. Отношения криминогенной личности основываются на функциональном значении других людей и групп для ее жизнедеятельности на разных этапах криминализации. По критерию значения функции отношений подразделяются на инвариантные, обеспечивающие функционирование в социальных условиях жизнедеятельности, и вариативные, обусловленные значением окружающих на разных этапах криминализации.

Положение 4. Структурно-функциональные особенности отношений криминогенной личности к социальному окружению обусловлены ее криминальной направленностью. Повышение криминальной направленности ухудшает адаптацию к социальным условиям жизнедеятельности на посткриминальном этапе, искажает самоотношение и затрудняет взаимодействие с окружающими.

Положение 5. Отношения криминогенной личности к социальному окружению имеют конструктивную и деструктивную формы проявлений.

Конструктивная форма способствует адаптации к социальным условиям жизнедеятельности, ресоциализации и реинтеграции криминогенной личности, что проявляется в расширении правопослушного социального окружения, уменьшении количества барьеров взаимодействия с правопослушными лицами и готовностью к сотрудничеству с ними.

Деструктивная форма отношений снижает возможности ресоциализации и реинтеграции криминогенной личности в общество. Деструктивность характеризуется снижением количества социальных связей с правопослушными лицами, увеличением барьеров взаимодействия с ними, отрицании (непринятии) ценностей правового поведения, избеганием вовлечения в совместную деятельность с правопослушными лицами.

Положение 6. Технология формирования отношений криминогенной личности к социальному окружению должна основываться на изучении его структурно-функциональных характеристик на разных этапах криминализации. Реализация технологии предполагает диагностику структуры отношений криминогенной личности, оценку их инвариантной и вариативной функций, выявление преобладающей формы отношений, представления криминогенной личности о себе как субъекте отношений и значении окружающих для ее жизнедеятельности.

Концепция обеспечивает решение задач изучения отношений криминогенной личности к социальному окружению посредством анализа возможностей и ограничений существующих методов исследования отношений, операционализации отношений криминогенной личности с учетом положений об их детерминированности субъектностью, нацеленности на самореализацию в различных социальных условиях жизнедеятельности.

Применение положений концепции позволяет:

– охарактеризовать сущность и содержание отношений криминогенной личности к социальному окружению с позиции реализации ее субъектности на разных этапах жизнедеятельности;

– верифицировать теоретические знания и эмпирические факты об отношениях криминогенной личности к другим людям, группам и сообществам, обществу в целом, на основе выявленных закономерностей их детерминации, видов и форм проявления;

- сформировать теоретико-методологическое основание для анализа структуры и функций отношений криминогенной личности с социальным окружением на разных этапах жизнедеятельности;
- изучать компонентные, категориальные и интегральные характеристики отношений, присущих криминогенной личности, к социальному окружению;
- сформировать методическую основу психологической диагностики отношений криминогенной личности к социальному окружению на основании значения его участников для самореализации криминогенной личности;
- оценивать риски криминализации личности, в т. ч. рецидивной преступности, на основе анализа характеристик отношений криминогенной личности к социальному окружению.

Концепция может использоваться для психологического сопровождения криминогенной личности на докриминальном и посткриминальном этапах ее жизнедеятельности, в т. ч. в качестве теоретико-методологического основания для разработки:

- а) методик оценки риска криминализации, в т. ч. рецидивной преступности, основывающихся на оценке показателей социального функционирования криминогенных лиц;
- б) технологии психологического сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, нацеленной на создание конструктивных отношений к социальному окружению;
- в) социально-психологических программ развития способностей лиц, освободившихся из мест лишения свободы, к адаптации и самореализации на постепенитенциарном этапе их жизнедеятельности в целях декриминализации.

Заключение

Структурно-функциональная концепция описывает отношение криминогенной личности к людям и группам, составляющим ее социальное окружение на разных этапах криминализации. Концепция репрезентирует отношения в виде структуры субъективных представлений криминогенной личности о социальном окружении и его функциональном значении для жизнедеятельности в различных социальных условиях. Изучение структурно-функциональной характеристики отношений к социальному окружению позволяет предупреждать и профилактировать криминализацию личности.

Перспективы применения концепции разделяются нами на научные и методические. Научная перспектива заключается в использовании концепции для обобщения накопленных теоретических сведений и эмпирических фактов о частных проявлениях отношений криминогенной личности к социальному окружению.

Методическая перспектива видится в разработке психодиагностических методик, посредством которых модель может быть верифицирована, а методики могут применяться в ходе пенитенциарного и постпенитенциарного сопровождения лиц, осужденных за совершение умышленных насильственных преступлений в целях предупреждения повторных преступлений.

Список литературы

1. Познышев С. В. Криминальная психология: преступные типы : О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. – Москва: Инфра-М, 2020. – 300 с.
2. McCormick T. H., Salganik M. J., Zheng T. How many people do you know? Efficiently estimating personal network size // Journal of the American Statistical Association. – 2010. – № 105 (489). – P. 59–70; <https://doi.org/10.1198/jasa.2009.ap08518>.
3. Kadushin C. Understanding social networks : Theories, Concepts, and Findings. – New York: Oxford University Press, 2012. – 252 p.
4. Злоказов К. В. Социальное пространство в представлении преступника : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 264 с.
5. Ковчина Н. В., Игнатова В. В. Междисциплинарный анализ феномена «социальное взаимодействие» // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 240.
6. Tangney J. P., Stuewig J. B., Hafez L. Shame, guilt, and remorse: implications for offender populations // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. – 2011. – No. 22 (5). – P. 706–723; <https://doi.org/10.1080/14789949.2011.617541>.

7. *Asencio E. K., Burke P. J.* Does incarceration change the criminal identity? A synthesis of labeling and identity theory perspectives on identity change // *Sociological Perspectives*. – 2011. – Vol. 54. – No. 2. – P. 163–182; <https://doi.org/10.1525/sop.2011.54.2.163>.

8. *Zwecker N. A., Harrison A. J., Welty L. J., Teplin L. A., Abram K. M.* Social Support Networks among Delinquent Youth: An 8-Year Follow-up Study // *Journal of offender rehabilitation*. – 2018. – № 57 (7). – P. 459–480; <https://doi.org/10.1080/10509674.2018.1523821>.

9. *Злоказов К. В.* Самоотношение и социальное взаимодействие преступника: эффект сопряжения / *Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы : материалы Всероссийского психологического форума : в 2 т., 28–30 сентября 2022 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. – Т. 1. – С. 312–315. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/117708>.*

10. *Злоказов К. В.* Социальное окружение личности и его влияние на преступное поведение // *Прикладная психология и педагогика : сетевое издание. – 2022. – Т. 7. – № 3. – С. 127–139; <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-3-127-139>. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/51135/view>.*

11. *Собчик Л. Н.* Криминальные наклонности и психодиагностика // *Психология и право. – 2017. – Т. 7. – № 1. – С. 131–143; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070111>.*

12. *Кожевникова Е. Н., Аксенова Г. И., Кириллова Т. В.* Жизненные стратегии условно осужденных несовершеннолетних : монография. – Москва: Проспект, 2017. – 136 с.

13. *Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии // *Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 31–45.*

14. *Барабанщиков В. А.* Системное исследование психики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2007. – № 1. – С. 8–19.*

15. *Злоказов К. В.* Структурно-функциональная модель отношений криминальной личности к социальному окружению // *Прикладная психология и педагогика : сетевое издание. – 2023. – Т. 8. – № 4. – С. 22–29; <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-4-22-29>. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/71377/view>.*

16. *Карнов А. В.* Структурно-функциональная организация процессов принятия групповых решений // *Вопросы психологии. – 2004. – № 1. – С. 126–136.*

17. *Абульханова-Славская К. А.* Психология и сознание личности : (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : Избранные психологические труды. – Москва: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 216 с.

18. *Ильин В. А., Бонкало С. В.* Феномен бродяжничества с точки зрения психосоциальной теории развития: природа, сущность, ориентиры профилактики // *Социальная психология и общество. – 2015. – Т. 6. – № 3. – С. 150–156; <https://doi.org/10.17759/sps.2015060311>.*

19. *Бурый В. Е., Степаненко В. И.* Особенности организации исправительного процесса осужденных в местах лишения свободы : монография. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2017. – 164 с.

References

1. *Poznyshv S. V.* Kriminal'naya psikhologiya: prestupnyye tipy : O psikhologicheskom issledovanii lichnosti kak sub'yekta povedeniya voobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti. – Москва: Infra-M, 2020. – 300 s.

2. *McCormick T. H., Salganik M. J., Zheng T.* How many people do you know? Efficiently estimating personal network size // *Journal of the American Statistical Association*. – 2010. – № 105 (489). – P. 59–70; <https://doi.org/10.1198/jasa.2009.ap08518>.

3. *Kadushin C.* Understanding social networks : Theories, Concepts, and Findings. – New York: Oxford University Press, 2012. – 252 p.

4. *Zlokazov K. V.* Sotsial'noye prostranstvo v predstavlenii prestupnika : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – 264 s.

5. *Kovchina N. V., Ignatova V. V.* Mezhdistsiplinarnyy analiz fenomena «sotsial'noye vzaimodeystviye» // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 3. – S. 240.*

6. *Tangney J. P., Stuewig J. B., Hafez L.* Shame, guilt, and remorse: implications for offender populations // *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. – 2011. – No. 22 (5). – P. 706–723; <https://doi.org/10.1080/14789949.2011.617541>.

7. *Asencio E. K., Burke P. J.* Does incarceration change the criminal identity? A synthesis of labeling and identity theory perspectives on identity change // *Sociological Perspectives*. – 2011. – Vol. 54. – No. 2. – P. 163–182; <https://doi.org/10.1525/sop.2011.54.2.163>.

8. *Zwecker N. A., Harrison A. J., Welty L. J., Teplin L. A., Abram K. M.* Social Support Networks among Delinquent Youth: An 8-Year Follow-up Study // *Journal of offender rehabilitation*. – 2018. – № 57 (7). – P. 459–480; <https://doi.org/10.1080/10509674.2018.1523821>.
9. *Zlokazov K. V.* Samootnosheniye i sotsial'noye vzaimodeystviye prestupnika: effekt sopryazheniya / *Psikhologiya segodnya: aktual'nyye issledovaniya i perspektivy : materialy Vserossiyskogo psikhologicheskogo foruma : v 2 t., 28–30 sentyabrya 2022 g.* – Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. – T. 1. – С. 312–315. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/117708>.
10. *Zlokazov K. V.* Sotsial'noye okruzheniye lichnosti i yego vliyaniye na prestupnoye povedeniye // *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika : setevoye izdaniye.* – 2022. – T. 7. – № 3. – S. 127–139; <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2022-7-3-127-139>. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/51135/view>.
11. *Sobchik L. N.* Kriminal'nyye naklonnosti i psikhodiagnostika // *Psikhologiya i pravo.* – 2017. – T. 7. – № 1. – S. 131–143; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070111>.
12. *Kozhevnikova Ye. N., Aksenova G. I., Kirillova T. V.* Zhiznennyye strategii uslovno osuzhdennykh nesovershennoletnikh : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2017. – 136 s.
13. *Lomov B. F.* O sistemnom podkhode v psikhologii // *Voprosy psikhologii.* – 1975. – № 2. – S. 31–45.
14. *Barabanshchikov V. A.* Sistemnoye issledovaniye psikhiki // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika.* – 2007. – № 1. – S. 8–19.
15. *Zlokazov K. V.* Strukturno-funktsional'naya model' otnosheniy kriminogennoy lichnosti k sotsial'nomu okruzheniyu // *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika : setevoye izdaniye.* – 2023. – T. 8. – № 4. – S. 22–29; <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2023-8-4-22-29>. – URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/71377/view>.
16. *Karpov A. V.* Strukturno-funktsional'naya organizatsiya protsessov prinyatiya gruppovykh resheniy // *Voprosy psikhologii.* – 2004. – № 1. – S. 126–136.
17. *Abul'khanova-Slavskaya K. A.* Psikhologiya i soznaniye lichnosti : (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noy lichnosti) : Izbrannyye psikhologicheskiye trudy. – Moskva: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut, 1999. – 216 s.
18. *Il'in V. A., Bonkalo S. V.* Fenomen brodyazhnichestva s tochki zreniya psikhosotsial'noy teorii razvitiya: priroda, sushchnost', oriyentiry profilaktiki // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo.* – 2015. – T. 6. – № 3. – S. 150–156; <https://doi.org/10.17759/sps.2015060311>.
19. *Buryy V. Ye., Stepanenko V. I.* Osobennosti organizatsii ispravitel'nogo protsesssa osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody : monografiya. – Mogilev: Mogilevskiy institut MVD Respubliki Belarus', 2017. – 164 s.

Статья поступила в редакцию 29.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 04.06.2024.

The article was submitted April 29, 2024; approved after reviewing May 24, 2024; accepted for publication June 4, 2024.

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-323-334>

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 124060700014-1 «Взаимодействие семьи и школы как фактор профилактики деструктивного поведения молодежи»)

Артур Александрович Реан

академик, доктор педагогических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, aa.rean@mpgu.su

Екатерина Сергеевна Авдеева

<https://orcid.org/0000-0001-7814-4125>, eskosheleva@mail.ru

Иван Александрович Коновалов

кандидат психологических наук
<https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>, iv.konovalov@yandex.ru

*Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119048, Москва, ул. Усачева, д. 64*

Показатели вовлеченности подростков в агрессию в представлении педагогов с различным локусом контроля

Аннотация: **Актуальность.** Статья посвящена проблеме оценки педагогами показателей риска вовлеченности в ситуации агрессивного поведения. Рассматривается проблема обусловленности оценки риска вовлеченности личностными особенностями педагога, в частности, локусом контроля. **Цель.** Оценка взаимосвязи между уровнем локуса контроля педагога и его представлениями о маркерах виктимизации подростков. **Материалы и методы.** Выборку составили 4 453 школьных педагога (94 % – женщины, 6 % – мужчины) из семи регионов Российской Федерации. В работе использована методика «Уровень субъективного контроля» (далее – УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд). Для оценки представлений педагогов о маркерах виктимизации были проанализированы ответы на вопрос «Как Вы обычно понимаете, что по отношению к ребенку проявляется агрессия?» из стандартизированной анкеты Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения МПГУ. **Результаты.** По итогам анализа данных установлено, что педагоги, отмечавшие в качестве маркеров виктимизации подростков предложенные в рамках анкеты варианты, имеют статистически значимо более высокие показатели (более высокие абсолютные значения) по различным шкалам УСК. **Заключение.** Педагоги, склонные к интернальности, значимо выше оценивают различные маркеры виктимизации как показатели вовлеченности подростков в ситуации агрессивного поведения.

Ключевые слова: социальная перцепция, локус контроля, педагоги, агрессия, индикаторы риска

Для цитирования: Реан А. А., Авдеева Е. С., Коновалов И. А. Показатели вовлеченности подростков в агрессию в представлении педагогов с различным локусом контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 323–334; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-323-334>.

The research was carried out within the state assignment of The Ministry of Education of The Russian Federation (theme No. 124060700014-1)

Artur A. Rean

Academician, Dr. Sci (Ped.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-1107-9530>, aa.rean@mpgu.su

Ekaterina S. Avdeeva

<https://orcid.org/0000-0001-7814-4125>, eskosheleva@mail.ru

Ivan A. Konovalov

PhD in Psychology
<https://orcid.org/0000-0002-0982-5813>, iv.konovalov@yandex.ru

*Moscow Pedagogical State University
64, Usacheva str., Moscow, 119048, Russian Federation*

Locus of control and teachers' perceptions of adolescents' involvement in aggression

Abstract: Relevance. The article is devoted to the problem of teachers' evaluation of risk indicators of aggressive behavior involvement among adolescents. The paper examines the problem of the dependence of the involvement risk assessment on the personal characteristics of the teacher, especially, locus of control. **Aim.** To assess the relationship between the level of the teacher's locus of control and their perception of the markers of victimization of adolescents. **Materials and Methods.** The sample consisted of 4.453 school teachers (94 % are female). The participants are residents of seven regions of the Russian Federation. The method "Level of Subjective Control" ("LSC") by E. F. Bazhin, E. A. Golynkina, A. M. Etkind was used. To assess teachers' perceptions of victimization markers, the authors analyzed the answers to the question "How do you usually recognize that the child is suffering aggression?" The question is included in the standardized questionnaire of the Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research of the Moscow State Pedagogical University. **Results.** The data analysis revealed that teachers who marked the options proposed in the questionnaire as the markers of adolescent victimization have statistically significantly higher scores (higher absolute values) on various subjective locus control scales. **Conclusion.** Teachers who tend to internality have significantly higher scores on various markers of victimization as indicators of adolescents' involvement in aggressive behavior.

Keywords: social perception, locus of control, teachers, aggression, risk indicators

For citation: Rean A. A., Avdeeva E. S., Konovalov I. A. Locus of control and teachers' perceptions of adolescents' involvement in aggression // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 323–334; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-323-334>.

Введение

Существует большое количество исследований, доказывающих значимость позиции педагога по отношению к агрессивному поведению подростков [1–6]. В современных реалиях, в условиях быстро меняющихся социально-экономических условий, а также множественных реформ в образовании, от учителей, с одной стороны, требуется повышенная стрессоустойчивость к данным изменениям, а также способность к быстрому обучению новым технологиям и формам обучения. С другой стороны, нельзя забывать о весомой роли человеческого фактора, а именно, отношений между учителем и учеником.

Педагог представляет собой фигуру значимого взрослого для учеников любого возраста с 1 по 11 класс. Как показывают исследования, по мере взросления детей может меняться характер отношений между школьниками и учителями: в младших классах учитель представляет собой центральную фигуру, определяющую правила в новой

системе отношений школьника, и в связи с этим проявление агрессии может быть жестко табуировано. Младшие подростки (5-й класс) становятся более чувствительными к личностной проблематике, а также к способностям, которые необходимы для реализации успешной деятельности. Исследователи утверждают, что в этом возрасте агрессию могут провоцировать действия учителя, оскорбляющие личное достоинство школьника. С возрастом роль данного фактора усиливается. Большую роль играет групповая идентификация со сверстниками. В старших классах по мере взросления подростки стремятся к отстаиванию своей точки зрения. На возникновение агрессии может оказывать свое влияние нарушение педагогом достоинства учащихся (как отдельно взятого ученика, так и класса в целом), а также норм учебной деятельности [7]. Так же в зависимости от возраста ребенка учителя по-разному оценивают причины нарушения поведения школьниками [8; 9]. В частности, педагоги признают, что с возрастом агрессия движется от прямой к непрямой, способы ее проявления усложняются, становятся разнообразнее [8].

Тем не менее неизменным остается тот факт, что учителя продолжают оставаться значимыми взрослыми для своих учеников. Нередко к учителю подросток прислушивается больше, чем к родителям. Это в свое очередь накладывает большую ответственность на педагогов как наставников и субъектов воспитательного процесса.

В частности, исследования показали, что позиция педагога оказывает влияние на прекращение или продолжение агрессии среди подростков [5; 10; 11]. Грамотный подход педагога может существенно снизить уровень агрессии учеников и послужить профилактической мерой в плане ее возникновения в будущем, в то время как импульсивные и непродуманные действия учителя могут, наоборот, усилить агрессивное поведение.

Также в контексте изучения возможных профилактических мер агрессивного поведения и грамотного применения воспитательных технологий исследователи уделяют достаточное внимание личностным и поведенческим особенностям педагога, а также роли их опыта и стажа относительно сформированности умения к предотвращению агрессии в школе. В контексте нашей работы большой интерес представляет изучение локуса контроля педагогов и его роли в отношении учителя к агрессивному поведению подростков.

Термин «локус контроля» впервые был разработан и использован Джулианом Роттером с целью объяснения такого феномена, как умение и готовность брать ответственность за результаты своей деятельности [12]. Исследования локуса контроля показывают, что в целом преобладание интернального локуса контроля коррелирует с ответственностью, последовательностью, социальной и когнитивной активностью [13]. Исследователи достаточно часто обнаруживают корреляционные связи интернального локуса контроля с позитивными и сильными сторонами личности, такими как целеустремленность [14], адаптивность [15; 16], социальная зрелость и просоциальное поведение [17–19], толерантность [20], уверенность в себе [21], удовлетворенность работой [22], спокойствие и меньшая агрессивность [23; 24] и т. д.

В связи с этим предположим, что развитие интернальности может вести за собой и формирование качеств, полезных и необходимых в преподавательской деятельности.

В частности, исследователи обнаруживают взаимосвязь локуса контроля с уровнем педагогического мастерства [25]. Учителя с высоким уровнем профессионального мастерства и интернальным локусом контроля применяют более конструктивные механизмы совладания со стрессом в школе [4; 25]. Это говорит о том, что интернальные педагоги готовы брать ответственность за свои действия и стремятся к более активному решению сложных ситуаций, возникающих в школе, в то время как педагоги с низким уровнем профессионального мастерства склонны справляться со стрессом по типу «защитной экстернальности». Так, они перекалывают ответственность на других людей и предпочитают стратегию избегания. В частности исследования А. А. Реана показали, что чем больше трудностей испытывают педагоги в своей деятельности, тем менее ответственными им кажутся их ученики, что может рассматриваться как своеобразная психологическая защита, при которой трудности в собственной деятельности педагоги стремятся объяснить негативными чертами личности обучающихся¹ [18].

Исследователи отмечают, что подобная тенденция может тормозить личное и профессиональное развитие педагога [4; 25].

¹ Регуш Н. Л., Регуш Л. А. Психологические проблемы освоения педагогической деятельности педагога / Педагогическая психология : учебное пособие / Андреева Е. Н., Баева И. А., Грецов А. Г., Игнатенко М. С. [и др.]; под ред. Л. Регуш, А. Орловой. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – С. 368–385.

Изучение представлений педагога о маркерах виктимизации подростков и уровня локуса контроля позволяет прийти к важным выводам о том, что интернальные педагоги имеют более комплексное представление об агрессивном поведении в подростковом возрасте.

Материалы и методы

Исследование представляет собой анонимный онлайн-опрос, в котором приняли участие 4 453 школьных педагога (94 % – женщины, 6 % – мужчины) из семи регионов Российской Федерации. Анализировались данные респондентов, полностью заполнивших вопросы анкеты. Данные респондентов, прошедших опрос частично, не включались в анализ. Для оценки уровня локуса контроля была использована методика «Уровень субъективного контроля» (далее – УСК), авторами которой являются Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд. Для исследования представлений педагогов об агрессивном поведении учащихся была разработана стандартизированная анкета Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета. В настоящей статье представлен анализ ответов на следующий вопрос данной стандартизированной анкеты: «Как Вы обычно понимаете, что по отношению к ребенку проявляется агрессия?»

Обработка данных была осуществлена в SPSS (ver. 23). Значимые различия между группами испытуемых в зависимости от наличия/отсутствия выбора того или иного маркера виктимизации подростков были установлены с помощью t-критерия Стьюдента, была реализована оценка равенства дисперсий с помощью критерия Ливиня. В ряде случаев было произведено уравнивание групп по численности методом случайного извлечения из большей подвыборки данных респондентов, соответствующих численности меньшей подвыборки.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между уровнем локуса контроля педагога и его представлениями о маркерах виктимизации подростков.

Результаты исследования. На рисунке 1 показано распределение ответов на вопрос «Как Вы обычно понимаете, что по отношению к ребенку проявляется агрессия?»:

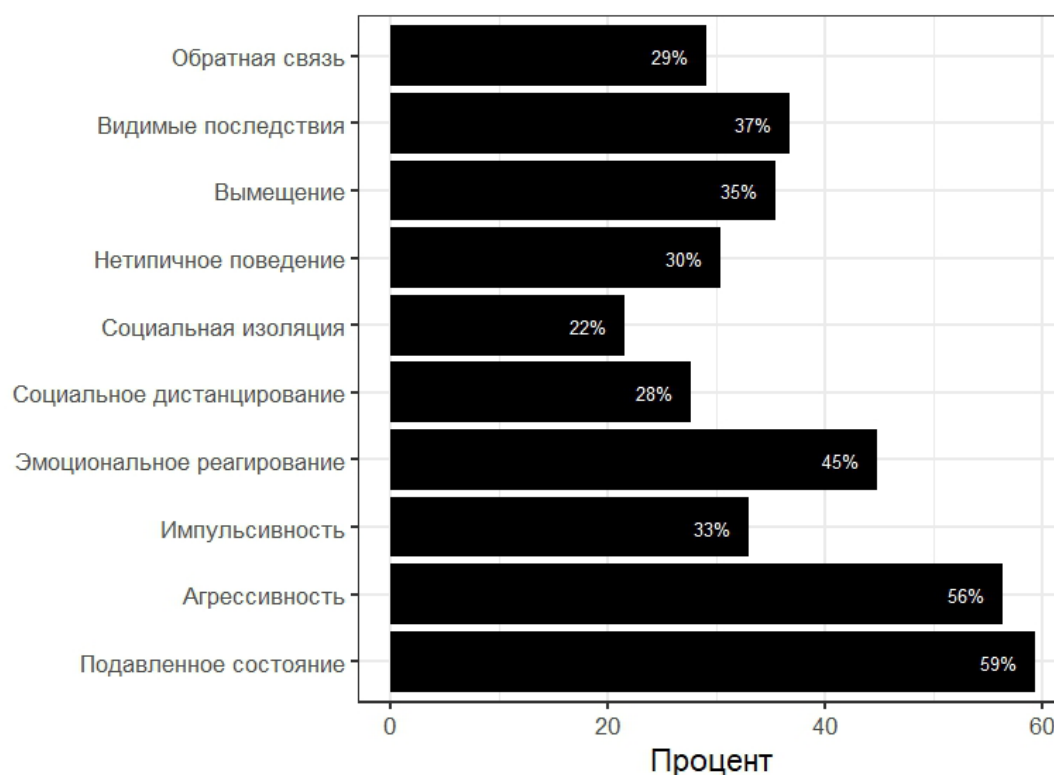

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы обычно понимаете, что по отношению к ребенку проявляется агрессия?» [26]

Больше половины педагогов понимают, что по отношению к ребенку проявляется агрессия по подавленному состоянию ребенка (ребенок замыкается, зажат, пассивен,

грустное настроение) (59 % респондентов), а также по тому факту, что ребенок сам становится агрессивным (вербально или физически) (56 %). На третьем месте по частоте ответов выступает маркер эмоционального реагирования (крик, слезы, смех, смущение) (45 %).

На рисунке 2 показано распределение уровня субъективного контроля по следующим шкалам: шкала общей интернальности (Ио), шкала интернальности в области достижений (Ид), шкала интернальности в области неудач (Ин), шкала интернальности в семейных отношениях (Ис), шкала интернальности в области производственных отношений (Ип), шкала интернальности в области межличностных отношений (Им), шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из). Значения указаны в стенах.

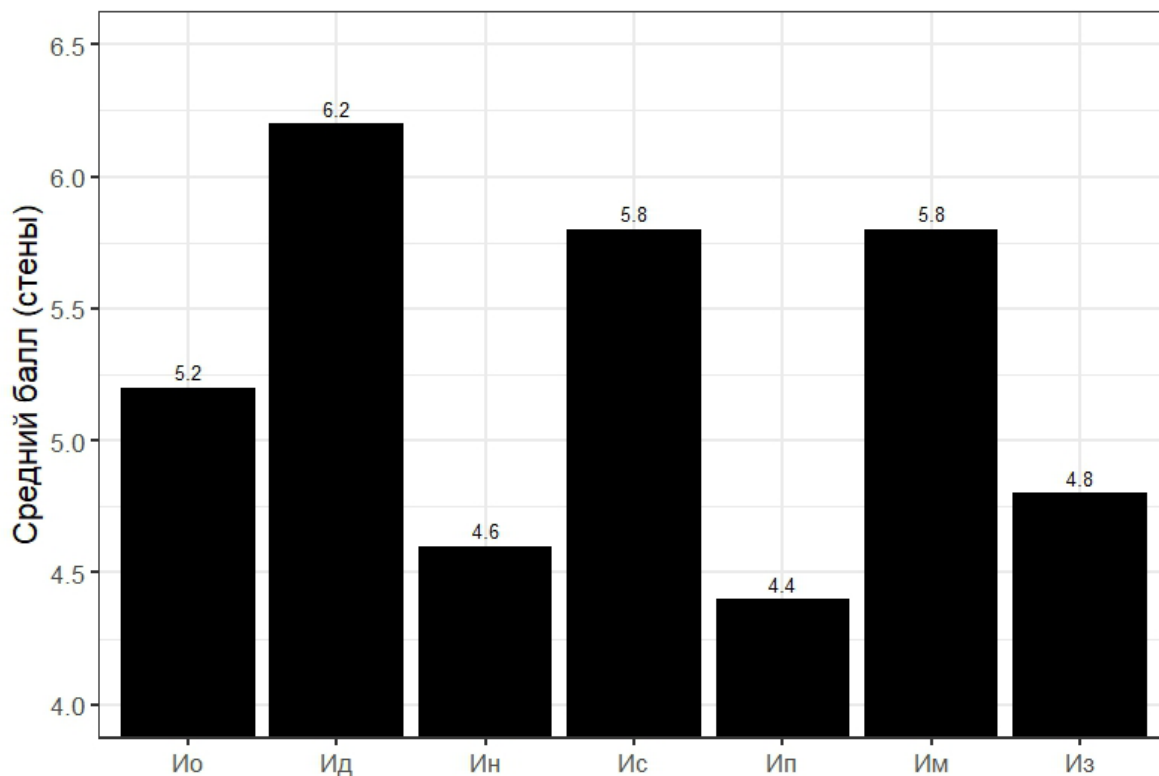

Рис. 2. Средние значения шкал по методике УСК

На рисунке 2 представлены средние значения по различным шкалам локуса контроля. Отметим, что средние значения находятся в диапазоне $5,5 \pm 2^2$. Анализируя только средние значения, мы не можем сделать однозначный вывод о преобладании интернальности / экстренальности в выборке респондентов-педагогов, однако рассмотрим тенденции, указывающие на связь склонности к интернальности / экстренальности и предпочтений в выборе различных маркеров виктимизации подростков.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи между локусом контроля и представлениями педагогов о маркерах виктимизации подростков нами был использован метод сравнения средних. Респонденты разбивались на две подгруппы в зависимости от наличия или отсутствия выбора определенного варианта ответа на вопрос «Как Вы обычно понимаете, что по отношению к ребенку проявляется агрессия?». Отметим, что указанный вопрос был задан с возможностью множественного выбора (варианты ответов представлены на рисунке 1). В первую подгруппу (по каждому из вариантов ответа) входили респонденты, которые не выбирали представленное утверждение в качестве маркера виктимизации агрессии, во вторую – те, кто выбирал данный маркер. Обеим подгруппам были присвоены условные обозначения: 0 и 1 соответственно. Некоторые подвыборки, в случае необходимости, были уравнены между собой по количеству наблюдений.

Ниже представлена таблица показателей средних значений по шкалам методики УСК в соответствии с разбитыми подгруппами (таблица 1).

²5,5 – среднее значение для шкалы стенов; 2 – стандартное отклонение.

**Показатели значимых различий между средними значениями
по шкалам методики УСК в соответствии с разбитыми подгруппами**

Шкалы УСК	Выбор варианта ответа	Ио		Ид		Ин		Ис		Ип		Им		Из	
		Среднее	t-критерий Стьюдента	Среднее	t-критерий Стьюдента	Среднее	t-критерий Стьюдента	Среднее	t-критерий Стьюдента	Среднее	t-критерий Стьюдента	Среднее	t-критерий Стьюдента	Среднее	t-критерий Стьюдента
<i>Как Вы обычно понимаете, что по отношению к ребенку проявляется агрессия?</i>															
1. Подавленное состояние (ребенок замыкается, зажат, пассивен, грустное настроение)	0	4,91		6,18		4,64		5,79		4,36		5,79		4,86	
	1	5,35	-7,452****	6,56	-6,265****	5,01	-5,866****	5,99	-3,712****	4,72	-6,603****	6,04	-4,779****	4,98	-2,006****
2. Ребенок сам становится агрессивным (вербально или физически)	0	5,01		6,31		4,74		5,82		4,45		5,83		4,82	
	1	5,30	-4,793****	6,48	-2,860****	4,96	-3,652****	5,98	-2,965****	4,67	-4,292****	6,03	-3,866****	5,01	-3,375****
3. Ребенок становится импульсивным (перестает собой управлять)	0	5,14		6,40		4,83		5,92		4,55		5,92		4,87	
	1	5,24	-1,520	6,42	-0,402	4,93	1,503	5,88	-0,865	4,63	-1,490	5,99	-1,207	5,04	-2,700****
4. Эмоциональное реагирование (крик, слезы, смех, смущение)	0	5,07		6,33		4,77		5,86		4,50		5,86		4,86	
	1	5,30	-3,927****	6,50	-2,786****	4,98	-3,324****	5,96	-1,909*	4,67	-3,094****	6,04	-3,388****	5,01	-2,645****
5. Социальное дистанцирование (избегает компаний)	0	5,09		6,34		4,76		5,84		4,54		5,85		4,90	
	1	5,45	-5,001****	6,60	-3,689****	5,11	-4,684****	6,08	-3,812****	4,73	-3,075****	6,14	-4,581****	5,02	-1,664*
6. Социальная изоляция (с ребенком не хотят сотрудничать)	0	5,20		6,46		4,85		5,93		4,63		5,91		4,86	
	1	5,40	-2,202**	6,57	-1,292	5,09	-2,594**	6,02	-1,064	4,71	-0,988	6,17	-3,378****	5,00	-1,560
7. Нетипичное поведение	0	5,17		6,39		4,86		5,90		4,61		5,93		4,88	
	1	5,35	-2,345**	6,51	-1,535	5,02	-1,956*	5,99	-1,280	4,66	-0,776	6,06	-2,030**	5,03	-2,065**
8. Вымещение агрессии на предметах и / или животных	0	5,00		6,27		4,70		5,83		4,45		5,83		4,85	
	1	5,49	-8,205****	6,64	-6,239****	5,15	-6,965****	6,05	-4,050****	4,80	-6,426****	6,14	-5,884****	5,06	-3,521****
9. Видимые последствия (сняжки, ссадины, рваная одежда, испорченные вещи)	0	4,98		6,24		4,70		5,80		4,45		5,81		4,88	
	1	5,50	-8,830****	6,68	-7,189****	5,14	-6,957****	6,09	-5,559****	4,78	-6,127****	6,16	-6,676****	5,02	-2,379**
10. Обратная связь от ребенка (просьбы о помощи, жалобы)	0	5,02		6,28		4,73		5,81		4,50		5,80		4,85	
	1	5,54	-7,075****	6,71	-5,796****	5,16	-5,365****	6,12	-4,643****	4,81	-4,556****	6,21	-6,297****	5,00	-1,950*

По итогам анализа различий средних значений по шкалам методики УСК в контексте наличия / отсутствия выбора различных маркеров виктимизации (таблица 1) можно сформулировать следующие тезисы:

1. Респонденты, выбравшие в качестве маркера виктимизации подростка вариант ответа «Подавленное состояние (ребенок замыкается, зажат, пассивен, грустное настроение)», имеют статистически значимо более высокие показатели по всем шкалам УСК (имеют более высокие абсолютные значения) по сравнению с респондентами, не выбирающими данную категорию ответа.

2. Респонденты, отметившие вариант ответа «Ребенок сам становится агрессивным (вербально или физически)», обладают статистически значимо более высоким уровнем локуса контроля по всем шкалам УСК (имеют более высокие абсолютные значения) по сравнению с респондентами, не выбирающими данный вариант ответа.

3. Педагоги, выбирающие вариант ответа «Ребенок становится импульсивным (перестает собой управлять)», имеют статистически значимо более высокие показатели по шкале здоровья (Из) (имеют более высокие абсолютные значения) по сравнению, с педагогами, не отметившими данный маркер виктимизации подростка.

4. Метод сравнения средних показал, что респонденты, не отмечавшие вариант ответа «Эмоциональное реагирование (крик, слезы, смех, смущение)», имеют статистически значимо более низкие показатели по всем шкалам УСК (имеют более низкие абсолютные значения) кроме шкалы семейных отношений, по которой различия оказались не значимы. В то время как респонденты, отметившие эмоциональное реагирование в качестве маркера виктимизации подростка, имеют более высокие показатели по всем шкалам УСК, кроме указанной выше шкалы семейных отношений.

5. Учителя, выбирающие вариант ответа «Социальное дистанцирование (избегает компаний)» в качестве маркера виктимизации подростка, имеют статистически значимо более высокие показатели по всем шкалам УСК (имеют более высокие абсолютные значения), кроме шкалы здоровья, по сравнению с респондентами, не выбиравшими данный вариант ответа (различия по шкале здоровья незначимы).

6. По итогам анализа данных установлено, что педагоги, отмечавшие в качестве маркера виктимизации подростка такой вариант ответа, как «Социальная изоляция (с ребенком не хотят сотрудничать)», имеют статистически значимо более высокие показатели (имеют более высокие абсолютные значения) по следующим шкалам УСК: шкале общей интернальности (Ио), шкале интернальности в области неудач (Ин), шкале интернальности в области межличностных отношений (Им), в то время как респонденты, не отмечавшие данный вариант ответа, в большей степени обладают экстернальным локусом контроля по указанным шкалам УСК.

7. Респонденты, выбиравшие вариант ответа «Нетипичное поведение», обладают статистически значимо более высокими показателями (имеют более высокие абсолютные значения) по сравнению с остальными педагогами по следующим шкалам УСК: шкале общей интернальности (Ио), шкале интернальности в области неудач (Ин), шкале интернальности в области межличностных отношений (Им), шкале интернальности в отношении здоровья и болезни (Из).

8. Учителя, не выбирающие вариант ответа «Вымещение агрессии на предметах и / или животных», имеют статистически значимо более низкие показатели по всем шкалам УСК по сравнению остальными респондентами.

9. Педагоги, отмечавшие вариант ответа «Видимые последствия (синяки, ссадины, рваная одежда, испорченные вещи)», имеют статистически значимо более высокие показатели по всем шкалам УСК по сравнению с респондентами, не отмечавшими данный вариант.

10. Метод сравнения средних показал, что учителя, предпочитающие вариант ответа «Обратная связь от ребенка (просьбы о помощи, жалобы)» в качестве маркера виктимизации подростка, обладают более высокими баллами по всем шкалам УСК (имеют более высокие абсолютные значения) кроме шкалы здоровья, по которой различия являются незначимыми.

Обсуждение результатов

Гипотеза о существовании взаимосвязи между уровнем локуса контроля и представлениями педагогов о маркерах виктимизации подростков подтвердилась. В связи с полученными результатами уместно предположение о том, что преподаватели, обладающие интернальным локусом контроля, имеют более комплексное представление об агрессии школьников, ее причинах и проявлениях. Подобные результаты могут быть связаны с тем, что педагоги с интернальным уровнем субъективного контроля используют более конструктивные механизмы совладания со стрессом [4; 25]. А согласно предыдущим исследованиям коллектива А. А. Реана, педагоги, активно реагирующие на агрессию подростков, в большей мере обращают внимание на половозрастные различия в агрессивном подростковом поведении и не считают агрессию допустимой формой поведения в отличие от пассивных учителей [8; 26; 27].

Полученные данные говорят о том, что педагоги, склонные к интернальности, чаще замечают акты агрессии, что свидетельствует о комплексном понимании такими учителями агрессии и особенностей агрессивного поведения среди школьников. Так же это может быть связано с тем, что, имея интернальный локус контроля, учитель в большей мере чувствует себя ответственным за деятельность учеников в классе, чаще проявляет готовность

к решению трудных ситуаций, возникающих между подростками, заинтересован не только в успешном обучении детей, но и в организации грамотного воспитательного процесса.

Иными словами, в рамках исследования продемонстрировано то, что педагоги, характеризующиеся более высокими показателями по различным шкалам методики УСК, значимо чаще предпочитают рассматриваемые поведенческие маркеры как показатели вовлеченности подростков в ситуации агрессивного поведения. Напомним, что к поведенческим маркерам относятся: обратная связь (29 %), видимые последствия (37 %), вымещение (35 %), нетипичное поведение (30 %), социальная изоляция (22 %), социальное дистанцирование (28 %), эмоциональное реагирование (45 %), импульсивность (33 %), агрессивность (56 %), подавленное состояние (59 %).

Отметим, что «чувствительностью» к наименее частотному маркеру (социальная изоляция), обладают педагоги имеющие значимо более высокие показатели по шкалам общей интернальности, а также в области неудач и межличностных отношений. Полученный факт может указывать на то, что педагоги, характеризующиеся тенденцией к экстернальности, склонны воспринимать социальную изоляцию как нормативное проявление и не видеть рисков, связанных с данным явлением.

Похожая ситуация складывается и в отношении маркера «нетипичное поведение» – педагоги со значимо более высокими показателями по шкалам общей интернальности, в области неудач, межличностных отношений и здоровья значимо чаще выбирают нетипичное поведение как маркер агрессии. Можно опять же предполагать некоторую «размытость» представлений о типичном / нетипичном поведении у педагогов, характеризующихся тенденцией к экстернальности по указанным шкалам.

При этом для наиболее распространенных маркеров агрессии (например, подавленное состояние, агрессивность, эмоциональное реагирование) искомая связь была установлена по всем шкалам методики УСК. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что «спецификация» локуса контроля по отношению к некоторым маркерам может быть связана с их интерпретацией как проявления возрастной нормативности (в представлении педагогов) в областях, соответствующих оценке локуса контроля: межличностных отношений, реакции на неудачу или особенностей здоровья, однако данное предположение требует самостоятельной проверки.

В целом же факт связи наличия или отсутствия выбора того или иного маркера в контексте вариации показателя локуса контроля в некотором роде иллюстрирует положение о том, что личность профессионала является его «инструментом» в деятельности, реализуемой в области «человек – человек» [28], что, безусловно, правомерно для педагогической работы [29].

Результаты настоящего исследования имеют практическую значимость в контексте подготовки будущих преподавателей и могут учитываться в процессе организации обучения и повышения квалификации педагогов.

Заключение

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что педагоги с более высокими показателями по шкалам методики УСК (тенденция к интернальности) значимо чаще выбирают рассмотренные маркеры виктимизации как показатели проявления агрессии по отношению к подростку, что косвенно свидетельствует о том, что педагоги, склонные к интернальности, чаще замечают, что по отношению к ребенку проявляется агрессия, в то время как педагоги с более низкими показателями по шкалам методики УСК (тенденция к экстернальности) значимо реже оценивают рассматриваемые маркеры как проявления агрессии в отношении учащегося, а следовательно, вероятно, реже замечают акты агрессии как таковые.

Список литературы

1. Бочавер А. А. Травля в детском коллективе: установки и возможности учителей // Психологическая наука и образование psyedu.ru : сетевой журнал. – 2014. – Т. 6. – № 1. – С. 47–55. – URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Bochaver.phtml> дата обращения: 09.11.2022).
2. Новикова М. А., Реан А. А. Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования // Вопросы образования. – 2019. – № 2. – С. 78–97; <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-78-97>.
3. Реан А. А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. – 2018. – №. 2 (30). – С. 3–12; <https://doi.org/10.11621/nprj.2018.0201>.

4. *Реан А. А., Кошелева Е. С.* Роль копинг-стратегий и ППИ в процессе взаимодействия учителей с агрессивными подростками // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – №. 3. – С. 78–86; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-3-78-86>.
5. *Реан А. А., Кошелева Е. С.* Агрессия и асоциальное поведение подростков в сознании педагогов // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – №. 4. – С. 305–312; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-305-312>.
6. *Yoon J., Sulkowski M. L., Bauman S. A.* Teachers' responses to bullying incidents: Effects of teacher characteristics and contexts // Journal of school violence. – 2016. – Vol. 15. – No. 1. – P. 91–113; <https://doi.org/10.1080/15388220.2014.963592>.
7. *Собкин В. С., Фомиченко А. С.* Понимание учителями причин проявления агрессии учащихся к педагогу / Социология образования. Труды по социологии образования : сборнике статей / под редакцией В. С. Собкина. – Москва: Федеральное государственное научное учреждение «Институт социологии образования» Российской академии образования, 2012. – Т. XVI. – Вып. XXVIII. – С. 137–147. Сер.: Социокультурные проблемы современного образования.
8. *Реан А. А., Кошелева Е. С.* Связь представлений педагогов о возрастных особенностях агрессии подростков со способами их реагирования на агрессивно-конфликтное поведение учащихся // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – №. 6. – С. 312–319; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-312-319>.
9. *Фомиченко А. С.* Представления учителей о причинах агрессивного поведения учащихся разных классов общеобразовательной школы // Социальная психология и общество. – 2013. – Т. 4. – №. 2. – С. 81–93.
10. *Волкова Е. Н., Цветкова Л. А., Волкова И. В.* Методологические основания для разработки программ профилактики подросткового буллинга // Сибирский психологический журнал. – 2019. – №. 74. – С. 88–100; <https://doi.org/10.17223/17267080/74/5>.
11. *Реан А. А., Кошелева Е. С.* Связь представлений педагогов о половых особенностях агрессии подростков со способами их реагирования на агрессивно-конфликтное поведение учащихся // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – №. 5. – С. 366–376; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-366-376>.
12. *Rotter J. B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological monographs: General and Applied. – 1966. – Vol. 80. – No. 1. – P. 1–28; <https://doi.org/10.1037/h0092976>.
13. *Пантилеев С. Р.* Методы измерения локуса контроля / Общая психодиагностика : основы психодиагностики, немедленной психотерапии и психологического консультирования : учебное пособие / А. А. Бодалев [и др.] ; под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. – Москва: Издательство МГУ, 1987. – С. 278–285.
14. *Rusbandi N., Usman O.* Effect of Self Efficacy, Locus of Control, and Emotional Intelligence on Procrastination // SSRN : Electronic Journal : [Online]; <https://doi.org/10.2139/ssrn.3646005>. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3646005 (дата обращения: 09.11.2022).
15. *Kim N. R., Lee K. H.* The effect of Internal Locus of Control on Career Adaptability: The Mediating Role of Career Decision-Making Self-Efficacy and Occupational Engagement // Journal of Employment Counseling. – No 55 (1). P. 2–15; <https://doi.org/10.1002/joec.12069>.
16. *Türk-Kurtça T., Kocatürk M.* The Role of Childhood Traumas, Emotional Self-Efficacy and Internal-External Locus of Control in Predicting Psychological Resilience // International Journal of Education and Literacy Studies. – 2020. – Vol. 8. – No 3. – P. 105–115; <https://doi.org/10.7575/aiac.ijels.v8n.3p.105>.
17. *Муздыбаев К.* Психология ответственности : монография / под ред. В. Е. Семенова. – Ленинград: Наука, 1983. – 264 с.
18. *Реан А. А.* Психология личности. – Санкт-Петербург: Питер, 2016. – 286 с.
19. *Pesudo D., Anakonda C.* The effect of ethical climate and locus of control toward whistleblowing intention // Jurnal AKSI (Akuntansi dan Sistem Informasi). – 2022. – Vol. 7. – No 1. – P. 52–61; <https://doi.org/10.32486/aksi.v7i1.248>.
20. *Camadan F., Sari S. V.* Forgiveness, Locus of Control, and Perfectionism: A Mixed Method Study // International Journal of Progressive Education. – 2021. – Vol. 17 (1). – P. 210–231; <https://doi.org/10.29329/ijpe.2021.329.14>.
21. *Strong S. L., Gore J. S.* The mediating role of locus of control between social resource stability and psychological well-being // Journal of applied social psychology. – 2020. – Vol. 50. – Issue 8. – P. 464–475; <https://doi.org/10.1111/jasp.12674>.

22. *Padmanabhan S.* The impact of locus of control on workplace stress and job satisfaction: A pilot study on private-sector employees // *Current Research in Behavioral Sciences* [Online]. – 2021. – Vol. 2. – P. 100026; <https://doi.org/10.1016/j.crbeha.2021.100026>.
23. *Levy M., Gumpel T. P.* Self-efficacy and external locus of control as predictors of participant roles in relational aggression // *Journal of interpersonal violence*. – 2022. – Vol. 37. – № 5-6. – P. 3015–3040; <https://doi.org/10.1177/08862605209437>.
24. *Zeyin Y., Long S., Gaoxiao R.* Effects of safe driving climate among friends on prosocial and aggressive driving behaviors of young drivers: The moderating role of traffic locus of control // *Journal of safety research*. – 2022. – Vol. 81. – P. 297–304; <https://doi.org/10.1016/j.jsr.2022.03.006>.
25. *Реан А. А., Баранов А. А.* Факторы стрессоустойчивости учителей // *Вопросы психологии*. – 1997. – №. 1. – С. 45–54.
26. *Реан А. А., Коновалов И. А.* Оценка педагогами подростковой агрессивности: социально-перцептивные аспекты и готовность к вмешательству // *Российский девиантологический журнал*. – 2021. – №. 1 (2). – С. 276–295; <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-276-295>.
27. *Реан А. А., Коновалов И. А., Кошелева Е. С.* Совладание педагога с деструктивным поведением учащихся: реакция на агрессию учащихся и агрессивность педагогов // *Интеграция образования*. – 2022. – Т. 26. – №. 4 (109). – С. 688–707; <https://doi.org/10.15507/1991-9468.109.026.202204.688-707>.
28. *Братусь Б. С.* К проблеме человека в психологии // *Вопросы психологии*. – 1997. – № 5. – С. 3–19.
29. *Ушинский К. Д.* О пользе педагогической литературы : [из «Собрания педагогических сочинений»]. – Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, 1895. – 29 с.

References

- Bochaver A. A.* Travlya v detskom kollektive: ustanovki i vozmozhnosti uchiteley // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye psyedu.ru : setevoy zhurnal*. – 2014. – Т. 6. – № 1. – С. 47–55. – URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Bochaver.phtml> data obrashcheniya: 09.11.2022).
- Novikova M. A., Rean A. A.* Vliyaniye shkol'nogo klimata na vzniknoveniye travli: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt issledovaniya // *Voprosy obrazovaniya*. – 2019. – №. 2. – С. 78–97; <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-78-97>.
- Rean A. A.* Profilaktika agressii i asotsial'nosti nesovershennoletnikh // *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*. – 2018. – №. 2 (30). – С. 3–12; <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>.
- Rean A. A., Kosheleva Ye. S.* Rol' koping-strategiy i PPI v protsesse vzaimodeystviya uchiteley s agressivnymi podrostkami // *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatelnosti*. – 2021. – №. 3. – С. 78–86; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-3-78-86>.
- Rean A. A., Kosheleva Ye. S.* Agressiya i asotsial'noye povedeniye podrostkov v soznanii pedagogov // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2021. – №. 4. – С. 305–312; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-4-305-312>.
- Yoon J., Sulkowski M. L., Bauman S. A.* Teachers' responses to bullying incidents: Effects of teacher characteristics and contexts // *Journal of school violence*. – 2016. – Vol. 15. – No. 1. – P. 91–113; <https://doi.org/10.1080/15388220.2014.963592>.
- Sobkin V. S., Fomichenko A. S.* Ponimaniye uchitelyami prichin proyavleniya agressii uchashchikhsya k pedagogu / *Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya : sbornike statey / pod redaktsiyey V. S. Sobkina*. – Moskva: Federal'noye gosudarstvennoye nauchnoye uchrezhdeniye «Institut sotsiologii obrazovaniya» Rossiyskoy akademii obrazovaniya, 2012. – Т. XVI. – Vyp. XXVIII. – С. 137–147. Ser.: Sotsiokul'turnyye problemy sovremennogo obrazovaniya.
- Rean A. A., Kosheleva Ye. S.* Svyaz' predstavleniy pedagogov o vozrastnykh osobennostyakh agressii podrostkov so sposobami ikh reagirovaniya na agressivno-konfliktnoye povedeniye uchashchikhsya // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2022. – №. 6. – С. 312–319; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-6-312-319>.
- Fomichenko A. S.* Predstavleniya uchiteley o prichinakh agressivnogo povedeniya uchashchikhsya raznykh klassov obshcheobrazovatel'noy shkoly // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. – 2013. – Т. 4. – №. 2. – С. 81–93.
- Volkova Ye. N., Tsvetkova L. A., Volkova I. V.* Metodologicheskiye osnovaniya dlya razrabotki programm profilaktiki podrostkovogo bullinga // *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*. – 2019. – №. 74. – С. 88–100; <https://doi.org/10.17223/17267080/74/5>.
- Rean A. A., Kosheleva Ye. S.* Svyaz' predstavleniy pedagogov o polovykh osobennostyakh agressii podrostkov so sposobami ikh reagirovaniya na agressivno-konfliktnoye povedeniye

uchashchikhsya// Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – №. 5. – S. 366–376; <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-366-376>.

12. *Rotter J. B.* Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological monographs: General and Applied. – 1966. – Vol. 80. – No. 1. – P. 1–28; <https://doi.org/10.1037/h0092976>.

13. *Pantilejev C. R.* Metody izmereniya lokusa kontrolya / Obschaya psikhodiagnostika : osnovy psikhodiagnostiki, nemedlennoy psikhoterapii i psikhologicheskogo konsul'tirovaniya : uchebnoye posobiye / A. A. Bodalev [i dr.] ; pod red. A. A. Bodaleva, V. V. Stolina. – Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1987. – S. 278–285.

14. *Rusbandi N., Usman O.* Effect of Self Efficacy, Locus of Control, and Emotional Intelligence on Procrastination // SSRN : Electronic Journal : [Online]; <https://doi.org/10.2139/ssrn.3646005>. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3646005 (data obrashcheniya: 09.11.2022).

15. *Kim N. R., Lee K. H.* The effect of Internal Locus of Control on Career Adaptability: The Mediating Role of Career Decision-Making Self-Efficacy and Occupational Engagement // Journal of Employment Counseling. – No 55 (1). P. 2–15; <https://doi.org/10.1002/joec.12069>.

16. *Türk-Kurtça T., Kocatürk M.* The Role of Childhood Traumas, Emotional Self-Efficacy and Internal-External Locus of Control in Predicting Psychological Resilience // International Journal of Education and Literacy Studies. – 2020. – Vol. 8. – No 3. – P. 105–115; <https://doi.org/10.7575/aiac.ijels.v.8n.3p.105>.

17. *Muzdybayev K.* Psikhologiya otvetstvennosti : monografiya / pod red. V. Ye. Semenova. – Leningrad: Nauka, 1983. – 264 s.

18. *Rean A. A.* Psikhologiya lichnosti. – Sankt-Peterburg: Piter, 2016. – 286 s.

19. *Pesudo D., Anakonda C.* The effect of ethical climate and locus of control toward whistleblowing intention // Jurnal AKSI (Akuntansi dan Sistem Informasi). – 2022. – Vol. 7. – No 1. – P. 52–61; <https://doi.org/10.32486/aksi.v7i1.248>.

20. *Camadan F., Sari S. V.* Forgiveness, Locus of Control, and Perfectionism: A Mixed Method Study // International Journal of Progressive Education. – 2021. – T. 17. – №. 1. – S. 210–231. <https://doi.org/10.29329/ijpe.2021.329.14>.

21. *Strong S. L., Gore J. S.* The mediating role of locus of control between social resource stability and psychological well-being // Journal of applied social psychology. – 2020. – Vol. 50. – Issue 8. – P. 464–475; <https://doi.org/10.1111/jasp.12674>.

22. *Padmanabhan S.* The impact of locus of control on workplace stress and job satisfaction: A pilot study on private-sector employees // Current Research in Behavioral Sciences : [Online]. – 2021. – T. 2. – C. 100026. <https://doi.org/10.1016/j.crbeha.2021.100026>.

23. *Levy M., Gumpel T. P.* Self-efficacy and external locus of control as predictors of participant roles in relational aggression // Journal of interpersonal violence. – 2022. – Vol. 37. – No 5–6. – P. 3015–3040; <https://doi.org/10.1177/08862605209437>.

24. *Zeyin Y., Long S., Gaoxiao R.* Effects of safe driving climate among friends on prosocial and aggressive driving behaviors of young drivers: The moderating role of traffic locus of control // Journal of safety research. – 2022. – Vol. 81. – P. 297–304; <https://doi.org/10.1016/j.jsr.2022.03.006>.

25. *Rean A. A., Baranov A. A.* Faktory stressoustoychivosti uchiteley // Voprosy psikhologii. – 1997. – №. 1. – S. 45–54.

26. *Rean A. A., Konovalov I. A.* Otsenka pedagogami podrostkovoy agressivnosti: sotsial'no-pertseptivnyye aspekty i gotovnost' k vmeshatel'stvu // Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal. – 2021. – №. 1 (2). – S. 276–295; <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-276-295>

27. *Rean A. A., Konovalov I. A., Kosheleva Ye. S.* Sovladaniye pedagoga s destruktivnym povedeniyem uchashchikhsya: reaktsiya na agressiyu uchashchikhsya i agressivnost' pedagogov // Integratsiya obrazovaniya. – 2022. – T. 26. – №. 4 (109). – S. 688–707; <https://doi.org/10.15507/1991-9468.109.026.202204.688-707>.

28. *Bratus' B. S.* K probleme cheloveka v psikhologii // Voprosy psikhologii. – 1997. – № 5. – S. 3–19.

29. *Ushinskiy K. D.* O pol'ze pedagogicheskoy literatury : [iz «Sobraniya pedagogicheskikh sochineniy». – Sankt-Peterburg: tip. M. Merkusheva, 1895. – 29 s.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted March 4, 2024; approved after reviewing April 9, 2024; accepted for publication April 10, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов:

Реан А. А. – руководство исследованием, редактирование текста, согласование окончательного варианта текста;

Авдеева Е. С. – анализ данных, подготовка первоначального варианта текста;

Коновалов И. А. – редактирование текста, подготовка окончательного варианта текста, визуализация данных.

Authors' contribution:

Rean A. A. – research guidance, text editing, final text approval;

Avdeeva E. S. – data analysis, initial drafting of the text;

Konovalev I. A. – text editing, final text preparation and data visualisation.

Научная статья

УДК 159.9.072.5

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-335-346>

Антон Александрович Чекунов

<https://orcid.org/0000-0001-5031-9931>, antpsix@yandex.ru

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии Российской Федерации
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Валентин Анатольевич Шаповал

кандидат медицинских наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-0521-5388>, vash23@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Психодиагностические критерии профессиональной надежности офицеров Росгвардии

Аннотация: Введение. Статья посвящена исследованию психодиагностических критериев профессиональной надежности офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации как субъектов правореализационной деятельности, выполняющих важные государственные задачи по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Её цель состояла в попытке выявить шкальные психодиагностические показатели тестовых методик, применяемых в целях профессионального психологического отбора кандидатов на обучение и психологического сопровождения профессионального становления будущих офицеров национальной гвардии Российской Федерации, которые помимо прочего могли бы служить критериями для оценки и прогнозирования их личностной профессиональной надежности. **Методы исследования.** В исследовании применялись методы психологической диагностики (10 тестовых психодиагностических методик, в том числе для исследования особенностей мышления – МИОМ, самооценки актуального психического состояния – СУПОС-8, изучения ценностей личности Шварца, неосознаваемых Я-структурных компонентов личности с помощью Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» и др.), ранее выбранные специалистами группы профессионального психологического отбора и утвержденные в установленном порядке руководством, экспертных оценок результатов учебно-служебной деятельности курсантов и профессиональной деятельности выпускников на первичных офицерских должностях, ретроспективного анализа психодиагностических показателей используемых методик, статистические методы сравнительного анализа (U-критерий Манна – Уитни и дисперсионный анализ). На основе анализа независимых экспертных оценок и результатов деятельности была проведена градация курсантов и выпускников-офицеров военного института на четыре группы с разными уровнями (высоким, средним, ниже среднего, низким) профессиональной надежности. **Результаты.** В результате проведенного ретроспективного сравнительного анализа данных психодиагностических обследований 221 курсанта мужского пола из более 200 психодиагностических показателей (шкал) используемых методик были выделены 52 шкальных показателя, статистически достоверно отличающих испытуемых с разными уровнями профессиональной надежности, 21 (58 %) которых имели линейную зависимость от уровня (группы) профессиональной надежности и 7-летнюю глубину прогноза. В зависимости от характера полученных различий одни показатели могут быть использованы в качестве психологических (личностных) предикторов и протекторов профессиональной надежности, в то время

как другие – в качестве лимитирующих факторов ее проявления и развития. Научная новизна и практическая значимость полученных психодиагностических показателей определяется возможностью их использования для психологического прогнозирования профессиональной надежности не только курсантов в период обучения в военном вузе, но и офицеров-выпускников в период их профессиональной деятельности в войсках на первичных офицерских должностях, в т. ч. с помощью создания специальных решающих правил прогнозирования (регрессионных уравнений и дискриминантных функций). Кроме того, полученные психодиагностические показатели (шкалы) могут быть корректно экстраполированы в качестве критериев (предикторов, протекторов и лимитирующих факторов) профессиональной надежности на офицерский (начальствующий) состав других государственных правоохранительных силовых структур, включая МВД России, а также использованы для создания алгоритмов (решающих правил) психологического прогнозирования их профессиональной надежности на этапах профессионального психологического отбора, профессионального становления и психологического обеспечения служебной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная надежность, психодиагностические критерии, экспертная оценка, ретроспективный сравнительный анализ, ценностный опросник Шварца, психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс», психологическое прогнозирование, прогностическая валидность

Для цитирования: Чекунов А. А., Шаповал В. А. Психодиагностические критерии профессиональной надежности офицеров Росгвардии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 335–346; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-335-346>.

Anton A. Chekunov

<https://orcid.org/0000-0001-5031-9931>, antpsix@yandex.ru

*Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Valentin A. Shapoval

Cand. Sci. (Med.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0521-5388>, vash23@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Psycho-diagnostic criteria of professional reliability of officers of the Russian Guard Troops

Abstract: Introduction. The article is devoted to the studies of psycho-diagnostic criteria for the professional reliability of officers of the National Guard Troops of the Russian Federation as subjects of law enforcement activities performing important state tasks to protect public order and ensure public safety. Its purpose was to try to identify scale psycho-diagnostic indicators of test methods used for the professional psychological selection of candidates for training and psychological support for the professional development of future officers of the National Guard Troops of the Russian Federation, which, could serve as criteria for evaluating and predicting their personal professional reliability. **Research methods.** The study used methods of psychological diagnosis (10 test psycho-diagnostic techniques, including for the study of the peculiarities of thinking – the Intelligence Structure Test (IST) – MIOM, self-assessment of the current mental state – SUPOS-8, studying the Schwartz’s basic values of personality, unconscious Self-structural elements of personality with the help of a Psycho-dynamic Oriented Personality Questionnaire (POPQ) “Resource” and etc.), previously selected by specialists of the professional psychological selection group and approved in accordance with the established procedure by the management, expert assessments of the results of the training and service activities of cadets and the professional activities of graduates at primary officer training positions, retrospective analysis of psycho-

diagnostic indicators of the methods used, statistical methods of comparative analysis (The Mann–Whitney U-test and Variance analysis). Based on the analysis of independent expert assessment and performance results, the gradation of cadets and graduate officers of the military institute into four groups with different levels (high, medium, below medium, low) of professional reliability was carried out. **Results.** As a result of a retrospective comparative analysis of data of psycho-diagnostic tests of 221 male cadets, 52 scale indicators were identified from more than 200 psycho-diagnostic indicators (scales) of the methods used, statistically significantly distinguishing subjects with different levels of professional reliability, 21 (58%) of which had a linear dependence on the level (group) of professional reliability and a 7-year depth the forecast. Depending on the nature of the differences obtained, some can be used as psychological (personal) predictors and protectors of professional reliability, while others can be used as limiting factors of its manifestation and development. The scientific novelty and practical significance of the obtained psycho-diagnostic indicators is determined by the possibility of their use for psychological forecasting of professional reliability not only of cadets during their studies at a military university, but also of graduate officers during their professional activities in the military on primary officer positions, including through the creation of special decision forecasting rules (regression equations and discriminant functions). In addition, the obtained psycho-diagnostic indicators (scales) can be correctly extrapolated as criteria (predictors, protectors and limiting factors) of professional reliability to the officer (commanding) staff of other state law enforcement agencies, including the Ministry of Internal Affairs of Russia, and also used to create algorithms (decision rules) of psychological forecasting of their professional reliability at the stages of professional psychological selection, professional development and psychological support of professional activity.

Keywords: professional reliability, psycho-diagnostic criteria, expert assessment, retrospective comparative analysis, Schwartz Portrait Value Questionnaire (PVQ), Psycho-dynamic Oriented Personality Questionnaire (POPQ) “Resource”, psychological forecasting, predictive validity

For citation: Chekunov A. A., Shapoval V. A. Psycho-diagnostic criteria of professional reliability of officers of the Russian Guard Troops // Vestnik of St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). – P. 335–346; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-335-346>.

Введение

Особенностью современных геополитических условий является кратное возрастание актуальности обеспечения государственной и общественной безопасности во всем ее многообразии: в охране общественного порядка и важных государственных объектов, в борьбе с терроризмом, экстремизмом, обеспечении режимов чрезвычайного и военного положения, правового режима контртеррористической операции, в территориальной обороне и др. Все эти задачи наряду с защитой прав и свобод человека и гражданина сегодня возложены на войска национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардии), созданные на основе внутренних войск, а также некоторых подразделений и служб МВД России в 2016 году. Именно надежное и устойчивое выполнение профессиональных задач росгвардейцами как в повседневных, так и в экстремальных условиях, а также повышение их боеготовности и эффективности служебно-боевой (правореализационной) деятельности было и остается лейтмотивом ведомственной психологической службы и осуществляемой ею психологической работы.

При этом в настоящее время нерешенной остается проблема комплексной психологической оценки и прогнозирования профессиональной надежности офицерских кадров как основного войскового и управленческого звена Росгвардии ввиду отсутствия валидных и надежных психодиагностических критериев.

Следует отметить активное развитие концепции обеспечения надежности сотрудников правоохранительных и силовых структур Российской Федерации в последние годы благодаря работам таких авторов, как В. М. Крук¹, А. Ю. Федотов² [1] и др. В состав правоохранительных и силовых структур Российской Федерации, как известно, входят Минобороны, МВД, Росгвардия, ФСИН, МЧС, ФСБ с погранвойсками, ФСО, СВР,

¹ Крук В. М. Психологическое обеспечение личностной надежности специалиста силовых структур : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2012. – 44 с.

² Федотов А. Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2020. – 48 с.

ФССП, ФТС, прокуратура, СКР, ГФС и другие, причём требования к психологическим характеристикам офицерских кадров (начальствующего состава) этих структур по своей сути являются похожими, о чем свидетельствуют многочисленные факты перехода офицеров (начальствующего состава) из одних силовых министерств и ведомств в другие, включая практику назначения наиболее подготовленных и профессионально надежных сотрудников на должности руководителей этих ведомств.

Несмотря на статусные различия офицеров-военнослужащих или лица начальствующего состава, имеющих специальные звания (внутренней службы, полиции, юстиции, таможенной службы и др.), речь идет о надежности «человеческого фактора» в целом, роль которого сложно переоценить. При этом вопрос «психологических» индивидуально-личностных особенностей, обуславливающих надежность специалиста в целом и офицера (лица начальствующего состава) силового ведомства в частности остается открытым и важным в системе кадрового отбора и психологического сопровождения.

Обращаясь к проблеме взаимосвязи надежности и характера военнослужащих, Н. Ф. Феденко установил ее зависимость от их отношения к окружающим и к самим себе [2]. Так как отношение к окружающим определяется личными взглядами и убеждениями, твердые убеждения воина рассматривались в качестве внутренней основы его надежности. По характеру отношения к самим себе автором были выделены два типа военнослужащих: альтруистичный (коллективистский) и эгоистичный, безусловно отнесенный к категории ненадежных и сомнительных [3; 4].

Суть феномена профессиональной надежности (далее – ПН) проявляется в устойчиво высоком уровне соответствия профессиональным требованиям, которое обусловлено индивидуально-психологическими особенностями³ [5]. Данное соответствие можно отслеживать уже в период профессиональной подготовки (обучения) в профильном вузе [6].

По мнению Е. Ю. Стрижова, ПН имеет когнитивные, смысловые, эмоциональные и нравственные детерминанты, поддающиеся измерению методами психологии [7].

При этом исследования в области психодиагностики и оценки ПН сотрудников направлены на минимизацию репутационных рисков, повышение работоспособности, эффективности профессиональной деятельности, что в совокупности существенно отражается и на материальных аспектах любой организации [8].

ПН и личностные особенности, ее обуславливающие, изучались с помощью разных подходов и психодиагностических методик, направленных на оценку уровня эмоционального выгорания [9]; многофакторного исследования личности [6; 7; 10]; карьерных ориентаций, ответственности, готовности к риску, стрессоустойчивости и социальной адаптации [11]; профессионального психологического здоровья [12]; мотивации достижений, рефлексивности, волевого контроля и саморегуляции [13]; в том числе фрустраций и социометрического статуса [14]; оценку рисков персонала ядерных программ и объектов [15; 16].

Некоторые авторы, рассмотрев специфику труда конвоиров, путем анализа экспертных оценок выявили следующие блоки личностных качеств (показателей), обеспечивающих надежность в данной профессии [17, с. 14]: ценностно-мотивационный, эмоционально-волевой, когнитивный и коммуникативный. Была разработана и анкета для самооценки уровня ПН сотрудников по 5-балльной шкале показателей профессиональной надежности [18].

П. В. Путивцев для психодиагностического измерения ПН использовал такие тестовые методики, как: «Прогрессивные матрицы» Дж. К. Равена; многостороннего исследования личности (ММИЛ) Ф. Б. Березина, М. П. Мирошникова, Р. В. Рожанца; стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) Л. И. Собчик и другие⁴. В итоге формула ПН в общем виде состояла из двух факторов: профессиональных психологических способностей и коммуникативных качеств.

В целях отслеживания динамики ПН и обеспечивающих её качеств субъекта профессиональной деятельности на протяжении длительного времени используется метод продольных срезов⁵. Практически этот метод может быть реализован с помощью ведения портфолио каждого сотрудника, в котором накапливаются результаты всех проведенных его психологических обследований, отражающих в совокупности и динамику ПН [19].

³ Гребенюк С. В., Чекунов А. А., Шаповал В. А. Психолого-педагогические аспекты профессиональной надёжности выпускников военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 3 (79). – С. 221–226.

⁴ Путивцев П. В. Психологическая оценка профессиональной надёжности сотрудников органов наркоконтроля : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2013. – 32 с.

⁵ Шанина Г. Е. Психологическая диагностика : учебно-практическое пособие. – Москва: В Печать!, 2010. – С. 216.

Исходя из этого, следует вынести два предположения.

1. ПН офицера (лица начальствующего состава) детерминирована определенными личностными качествами и проявляется в устойчивом их соответствии требованиям военной (военизированной) профессиональной среды в том или ином силовом ведомстве.

2. Продуктивная реализация технологии оценки ПН офицеров (лиц начальствующего состава) с использованием лично ориентированных подходов требует разработки прежде всего психодиагностических критериев ее оценки и прогнозирования.

Выявление таких критериев ПН офицеров Росгвардии как раз и явилось целью нашего исследования.

Методы

Был проведен ретроспективный сравнительный анализ данных психодиагностических обследований курсантов командного профиля одного из военных институтов войск национальной гвардии, полученных на протяжении пяти лет их обучения.

Методы исследования включали в себя комплекс психодиагностических методик, ранее выбранных специалистами группы профессионального психологического отбора, утвержденных в установленном порядке руководством и применяемых в различной комбинации на разных этапах исследования в целях как профессионального психологического отбора кандидатов на обучение, так и дальнейшего психологического сопровождения профессионального становления будущих офицеров на протяжении всего периода их обучения в военном вузе:

1) МИОМ – русскоязычная адаптация теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра;

2) тест социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. О. Салливана;

3) СУПОС-8 – методика самооценки актуального психического состояния О. Микшика;

4) тест НПА И. Н. Гурвича;

5) Комплексный психодиагностический опросник «ПОЛО-ММС», включающий скрининговый мужской вариант Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» В. А. Шаповала; Модифицированный патохарактерологический диагностический опросник (МПДО); МЛО «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина;

6) ценностный опросник Ш. Шварца;

7) 16 ФЛО Р. Б. Кеттелла;

8) социометрию;

9) мужской вариант ПОЛО «Ресурс» В. А. Шаповала и др.

За период всего исследования с помощью вышеуказанных методик было получено более 200 психодиагностических (шкальных) показателей, которые ретроспективно сравнивались у испытуемых, отнесенных к одной из четырех групп с разным уровнем ПН.

Для оценки уровня ПН использовался метод экспертных оценок учебно-профессиональной успешности курсантов военного института и критически важных показателей в течение последующих двух лет службы выпускников в войсках на первичных офицерских должностях.

ПН испытуемых оценивалась на основе совокупности внешнекритериальных показателей их профессионального, служебного и личностного соответствия занимаемым должностям за 5-летний период обучения в военном институте и последующей службы в войсках, а также разделения их на четыре критериальные группы с разными уровнями (высоким, средним, ниже среднего, низким) профессиональной надежности (ГПН) с учетом рейтинга успеваемости и дисциплинированности; количества поощрений и взысканий, среднего балла окончания военного института, заболеваемости и др.

По совокупности всех оцениваемых показателей и результатам анализа отзывов руководителей в первую группу ($n = 39$) были включены «лучшие» курсанты и офицеры-выпускники, выделяющиеся на общем фоне в лучшую сторону; во вторую группу ($n = 101$) – «средние»; в третью группу ($n = 31$) – «худшие», то есть выделяющиеся на общем фоне в худшую сторону, в т. ч. по экспертным оценкам и количеству полученных в военном институте (в войсках) взысканий, превышающих количество поощрений; в четвертую группу ($n = 50$) вошли уволенные в процессе четырех лет службы в войсках или отчисленные из военного института по отрицательным основаниям, включая осужденных.

Разделение испытуемых на группы с разным уровнем ПН позволило провести ретроспективный сравнительный анализ шкальных показателей результатов

психодиагностических обследований курсантов и выпускников разных ГПН, полученных на этапе их профессионального психологического отбора (далее – ППО) при поступлении на учебу и в период психологического сопровождения их профессиональной подготовки, в результате чего выделить статистически значимые показатели, которые могли бы служить психодиагностическими критериями для прогноза ПН будущих офицеров Росгвардии.

Всего в проведенном исследовании принял участие 221 курсант мужского пола, прошедший ППО и зачисленный на обучение.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что среди многочисленных шкальных показателей психодиагностических методик, используемых для решения задач ППО и психологического сопровождения образовательного процесса в военном вузе, возможно выделить статистически значимые показатели, которые помимо прочего могли бы служить прогностически валидными психодиагностическими критериями ПН офицеров Росгвардии.

Используемая нами схема проверки «прогностической валидности» шкальных показателей тестовых методик, при которой критериальная информация о протестированных собирается спустя несколько месяцев или даже лет после самого тестирования, рекомендуется российским стандартом тестирования персонала, а полученные данные о критериальной валидности тестовых методик и их шкальных психодиагностических показателей считаются особенно ценными [20].

Полученные результаты подвергались математико-статистической обработке с помощью IBM SPSS Statistics 21 (оценка нормальности распределения, сравнение критериальных групп испытуемых с помощью U-критерия Манна – Уитни и однофакторного дисперсионного анализа).

Результаты

Данные 5-летних психодиагностических обследований испытуемых, разделенных с помощью метода экспертных оценок на группы с разным уровнем ПН, были подвергнуты ретроспективному сравнительному анализу с целью выявления психодиагностических показателей, достоверно отличающих испытуемых полярных, в т. ч. объединенных критериальных групп ПН.

В результате из более 200 психодиагностических показателей было выявлено 52 достоверно значимых показателя, 30 (58 %) которых имели более высокие ранги у испытуемых с высоким уровнем ПН, а 22 (48 %) – с низким. Первые могут рассматриваться в качестве психологических (личностных) предикторов ПН, а вторые – в качестве лимитирующих факторов ее проявления и развития у офицеров в период их профессиональной подготовки в ведомственном военном вузе.

Далее нам представляется целесообразным рассмотреть достоверно значимые шкальные психодиагностические показатели ПН, выявленные на различных этапах исследования и дать их краткую психологическую характеристику.

1. Психодиагностические критерии профессиональной надежности, выявленные на этапе профессионального психологического отбора:

1.1. По методике самооценки актуального психического состояния (СУПОС-8) профессионально надежным курсантам и офицерам достоверно чаще ($p < 0,01$) свойственны состояния ощущения силы и энергии (как в момент обследования, так и в обычном состоянии), а также психическое спокойствие (в момент обследования) ($p < 0,05$).

Для лиц с низким уровнем ПН характерны страх и опасения, а также стремление к действию, испытываемые в обычном состоянии ($p < 0,05$).

Полученные отличия выглядят вполне логично, а инверсия ожидаемых различий мобилизующего компонента «стремления к действию», характеризуемого как повышенная активность, с нашей точки зрения может быть объяснена тем, что последняя в условиях строгой дисциплины и уставного порядка, особенно на фоне напряжения и настороженности, не приветствуется и может служить дезорганизующим компонентом стрессового состояния.

1.2. Среди показателей автоматизированного психодиагностического комплекса «ПОЛО-ММС», включающего в себя скрининговый мужской вариант ПОЛО «Ресурс», МПДО, МЛО «Адаптивность» и САТ, достоверно различимыми в плане прогноза ПН оказались лишь показатели первых двух методик комплекса.

Так, группа «лучших» с точки зрения ПН испытуемых, как и предполагалось, отличалась более высокими показателями *ресурса личностной конструктивности* ($p < 0,01$), то есть, по сути, более высоким уровнем психологического здоровья

личности, преобладанием конструктивно-адаптивных стратегий поведения в различных жизненных ситуациях над деструктивно-дефицитарными, формированию вокруг себя конструктивного микросоциального поля взаимоотношений, оптимальной реализации своей Я-идентичности и побуждению к этому окружающих.

Профессионально надежные курсанты также отличались достоверно более высоким *адаптационным потенциалом* ($p < 0,05$), свидетельствующим о способности к установлению гибких социальных взаимоотношений путем баланса уступок и отстаивания собственных интересов. Показатель шкалы *конструктивного нарциссизма*, оказавшийся достоверно более выраженным у лиц с 1-й и 2-й ГПН, чем у 3-й и 4-й ГПН ($p < 0,05$), характеризует первых как людей, уверенных в себе, имеющих хороший эмоциональный самоконтроль, способных находить интуитивные решения, действовать спонтанно, самостоятельно, брать на себя ответственность, противостоять давлению социума, общественного мнения, недоброжелательным оценкам и манипулятивному поведению.

У испытуемых с низкой ПН выявлены достоверно более высокие показатели шкалы *общей деструктивности* ($p < 0,05$), отражающие преобладание деструктивных бессознательных программ поведения, искажающих и мешающих развитию и актуализации своей идентичности, а также адаптации к динамично изменяющимся условиям социума.

Характерный для лиц с низким уровнем ПН показатель *дефицитарного внутреннего «Я-ограничения»* ($p < 0,05$) отражает степень базисного недоразвития интрапсихического барьера «Я». Это указывает на недостаточную взвешенность поступков и принимаемых решений, слабость эмоционального контроля, непоследовательность в межличностных отношениях, неспособность к достаточной концентрации усилий, плохую регуляцию телесных процессов, переполненность разрозненными чувствами, образами или мыслями.

Показатель шкалы *дезадаптации по поведенческому типу* ($p < 0,01$) свидетельствует о повышенной склонности лиц с низким уровнем ПН к импульсивным поведенческим реакциям, упрямству, противодействию внешнему давлению, внешне-обвиняющему стеническому типу реагирования (критическим высказываниям, протестам, агрессивности).

Среди лиц с низкой ПН чаще встречаются испытуемые с акцентуациями характера астено-невротического ($p < 0,01$), сензитивного и неустойчивого типов ($p < 0,05$), что также не является противоречивым в связи наличием черт, её (ПН) лимитирующих. Так, главными чертами *астено-невротического типа* являются застенчивость, робость, скромность, повышенная утомляемость, истощаемость, раздражительность, капризность, неуверенность, плохая переносимость напряженных умственных занятий и др. *Сензитивный тип* отличается высокой впечатлительностью, чувствительностью, ранимостью и чувством собственной неполноценности на фоне высоких морально-этических требований к себе и окружающим, страхом всякого рода проверок и экзаменов и т. д. Для *неустойчивого типа* характерны эмоционально-волевая незрелость со слабостью в отношении учебы, работы, долга, исполнения обязанностей, достижения целей, поставленных перед ним родными, старшими, обществом; безынициативность, повышенная внушаемость, импульсивность, подверженность отрицательным влияниям окружающей среды.

1.3. Различие в психодиагностических показателях Методики исследования особенностей мышления (МИОМ) показало, что лицам с высоким уровнем ПН достоверно чаще ($p < 0,05$) присущ более высокий уровень общей эрудиции и здравого смысла (*субтест «Общая осведомленность»*), а также способности анализировать различные понятия и устанавливать между ними логическую связь (*субтест «Аналогии»*).

2. Психодиагностические критерии профессиональной надежности, выявленные на этапе психологического сопровождения профессионального становления будущих офицеров в ведомственном вузе:

2.1. На этапе первоначальной военной подготовки:

2.1.1. Среди показателей *Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс»* достоверно различимыми в плане прогноза высокой ПН ($p < 0,05$) вновь оказался показатель *конструктивного нарциссизма*, указывающий на уверенность в себе, хороший эмоциональный самоконтроль, самостоятельность, умение брать на себя ответственность, а также показатели шкал:

– *креативности* – развитой творческой направленности личности, высокого творческого потенциала, как элемента самоактуализации, богатого выбора творческих возможностей;

– *асертивности* – умения самостоятельно регулировать свое поведение и отвечать за него независимо от оценок и влияния окружающих, ясно артикулировать свои желания и потребности, четко обозначать личные границы;

– *профессионализма* – свидетельствующей об усердии, стремлении к само-совершенствованию, компетентности, преданности своему делу, уверенности в себе и в правильности профессионального выбора, конструктивной субъектно-профессиональной идентичности.

В плане прогноза низкой ПН среди достоверно значимых ($p < 0,05$) вновь оказался показатель шкалы *деструктивной агрессии* и *деструктивного внешнего отграничения*, свидетельствующей о закрытости и жесткости внешней границы «Я», избегании контактов, стремлении эмоционально дистанцироваться от окружающих, скованности, зажатости, нежелании вникать в чужие проблемы; неумении устанавливать контакты, а также шкалы непрофессионализма, означающей деструктивно-дефицитарный тип субъектно-профессиональной идентичности: формализм, тенденцию к неуместным действиям и поступкам, высокую вероятность эмоционального выгорания и профессиональной деформации.

2.1.2. Психодиагностические показатели ценностного опросника Ш. Шварца показали, что для испытуемых с более высоким уровнем ПН характерны ($p < 0,05$) более выраженные ценности традиций (на уровне убеждений и в социальном поведении), означающие уважение и ответственность за культурные обычаи, благочестие, умеренность, следование традициям, а также ценности (в социальном поведении):

– *конформность* – сдерживание действий и побуждений, имеющие негативные социальные последствия и не соответствующие социальным ожиданиям, самодисциплина ($p < 0,05$);

– *доброта* – сохранение и повышение благополучия близких людей, полезность, лояльность, снисходительность, честность, ответственность ($p < 0,05$);

– *универсализм* – понимание, терпимость, защита благополучия всех людей ($p < 0,01$); *стимуляция* – стремление к новизне и глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности;

– *безопасность* – для других людей и себя, гармонии, стабильности общества и взаимоотношений ($p < 0,05$).

В то же время для лиц с низким уровнем ПН оказались более характерными (на уровне убеждений) ценности *самостоятельности*, что в условиях жестко регламентированного уклада военно-учебного заведения может противоречить заведенному порядку, и гедонизма (наслаждение жизнью, чувственное удовольствие), что также несозвучно тяготам и лишениям военной службы ($p < 0,05$).

2.1.3. Обследование с помощью 16-факторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла позволило выявить ряд значимых показателей, отличающих испытуемых с высоким и низким уровнем ПН.

Так, для первых оказались более характерными: *аффектотимия* ($p < 0,01$), означающая сердечность, доброту, общительность, открытость, естественность, непринужденность, добродушие, готовность к содружеству, внимательность к людям, мягкосердечность, умение приспосабливаться; *высокий интеллект*, свидетельствующий о высоких общих умственных способностях, проницательности, умении интеллектуально приспосабливаться; *сила «Я»*, указывающая на эмоциональную устойчивость, выдержанность, работоспособность, реализм, эмоциональную зрелость, постоянство интересов; *сила «Сверх-Я»* – нормативность, сильный характер, добросовестность, настойчивость, уравновешенность, ответственность, упорство, стойкость, решительность, дисциплинированность, собранность, совестливость, чувство долга, соблюдение моральных стандартов и правил ($p < 0,05$).

При этом лицам с низким уровнем ПН были присущи более высокие показатели ($p < 0,05$) по факторам Q1, Q2 и Q4, указывающие на *радикализм* – склонность к экспериментированию, анализу, либерализму, свободомыслию, терпимость к неудобствам, критическую настроенность, хорошую информированность, недоверчивость, интеллектуальные интересы; *самодостаточность* – независимость от группы, находчивость, самостоятельность в принятии решений; *высокая эго-напряженность* – гиперактивность, возбужденность, раздражительность, слабое чувство порядка.

2.1.4. Лица с высоким уровнем ПН также имели более выраженный ($p < 0,001$) *ранг социометрического статуса*, то есть пользовались у сокурсников более высоким авторитетом и доверием.

2.2. Психодиагностические критерии ПН, выявленные на 2-м и 3-м курсе обучения. На данном этапе в силу немногочисленности исследований были выявлены три показателя, достоверно более высокие у лиц с высоким уровнем ПН.

2.2.1. «Деловое лидерство» – показатель положительного вклада в деловую атмосферу в группе ($p < 0,05$) и социометрический «статус авторитета» в курсантской группе ($p < 0,001$) по результатам *группового социометрического обследования*.

2.2.2. Обследование испытуемых на предмет предрасположенности к происшествиям с помощью опросника *отношения к риску* показало, что испытуемые с низким уровнем ПН имели более высокие ранговые показатели предрасположенности к происшествиям ($p < 0,05$), означающие высокую готовность к риску, сопровождаемую низкой мотивацией к избеганию неудач (защитой) и большим числом допускаемых ошибок.

2.3. Психодиагностические критерии ПН, выявленные на 5-м курсе обучения.

2.3.1. Психодиагностическое исследование с помощью рестандартизированной и ревалидизированной мужской версии ПОЛО «Ресурс» (2013) позволило выявить лишь два показателя, достоверно ($p < 0,05$) отличающих лиц с низким уровнем ПН:

1) *деструктивное внутреннее Я-отграничение*, указывающее на выраженную расчетливость, склонность к приоритету лишь формально-деловых отношений с отсутствием спонтанности, гибкости и синтонности; склонность к неуместным действиям и поступкам, травмам, несчастным случаям; формализм, педантичность; эмоциональную сухость, неспособность к глубоким сопереживаниям и теплым партнерским отношениям;

2) *поведенческий тип дезадаптации*, свидетельствующий о склонности к внешне-обвиняющему типу реагирования, нонконформизме, ригидности, застревании на негативных переживаниях; конфликтности, неуживчивости, «трудном» характере в целом.

2.3.2. Психодиагностическое исследование с помощью ценностного опросника Ш. Шварца позволило выявить те же значимые ($p < 0,05$) показатели ценностей, характерных для лиц с высоким уровнем ПН, что и на этапе первоначальной военной подготовки, однако на этот раз на уровне убеждений (нормативных идеалов), а не социального поведения (индивидуальных приоритетов): *конформности, доброты и универсализма*. Это свидетельствует о том, что данные ценности отражают представления испытуемых о том, как нужно поступать, оказывают наибольшее влияние на всю личность и определяют тем самым её жизненные принципы, но не всегда проявляются в реальном социальном поведении, в то время как ценности на уровне индивидуальных приоритетов (социального поведения) более зависимы от внешней среды (группового давления) и соотносятся с конкретными поступками человека.

Так, на данном этапе исследований лица с низким уровнем ПН отличались более выраженными ценностями *гедонизма* (как на уровне убеждений, так и на уровне социального поведения) и дополнительной ценностью *достижения* (на уровне убеждений), означающей личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами, влекущей за собой социальное одобрение. По-видимому, выпускники с низким уровнем ПН к окончанию обучения только начинают осознавать и декларировать данную ценность, не соотнося её с конкретным социальным поведением, в силу чего они не были отмечены экспертами как профессионально надежные.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа из выявленных 52 валидных психодиагностических показателей удалось выделить 21 показатель, имеющий нормальное распределение и линейное возрастание (или убывание) их значений при переходе от первой к четвертой группе ПН. В их числе оказались показатели следующих методик:

1) ПОЛО «Ресурс»: 5 шкал (показателей), 3 из которых (конструктивный нарциссизм, креативность, профессионализм) служат протекторами ПН, и 2 показателя (общая деструктивность и поведенческий тип дезадаптации), её лимитируют.

2) МПДО – астеноневротический тип акцентуации выступил в качестве лимитирующего фактора ПН.

3) Опросник ценностей Ш. Шварца: 5 показателей-предикторов ПН (конформность, доброта, безопасность и универсализм в социальном поведении, а также универсализм на уровне убеждений);

4) 16 ФЛО: 5 показателей, включая 3 протектора (общительность, Сила Я, Сила «Сверх-Я») и 2 лимитирующих (радикализм и самодостаточность);

5) СУПОС-8: 2 показателя-протектора ПН: ощущение силы и энергии (в обычном состоянии) и 2 показателя, лимитирующих ПН: страх и опасения (в обычном состоянии);

6) Социометрия: 2 показателя-протектора ПН: коэффициенты статуса авторитета и статуса доверия;

7) МИОМ: 1 показатель общего интеллектуального развития, служащий протектором (критерием) ПН.

В результате проведенного исследования было установлено, что данные критериальные показатели лучше остальных дифференцируют и прогнозируют профессиональную надежность будущих офицеров войск правопорядка. Их глубина прогноза составила 7 лет.

Заключение

Таким образом, ретроспективный сравнительный анализ данных психодиагностических обследований репрезентативной выборки испытуемых с помощью комплекса психодиагностических методик, используемых для решения задач ППО кандидатов на обучение в ведомственной военно-образовательной организации и психологического сопровождения процесса профессиональной подготовки в ней офицерских кадров, показал, что лишь 52 из более чем 200 шкальных психодиагностических показателей этих методик оказались информативными для прогностической оценки профессиональной надежности будущих офицеров Росгвардии. Из числа этих показателей, статистически достоверно отличающих испытуемых с разными уровнями профессиональной надежности, 21 показатель (58 %) обнаружил линейную зависимость от уровня (группы) профессиональной надежности и 7-летнюю глубину прогноза. В зависимости от психологических характеристик и характера статистических различий полученные показатели служат личностными предикторами (протекторами) профессиональной надежности, либо выступают в роли лимитирующих факторов ее проявления и развития, что делает их ценными психокоррекционными мишенями в системе морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности Росгвардии.

Практическая значимость полученных результатов состоит не только в их практическом применении в целях повышения ПН офицеров Росгвардии, но и в возможности их корректной экстраполяции на лиц начальствующего состава других правоохранительных силовых ведомств, прежде всего – МВД России.

Наиболее целесообразная сфера практического использования полученных результатов – ППО кандидатов, поступающих на службу или обучение в государственные образовательные организации правоохранительных и силовых ведомств, а также система психологического сопровождения служебно-боевой, оперативно-служебной правореализационной деятельности офицерских кадров (лиц начальствующего состава) правоохранительных и правоприменительных силовых структур.

В качестве перспективного продолжения данного исследования авторам представляется целесообразным на основе полученных результатов разработать решающие правила (математические модели и алгоритмы) для автоматизированной экспертной психодиагностической системы прогнозирования и оценки профессиональной психологической надежности офицеров Росгвардии и других субъектов правореализационной деятельности.

Список литературы

1. Федотов А. Ю. Мотивационные факторы профессиональной надежности специалиста силовых структур // Человеческий капитал. – 2019. – № 10 (130). – С. 141–150.
2. Феденко Н. Ф. Очерки по психологии личности советского воина. – Москва: [б. и.], 1966. – 228 с.
3. Талашманова К. А. Диагностика профессиональной надежности субъекта // Инновационная наука. – 2020. – № 5. – С. 177–183.
4. Талашманова К. А. К проблеме понимания профессиональной надежности // Человеческий капитал. – 2020. – № 3 (135). – С. 239–245; <https://doi.org/10.25629/НС.2020.03.28>.
5. Чекунов А. А., Алексеев А. А. Профессиональная надёжность курсантов военных вузов: к постановке проблемы // Мир науки : сетевое издание. – 2018. – Т. 6. – № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN518.pdf>.
6. Цветкова И. И., Сиволап А. В. Формирование модели надежности персонала туристской организации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2017. – № 2 (22). – С. 129–139.
7. Смирнов С. В., Овчар Н. А., Лифанова Е. В., Тодоров А. Н., Дятлов М. Н. Современные методики психологической диагностики специалистов ответственных и опасных профессий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 2. – С. 50–54.

8. *Стрижов Е. Ю.* Моральные и универсальные ценности в системе нравственной надёжности личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – № 1 (79). – С. 84–88.

9. *Мозгунова С. И., Редина Е. А.* Эмоциональное выгорание как фактор, снижающий профессиональную надёжность пожарных // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2018. – № 1 (9). – С. 309–311.

10. *Беребин М. А., Григорьева И. Ю.* Клинико-психодиагностические основания оценки и прогноза риска нарушений психической адаптации и профессиональной надёжности сотрудников правоохранительных органов // Психология. Психофизиология. – 2011. – № 29. – С. 58–68.

11. *Дрягалова Е. А., Степанова А. А.* Диагностика акмеологического потенциала личности и профессиональной надёжности курсантов МВД РФ // Современные проблемы науки и образования : сетевое издание. – 2017. – № 6. – С. 166–174. – URL: <https://science-education.ru/ru/issue/view?id=150>.

12. *Шановал В. А.* Профессиональное психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел: диагностика, прогнозирование, мониторинг : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. – 296 с.

13. *Осадчук О. Л.* Взаимосвязь профессиональной надёжности и профессионализма педагога // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2013. – № 1 (9). – С. 25–31.

14. *Путивцев П. В.* О психологической оценке профессиональной надёжности персонала госслужбы на этапе профессионального роста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2014. – № 3. – С. 95–102.

15. *Abrams H.* Human Reliability and Safety in the Handling of Nuclear Weapons // Science & Global Security. – 1991. – Vol. 2. – No 4. – P. 325–349.

16. *Lata V. F., Coates C.* Implementation and sustainability of the Russian Federation Ministry of Defense nuclear Personnel Reliability Program / INMM 51st Annual Meeting, Baltimore, Maryland, United States of America, Jul 11–16, 2010. – URL: <https://www.ornl.gov/publication/implementation-and-sustainability-russian-federation-ministry-defense-nuclear-personnel>.

17. *Копылова Н. В., Петров Н. Н.* Психологическая надёжность в специфике работы охранно-конвойной службы МВД РФ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2017. – Вып. 4. – С. 12–16.

18. *Копылова Н. В., Петров Н. Н.* Особенности психологической оценки показателей профессиональной надёжности сотрудников охранно-конвойной службы МВД РФ в процессе ее формирования / Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований : материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых и их наставников, 15 мая 2018 г. – Тверь: Тверской государственный университет, 2018. – С. 66–70.

19. *Гринвальд О. В.* Проблема диагностики социально-этической компетентности студентов – будущих юристов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 42–45.

20. *Батурин Н. А., Вучетич Е. В., Костромина С. Н., Кукаркин Б. А.* [и др.] Российский стандарт тестирования персонала (временная версия, созданная для широкого обсуждения в 2015 году). // Организационная психология : электронный журнал. – 2015. – Т. 5. – № 2. – С. 67–138.

References

1. *Fedotov A. Yu.* Motivatsionnyye faktory professional'noy nadezhnosti spetsialista silovyykh struktur // Chelovecheskiy kapital. – 2019. – № 10 (130). – С. 141–150.

2. *Fedenko N. F.* Ocherki po psikhologii lichnosti sovetskogo voina. – Moskva: [b. i.], 1966. – 228 s.

3. *Talashmanova K. A.* Diagnostika professional'noy nadezhnosti sub'yekta // Innovatsionnaya nauka. – 2020. – № 5. – С. 177–183.

4. *Talashmanova K. A.* K probleme ponimaniya professional'noy nadezhnosti // Chelovecheskiy kapital. – 2020. – № 3 (135). – С. 239–245; <https://doi.org/10.25629/HC.2020.03.28>.

5. *Chekunov A. A., Alekseyev A. A.* Professional'naya nadozhnost' kursantov voyennykh vuzov: k postanovke problemy // Mir nauki : setevoye izdaniye. – 2018. – Т. 6. – № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN518.pdf>.

6. *Tsvetkova I. I., Sivolap A. V.* Formirovaniye modeli nadezhnosti personala turistkoy organizatsii // Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve. – 2017. – № 2 (22). – С. 129–139.

7. Smirnov S. V., Ovchar N. A., Lifanova Ye. V., Todorev A. N., Dyatlov M. N. Sovremennyye metodiki psikhologicheskoy diagnostiki spetsialistov otvetstvennykh i opasnykh professiy // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. – 2016. – № 2. – S. 50–54.
8. Strizhov Ye. Yu. Moral'nyye i universal'nyye tsennosti v sisteme npravstvennoy nadozhnosti lichnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2009. – № 1 (79). – S. 84–88.
9. Mozgunova S. I., Redina Ye. A. Emotsional'noye vygoraniye kak faktor, snizhayushchiy professional'nyu nadezhnost' pozharnykh // Sovremennyye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoj oborony i likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy. – 2018. – № 1 (9). – S. 309–311.
10. Berebin M. A., Grigor'yeva I. Yu. Kliniko-psikhodiagnosticheskiye osnovaniya otsenki i prognoza riska narusheniy psikhicheskoy adaptatsii i professional'noy nadezhnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov // Psikhologiya. Psikhofiziologiya. – 2011. – № 29. – S. 58–68.
11. Dryagalova Ye. A., Stepanova A. A. Diagnostika akmeologicheskogo potentsiala lichnosti i professional'noy nadezhnosti kursantov MVD RF // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya : setevoye izdaniye. – 2017. – № 6. – S. 166–174. – URL: <https://science-education.ru/ru/issue/view?id=150>.
12. Shapoval V. A. Professional'noye psikhologicheskoye zdorov'ye sotrudnikov organov vnutrennikh del: diagnostika, prognozirovaniye, monitoring : monografiya. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2015. – 296 s.
13. Osadchuk O. L. Vzaimosvyaz' professional'noy nadezhnosti i professionalizma pedagoga // Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom. – 2013. – № 1 (9). – S. 25–31.
14. Putivtsev P. V. O psikhologicheskoy otsenke professional'noy nadezhnosti personala gossluzhby na etape professional'nogo rosta // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskkiye nauki. – 2014. – № 3. – S. 95–102.
15. Abrams H. Human Reliability and Safety in the Handling of Nuclear Weapons // Science & Global Security. – 1991. – Vol. 2. – No 4. – P. 325–349.
16. Lata V. F., Coates C. Implementation and sustainability of the Russian Federation Ministry of Defense nuclear Personnel Reliability Program / INMM 51st Annual Meeting, Baltimore, Maryland, United States of America, Jul 11–16, 2010. – URL: <https://www.ornl.gov/publication/implementation-and-sustainability-russian-federation-ministry-defense-nuclear-personnel>.
17. Kopylova N. V., Petrov N. N. Psikhologicheskaya nadezhnost' v spetsifike raboty okhranno-konvoynoy sluzhby MVD RF // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. – 2017. – Vyp. 4. – S. 12–16.
18. Kopylova N. V., Petrov N. N. Osobennosti psikhologicheskoy otsenki pokazateley professional'noy nadezhnosti sotrudnikov okhranno-konvoynoy sluzhby MVD RF v protsesse yeye formirovaniya / Psikhologiya, obrazovaniye: aktual'nyye i prioritetnyye napravleniya issledovaniy : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrov, aspirantov, molodykh uchenykh i ikh nastavnikov, 15 maya 2018 g. – Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 2018. – S. 66–70.
19. Grinval'd O. V. Problema diagnostiki sotsial'no-eticheskoy kompetentnosti studentov-budushchikh yuristov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 3. – S. 42–45.
20. Baturin N. A., Vuchetich Ye. V., Kostromina S. N., Kukarkin B. A. [i dr.] Rossiyskiy standart testirovaniya personala (vremennaya versiya, sozdannaya dlya shirokogo obsuzhdeniya v 2015 godu). // Organizatsionnaya psikhologiya : elektronnyy zhurnal. – 2015. – T. 5. – № 2. – S. 67–138.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted August 15, 2023; approved after reviewing April 15, 2024; accepted for publication May 17, 2024.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.